ИВАН САХАРОВ

СКАЗАНИЯ РУССКОГО НАРОДА

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Серия главных книг самых выдающихся русских этнографов и знатоков народного быта, языка и фольклора, заложивших основы отечественного народоведения. Книги отражают главные вехи в развитии русского образа жизни – понятий, обычаев, труда, быта, жилища, одежды – воплощенного в материальных памятниках, искусстве, праве, языке и фольклоре:

Ярослав Мудрый
Нестор Летописец
Владимир Мономах
Русская Правда
Нил Сорский
Иосиф Волоцкий
Иван Грозный
Стоглав
Домострой
Соборное Уложение
Азадовский М. К.
Аничков Е. В.
Антоновский М. И.
Анучин Д. Н.
Афанасьев А. Н.
Барсов Е. В.
Батюшков П. Н.
Безсонов П. А.
Бодянский О. М.
Болотов А. Т.
Будилович А. С.
Бурцев А. Е.
Буслаев Ф. И.
Веселовский А. Н.
Гальковский Н. М.
Гильфердинг А. Ф.
Глинка Г.
Громыко М. М.
Даль В. И.
Державин Н. С.
Драгоманов М. П.
Ермолов А. П.
Ефименко А. Я.
Ефименко П. С.
Забелин И. Е.
Забылин М.
Зеленин Д. К.
Кайсаров А. С.
Калачов Н. В.
Калинский И. П.
Киреевский П. В.
Коринфский А. А.
Костомаров Н. И.
Кулиш П. А.
Ламанский В. И.
Максимов С. В.
Максимович М. А.
Мельников П. И.
Метлинский А. Л.
Миллер В. Ф.
Миллер О. Ф.
Надеждин Н. И.
Пассек В. В.
Потебня А. А.
Пропп В. Я.
Прыжов И. Г.
Риттих А. Ф.
Ровинский Д. А.
Рыбников П. Н.
Садовников Д. Н.
Сахаров И. П.
Снегирев И. М.
Срезневский И. И.
Сумцов Н. Ф.
Терещенко А. В.
Толстой Н. И.
Фаминцын А. С.
Флоринский Т. Д.
Худяков И. А.
Чулков М. Д.
Шангина И. И.
Шейн П. В.
Шергин Б. В.
Якушкин Е. И.
Якушкин П. И.

ИВАН САХАРОВ

СКАЗАНИЯ РУССКОГО НАРОДА

ТОМ II

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2013

ББК 63.5
УДК 39
С 22

Сахаров И. П.

С 22 Сказания русского народа / Составитель и отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — Т. II. — 928 с.

В книге публикуется главный труд выдающегося русского этнографа Ивана Петровича Сахарова (1807–1863) «Сказания русского народа», ставший первым фундаментальным научным трудом по отечественному народоведению. С редким трудолюбием и любовью к народному языку Сахаров обобщил огромное количество фольклорного материала, ставшего авторитетным источником в исследовании русской культуры. Труд Сахарова, по свидетельству современников, произвел необыкновенное впечатление на все образованное общество, вызвав в нем «сильное уважение к русской народности».

Значительная часть этого труда публикуется впервые с середины XIX века.

Публикуется по: Сказания русского народа. Собранные И. Сахаровым. Издание третье. Санкт-Петербург, 1841.

ISBN 978-5-4261-0027-5

© Институт русской цивилизации, 2013

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Все помещенные здесь песни одни собраны были мною в губерниях: Тульской, Калужской, Рязанской, Московской, Орловской и Тверской, а другие доставлены: пошехонские А. И. Кастериным, санкт-петербургские и ярославские И. Т. Яковлевым, тихвинские Парихиным, уральские В. И. Далем.

РУССКИЕ СВЯТКИ

Никогда русская жизнь не является в таком раздолье, как на Святках: в эти дни все русские веселятся. Всматриваясь в святочные обычаи, мы всюду видим, что наши Святки созданы для русских дев. В посиделках, гаданиях, играх, песнях все направлено к одной цели – к сближению суженых; в городах и селениях люди заживают одной семьей – и все для суженых. Именно тогда только и видим, как веселый разгул шевелит русскими сердцами, как родное раздолье представляет наяву наш народный быт. Только в святочные дни юноши и девы сидят запросто, рука об руку; суженые явно гадают при своих суженых, старики весело рассказывают про старину и с молодыми сами молодеют; старушки грустно вспоминают о житье девичьем и с радостью подсказывают девушкам песни и загадки. Наша старая Русь воскресает только на Святках.

Верно, каждый из русских пожелал бы знать: когда начались наши Святки? Тщетное желание в наши дни! Посмотрите только, как наши старые обычаи, не записанные, не объясненные, скрывались вместе с старыми людьми, исчезали вместе с прошлыми годами, и потом посудите сами, как поздно юное поколение вздумало сбирать предания отцов и дедов. Кто после этого, дорожа родными обычаями, осмелится прибегать к ничтожным предположениям, когда нет верного указания, когда нет старого повествования. В наше время уже стыдно приписывать всю необъяснимую старину временам нехристианским русского народа. Зачем думать о небывалом, зачем помышлять, что все данные нашей народности объяснены? Этого нет, и вот почему мы не можем сказать: из какой страны перешли к нам святочные предания? где они приняты и усвоились? где они изменились и

временем и людьми? так ли эти Святки забавляли наших бабушек, как теперь утешают наших дев? Пред нами только люди говорят и поют о былом по памяти; а памятников, объясняющих нашу народность, не существует. Мы, русские, так богаты своею народностью, что ни одно славянское поколение не может сравняться с ними; но так бедны пред ними описательными собраниями, что стыдно и вспоминать. Может быть, со временем и мы соберем заветные были наших отцов и дедов, а теперь:

Благословите, братцы, старину сказать,
Как бы старину стародавнюю,
Как бы в стары годы, прежние,
Во те времена первоначальные.

В старину русские Святки бывали не в те годовые времена, как ныне приходится нам пировать на них. Прежде наши деды праздновали Святки в последних днях десятого месяца; а это бывало тогда, когда они считали свой год с марта. После их жили другие люди с своими обычаями, и тогда дедушки начинали пировать Святки в конце четвертого месяца; а это изменилось тогда, когда они начали считать свой год с сентября. После и этой перемены вышло новое постановление: наши деды стали праздновать Святки в конце двенадцатого месяца; а это совершилось тогда, когда Великий Петр заблагорассудил начинать новый год с января. В этом и заключается вся история русских Святок, и здесь-то конец книжному сказанию. Правда, здесь нет и в помине русских Святок; но они сохраняются в словесных преданиях. Как не велики, как не обширны эти предания, но русские Святки еще обширнее, так что нет ни слов, ни речей пересказать всего.

Правдивая сказка сказывается про Святки московские, тульские, калужские и рязанские.

Под конец Филипповок, когда старики начинали подумывать о закупке скоромного, старушки уже раздумывали прошлогоднюю думу: в чьем-то доме праздновать Святки? Кого-то сзывать на святочные вечера? Каких девушек сбирать погостить к своим дочкам? Эти думы гадались не в своем доме

и не с одной своей головой. На Руси исстари велось посещать во время Филипповок родных и знакомых. Молодые женщины с утра хаживали на весь день к родным с работами, а пожилые приходили за ними уже после вечерен, посоветовать и потолковать со старушками. В этих-то советах матушки более всего хлопотали о своем задумывании и, как опытные, ссорились с молодыми невестками, когда они твердили о своей родне. Очень часто добрый совет оканчивался словами: «Еще далеко до Васильева вечера; успеем после попридумать; не во гневе вашей милости, скажемся тогда»; но это бывало только тогда, когда матушки хотели поставить на своем. После советов начинались пересылки. Нянюшки и бабушки ходили из двора ко двору, улаживали дело миром да согласием.

Дом богатый, зажиточный, где есть невеста, «где живут довольно», всегда выбирался для празднования Святок. Из богатого дома матушка заблаговременно начинала посещать родных, приглашать старых и малых на Святки, всех поименно, по отечеству, с поклонами и просьбами. За ними, на другой день, снаряжались нянюшки «нарядным делом» по домам: «просить такую-то дочку погостить на Святки». Нянюшек с нарядным делом принимали со всею почестью. В то время, как они «по наряду раздавали поклоны» поименно от каждого и объявляли приглашение, хозяйка хлопотала об угощении. За чарою вина нянюшки высказывали: каких приглашают суженых и каких нет побывать на посиделках. В числе званых всегда бывали из суженых *сестрицыны братцы*. Об чужих нянюшки не высказывали при всех и даром. Это только рассказывалось на проводах, когда догадливая хозяйка вводила нянюшку в кладовую и там, за каждую весточку, наделяла узелочками с украинскими привозами. Девушки в это время помышляли о своем: они посматривали и примеривали матушкины наряды, а стороной засылали добрую бабушку разведать о товарке: в чем она придет на Святки и с кем? Все эти пересылки и наряды оканчивались за три дня до *звезды*. Таков был обычай, и делалось ни раньше, ни позже.

Наставал «Великий день». Все православные разговлялись в своих домах, в своей семье. Это бывало очень рано,

и так рано, что старики высыпались до полуден. Едва только старики начинали просыпаться, молодые входили к ним с просьбами: сыновья просились поздравить тестя с тещею, невестки упрашивали поклониться отцу с матерью. Свекровь, отпуская детей, на проводах приказывала невестке поразведать о суженых. За ними вслед являлись, в вечеру, матушкины задушевные гостьи: «бабки-позыватки». Этим гостьям предлагались всевозможные угощения, потому что матушки страшились их зловещего языка. За угощениями и расспросами о чужих домах поручалось им побывать у всех родных и знакомых, попросить поусерднее и поласковее всех гостей к себе в такой-то день. Получивши подарки, бабки-позыватки рано утром начинали обходить дома. После такого почетного приглашения все званые женщины начинали снаряжаться. Для убора девушек приглашались особенно родные и знакомые.

Отцы семейств также не оставались без дела; они заранее приглашали к себе хожалых, людей опытных и сведущих. Женщины в это дело не вмешивались. Сват всегда выходил утром, с палкою в руках, для приглашений. Входя в дом, он молился иконам, кланялся хозяевам и говорил:

«Филимон Спиридонович и Анна Карповна кланяются вам, батюшка, Артамон Трифонович, и вам, матушка, Агафья Нелидовна».

Проговоривши, сват кланялся в пояс, а ему отвечали с поклонами:

«Благодарим покорно Филимона Спиридоновича и Анну Карповну».

Сват снова начинал:

«Приказали де они вас, батюшка, Артамон Трифонович, и вас, матушка, Агафья Нелидовна, покорно просить: на вечер посидеть, на красных девушек посмотреть, хлеба соли откушать, гуся порушить».

На приветные слова свата отвечали:

«Напрасно Филимон Спиридонович и Анна Карповна беспокоятся; мы, то есть люди свои, и без этой чести постараемся побывать».

Сват говорил:

«Приказали де они вам, батюшка, Артамон Трифонович, и вам, матушка, Агафья Нелидовна, вспомянуть: уже так испокон века заведено; не нами началось, не нами и кончится. Не порушайте пира, не вводите в изъян добрых людей. Без вас-то нет у Филимона Спиридоновича пира; без вас-то нет у Анны Карповны девичьего веселья».

«Правда, правда, сватушка! Для пира у Филимона Спиридоновича достанет всего и будут гости», – говорил хозяин.

«Ведь, мы не первые гости у Анны Карповны; и без наших деток составится девичье веселье», – говорила хозяйка.

«Что же прикажете сказать Филимону Спиридоновичу и Анне Карповне?» – говорил сват.

«Кланяйся, сватушка, Филимону Спиридоновичу и Анне Карповне. Побываем, непременно побываем».

Наставал первый святочный вечер. По улицам тянулись поезды; у ворот стояли толпами женщины. Поездами везли девушек в званый дом погостить на Святках. Девушку-невесту провожали: матушка, нянюшка, подруги-девицы, бабушки и знакомы. К поезду присоединялись и посторонние женщины, из любопытства: посмотреть на поезд; на ком какие наряды, как будут принимать гостей в званом доме. Во-первых санях поезжан сиживали: матушка с дочкою, в ногах любимая подруга, какая-нибудь бедная девушка; в других санях накладены были в разных узлах наряды, гостинцы и подарки, сидели провожатые. Чем более был поезд, тем более славы, тем почетнее для званого дома. Впереди поезда шла бабка-позыватка. Гости, подъезжая к воротам званого дома, стучались и дожидали встречи, не выходя из саней. Хозяин с хозяйкою выходили встречать прошеных гостей к воротам. Пока хозяева чрез порог калитки приглашали гостей, провожатые вынимали из саней узелки. По окончании всех приветствий, гости вступали на двор и здоровались друг с другом. В огромных сенях встречала гостей дочка с подругами и нянюшками. Гости входили в покои, молились, кланялись, целовались и никак не хотели садиться. Для гостей не то было время. Почетных гостей приглашали нехотя, и гости не обижались. Таков был обычай.

Во время этих споров нянюшки сдавали на руки наряды, бабушки раздавали детям гостинцы, а матушки обделяли сенных девок подарками. Матушка, оставляя дочку в званом доме, со слезами просила «приять свою ненаглядную дитятку, утешать и миловать». Уверения хозяйки дома «не осрамить себя, удоволим детище, не бросим себя в грязь» сопровождали приезжих до ворот. Таковы были встречи для всех девушек.

Званые девушки тотчас дружились. В старину девушки иначе не называли друг дружку как *подруженьками*, а хозяева и вся *домашняя челядь красными девушками*. С первого вечера подруженьки придумывали разные затеи: что делать на Святках? Чему быть днем, чему вечером? Новых гостей угощали всеми возможными яствами, вареными и печеными; укладывали спать на пуховых перинах, посреди комнаты, на полу, с разными гаданиями.

С ранней зари все православные поднимались; у всех был в голове Васильев вечер. В званом доме суетились всю ночь.

Матушки снаряжали посылки к соседям узнать: к кому приезжали вчера поезды? Сколько было саней? Сколько было людей? В чем были наряжены? Как много вынимали из саней узелков? Как встречали поезд? Кого дарили поезжане? Все эти расспросы были необходимы, потому что из них заключалось уважение ко званому дому.

Бабушки ссорились со всеми; нянюшки готовили *взварец*; вся дворня, еще до света, упивалась зеленым вином и, не видя Божьего дня, ходила ощупью.

В других домах матушки насыпали кулечки с гостинцами и снаряжали нянюшек проведывать дочек. Одни только девицы спали до обеден.

Хозяйка с нетерпением ожидала обеден, чтоб поднять своих гостей. Едва только послышался колокольный звон, она уже из двери приговаривала:

«Пора, пора, красные девицы вставать! Ваши суженые давным-давно встали; три овина обмолотили; на двух базарах побывали; трех свиней продали; на вороных конях проезжали; своих суженых искали. Что снилось? Что во сне виделось?»

С последним словом, растворяя двери, входила она с бабушками к красным девицам разгадывать сны. В числе этих бабушек всегда находились: свахи, подосланные от суженых, бабки-позыватки, подговоренные с вечера матушками замечать за свахами и разгадывать сны, когда откроются недоброжелатели. Хозяева не могли отказывать свахам и бабкам-позываткам: это значило бы нарушать старые обычаи и ссориться со всем городом. Девичьи сны и отгадывания бабушек повторяются от слова до слова на всех Святках. Вот девичий сон.

«Послушай, Ивановна, мой сон», – начинала прежде всех рассказывать богатая девушка.

«Ну, ну, говори, моя ягодка малиновая, Аграфена Федосеевна».

«Вот видишь, Ивановна. Только что я вздремнула и уже вижу: взошел месяц, да где же? У батюшки в терему. Золоты рога глядят во зелен сад, а в зеленом саду цветут цветы алые, растут яблоки наливные, поют птички малиновки. Как увидела все это, да так испугалась, что завернулась в подушку».

«Эка ты, подруженька! Ты бы зачуралась», – говорили девушки.

«Страшно было, девушки! Хочу сказать, язык не воротится; хочу привстать, ноги подкатываются. Слышу, кто-то душит меня подушкою. Встаю. Что же вижу? По саду гуляет Жар-птица. Я в сад иду, она навстречу мне; я от ней бегу, она за мной летит, я к батюшке во терем, она за мной. Вхожу в покои, а Жар-птица взлетела на месяце, села на золотом роге, и манит меня к себе. Не помню, как я поднялась к месяцу, как села рядом с Жар-птицею».

«Что же дальше?» – спрашивала бабушка.

«Ничего больше не помню, Ивановна».

«Ты не хватала ли рукой за голову?»

«Не знаю».

«Мы все видели, Ивановна, как Аграфена Федосеевна положила руку под голову и заснула крепко».

«То-то и есть, красные девицы; сами виноваты, что ваши сны забываются».

«Скажи нам лучше, Ивановна, что значит сон Аграфены Федосеевны?»

«Да какой же хороший сон, красные девицы. Слушайте только! Светел-то месяц, то батюшка родимый, Федосей Иванович; что золоты-то рога у месяца, то детки у Федосья Ивановича, Аграфена Федосеевна да Иван Федосеевич; что зеленой-то сад, то чужой двор; что в зеленом-то саду цветут цветки алые, то молодые молодушки, почтенные невестушки; что яблочки-то наливные, то молодые деверьюшки; что поют-то птички малиновки, то красные девушки; что Жар-птица-то во зеленом саду, то суженый у себя во двору; что Жар-птица-то у Федосья Ивановича во терему, то у него зять во пиру; что Жар-птица сидит на золотом рогу, что Аграфена Федосеевна на другом, то быть замужем. Право так!»

«А как скоро, Ивановна, сбудется сон?»

«Ах, родимые мои голубушки! Ведь сон-то не доснился. Вестимо, скоро, так скоро, что не увидишь, как и Святки пройдут; не заметишь, как свахи придут; не подметишь, как росписи укрепят; не учуешь, как рукобитье пробьют и за дубовый стол посадят; не взвидишь, как под венец поставит, а только опомнишься, как во княжем пиру возвеличат. Вот как скоро!»

«Уж ты всегда так, Ивановна, говоришь. Мой сон совсем не то означает. Я тебе не верю».

«Ох, ты, Аграфена Федосеевна, ведь, ты у нас с весны заневестилась; ведь суженые-то давно уж заглядывали росписи».

«Что ты, что ты, Ивановна?» – шептала хозяйка бабушке. «Не пускай в огласку дело Федосья Ивановича. Может быть, что и разладится».

«Уж что знаю, так знаю; а притаманного никому не открою. У нас свадьба…

Соболем Аграфенушка все леса прошла,
Крыла леса, крыла леса черным бархатом,
В путь катила, в путь катила золотым кольцом».

«Будет, будет петь, Ивановна. Девушкам пора вставать; уж взварец простыл».

Девушки вставали, одевались и пили взварец. Бабка-позыватка отправлялась из званого дома просить: матушек посмотреть на забавушки ненаглядных дочек; батюшек посидеть на вечеринки; тетушек, бабушек, кумушек, нянюшек и всю домашнюю челядь в гостях побывать. За чарою вина бабка высказывала: какие суженые приглашены; а сама спрашивала: с кем они намерены побывать на посиделках. За всякое известие награждали их деньгами, платками, гостинцами. Вслед за бабкой-позываткой отправлялись в званый дом нянюшки с гостинцами, с наставлениями: «Так ли одета их дочка, весело ли ей, не скучает ли она, не надобно ли ей чего». По секрету поручалось ей сказать, «с каким суженым она должна быть приветливее», тайно от всех разведать, «какие суженые их проведывали».

Нянюшек всегда принимали ласково. Сначала хозяйка гневалась, «зачем приносят гостинцы». Нянюшка уговаривала принять гостинцы и лакомить девушек. Хозяйка доказывала, что в ее доме весело гостям и всего вдоволь. Споры оканчивались принятием кулечка и угощением нянюшки. Девушки окружали посланницу, спрашивали о родных и знакомых. Нянюшка рассказывала «о тоске матушкиной, грусти батюшкиной, скуке братцовой». Бывало не редко, что девушки плакали от этих рассказов, и тогда только «развеселивались», когда подруженьки начинали утешать. Заботливые нянюшки, исполняя в точности поручение матушек, увеселяли девиц прибаутками, загадками, гаданьями. При нянюшках хозяйка являлась с завтраком. Все яства подавались на оловянных блюдах. Девушки только отведывали; они много не едали: зоркие глаза нянюшек разнесли бы злые вести по городу. За сытными блюдами начинались совещания, «какие бы сыграть игры». Девушки-причудницы спорили, ссорились и от досады прекращали завтрак. Нянюшки подслушивали и передавали вести матушкам с разными дополнениями, догадками соседей, с своими намеками. В старину часто бывало, что мать обиженной девушки приезжала нечаянно в званый дом, брала с собою дочь, приговаривая, «будто бы по ней встосковался отец, а она сама видела дурные сны». Догадливые люди понимали и судили по-своему.

Если завтрак оканчивался мирно, нянюшки прощались с девицами. На проводах нянюшка уводила «хоженую» в уголок расспросить кой о чем. Девицы провожали нянюшек «с наказами»: «кланяться батюшке и матушке, всем родным и домашним»; хозяйка приказывала: «просить родителей наведать дочек, побывать на вечер». Нянюшек провожали до ворот всею семьею.

Крепкими запорами затворялись ворота; ни одно постороннее лицо не впускалось на двор; в это время красные девицы катались с гор, бросали снежками друг в дружку. Эти утехи недолго продолжались: холод загонял девиц в комнаты.

Старшая нянюшка предлагала девушка святочные игры; но девицы не решались на игры; каждая поджидала братца. Это была роковая минута для них. Каждая девушка предполагала в чужом братце суженого, вспоминала матушкины наставления. Когда братцы приходили проведывать сестриц, тогда начинались игры. В числе самых важных игр почитались: «Сижу-посижу», потому что в этой игре часто приходилось девушкам сидеть на коленях братцевых, «Коза и слепой козел».

С окончанием игр братцы прощались с сестрицами и уходили. Девушки одни начинали загадывать загадки, продолжая их разгадывать до самого вечера. Наши народные загадки высказывались только в одно это время. Между загадками старушки рассказывали сказочки, были о старом житье-бытье. Важность этих рассказов превосходит всякое вероятие. Надобно быть русским, надобно дорожить всеми обычаями, чтобы оценить их достоинство. Рассказы чужеземцев о нашей старине до невероятности жалки и ничтожны пред русскими воспоминаниями. Кто раз был внимательным очевидцем Святок, тот никогда не поверит чужеземным описаниям; он уверен, что только на Святках может встретиться лицом к лицу с забытою, старою русскою жизнью: в это время она воскресает со всеми ее прелестями и причудами, со всеми восторгами и верованиями. Народная память, сохраняя заветные были, олицетворяла их в преданиях. Вот почему наши загадки и пословицы, не быв вписаны в сказаниях, не гибли, как сгнили памятники времен минувших – летописи…

В сумерки начинали съезжаться званые гости. Хозяин встречал у ворот гостей, хозяйка дожидалась у крыльца, девицы выбегали в сени. После длинных приветствий, всех возможных пожеланий, упреков за спесивость, хозяева сажали гостей по местам. В размещении гостей соблюдался строгий выбор: в ком прочили добро, того сажали выше; в ком мало нуждались, того отводили в сторону. Богатые старики всегда занимали первые места по правую сторону; часто рядом саживали с ними пожилых женщин. В богатом доме всегда бывали женщины здоровые, плотные, дородные; гостья с такими преимуществами была красою пира; для ней хозяева отводили почетное место с низкими поклонами. Молодые женщины сиживали по левую сторону, сохраняя глубокое молчание; им дозволялось только заниматься «переборочкою», т. е. положить руки на колени, сложить пальцы с пальцами и вертеть одним большим пальцем около другого. Женщина в таком положении почиталась самою степенною; свекрови и матери взирали на нее с улыбкою; мужья и братья гордились такою важностью; посторонние перешептывались от зависти. Молодые люди, особенно суженые, сидели в уголках на одной стороне с мужчинами. Девиц усаживали чинным порядком, пониже молодушек; им дозволялось перешептываться между собою (вслух нельзя им было ничего говорить), по временам выходить за гостинцами в другие комнаты, откуда выглядывали нянюшки. Гости могли только изредка смотреть на девиц, но вмешиваться в девичьи разговоры никто не дерзал.

Гости приезжали «в тяжких нарядах», в праздничных уборах. Русские наряды отличались всегда своею постоянностью и вековою прочностью. Платье, сшитое отцом, доставалось на жизнь сына и внучат. Мужчины не разбирали, ловко ли сидит кафтан на талии, коротки или длинны рукава: платье всегда шивалось длинное и широкое; с такими угодьями оно бывало всем впору. Эта прочность характеризовала семейство и, при богатом состоянии, почиталась родовым достоинством. Большая бобровая шапка, соболья или лисья шуба, кафтан с медными или серебряными пуговицами, со шнурами, нашитыми

на спине, шелковая персидская или кумачная подпояска – составляли наряд праздничный, наряд богатого гостя. Женские наряды сохраняли еще более постоянства и характеризовали не только женщин, но даже целые города. По кокошнику или сборнику можно было узнать, из какого кто города. Таковы были кокошники калужские, белевские, остажские, торжковские, московские; сборники тульские, московские, орловские, мценские, ярославские. Кокошники и сборники делывались из шелковых материй ярких цветов или из красного и малинового бархата, с позументами по краям, с жемчужными узорами. Серьги и шейные уборы, составляя важную часть приданого, считались вековечными; шейные уборы состояли из жемчужных ниток, повязок, веревочек и пузырей. Нитки нанизывались из бурмитского жемчуга, веревочки и пузыри из самого мелкого жемчуга, повязки вынизывались жемчугом в виде широкой тесемки. Этою работою занимались девушки-невесты постами, когда сбирались родные и знакомые женщины «посидеть на день». Кроме того, на руки надевались жемчужные нарукавники. Сарафаны парчовые, епанчи штофные с собольею опушкою, белые кисейные накрахмаленные рукава длиною в три аршина, серебряная цепочка на шее, косынка, белая кисейная фата на кокошнике, кастровые чулки, башмаки с большими каблуками или черевички – украшали замужних богатых женщин, являвшихся на обеды и вечеринки. Уборы красных девиц состояли из душегрейки, сарафана, косынки, алой ленты для русой косы; но все наряды были ничтожны, если девушка имела большую русую косу; этому сокровищу не полагалось цены.

Еще до приезда гостей ставили посреди комнаты, всегда ближе к переднему углу, стол с закусками из всякой всячины. На оловянных тарелках были насыпаны: орехи – простые, каленые, сибирские, грецкие, волошкие; жамки – груздики, кругляки, угольнички, сердечки, горошки, прянички; пряники – вяземские, белевские, тульские, папушники; яблоки – свежие, разных сортов, свинцовки, боровники, грушовки, опортовые, духовые, наливные, арапки, скрижапель, плодовидки, зимовки, яблоки – моченые, сушеные, украинские, пареные с кваском; изюм – круп-

ный и мелкий; коринка; винные ягоды; чернослив – украинский и заморский; груши – моченые, свежие, сухие; дули, калужские бергамоты; сушеные вишни – владимирская, родителевка, василевка, бель и украинская; варенья – смородинные, крыжовничные, вишневые, малинные (сахарные и медовые); сливы – зюзинские и моченые; костеника моченая кисточками; брусника моченая; калина с медом упаренная; шептала; пастилы коломенские клюквенная и яблочная; клюква моченая. В богатых домах все эти гостинцы заготовлялись впрок, на целый год.

Угощение гостей начиналось тотчас после их приезда. Хозяин на деревянных подносах, в серебряных кубках выносил наливки – смородинные, яблочные, малиновки, рябиновки; меды – белые, клюквенные; пиво – бархатное, душистое; брагу мартовскую. Каждого гостя хозяин провозглашал по имени с прошением *откушать*, а хозяйка, стоя сзади его, кланялась в пояс. *Ломливый* гость не брал напитка из рук хозяина: он требовал с настойчивостью, чтобы его угощала хозяйка. Муж передавал жене своей поднос. Гость, принимая кубок, говорил тысячи пожеланий каждому в семействе, и выпивал для важности с расстановкою. Такому гостю дозволялось поцеловать хозяйку. Почетное угощение напитками доставалось только на долю стариков и старушек. Вслед за напитками хозяйка обносила гостей закусками, и всегда с жалобами, что чинные гости мало берут. Молодым женщинам не поднашивали вина; они часто сами выходили в другие комнаты *выпить кваску*. Там хозяйка угощала их из темного стакана, наполненного вишневкою или годовалым крепким медом. Девиц не угощали: они имели в узелках матушкины гостинцы. Суженые всегда считались *непитущими.*

После бесчисленных угощений являлись шуты потешить гостей. Наряженные в разное платье, они начинали плясать, рассказывать прибаутки, песенки, сказочки, часто намекая на характеры гостей и слабости матушек в отыскании суженых. Натешивши гостей, хозяева отпускали их с гостинцами и подарками. За ними вслед, с дозволения хозяев и почетных гостей, вхаживали наряженные. В числе этих наряженных всегда бывали суженые из особ посторонних, не приглашенных на вечерин-

ки. Самые забавные уборы наряженных бывали: медведь, коза, слепые лазари, бойцы. Вместо масок натирали лицо сажею, подрумянивались кирпичом. На голову надевалась безобразная шапка. Козу и медведя одевали в овчинные тулупы навыворот. Слепые лазари являлись в оборванных кафтанах, с палкою в руках. Вместо горбов подкладывали под кафтаны подушки. Гости упрашивали наряженных повеселиться, и наряженные исполняли просьбу гостей. Коза с медведем плясала, лазари пели стихеры, бойцы бились и боролись, старухи караулили на огороде горох и ловили воров. В числе воров всегда бывали суженые гости. Если они имели врагов, то эти враги, в одежде старухи, проговаривали разные упреки под видом сказки. Обижаться никто не смел, если только не величали в сказке поименно гостей. Нескромных наряженных тотчас удаляли. Нередко случалось, что близкие родственники званого дома бывали в числе наряженных, и если их узнавали, то они тотчас переменяли свой убор. Хозяин всегда обязан был угощать наряженных напитками. Непитущих гостей считали за важных людей и провожали с честью. Когда же они прикушивали наливки, тогда дворовые, при уходе, обязаны качать их: таков был обычай.

После всех увеселений вносили стол и ставили посреди комнаты. Старики, старушки вставали и давали простор молодушкам и суженым обоего пола. Являлась почетная сваха с скатертью и накрывала стол. Старшая нянюшка приносила блюдо с водою и ставила на стол. Красные девицы, молодушки, старушки, суженые снимали с себя кольца, перстни, серьги и клали на стол, загадывая над ними «свою судьбу». Хозяйка приносила *скатерть-столечник*, а сваха накрывала ею блюдо. Гости усаживались. В средине садилась сваха прямо против блюда. Нянюшки клали на столечник маленькие кусочки хлеба, соль и три уголька. Сваха запевала первую песню: «..хлебу да соли». Все сидящие гости пели под ее голос. С окончанием первой песни сваха поднимала столечник и опускала в блюдо хлеб, соль, угольки, а гости клали туда же свои вещи. Блюда снова накрывалось. За этим начинали петь святочные подблюдные песни. Во время пения сваха разводила в блюде, а с

окончанием песни трясла блюдом. Каждая песня имела свое значение; но все эти значения были не везде одинаковы. Так во многих местах одно и то же значение прилагалось к разным песням, смотря по местному обычаю. Эти значения: *к скорому замужеству; к свиданию; замужество с ровнею; замужество с чиновным; к сватанию; к бедности; к сытой жизни; к свадьбе; к богатству; исполнение желания; веселая жизнь; девушкам к замужеству; молодцам к женитьбе; счастливая доля; дорога; замужество с милым; прибыль; замужество во двор; несчастье; к смерти; к болезни; к радости*. По окончании каждой песни пелся особенный припев:

Да кому мы спели, тому добро.
Слава!
Кому вынется, тому сбудется.
Слава!
Скоро сбудется, не минуется.
Слава!

Последнему кольцу теперь в околомосковских губерниях не поют подблюдной песни: ему обрекают горькую участь. Напротив того поступают в Сибири и Заволжских местах. Там последнему кольцу поют свадебную песню, а после его уже катают по полу, смотря, в какую сторону оно покатится: если девушке покатится кольцо к дверям, то к замужеству, мужчине к дороге.

В селениях Яренского уезда Вологодской губернии совершенно напротив совершаются подблюдные игры. Там приносят в покои пустое блюдо, без воды, и ставят его на стол; также приносят хлеб, уголь и золу, завязывают их в платки и опускают в блюдо. После этого каждый из посетителей делает из платков, ширинок, полотенец разные фигуры: лошадей, коров, ребят, птиц, зверков, и это все опускают в блюдо. Игроки становятся кругом стола и поют первую песню: «Царь-Слава!» Во время пения игроки поднимают вверх руки, а при конце каждого стиха притопывают ногою. В это время почетный гость садится на высокую скамью, и когда пропоют первую песню,

то игроки поднимают его со скамьи и начинают *качать*. Качание кончилось. Игроки подбегают к столу и с проворством вынимают из блюда, кто что успеет. После этого складывают вещи кучками по углам. Игроки завязывают глаза, и потом ходят попарно, мужчина с женщиною, кругом стола, и поют сначала святочные песни, далее хороводные. Во время пения игроки стараются схватить вещи со стола. По окончании игры развязывают глаза и смотрят, кому что досталось. По этой вещи начинают разгадывать.

По окончании святочных подблюдных песен начинали *хоронить золото*. Оставшиеся кольцо от подблюдных песен одна из девушек брала в руку и ходила около девушек, которые сидели, сложив руки на коленях. Пока пели первые четыре стиха, она потихоньку клала кольцо в чьи-нибудь руки, а девушки передавали его одна другой. Песня кончилась. Кто хоронил золото, тот должен отгадать, у кого оно. Если отгадает, то оканчивалась игра; если же нет, то опять начинали хоронить золото.

Не имея ни положительных, ни отрицательных сведений о происхождении русских Святок, мы и не доискиваемся этого; но наши подблюдные игры с песнями зашли к нам из Греции. Там известна была игра и песня под именем: клидона. Гречанки употребляли эту игру тогда, когда желали узнать будущее счастье или несчастье в женитьбе, любовь. Собираясь вместе, они клали в сосуд, наполненный водою, кольца, перстни, монеты и потом вынимали их при пении песен. Пропетая песня решала участь гречанки по ее вещи. Греки не употребляли припева «слава!»; это только существует у русских.

После всех утешений гости начинали чинно *подниматься домой*. Хозяева обязаны были *упрашивать гостей* посидеть. Проводы и прощания продолжались по часу и более, до ворот.

Девушки после гостей начинали *кликать суженого* и ворожить разными способами, под руководством опытных нянюшек. Глубокая полночь прекращала все святочные увеселения.

После первой вечеринки знакомые и родные сговаривались *попировать в своем кружку*. Здесь мужчины вступали в свои права и распоряжались по-своему. В один вечер назна-

чалось для пирушек несколько домов. Вечернею порою запрягались сани, и молодые, муж с женою, переряженные, с закрытыми лицами, отправлялись пировать. Скрытных гостей с радостью принимали, ласково угощали, а между тем старались стороною узнавать о них. Если долго не спознавали гостей, то начиналось качание; гостя подхватывали на руки и бросали вверх, пока он покается. Гости открыты – и снова пирушка. Потом отправлялись *пировать целым поездом* в другие дома, и праздновали до заутрень.

В городах и селах святочные ночи посвящены были разъездам и пирушкам для поддержания родства, приискания невест и суженых. Посадские люди никогда не осмеливались кататься утром, как бояре, ездившие в огромных санях большим семейством до обеда по улицам.

Люди бедные, не имевшие богатых родных, никогда не призываемые на вечеринки в число почетных гостей, забавлялись на улицах *кружками*. Наряженные во всевозможные карикатурные виды, они забавляли сами себя. Отважные, предводимые каким-нибудь скрытным суженым, осмеливались входить в званые домы как *потешники*. Только одни бедные девицы не лишали себя святочных наслаждений: подблюдных песен, гаданий и загадок.

В городах – Крестцах, Тихвине и Новгороде святочные потешники называются *окрутниками*, наряженными. Там с вечера 28 декабря все сословия, под видом окрученных, ходят и ездят толпами по Новгороду, отыскивая *свечу*. Свеча, поставленная на окно, показывала приглашение; та же свеча, снятая с окна, служила для них отказом. Вообще, где живут суженые, всегда уже ставится свеча; иначе позор падает на дом, на все семейство. Обыкновенные наряды окрученных: кафтан, сшитый из рогожи, на котором вместо пуговиц висят валдайские баранки; казакин, составленный из разных цветных лоскутов сукна и холстины; полотенце, повязанное чрез плечо с висячим косарем; красный кушак с деревянным охотничьим ножом. В числе окрутников бывали особенные люди: *рольники*, рассказывающие *гистории*, сказки, поющие песни.

Русские Святки в Торопце, уездном городе Псковской губернии, сохранили особенное название: *Субботки*. Сходствуя в названии со Святками богемскими, галицийскими, карпаторусскими, они отличаются обрядовыми положениями. Торопецкими Субботками распоряжаются честные вдовушки, известные своим незазорным поведением. В средине комнаты вдовушка вешает бумажный цветной фонарь, украшенный лентами. В этом фонаре горят сборные свечи. В старину заранее девушки приносили к вдове свои свечки, с особенными заметками. Чья свеча долее прогорит, та девушка более всех проживет. Если свеча горит ровно, не плывет, то девушка будет иметь покойную жизнь; если чья свеча плывет, то замужняя жизнь будет беспокойная, несчастная. Для девушек устраивались скамейки уступами, от пола до потолка, в виде полукруга; а по другим сторонам ставились скамейки для мужчин.

Пред вечером девушки-торопчанки сбираются ко вдовушке на Субботки в пышных старинных нарядах. Пока производятся сборы, усаживания, ворота запираются накрепко: ни один мужчина не впускается. Когда оканчиваются все распоряжения, девушки поют песни. В это время отпираются вороты, и начинают входить холостые мужчины. Величальными песнями девушки встречают гостей. За величание каждый дарит щедро девушке. Величальные сборы отдаются девушками в пользу вдовушке за ее хлопоты и уборы. Женатые мужчины и замужние женщины прежде не имели права присутствовать на Субботках: им дозволялось только смотреть из другой комнаты или с улицы в окошки; но ныне это постановление изменяется. Субботки для торопчанок приносят неисчислимые выгоды. Здесь невесты высматривают себе женихов, а женихи выбирают невест.

Таковы были на Руси святочные увеселения православных людей, наших отцов и дедов. Самый важный вечер был *Васильев*; он составлял украшение русских Святок; для него делались все приготовления и почетные и семейные вечеринки; в этот только вечер все гадания почитались важными и сбыточными.

Русские святки оканчиваются в Заокских губерниях вечером четвертого января. В этот вечер матушки приезжали нарядным делом в званый дом и после гаданий увозили с собою дочек.

То старина, то и деянье…

Русские святочные песни, называемые *подблюдными*, *игральными*, по их приноровлению к игре, и обрядными, без всякого сомнения, принадлежат временам отдаленным, для определения которых нет доказательств. Как создание народное, песни носят на себе особенный отпечаток-напев, отличающийся от всех других *мерною расчетливостью в тонах.*

Русские святочные песни бывают *анапестические, даклилохореические, с окончанием трибрахическим, хореическим, дактилическим, ямбическим или состоят из анапестопиррихиев. Размер стихов бывает двухстопный, трехстопный, четырехстопный*. Вот примеры:

Щука шла́ | из Нова́ | города.
Она хво́ст | волокла́ | из Бела-озера.
Как на щу́ | ке чешу́й | ка сере́бряная.

Здесь трехстопный анапестический стих имеет трибрахическое окончание.

Растворю́ | я квашо́н | ку на до́нышке.

Здесь тот же трехстопный анапестический стих имеет дактилическое окончание.

Ах ты се́й, | мати, мучи́ | цу, пеки́ | пироги́;
К тебе бу́ | ду́т го сти неча́ | янные́:
К тебе бу́ | дут в лапт я́х | ко мне в сапога́х,

Здесь четырехстопный анапестический имеет ямбическое окончание.

И я зо́лото | хороню́, | хороню́,
Чисто се́ребро | хороню́, | хороню́.

Эти трехстопные стихи состоят из анапестопиррихии и 2 анапестов.

Жемчу́жина | ока́тная,
До чего́ тебе | докати́тися?

Здесь 1 стих состоит из 2 пеонов, а 2 есть анапестопиррихический; но по новейшему стихосложению эти же стихи составляют чистые ямбические трехстопные дактилического окончания.

Русские святочные песни были собраны мною в разных местах. Песни подблюдные, означенные № 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 21, 24, 25, 30 – напечатаны со слов тульских песельников; песни № 5, 11, 18, 27 – сообщены мне из Казани; песни № 6, 10, 12, 20, 22, 23, 26, 28, 29 – напечатаны со слов московских песельников; песни № 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37 доставлены мне из Рязанской губернии. Песни игорные напечатаны со слов тульских песельников. Что же касается до разноречий одной и той же песни, то они все означены в примечаниях.

Варианты святочных песен, представленные для открытия всех злоупотреблений, допущенных издателями песенников, указывают на постепенные изменения нашей народности. Уверен твердо, что любители наших песен обратят на это внимание и постараются уничтожить все своеволия издателей песенников. Иначе разрушение может довести наши песни до совершенного уничтожения.

Приобретение песенников других славянских поколений сопряжено с невероятным затруднением; к нам доходят только книги французские, немецкие, английские, а из славянских едва одна из тысячи, и то завозится по случаю. Теперь для сравнения святочных песен я представляю только: малорусские и словакские. Святочных песен нет в песенниках Шаффарика, Караджича, Вацлава Олешки и Войцийского.

ПЕСНИ ПОДБЛЮДНЫЕ

1.

Слава Богу на небе,
Слава!
Государю нашему на сей земле!
Слава!
Чтобы нашему Государю не стареться,
Слава!
Его цветному платью не изнашиваться,
Слава!
Его добрым копям не изъезживаться,
Слава!
Его верным слугам не изменяваться.
Слава!
Чтобы правда была на Руси
Слава!
Краше солнца светла;
Слава!
Чтобы Царева золота казна
Слава!
Была век полным-полна;
Слава!
Чтобы большим-то рекам
Слава!
Слава неслась до моря,
Слава!
Малым речкам до мельницы.
Слава!
А эту песню мы хлебу поем,
Слава!
Хлебу поем, хлебу честь воздаем.
Слава!
Старым людям на потешение,
Слава!

Добрым людям на услышание[1].
Слава!

2.

Катилось зерно по бархату,
Слава!
Еще ли то зерно бурмитское,
Слава!
Прикатилося зерно ко яхонту,
Слава!
Крупен жемчуг со яхонтом,
Слава!
Хорош жених со невестою[2].
Слава!

3.

Идет кузнец из кузницы,
Слава!
Шубенка на нем худехонька;
Слава!
Одна пола во сто рублей,
Слава!
Другая пола в тысячу,
Слава!
А всей-то шубенке цены нет.
Слава!
Цена ей у Царя в казне,
Слава!
У Царя в казне, в золотом ларце.
Слава!

4.

Идет кузнец из кузницы,
Слава!

Несет кузнец три молота.
Слава!
Кузнец, кузнец, ты скуй мне венец,
Слава!
Ты скуй мне венец и золот и нов,
Слава!
Из остаточков золот перстень,
Слава!
Из обрезочков булавочку.
Слава!
Мне в том венце венчатися,
Слава!
Мне тем перстнем обручатися,
Слава!
Мне тою булавкою убрус притыкать[3].
Слава!

5.

Еще ходит Иван по погребу,
Слава!
Еще ищет Иван неполного,
Слава!
Что неполного, непокрытого,
Слава!
Еще хочет Иван дополнити
Слава!
Свою братину зеленым вином[4].
Слава!

6.

Летит сокол из улицы,
Слава!
Голубушка из другой,
Слава!
Слеталися, целовалися,
Слава!

Сизыми крыльями обнимался.
Слава!
Уж и им добрые люди дивовалися,
Слава!
Как сокол с голубушкой уживалися[5].
Слава!

7.

Скачет груздочек по ельничку,
Слава!
Ищет груздочек беляночку;
Слава!
Не груздочек скачет, а боярский сын,
Слава!
Не беляночку ищет, а боярышню[6].
Слава!

8.

Уж, как вышло пузище на репище,
Слава!
Вынесло пузище осмину вшей,
Слава!
Осмину вшей, пол-осмины блох.
Слава!

9.

Растворю я квашонку на донышке,
Слава!
Я покрою квашонку черным соболем,
Слава!
Опояшу квашонку ясным золотом;
Слава!
Я поставлю квашонку на столбичек.
Слава!

Ты взойди, моя квашонка, с краями ровна,
Слава!
С краями ровна и со всем полна.
Слава!

10.

У Спаса в Чигасах за Яузою,
Слава!
Живут мужики богатые,
Слава!
Гребут золото лопатами,
Слава!
Чисто серебро лукошками.
Слава!

11.

Я брошу подушку через ворота,
Слава!
Ты пади, моя подушка, через ворота,
Слава!
Что через ворота, во высок терем,
Слава!
Из высока терема на тесовую кровать.
Слава!
Да кому на той подушке спать, почивать?
Слава!
Спать отроку с отрочицею,
Слава!
Еще молодцу с девицею.
Слава.

12.

Золота парча развивается,
Слава!

Кто-то в путь в дорогу сбирается.
Слава!

13.

Расцвели на небе две радуги,
Слава!
У красной девицы две радости:
Слава!
Со милым другом совет
Слава!
И растворен подклеть.
Слава!

14.

Щука шла из Новагорода,
Слава!
Она хвост волокла из Бела-озера,
Слава!
Как на щуке чешуйка серебряная,
Слава!
Что серебряная, позолоченная;
Слава!
Как у щуки спина жемчугом сплетена,
Слава!
Как головка у щуки унизанная,
Слава!
А на место глаз дорогой алмаз.
Слава!

15.

На корыте сижу,
Слава!
Я корысти гляжу,

Слава!
Я еще посижу,
Слава!
Я еще погляжу;
Слава!
Я глядь-поглядь,
Слава!
И корысть пришла на двор,
Слава!
И корысть на двор, женихи за стол.
Слава!

16.

Чарочка поплывушечка,
Слава!
До чего тебе доплывати?
Слава!
Пора тебе вон выплывать,
Слава!
Князьям, боярам вино подносить.
Слава!

17.

Ах, ты сей, мати, мучицу, пеки пироги,
Слава!
Как к тебе будут гости нечаянные,
Слава!
Как нечаянные и незваные.
Слава!
К тебе будут гости, ко мне женихи,
Слава!
К тебе будут в лаптях, ко мне в сапогах.
Слава!

18.

Ленивая ленивица,
Слава!
Ленилася она
Слава!
Часто по воду ходить;
Слава!
Она таяла снег
Слава!
На печном столбу;
Слава!
Она вытаяла
Слава!
Золот перстень,
Слава!
Золот перстень
Слава!
О трех ставочках.
Слава!
Да кому перстень обручатися?
Слава!
Обручатися отроку с отрочицею,
Слава!
Еще молодцу с девицею.
Слава!

19.

Жемчужина окатная,
Слава!
До чего тебе докатитися?
Слава!
Пора тебе выкатитися
Слава!
Князьям и боярам на шапочку.
Слава!

20.

Стоят сани снаряженные,
Слава!
И полостью они подернуты,
Слава!
Только сесть в сани, да поехати.
Слава!

21.

Уж, как кличет кот кошурку:
Слава!
Ты поди, моя кошурка, в печурку спать;
Слава!
У меня, у кота, есть скляница вина,
Слава!
У меня, у кота, конец пирога,
Слава!
У меня, у кота, и постеля мягка.
Слава!

22.

Вился, вился ярый хмель,
Слава!
Около тычинки серебряные;
Слава!
Так бы вились князья и бояре
Слава!
Около Царя православного.
Слава!

23.

Покачу я колечко кругом города,
Слава!
А за тем колечком я сама пойду,
Слава!

Я сама пойду, суженого найду.
Слава!

24.

Ласточка, касаточка,
Слава!
Не вей гнезда во высоком терему;
Слава!
Ведь не жить тебе здесь и не летывати,
Слава!

25.

Саночки, самокаточки,
Слава!
Они сами катят, сами ехать хотят.
Слава!

26.

По огороду хожу, полотенцы стелю;
Слава!
Я еще похожу, я еще постелю.
Слава!

27.

Курочка, погребушечка!
Слава!
Да греблася она на завалинке,
Слава!
Еще выгребла золот перстень,
Слава!
Золот перстень о трех ставочках,
Слава!
Да кому перстень обручатися?
Слава!

Обручатися отроку с отрочицею,
Слава!
Еще молодцу со девицею.
Слава!

28.

Ах, ты гнутое деревцо, черемышка!
Слава!
Куда клонишься, туда склонишься.
Слава!

29.

Ты, мати, мати, порода моя!
Слава!
И ты взгляни, мати, в оконичко,
Слава!
И выкинь, мати, опушинку,
Слава!
Чтобы было чем опушить ясна сокола,
Слава!
Что ясна сокола, то моего жениха.
Слава!

30.

Уж, как на небе две радуги,
Слава!
А у богатого мужика две радости;
Слава!
Что первая-то радость – сына женит,
Слава!
Что другая-то радость – дочь замуж отдает.
Слава!
Уж как за сыном корабли бегут,
Слава!

А за дочерью сундуки везут.
Слава!

31.

Медведь пыхтун,
Слава!
По реке плывет;
Слава!
Кому пыхнет во двор,
Слава!
Тому зять во терем.
Слава!

32.

Пойду млада к вереюшке,
Слава!
Брякну, млада, во колечушко;
Слава!
Как колечко скажется,
Слава!
Так суженый откликнется.
Слава!

33.

Сидит воробей на перегороде,
Слава!
Глядит воробей на чужу сторону.
Слава!

34.

За столом сижу,
Слава!
Я на чашу гляжу,
Слава!

Я пятернею вожу,
Слава!
Золото кольцо ищу;
Слава!
Я еще посижу,
Слава!
Я еще повожу,
Слава!
И суженого найду.
Слава!

35.

Бежит бобер за куницею,
Слава!
Бежит, бежит,
Слава!
Да все к себе манит;
Слава!
Еще побежит,
Слава!
Совсем утащит.
Слава!

36.

Рылся кочеток на завалинке,
Слава!
Вырыл кочеток жемчужинку.
Слава!

37.

Катилася одонья ржи,
Слава!
Кому прикатится тому добро.
Слава!

ПЕСНИ ИГОРНЫЕ

1.

И я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню,
Я у батюшки в терему, в терему,
Я у матушки во высоком, во высоком.
Пал, пал перстень
В калину, в малину,
В черну смородину.
Гадай, гадай, девица, отгадывай красная!
В коей руке былица?
И я рада бы гадала,
И я рада бы отгадывала,
Кабы знала, кабы ведала.
Чрез поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелком первиваючи
Златом приплетаючи,
Ах, вы кумушки, вы голубушки!
Вы скажите, не утайте,
Мой золото отдайте;
Меня мати хочет бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертым жемчужным.
Еще девицы гадали,
Еще красные гадали,
Да не отгадали.
Пал, пал перстень
В калину, в малину,
В черну смородину.
Очутился перстень
Да у боярина, да у молодого,
На правой на ручке,

На малом мизинце.
Еще девицы гадали,
Да не отгадали,
Еще красные гадали,
Да не отгадали.
Наше золото пропало,
Чистым порохом запало,
Призаиндивело, призаплесневело.
Молодайка, отгадай-ка!

2.

Пошли гусли вдоль по горнице,
Ай вдоль да по скамеечке;
Дошли гусли до столечника,
Что до дубового.
Ты возьми, возьми умница
Со правой руки золот перстень,
Со своей ли головы золот венец[7].

ПЕСНИ ОБРЯДНЫЕ

ПЕСНИ КОЛЯДСКИЕ[8]

1.

Виноградье красно, почему спознать:
Что Устинов дом Малафеевича,
Что у его двора все шелкова трава,
Что у его двора все серебряный тын;
Ворота у него дощатые,
Подворотички рыбые зубья[9].
На дворе у него да три терема:
Во первом терему да светел месяц,
Во втором терему красно солнышко,
Во третьем терему часты звезды;

Что светел месяц, то Устинов дом,
Что красно солнце, то Улита его,
Что часты звезды, малы детушки.
Да, дай Боже, Устину Малафеевичу
С борзых коней сыновей женить,
Да, дай Боже, Устине Хавроньевне
С высока терема дочерей выдавать.
Подари, государь, колядовщиков.
Наша коляда ни рубль, ни полтина,
А всего пол-алтына.

2.

За рекою, за быстрою,
Ой колиодка! Ой колиодка!
Леса стоят дремучие,
Во тех лесах огни горят,
Огни горят великие,
Вокруг огней скамьи стоят,
Скамьи стоят дубовые,
На тех скамьях добры молодцы,
Добры молодцы, красны девицы,
Поют песни калиодушки.
Ой колиодка! Ой колиодка!
В средине их старик сидит,
Он точит свой булатный нож.
Котел кипит горючий,
Возле котла козел стоит;
Хотят козла зарезати.
Ой колиодка! Ой колиодка!
Ты, братец, Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни!
Я рад бы выпрыгнуть,
Горюч камень
К котлу тянет,
Желты пески

Сердце высосали.
Ой колиодка! Ой колиодка!

3.

Коляда, коляда!
Пришла коляда
Накануне Рождества;
Мы ходили, мы искали
Коляду святую
По всем по дворам, по проулочкам.
Нашли коляду
У Петрова-то двора;
Петров-то двор железный тын:
Среди двора три терема стоят,
В первом терему светел месяц,
В другом терему красно солнце,
А в третьем терему частые звезды.
Светел месяц – Петр, сударь,
Свет Иванович;
Красно солнце – Анна Кирилловна;
Частые звезды – то дети их.
Здравствуй, хозяин с хозяюшкой,
На долгие веки, на многие лета.

4.

Прикажи, сударь хозяин, ко двору прийти,
Виноградье красно-зеленое.
Прикажитко ты, хозяин, коляду просказать,
Виноградье красно-зеленое.
Ах! Мы ходим, мы ходим по Кремлю городу,
Виноградье красно-зеленое.
Уж ищем мы, ищем господинова двора:
Виноградье красно-зеленое.
Господинов двор на седьми верстах,
Виноградье красно-зеленое.

На седьми верстах, на осьмидесяти столбах,
Виноградье красно-зеленое.
Что же около двора, да железный тын,
Виноградье красно-зеленое.
Что на всякой же тычинке по маковке,
Виноградье красно-зеленое.
Что на всякой же по крестику;
Виноградье красно-зеленое.
Что на всяком же крестику по жемчужку,
Виноградье красно-зеленое.
А среди того двора, что три терема стоят
Виноградье красно-зеленое.
Что три терема стоят златоверховаты,
Виноградье красно-зеленое.
Что в первом терему красно солнце,
Виноградье красно-зеленое.
Красно солнце, то хозяин в дому,
Виноградье красно-зеленое.
Что в другом терему светел месяц,
Виноградье красно-зеленое.
Светел месяц, то хозяйка в дому,
Виноградье красно-зеленое.
Что в третьем терему часты звезды,
Виноградье красно-зеленое.
Часты звезды, то малы детушки;
Виноградье красно-зеленое.
Хозяин в дому, как Адам в раю,
Виноградье красно-зеленое.
Хозяйка в дому, как оладья на меду,
Виноградье красно-зеленое.
Малы детушки, как олябышки.
Виноградье красно-зеленое.

5.

По Дунаю, по реке,
По бережку по крутому

Лежат гусли неналаженные.
Коляда!
Кому гусли налаживати?
Коляда!
Наладить гусли
Зензевею Андрияновичу.
Коляда!
Зензевея дома нет;
Он уехал в Царь город
Суды судит, ряды рядит;
Коляда!
Он жене-то шлет
Кунью шубу.
Коляда!
Сыновьям-то шлет
По добру коню.
Коляда!
Дочерям-то шлет
По черну соболю.
Коляда!

6.

Уж как шли ребята колядовщики,
Виноград, красно-зеленая моя!
Колядовщики, все фабрищики.
Виноград, красно-зеленая моя!
Мы искали двора господина своего,
Господинов двор на семи верстах,
На семи верстах, на осьми столбах.
Посреди двора, посреди широка,
Стоят три терема,
Три терема златоверхие:
В первом терему красно солнышко,
Во втором терему светел месяц,
Во третьем терему часты звездочки.
Сам хозяин в дому, господин в терему,

Хозяюшка в дому, госпожа в высоком,
Молодые детушки в дому, как орешки в меду.
Виноград, красно-зеленая моя!
Благодарствуй, хозяин, на хлебе, на соли и на жалованье!
Виноград, красно-зеленая моя!
Накормил, напоил, с двора спустил.
Виноград, красно-зеленая моя![10]

Варианты святочных песен

ПЕСНИ ПОДБЛЮДНЫЕ

Ни одна песня не претерпела такого изменения, как помещенная нами под № 1. Нам известны только четыре варианта этой песни, которые и помещаем здесь.

1.

Хлебу да соли долог век,
Государю нашему доле того.
Государь наш не стареется,
Его добрые кони не ездятся.
Его цветное платье не носится,
Его верные слуги не стареются.

Мы этот вариант взяли из книги: Записки и замечания о Сибири …ы…ой. М., 1837, с. 122.

2.

Слава Богу на небе!
Государю на сей земли!
Чтоб нашему Государю не стареться,
Его цветному платью не изнашиваться,

Его добрым коням не изъезживаться,
Его верным слугам не измениваться.
А эту песню мы хлебу поем,
Хлебу поем, хлебу честь воздаем.

В том самом виде этот вариант был помещен нами во второй части «Сказаний русского народа». Так эта песня записана была еще в 1828 г. в Туле; помещенная же теперь в собрании нам была неизвестна при печатании Сказаний.

3.

Уж как слава тебе Боже на небе!
Слава нашему Государю на сей земле!
Наш Государь не старится,
Его цветно платье не носится,
Его добрые кони не ездятся.
Эту песню мы хлебу поем,
Еще хлебу поем, хлебу честь воздаем.

Так этот вариант мы слыхали неоднократно в Москве. Наше современное, новое поколение большею частью начинает забывать старые предания. Пренебрегая рассказами пожилых людей, они смотрят в песенники, когда думают что-нибудь спеть, и там повторяют старое в изуродованном виде. Это часто происходит от того, что наш народ верит печатному, как правде. Нередко бывает, что девицы-причудницы по-своему изменяют народные песни. Это случается на Руси только тогда, когда сбираются для пения девушки из разных городов.

4.

Уж как слава тебе Боже на небеси!
Государю нашему на сей земли!
Его цветное платье не носится,
Его верные слуги не старются,
Его добрые кони не ездятся.

Мы песню сию Государю поем,
Государю поем, ему честь воздаем.

Так этот вариант был помещен в собрании песен Прача. Смотри издание второе, ч. II, с. 65. Что здесь переменено Прачем, читатели могут сами понять.

Песня, означенная под № 2, имеет также незначительные изменения. Мы приводим один только вариант, слышанный нами в Калуге.

Катилося зерно по бархату,
Что по бархату Кизылбашскому;
Уж и было то зерно бурмитское.
Прикатилося зерно ко яхонту,
Крупен жемчуг со яхонтом,
Хорош жених со невестою.

Песня, напечатанная под № 4, находится в песенниках с изменениями и перестановками в стихах.

1.

Идет кузнец из кузницы,
Несет кузнец три молота.
Кузнец, кузнец!
Ты скуй мне венец,
Ты скуй венец и злат и нов,
Золот перстень из остаточков,
А булавочку из обрезочков.
Мне в том ли венце венчатися,
Мне тем ли перстнем обручатися,
Мне той ли булавкой убрус притыкать.

2.

Идет кузнец до кузницы,
Кует кузнец в три молота.

Кузнец, кузнец, скуй мне венец,
Венец золотой, дорогой
Со яхонтами, со камнями!
Скуй из золота золот перстень,
Из чиста серебра булавочку.
В том ли венце венчаюся,
Тем ли перстнем обручаюся,
Той ли булавочкой убрус притыкаю.

Так этот вариант записан был мною в Дедилове, селении Богородицкого уезда Тульской губернии. Очевидное изменение во втором стихе, прибавление пятого, изменение седьмого указывает прямо на разрушение старого. Трудно отдать преимущество в спорном деле, когда нет верного указания.

Песня, напечатанная мною под № 5, сходна с сибирскою, помещенною в Записках о Сибири на с. 122; но в С.-Петербурге я слышал с изменениями.

Ходил Иван по погребу,
Ходил Иван по боярскому,
Искал Иван дополнити
Неполное, непокрытое,
Хочет Иван дополнити
Зелено вино со медом.

В сибирской песне нет последнего стиха, помещенного в нашем собрании.

Песня, напечатанная под № 6, имеет свои изменения.

1.

Летит сокол из улицы,
Голубушка из другой;
Слеталися, обнималися.
Во гнездо подымалися.

2.

Летит сокол из улицы,
Летит голубушка из дубровы;
Слеталися, целовалися,
Середь поля расставалися.

Первый вариант списан во Владимирской губернии, в городе Муроме; второй я слышал в Мценском уезде.

Песня, напечатанная под № 9, имеет следующие изменения:

Растворю я квашонку на донышке,
Я поставлю квашонку на столбичке,
Я покрою квашонку черным соболем,
Опояшу квашонку красным золотом.
Ты взойди, моя квашонка, полным полна.
Полным полна, с краями ровна.

Песня, напечатанная под № 11, почти сходна с сибирскою, помещенною в Записках о Сибири, где только иначе один последний стих: «Добру молодцу со девицею».

Песня, напечатанная под № 14, совершенно обезображена издателями песенников. Там, куда не доходили эти сборники, она встречается в первобытной полноте. Вот ее изменения:

Щука шла из Новагорода,
Она хвост волокла из Бела-озера;
Как у щуки чешуйка серебряная,
Что серебряная, позолоченная,
А головка у щучки унизанная.

Одни издатели песенников выпускали из этой песни стих:

Что серебряная, позолоченная.

Другие после стиха: «головка у щуки унизанная» – прибавляли «унизанная, принаряженная».

Песня, напечатанная в нашем собрании под № 15, имеет два изменения; одно находится в последнем стихе:

И корысть на двор, сто рублей на стол.

Другое изменение состоит в смешении двух стихов в один. Так:

На корыте сижу, я корысти гляжу;
Я еще посижу, я еще погляжу;
И я глядь, поглядь, корысть на двор,
Корысть на двор, сто рублей на столе.

Песня, напечатанная в нашем собрании под № 17, имеет следующие изменения. Издатели песенников печатали первый стих так:

Ах! Сей мати мучицу, пеки пироги.

Или:

Ах! Ты сей, мати, мучицу, пеки пироги.

Другие в третьем стихе вместо: «незваные» – печатали: «неведанные». В одном селении Ярославской губернии я слышал начало этой песни совершенно иначе:

Уж ты, мати, бей опару, пеки пироги.

Песня, напечатанная в нашем собрании под № 18, сходна с сибирскою, помещенною в Записках о Сибири, где не достает только одного 12 стиха: «что трех яхонтах». В 9 и 10 стихах у нас находится: «золот перстень» – а там: «позолот перстень». Из 13 стиха там сделано два:

Да кому этим перстнем
Обручатися?

В последнем стихе у нас: «еще молодцу со девицею» – а там: «добру молодцу со девицею».

Песня, напечатанная в нашем собрании под № 21, печаталась издателями песенников в следующем виде:

Уж, как кличет кот кошурку в печурку спать;
Ты поди, моя кошурка, в печурку спать;
У меня, у кота, есть скляница вина,
Есть скляница вина и конец пирога,
У меня, у кота, и постеля мягка.

В песеннике, изданном в Москве М. М. в 1837 г., прибавлено два стиха:

Что мягка, хороша
И теплехонька.

Песня, напечатанная в нашем собрании под № 23, имеет следующие разноречия:

Покачу колечко около города,
Сама пойду, мила друга найду.
Покачу колечко кругом города,
За тем колечком сама пойду,
Я сама пойду, милу ладу найду.

Для песни, напечатанной в нашем собрании под № 24, мне известен один только вариант, подслушанный в Калужской губернии:

Ласточка, касаточка,
Не вей гнезда подле терема!
Тебе лето тут не летывати
И зимушку не зимовати.

Песня, напечатанная в нашем собрании под № 27, сходна с сибирскою, помещенною в записках о Сибири, где есть некоторые отличия: так вместо – «золот перстень» – напечатано – «позолот перстень». В пятом стихе прибавлено: «этим»; в шестом вместо: «обручатися отроку с отрочицею» – напечатано так: «еще отроку с отрочицею».

Для песни, напечатанной в нашем собрании под № 30, известны два варианта:

Уж как на небе две радуги,
У богатого мужика две радости:
И он сына-то женит, дочь замуж отдает.

В Записках о Сибири напечатана это иначе, с расстановкою стихов и прибавлением слов.

Еще на небе
Да две радуги,
Как у нашего хозяина
Две радости:
Еще первая радость –
Сына женил,
А другая-то радость –
Дочь замуж отдал;
Еще за сыном
Корабли бегут,
А за дочерью
Сундуки везут.

ПЕСНЯ ИГОРНАЯ

Русский святочный обычай – золото хоронить – без всякого сомнения, принадлежит к древности. Его сопровождали особенною песнею, в виде игры; но эта песня претерпела значительные изменения. Мы помещаем три варианта.

Вот как была напечатана эта песня в Записках о Сибири на с. 121.

И я золото хороню,
Чисто серебро хороню,
Я у батюшки в терему
Я у матушки во высоком.
Пал, пал перстень,
В калину, в малину,
В черную смородину.
Гадай, гадай, девица,
В чужой руке былица.
Еще девицы гадали,
Еще красные гадали,
Да не отгадали.
Очутился перстень
Да у дворянина, да у молодого,
На правой на ручке,
На левом мизинце.
Чрез поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелком приплетаючи,
Златом увиваючи.
Куда утка шла,
Туда пыль прошла;
Куда я молода,
Туда рожь густа;
Овиниста, примолотиста,
Еще из зерна коврига,
Из полу зерна пирог,
В голенище широк,
В топорище высок.

———

И я золото хороню, чисто серебро хороню,
Я у батюшки в терему, я у матушки во высоком.

Гадай, гадай, девица, отгадывай красная:
В коей руке былица, змеиная крылица?
И я рада бы гадала, как бы знала, ведала
Чрез поле идучи, русу косу плетучи,
Шелком прививаючи, златом приплетаючи.
Ах, вы кумушки! Вы голубушки!
Вы скажите, не утайте; меня мати хочет бити
По три утра, по четыре, по три прута золотые,
По три прута золотые, четвертым жемчужным.
Пал, пал перстень в калину, в малину.
В черную смородину, в зелен виноградчек.
Очутился перстень да у дворянина, да у молодого
На правой на руке, на левом мизинце.
Девушки гадали, да не отгадали,
Красные гадали, да не отгадали.
И я золото хороню,
Чисто серебро хороню,
Я у батюшки в терему
Я у матушки в высоком.
Гадай, гадай, девица,
В коей руке былица
Змеиная крылица?
И я рада бы гадала,
Кабы знала, кабы ведала,
Чрез поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелком прививаючи,
Златом приплетаючи.
Ах вы кумушки! Вы голубушки!
Вы скажите, не утайте.
Меня мати хочет бити
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертым жемчужным.
Пал, пал перстень
В черную смородину.

Очутился перстень
Да у дворянина,
Да у молодого,
На правой на ручке
На левом мизинце.
Девушки гадали,
Да не отгадали,
Красные гадали,
Да не отгадали.
Еще съела рыба
Проглотила рыба
Еще соли солонку.

В таком обезображенном виде печатались оба эти варианта в песенниках. Первая напечатана была в песеннике, изданном в 1819 году в типографии Глазунова, вторая в песеннике Калатилина. Более всех была изуродована эта песня в издании Прача. Так:

Уж я золото хороню,
Чисто серебро хороню
Я у батюшки в терему
Я у матушки в высоком.
Гадай, гадай, девица, отгадывай красная
В коей руке былица, змеиная крылица.
Уж я рада бы гадала,
И я рада бы отгадывала.
Чрез поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелком прививаючи,
Златом приплетаючи.
Ах вы кумушки, вы голубушки,
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдавайте!
Меня мати хочет бити
По три прута, по четыре,

По три прута золотые,
Четвертый жемчужный.
Вечер, вечер молоденька
С дворянином проиграла,
С руки перстень потеряла.
Пал перстень
В калину, в малину,
В черную смородину.
Очутился перстень
Да у дворянина,
Да у молодого,
На правой на ручке
На пальце мизинце.
Девушки гадали,
Красные гадали, да не отгадали.
Наше золото пропало,
Да и порохом запало,
Да и мохом заросло, призаиндивело.
Молодайка отгадайка?

ПЕСНЯ ОБРЯДНАЯ

Для русских обрядных песен так мало встречается вариантов, что едва на десять приходится один. Кажется, что это происходит от того, что праздничные песни, исчезая вместе с обрядами народными, почти позабыты поселянами. Прибавим к этому еще важное обстоятельство: мы не везде успели еще осмотреть наши предания; едва ли из ста поверий могли узнать одно. Может быть, со временем и откроются. Для второй песни мы имеем только один вариант, напечатанный Срезневским в «Украинском вестнике», в 1817 году. Вот эта песня.

За рекою, за быстрою, ой калиодка!
Леса стоят дремучие,
Во тех лесах огни горят,

Огни горят великие,
Вокруг огней скамьи стоят
Скамьи стоят дубовые;
На тех скамьях добры молодцы,
Добры молодцы, красны девицы
Поют песни калиодушке;
В средине их старик сидит,
Он точит свой булатный нож;
Возле его козел стоит.

В этой обрядной песне чего-то недостает. Песня, помещенная в нашем собрании, дополняет все пропуски и при том имеет какое-то сходство с одною колыбельною старою песнею.

Сравнительные песни

ПЕСНИ ОБРЯДНЫЕ

Для сравнения русских колядных песен мы имеем до десяти малорусских, совершенно разных и по мысли и по составу. Это разноречие мыслей указывает более на разность обрядов. В первом издании малорусских песен, напечатанных Максимовичем в Москве, 1827 года, помещено было на с. 173–177 шесть следующих песен:

1.

А у пана Ивана, да на его дворе
Стояло древо тонке, высоке,
Тонке, высоке – листом широке.
Из того древа церковка рублена;
А в той церковце стоят три престолы:
На первом престоле – святее Роздво,
На другом престоле – святого Василя,

На третьем престоле – Иван Креститель.
Святее Роздво – нам радость принесло,
Святый Василь – новый год принес,
Иван Креститель – воду перекрестив.

2.

Ишов, перейшов месяц по небу;
Да стревся месяц з ясною зарею.
Ой зоря, зоря! Де в Бога була!
Де в Бога була – де маеш стати? –
– Де маю стати? У пана Ивана,
У пана Ивана – да на его дворе,
Да на его дворе – да у его хате.
А у его хате да две радости:
Першая радость – сына жетити,
А друга радость – дочку оддавати;
Сына женити – молодця Евминка,
Дочку оддавати – молоду Настусю!
Бувай же здоров, молодче Евминку,
Да не сам з собою – з отцем з матерью?
Из милым Богом, и з всем родом,
Иисусом Христом, святым Рождеством!

3.

Да чому ты, девчино, гуляти не идешь?
Ой як же мине гуляти пойти,
Що мои братики з войська приехали?
Привезли мине три подарочки:
Перший подарок – золотый перстень,
Другий подарок – зеленая сукня,
Третий подарок – перлова нитка.
Золотый перстень – як огонь сяе,
Зеленая сукня – след заметае,
Перлова нитка – головку обвязуе.

4.

Ой, гула, гула крутая гора:
Що не бродила шовкова трава;
Только бродило зеленее вино. –
Красная панна вина стерегла,
Вина стерегла – крепко заснула.
Як налетели райскии пташечки,
Обдзебали зелене вино,
Да пробудили красную панну.
Ой скоро же вона тее учула,
Своим рукавцем на их махнула!
Ой шуги в луги! райскии пташки,
А мине вина самой надобно:
Брата женити, сестру давати,
Сама молода зарученая!

5.

А в сего пана скамья заслана,
Да на сей скамье три кубки стоят:
В першому кубце – медок-солодок,
У другом кубце – крепкее пиво,
У третьем кубце – зелене вино.
Зелене вино – для пана сего,
Крепкее пиво – для жонки его,
Медок-солодок – для его деток.

6.

Ой в Киеве да на рыночку,
Да на живтом песочку,
Там девочка сад сажала,
Сад сажала – поливала,
Поливаючи примолвляла:
Рости, саду! Высче мене,
Высче мене – красче мене!
В тому суду три корыстоньки:

Перша корысть – то орешеньки,
Друга корысть – то вишеньки,
Третя корысть – то яблучки:
Орешками – чечоватися,
Яблучками – подкидатися.
Да бувай здовова з батьком з матерью,
И з милым Богом, и зо всем родом,
Иисусом Христом, святым Рождеством!

В 1836 году были изданы в С.-Петербурге: «Малороссийские и червонорусские народные думы и песни». В этом собрании в числе обрядных малороссийских песен были помещены четыре колядских. Вот они:

1.

Ой заказано и зарадано,
Святый вечор! Или славен еси наш милый Боже!
Всем козаченькам у войсько идти:
Пану…ку корогов нести;
А у его ненька,
Вельми старенька,
Выпровожала
И научала:
«Ой сыне мой, сынку!
Не попережай у перед войська,
И не оставайся позад войська:
Держися войська – все середняго
И козаченька все статечного».
Молодый…ко не послухав нении своеи,
У перед войська конем играе,
А позад войська мечем махае.
Угляне, се, сам царь не кресле:
«Ой коли б я знав,
Чий то сын гуляв:
То я б за его, свою дочь отдав,
Половину царства ему бы отдав».

2.

Из-за горы, из-за каменной,
Святый вечер!
Да воттол выступа велике войсько,
А по переду пан…ко идее,
Пан…ко идее, коника веде,
Хвалится конем перед королем, –
Да нема у короля токого коня,
Як у нашего пана…ка.
Хвалится стрелою
Перед дружиною,
Да нема у дружины, –
Такой стрелы,
Як у нашего пана…ка.
Хвалится луком
Перед гайдуком, –
Да нема у гайдука,
Такого лука.
Як у нашего пана…ка.
Да бувай же здоров, пане…ку!
Да не сам собою,
С отцем с матерью!
Со всем родом
Живите с Богом.

3.

Ой рано, рано, куры запели,
Святый вечор!
А еще раньше пан…ко встав,
Лучком забрящав,
Братьев попужав:
«Да вставайте, братья, кони седлайте,
Кони седлайте, хорты скликайте:
Да поедем в чистее поле, на прогулянье,

На розгляданье.
Да найдемо, братья, куну в дереве,
Девку в тереме…
От-се вам, братья, – куна в дереве,
А мине, братья, – девка в тереме».

4.

Ой ясна, красна, калина у лузе,
А ще краснейша… а у доме,
По двору ходить,
Як заря сходить;
В сеночки войшла,
Як зоря зашла.
В светлоньку войшла – паны вставают,
Шапки иснимают, еи пытают:
«Чи ты царевна, чи королевна?»
Я…кова дочка, … чка.

В 1832 году были изданы в Харькове: «Словацкие песни». Здесь мы нашли пять колядских песен, которые и помещаем.

1.

Боже мой, Боже мой
Высокого неба!
Не дай же ме ести
Жобранего хлеба!

2.

Семь, семь Кралей,
Семь Цезарей,
З доверностью поспехайте!
Вшисцы е яму понижуйте,
Господину маленькему,
Люда спасителю.

3.

Я був со химе раз,
Не пойде другой раз;
Ле-бо ме тягали
За власы с повали.

4.

Боже мой, Боже мой!
Против мя опустил!
Волк ме жену забил,
Ле со му вон пустил.

5.

Пасли овцы Веселы
При Бетлемском салаше.
Ангел с им оказав
– До Бетлема росказав –
Станьте горе и подьте,
Пана Христа найдете!
Найдете его в есличках,
Повинута в пленочках;
Мария го колебе,
«Нини, нини! – му спева –
Нини, нини, нинички!
Спи, мой сынку, малечкий!»

Примечания

[1] Первая подблюдная песня имеет все признаки древности. Какая-то торжественность в пении, теперь нам непонятная, отличает ее от всех других. В ней сказано все, что дорого русскому сердцу, что он сам любит более всего в свете. Бывший очевидным свидетелем более сотни посиделок, слышал каждый раз ее

с изменениями. В конце 1837 года был получен мною из Белева новый список этой же песни, совершенно в другом виде, нежели как она напечатана была в «Сказаниях русского народа». После этого вторично слышал ее уже от новгородских девушек, живущих в С.-Петербурге. Эти два факта заставили издателя сделать предпочтение всем другим, означенным в вариантах.

[2] Издатели песенников часто относили эту песню к числу свадебных, не имея никакого основания. Кажется, что это происходило единственно от того, что они слыхали ее на свадьбах, и, может быть, по этому самому и причисляли к свадебным.

[3] Мы поместили эту песню, основываясь на всеобщем употреблении. Варианты, с замечательными изменениями, казались нам явно переделанными. Это очевидно будет всякому при сличении.

[4] Несколько раз мне случалось слышать эту песню с особенною припляскою и каким-то отважным напевом, совершенно отличным от напева святочных подблюдных.

[5] Эта святочная подблюдная песня употребляется на свадебных вечеринках при величании молодых и притом без припева: «Слава!»

[6] Во всех изданных песенниках издатели печатали вместо – «боярский сын» – «дворянский сын» – а вместо боярышню – «дворяночку». Здесь очевидно новое изменение. С тех пор, как слово *боярин* начало исчезать, вероятно, издатели песенников почитали неприличным употреблять эти слова. Это-то самое ввело в ошибку Г. Иванчина-Писарева, сделавшего ошибочное заключение об старых русских обычаях в своем взгляде на народную поэзию.

[7] Эта игорная святочная песня употребляется на свадебных посиделках, с переменою слов и с прибавлением величальных стихов. Вот как она поется на свадьбах:

Пошли гусли вдоль по лавке,
Вперед по скамейке;
Дошли гусли до умника,
До разумника Ивана Ивановича!

Ты пожалуй наш, умник,
С правой руки золот перстень,
С буйной головы золот венец.

[8] Песни колядские принадлежат к незапамятным временам. Что такое Коляда? Решительного определения никто еще не сделал; различные мнения наших писателей об этом предмете не произвели еще положительного результата. Чулков и его последователи говорят: «Коляда, идол его был в Киеве и почитали его богом мира; праздник его совершали 24 декабря игранием, веселием и пированиями, в коих не оставляли употреблять обрядов, и идолу Туру принадлежащих; но и ныне по некоторым городам и деревням память идола коляды не оставляют. В день, называемый Сочельник, т. е. 24 декабря в вечеру, собираются несколько девок и, приходя под окно к каждому, поют особую для того песню, упоминая имя Коляды, что называется: «колядуют» – за что обыватели дают им по нескольку денег. См. Абевега, с. 223».

Мы уже во второй части «Сказаний русского народа» в обозрении «Истории русской народной литературы» подробно говорили о мифографах, выдумывавших небывалые славянские божества. Любопытные могут сами прочитать все помещенные там разыскание о славянской мифологии.

Гнедич во введении своем к новогреческим песням писал на с. 32: «Праздник и песни Коляды, в Малороссии и теперь существующие, можно изъяснить Холядес. Обыкновенно о Рождестве делают там из свиных кишок колбасы, холядес, в это время простолюдины ходят под окнами домов колядовать, так сказать, выпрашивать колбас: ибо в песне, которую при этом случае поют, требуют в награду между прочим – «кильцо колбас». Гнедич не поместил этой песни; но она следующая:

Щедрик, ведрик!
Дайте вареник.
Грудочку кишки
Кильцо килбаскы.

Максимович в примечаниях к малороссийским песням первого издания на с. 222 писал: «Колядки, суть песни, которые поют вечером 25 декабря, обыкновенно под окнами, называя по именам хозяев, его детей и проч. В некоторых местах, однако ж, колядуют и целую неделю, которая и называется колядами».

И. М. Снегирев в описании русских простонародных праздников во второй части пишет о Коляде: «По сродной человечеству олицетворяемости и Коляда празднество, по примеру римского двуликого Януса, впоследствии обращено в Киевское божество мира и торжеств, какими обыкновенно оканчивалось прошедшее лето и начинало новое; но вероятно она совершалась в честь древних отечественных божеств, Перуна или Дажба, или Волоса, пред которыми клялись, полагая золото, на которых намекает хоронение золота и гадание. Таким образом, древний обряд обращен в мифическое лицо и, как укоренившийся давностью обычай, вошел в состав жизни народной и семейной (с. 60)… Многие производят коляду от римских календ потому, что празднование оной приходится в одно почти с ними время и самые слова созвучны между собою; но календы у римлян были не в одном январе, а во всех месяцах. Что ж касается до замеченного нами сходства в некоторых частях этого праздника Янусова с славяно-русским; то, вероятно, оно произошло от славянских племен, бывших под римским владычеством и впоследствии передавших этот обычай своим переселенцам на запад и юг России, где доныне воспевается Коляда и продолжается колядование; а на Север, полагает надобно, она перенесена балтийскими славянами».

Н. М. Карамзин, в т. 1, с. 101, своей Истории, писал: «Декабря 24 язычники русские славили Коляду, бога торжеств и мира. Еще и в наше время, в канун Рождества Христова, дети земледельцев собираются колядовать под окнами богатых крестьян, величают хозяина в песнях, твердят коляды и просят денег. Святочные игрища и гадания кажутся остатком сего языческого праздника».

Коляда есть замечательное явление в преданиях всех славянских поколений. Великорусы почти решительно истре-

били память о Коляде. Из всех преданий только сохранились колядские песни, и то в редких селениях. Песни поют дети и старики, известные там под именем «побирушек» нищих. Вечер перед Рождеством Христовым называется у великорусов – «Сочельник». Малорусы верят в бытие Коляды; дети их вместе с молодыми ходят колядовать под окнами; колядчики поют песни, ударяя в бубны и колокольчики, с величанием хозяина. Словаки празднуют Трех царей, и обрядами сопровождают благословение домов. Виндийцы считают Коляду божеством празднеств с особенными обрядами; дети колядуют по домам с песнями и плясками. Сербы и болгары ходят колядовать и поздравляют с Новым годом; хозяева награждают колядовщиков подарками.

Великорусские колядские песни, напечатанные в нашем собрании, далеко не достигают своей полноты. Каждая песня имеет свои отличия и в оборотах слов и в мыслях; а это самое указывает нам на разные обряды в русских областях. Без сомнения, если бы были собраны все колядские песни, мы не прибегали бы к догадкам.

[9] Рыбий зуб есть замечательная примета у русских. Старушки наши щучьи зубы сбирают для предохранения от змея. Непонятно, почему наш народ почитает более большие зубы, нежели малые, и даже в числе рыбьих зубов считает моржовые.

[10] Великорусские колядские песни, вошедшие в наше собрание: под № 1 выписана из Абевега – Чулкова, № 2 и 3 записаны со слов тульских поселян, № 4 выписана из книги Фриза – «Руководство к физическому описанию областного города Устюга Великого»; № 5 списана со слов муромских песельников; № 6 списана со слов поселян Ярославского уезда.

РУССКИЕ ХОРОВОДНЫЕ ПЕСНИ

1.

Как на улице дождик накрапывает,
Хоровод красных девок прибывает.
Ох, вы, девушки, поиграйте!
Уж, как вы холостые не глядите:
Вам гляденьицем девушек не взяти,
Уж, как взять ли, не взять ли по любви,
Что по батюшкину повеленью,
Что по матушкину благословению.

2.

1. А мы просо сеяли, сеяли;
Ой Дид, Ладо, сеяли, сеяли!
2. А мы просо вытопчем, вытопчем;
Ой Дид, Ладо, вытопчем, вытопчем!
1. А чем же вам вытоптать, вытоптать?
Ой Дид, Ладо, вытоптать, вытоптать!
2. А мы коней выпустим, выпустим;
Ой Дид, Ладо, выпустим, выпустим!
1. А мы коней переймем, переймем;
Ой Дид, Ладо, переймем, переймем!
2. А чем же вам перенять, перенять?
Ой Дид, Ладо, перенять, перенять!
1. Шелковым поводом, поводом;
Ой Дид, Ладо, поводом, поводом!
2. А мы коней выкупим, выкупим;
Ой Дид, Ладо, выкупим, выкупим!

1. А чем же вам выкупить, выкупить?
Ой Дид, Ладо, выкупить, выкупить!
2. А мы дадим сто рублей, сто рублей;
Ой Дид, Ладо, сто рублей, сто рублей!
1. Не надо нам тысячи, тысячи;
Ой Дид, Ладо, тысячи, тысячи!
2. А что же вам надобно, надобно?
Ой Дид, Ладо, надобно, надобно!
1. Нам-то надобно девицу, девицу.
Ой Дид, Ладо, девицу, девицу!
1. А нашего полку убыло, убыло;
Ой Дид, Ладо, убыло, убыло!
2. А нашего полку прибыло, прибыло.
Ой Дид, Ладо, прибыло, прибыло![1]

3

Ай на горе мак, мак,
Под горою так, так, так!
Маки, маковочки,
Золотые головочки!
Стань-те вы в ряд,
Спросим-те про мак[2].

4.

Заплетися плетень, заплетися;
Ты завейся, труба золотая,
Завернися камка крущатая!
Из-за гор девица утей выгоняла:
Тига, утушка, домой!
Тига, серая, домой!
Я сама гуськом,
Сама сереньким.
Ой свет, сера утица!
Потопила малых детушек
Во меду, да во патоке,

Да во ястве сахарном,
Да во питье медяном.
Я старым старикам
Киселя с молоком;
Молодым молодкам
Шелковую плетку;
А красным девицам
Белил да румян.
Расплетися плетень, расплетися;
Ты развейся труба золотая,
Ты развернися камка крущатая!
Из-за гор девица утей выгоняла:
Тига утушка домой!
Тига серая домой!
Я сама гуськом,
Сама сереньким.
Ой свет, сера утица!
Вынимала малых детушек,
Из меду, из патоки,
Из яств сахарных,
Из питья медяного[3].

5.

Селезень сиз голубчик, селезень,
Хохлатый селезень!
Селезень, догоняй утку,
Молодой, догоняй утку.
Поди, утушка, домой,
Поди, серая, домой!
У те семеро детей,
Осьмой селезень[4].

6.

Ай на горе мы пиво варили;
Ладо мое, Ладо, пиво варили!

Мы с этого пива все вкруг соберемся;
Ладо мое, Ладо, все вкруг соберемся!
Мы с этого пива все разойдемся;
Ладо мое, Ладо, все разойдемся!
Мы с этого пива все присядем,
Ладо мое, Ладо, все присядем!
Мы с этого пива спать ляжем,
Ладо мое, Ладо, спать ляжем!
Мы с этого пива опять встанем;
Ладо мое, Ладо, опять встанем!
Мы с этого пива все в ладоши ударим;
Ладо мое, Ладо, в ладоши ударим!
Мы с этого пива все перепьемся;
Ладо мое, Ладо, все перепьемся!
Теперь с этого пива все передеремся;
Ладо мое, Ладо, все передеремся![5]

7.

Скажи, скажи, воробышек,
Как девицы ходят?
Они этак, и вот этак!
Туды глядь, сюды глядь,
Где молодцы сидят.
Скажи, скажи, воробышек,
Как молодцы ходят?
Они этак, и вот этак!
Туды глядь, сюды глядь,
Где голубушки сидят!
Скажи, скажи, воробышек,
Как старушки ходят?
Они этак, и вот этак!
Туды глядь, сюды глядь,
Где молодые сидят.
Скажи, скажи, воробышек,
Как злые люди ходят?

Они этак, и вот этак!
Туды глядь, сюды глядь,
Где добрые сидят[6].

8.

Как пошел наш молодец
Вдоль улицы на конец.
Ах, Дон, ты наш Дон,
Сын Иванович, Дон![7]
Ах, как звали молодца,
Позывали удальца!
Ах, Дон, ты наш Дон!
Сын Иванович, Дон!
Как во пир пировать,
Во беседушку сидеть,
На игрище поиграть.
Ах, Дон, ты наш Дон!
Сын Иванович, Дон!
Уж, как мне ли молодцу,
Мало можется,
Мало можется,
Играть хочется.
Иль я выйду, молодец,
На свой новый на крылец,
Закричу я, молодец,
Громким голосом своим:
Ах! Как есть ли у меня
Слуги верные мои?
Вы берите ключи,
Отмыкайте сундуки,
Вынимайте кафтан,
Рудокелт камчать;
Вынимайте шапку,
Черную мурашку;
Вы подайте гусли,

Звончатые мои?
Ах, Дон, ты наш Дон!
Сын Иванович, Дон!
Как пошел наш молодец
Ко вдовушке на конец.
Ах, Дон, ты наш Дон!
Сын Иванович, Дон!
Как садился молодец,
Как садился удалец
Против вдовушки на скамье.
Ах, Дон, ты наш Дон!
Сын Иванович, Дон!
Заиграл он во гусли,
Заиграл во звончатые свои.
Ах, Дон, ты наш Дон,
Сын Иванович, Дон!
Молодец вдове челом,
Уронил шапку долой.
Ах, Дон, ты наш Дон!
Сын Иванович, Дон!
Уж ты, вдовушка моя,
Молодая вдова,
Подними шапку мурмашку?
Ах, Дон, ты наш Дон!
Сын Иванович, Дон!
Не твоя, сударь, слуга,
Я не слушаю тебя.
Ах, Дон, ты наш Дон!
Сын Иванович, Дон!
Как пошел наш молодец
Вдоль улицы на конец.
Ах, Дон, ты наш Дон!
Сын Иванович, Дон!
Ах, как звали молодца,
Позывали удальца!
Ах, Дон, ты наш Дон!

Сын Иванович, Дон!
Как во пир пировать,
Во беседушку сидеть,
На игрище поиграть.
Ах, Дон, ты наш Дон!
Сын Иванович, Дон!
Как пошел наш молодец
К девушке на конец.
Ах, Дон, ты наш Дон!
Сын Иванович, Дон!
Как садился молодец,
Как садился удалец
Против девушки на скамье.
Ах, Дон, ты наш Дон!
Сын Иванович, Дон!
Заиграл он во гусли,
Заиграл во звончатые свои.
Ах, Дон, ты наш Дон!
Сын Иванович, Дон!
Молодец девице челом,
Уронил шапку долой.
Ах, Дон, ты наш Дон!
Сын Иванович, Дон!
Уж ты, девушка моя,
Ты, красная моя,
Подними шапку мурмашку?
Ах, Дон, ты наш Дон!
Сын Иванович, Дон!
Я твоя, сударь, слуга,
Я послушаюсь тебя.
Ах, Дон, ты наш Дон!
Сын Иванович, Дон![8]

9.

Посмотрите, добрые люди,
Как жена меня, молодца, не любит,

Душа, сердце мое, ненавидит!
Я поеду во Китай город гуляти,
Молодой жене покупку покупати:
Саму, саму придиковинну юпку,
Саму, саму придиковинну кофту.
Жена моя, женушка,
Сердитое мое сердце!
Ты постой-ка, жена,
Я примерю на тебя,
Я примерю, приложу,
Я на женушку погляжу.
Посмотрите, добрые люди,
Как жена меня, молодца, не любит,
Душа, сердце мое, ненавидит!
Я поеду во Китай город гуляти,
Молодой жене покупку покупати:
Саму, саму придиковинну плетку.
Жена моя, женушка,
Сердитое мое сердце!
Ты постой-ка, жена,
Я примерю на тебя,
Я примерю, приложу,
Я на женушку погляжу.
Посмотрите, добрые люди,
Как жена меня, молодца, любит,
Душа, сердце мое, поцелует![9]

10.

Заинька беленький!
Хожу я по хороводу,
Гляжу я, смотрю я
По всему народу,
Ищу богатого тестя.
Нашел я, нашел я
Богатого тестя.

Будь ты мне, тестик,
А я тебе зятик!
Заинька беленький!
Хожу я по хороводу,
Гляжу я, смотрю я
По всему народу.
Ищу я ласкову тещу.
Нашел я, нашел я
Ласкову тещу.
Будь ты мне теща,
А я тебе зятик!
Заинька беленький!
Хожу я по хороводу,
Гляжу я, смотрю я
По всему народу,
Ищу я богатого шурина.
Нашел я, нашел я
Богатого шурина.
Будь ты мне шурин,
А я тебе зятик!
Заинька беленький!
Хожу я по хороводу
Гляжу я, смотрю я
По всему народу,
Ищу я ласкову своячиню.
Нашел я, нашел я
Ласкову своячиню.
Будь ты мне своячиня,
А я тебе зятик!
Заинька беленький!
Хожу я по хороводу,
Гляжу я, смотрю я
По всему народу,
Ищу себе ладу милую.
Нашел я, нашел я

Себе ладу милую.
Будь ты мне лада невестой,
А я тебе женихом!
Я выпивши пива,
Ударю тестя в рыло;
Я приевши пироги,
Пущу тещу-матушку в толчки.
Оседлай шурин коня,
Поезжай шурин с двора.
Ласковой своячине
Подарю подарочек:
Шелкову плетку.
Весел я, весел,
Что один остался,
Что один остался
С своей ладо милой,
С своей ладо милой
Три раза поцелуюсь[10].

11.

Я малешенек у матушки родился,
Я глупешенек у батюшки женился;
Привел себе жену молодую,
Словно грушу зеленую,
Словно яблочко налитое.
А жена-то молодчика невзлюбила,
Негодяем молодчика называла.
Как пошла жена молодая,
Как сама загуляла без меня,
Ровно десять денечков
Ко мне, мужу, не бывала,
На десятый денечек
Ко мне жена приходила.
Не дошедши, остановилась,
Мне, негодяю, поклонилась.

Ах, ты, муж негодный!
Будешь ли кормить хлебом?
Сударыня жена!
Буду кормить калачами.
Будешь ли, негодный,
Меня поить квасом?
Буду я поить сытой,
Сытой медовою.
Будешь ли, негодный,
Пускать меня в гости?
Сударыня жена!
Ступай вовсе[11].

12.

Как под лесом, под темным
Вырастала трава шелковая;
Как тут ходил, гулял
Заезжий гость;
Он в дудочку играл,
Он глядел, смотрел
Невесту себе.
Выходила красна девка,
Тонка, высока,
Тонешенька, белешенька,
Собой хороша.
Ох, ты, девушка душа,
Подь замуж за меня!
Не пойдешь, спокаешься,
Вспомянешь меня.
Соседушки, собранушки!
Скажите вы мне:
Каков человек?
Он пьяница, пропойца,
Удалая голова;
Он пропьет и тебя.

Как под лесом, под темным
Вырастала шелковая трава;
Как тут ходил, гулял
Заезжий гость;
Он в дудочку играл,
Он глядел, смотрел
Невесту себе.
Выходила красна девка,
И толста и кругла,
И толстехонька, и круглехонька,
Собой дурна.
Ох, ты, девушка душа,
Подь замуж за меня!
Не пойдешь, вспокаешься,
Вспомянешь меня.
Соседушки, собранушки!
Скажите вы мне:
Каков человек?
Соседушки, собранушки
Спохвалили молодца.
Уж, ты молодец,
Заезжий гость!
Вино кури, пиво вари,
Иду замуж за тебя![12]

13.

Ты не пой, соловей,
Ты не пой, молодой,
При долине;
Ты не вей гнезда,
Ты не вей гнезда
При тереме.
Как во тереме девица
Дорогой ковер вышивает;
Она золотом ковер вышивала,

Она жемчугом ковер унизала.
Уж, кому мой ковер достанется?
Доставался мой ковер
Старому мужу.
Я могу ковра убавить,
Я со всех сторон, со четыриих,
Я со всех углов, с золотыих.
Как во тереме девица
Дорогой ковер вышивает;
Она золотом ковер вышивала,
Она жемчугом ковер унизала.
Уж, кому мой ковер достанется?
Доставался мое ковер
Ладу милому.
Я могу ковра прибавить,
Я со всех сторон, со четыриих,
Я со всех углов, с золотыих[13].

14.

Чрез круг летит утка,
Калина, малина моя!
Чрез наш хороводец.
Калина, малина моя!
Пора девушек замуж,
Калина, малина моя!
Пора красных замуж,
Калина, малина моя!
За крестьянского ль сына?
Калина, малина моя!
У крестьянского сына
И толочь и молоть,
Решетом подсевать.
Калина, малина моя!
Чрез круг летит утка,
Калина, малина моя!

Чрез наш хороводец.
Калина, малина моя!
Пора девушек замуж,
Калина, малина моя!
Пора красных замуж,
Калина, малина моя!
За боярского ли сына?
Калина, малина моя!
У боярского сына
Окошки косые,
Лакеи босые,
Собаки борзые.
Калина, малина моя!
Чрез круг летит утка,
Калина, малина моя!
Чрез наш хороводец.
Калина, малина моя!
Пора девушек замуж,
Калина, малина моя!
Пора красных замуж,
Калина, малина моя!
За старостина ль сына?
Калина, малина моя!
У старостина сына
Прянички сладенькие,
Мед сыченый.
Калина, малина моя!
А мы сели, да съели[14].
Калина, малина моя!

15.

Как у нас было за дворьем
Росла трава шелковая:
Ой люли, шелковая!
По той траве лада шла,

За ладой муж бредет.
Ой люли, шелковая!
Ты постой, лада моя,
Ты подожди, лада моя!
Ой люли, шелковая!
Я, сударь, не твоя,
Я родимого батюшки.
Ой люли, шелковая!
Как у нас было за дворьем
Росла трава шелковая!
Ой люли, шелковая!
Как шли молодцы из Москвы,
Вели коня под ковром,
Ой люли, шелковая!
Под золотым чепраком.
Конь копытом землю выбивал,
Ой люли, шелковая!
Бел камень выбивал.
В очиво камня нет,
Ой люли, шелковая!
В моем муже правды нет;
С чужой женой водится,
Ой люли, шелковая!
Со мной, младой, ссорится,
Надо мной, младой, издевается.
Ой люли, шелковая!
Чужой жене башмаки,
А мне младой котики.
Ой люли, шелковая!
Уж я ли мужа подарю,
Сошью мужу рубашку,
Ой люли, шелковая!
Из тонкого полотенца,
Из дерюжного конца[15].
Ой люли, шелковая!

16.

Ай вдоль, да по улице,
Ай вдоль, да по широкой,
Ой люли, ой люли по широкой!
Шли тут девушки,
Шли тут молодушки.
Ой люли, ой люли молодушки!
Меня, младу, с собой звали,
Меня, младу, с двора кликали.
Ой люли, ой люли кликали!
Вы постойте, подождите,
Белы руки подожмите;
Ой люли, ой люли подожмите!
Я пойду ли, я спрошаю ль
У матушки, у свекра-батюшки.
Ой люли, ой люли батюшки.
Свекор-батюшка, пусти погулять?
Свекровушка-матушка, пусти погулять?
Ой люли, ой люли погулять!
Хотя пустим погулять,
Да без мужа не ходи.
Ой люли, ой люли не ходи!
Уж, мой ли муж старый старичища
Не пускает одну на игрища!
Ой люли, ой люли на игрища!
Я пойду ль, я спрошусь
Своего старого мужа.
Ой люли, ой люли старого мужа!
Пусти на улицу погулять,
С ребятами поиграть.
Ой люли, ой люли поиграть!
Хоть я отпущу гулять,
Прежде шкуру дай содрать[16].
Ой люли, ой люли содрать!

17.

Ах, и по морю! Ах, и по морю!
Ах, и морю, морю синему!
Плыла лебедь, плыла лебедь,
Лебедь белая, со лебедушками,
Со малыми, со дитятами,
Ни тряхнется, ни ворохнется;
Плывши лебедь, встрепенулася,
Под ней вода всколыхнулася,
Плывши лебедь, вышла на берег.
Где ни взялся, где ни взялся,
Где ни взялся млад ясен сокол;
Убил, ушиб, убил, ушиб,
Убил, ушиб лебедь белую;
Он кровь пустил по синю морю;
Он пух пустил, он пух пустил,
Он пух пустил, по под небесью;
Сорил перья, сорил перья,
Сорил перья по чисту полю.
Где ни взялась, где ни взялась
Красна девица душа;
Брала перья, брала перья,
Брала перья лебединые,
Клала в шапку, клала в шапку,
Клала в шапку соболиную,
Милу дружку, милу дружку,
Милу дружку на подушечку,
Родну батюшке, родну батюшке,
Родну батюшке на перинушку.
Где ни взялся, где ни взялся,
Где ни взялся добрый молодец.
Бог на помочь, Бог на помочь,
Бог на помочь красна девица душа!
Она ж ему, она ж ему,
Она ж ему не поклонится.

Грозил парень, грозил парень,
Грозил парень красной девице:
Добро, девка, добро, девка,
Добро, девка, девка красная!
Зашлю свата, зашлю свата,
Зашлю свата, за себя возьму;
Будет время, будет время,
Будет время и поклонишься мне;
Будешь, девка, будешь, девка,
Будешь, девка, у кроватушки стоять;
Будешь, девка, будешь девка,
Будешь, девка, белы руки, руки целовать;
Будешь держать, будешь держать,
Будешь держать шелкову плеть в руках.
Я думала, я думала,
Я думала, что не ты идешь,
Что не ты идешь, не мне кланяешься;
Я думала, я думала,
Я думала, что поповский сын,
Что поповский сын, вор Алешенька![17]

18.

Как у нас во дворе,
Как у нас во широком,
Люли браво, во широком!
Стоят девушки в кругу,
Стоят красные в кругу,
Люли браво, в кругу!
Одной-то нет, одной-то нет,
Одной-то нет свет Марьюшки!
Люли браво, свет Марьюшки!
Она ждет, пождет к себе,
Друга милого, суженого.
Люли браво, суженого!
Стелю, стелю перинушку,

Стелю, стелю пуховую.
Люли браво, пуховую!
Кого люблю, кого люблю,
Кого люблю, тому подарю:
Люли браво, подарю!
Не дарик большой, а любовный,
Пуховую перинушку.
Люли браво, перинушку!
И ты выди, свет Машенька,
Ты бери за белы руки суженого;
Люли браво, суженого!
Дари суженого подарком,
Дари ряженого перинушкой[18].
Люли браво, перинушкой!

19.

Взойду на церковь, на маковку,
Уроню шелковину серебряную.
Ехал Людин,
Селиван Петров,
Поднял шелковину серебряную.
Мы ему сулили,
Мы ему дарили:
Три коня татарских,
Три плети бухарских,
Три ковра,
Золотым охра;
Он просил девицу,
Да молоденькую.
Эта куна, эта лиса;
Эта вылезь вон[19].

20.

Селезень, сиз косатый,
Утеха моя!

Молодец кудреватый,
Надежа моя!
Расчесал милый кудри,
Утеха моя!
По алому кафтану,
Надежа моя!
По парчовому камзолу,
Утеха моя!
Заиграл милый во гусли,
Надежа моя!
Как струна струне молвит:
Утеха моя!
Пора молодцу жениться,
Надежа моя!
На душе ль, на вдовице?
Утеха моя!
Не женись, холостой,
Утеха моя!
Не женись, молодец,
Надежа моя!
На вдове своенравной.
Надежа моя!
Селезень, сиз косатый,
Утеха моя!
Молодец кудреватый,
Надежа моя!
Расчесал милый кудри,
Утеха моя!
По алому кафтану,
Надежа моя!
По парчовому камзолу.
Утеха моя!
Заиграл милый в гусли,
Надежа моя!
Как струна струне молвит:
Утеха моя!

Пора молодцу жениться,
Надежа моя!
На душе ль красной девице?
Утеха моя!
Женись, молодец,
Надежа моя!
Женись, холостой,
Утеха моя!
На девице красной[20].
Надежа моя!

21.

Я пойду, пойду во зеленый сад гулять,
Поищу я молодого соловья.
Соловей ты мой, батюшко!
Ты скажи, скажи мой млад соловей:
Кому воля, кому нет воли гулять?
Молодушкам нет волюшки,
Красным девицам своя воля гулять.
У молодушки три кручинушки:
Да как первая кручинушка –
Слать пуховую перинушку;
А другая-то кручинушка –
Растворяй жена широки ворота;
А как третья-то кручинушка –
Едет, едет мой ревнивый муж домой;
Он везет, везет гостинец дорогой,
Шелкову плетку, гнуто кнутовье,
Да ударит меня меж белых плеч.
Стану с мужа я кафтан скидывати,
Часты пуговки растегивати;
Хоть и рученьки белешеньки,
Хоть и пальчики тонешеньки,
На руках ли золоты перстни,

Только стану, стану разувать,
Про замужню жизнь вспоминать[21].

22.

Как у наших у ворот,
Люли браво, у ворот!
Стоял девок хоровод,
Люли браво, хоровод!
У точеных у дверей,
Люли браво, у дверей!
Все девки веселы!
Люли браво, веселы!
Одна девка лучше всех,
Люли браво, лучше всех!
Авдотьюшка вдовина,
Люли браво, вдовина!
По бережку гуляет,
Люли браво, гуляет!
Рукавчиком махает,
Люли браво, махает!
Сердечушком воздыхает,
Люли браво, воздыхает!
Словечушко говорит:
Люли браво, говорит!
Ах, свет моя сторона,
Люли браво, сторона!
Покровская слобода!
Люли браво, слобода!
Уж, мне в тебе не бывать,
Люли браво, не бывать!
Пивца, винца не пивать,
Люли браво, не пивать!
Сладких медов не едать,
Люли браво, не едать!
С молодцами не гулять![22]
Люли браво, не гулять!

23.

Как у нас во пиру,
Как у нас во беседе,
Ай люли, люли, во беседе!
Всем молодушкам весело,
Всем Ивановнам весело;
Ай люли, люли, весело!
Одной молодушке грустно,
Одной молодушке скучно!
Ай люли, люли, скучно!
Уж, у ней ли старый муж,
Уж, у ней ли старый гриб;
Ай люли, люли, старый гриб!
Молодушке погулять,
Молодушке побывать,
Ай люли, люли, побывать!
С ребятами поиграть,
С неженатыми потолковать,
Ай люли, люли, потолковать!
Запрещает, не велит,
Грозит бедную побить,
Ай люли, люли, побить!
Слезы катятся, играть хочется,
А стару мужу не покорюсь.
Ай люли, люли, не покорюсь!
Отпусти, сударь, батюшка,
На улицу погулять?
Ай люли, люли, погулять!
Я пошла, млада, разгулялась,
В зеленом саду разыгралась,
Ай люли, люли, разыгралась!
Все с ребятами, с неженатыми;
Что заря пришла, я домой пошла;
Ай люли, люли, домой пошла!
Родной батюшка у ворот стоит.

Ты поди, поди моя бедная,
Ай люли, люли, бедная!
Твой высок терем растворши стоит,
Твой ревнивый муж за столом сидит,
Ай люли, люли, сидит!
Шелкова плетка на столе лежит,
Толстая дубина перед ним.
Ай люли, люли, перед ним!
Я взошла во высок терем,
Мой высок терем затворяется,
Ай люли, люли, затворяется!
Мой ревнивый муж подымается,
За шелкову плеть принимается,
Ай люли, люли, принимается!
Плетка свистнула, руда брызнула.
Уж, ты, где была жена страдница?
Ай люли, люли, страдница!
Я была молода в зеленом саду,
Все с ребятами, с неженатыми[23].
Ай люли, люли, с неженатыми!

24.

Девушки вино курили,
Красные вино курили,
По молодца посылали,
По доброго человека,
По гостиного сына.
Сам молодец выглядывает,
Сам жидовин отговаривает:
Девушки! Я не буду к вам,
Красные! Вы не ждите меня.
Девушки пиво варили,
Красные вино курили,
По молодца посылали,
По доброго человека,
По гостиного сына.

Сам молодец выглядывает,
Сам жидовин отговаривает:
Девушки! Я не буду к вам,
Красные! Вы не ждите меня.
Девушки меды ставили,
Красные меды ставили,
По молодца посылали,
По доброго человека,
По гостиного сына.
Сам молодец выглядывает,
Сам жидовин отговаривает:
Девушки! Я не буду к вам,
Красные! Вы не ждите меня!
Девушки баню топили,
Красные баню топили,
По молодца посылали,
По доброго человека,
По гостиного сына.
Сам молодец выглядывает,
Сам жидовин приговаривает:
Девушки! И я буду к вам,
Красные! Вы не ждите меня.
Девушки приготовили,
Красные приготовили:
Три дубины дубовые,
Три хворостины березовые,
Три прута жимолостные.
Как идет молодец
На широкий к ним двор,
Шапочкой потряхивает,
Зелен кафтан охорашивает,
Сапоги на ножках оправливает.
Как учали молодца парити,
В три дубины дубовые,
В три хворостины березовые,
В три прута жимолостные.

Как идет молодец с широка двора,
Сапожки на ножках не оправливает.
Еще, дай Бог, у девушек
Век не бывать,
В баньке у девушек не париватися!
Щелок мылок,
Веник мягок
В спину льнет[24].

25.

Как из улицы идет молодец,
Из другой идет красна девица,
По близеньку сходилися,
По низехоньку поклонилися.
Да что возговорит добрый молодец:
Ты здорово ль живешь, красная девица?
Я здорова живу, мил сердечный друг;
Каково ты жил без меня один?
Давно мы с тобою не видалися,
Говорит девка улыбаючись,
Что с той поры, как расстались.
Говорит ей добрый молодец:
Мы пойдем гулять на царев кабак,
Мы за рубль возьмем зелена вина,
За другой возьмем меду сладкого,
А за третий возьмем пива пьяного,
За две гривенки сладких пряничков.
Как возговорит красна девица:
Я нейду гулять на царев кабак;
Я боюсь, боюсь родного батюшки,
Я боюсь, боюсь родной матушки.
Тут расстались и прощались,
Промежду себя целовалися.
Ты прости, прости, добрый молодец,
Ты прости, мил сердечный друг!

Да что возговорит добрый молодец:
Ты прости, прости, моя ладушка,
Ты прости, радость красна девица![25]

26.

Перед нашими вороты,
Перед нашими вороты,
Люли, люли бурлаки!
Перед нашими вороты
Разыгралися ребята.
Люли, люли бурлаки!
Все ребята молодые,
Молодые, холостые;
Люли, люли бурлаки!
Они шуточку шутили,
Во новы сени вскочили,
Люли, люли бурлаки!
Во новы сени вскочили,
Новы сени подломили,
Люли, люли бурлаки!
Красну девку подманили,
Во новы сани садили;
Люли, люли бурлаки!
Ты садися, девка, с нами,
Ты поедешь, девка, с нами,
Люли, люли бурлаки!
С нами, с нами молодцами,
С понизовыми бурлаками;
Люли, люли бурлаки!
У нас жить будет добренько:
У нас горы золотые,
Люли, люли бурлаки!
У нас горы золотые,
В горах камни дорогие.
Люли, люли бурлаки!

На обман девка сдалася,
На бурлацкие пожитки;
Люли, люли бурлаки!
А бурлацкие пожитки,
Что добры, да не велики,
Люли, люли бурлаки!
Что добры, да не велики:
Одна ложка, да котомка,
Еще третья-то обортка[26].
Люли, люли бурлаки!

27.

Как у нас в околице,
Как у нас во светличке,
Под окном девица сидела
Под красным, косящетым,
Буйну голову чесала,
Свою русу косу плела,
Свою русу косу плела,
К себе друга милого ждала.
Погляжу млада в окошко:
Уж, не идет ли милый друг?
Уж, как мой мил идет,
Что ясен сокол летит,
Шапочку охорашивает,
Белыми руками помахивает,
Черными кудрями потряхивает.
Я выходила, молода,
Из высокого терема
На широкий двор,
Встречать друга милого.
За белы руки хватала,
Во высоком терем вводила,
Под косящето окно сажала.
Уж ты, милый друг,

Порадуйся со мной,
Подивись моей русой
Ах, ты, косынька,
Коса, девичья краса!
Уж, как ты ли, русая коса,
Иссушила меня молодца,
Потускнели черны очи,
Позавял румянец на лице:
Нету удали у доброго,
Нету радости у молодчика.
Не плачь, не горюй,
Друг сердечный мой!
Моя русая коса
Не на горе рождена;
Моя русая коса
На роду тебе обречена.
И по батюшкину веленью,
И по матушкину согласью,
Расплетает мою косу
Разладица сваха.
Уж, ты, русая коса,
Расплетайся поскорей;
Уж, ты, красная девица,
Выдь скорей за меня[27].

28.

За морем Синичка не пышно жила,
Не пышно жила, пиво вваривала,
Солоду купила, хмелю в займы взяла,
Черный Дрозд пивоваром был.
Дай же нам Боже, пиво-то сварить,
Пиво-то сварить и вина накурить.
Созовем к себе гостей, мелких пташечек.
Совушка, вдовушка, не званая пришла.
Снегирюшка по сеничкам похаживает,

Соловушка головушку поглаживает.
Стали все птички меж собой говорить:
Что же ты, Снегирюшка, не женишься?
Рад бы я женился, да некого взять!
Взял бы я Пернатку – та матка моя;
Взял бы я Чечетку – та тетка моя;
Взял бы я Синичку – сестричка моя;
Взял бы я Сороку – щеколтивая;
Есть за морем Перепелочка,
Та мне ни матушка, ни тетушка;
Ту я люблю, ту за себя возьму.
Здравствуй, хозяин с хозяюшкою,
Со малыми дитятами![28]

29.

Подойду, подойду,
Под Царь-город подойду!
Вышибу, вышибу;
Копьем стену вышибу!
Выкачу, выкачу
С казной бочку выкачу!
Подарю, подарю,
Люту свекру-батюшке!
Будь добр, будь добр –
Как родимый батюшка!
Подойду, подойду,
Под Царь-город подойду!
Вышибу, вышибу,
Копьем стену вышибу!
Вынесу, вынесу,
Лисью шубу вынесу!
Подарю, подарю
Люту свекровь-матушке!
Будь добра, будь добра –
Как родима матушка![29]

30.

Ходил наш светлый князь,
Ходил около своего города,
Ходит около своего высокого,
Ищет наш светлый князь,
Ищет наш добрый князь,
Свою ли светлую княгиню,
Свою ли добрую княгиню.
Ходит, ходит князь,
Ходит кругом города;
Он сечет, он рубит
Своим мечом ворота.
Скоро ли, светлый князь,
Сыщем красну девицу?
Уж я ли где найду
Красну девицу, княгиню,
Ту ли девицу княгиню,
Златым перстнем подарю[30].

31.

Княжий сын хоробер,
Да ты что ходишь, гуляешь?
Княжий сын хоробер,
Да ты что примечаешь?
Скажу вам, друзья, подруженьки:
Как хожу я, как гуляю,
Как хожу я, как примечаю
Все свою лишь молодую.
Ведь моя-то княгиня,
Ведь моя-то молодая
Во Нове-городе гуляет,
На Торговой стороне играет:
Уж на моей ли княгине,
Уж на моей ли молодой

Красен венчик сияет,
Сарафан на ней камчатный,
Убрусец весь жемчужный,
Алы бархатны башмачки,
Два яхонта во серьгах,
Два алмаза во глазах,
Со походкой лебединой,
Со поступью орлиной[31].

32.

Жил курилка у ворот,
Жил чижик у ворот,
Жил воробышек у ворот,
Воробышек маленький,
Чижик желтенький.
Ах! Братцы, мало нас!
Голубчики, немножко!
Вы сбирайтесь, молодые,
Вы сходитесь, холостые,
В хороводе людей мало,
Веселиться не с кем стало.
Ах! Братцы, мало нас,
Голубчики, немножко!
Вы сбирайтесь, молодые,
Вы сходитесь, красные.
Еремей, сударь, иди к нам,
Иванович, приступись!
Ах! Братцы, мало нас,
Голубчики, немножко!
Чижик, пыжик у ворот,
Воробышек в хороводе[32].

33.

Под берегом селезень,
Под кремнистым селезень.

Выди, выди, селезень,
Выди, хохлатый селезень?
Студено ли те, селезень?
Мне не то тепло,
Мне те то студено,
Мне не то одному.
Приоденься, селезень,
Вот со девушки венок,
Со молодушки платок,
С старой бабы шлык,
С малого дитяти пеленка,
С мужика, бурлака,
Полкораблика,
С серой утицы
Сизый пух[33].

34.

Подле речки стоял част ракитов куст,
За кустом лежал сиротинушка,
На кустику соловейка песни пел,
А сиротинушка высвистывал:
У моего дружка у сердечного
Был пир на весь мир,
Все гости сходились, гости съезжалися,
Не было только одной голубушки!
Подле речки стоял част ракитов куст,
За кустом лежал сиротинушка,
На кустику соловейка песни пел,
А сиротинушка высвистывал:
Вот она идет, будто пава плывет,
Речи ведет, будто лебедь поет!
Мне жаль тебя, сиротинушку,
А жалчей того батюшку,
А жалчей того матушку;

У батюшки со матушкой
Я одна во дому всем ворочу;
У мила дружка во терему
Я послушница свекровушки;
У тебя ли, сиротинушки,
Я лежу у сердечушка[34].

35.

1. Бояре! Да вы почто пришли?
Молодые, да вы почто пришли?
2. Княгини! Да мы невест смотреть!
Молодые, да мы невест смотреть!
1. Бояре! Покажите жениха?
Молодые, покажите жениха?
2. Княгини! Во се наш женишок!
Молодые, во се наш женишок!
1. Бояре! Покажите терем?
Молодые, покажите терем?
2. Княгини! Во се девичий терем!
Молодые, во се девичий терем!
1. Бояре! Покажите кафтан?
Молодые, покажите кафтан?
2. Княгини! Во се наш кафтан!
Молодые, во се наш кафтан!
1. Бояре! Покажите кушак?
Молодые, покажите кушак?
2. Княгини! Во се наш кушак!
Молодые, во се наш кушак!
1. Бояре! Покажите сапоги?
Молодые, покажите сапоги?
2. Княгини! Во се наш сапожок!
Молодые, во се наш сапожок!
1. Бояре! Идите во терем?
Молодые, идите во терем?

2. Княгини! Поздороваться!
Молодые, со всем поездом![35]

36.

Во саду ли было, под яблонью,
В зеленом, под кудрявою,
Соловей выщекочет,
Молодой выщекочет.
В терему-то
Свет у красной девицы,
Во высоком-то у души,
Красны девицы играют.
Уж, ты слышишь ли,
Красна девица,
Свет душа?
Тебя батюшка кличет,
Тебя свет родной кличет?
Ох! Вы, свет мой подруженьки,
Зачем раньше не сказали,
Я право не слыхала.
Во саду ли было, под яблонью,
В зеленом, под кудрявою,
Соловей выщекочет,
Молодой выщекочет.
В хороводе красны девицы
У ворот стоят,
В хороводе красны девицы
Всей околицей играют.
Уж, ты слышишь ли,
Красна девица,
Свет душа?
Тебя подруженьки манят,
Молодой по дороженьке идет.
Ох! Вы, свет мои подруженьки,

Я давно сама завидела,
Я сама к нему иду[36].

37.

У душечки, красной девицы
Зелен огородец,
Новый, новый огородец,
Чистой частоколец.
Под тот ли огородец,
Под тот ли частоколец,
Ручеек течет.
Покатился частоколец,
Повалился частоколец,
К земле приклонился.
От того частокольца
Свито три тыночка,
От того от тынычка
Лежат три следочка.
Уж те три следочка
Снежком призапали.
Три дружочка
Про красну девицу
Небыль насказали,
Небыль, небыль, небылицу,
Небылые речи:
Будто красна девица
Порану вставала,
По утру рано вставала,
Голову чесала,
Русу косу заплетала,
Лентой перевивала,
На заре ранешенько
Друга провожала,
Друга провожала
До зеленого луга.

С полу-дороги ворочалась,
С милым не прощалась[37].

38.

Около сыра дуба,
Люли, люли, дуба!
Растет чернь черница,
Люли, люли, черница!
А во той ли во чернице,
Люли, люли, во чернице!
Черен соболь скачет;
Люли, люли, скачет!
Поскачи, поскачи, соболь,
Люли, люли, соболь!
По чисту полю,
Люли, люли, полю!
Поплыви, поплыви, утя,
Люли, люли, утя!
По тиху Дунаю;
Люли, люли, Дунаю!
Ищи себе друга,
Люли, люли, друга!
Ищи себе любушку.
Люли, люли, любушку!
Около сыра дуба,
Люли, люли, дуба!
Растет чернь черница,
Люли, люли, черница!
А во той ли во чернице,
Люли, люли, во чернице!
Красных девиц хоровод.
Люли, люли, хоровод.
Скачите вы, девушки, пляшите;
Люли, люли, пляшите!
Вы, холостые, не смотрите.

Люли, люли, не смотрите!
Смотрючи, девушку не взяти,
Люли, люли, не взяти!
Взять ли, не взять по любови,
Люли, люли, по любови!
По батюшкину благословению,
Люли, люли, благословенью!
По матушкину умоленью,
Люли, люли, умоленью![38]

39.

Из-за бору, бору,
Из-за зеленого,
Протекала свет
Быстрая речка,
Стучала, гремела
По кремням острыим,
Обрастала быстра речка
Калиной, малиной.
На калиновом мосточке
Сидела голубка,
Ноженьки мыла,
Перемывала,
Свое сизо перышко
Перебирала,
Свою буйну голову
Чесала,
Перебравши сизо перье,
Перечесавши буйну голову,
Сама взворковала:
Завтра по утру
Батюшка будет;
Хоть он будет аль не будет,
Тоски не убудет;

Вдвое, втрое у голубки
Печали прибудет[39].

40.

Со высокиих ворот,
Со высокиих ворот,
Вдоль по дороженьке,
Вдоль по пробойной,
Летит сокол,
Едет молодец.
Сокол ли мой, сокол,
Зеленая пташка!
Ты проезжий, добрый молодец,
Привез меня молоду
В чужу дальню сторону;
Сушил, крушил три года,
Велел, грозил молодой
Забыть родиму сторону.
Напишу ль я грамотку
По белому бархату
Чистым, красным золотом;
Отошлю я свою грамотку
В дальний город Астрахань,
К родимому батюшке,
К родимой матушке.
У меня ли, у младой,
Все горе, да кручинушка;
У меня ли, у младой,
Все сердечушко изныло;
У меня ли, у младой,
Есть зазнобушка одна.
Прикажи, сударь, батюшка,
Прикажи, сударыня, матушка:
Скакать, плясать, жировать?

Скачи, пляши, дитятко,
Жируй, сударыня,
Покамест старость не пришла!
Уж как старость ли придет,
Все забавушки пришибет[40].

41.

Как у нас ли во селе
Красны девицы пригожи,
Пригожи, да румяны,
Ясны очи, заглядчиваты!
Уж и что девицы завидят,
Все на ясны очи берут.
А у них мука мелка овсяна,
Овсяна, мелко вытолчена,
Мелко вытолчена,
В решето высеяна.
Как у нас во селе
Есть вдовушка честна,
У ней дочка умна, учена;
Она во тереме сидит,
В руках пялички держит,
Все узоры вышивает[41].

42.

Ай во поле, ай во поле,
Ай во широком раздолье
Стоят шатры, стоят полотняные!
Во шатрах сидят князья, бояре,
За шатром гостин сын гуляет.
Он во гусли играет,
Девушку утешает:
Не плачь, не плачь, девушка,
Не плачь, не плачь, красная!

Сошью тебе, девушка,
Шубку, юбку, телогрейку,
Монисту со камнями,
Серьги с жемчугами.
Ай во поле, ай во поле,
Ай во широком раздолье
Стоят шатры, стоят полотняные!
Во шатрах сидят князья, бояре,
За шатром красна девица гуляет.
Она речи ведет
К гостину молодцу:
Не надобно, молодец,
Ни шубки, юбки, телогрейки,
Ни монисты со камнями,
Ни серег с жемчугами;
Пусти меня, молодец,
Ко девичью стадичку!
Тогда я тебя отпущу,
Когда русу косу расплету[42].

43.

Чрез реченьку лежала,
Чрез реченьку лежала
Тонка, гибка жердиночка,
Что никто по той жердиночке не пройдет.
Только шли, прошли стары бабы,
Стары бабы старобразы.
Еще сметь ли спросить старых баб,
Еще что в городу вздорожало?
Вздорожали, вздорожали молоды бабы:
На овсяной блин по три бабы,
А четверта провожата,
А пятая на придачу.
Чрез реченьку лежала,

Чрез реченьку лежала
Тонка, гибка жердиночка,
Что никто по той жердиночке не пройдет.
Только шли, прошли молоды бабы,
Молоды бабы, пригожи.
Еще сметь ли спросить молодых баб,
Еще что в городе вздорожало?
Вздорожали, вздорожали добры молодцы:
Еще восемь молодцов на полденьги,
А девятый провожатый,
А десятый на придачу.
Чрез реченьку лежала,
Чрез реченьку лежала
Тонка, гибка жердиночка,
Что никто по той жердиночке не пройдет.
Только шли, прошли добры молодцы.
Еще сметь ли спросить добрых молодцов,
Еще что в городе вздешевело?
Вздешевели, вздешевели красны девушки:
По сту рублей красна девица,
А по тысяче девиц на косицу[43].

44.

На горе калинушка стояла,
Разноцветом расцветала,
На калинушке сидит соловейка,
Веселые песни распевает,
Холостому молодцу весть подает:
Пора тебе, молодец, жениться.
Пойду ли я на матушку на Волгу,
К наблышому там атаману.
Чем меня государь-батюшка подарует?
Подарил меня государь-батюшка женою,
Глупою женою, неразумной:
Я за гудок, а она за прялку;

Я в гудок играти, а она мотати.
Незачем в люди на кручину,
Дома кручинушки довольно.
На горе калинушка стояла,
Разноцветом расцветала;
На калинушке сидит соловейка
Веселые песни распевает,
Холостому молодцу весть подает:
Пора тебе, молодец, жениться,
Тебе, старой бабе, постричься.
Пойду ли я на матушку на Волгу,
К наблышому там атаману.
Чем меня государь-батюшка подарует?
Подарил меня государь-батюшка женою,
Умною женою и разумной:
Я за гудок, а она за песни,
Я в гудок играти, а она плясати.
Незачем в люди по веселье,
Дома весельица довольно[44].

45.

Как за горницей, за повалушею
Не в гусли играют,
Не в свирели говорят,
Говорят мои подруженьки
На игрища идти.
Уж меня, молодешеньку,
Свекор не пускает,
Заставляет свекор батюшка:
Гумно чистить,
Метлой мести,
Метлой мести,
Детей качать.
Уж я ли в сердце взойду,
И метлу изломлю,

И гумно истончу,
И детей уложу;
А сама-то молодешенька
На игрище пойду:
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода.
Как за горницей, за повалушею
Не в гусли играют,
Не в свирели говорят;
Говорят мои подруженьки
На игрище идти.
Уж меня, молодешеньку,
Свекровь не пущает,
Заставляет свекровь матушка:
Красенца ткать,
Конопли брать,
По воду ходить,
Избы топить,
Ребят кормить.
Уж я ли в сердце войду,
Красна изорву, берды изломлю,
Конопли изомну,
Кувшины перебью,
Детей накормлю;
А сама-то молодешенька
На игрище пойду:
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода[45].

46.

Как во городе было Казани,
Протекала тут Волга-река,
По той-то, по Волге-реке
Проплывала осетр рыба,
Что осетр рыба свежая.

Ой вы, ребята молодые!
Вы берите широки невода,
Вы ловите осетр рыбу светлую.
Как вы эту осетр рыбу
По добру привелось изловить
Хозяину на столы дубовые,
Да на скатерти браные,
Да на блюда на серебряные.
Как во городе было Казани,
Протекала тут Волга-река,
По той-то, по Волге-реке
Плывут добры молодцы
На волжаных лодеичках.
Как перед ними во дали,
Что вдали, в чистом поле,
Разыгралися черные соболи.
Ой вы, ребята молодые!
Вы берите широки путы,
Вы ловите черные соболи.
Как бы эти черные соболи
По добру привелось изловить
Хозяюшке на шубу, да на белы плечи[46].

47.

Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь!
Вот со девушки венок,
Вот со молодушки платок,
Уж со старой старушки
Вот шелковый платок.
Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь!
Чей венок толочу, волочу,
Чей венок толочу, волочу,
По подлавичью, по залавичью?

Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь!
Я не дам венка топтать,
Я не дам венка толочить!
Я сама ли выскочу,
Я сама ли выпляшу.
Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь!
Чей платок толочу, волочу,
Чей платок толочу, волочу
По полице, по скамеечке?
Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь!
Я не дам платка топтать,
Я не дам платка толочить!
Я сама ли выскочу
Я сама ли выпляшу.
Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь!
Чей шелковый толочу, волочу,
Чей шелковый толочу, волочу
По улице, по задворнице?
Уже вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь!
Я не дам шелкова топтать,
Я не дам шелкова толочить!
Я сама ли выскочу,
Я сама ли выпляшу.
Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь!
Ты, старушка стара,
Не под силу молода,
Ты станом коротка,
Ты плечами широка.
Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь!

Я станом коротка,
Я плечами широка,
А на эти-то плеча
Три рябиновых дубца,
Три дубца распаренные,
Три дубца разжаренные.
Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь!
А у те подпояска долга,
Что полусеми сажень изба,
Повернуться нельзя.
Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь!
Я повернула, пошла,
Будто ягода красна,
Будто земляника хороша.
Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь!
А у те что за чеботы?
Ты обейка чеботы,
Ты пробейка чеботы.
Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь!
Мне не муж их купил,
Мне никто заводил,
Заводил Константин
На свои шесть алтын;
Хоть истопчутся,
Хоть износятся,
Мой батюшка-то швец,
Мой жених-то кузнец,
Моя матушка прядеюшка,
Мне вервицу напрядет[47].
Уж вы, девушки, играйте,
Уж вы, красные, веселитесь!

48.

По широкой по реке,
По раздольной по Оке
Плывет селезень.
Люли, люли, селезень!
Ты стой, постой,
Ты стой, постой
Хохлатый селезень:
Люли, люли, селезень!
У тебя ли во дому
Повернулось по бревну,
По бревну, по сосновому.
Люли, люли, селезень!
По широкой по реке,
По раздольной по Оке
Плывет суденышко:
Люли, люли, селезень!
На суденышке детинушка,
На детинушке рубашечка,
Под сердечушком зазнобушка.
Люли, люли, селезень!
У тебя ли во дому
Сочинилася беда:
Изменила молода.
Люли, люли, селезень![48]

49.

Ай во поле, ай во поле,
Ай во поле липинка!
Под липою, под липою,
Под липою был шатер.
Во том шатре, во том шатре,
Во том шатре стол стоит,
За тем столом, за тем столом,
За тем столом девица,

Рвала цветы, рвала цветы,
Рвала цветы со травы,
Вила венок, вила венок,
Вила венок с городы,
Со дорогим, со дорогим,
Со дорогим яхонтом.
Кому венок, кому венок,
Кому венок износить?
Носить венок, носить венок,
Носить венок старому.
Старому венок, старому венок,
Старому венок не сносить,
Мою молодость, мою молодость,
Мою молодость не сдержать.
Ай во поле, ай во поле,
Ай во поле липинка!
Под липою, под липою,
Под липою был шатер,
Во том шатре, во том шатре,
Во том шатре стол стоит,
За тем столом, за тем столом,
За тем столом девица,
Рвала цветы, рвала цветы,
Рвала цветы со травы,
Вила венок, вила венок,
Вила венок с городы,
Со дорогим, со дорогим,
Со дорогим яхонтом.
Кому венок, кому венок,
Кому венок износить?
Носить венок, носить венок,
Носить венок милому;
Милому венок, милому венок,
Милому венок износить;
Мою молодость, мою молодость,
Мою молодость содержать[49].

50.

У воробушки головушка болела!
Ох, как болела?
Так болела, так болела, так болела!
У воробушки сердечушко щемило!
Ох, как щемило?
Так щемило, так щемило, так щемило!
У воробушки спинушка болела!
Ох, как болела?
Так болела, так болела, так болела!
У воробушки рученька болела!
Ох, как болела?
Так болела, так болела, так болела!
У воробушки ноженька болела!
Ох, как болела?
Так болела, так болела, так болела!
Уж стал воробей приседати!
Ох, как воробей приседати?
Так приседати, так приседати, так приседати!
Захотел воробей перемены!
Ох, как перемены?
Так перемены, так перемены, так перемены![50]

51.

Я посею бел лен,
И тонок, и долог,
И бел, волокнист.
Уродился бел лен,
И тонок, и долог,
И бел, волокнист.
Стал лен поспевати,
Стал бел созревати,
И тонок, и долог.
А я млада горевати:
С кем-то мне лен брати?

Как свекор тут молвит:
Я с тобою,
Я с снохой молодою!
Черт это, не бранье,
Все лишь гореванье!
Я посею бел лен,
И тонок, и долог,
И бел, волокнист.
Уродился бел лен,
И тонок, и долог,
И бел, волокнист.
Стал лен поспевати,
Стал бел созревати,
И тонок, и долог,
И бел, волокнист.
А я млада горевати:
С кем-то лен мне брати?
Как свекровь тут молвит:
Я с тобою,
С снохой молодою!
Черт это, не бранье,
Все лишь гореванье!
Я посею бел лен,
И тонок, и долог,
И бел, волокнист.
Уродился бел лен,
И тонок, и долог,
И бел, волокнист.
Стал лен поспевати,
Стал лен созревати,
И тонок, и долог,
И бел, волокнист.
А я млада горевати:
С кем-то мне лен брати?
Как ладушка молвит:
Я с тобою.

С моей дорогою!
Вот это-то бранье,
Все лишь целованье![51]

52.

Пошли девки в сыры боры,
Пошли красны в лес по ягодки!
Ой люли, люли, по ягодки!
Все девки понабрались,
Все красны понабрались;
Ой люли, люли, понабрались!
Одна девка не набралася,
Одна девка не набралася.
Ой люли, люли, не набралася!
Сама ходючи, растужилася,
Растуживши, взмолилася.
Ой люли, люли, взмолилася!
Стала плакати,
Подруг кликати:
Ой люли, люли, кликати!
Подруженьки, вы голубушки,
Вы голубушки сложитеся,
Ой люли, люли, сложитеся!
Вы сложитеся по ягодке,
Вы бросьте мне по горсточке;
Ой люли, люли, по горсточке!
У меня ли, у младешеньки,
Не родной отец, не родная мать;
Ой люли, люли, не родная мать!
У меня ли, у младешеньки,
Свекор-отец, свекровь-мать,
Ой люли, люли, свекровь-мать!
И бьют, и журят,
Понапрасну бранят.
Ой люли, люли, бранят!

Подруженьки не сложилися,
Голубушки не согласилися.
Ой люли, люли, не согласилися!
В ответ держат подруженьки,
В ответ держат голубушки:
Ой люли, люли, голубушки!
Не кто велел за кустом лежать,
Не кто велел по полям играть[52].
Ой люли, люли, играть!

53.

Как у наших у ворот,
Как у наших у ворот,
Люли, люли, у ворот!
Стоял девок хоровод,
Стоял девок хоровод,
Люли, люли, хоровод!
Молодушек табунок,
Молодушек табунок,
Люли, люли, табунок!
Меня девки кликали,
Меня девки кликали,
Люли, люли, кликали!
На улицу поиграть,
На улицу поиграть,
Люли, люли, поиграть!
В хороводе поплясать,
В хороводе поплясать.
Люли, люли, поплясать!
Меня свекор не пустил,
Меня свекор не пустил,
Люли, люли, не пустил!
Хотя пустил, пригрозил,
Хотя пустил, пригрозил:
Люли, люли, пригрозил!

Гуляй, сноха, да не долго,
Гуляй, сноха, да не долго!
Люли, люли, да не долго!
А я млада загуляла,
А я млада загуляла,
Люли, люли, загуляла!
До саминьких петушков,
До саминьких петушков;
Люли, люли, петушков!
Как зорюшка занялась,
Как зорюшка занялась,
Люли, люли, занялась!
А я млада поднялась,
А я млада поднялась,
Люли, люли, поднялась!
Навстречу мне деверек,
Навстречу мне деверек,
Люли, люли, деревек!
Деверьюшка батюшка,
Деверьюшка батюшка,
Люли, люли, батюшка!
Проводи меня домой,
Проводи меня домой,
Люли, люли, домой!
До моего до двора,
До моего до двора,
Люли, люли, до двора!
До высока терема,
До высока терема.
Люли, люли, терема!
Подхожу я ко двору,
Подхожу я ко двору,
Люли, люли, ко двору!
Свекор ходит по двору,
Свекор ходит по двору,
Люли, люли, по двору!

Повесивши голову,
Повесивши голову,
Люли, люли, голову!
Станет свекор младу бить,
Станет свекор младу бить,
Люли, люли, бить!
А ты меня отними,
А ты меня отними;
Люли, люли, отними!
Не отнимешь прочь поди,
Не отнимешь прочь поди[53].
Люли, люли, прочь поди!

54.

Как у наших у ворот
Стоит озеро воды.
Ой люли, ой люли,
Стоит озеро воды!
Молодец коня поил,
К воротичкам приводил,
Ой люли, ой люли,
К воротичкам приводил!
К вереюшке привязал,
Красной девке приказал:
Ой люли, ой люли,
Красной девке приказал!
Красна девица, душа!
Сбереги добра коня,
Ой люли, ой люли,
Сбереги добра коня!
Сбереги добра коня,
Коня семитысячного.
Ой люли, ой люли,
Коня семитысячного!
Не сорвал бы повода,

Не сломил бы удила.
Ой люли, ой люли,
Не сломил бы удила!
Красна девица идет,
Словно павушка плывет;
Ой люли, ой люли,
Словно павушка плывет!
На ней платье голубое,
Лента алая в косе;
Ой люли, ой люли,
Лента алая в косе!
На головушке перо
Хоть пять сот рублей дано,
Ой люли, ой люли,
Хоть пять сот рублей дано!
Хоть пять сот рублей дано,
Стоит тысячи оно.
Ой люли, ой люли,
Стоит тысячи оно![54]

55.

Стояло тут косово дерево,
Лели, лели, лели!
Во том деревце тыночик стоит,
Лели, лели, лели!
Во том тыночке беседа сидит,
Лели, лели, лели!
В той беседе пляшут девицы.
Лели, лели, лели!
Мимо тут ехал удал молодец;
Лели, лели, лели!
Снявши шапочку, он девке челом,
Лели, лели, лели!
Слезши с коня, он руку подает.
Лели, лели, лели!

Девка ему поклонилась,
Лели, лели, лели!
Красна ему руку подала.
Лели, лели, лели!
Взявши с тыночка, за руку повел,
Лели, лели, лели!
За руку повел под злат венец.
Лели, лели, лели![55]

56.

Окол Дону, окол Дону,
Окол тихого Дуная,
Добрый молодец гуляет,
Добрый молодец гуляет,
Табун коней загоняет.
Кони, кони вороные,
На них узды золотые,
Чепраки парчовые,
Подковы серебряные.
Уж, ты девица душа
Догадайся, догадайся.
Уж и рада б догадаться,
Родного батюшки боюсь;
Я боюсь, боюсь отца,
Да потешу молодца,
Я за то его потешу,
Что один сын у отца[56].

57.

Заинька, поскачи,
Серенький, попляши.
Кружком, бочком повернись,
Кружком, бочком повернись!
Заинька, в ладоши,
Серенький, в ладоши.

Кружком, бочком повернись,
Кружком, бочком повернись!
Здесь города все немецкие,
Закрепочки железные;
Кружком, бочком повернись,
Кружком, бочком повернись!
Есть зайцу куда выскочить,
Есть старому куда выскочить.
Кружком, бочком, повернись,
Кружком, бочком, повернись![57]

Варианты хороводных песен

Для песни, напечатанной под № 2, мы имеем четыре варианта, замечательные по своим разноречиям.

1.

А мы копонь капали;
Зеленая травушка, алый цвет!
А мы просо сеяли;
Зеленая травушка, алый цвет!
А мы просо вытопчем.
Зеленая травушка, алый цвет!
А чем же вам вытоптать?
Зеленая травушка, алый цвет!
А мы коней выпустим;
Зеленая травушка, алый цвет!
А мы коней изловим.
Зеленая травушка, алый цвет!
А чем же вам изловить?
Зеленая травушка, алый цвет!
Шелковым поводом.
Зеленая травушка, алый цвет!
А мы коней выкупим;

Зеленая травушка, алый цвет!
Да чем же вам выкупить?
Зеленая травушка, алый цвет!
А мы дадим белую куницу;
Зеленая травушка, алый цвет!
Не надо нам белую куницу.
Зеленая травушка, алый цвет!
А что же вам надобно?
Зеленая травушка, алый цвет!
А нам надо девицу;
Зеленая травушка, алый цвет!
За девицу слова нет.
Зеленая травушка, алый цвет!
Вот же вам девица!
Зеленая травушка, алый цвет!
А нашему полку убыло;
Зеленая травушка, алый цвет!
А нашего полку прибыло.
Зеленая травушка, алый цвет!

Так этот вариант мы слышали в Дмитровском уезде Московской губернии.

2.

А мы просо сеяли;
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А мы просо вытопчем.
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А чем вам вытоптать?
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А мы коней выпустим;
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!

А мы коней сгоним;
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А чем же вам согнать?
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А шелковым поясом;
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А мы коней выкупим;
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А чем же вам выкупить?
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А мы дадим веверицу;
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А не надо нам веверицу.
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А что же вам надо?
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А нам надо девицу.
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А вот вам девицу!
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А нашего полку убыло;
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А нашего полку прибыло.
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!

Этот вариант списан нами со слов поселян Каширского уезда Тульской губернии.

3.

А мы бродим воду;
Ой Дид, Ладо, бродим воду!
А мы просо сеяли;
Ой Дид, Ладо, просо сеяли!
А мы просо вытопчем.
Ой Дид, Ладо, вытопчем!
А чем же вам вытоптать?
Ой Дид, Ладо, вытоптать!
А мы коней выпустим;
Ой Дид, Ладо, выпустим!
А мы коней переймем;
Ой Дид, Ладо, переймем!
А чем же вам перенять?
Ой Дид, Ладо, перенять!
Шелковым поводом.
Ой Дид, Ладо, поводом!
А мы коней выкрадем;
Ой Дид, Ладо, выкрадем!
А как же вам выкрасть?
Ой Дид, Ладо, выкрасть!
А мы водой переймем;
Ой Дид, Ладо, переймем!
А мы воду обойдем;
Ой Дид, Ладо, обойдем!
А мы дадим кун;
Ой Дид, Ладо, кун!
А нам не надо кун.
Ой Дид, Ладо, кун!
А что же вам надо?
Ой Дид, Ладо, надо!
А нам надо девицу.

Ой Дид, Ладо, девицу!
А мы выдадим девицу;
Ой Дид, Ладо, девицу!
А мы берем девицу.
Ой Дид, Ладо, девицу!
А нашего полку убыло;
Ой Дид, Ладо, убыло!
А нашего полку прибыло.
Ой Дид, Ладо, прибыло!

Этот вариант списан со слов поселян Жиждренского уезда Калужской губернии.

4.

А мы просо сеяли;
Ой Дид со Ладой, сеяли?
А мы просо вытопчем.
Ой Дид со Ладой, вытопчем!
А чем же вам вытоптать?
Ой Дид со Ладой, вытоптать!
А мы коней выпустим;
Ой Дид со Ладой, выпустим!
А мы коней переймем.
Ой Дид со Ладой, переймем!
А чем вам перенять?
Ой Дид со Ладой, перенять!
Шелковым поводом.
Ой Дид со Ладой, поводом!
А мы коней выкупим;
Ой Дид со Ладой, выкупим!
А чем же вам выкупить?
Ой Дид со Ладой, выкупить!
А мы дадим сто гривен;
Ой Дид со Ладой, сто гривен!
Не надо нам тысячи.
Ой Дид со Ладой, тысячи!

А мы дадим молодца;
Ой Дид со Ладой, молодца!
У нас молодец дома есть.
Ой Дид со Ладой, дома есть!
А что же вам надобно?
Ой Дид со Ладой, надобно!
А нам надобно девицу.
Ой Дил со Ладой, девицу!
А нашего полку убыло;
Ой Дид со Ладой, убыло!
А нашего полку прибыло.
Ой Дид со Ладой, прибыло!

Так этот вариант списан нами со слов поселян Веневского уезда Тульской губернии. Тот же самый мы слышали в Зарайском уезде Рязанской губернии; только вместо припева: «Ой Дид со Ладой» пели: «Ой Диде, Ладо!»

Для песни, напечатанной под № 3, мне известны только три варианта.

1.

Ай на горе ли мак, мак,
А под горою так, так!
Ах, свет мои маковочки,
Золотые головочки!
Станьте вы в ряд,
Будет у нас мак!

2.

У нас на горе мак, мак;
У вас под горою так, так!
Ой маки, маковочки,
Золотые головочки!
Станьте все в ряд,
Допросим про мак!

3.

Маки, маки, маковицы,
Золотые головицы!
Станемте мы так,
Спросимте про мак!

Первый вариант списан со слов поселян Козловского уезда Тамбовской губернии; второй подслушан в Каширском уезде; а третий выписан из собрания Прача, ч. 2, с. 67, где он причислен к святочным.

Для песни, напечатанной под № 4, мне известнее один вариант, слышанный от поселян Тульского уезда.

Заплетися, плетень, заплетися;
Ты завейся, труба золотая,
Ты завернися, камка хрущетая!
Ах, свет сера утица!
Потопила малых детушек
Ты в меду и в патоке,
И во ястве во сахарном!
Расплетися, плетень, расплетися;
Ты развейся, труба золотая,
Ты развернися, камка хрущетая!
Ах, свет сета утица!
Выкупай малых детушек
Ты из меда, из патоки,
Ты из яства сахарнова!

Для песни, напечатанной под № 5, мне известны два варианта.

1.

Селезень, селезень,
Хохлатый селезень!

Ты выди, селезень,
Ты посмотри, селезень;
Где утушка твоя?
Где семеро утей?
Селезень, догоняй утку,
Молодой, догоняй утку.
Поди, утушка, домой,
Поди, серая, домой!
У те семеро детей,
Осьмой селезень.

2.

Сиз голубчик селезень,
Хохлатый селезень!
Селезень, догоняй утку,
Молодой, догоняй утку.
Поди, утушка, домой,
Поди, серая, домой!
У те семеро детей
Осьмой селезень.
Будет утушка нырять
По полям, по порям,
По кустам, по избам,
По чужим селезням,
По заезжим гостям.

Первый вариант списан со слов поселян Александровского уезда Владимирской губернии; а второй два раза слышал в селениях Калужского уезда.

Для песни, напечатанной под № 6, мне известен один вариант, слышанный в Тульском уезде.

Ай на горе высоко,
Ладо мое, Ладо, высоко!

Ай на горе мы пиво варили;
Ладо мое, Ладо, пиво варили!
Мы к этому пиву в круг соберемся,
Ладо мое, Ладо, в круг соберемся!
Мы к этому пиву все присядем;
Ладо мое, Ладо, все присядем!
Мы этого пива все выпьем;
Ладо мое, Ладо, все выпьем!
Мы с этого пива спать ляжем;
Ладо мое, Ладо, спать ляжем!
Мы к этому пиву опять встанем,
Ладо мое, Ладо, опять встанем!
Мы с этого пива все в ладоши ударим;
Ладо мое, Ладо, в ладоши ударим!
Мы с этого пива все перепьемся;
Ладо мое, Ладо, все перепьемся!
Мы с этого пива все передеремся;
Ладо мое, Ладо, все передеремся!
Мы от этого пива домой уберемся.
Ладо мое, Ладо, уберемся!

Для песни, напечатанной под № 8, мы имеем три варианта.

1.

Уж как звали молодца,
Подзывали удальца,
Ах вздунай, братцы! Вздунай,
Сын Иванович, вздунай!
Что в пир пировать,
На игрище поиграть;
Ах…
Уж как мне ли, молодцу,
Худо можется;
Ах…

Выходил наш молодец,
На крутой красный крылец,
Ах…
Закричал наш молодец,
Закричал наш удалой,
Ах…
Закричал наш удалой,
Громким голосом своим:
Ах…
Ах вы слуги мои!
Слуги верные мои!
Ах…
Вы берите ключи,
Отпирайте сундуки,
Ах…
Вынимайте кафтан
Золотой парчовый,
Ах…
Золотой парчовый
С серебряной бахромой.
Ах…
Как пошел наш молодец
Вдоль по улице в конец,
Ах…
Как садился молодец
Против вдовушки на скамью.
Ах…
Ах, ты вдовушка, вдова,
Супротивница моя,
Ах…
Супротивница моя,
Супротив сидишь меня;
Ах…
Подыми шапку,
Черну мурманку.
Ах…

Не слуга, сударь, твоя,
Я не слушаю тебя:
Ах…
Я когда буду твоя,
Так послушаю тебя.
Ах…

Мы буквально выписали этот вариант из собрания Прача. Он поместил его в числе святочных и напечатал ноты для этой песни.

2.

Ах, как звали удальца,
Позывали удальца.
Ах! Дунай, братцы, Дунай,
Сын Иванович, Дунай!
Как во пир пировать,
На игрище играть.
Уж как мне ли, молодцу,
Мало можется,
Мало можется,
Играть хочется;
И я выду, молодец,
На свой новый на крылец,
Закричу я, молодец
Громким голосом своим:
Ах! Как есть ли у меня
Слуги верные мои?
Вы берите ключи,
Отмыкайте сундуки,
Вынимайте кафтан,
Рудожелт камчат,
Вынимайте шапку,
Черную мурманку,
Вы подайте гусли

Звончатые мои.
Как пошел наш молодец
Ко вдовушке на конец;
Он садится молодец
Ко вдовушке на скамью,
Заиграл во гусли,
Во звончатые свои.
Уронил шапку,
Черну мурманку.
Ах! Ты вдовушка моя,
Молодая вдова,
Подними шапку,
Черну мурманку.
Не твоя, сударь, раба,
Я не слушаю тебя.

Точно в таком виде этот вариант был напечатан в песеннике Чулкова, ч. 4, и в новиковском, ч. 4, с. 166. По образцу этих двух песенников печатали все последующие издатели песен, с прибавлением своего изделия. Мы не обращаем внимания читателей на эти переделки; они сами могут встретить их в песенниках.

3.

Ах! Звали молодца.
Позывали удальца
На игрище поиграть,
На святые вечера!
Дунай мой, Дунай,
Силиванович, Дунай!
Во пиру он пировал,
Во беседушке сидел
На святых он вечерах,
На игрищах поиграл!
Дунай мой, Дунай.

В таком виде напечатал этот отрывок М. Н. Макаров в своем сочинении: «Русские предания». М., 1838, с. 34. Еще задолго до издания этого сочинения г. Макаров напечатал в трудах Общества любителей Российской словесности статью: «О старинных русских праздниках и обычаях», где в третьем отделе: «Река Дон» – на с. 115 – было помещено иначе начало этой песни:

Ах звали молодца,
Позывали удальца
На игрище поиграть
На Ярилу посмотреть!
Ах! Дон, ты наш Дон,
Сын Иванович, Дон!

Припев к этой песне по большей части подвержен изменению. Кто поет – Дон, кто – Дунай; одни прибавляют – Иванович, другие – Селиванович. Мне часто случалось слышать в Москве, в Марьиной роще, как эту песню пели сокращенно. Сокращение начиналось со слов: «Уж как мне ли молодцу» – и продолжается до стиха: «Звончатые мои». В Тульской губернии поют эту песню всю до конца. Припев Дон употребляют – в Москве, в Калуге, в Туле, в Кашире, в Веневе, в Алексине, в уездах по селам Московском, Тульском, Рязанском, Каширском, Богородицком, Тарусском, Орловском. Об других уездах я не могу ничего сказать, потому что мне там не приходилось слышать эту песню. Вслушиваясь в напев этой песни, я всегда находил его одинаковым, и что всего замечательнее: по мере удаления от Москвы на север, эта песня начинает изменяться в напеве, но всегда с сохранением своего характера.

Для песни, напечатанной под № 12, мне известны три варианта.

1.

Ходил Борис да по хороводу,
Да по девичью, да по молодичью:

Искал Борис ласковые тещи,
Хорошие невесты.
Сыскал Борис и ласкову тещу
И добрую невесту.
Добрые люди! Пожалуйте на свадьбу.
Хлеба с солью покушать,
Белого лебедя рушить,
Пива с медом питии.
Охти мне горе! Охти гореванье!
Расхулили, да разговорили
Борисову-то тещу,
Пригожую невесту:
Будто Борис пьяница,
Будто он и пропойца.
Добрые люди! Не жалуйте на свадьбу,
Хлеба с солью кушать,
Белого лебедя рушить,
Пива с медом питии;
Хлеб, соль не пасено,
Вино не курено,
Пиво не варено.

Так этот вариант был напечатан в песеннике, изданном в С.-Петербурге 1819 г., ч. 4, с. 160.

2.

Как под лесом, лесом шелкова трава,
Ходил, гулял Донской казак, сам во скрипку играл,
Играл, играл, выигрывал, девок выбирал:
Хорошая, пригожая, поди за меня!
Не пойдешь ты, вспокаешься, вспомянешь меня.
Пойтить было к соседушкам, спросить про тебя:
Соседушки, голубушки! Каков человек?
Он пьяница, пропойца, пропьет и тебя.
Соседушки, голубушки не хвалят тебя:
Ты пьяница, пропойца, пропьешь и меня.

Так этот вариант был напечатан в песеннике, изданном в С.-Петербурге 1814 г. в четвертой части, с. 491.

3.

Как под лесом, лесом шелкова трава.
Ой ли, ой ли, ой люшеньки! Шелкова трава!
Ходил, гулял Донской казак, сам в скрипку играл.
Ой ли, и проч.
Играл, играл, выигрывал, девок выбирал:
Хорошая, пригожая! Поди за меня;
Не пойдешь ты, вспокаешься, вспомянешь меня:
Пойти было к соседушкам, спросить про тебя:
Соседушки, голубушки! Каков человек?
Он пьяница, пропойца, пропьет и тебя.
Соседушки, голубушки не хвалят тебя:
Ты пьяница, пропойца, пропьешь и меня.
Как под лесом, лесом, шелкова трава,
Ходил, гулял Донской казак, сам в скрипку играл,
Играл, играл, выигрывал, девок выбирал:
Хорошая, пригожая! Поди за меня;
Не пойдешь ты, вспокаешься, вспомянешь меня.
Пойти было к соседушкам, спросить про тебя.
Соседушки, голубушки! Каков человек?
Соседушки, голубушки схвалили тебя.
Вино кури, пиво вари, иду замуж за тебя.
Ой ли, ой ли, ой люшеньки! Иду замуж за тебя!

Этот вариант был напечатан в песеннике, изданном в С.-Петербурге 1819 г., ч. 4., с. 57.

Для песни, напечатанной под № 13, мне известен только один вариант.

Не пой, не пой, соловей,
Не пой, молодой, при долине,

Не вей, соловей, гнезда при тереме.
Во тереме девица ковер вышивает,
Ковер золотом вышивает,
Ковер жемчугом унизывает.
Доставался ковер старому мужу;
Старому мужу ковра не надобно.
Девица ковер убавляет
С углов золотых, со всех концов.
Доставался ковер молоду;
Молодому ковер надобен.
Девица ковер прибавляет,
С углов золотых, со всех концов.

Этот вариант списан со слов поселян Алексинского уезда. Замечательно, что эту песню пели там на посиделках; между тем как эту же самую песню я более двадцати раз слыхал в хороводах. С русскими песнями такое изменение часто случается. Желательно собрать местные наблюдения о всех песнях, имеющих подобные отличия. Другие песни, как свадебные, решительно не имеют такого изменения; между тем как хороводные и плясовые более всех подвержены этому. Местные обычаи здесь имеют важное влияние как на разноречия самых песен, так и на приноравливания ко времени и обстоятельствам.

Для песни, напечатанной под № 14, мне известны три варианта.

1.

В круг летит утка,
В наш хоровод утка.
Диди, калина моя!
Диди, малина моя!
Пора девушек замуж,
Пора красных замуж
За крестьянского ли сына?

Диди, калина моя!
Диди, малина моя!
Крестьянский сын
Мелит, и толчет,
И решетом подсевает.
Диди, калина моя!
Диди, малина моя!
В круг летит утка,
В наш хоровод утка.
Диди, калина моя!
Диди, малина моя!
Пора девушек замуж,
Пора красных замуж.
За боярского ли сына?
Диди, калина моя!
Диди, малина моя!
Боярский сын не велик,
Лакеи босые, собаки борзые,
Окошки косые, вереи точеные.
Диди, калина моя!
Диди, малина моя!
В круг летит утка,
В наш хоровод утка.
Диди, калина моя!
Диди, малина моя!
Пора девушек замуж,
Пора красных замуж
За старостина ль сына?
Диди, калина моя!
Диди, малина моя!
Старостин сын молотит,
Кладет прянички сладенькие,
Медь сыченый, груши пареные.
Диди, калина моя!
Диди, малина моя!

Девушки сели, сели,
Красные сели, да съели.
Диди, калина моя!
Диди, малина моя!

Так этот вариант записан был со слов поселян Мещевского уезда.

2.

Под круг летит утица,
Под наш хороводец утица.
Ай утица, утица!
Отдадим девушек замуж,
Отдадим красных замуж
За крестьянского сына, мужика.
Ай утица, утица!
Крестьянский сын горазд
И толочь, и молоть, и колоть,
Решетом подсевать, брагу варить.
Ай утица, утица!
Под круг летит утица,
Под наш хороводец утица.
Ай утица, утица!
Отдадим девушек замуж,
Отдадим красных замуж
За боярского сына, барича.
Ай утица, утица!
Боярский сын тороват,
Во дому окошки косые.
Во терему лакеи босые
Во двору собаки борзые.
Ай утица, утица!
Под круг летит утица,
Под наш хороводец утица.
Ай утица, утица!

Отдадим девушек замуж,
Отдадим красных замуж
За старостина сына, молодца.
Ай утица, утица!
Старостин сын вороват,
Дарит прянички сладенькие,
Гостит медом сыченым,
Кормит орешками гладенькими.
Ай утица, утица!

Так этот вариант был записан со слов поселян Веневского уезда.

3.

Чрез круг летит утка,
Чрез наш хороводец.
Лели, лели утка!
Девушки, поиграйте,
Красные, поиграйте!
Лели, лели утка!
Пора девушек замуж,
Пора красных замуж.
Лели, лели утка!
Все приданое готово
И наряды припасены.
Лели, лели утка!
Пора девушек замуж
За крестьянского ль сына?
Лели, лели утка!
У крестьянского сына
И толочь, и молоть,
Решетом подсевать.
Лели, лели утка!
Чрез круг летит утка,
Чрез наш хороводец.

Лели, лели утка!
Девушки, поиграйте,
Красные, поиграйте!
Лели, лели утка!
Пора девушек замуж,
Пора красных замуж.
Лели, лели утка!
Все приданое готово
И наряды припасены.
Лели, лели утка!
Пора девушек замуж
За боярского ль сына?
Лели, лели утка!
У боярского сына
Окошки косые,
Лакеи босые,
Собаки борзые.
Лели, лели утка!
Чрез круг летит утка,
Чрез наш хороводец.
Лели, лели утка!
Девушки, поиграйте,
Красные, поиграйте!
Лели, лели утка!
Пора девушек замуж,
Пора красных замуж.
Лели, лели утка!
Все приданое готово
И наряды припасены.
Лели, лели утка!
Пора девушек замуж
За старостина ль сына?
Лели, лели утка!
У старостина сына
Прянички сладенькие,

Мед сычевой.
Лели, лели утка!

Так этот вариант записан был со слов поселян Серпуховского уезда.

Для песни, напечатанной под № 15, мне известны два варианта.

1.

Как у нас было за дворьем,
Ой люли, люли, люли!
Росла трава шелковая.
Ой люли, люли, люли!
По той траве муж идет,
Ой люли, люли, люли!
Муж идет, жена бредет.
Ой люли, люли, люли!
Ты постой, жена моя,
Ой люли, люли, люли!
Ты подожди, жена моя!
Ой люли, люли, люли!
Я не жду тебя, сударь,
Ой люли, люли, люли!
Я иду к родимому батюшке.
Ой люли, люли, люли!
Как у нас было за дворьем,
Ой люли, люли, люли!
Росла трава шелковая.
Ой люли, люли, люли!
Как шли, прошли молодцы,
Ой люли, люли, люли!
Добры молодцы, Московщики,
Ой люли, люли, люли!
Вели коня под ковром,

Ой люли, люли, люли!
Под золотым чепраком.
Ой люли, люли, люли!
Конь копытом землю выбивал,
Ой люли, люли, люли!
Бел камень выбивал;
Ой люли, люли, люли!
Во очиво камня нет.
Ой люли, люли, люли!
Моего мужа дома нет;
Ой люли, люли, люли!
С чужой женой водится,
Ой люли, люли, люли!
Со мной, младой, ссорится,
Ой люли, люли, люли!
Чужой женой хвалится;
Ой люли, люли, люли!
Чужой жене подарочки,
Ой люли, люли, люли!
А мне младой побои;
Ой люли, люли, люли!
Чужой жене башмаки,
Ой люли, люли, люли!
А мне, младой, котики.
Ой люли, люли, люли!
Я сама его удружу,
Ой люли, люли, люли!
Я сама мужа подарю,
Ой люли, люли, люли!
Тонку белую рубашку,
Ой люли, люли, люли!
Из дерюжного конца.
Ой люли, люли, люли!

Так этот вариант был записан со слов поселян Епифанского уезда Тульской губернии.

2.

Ай за дворьем, дворьем,
Росла трава шелковая;
Ой люли, шелковая!
Ай по травушке муж идет,
По шелковой жена бредет.
Ай люли, шелковая!
Ты стой, постой, жена моя,
Ты подожди меня, жена моя.
Ой люли, шелковая!
Я не жду тебя, сударь,
Я иду к родимому батюшке.
Ой люли, шелковая!
Ай за дворьем, дворьем,
Росла трава шелковая;
Ой люли, шелковая!
Ай шли, прошли молодцы,
Молодцы, все Московщики;
Ой люли, шелковая!
Вели коня под ковром,
Под золотым чепраком.
Ой люли, шелковая!
Конь копытом землю выбивал,
Бел камень выбивал.
Ой люли, шелковая!
На очиво камня нет,
В моем муже правды нет;
Ой люли, шелковая!
С чужой женой водится,
Со мной, младой, ссорится,
Ой люли, шелковая!
Чужой женой хвалится,
А мной, младой, издевается;
Ой люли, шелковая!
Чужой жене подарочки,

А мне, младой, побоища;
Ой люли, шелковая!
Чужой жене сарафан,
А мне, младой, смур-кафтан.
Ой люли, шелковая!
Уже я ль мужа удружу,
Уж я ль мужа подарю:
Ой люли, шелковая!
Тонку белую рубашку
Из дерюжного конца.
Ой люли, шелковая.

Этот вариант списан со слов поселян Белевского уезда Тульской губернии.

Для песни, напечатанной под № 17, мне известные три варианта.

1.

Ах, и по морю! Ах и по морю!
Ах, и морю, морю Хвалынскому!
Плыла лебедь, плыла лебедь,
Лебедь белая, со лебедушками,
Со малыми, со дитятами.
Ни тряхнется, ни ворохнется,
Ни откликнется, ни отзовется;
Плывши лебедь, встрепенулася,
Под ней вода всколыхнулася,
Под ней вода возмутилася,
Плывши лебедь, вышла на берег.
Ах, и по морю! Ах и по морю!
Ах, и морю, морю Хвалынскому!
Где ни взялся, где ни взялся,
Где ни взялся млад ясен сокол,
Убил, ушиб, убил, ушиб,

Убил, ушиб лебедь белую;
Он пух пустил, он пух пустил,
Он пух пустил по поднебесью;
Он кровь пустил, он кровь пустил,
Он кровь пустил по морю Хвалынскому;
Сорил перья, сорил перья,
Сорил перья по чисту полю.
Ах, и по морю! Ах и по морю!
Ах, и морю, морю Хвалынскому!
Где ни взялась, где ни взялась,
Где ни взялась, красна девица душа;
Брала перья, брала перья,
Брала перья лебединые,
Клала в шапку, клала в шапку,
Клала в шапку соболиную
Милу дружку, милу дружку,
Милу дружку на подушечку,
Родну батюшке, родну батюшке,
Родну батюшке на перинушку.
Ах, и по морю! Ах, и по морю!
Ах, и морю, морю Хвалынскому!
Где ни взялся, где ни взялся,
Где ни взялся, добрый молодец.
Бог на помочь, Бог на помочь,
Бог на помочь, красна девица душа!
Она ж ему, она ж ему
Она ж ему не поклонится;
Она ж ему, она ж ему,
Она ж ему не откликнется.
Грозил парень, грозил парень,
Грозил парень красной девице,
Грозил парень, грозил парень,
Грозил парень лихой бедой:
Добро, девка, добро, девка,
Добро, девка, девка красная!

Зашлю свата, зашлю свата,
Зашлю свата, за себя возьму;
Будет время, будет время,
Будет время и поклонишься мне;
Будешь, девка, будешь, девка,
Будешь, девка, у кроватушки стоять;
Будешь, девка, будешь, девка,
Будешь, девка, белы руки целовать;
Будешь держать, будешь держать,
Будешь держать шелкову плеть в руках;
Будешь просить, будешь просить,
Будешь просить милости себе.
Я думала, я думала,
Я думала, что не ты идешь,
Что не ты идешь, не мне кланяешься.

Этот вариант списан со слов поселян Тульского уезда.

2.

Ах, по морю! Ах по морю!
Ах, по морю, морю синему!
Плыла лебедь, плыла лебедь,
Лебедь белая моя,
Ни тряхнется, ни тряхнется,
Ни тряхнется, ни ворохнется;
Где ни взялся, где ни взялся,
Где ни взялся млад ясен сокол;
Убил, ушиб, убил, ушиб,
Убил, ушиб лебедь белую мою;
Он кровь пустил, он кровь пустил,
Он кровь пустил по синю морю;
Он перушки, он перушки,
Он перушки по чисту полю;
Он пух пустил, он пух пустил,

Он пух пустил по поднебесью.
Где ни взялась, где ни взялась,
Красна девица душа.
Брала перья, брала перья,
Брала перья лебединые мои,
Клала в шапку, клала в шапку,
Клала в шапку соболиную,
Милу дружку, милу дружку,
Милу дружку на подушечку.
Где ни взялся, где ни взялся,
Где ни взялся добрый молодец.
Бог на помочь, Бог на помочь,
Бог на помочь, красна девица душа.
Она ж ему, она ж ему,
Она ж ему не поклонится.
Добро, девка, добро, девка,
Добро, девка, девка красная моя!
Будет время, будет время,
Будет время и поклонишься мне,
Будешь стоять, будешь стоять,
Будешь стоять у кроватушки моей,
Будешь держать, будешь держать,
Будешь держать шелковую плеть в руках.

Так этот вариант был напечатан прежде в новиковском песеннике, ч. 4, с. 216; а потом в собрании песен Прача, ч. 2, с. 6, в числе протяжных.

3.

Ах, по морю, морю!
Ах, по морю Хвалынскому!
Поверх волны, да широкой,
Плыла лебедь белая,
Лебедь белая, со лебедушками.

Плывши лебедь белая,
Сама встрепенулася,
Под ней вода всколыхнулася,
Плывши лебедь, вышла не берег.
Где ни взялся, где ни взялся
Млад ясен сокол,
Он плыл, подплыл,
Поверх волны, да широкой,
Убил, ушиб, убил, ушиб,
Лебедь белую со дитятами;
Он кровь пустил, по синю морю,
Он пух пустил по поднебесью,
Сорил перья по чисту полю.
Ах, по морю, морю!
Ах, по морю Хвалынскому!
Поверх волны, да широкой,
Где ни взялась, где ни взялась,
Красна девица душа;
Брала перья, брала перья,
Брала перья лебединые,
Клала в шапку, клала в шапку,
Клала в шапку соболиную,
Милу дружку, милу дружку,
Милу дружку на подушечку,
Родну батюшке, родну батюшке,
Родну батюшке на перинушку.
Ах, по морю, морю!
Ах, по морю Хвалынскому!
Поверх волны, да широкой,
Где ни взялся, где ни взялся,
Где не взялся добрый молодец.
Бог на помочь, красна девица душа!
Она ж ему не поклонится.
Грозил парень красной девице:
Добро, девка, девка красная!

Зашлю свата, за себя возьму;
Будет время и поклонишься мне;
Будешь, девка, у кроватушки стоять;
Будешь, девка, ночью дожидать;
Будешь, девка, сапоги снимать;
Будешь, девка, белы руки целовать.
Она ж и поклонится,
Она и с покорищем
В ответ речи держит:
Я думала, что не ты идешь,
Что не ты идешь, не мне кланяешься.

Этот вариант записан со слов поселян Ливенского уезда.

Для песни, напечатанной под № 20, мне известен один вариант, напечатанный в новиковском песеннике, в 4 ч., с. 76. Он сходен с напечатанною песнею, и по этому самому мы его не помещаем здесь.

Для песни, напечатанной под № 21, мне известны два варианта. Из них один помещен в собрании песен Чулкова, ч. 2, с. 196.

1.

Я пойду, пойду в зеленый сад гулять,
Поищу я молодого соловья,
Соловеюшко, ты мой батюшко,
Ты скажи, скажи, мой младой соловей:
Кому воля, кому нет воли гулять?
Молодушкам нет волюшки,
Красным девушкам своя воля гулять.
У молодушки три кручинушки:
Да как первая кручинушка
Слать пуховую перинушку,
А другая-то кручинушка

Растворяй жена широки ворота,
А как третья-то кручинушка
Едет, едет мой ревнивый муж домой,
Он везет, везет гостинец дорогой:
Шелкову плетку, гордово кнутовье.
Как ударит меня меж белых плеч,
Стану с мужа кафтан скидывати,
Часты пуговки растегивати,
Хоть и ручушки белешеньки,
Хоть и пальчики тонешеньки,
На руках ли золоты перстни,
Только стану, стану мужа разувать.

2.

Соловей мой, соловеюшка,
Соловей, мой родной батюшка!
Полети, мой соловеюшка
На мою дальну сторонушку;
Ты скажи, мой соловеюшка,
Кому воля, кому нет воли гулять?
Красным девушкам своя воля гулять,
А молодушкам мужья не велят;
Гулять волюшка у батюшки,
У родимыя у матушки;
У молодки три заботушки:
Уж как первая заботушка –
Чужа дальная сторонушка;
А другая-то заботушка –
Муж удалая головушка;
А как третья-то заботушка –
Лиха матушка свекровушка,
Не пущает младу по воду одну.

Так этот вариант был напечатан в собрании песен Прача, ч. 2, с. 20.

Для песни, напечатанной под № 22, мне известны два варианта.

1.

У наших-то у ворот, да у ворот,
У точеных у верей, да у верей,
Стоял девок хоровод, да хоровод.
А все девки веселы, да веселы,
Одна девка лучше всех, да лучше всех,
Авдотьюшка вдовина, да вдовина,
По бережку гуляла, да гуляла,
Рукавником махала, да махала,
Сердечушком воздыхала, да воздыхала,
Словечушко сказала, да сказала:
Ах свет моя сторона, да сторона,
Покровская слобода, да слобода!
Уж мне в тебе не бывать, да не бывать,
Пивца, винца не пивать, да не пивать,
Сладких яблок не едать, да не едать.
С молодыми не гулять, да не гулять.

Так он был напечатан в собрании песен Чулкова, ч. 2, с. 212.

2.

Как у наших у ворот,
Люли браво, у ворот!
Стоял девок хоровод,
Люли браво, хоровод!
Как у наших, у точеных у верей,
Люли браво, у верей!
Стоят девушки в кругу,
Люли браво, в кругу!
Все девушки веселы,

Люли браво, веселы!
Одна вдовушка лучше всех,
Люли браво, лучше всех!
Авдотьюшка вдовина,
Люли браво, вдовина!
Из Паранина села.
Люли браво, села!
Вдовушка по бережку гуляет,
Люли браво, гуляет!
Рукавчиком махает,
Люли браво, махает!
Сердечушком воздыхает,
Люли браво, воздыхает!
Словечушко говорит;
Люли браво, говорит!
Ах свет моя сторона,
Люли браво, сторона!
Покровская слобода,
Люли браво, слобода!
Из Паранина села,
Люли браво, села!
Уж мне к тебе не бывать,
Люли браво, не бывать!
Пивца, винца не пивать,
Люли браво, не пивать!
Сладких яблок не едать,
Люли браво, не едать!
В хороводах не играть,
Люли браво, не играть!
С ребятами не плясать,
Люли браво, не плясать!
С молодцами не шутить,
Люли браво, не шутить!

Так был записан этот вариант со слов поселян Моршанского уезда Тамбовской губернии.

Для песни, напечатанной под № 23, мне известны два варианта.

1.

Ай люли, во пиру,
Ай люли, во беседе,
Всем молодушкам весело,
Всем Ивановнам весело.
Ай люли, во пиру,
Ай люли, во беседе,
Одной молодушке грустно,
Одной молодушке скучно.
Ай люли, у ней ли старый муж,
Ай люли, у ней ли старый гриб
Молодушке погулять,
Молодушке побывать,
С неженатыми поиграть,
С ребятами потолковать,
Запрещает, не велит,
Грозит бедную побить.
Ай люли, молода!
Ай люли, молода!
Слезы катятся,
Играть хочется,
А стару мужу не покорюсь.
Ай люли, молода!
Ай люли, молода!
Отпусти сударь батюшка
На улицу погулять?
Ай люли, млада разгулялась,
Ай люли, в зеленом саду разыгралась,
Все с ребятами, не женатыми!
Ай люли, заря взошла,
Ай люли, млада домой пришла!
Родной батюшка у ворот стоит,
Сам, младой, мне говорит:

Ты поди, поди моя бедная!
У тебя терем растворен стоит,
Твой ревнивый муж за столом сидит,
Шелкова плеть на столе лежит,
Толстая дубина перед ним.
Ай люли, молода!
Ай люли, молода!
Во высок терем взошла,
Высок терем затворяется,
Ревнивый муж осержается,
За шелкову плеть принимается.
Ай люли, молода!
Ай люли, молода!
Плетка свистнула,
Руда брызнула.
Ай люли, молода!
Ай люли, молода!
Где жена была?
Где страдница гуляла?
Ай люли, молода!
Ай люли, молода!
Была молода в зеленом саду,
Все с ребятами, с неженатыми.

2.

Поверх моря, поверх моря,
Поверх синего, поверх синего,
Разыгралась погодушка,
Что погодушка верховая,
Что верховая, Московская.
Поверх луга, поверх луга,
Поверх зеленого, поверх зеленого,
Разыгралися девушки,
Расплясалися молодушки.
Всем молодушкам весело,

Всем Ивановнам весело.
Одной молодушке грустно,
Одной Ивановне скучно.
Все мужья добры,
Все мужья ласковы;
Уж, у ней ли старый муж,
Уж, у ней ли старый гриб,
Не велит поиграть,
Не велит поплясать
С ребятами, неженатыми,
Запрещает, не велит,
Грозит бедную побить.
Молодушке играть хочется,
Молодушке плясать хочется.
Слезы горючи катятся,
Сердце надрывается.
Стара мужа не спрошусь,
Стару мужу не покорюсь.
Я спрошаюсь у батюшки,
Я спрошаюсь у родного:
Отпусти, сударь, батюшка,
На улицу погулять?
Как я ли, млада, разгуляюсь,
Как я ли, млада, разыграюсь,
С ребятами, с неженатыми.
До поздней зари.
Что заря взошла,
Я гулять пошла;
Что заря пришла,
Я домой пошла.
Мой батюшка у ворот,
Мой родимый у дубовых
Меня, младу, ждет.
Ты поди, дочь гулливая,
Во свой высокий терем;
Твой муж за столом сидит,

Шелкова плетка на столе лежит,
Толстая дубина перед ним.
Я взошла, млада, во терем,
Терем златоверх пошатнулся,
Мой муж ума рехнулся,
За шелкову плеть ухватился.
Плетка свистнула, руда брызнула.
Где жена была?
Где ты, страдница жила?
Я была, была в зеленом саду,
Я жила, жила с ребятами.

Первый вариант списан со слов поселян Моршанского уезда, а второй со слов поселян Алексинского уезда.

Для песни, напечатанной под № 26, мне известны два варианта. Первый из них помещен был в собрании песен Чулкова, ч. 1, с. 223, без припева, почти слово в слово, и по этому самому мы его здесь не помещаем. Второй вариант, записанный со слов поселян Каширского уезда, помещаем здесь.

За широкими вороты,
За широкими вороты,
Люли, люли бурлаки!
Вдоль по бережку крутому,
Вниз по матушке Оке,
Люли, люли бурлаки!
Поднималися ребята,
Молодые, холостые,
Люли, люли бурлаки!
Они шуточку сшутили,
Во новые сени вскочили,
Люли, люли бурлаки!
Во новые сени вскочили,
Новы сени подломили,
Люли, люли бурлаки!

Красну девку подманили,
Во нову ладью садили.
Люли, люли бурлаки!
Вдоль по бережку крутому,
Вниз по матушке Оке,
Люли, люли бурлаки!
Вниз по матушке Оке
Ты поедешь, девка, с нами,
Люли, люли бурлаки!
С нами, с нами, молодцами,
С понизовыми бурлаками.
Люли, люли бурлаки!
Наши домы на лодьях,
Наши сборы на водах,
Люли, люли бурлаки!
У нас жить будет добренько:
У нас горы золотые,
Люли, люли бурлаки!
У нас горы золотые,
В горах камни дорогие.
Люли, люли бурлаки!
Вдоль по бережку крутому,
Вниз по матушке Оке,
Люли, люли бурлаки!
Во ладью девка садилась,
С понизовыми бурлаки,
Люли, люли бурлаки!
На обман девка сдалася,
На бурлацкие пожитки;
Люли, люли бурлаки!
Что бурлацкие пожитки
Уж добры, да не велики,
Люли, люли бурлаки!
Одна ложка, да котомка,
Еще третья-то обортка.
Люли, люли бурлаки!

Для песни, напечатанной под № 27, мне известные два варианта.

1.

Под окном девка сидела, под косящетым,
Буйну голову чесала и русу косу плела,
И русу косу плела, к себе милого ждала.
Погляжу млада в окошко, нейдет ли милый мой?
Ах, как мой милый идет, что ясен сокол летит,
Своими белыми ручками помахивает,
Своими черными кудрями потряхивает.
Я встретила милого средь широкого двора,
И я с радостью милого за белы руки взяла,
Повела свого милого во высокий во терем,
Посадила я милого под косящетым окном.
Подивися милый мой над моей русой косой!
Ах, ты, косынька, коса, коса, девичья краса!
Уж, как ты меня, коса, иссушила молодца,
И ты вынула румянец из белого из лица,
Ах, из белого из лица, из удали молодца!
Не круши ретивое, мил сердечный мой!
Моя русая коса не на горе рождена,
Моя русая коса на роду тебе обречена!

Так этот вариант был записан со слов поселян Подольского уезда Московской губернии.

2.

Как у нас было, на улице,
Как у нас было, на широкой,
Все девушки в хороводе
Веселились и играли.
Уж как тут ли вспознали,
Что в хороводе нет Парани,

Нету, нету, не бывала,
Во тереме горевала,
Под окном Параня сидела,
Под красным косящетым,
Буйну голову чесала,
Свою русу косу плела,
К себе друга милого ждала.
Погляжу, млада, в окошко:
Уж выйдет ли милый друг?
Как у нас было, на улице,
Как у нас было, на широкой,
Все девушки в хороводе
Веселились и играли.
Как Паранин мил идет
Что ясен сокол летит,
Шапочку охорашивает,
Белыми руками помахивает,
Черными кудрями потряхивает.
Выходила Параня
Из высока терема
На супротив своего дружка,
Друга милого встречала,
З белы руки хватала,
Во высок терем вводила,
Под косящето окно сажала.
Уж ты, мил сердечный мой,
Ты порадуйся со мной,
Подивись моей русой косе!
Ах, ты, косынька, коса,
Коса, девичья краса!
Уж, как ты ли, русая коса,
Иссушила меня, молодца.
Потускнели черны очи,
Позавял румянец на лице;
Потерялась удаль молодецка,

Нету радости у молодчика.
Уж давным-давно люди
Спроведали нашу тайну,
Уж разладица сваха
Расплетает мою косу.
И по батюшкину велению,
И по матушкину благословенью
Моя русая коса
На роду тебе обречена.

Так этот вариант записан со слов поселян Крапивенского уезда.

Для песни, напечатанной под № 28, мы не прилагаем вариантов. Везде, где я слышал эту песню, всегда пели одинаково; даже в самых печатных песенниках не произведено почти никакой перемены. См. собрание песен Чулкова, с. 232. В песеннике, изданном в С.-Петербурге, в 1819 г. в тип. Глазунова, II. III во 2 ч. с. 92, прибавлено после стиха:

– Черный дрозд пивоваром был –
Сиз орел винокуром слыл.

Там последний стих напечатан так:

С малыми детками на многи лета!

Точно с такими же дополнениями напечатана была она в книге М. Н. Макарова: «Русское национальное песнопение», с. 41. Еще вместо стиха:

Взял бы я сороку – щекотливая,

у него напечатано:

Взял бы я сороку – язык не хорош.

Об этой песне М. Н. Макаров приложил свои объяснения. Мы выписываем их:

«Кто верит изустным преданиям, тот поверит и тому, что За морем Синичка неоспоримо заключает в себе какую-нибудь важную иронию. Сказывают, что в государствование Царя Иоанна Грозного, когда, может быть, еще только первый шаг сделала в свет песня сия, никто, по-видимому, не благоприятствующий автору ее, предложил какому-то сильному боярину изъяснение дурного оборота песни и – она была запрещена: то есть прославлено было в народе, что ежели де кто-нибудь будет петь песню: За морем Синичка, – тот подвергнет себя штрафу. – Тут За морем Синичка умолкла, а долго ли хранилась в заточении, неизвестно. Говорят также, что будто бы из великих наших монархов, вероятно Петр I, любил слышать песню сию и заставлял нередко при торжествах своих пропевать оную хором, составленным из верных ратников».

Мы не верим этой сказке. М. Н. Макаров возводит эту песню в быт исторический; а история требует фактов. Этого нет и быть не было на самом деле. Какие исторические предания мы имеем из времен Иоанна Грозного? Кто их нам рассказывал? Народ сохранил только нам предание о его Казанской битве. Все прочее позабыл!

Для песни, напечатанной под № 29, я не знаю ни одного варианта. Один только раз я слышал эту песню в Ефремовском уезде.

Для песни, напечатанной под № 30, мне известны два варианта.

1.

Ходит Царь
Около города,
Около высока;

Ищет Царь,
Ищет Царь
Царевну свою,
Королевну свою.

Так этот вариант был напечатан в Записках о Сибири, с. 117. Там продолжение этой песни означено под особенным № 4.

Я хожу, хожу
Кругом города,
Я секу, рублю
Мечом ворота,
Еще все ли я
Красну девицу ищу;
Еще где я
Красну девицу найду,
Тут ее
Златым перстнем подарю.

Без всякого сомнения, что эти две отдельные песни составляют одно и то же. Время изменило, может быть, самый обряд, и с этим вместе наши сибирские простолюдины разделили и самую песню.

2.

Ходил князь по хороводу,
Ходил князь по девичьему,
Ходил, ходил князь,
Да все смотрит князь,
Ищет наш добрый князь
Свою ли светлую княгиню,
Свою ли добрую княгиню.
Ходил князь кругом города;

Он сечет, он рубит
Своим мечом ворота.
Скоро ли светлый князь
Найдет светлую княгиню?
Уж я ли где найду
Свою ли светлую княгиню,
Златым перстнем подарю.

Так этот вариант был сообщен мне из Пензы, от Д. И. С.

Для песни, напечатанной под № 31, мне известны два варианта.

1.

Княжий сын хоробер,
Да ты, что ходишь, гуляешь?
Царев сын хоробер,
Да что ты примечаешь,
Царев сын хоробер?
Я хожу, хожу, гуляю,
Я хожу, примечаю
Да свою я Царевну,
Да свою Королевну.
А моя-то Царевна,
А моя-то Королевна
Во Новегороде гуляет,
На ней венчик сияет,
Сарафан на ней камчатый.
Ты войди, Царь, во город,
Ты возьми ее за руку,
Поклонитесь низенько,
Поздоровайтесь миленько.

Так этот вариант был напечатан в Записках о Сибири, с. 117.

2.

Во се хоробер!
Во се хоробер!
Что ходишь, гуляешь,
Что примечаешь?
Я хожу, я гуляю,
Я в хороводе примечаю
Свою подруженьку.
Ведь моя-то молодая,
Ведь моя-то княгиня
Во Новегороде гуляет,
На Торговой стороне играет:
Уж на моей ли княгине,
Уж на моей ли молодой
Красен венчик сияет,
Сарафан на ней камчатный,
Убрусец весь жемчужный,
Алы бархатны башмачки,
Два яхонта во серьгах,
Два алмаза во глазах,
Со походкой лебединой,
Со поступью соболиной.
Во се моя молодая,
Во се моя княгиня!
Ты войди, хоробер,
Ты войди в хоровод,
Ты возьми молодую,
Ты возьми княгиню.

Так этот вариант был сообщен мне из Старой Русы.

Для песни, напечатанной под № 32, мне известен один вариант, напечатанный в Записках о Сибири, с. 116.

Чижик, пыжик у ворот,
Воробышек маленький!

Ах, братцы, мало нас,
Голубчики, немножко!
В хороводе людей мало,
Веселиться не с кем стало.
Ах, братцы, мало нас,
Голубчики, немножко!
Максим, сударь, поди к нам,
Егорович, приступись!
Ах, братцы, мало нас,
Голубчики немножко!

Для песни, напечатанной под № 33, мне известны два варианта.

1.

Под берегом селезень,
Под кремнистым селезень.
Уж ты выди, селезень,
Уж ты выплыви, селезень!
Студено ли те, селезень?
Студено ли те, хохлатый?
Мне бы не было студено,
Мне бы было тепло,
Я один, один селезень.
Уж ты выди, селезень,
Уж ты выплыви, селезень,
Приоденься, селезень –
Так, так потеплей.
Вот со девушки венок,
Со молодушки платок,
Со старой бабы шлык,
С мужика, бурлака,
Полкораблика,
С серой утицы
Сизый пух,

Из нашего хоровода
Красну девицу.

Так этот вариант был сообщен мне из Валдайского уезда.

2.

Под коренем олень,
Да под дубовым олень,
Тепло ли те, олень?
Мне не то тепло,
Мне не то студено,
Приоденься, олень,
Приокутайся.
Как со девушки венок,
Со молодушки платок,
С старой бабы шлык,
С малого ребеночка пеленочка,
С мужичка, бурлачка,
Полкораблика.

Так этот вариант был напечатан в Записках о Сибири, с. 118. Там в дополнение к этой песне приложена народная игра, совершенно имеющая в великорусских губерниях другое назначение; но как видно из Записок о Сибири, она соединяется с песнею, и имеет свой припев: «Кто сидит в кругу оленем, тот собирает со всех платки, ленты, и когда соберет со всех, то ему поют:

Сиди, сиди, ящер – ладу, ладу!
На золоте стуле – ладу, ладу!
Грызи, грызи, ящер – ладу, ладу!
Ореховы ядра – ладу, ладу!»

Для песни, напечатанной под № 34, мне известны два варианта.

1.

Над речкою, над быстрою,
Стоит ракитов куст,
Вкруг ракитова кусточка
Лежит сиротинушка,
Сиротинушка, горемычная.
Соловейка песни пел,
Сиротинушка высвистывал:
Во пиру ли, во беседе
Много было гостей дорогих,
Не было только соловеюшки,
Что соловеюшки, голубушки.
Над речкою, над быстрою
Стоит ракитов куст,
Вкруг ракитова кусточка
Лежит сиротинушка,
Сиротинушка горемычная.
Соловейка песни пел,
Сиротинушка высвистывал:
Вот соловьюшка-голубушка
Идет, будто пава плывет,
Речи ведет, будто лебедь поет.
Мне жаль тебя сиротинушку,
А жалчей того батюшку,
А жалчей того матушку;
У батюшки со матушкой
Я одна во дому всем ворочу;
У мила дружка во терему
Я послушница свекровушки;
У тебя ли, сиротинушки,
Я лежу у сердечушка,
У чужих людей, моих злодеев,
Я слыву гуленушкой.

Так этот вариант был записан со слов поселян Орловского уезда.

2.

Подле речки стоял част ракитов куст,
За кустом лежал сиротинушка,
На кустику соловейка песни пел,
А сиротинушка высвистывал:
Был званый пир и беседа,
Были гости все званые,
Не было моей голубушки;
А моя-то голубушка
Идет, будто пава плывет,
Речи ведет, будто лебедь поет,
Слово молвит, радость дарит,
Сама-то голубушка говорит:
Мне жаль тебя, сиротинушку,
А и жалчей того батюшку,
А и жалчей того матушку;
У батюшки со матушкой
Я одна во дому всем ворочу;
У мила дружка во терему
Я послушница свекровушки;
У тебя ли, сиротинушки,
Я лежу у сердечушка;
У моего мужа, лиходея,
Я слыву во постылых.

Так этот вариант был записан со слов поселян Тарусского уезда.

Для песни, напечатанной под № 35, мне известен один вариант, напечатанный в Записках о Сибири, с. 119.

Бояре! да вы почто пришли?
Молодые, да вы почто пришли?
Княгини! да мы невест смотреть!
Молодые, да мы невест смотреть!

Бояре! покажите жениха,
Молодые, покажите жениха.
Княгини! во се наш женишок!
Молодые, во се наш женишок!
Бояре! покажите кафтан,
Молодые, покажите кафтан.
Княгини! во се наш кафтан!
Молодые, во се наш кафтан!
Бояре! покажите кушак,
Молодые, покажите кушак.
Княгини! во се наш кушак!
Молодые, во се наш кушак!
Бояре! покажите сапоги,
Молодые, покажите сапоги.
Княгини! во се наш сапожок!
Молодые, во се наш сапожок!
Бояре! поздороваться!
Молодые, со всем поездом!

Для песни, напечатанной под № 36, мне известны два варианта.

1.

Во саду было, под яблонью,
В зеленом, под кудрявою,
Соловей выщекочет,
Молодой выщекочет.
Во терему-то
Свет у Марьи души
В высоком-то у Ивановны,
Красны девицы играют.
Уж ты слышишь ли,
Марья душа,
Уж ты слышишь ли, Ивановна?
Тебя батюшка кличет,

Тебя свет родной кличет!
Ох! Свет-то мои подруженьки,
Зачем раньше не сказали;
Я право не слыхала.

Так был напечатан этот вариант в Записках о Сибири, с. 112, где самая песня означена в числе плясовых.

2.

Во саду ли было, под яблонью,
В зеленом, под кудрявою,
Соловей щекотал,
Молодой щекотал.
Во терему златоверхом
У красной, свет, девицы,
Во высоком-то у души,
Красны девицы играют.
Уж, ты слышишь ли,
Красна девица, свет душа?
Тебя батюшка кличет,
Тебя свет родной кличет?
Ох! Свет мои подруженьки,
Зачем раньше не сказали,
Я право не слыхала.
В саду ли было, под яблонью,
В зеленом, под кудрявою,
Соловей щекотал,
Молодой щекотал.
В хороводе красны
У ворот стоят,
В хороводе красны девицы
Всей околицей играют.
Уж, ты слышишь ли,
Красна девица, свет душа,
Как подруженьки манят?

Уж, ты видишь ли,
Красна девица, свет душа,
Молодой идет по дороженьке?
Ох! Вы, свет мои подруженьки,
Зачем раньше не сказали?
Я право не слыхала;
А как мил идет,
Я давно сама завидела;
Я сама к нему иду.

Так этот вариант был записан со слов поселян Спасского уезда.

Для песни, напечатанной под № 37, мне известнее один вариант, напечатанный в Записках о Сибири, с. 113.

У души у красной девицы
Новый огородец,
Новый, новый огородец,
Частый частоколец;
Пошатился, повалился,
К земле приклонился.
От того же от тыночка
Лежат три следочка,
Три следочка, два следочка,
Снешком призапали,
Про меня, красну девицу,
Небыль насказали.
Небыль, небыль, небылицу,
Не былые речи:
Будто я, красна девица,
Порану вставала,
Поутру рано вставала,
Голову чесала,
Русу косу заплетала,

Ленточку вплетала,
Друга провожала;
Проводила мила друга
До зелена луга,
До зеленого лужочка,
До полудороги;
С полу-то я дорожки
Домой воротилась,
С милым не простилась.

Для песни, напечатанной под № 38, мне известен один вариант, напечатанный в Записках о Сибири, с. 115.

Около сыра дуба
Растет чернь черница,
А во той ли во чернице
Черен соболь скачет;
Поскачи, поскачи, соболь
По чистому полю,
Поплыви, поплыви, утя
По тиху Дунаю;
Ищи себе друга,
Которого любишь.
Скачите, вы, девушки, пляшите,
Вы, холостые, не смотрите,
Смотрючи, девушку не взяти,
Взять, не взять по любови,
По батюшкину благословенью,
По матушкину умоленью.

Для песни, напечатанной под № 39, мне известен один вариант, напечатанный в Записках о Сибири, с. 114.

Из бору, бору,
Из зеленого,

Стучала, гремела
Быстрая речка.
Обрастала быстра речка
Калиной, малиной.
На калиновом мосточке
Сидела голубка,
Ноженьки мыла,
Перемывала,
Свое сизое перышко
Перебирала.
Перебравши сизо перье,
Сама взворковала:
Завтра, поутру,
Батюшка будет;
Хоть будет аль не будет,
Тоски не убудет,
Вдвое, втрое у голубки
Печали прибудет.

Для песни, напечатанной под № 40, мне известен один вариант, напечатанный И. М. Снегиревым во 2 ч., с. 92, «Русских простонародных праздников», под названием Чухломской песни.

Сокол ли мой, сокол,
Залетная пташка.
Ты проезжай, добрый молодец,
Привез меня молоду
В чужу дальню сторону;
Сушил, крушил три года,
Напишу ль я грамотку
По белому бархату
Чистым, красным золотом;
Отошлю ль я эту грамотку,
В дальний город Астрахань,

К родимому батюшке,
К родимой матушке.
Прикажет ли, сударь, батюшка
Скакать, плясать, танцевать?
Скачи, пляши, дитятко,
Танцуй сударыня,
Покамест старость не пришла!
Коли старость к нам придет,
Так мы ее пришибем
Сафьянинким башмачком.

Для песни, напечатанной под № 41, мне известны два варианта. Первый из них напечатан И. М. Снегиревым во 2 ч., с. 95, «Русск. прост. праздников», а второй записан со слов поселян Тульского уезда.

1.

Что мои-то ясны очи заглядчиваты!
Еще что очи завидят, то на очи берут?
Что мелка мука овсяна, мелко вытолчена.
Мелко вытолчена, в сито высеяна,
Что умна была дочь у честной вдовы,
У честной вдовы умно выучена;
Она в тереме сидела,
В руках пялички держала,
Все узоры вышивала.

2.

Шли, прошли по околице
Красны девицы румяны,
Очи ясны, заглядчиваты!
Уж и что девицы завидят,
Все на ясны очи берут,
Все запримечают;

А у них ли мука озимовата,
Еще мелка овсяна,
Мелко вытолчена,
В решето высеяна.
Уж, как если в околице
У вдовушке салосе
У вдове дочка умна, учена;
Она, вдовушка, учила
Свою дочку молоду
В руках пялички держать,
Золоты ширинки вышивать.

Для песни, напечатанной под № 42, мне известен один вариант, напечатанный во 2 ч., с. 93, «Русск. простон. праздников».

Во поле, поле, широком раздолье,
Стояли три шатра, три полотняные.
В первом шатре подьячие пишут,
Во втором шатре князья и бояре,
В третьем шатре гостиный сын гуляет,
Сам в гусли играет,
Девушку утешает:
Не плачь, не плачь, девушка,
Не плачь, не плачь, красная!
Сошью тебе, девушка,
Шубку, юбку и телогрейку;
Еще тебе, девица, монисту со крестами,
Серьги с жемчугами.
Не надобно, молодец,
Ни шубки, ни юбки, ни телогрейки,
Ни монисту со крестом,
Ни серег с жемчугом.
Ах! Отпусти, молодец,
Ко девичью стадичку!
Тогда я тебя отпущу,
Когда русу косу расплету.

Для песни, напечатанной под № 43, мне известен один вариант, напечатанный во 2 ч., с. 94, «Русск. прост. праздников».

Тонка, гибка жестянка,
Чрез речушку жестяночка лежала,
Что никто по той жестяночке не пройдет.
Только шли, прошли стары бабы,
Стары бабы старобразы.
Еще сметь ли спросить старых баб,
Еще что в городу вздорожало?
Вздорожали, вздорожали молоды бабы:
На овсяный блин по три бабы,
А четверта проважата,
А пятая на придачу.
Еще шли, прошли молоды бабы,
Еще сметь ли спросить молодых баб,
Еще что в городе вздорожало?
Вздорожали, вздорожали добры молодцы:
Еще восемь молодцов на полденьги,
А девятый провожатый,
А десятый на придачу.
Еще шли, прошли добры молодцы;
Еще сметь ли спросить добрых молодцов:
Еще что в городу вздешевело?
Вздешевели, вздешевели красны девушки,
Со сту рублей красна девушка,
А по тысяче девице на косицу.

Для песни, напечатанной под № 44, мне известен один вариант, напечатанный во 2 ч., с. 97, «Русск. прост. праздников».

На горе калинушка стояла,
Разными цветами расцветала,
На той ли на калине сидит соловейка,
Весел и песни распевает,

Холостому молодцу весть подает:
Пора тебе, молодец, жениться,
Тебе, красной девушке, постричься.
Пойду ли я на матушку на Волгу,
К набльшому там атаману;
Чем меня государь батюшка подарует?
Подарил меня государь батюшка женою,
Глупою женою, неразумной;
Я за гудок, а она за прялку;
Я в гудок играти, а она мотати.
Не за чем в люди на кручину,
Дома кручинушки довольно.
Подарил меня государь батюшка женою,
Умною женою и разумной,
Я за гудок, а она за песни,
Я в гудок играти, а она плясати.
Не за чем в люди по веселье,
Дома весельица довольно.

Для песни, напечатанной под № 45, мне известные два варианта. Первый из них был напечатан во 2 ч., с. 99, «Русск. прост. праздников»; а второй записан со слов поселян Алексинского уезда.

1.

Как за горницей, за павалушею,
Не в гусли играют,
Не в свирели говорят;
Говорят мои подруженьки
На игрища идти.
А меня ли, молодешеньку,
Свекор не пускает,
Заставляет свекор-батюшка
Гумно чистить,
Гумно чистить,

Метлой мести;
Уж я в сердце взойду
И метлу изломлю,
И гумно истопчу,
Сама ли молодешенька,
На игрища пойду:
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода.
А меня, молодешеньку,
Свекровь не пущает,
Заставляет свекровь-матушка
Красенца ткать.
Уж я в сердце-то взойду,
Красна изорву, бердо изломлю,
Как на игрище уйду:
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода!

2.

Как за горницею, за павалушею,
Не в гусли играют,
Не в свирели говорят,
Не в трубы трубят,
Говорят мои подруженьки,
Говорят мои соседушки,
На игрища идти.
Уж меня, молодешеньку,
Свекор унимает,
Злодей он не пускает,
Заставляет свекор-батюшка:
Во поле гумно чистить,
Во дворе метлой мести,
Во избе детей качать.
Уж я ли в сердце взойду,
И метлу изломлю,

И гумно истопчу,
И детей уложу;
А сама-то, малодешенька,
На игрище пойду:
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода.
Как за горницею, за павалушею,
Не в гусли играют,
Не в свирели говорят,
Не в трубы трубят,
Говорят мои подруженьки,
Говорят мои соседушки,
На игрища идти.
Уж меня, молодешеньку,
Свекровь унимает,
Злодейка она не пускает,
Заставляет свекровь-матушка:
И толочь, и молоть,
Красенца сновать,
По воду ходить,
Избы топить,
Ребят кормить.
Уж это не по мне,
Уж я ли в сердце взойду,
Не толку, не мелю,
Конопли изломлю,
Красна изорву,
Детей накормлю;
А сама-то, молодешенька,
На игрище пойду:
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода.

Для песни, напечатанной под № 46, мне известен один вариант, напечатанный во 2 ч., с. 98, «Русск. прост. праздников».

В Казани было городе,
Протекала тут Волга-река,
Как по той Волге-реке
Проплывала осетр рыба,
Что осетр рыба свежая:
Как бы эта да осетр рыба
Хозяину да на столы дубовые,
Да на скатерти ткацкие,
Да на блюда серебряные!
Далече, далече во чистом поле,
Разыгрались черные, черные соболи.
Как бы эти да черные соболи
Хозяюшке на шубу, да на белы плечи.

Для песни, напечатанной под № 47, мне известные два варианта. Первый из них помещен во 2 ч., с. 95, «Русск. прост. праздников», а второй поется в селениях Чухломского уезда.

1.

Сидит олень под сырым дубком,
Тепло ли те, олень, студено ли те, олень?
Мне во лете тепло, во зиме холодно.
Приоденьте оленя, приокутайте:
Что со девушки венок, со молодушки платок,
Со старыя бабы шелковый поясок,
Чей, чей это венок толочу, волочу,
Толочу, волочу по подлавичью, по заваличью?
Я не дам венка топтать, я не дам волочить?
Сама выскочу, сама выпляшу,
Я своим станком, я коротеньким.
Хотя стан короток, назовут Королем Королевичем.
А где утка шла, тут и пыль прошла,
А где я млада, тут и рожь густа,
Уколотиста, умолотиста,
Еще с колосу маленько, с зерна пирог.

Мы замечаем, что в этой песне смешаны совершенно две разные песни: загляните в Записки о Сибири, на с. 118 – там помещено начало этой песни; загляните же на с. 121 той же книги, и вы увидите конец. Анализ сделан верный. Мы не берем на себя решить задачу, кто первый смешал народные песни. Может быть, это само собою разрешится, если мы обратим внимание на усвоение русских привычек, на тот способ, как поселяне охотно принимают от заезжих людей новости. Такие смешения в русских песнях мы встречаем очень часто.

2.

Начало этого варианта, по словам И. М. Снегирева, то же самое, следовательно, опять видим смешение новых песен. Конец же встречаем другой.

Хотя стан короток, да плечи широки,
А на эти плечи три рябиновых дубца.
Три распаренные, три разжаренные,
Подпояска-то долга, о семи сажень изба,
Повернуться нельзя, повернулася пошла,
Будто ягода красна, как землянка хороша.
Обей чеботы, пробивай чеботы!
Мне не муж их купил, и никто заводил,
Заводил Константин на свои шесть алтын;
Хоть истопчутся, изломаются,
Мой батюшка-то швец, а жених кузнец,
Моя матушка прядеюшка, вервицу напрядет.

И в этом варианте есть, по-видимому, много сокращений, особенно после стиха: «Будто ягода красна». Здесь, очевидно, чего-то недостает.

Для песни, напечатанной под № 48, мне известны два варианта. Первый из них записан со слов поселян Мещевского уезда, а второй Муромского.

1.

По широкой по реке,
По раздольной по Оке
Плывет селезень.
Люли, люли, селезень!
По той реке, да широкой,
По той Оке, да глубокой,
Бежит добрый молодец.
Люли, люли, селезень!
Ты стой, постой,
Ты стой, постой,
Хохлатый селезень.
Люли, люли, селезень!
У тебя ли во дому
Повернулось по бревну,
По бревну, по сосновому.
Люли, люли, селезень!
Селезень не слушает,
Селезень не турует,
Селезень проплывает.
Люли, люли, селезень!
По широкой, по реке,
По раздольной по Оке,
Плывет суденышко.
Люли, люли, селезень!
На суденышке детинушка,
На детинушке рубашечка;
Под сердечушком зазнобушка.
Люли, люли, селезень!
Вослед суденышка
Бежит матушка,
Бежит, сама речи ведет:
Люли, люли, селезень!
У тебя ли во дому
Сочинилася беда:

Изменила молода.
Люли, люли, селезень!
Детинушка не слушается,
Суденышко колышется,
Ко дну клонется.
Люли, люли, селезень!

2.

Уж как было по реке,
Уж как было по Оке.
Гай, гай, селезень!
Плывет селезень,
Плывет молодой.
Гай, гай, селезень!
Едут молодцы, удалые,
Все Волжане, молодые.
Гай, гай, селезень!
Ты стой, постой,
Ты стой, постой,
Молодой селезень.
Гай, гай, селезень!
У тебя ли во дому
Повернулось по бревну,
По бревну, по сосновому.
Гай, гай, селезень!
Уж как было по реке,
Уж как было по Оке.
Гай, гай, селезень!
Выплывал молодец,
Выплывал удалой.
Гай, гай, селезень!
Сам суденышком вертит,
Сам весельцами гребет.
Гай, гай, селезень!
На суденышке детинушка,

На детинушке рубашечка,
Гай, гай, селезень!
Под сердечушком зазнобушка,
Во дому одна сударушка.
Гай, гай, селезень!
У тебя ли во дому
Сочинилася беда:
Изменила молода.
Гай, гай, селезень!

Для песни, напечатанной под № 49, мне известны два варианта. Первый из них был напечатан в Собрании песен Прача, ч. 2, с. 57; а второй – в песеннике, изданном в СПБ в типографии Глазунова, П. Ш., ч. 4. с. 52. Оба эти варианта совершенно сходны с песнею, приложенною в тексте, а по этому самому мы и не помещаем их здесь.

Для песни, напечатанной под № 50, мне известен один вариант, напечатанный в песеннике П. Ш., изданном в СПБ в 1819 г., ч. 4, с. 54.

У воробушки головушка болела.
Как болела, как болела, как болела?
У воробушки сердечушко щемило;
У воробушки спинушка болела;
У воробушки рученька болела.
Уж как стал воробей приседати;
Захотел воробей перемены.

Для песни, напечатанной под № 51, мне известны два варианта. Первых из них был напечатан в песеннике П.Ш., изданном в СПБ в 1819 г., ч. 4, с. 55; а второй записан со слов поселян Серпуховского уезда. Мы помещаем только последний.

Как посею бел лен,
Как выращу бел лен,

Тонкий, долгий,
Бел, волокнистый.
Как вырос бел лен,
Тонкий, долгий,
Бел, волокнистый.
Как лен поспевал,
Как бел созревал,
Тонкий, долгий,
Бел, волокнистый;
А я, млада, горевала:
С кем-то мне лен брати?
Свекор-то молвит:
Я с снохою, моей молодой!
Чорт это, не братье,
Все лишь гореванье!
Как посею бел лен,
Как вырощу бел лен,
Тонкий, долгий,
Бел, волокнистый.
Как вырос бел лен,
Тонкий, долгий,
Бел, волокнистый.
Как лен поспевал,
Как бел созревал,
Тонкий, долгий,
Бел, волокнистый;
А я, млада, горевала:
С кем-то мне лен брати?
Свекровь-то молвит:
Я с снохою, моей молодою!
Чорт это, не бранье,
Все лишь гореванье!
Как посею бел лен,
Как выращу бел лен,
Тонкий, долгий,

Бел, волокнистый.
Как вырос бел лен,
Тонкий, долгий,
Бел, волокнистый.
Как стал лен поспевать,
Как стал лен созревать,
Тонкий, долгий,
Бел, волокнистый;
А я, млада, горевала:
С кем-то мне лен брати?
Как милой-то молвит:
Я с тобою, моей дорогою!
Вот это-то бранье,
Все лишь целованье!

Для песни, напечатанной под № 52, мне известны два варианта. Первый из них напечатан в песеннике П. Ш., изданном в СПБ, 1819 г., ч. 4, с. 58. В этом варианте есть только некоторые изменения, которые и помещаем.

Вместо: «Все девки понабрались» – «Все понаелися».

Вместо: «Одна девка не набралася» – «Одна девка не наелася».

Пропущено в песеннике П. Ш. четыре стиха:

У меня ли, у младешеньки,
Свекор-отец, свекровь мать,
И бьют, и журят,
Понапрасну бранят.

В последнем стихе вместо: «Не кто велел по полям играть» – «Не кто велел с холостым играть».

Второй вариант записан со слов поселян Богородицкого уезда Тульской губернии.

Как пошли девки в сыры боры,
Как загуляли красны в лес по ягодки!

Ой люли, люли, по ягодки!
Уж все девки понабрались,
Уж все красны нахватали.
Ой люли, люли, нахватали!
Как тут девка не набралась,
Как тут красна не нахваталась.
Ой люли, люли, не нахваталась!
Как тут по сыру бору
Ходючи девка, растужилася;
Ой люли, люли, растужилася!
Как тут растужилась, взмолилася,
Как взмолившись, окликалася.
Ой люли, люли, окликалася!
Стала девка плакати,
Стала подруг кликати:
Ой люли, люли, кликати!
Вы подруженьки, вы голубушки,
Вы мои голубушки сложитеся,
Ой люли, люли, сложитеся!
Вы сложитеся мне по ягодке,
Вы бросьте по одной горсточке;
Ой люли, люли, горсточке!
У меня-то, у младешеньки,
У меня-то, у горемычной,
Ой люли, люли, горемычной!
Чужой отец, чужая мать,
Мне отец свекор, мне мать свекровь.
Ой люли, люли, свекровь!
Меня, младу, забранят,
Меня, младу, зажурят.
Ой люли, люли, зажурят!
Ей подруженьки не сложилися,
Ей подруженьки не скинулися.
Ой люли, люли, не скинулися!
Речи держат ей подруженьки,

Речи держат ей голубушки:
Ой люли, люли, голубушки!
Не кто велел по кустам бродить,
Не кто велел соловушек ловить!
Ой люли, люли, ловить!

Для песни, напечатанной под № 53, мне известен один вариант, напечатанный в песеннике П. Ш., изданном в СПБ, 1819, в 3 ч., с. 110.

Как у наших у ворот,
Ай люли, у ворот!
Стоял девок хоровод,
Меня, младу, кликали
На улицу поиграть,
В хороводе поплясать;
Меня свекор не пустил,
Хотя пустил, пригрозил:
Гуляй сноха, да недолго!
А я, млада, гуляла
До саминьких петушков;
Как зорюшка занялась,
А я, млада, поднялась;
Навстречу мне деверек:
Деверьюшка, душечка,
Проводи меня домой,
До высока терема.
Станет свекор младу бить,
А ты меня отними,
Не отнимешь, прочь поди.

Для песни, напечатанной под № 54, мне известны два варианта. Первый из них был напечатан в собрании песен Д. Кашина, во 2 ч., с. 3, совершенно сходный с песнью, напечатанною нами в тексте. Второй записан со слов тульских оружейников.

Как у наших у ворот
Стоит озеро воды.
Ой люли, озеро воды!
Молодец коня поил,
К воротичкам приводил.
Ой люли, приводил.
К вереюшке привязал,
Красной девке приказал;
Ой люли, приказал!
Красна девица, душа,
Ты умна и хороша!
Ой люли, хороша!
Сбереги ворона коня,
Коня богатырского.
Ой люли, богатырского!
Он резов на полете,
Он силен на привязи.
Ой люли, на привязи!
Не сорвал бы повода,
Не сломил бы удила.
Ой люли, удила!
Красна девица идет,
Словно павушка плывет;
Ой люли, плывет!
На ней сарафан кумачной,
Лента алая в косе;
Ой люли, в косе!
В ушах серьги золотые,
Подареньище дружка!
Ой люли, дружка!

В Туле я еще слышал, как вместо:

«Не сорвал бы повода,
Не сломил бы удила»,

пели:

«Не оборвал бы повода,
Повода шелковые,
Удила злаченые».

Вместо:

«На головушке перо,
Хоть пять сот рублей дано»,

пели:

«Как на девице фуро
Пятьдесят рублей дано,
Как на девице фуро
Семитысячное».

Для песни, напечатанной под № 55, мне известен один вариант, напечатанный в собрании Парча, ч. 1, с. 58.

Стояло тут косово дерево,
Вью, вью, вью, вью, лелио!
В том деревце тыночик стоит,
В том тыночке беседа сидит,
В той беседе пляшут девицы.
Мимо тут ехал удал молодец,
Снявши он шапочку, да девке челом,
Слезши с коня, он руку подает.
Девка ему и поклонилась,
Красна ему и руку подала,
Взявши с тыночка, за ручку повел.
Вью, вью, вью, вью лелио.

Для песни, напечатанной под № 56, мне известны два варианта. Первый из них был напечатан в собрании песен Прача, ч. 2, с. 56, а второй записан со слов поселян Богородицкого уезда.

1.

Окол Дону, окол Дону, окол тихого Дунаю,
Окол тихого Дунаю добрый молодец гуляет,
Добрый молодец гуляет, табун коней загоняет,
Кони вороные, на них узды золотые.
Догадайся, догадайся, душа, красна девица:
Уж я рад б догадаться, родного батюшки боюся.
Я боюсь, боюсь отца, да потешу молодца,
Я за тем его потешу, что один сын у отца,
Что один сын у отца, зовут Ванюшкою.

2.

Окол Дону, окол Дону широкого,
Окол Дону, окол Дону тихого,
Добрый молодец загулял,
Табун коней загонял.
Вы кони, кони вороные,
Со уздами золотыми,
Побежите до тихого Дуная,
Что до тихого Дуная,
До прилуки молодой.
Окол Дону, окол Дону широкого,
Окол Дону, окол Дону тихого,
Едет добрый молодец;
Под ним кони вороные,
Со уздами золотыми.
Уж ты, девица душа,
Догадайся, догадайся!
Уж я рада б догадаться,
Родного батюшки боюся,
Родной матушки стыжуся.

Для песни, напечатанной под № 57, мне известны два варианта. Первый из них был напечатан в собрании песен Прача, ч. 1, с. 56; а второй записан со слов поселян Касимовского уезда.

1.

Заинька, поскачи, серенький, попляши,
Кружком, бочком повернися.
Заинька, попляши, серенький, поскачи,
Державши себя за бочки.
Заинька, в ладоши, серенький, в ладоши,
Кружком, бочком повернися.
Здесь города все немецкие.
Закрепочки железные.
Еще зайцу куда выскочить,
Серому куда выскочить.

2.

Ой ли, заинька, поскачи,
Ой ли, заинька, попляши.
Кружком, бочком повернись,
Вот так, так, так!
Ой ли, заинька, в ладоши,
Ой ли, серенький, в ладоши.
Кружком, бочком повернись,
Вот так, так, так!
Здесь города все немецкие,
Закрепи железные.
Кружком, бочком повернись,
Вот так, так, так!
Есть зайцу куда выскочить,
Есть серому куда убежать.
Кружком, бочком повернись,
Вот так, так, так!

Сравнения хороводных песен

Принимая во внимание многочисленность русского народа, не знакомого с заморскою грамотою, решаюсь печатать

сравнительные песни русскими буквами. Предвижу наперед, что это будет для ученых очень неприятно. Точно, я сам вижу, что это будет не по их желанию; но, имея в виду основательные причины, предпочитаю общую пользу частной и даже мелочной. У нас, на Руси, из 50 миллионов читают заморскую грамоту едва ли 2 миллиона; а людей, сведущих в русской грамоте, примерно можно положить до 20 миллионов. Что же прикажете делать, господа ученые, с этими 20 миллионами? Неужели им должно отказаться от чтения? Более тысячи раз видал, как наши русские грамотные люди бросали читать книги и журналы единственно от того, что находили в книгах заморские слова, совершенно им незнакомые. Отнимать у русских людей жажду к чтению какой из нас, русских, согласится? Притом, помещая для сравнения русских песен песни других славянских поколений, имел в виду ознакомить своих соотечественников с грамотностью их соплеменников. Это, кажется, имеет полное внимание на подобные требования. Было же время, когда все славяне говорили одним языком, имели одну грамоту; но это время прошло невозвратно. Люди сильные заставили заграничных славян забыть родную грамоту, принудили их невольно употреблять чужие буквы. Между тем эти заграничные славяне с жадностью читают книги киевской печати. Так было при Синявине в 1807 году, в Черногории; так теперь еще более видим в Богемии, Галиции и Сербии. В Галиции живут русские, сохраняя все свои обычаи и родной язык, а галичане говорят с русскими одним языком, употребляя только чужеземную букву в письме. В 1833 году Вацлав Олешка издал галицийские песни, и вместо букв славянских употребил римские. В 1823 году Шаффарик издал в Песте «Песне светске лиду Словенскего» – немецкими готическими буквами. С 1824 года Караджич начал издавать в Лейпциге «Народне Српске Пиесме» – буквами русскими, с примесью изобретенных им других букв, которых не находится в русской азбуке. Теперь прошу покорно заставить прочитать это вавилонское

смешение русского человека, незнакомого с заморскою грамотою? Может быть, скажет, что безграмотных людей должно оставлять без внимания в таком случае. Смело могу уверить вас, людей ученых, что эти безграмотные люди знают одну русскую грамоту так, как должно ее знать, как требует этого их общественная жизнь; чужеземным же языкам не имели ни времени, ни средств выучиться; а читать и учиться имеют сильное желание. Предоставляю всем и каждому говорить, что угодно, о моем предприятии, а я решился печатать песни славянских поколений русскими буквами. Пускай на ученой стороне будут права учености, неоспоримые, утвержденные веками; а на моей стороне требования 20 миллионов русских людей. В таком случае с восторгом принимаю всякую укоризну за свое предприятие, и радуюсь, если из 20 миллионов успею хотя одному угодить в его любознании.

Печатая песни славянских поколений русскими буквами, не решаясь даже помещать их в переводе, я помещаю прямо, как они были напечатаны издателями, заменяя только чужеземные буквы – русскими. Люди ученые могут сами прочитать все заграничные издания славянских песен; они имеют к тому и способы, и знания, и свободное время. Сверх того, я не имел и цели печатать славянские песни для ученых людей; мое издание предназначено для русских людей, любящих свою родину, знающих только один свой родной язык.

ПЕСНИ ГАЛИЦИЙСКИЕ

Для сравнения галицийских песен употреблены были песни, изданные в Львове Вацлавом Олешкою в 1833 году.

1.

А ми просо сияли, сияли,
Ой Дид, Лада, сияли, сияли!
А ми просо видопчем, видопчем,

Ой Дид, Лада, видопчем, видопчем!
Та чимже вам видоптать, видоптать?
Ой Дидо, Лада, видоптать, видоптать?
А ми кони выпустим, выпустим,
Ой Дид, Лада, выпустим, выпустим!
А ми кони переимем, переимем,
Ой Дид, Лада, переимем, переимем!
Та чимже вам переинять, переинять?
Ой Дид, Лада, переинять, переинять?
Ой шелковом, неводом, неводом,
Ой Дид, Лада, неводом, неводом!
А ми кони викупим, викупим,
Ой Дид, Лада, викупим, викупим!
Та чимже вам викупить, викупить?
Ой Дид, Лада, викупить, викупить!
А ми дамо сто рубли, сто рубли,
Ой Дид, Лада, сто рубли, сто рубли!
Не надо нам тисячи, тисячи,
Ой Дид, Лада, тисячи, тисячи!
А ми дамо дивицу, дивицу,
Ой Дид, Лада, дивицу, дивицу!
Ой того нам надобно, надобно,
Ой Дид, Лада, надобно, надобно!

2.

Пойдеми на лов, на лов,
Товарищу мой!
На лов, на лов, на лови,
До зеленеи доброви,
Товарищу мой!
Аж там биже заяц, заяц,
Товарищу мой!
Пущай харти с мисца,
Них зайца ухвися,
Товарищу мой!

Пойдеми на лов, на лов,
Товарищу мой!
На лов, на лов, на лови,
До зеленеи дуброви,
Товарищу мой!
Аж там биже серна, серна,
Товарищу мой!
Пущай харти с мисца,
Нехай серне ухвися.
Товарищу мой!
Пойдеми на лов, на лов,
Товарищу мой!
На лов, на лов, на лови,
До зеленеи дуброви,
Товарищу мой!
Аж там биже соболь, соболь,
Товарищу мой!
Пущай харти с мисца,
Нехай соболя ухвися.
Товарищу мой!
Пойдеми на лов, на лов,
Товарищу мой!
На лов, на лов, на лови,
До зеленеи дуброви.
Товарищу мой!
Аж там биже панна, панна,
Товарищу мой!
Пущай харти с мисца,
Нехай панна ухвися.
Товарищу мой!
А терас же си дилеми, дилеми,
Товарищу мой!
Тоби заяц и серна,
А мне соболь и панна.
Товарищу мой!

А киди си кривда, кривда,
Товарищу мой!
Тоби седло, а мне конь,
Терас же си земня гонь.
Товарищу мой!
А киди си кривда, кривда,
Товарищу мой!
Моя сабля, а твой кии,
Терас же си земня бии.
Товарищу мой!
Кидиж еще кривда, кривда,
Товарищу мой!
Твое гардло, а мой мич,
Твоя глова пойди преж.
Товарищу мой!

3.

Станьмо, братья, в коло,
В тим коли весело,
Вси в раз заспиваймо,
Нехай знаиют люди,
Що у нас може буде,
Охоту додаймо.
А так плеснем в руки трас, трас, трас.
Типнимо ногами в раз, в раз, в раз.
Обернимся в коло,
Вискожмо весело:
Всяк то в дому того,
Котори нас знае,
Щире нас кохае,
И ми любим его;
Нехай приязнь наша статечна,
Жие завсе с нами сполечна.
Хитрости облюдна,
Будь от нас одлюдна,

Вон преж за ворота,
Нехочи в нас зради,
В нас щирост без вади,
И щира в нас зната;
Облюдна в Кайданах брен, брен, брен!
Наша щирость чиста, як день, день!

4.

Ой на гори, ой там лень,
На долини зеленинька.
По три гроши молодец,
По таляру дивка,
По тисячу жинка.
Мои мили матиночки,
Просим вас паниночки,
Потупайте в раз, в раз!

ПЕСНИ БОГЕМСКИЕ

Для сравнения богемских песен употреблены были песни, изданные Шаффариком в Песте в 1823 году.

1.

Широки горшок, бистра водичка.
Напой ми, мила, моно коничка!
Верь бо не напоим,
Лебо се бо боим,
Не сама маличка.
Твой коник врани, остроковани,
Покорал би ми подковками,
Я би не наросла,
Замуж би не пошла,
Межи горами.

2.

Ходила Зузанька около Дуная,
Носила на руках шварниго шугая,
Шугаю, шуга, чо ти мам оробить:
Чи ти виховать, чи до води ходить?
Мамко мога, мамко, леп ме виховайте!
Кед ми выховате, на вону ми дайте!
Приде вам похвала до пани краловне;
Же будем боговать недалеко от нег.
Приде вам похвала от пана сизара:
Же сте выховали по вону бузара.
Гусари, гусари пекни коне мате,
Та пойдем межи вас, ктерого ми дате?
Даме ти ми, даме с тою червленою гривою,
Чо се будет носить по таборе с милой.
Даме ти ми, даме, чижми с острогами,
Чо ти буду бринкать горе долинами.

ПЕСНИ СЕРБСКИЕ

Для сравнения сербских песен мы употребили песни, издаваемые в Лейпциге Вуком Стефановичем Караджичем с 1824 года.

1.

Наша дода Бога моли,
Ой додо, ой додо ле!
Да удари росна киша,
Ой додо, ой додо ле!
Да покисну сви орачи,
Ой додо, ой додо ле!
Сви орачи и копачи.
Ой додо, ой додо ле!

И по куни пословачи.
Ой додо, ой додо ле!

2.

Пораниле девоике,
Иело ле, иело, добра девоико!
Пораниле на воду;
Иело ле, иело, добра девоико!
Рогом воду мучаише,
Иело ле, иело, добра девоико!
А очима бистраше.
Иело ле, иело, добра девоико!

3.

Кральу, светли кральу!
Кральу, светли кральу, лельо!
Кральице банице!
Кральице банице!
Кральице банице, лелью!
Устаи, те пошетаи.
Устаи, те пошетаи,
Устаи, те пошетаи, лельо!
Од двора до двора,
Од двора до двора,
Од двора до двора, лельо!
До царева стола,
До царева стола,
До царева стола, лельо!
Где царь вино пиие,
Где царь вино пиие,
Где царь вино пиие, лельо!
Царица му служи,
Царица му служи,
Царица му служи, лельо!
Из златна кондира.

4.

Сокол гнездо виие у иеловои гори,
У иеловои гори, на иеловои грани;
Соколу долаэе из горе иунаци;
Издаи вам, соколе, ианину планину,
А ми демо из села девоику.
Ал ие то зачула из села девоика,
Брже ие скочила, гору запалила.
Горела ие гора три дни и три ночи,
Док ие догорела соколу до гнезда.
Сокол гнездо гаси, а девоику куне:
Ой дево, девойко, млого девовала!
Млого девовала, мало невовала!
И што невовала, и то боловала!

ПЕСНЯ ХОРВАТСКАЯ

Песня хорватская, прилагаемая нами для сравнения с нашими хороводными, находится в большом употреблении. В 1818 году, в Загребе, в присутствии императора и короля Франциска и императрицы Каролины, хорватские дворяне, одетые в национальное платье, пели эту песню. Полагают, что она сочинена епископом М. Верховцем; но он только изменил одно окончание, сообразно обстоятельствам и присутствию высочайших особ.

Коло, коло, на около,
Хитро, любно и весело!
Девушки прискачите,
Весело нам поиграйте,
Хорватицы, Далматинки,
Дщери лепые, и Славонки,
Крепостью гласовите,
Коло с нами составите!

День веселия нам, ныне у нас,
Око Божие гледа на нас,
Два милы гостя пришли,
От богатого города Вены
Бог и счастье иие к нам жалуе.
Око, лице ниим сведочи,
Ди су дошли нам помочи.
Боже, сохрани сих гостей!
К нам дошли для счастья.
Куд се им пойти, дай им счастье.
На край утесах, и край моря
Да водила б их ясна зоря,
Солнце светло и ведро дня,
Дарувало ниим до ночлега,
Или пойдут лесом густым,
Или пойдут горами пустыми:
Горы легко преминули,
Леса засветло преминули.
Ветер мили, сухи, тихи,
Куда подуй с ними,
Ливень наглый, вихорь лютый,
Дорогим гостям пути не змути.
Чрез утесы, чащи; воды,
Нехай мирно идут, переходят:
Да Словонцы и Хорваты,
Еще раз виде до возврату,
И в судах нии увидят,
Чиго добра им желают,
Долго счастливо царствовати,
И весело нас управити.
Учуй нас, Цесарь и Крали мощный!
Да ниим добро все желаем,
Да що всигда верны, послушны,
Во неволи и силы
Австрийскому дому были.
Буди ти нам Тит,

А Каролина пак Гцзелей,
Из Баварских кралей крови,
Ку я имал Стефан первый.
Боже, храни наши гости,
Ки су наш источник радости!

Примечания

1. Сия общенародная песня известна повсюду. Нет местечка, нет на Руси человека, где бы она не приводила в восторг наше родное чувство. Наши археологи приписывают этой песне безграничную древность; уверяют без доказательств, что она принадлежала славянам-язычникам. Слова «Дид, Ладо» были и будут камнем преткновения для этих изыскателей, уверенных твердо, что эти слова суть имена языческих богов и что эта песня осталась памятником язычества наших предков. Ничтожность этих предположений мы изложили подробно в обозрении истории русской народной литературы.

Русские люди поют эту песню с разными изменениями в словах, указанными нами в вариантах. Голос этой песни, протяжной, сходной с обрядовыми песнями, имеет особенное отличие от всех других. Старики рассказывают, что в старину она была первою песнею при встрече весны, первою народною радостью для всех сословий, первым началом летнего веселья. Как песня, сопряженная с играми, она сопровождалась всеобщим весельем. Для игры этой песни сбирались девицы и молодцы в селениях из разных деревень, в городах из разных дворов. Обыкновенно, пред началом этой песни, хороводница выступала на луг и запевала первую сборную песню; а игроки, постепенно сближаясь в кружки, приготовлялись петь хороводные песни. Пред началом песни игроки разделялись на две половины, сначала в дальнем расстоянии, потом, при пении, сближались постепенно одна к другой. В разных местах мне случалось видеть резкие особенности: когда оканчивали песню, вторая половина, уступая девицу первой, запевала снова

песню, тем же порядком до конца, и брала в обмен от первой также девицу. Другие совершали иначе: по окончании песни вторая половина уступала девицу с трудом, так что первая половина почти насильно исторгала из среды ее; а потом, при вторичном пении этой песни, отдавала добровольно вторую девицу. Иные допускали еще особенное: когда после первого пения вторая половина вручала первой девицу, то ее встречал отважный молодец и вводил за собою в круг, при ударении в ладоши. При втором пении первая половина сама уступала уже молодца, и его неохотно принимали во второй. Такие разнообразные действия отличают эту игру более своими местностями, нежели изменениями древних обрядов. Может быть, наши предки имели свои причины в этом действии; но оно, как непонятное нам, не может допускать предположений. Для истории нужны факты, а не ничтожные догадки.

2. «Растить мак» – игра сельская и городская разыгрывается с весны до осени. Мужчины и женщины сплетаются руками в круг. В средине круга садится хороводник. Игроки ходят кругом его и поют песню. Пропевши, игроки останавливаются и спрашивают у хороводника: «Сеяли ли мак?» – «Только землю вспахали», – отвечает он. Игроки запевают песню и снова спрашивают: «Сеяли ли мак?» Ответ: «Сеяли!» Хороводные то же поют и спрашивают: «Взошел ли мак?» Ответ: «Всходит!» Игроки опять спрашивают: «Зацвел ли мак?» Ответ: «Зацвел!» Игроки то же поют и спрашивают: «Поспевает ли мак?» Ответ: «Поспевает!» Игроки то же поют и спрашивают: «Поспел ли мак?» Ответ: «Поспел; сбирайтесь отряхать». С последним словом хороводник встает и старается убежать из круга. Игроки ловят его. Поймавши, начинают трясти всеми возможными образами. Часто случается, что хороводник, лишенный от трясения волос, начинает драку. Пожилая женщина, всесветная кума, является примирительницею, а иногда усиливает еще более ссору. Замечательно, что в хороводники для этой песни часто выбирают дурачка, человека безответного, согласного за кусок пряника выносить всякие побои, миролюбивого и послушного до последней возможности.

3. Игра «Плетень», самая восхитительная для сельских девушек, сопровождается этою песней. Молодцы, девушки, мужчины становятся попарно и, сомкнувшись руками в виде плетня, вытягиваются в линию. Песня разделяется на две половины: во время пения первой игроки заплетаются в плетень, а во второй первая пара поднимает вверх соединенные руки; под эту арку начинают проходить игроки и постепенно расплетаются.

4. Эта хороводная песня сопровождается игрою «Селезень», в которой два игрока изображают Утку и Селезня. Вечером игроки сбираются на луг, составляют кружок, в средине коего становятся двое игроков: Селезень и Утка. Хороводные поют песню, ходят кругом Селезня и Утки, соединяясь рука с рукою. В это время Утка начинает нырять из круга; игроки ее не пропускают, Селезень старается поймать Утку. Ныряние и ловля продолжаются до тех пор, пока Селезень поймает Утку. Часто случается, что игроки, желая продолжить игру, удерживают Селезня. Это называется у них: «подзадоривай задор». Утка насмехается над Селезнем.

5. В Замосковных губерниях эту песню поют всегда осенью, когда из «новины» варят новое пиво. Песня сопровождается игрою – «Пиво варить». Веселый, комический разгул нашей сельской жизни оживляет хоровод. Наваривши браги к Бабьему лету, молодые женщины выходят с нею к воротам, угощают прежде старых людей, а потом молодых. Веселые гости, удоволенные брагою, принимаются за игру – «Пиво варить». Игроки, в продолжение всей песни, выражают движением рук и разными положениями содержание песни. При окончании песни являются на луг женщины с ушатом браги и угощают игроков.

6. С этою хороводною песней наши поселяне соединяют игру «Воробышек». Игроки соединяются в кружок, а хороводник представляет собой воробья. При начале каждого куплета хороводник стоит спокойно, а потом, сообразно словам песни, изображает минами разные характеры людей, с присоединением от себя всех возможных кривляний. Продолжение этой игры часто бывает бесконечное. Игроки умеют причитывать

разные затеи. Большей частью стараются изображать горбатых, хромых, людей ненавистных. Здесь выказывается в полной мере сатирический характер нашего народа.

7. В доказательство, что в этой песне должно петь «Дон», а не «Дунай», поселяне Тульской губернии сохраняют народную думу «Иван-озеро». Все изменения, происшедшие в припеве этой песни, означены в вариантах.

8. Не думаем, чтобы эта песня была сочинена в честь Дона Ивановича, реки, вытекающей в Тульской губернии из Иван-озера. В игре, сопровождающей песню, есть следы древности; но как разгадать, что сама песня именно относится до реки Дона? Река Дон имеет свою народную историю – великорусскую, свое родство с сестрою Волгою – по поверьям великорусским. Река Дон находится в особенном почтении у казаков, составляет для них быль историческую в отношении к отцам. Вот все народные воспоминания о Доне.

Эта народная песня, сопровождаясь игрою, известна повсюду. В Москве она распевается: в Марьиной роще, в Тверской-Ямской, за Роговскою заставою. Игроки сходятся вместе, становятся в кружок, а хороводник, находясь в средине, изображает собою Дона Ивановича разными действиями, сообразными песне. Отважные игроки сопровождают пение игрою на балалайке. Когда игроки поют:

Как садился удалец
Против вдовушки на скамье…

хороводник с балалайкою в руках, садится на землю. Когда игроки стоят против него и поют продолжение, он подыгрывает на балалайке, кланяется вдовушке, шапка с него спадает. С отказом вдовы хороводник поднимает свою шапку и встает, а игроки продолжают ходить хоровод и петь. То же самое действие совершается и при пении стихов:

Как садился удалец
Против девушки на скамье.

В это время девица выходит из круга поднимать его шапку; хороводник, принимая из ее руки шапку, благодарит ее поцелуем.

В Замосковных селениях эту песню употребляют и на свадебных вечеринках. Если свадьба бывает весною или осенью, то игроки выходят на луг, или на погост, или на огород. В это время молодые девицы – невесты – под предводительством свашеньки веселятся с женихом и его товарищами. Зимою же совершают эту хороводную игру в покоях. В Алексине Тульской губернии при капустных зарубках поют также эту песню.

9. В хороводной игре эта песня принимает особенное значение: «Женина любовь». Мужчины и женщины составляют хороводный круг. В средине становятся двое: муж и жена. Когда поют песню, хороводные ведут свой обыкновенный круг, муж ухаживает за женою, а жена, отворачиваясь от него, пренебрегает ласками. Песня разделяется на две половины: в первой муж ухаживает за женою, с обещанием подарков, во второй жена, увидевши у мужа кнут, ласково приветствует его и начинает целовать. В Тульской губернии эта песня усвоена дворовыми людьми.

В 186-й части «Сына Отечества» за 1837 г., с. 401, об этой игре, существующей в городе Ярославле, писал г. Петровский: «Девицы делают из себя круг, на средину коего выходит молодец и девица, но чаще две девицы: занимающая место мужчины надевает на голову мужскую шляпу. Хоровод и ходящие вкруг поют:

Я поеду, жена,
В Китай-город гулять!
Жена, моя женушка,
Сердитое сердце твое!
Я куплю тебе, жена,
Кисеи на рукава!
Жена, моя женушка,
Сердитое сердце твое!

Вот тебе, жена,
Кисеи на рукава!
Жена, моя женушка,
Сердитое сердце твое!

В продолжении пения представляющая жену ходит отворотясь и не глядит на представляющую мужа; при последнем стихе муж подает жене кисею; она вырывает у него из рук и бросает; хор поет:

Посмотрите, добрые люди,
Как жена мужа не любит:
Где ни сойдется, не поклонится,
Отворотится.
Я поеду, жена,
В Китай-город гулять;
Я куплю тебе, жена,
Золото колечко.

Здесь так же, как и выше сказано, жена продолжает ходить отворотясь, и когда муж подает ей кольцо, отталкивает его прочь; хор поет:

Посмотрите, добры люди,
Как жена мужа не любит,
Где ни сойдется, не поклонится,
Отворотится.
Я поеду, жена,
В Китай-город гулять;
Я куплю тебе, жена,
Шелковую плетку.
Вот тебе, жена,
Дорогой подарок.

Жена ходит отворотясь; когда пропоют: «шелковую плетку», оборачивается к мужу и смотрит на него поласко-

вее; при последнем стихе муж хлещет жену плеткой, а она ему кланяется; хор поет:

Посмотрите, добры люди,
Как жена-то мужа любит;
Где ни сойдется, все поклонится,
Поцелуется.
Жена, моя женушка,
Отходчиво сердце твое!»

10. «Заинька» – игра, сопровождаемая песней, замечена только мною в одном Московском уезде, по Троицкой дороге. Там игроки выбирали из среды себя несколько резвых и отважных людей для званий: заиньки, тестя, тещи, шурина, свояченицы. Эти избранные лица становились в средину хоровода, а игроки, ходя кругом их, пели песню. Мужчина, представлявший собою жениха, первенствовал пред всеми, приглашал тестя, тещу, шурина, свояченицу в родство и, с отысканием невесты, изгонял новую родню. В селе Братовщине находился в середине один только жених; но когда нужно ему было находить новую родню, он указывал по избранию на хороводных; под конец песни выходила в круг нареченная невеста и целовалась с женихом.

11. С этою хороводною песней соединяется игра – «Женин разлад». Старейшинство мужа над женою в сельской жизни выражается его гордою и спесивою походкою в хороводе; между тем униженная жена насильно выкупает у мужа себе волю. Игроки соединяются рука с рукою, поют песню и ходят кругом мужа с женою. По окончании песни жена удаляется из хоровода, а муж, как бы в отчаянии, садится с задумчивостью на луг. В Крапивенском уезде Тульской губернии сначала в хороводе ходит один только муж, а потом выступает из хоровода женщина с поклонами и изгоняется мужем, когда игроки оканчивают песню.

12. Наши поселяне для заезжего гостя поют песню и играют игру – «Жених» – в отмщение за их сватовство в селе.

С отважной смелостью игроки в присутствии гостя поют песню. Поговорка их – «Из песни не выкинешь слова» – ограждает их от нарекания. Сельские люди, в свою очередь, умеют пошутить, но шутки их высказываются прямо – с плеча; их сатира нечего не имеет скрытного; она вся обнажена. Хороводники сбираются в круг, поют песню, а мнимый жених становится в круг и всматривается в девиц и молодиц. Когда запоют:

Выходила красна девка,

девица выходит из хоровода и ходит в противоположную сторону, около хороводных от жениха. Когда игроки поют:

Ох, ты, девушка душа,
Под замуж за меня! –

жених ударяет невесту по плечу. Игроки останавливаются, невеста, обращаясь к ним, поет, а после они ей отвечают. Невеста, получивши худой отзыв, вступает в хоровод. Жених остается один. Игроки поют вторую половину песни; невеста также выходит из круга, и, когда ей одобрят жениха, она подходит к нему, жених принимает девицу за белые руки, и хоровод оканчивается.

Во многих местах мне случалось видеть, что только хороводники поют и играют одну половину песни. Судя по этому, можно было бы подумать, что эта песня изуродована и что вторая половина есть только вариант первой; но выходит совершенно напротив. Одна половина не может быть без другой, и что вторая половина есть продолжение первой. В селениях по Троицкой дороге от Москвы даже вместо «заезжий гость» употребляют другие слова: «донской казак». Здесь только видно одно своевольное изменение слов; не на этом ли самом основывается и уничтожение второй половины?

13. Эта песня употребляется во время осенних свадеб. Девушки выходят на луг или огород, составляют хоровод, а в средине ходит девицы с платком в руке – ковром. Когда поют:

Доставался мой ковер
Старому мужу…

хороводницы начинают смеяться, а девица поет в защиту себя:

Я могу ковра убавить.

Под конец песни хороводницы принимают из рук девицы ковер и уводят ее под руку.

В этой хороводной песне представлять невесту жребий всегда падает на действительную невесту; от нее только принимают ковер; ее только выводят под руки из хоровода. После первой игры девушки поочередно принимают на себя звание невест, и ковер переходит от одной к другой.

14. Девичья разборчивость в женихах, столь заметная в семейной жизни, перешла в хороводные игры со всеми причудами. Сельская кумушка сбирает девиц и управляет хороводом. Девушки поют песню, а кумушка в известных местах указывает на выбор женихов. В Алексинском уезде в селе Павшине мне случалось видеть, как кумушка причитывала от себя разные поговорки женихам, нимало не принадлежащие к песне. В Калужском уезде мне случалось видать, что девицы сами намекали на известных женихов, называя их по имени.

15. При пении этой хороводной песни выступает в круг муж; за ним вслед идет ревнивая жена. Пока игроки поют песню, муж отворачивается от жены, потом обращается к ней с ласками; но ревнивая жена, всегда строгая к его действиям, ничему не внимает и указывает прямо на кого-нибудь из хороводных, что она только отбивает у ней мужа. Только один раз я видел в Белевском уезде, как муж, ревнивая жена и полюбовница ходили втроем в хороводе.

16. В этой хороводной песне народная игра изобразила супружескую неверность. Кумушка становится в средину хоровода и изображает минами то гулливую жену, то намекает на известные лица. Здесь русские забывают скромность, и порок выставляется пред глаза всех. Часто случается, что неверная

жена здесь только является пред мужем со своими преступлениями. Обиженный муж уводит свою жену из самой игры «для разделки» побоев. Самое замечательное явление в этой песне есть то, что игроки с начала не составляют хоровода, но разделяются на две половины, и потом, сближаясь одна с другою, схватывают руки и составляют хоровод. В этой игре мужчины пожилых лет, старушки всегда приближаются к хороводу и смотрят со всею внимательностью на игроков, нимало не участвуя в самой игре. Самая песня при многочисленном собрании хороводных принимает величественный вид. Мужчины молодые, недавно женившиеся, стоят в трепетном ожидании. Эта быль народная ярко отсвечивает современное состояние заокских поселян; эта быль, до сих пор еще не замеченная никем, остается в неизвестности.

17. Всеобщее употребление этой песни заслуживает особенное внимание. Кажется, что она менее всех претерпела изменений в составе своем. Как любимая хороводная песня, она равно пленяет и горожан и поселян. В Москве у Тверских ворот, за Роговской заставой, в Марьиной роще всегда можно летом слышать эту песню. В свадьбах летних и осенних девушки пред вечером всегда уже занимаются этой игрою. Мне не случалось слышать эту песню в Калужской губернии, точно так, как других песен не слыхал в Московской и Орловской. Может быть, что они и поются в этих местах.

При разыгрывании этой песни девицы и мужчины, схватясь рука с рукою, ходят свой обыкновенный круг и поют песню. Игра, сопровождающая эту песню, называется: «Покорище девицы». Замечательно, что для этой игры не выбирают хороводника, как в других; по крайней мере, мне не случилось заметить этого. Голос этой песни самый протяжный в первом стихе и потом ускоряется во втором. Поселяне соблюдают особенный такт ударением ноги.

18. В городских весенних и осенних свадьбах всегда можно слышать эту хороводную песню. В сельских хороводах она не употребляется. Песню поют незадолго пред девичником, когда уже изготовят приданое для невесты. Невестину пери-

ну выносят на двор, кладут на траву, сваха садится на перину, кругом ее стоят девушки и поют песню. После слов:

Она ждет, пождет к себе
Друга милого, суженого…

сваха начинает взбивать перину, а девушки поют далее. По окончании песни невеста выходит из покоев и дарит девушек подарками. Сваха начинает сомневаться: «Полно она ли невеста?» Невестина мать выносит красный платок и дарит сваху. Невесту сажают на перину и вносят в комнату.

В припеве к этой песне, как и в других, мы встречаем слово «браво» не русское. Мы твердо уверены, что это слово вставлено в новейшее время; наши предки этих слов не знали. Что же касается до песни, то и в ней есть перемены, как это отмечено в вариантах.

19. Как осенняя хороводная песня, она разыгрывается после летней уборки, когда отпразднуют Бабье лето. Девушки сбираются на луг, сговариваются наперед – кому из них быть невестой? Игра, сопровождающая эту песню, называется «Невеста». Здесь нужна большая сметливость: стать в таком порядке, чтобы последнее слово песни именно падало на нее. Сваха, распорядительница игры, становится в хоровод, а девушки поют песню. По окончании песни девушки выходят из хоровода. Потом снова поют ту же песню и так же выходят. Выход девиц продолжается до трех, а иногда и более раз, по количеству игроков или по сделанному условию. Девицы-невесты становятся отдельно, сваха ходит кругом их и поет, и та, на которую достается последнее слово песни, остается невестою. В таком случае, если она богатая, то ей только завидуют; если же бедная, то над нею насмехаются.

20. Сопровождаемая хороводною игрой «Любовушка» песня «Селезень» принадлежит к весенним хороводам. Составляется хоровод из мужчин и женщин. Добрый молодец задумал жениться и, обходя хоровод, выбирает себе невесту. В околомосковных селениях мне случалось видеть, что добрый молодец

ходил в хороводе с балалайкою; напротив, этого прибавления не видал в Заокских селениях. В Тульском уезде в хороводе участвуют три лица: молодец, вдова и девица. По окончании первой половины песни вдова, отверженная мирским советом, выходит из хоровода; девица же остается до конца игры.

21. При пении этой хороводной песни игроки соединятся вместе, рука с рукою, в средине ходит кума и своими телодвижениями старается выразить смысл песни. Эта игра отправляется в великорусских губерниях осенью, когда начинаются в селах свадьбы.

22. Наши поселяне употребляют игру «Вдова» осенью, воспоминая прежнюю замужнюю жизнь женщины. В этой игре всегда принимают участие: «свахи-вдовы, бабушки-балагурки, старухи-домоседки». Хороводница стоит на бугорке, обращенная к чужой деревне, а игроки, окруживши ее, поют песню.

23. Игра «Гуляй, гуляй» разыгрывается на деревенских праздниках, когда «добренькие мужи подвыпьют, храбрости наберутся, смелей говорят». В это время они прежде всего начинают учить жен. Другие, смотря на таких мужей, говорят: «Каково он ломается?» Свекрови, восхваляя своих сыновей, приговаривают: «Вот так муж! не дает потачки своей жене». Досужливые тещи выводят своих деток на луг и начинают хороводную игру: «Гуляй, гуляй с пением и припляскою».

24. Заезжие люди в деревнях всегда почитаются людьми почетными, гостями. Скупых везде не любят, а особливо в селениях, где нужны люди тороватые. На больших дорогах всегда можно видеть этих тороватых гостиных людей. Так величают купцов, щедро награждающих услуги поселян; там поют скупым песню «Молодецкой сын». Летом эта игра отправляется на лугу, а зимою в большой сборной избе. Игроки, схватясь рука с рукою, становятся в круг, в средине ходит скупой молодецкий сын, а хороводные поют песню.

25. «Сходбище» – сельская хороводная игра – разыгрывается в начале весны, когда из городов возвращаются молодые люди для рабочей поры. Девушки выходят на луг, к ним сбираются прибылые и составляют хоровод. В средину

круга становятся молодец и девица. Игроки ходят кругом их и поют песню.

26. Бурлаками русские люди называют людей, находящихся на судах, отправляющихся в конце зимы в низовые губернии. Богатство этих людей, состоящее из палки, ложки, котомки; язык, вмещающий в себе смесь разнородных слов; грубость, превышающая границы вероятия, отличают их от всех сословий. Проходя толпами по городам и селам, они располагаются для обеда, ночлегов на площадях и лугах. Вода, редко квас, хлеб, по большей части пшеничный, составляют их всегдашнюю пищу. Содержатели постоялых дворов, целовальники и торговки ведут с ними беспрерывные ссоры. Затейливые поселяне поют про них многие песни. В хороводной игре «Бурлаки» поселянин, бойкий молодец, становится в круг, разными ломаньями представляет собой бурлака и сманивает по-бурлацки «девку-незнавку». Хороводные ходят кругом его и поют песни.

27. В русской семейной жизни русая коса составляет неотъемлемую прелесть девиц. Наши песни: семейные, хороводные, еще более свадебные воспевают эту косу. Всякая девица вменяет себе в обязанность лелеять свою косу. Для нее покупается алая лента, для нее есть в запасе коровье масло, квас, а иногда, и что часто бывает, холодная ключевая вода, для нее бережется роговой гребень. Но это только бывает в девичьей жизни. Является сват, и пред венчанием сваха расплетает косу с особенными обрядами. Русая коса – поминай как звали – забыта, теряет всю прелесть в замужней жизни; она спрятана под кику, под платок. Часто гневный муж берет неучтиво за русую косу и бьет жену, сколько есть силы. Можно ли думать о русой косе в замужней жизни. Эти резкие черты отличают разные переходы русской семейной жизни. У нас, на Руси, был еще «Косной развод», известный нам по свадьбе царя Алексея Михайловича. Хороводная игра «Русая коса» употребляется осенью, во время свадеб. Девушки составляют круг, хороводницы – девушка и сваха – ходят в кругу, а хороводные поют песню.

28. Русские поселяне олицетворили свою семейную жизнь хороводною игрою: свадьбою Снегиря с Перепелкою. Синичка как свекровь делает приготовления к свадебным пирам; Снегирь как жених выбирает себе невест. В этой хороводной игре жених – Снегирь – ходит по хороводу, указывает на игроков, означая тем свой выбор. Игроки поют песню. Есть еще другая, подобная песня этой; но это новейшая компиляция вроде застольных песен. Мне часто случалось слышать эту песню и на зимних посиделках, и в это время певцы изменяли голос ее на тихий тон, между тем как в хороводе она имеет быстрый и веселый напев.

29. В Ефремовском уезде хороводные пели эту песню, не соединяясь рука с рукою, а ходили круг все рядом. При словах «подарю, подарю» останавливались до окончания первой половины. Голос этой песни, совершенно отличный от всех других хороводных напевов, составляет особенный торжественный тон. В средине хоровода не находилось хороводника, как обыкновенно бывает это при других обрядах.

30. В средине хоровода ходит молодец и указывает на игроков рукою. Когда хороводные пропоют «скоро ли, светлый князь» – он один доканчивает песню; в это время уже не ходит, а стоит в средине круга.

31. При пении этой песни хороводные разделяются на две половины, и стоят обе половины одна против другой. Между ними ходит Хоробер и поет вместе с игроками песню. Под конец песни хороводные сходятся вместе, составляют круг и ходят обыкновенным шагом.

32. Эту песню поют в весенних хороводах пред начатием игр. Запевала начинает прежде петь один, к нему присоединяются другие. Поселяне Тульского уезда обыкновенно выражают эту песню: «кликнут клич».

33. Составляется хоровод. Селезень садится на землю между хороводными, скорчившись, как старик. Когда пропоют хороводные «Студено ли те, Селезень», он встает и поет следующие три стиха. После этого хороводные поют и бросают ему разные вещи. Селезень все это надевает на себя. Песню

пропели. Селезень хочет удалиться из круга; но хороводные удерживают его и отбирают вещи.

34. При пении этой песни Сиротинушка лежит на земле, кругом его ходят хороводные и поют песню. Когда же запоют «вот она идет», выходит к нему из хоровода девушка, останавливается перед ним и поет песню вместе с игроками.

35. Хороводные разделяются на две половины: в первой отделяются мужчины, во второй женщины, девушки. В середине каждой половины стоит жених. Обе половины сближаются, поют попеременно песню; первые показывают вещи после пения стихов второй половины. Под конец песни игроки сближаются еще более и целуются.

36. Составляется хоровод. В средине круга ходит девушка. Когда пропоют первую половину песни: «Тебя свет родной кличет», она отвечает им пением трех следующих стихов. То же самое происходит и под конец второй половины песни.

37. Хороводные, схватясь рука с рукою, ходят обыкновенный круг, а в средине ходят или девушки или свахи. Эта песня употребляется в хороводах, в свадебных вечеринках и зимних посиделках.

38. При пении этой песни хороводные, схватясь рука с рукою, ходят и поют, притоптывая ногами; под конец песни разнимают руки и бьют в ладоши. Конец этой песни имеет одинаковое окончание с песней, помещенною в тексте под № 1.

39. Хороводные во время пения этой песни сначала ходят только круг, а потом, разъединяясь, вытягиваются в линию и пляшут.

40. Составляется хоровод. Девица входит на средину и поет с игроками песню. Часто мне случалось видеть, как эту песню разыгрывали на зимних вечеринках и свадебных посиделках.

41. Во время пения этой песни хороводные не соединяются руками, а стоят все на одном месте.

42. Эта хороводная песня разыгрывается в Семике и на Троицын день, когда завивают венки. В средину хоровода входит молодец и девица, кругом их ходят игроки и поют.

43. При пении этой песни хороводные разделяются на две половины и стоят друг против друга. Когда одна половина пропоет: «Еще что в городе вздорожало?» – другая отвечает тремя стихами. Это повторяется три раза.

44. Составляется хоровод. В средине его ходят муж и жена, а игроки поют песню.

45. В средину хоровода входит удалая жена и повторяет с хороводными песню.

46. Всего только два раза я слышал эту хороводную песню и два раза замечал особенные обряды. В первой сопровождалась обыкновенным хороводом; во второй я видел, как поселяне разыгрывали эту игру в честь своего барина, пред домом боярским на Успеньев день. Боярин высылал после пения вино и закуски. Это обыкновение ведется исстари как обряд.

47. Эта хороводная песня принадлежит к весенним праздникам, когда поселяне отправляют Никольщину. В это время сбираются гости к празднику, попировать у знакомых и родных. В старину Никольщина отправлялась целым миром. Поселяне собирали складчину, курили вино, брагу, пекли пироги, варили щи и кашу. Староста распоряжался всеми приготовлениями: после обедни, когда сбирались гости, староста угощал бедных приходящих даром, а богатые давали ему вкладу. Все это происходило подле церкви, на открытом воздухе. Никольщина продолжалась дня по три и более. Гости веселились на погосте, ходили по дворам и везде пировали. В это время более всего разыгрывалась эта песня всем миром. В середину хоровода входит кумушка и своими телодвижениями увеселяет игроков.

48. Составляется хоровод. Селезень, статный детина, гуляет по хороводу, а игроки поют песню. Селезень всегда намекает на кого-нибудь своими телодвижениями, за то часто игра оканчивается неприятностями.

49. Эта хороводная песня разыгрывается в Семике и Троицын день, когда завивают венки.

50. Сатирическая хороводная игра, сопровождаемая этою песнью, разыгрывается на Успенщину, когда гости бывают навеселе. Она отправляется также и осенью, кроме этого дня.

51. Эта хороводная осенняя игра отправляется более всего в народный праздник Бабьего лета.

52. Составляется хоровод. Девушка входит в средину хоровода и ходит кругом игроков, касаясь каждого рукою, а игроки поют песню.

53. В Туле прежде бывало, что оружейники певали эту песню большими сборищами, ходя по улицам. В селах разыгрывают этот хоровод обыкновенным образом.

54. При разыгрывании этого хоровода игроки, схватясь рука с рукою, ходят и поют. Так бывает это в весенних хороводах. На осенних свадьбах девушки сбираются в кружки на пустой двор или луг и поют песню, не схватываясь руками.

55. Эта хороводная песня разыгрывается в Семик и Троицын день.

56. В средине хоровода гуляет добрый молодец, а девушки ходят кругом его и поют песню.

57. Сатирическая хороводная игра. Заинька входит в средину хоровода и, сообразно словам песни, представляет своими телодвижениями разные гримасы. Под конец хоровода Заинька падает на землю и убегает сквозь хоровод.

РУССКИЕ ПЛЯСОВЫЕ ПЕСНИ

1.

Ай, вдоль по улице молодчик идет,
Ай, вдоль по широкой удаленький.
Ой, жги, ой, жги! Говори!
Вдоль по широкой удаленький идет.
Как на молодце-то смур кафтан;
Опоясочка-то шелковая;
Ой, жги, ой, жги! Говори!
Опоясочка шековая.
Рукавички-то барановые;
Сапожки-то сафьяновые;
Ой, жги, ой, жги! Говори!
На нем шапочка-то бархатная,
А околышек черна соболя.
Ой, жги, ой, жги! Говори!
А околышек черна соболя.
Под полою у молодца дуда,
Под другой-то он гусли несет.
Ой, жги, ой, жги! Говори!
Под другой-то он гусли несет.
Как струна-то загула, загула,
А дуда-то выговаривала:
Ой, жги, ой, жги! Говори!
А дуда-то выговаривала.
Пора молодцу женитьбу давать,
Холостому время свататься.
Ой, жги, ой, жги! Говори!

Холостому время свататься.
Стару бабу за себя б ему взять.
Стару бабу на печи бы держать;
Ой, жги, ой, жги! Говори!
Стару бабу на печи бы держать.
Стару бабу киселем бы кормить,
Сытой бабу припаивати.
Ой, жги, ой, жги! Говори!
Сытой бабу припаивати.
Кабы бабе калача, калача:
Стала б баба горяча, горяча.
Ой, жги, ой, жги! Говори!
Стала б баба горяча, горяча.
Кабы бабе киселя, киселя:
Стала б баба весела, весела.
Ой, жги, ой, жги! Говори!
Стала б баба весела, весела.
Как бы бабе молока, молока:
Стала б баба молода, молода.
Ой, жги, ой, жги! Говори!
Стала б баба молода, молода.
Кабы бабе сапоги, сапоги:
Пошла б баба в три ноги, в три ноги;
Ой, жги, ой, жги! Говори!
Пошла б баба в три ноги, в три ноги,
Затянула б баба песенку
Тонким, звонким голосочком.
Ой, жги, ой, жги! Говори!
Тонким, звонким голосочком.
Ты любимая ль песня моя,
Я любила тебя в девках певать;
Ой, жги, ой, жги! Говори!
Я любила тебя в девках певать.
Я люблю тебя и замужем,
У мила дружка в очах живучи.
Ой, жги, ой, жги! Говори!

У мила дружка в очах живучи.
Ах, беда ль моя, беда ль моя,
Ах, беда моя немаленькая!
Ой, жги, ой, жги! Говори!
Ах, беда моя немаленькая!
Что зовут меня не девушкою,
Не девушкою, не молодушкою,
Ой, жги, ой, жги! Говори!
Не девушкою, не молодушкою.
Я со вечера-то девица,
Со полуночи молодушка,
Ой, жги, ой, жги! Говори!
Со полуночи молодушка.
Ко белу свету хозяюшка,
Чрез сорок недель матушка.
Ой, жги, ой, жги! Говори!
Чрез сорок недель матушка.

2.

Во поле береза стояла,
Во поле кудрявая стояла.
Люли, люли, стояла!
Люли, люли, стояла!
Некому березу заломати,
Некому кудряву заломати.
Люли, люли, заломати!
Люли, люли, заломати!
Я пойду, погуляю,
Я пойду, погуляю,
Люли, люли, погуляю!
Люли, люли, погуляю!
Белую березу заломаю,
Белую березу заломаю.
Люли, люли, заломаю!
Люли, люли, заломаю!

Срежу с березы три пруточка,
Срежу с березы три пруточка;
Люли, люли, три пруточка!
Люли, люли, три пруточка!
Сделаю три гудочка,
Сделаю три гудочка,
Люли, люли, три гудочка!
Люли, люли, три гудочка!
Четвертую балалаечку,
Четвертую балалаечку.
Люли, люли, балалаечку!
Люли, люли, балалаечку!
Вы гудки не гудите,
Вы гудки не гудите;
Люли, люли, не гудите!
Люли, люли, не гудите!
Стара мужа не будите,
Стара мужа не будите.
Люли, люли, не будите!
Люли, люли, не будите!
Старой спит со похмелья,
Старой спит со похмелья.
Люли, люли, со похмелья!
Люли, люли, со похмелья!
Пойду ль я на новы сени,
Пойду ль я на новы сени,
Люли, люли, на новы сени!
Люли, люли, на новы сени!
Стану ль старого будити,
Стану ль старого будити.
Люли, люли, будити!
Люли, люли, будити!
Встань, мой старой, пробудися?
Встань, мой старой, пробудися?
Люли, люли, пробудися!
Люли, люли, пробудися!

Ой, борода седая, пробудися?
Ой, борода седая, пробудися?
Люли, люли, пробудися!
Люли, люли, пробудися!
Вот тебе помои, умойся,
Вот тебе помои, умойся.
Люли, люли, умойся!
Люли, люли, умойся!
Вот тебе рогожка, утрися,
Вот тебе рогожка, утрися.
Люли, люли, утрися!
Люли, люли, утрися!
Вот тебе барана расчешися,
Вот тебе барана расчешися.
Люли, люли, расчешися!
Люли, люли, расчешися!
Вот тебе лапотки, обуйся,
Вот тебе лапотки, обуйся.
Люли, люли, обуйся!
Люли, люли, обуйся!
Вот тебе шубенька, оденься,
Вот тебе шубенька, оденься.
Люли, люли, оденься!
Люли, люли, оденься!
Вот тебе дорожка, прогуляйся,
Вот тебе дорожка, прогуляйся.
Люли, люли, прогуляйся!
Люли, люли, прогуляйся!
Во поле береза стояла,
Во поле кудрявая стояла.
Люли, люли, стояла!
Люли, люли, стояла!
Некому березу заломати,
Некому березу заломати.
Люли, люли, заломати!
Люли, люли, заломати!

Я пойду, погуляю,
Я пойду, погуляю;
Люли, люли, погуляю!
Люли, люли, погуляю!
Белую березу заломаю,
Белую березу заломаю.
Люли, люли, заломаю!
Люли, люли, заломаю!
Срежу с березы три пруточка,
Срежу с березы три пруточка.
Люли, люли, три пруточка!
Люли, люли, три пруточка!
Сделаю три гудочка,
Сделаю три гудочка,
Люли, люли, три гудочка!
Люли, люли, три гудочка!
Четвертую балалаечку,
Четвертую балалаечку,
Люли, люли, балалаечку!
Люли, люли, балалаечку!
Пойду ль я на новы сени,
Пойду ль я на новы сени.
Люли, люли, на новы сени!
Люли, люли, на новы сени!
Вы гудки загудите,
Вы гудки загудите.
Люли, люли, загудите!
Люли, люли, загудите!
Встань, мой милый, пробудися?
Встань, мой милый, пробудися?
Люли, люли, пробудися!
Люли, люли, пробудися!
Вот тебе водица, умойся,
Вот тебе водица, умойся.
Люли, люли, умойся!
Люли, люли, умойся!

Вот тебе полотенце, утрися,
Вот тебе полотенце, утрися.
Люли, люли, утрися!
Люли, люли, утрися!
Вот тебе гребень, расчешися,
Вот тебе гребень, расчешися.
Люли, люли, расчешися!
Люли, люли, расчешися!
Вот тебе башмачки, обуйся,
Вот тебе башмачки, обуйся;
Люли, люли, обуйся!
Люли, люли, обуйся!
Вот тебе кафтанчик, оденься,
Вот тебе кафтанчик, оденься.
Люли, люли, оденься!
Люли, люли, оденься!
Войди в терем, веселися,
Войди в терем, веселися.
Люли, люли, веселися!
Люли, люли, веселися!

3.

Во лузях, во лузях,
Еще во лузях, зеленыих лузях,
Еще во лузях, зеленыих лузях!
Выросла, выросла,
Вырастала трава шелковая,
Вырастала трава шелковая!
Расцвели, расцвели,
Расцвели цветы лазоревые,
Расцвели цветы лазоревые!
С той травы, с той травы,
И я с той травы выкормлю коня,
И я с той травы выкормлю коня!
Выкормлю, выкормлю,

И я выкормлю, выглажу его,
И я выкормлю, выглажу его!
Поведу, поведу,
Поведу я коня к батюшке,
Поведу я коня к батюшке!
Батюшка! Батюшка!
Ах, ты, батюшка, родимый мой!
Ах, ты, батюшка, родимый мой!
Ты прими, ты прими,
Ты прими слово ласковое,
Полюби слово приветливое!
Не отдай, не отдай,
Не отдай меня за старого замуж,
Не отдай меня за старого замуж!
Старого, старого,
И я старого на смерть не люблю,
И я старого на смерть не люблю!
С старыим, с старыим,
И я с старыим гулять нейду,
И я с старыим гулять нейду!
Во лузях, во лузях,
Еще во лузях, зеленыих лузях,
Еще во лузях, зеленыих лузях!
Выросла, выросла,
Вырастала трава шелковая,
Вырастала трава шелковая!
Расцвели, расцвели,
Расцвели цветы лазоревые,
Расцвели цветы лазоревые!
С той травы, с той травы,
И я с той травы выкормлю коня,
И я с той травы выкормлю коня!
Выкормлю, выкормлю,
И я выкормлю, выглажу его,
И я выкормлю, выглажу его!
Поведу, поведу,

Поведу я коня к батюшке,
Поведу я коня к батюшке!
Батюшка! Батюшка!
Ах, ты, батюшка, родимый мой!
Ах, ты батюшка, родимый мой!
Ты прими, ты прими,
Ты прими слово ласковое,
Полюби слово приветливое!
Не отдай, не отдай,
Не отдай меня за младого замуж,
Не отдай меня за младого замуж!
Молодого, молодого,
И я молодого на смерть не люблю,
И я молодого на смерть не люблю!
Со младыим, со младыим,
И я со младыим гулять не пойду,
И я со младыим гулять не пойду!
Во лузях, во лузях,
Еще во лузях, зеленыих лузях,
Еще во лузях, зеленыих лузях!
Выросла, выросла,
Вырастала трава шелковая,
Вырастала трава шелковая!
Расцвели, расцвели,
Расцвели цветы лазоревые,
Расцвели цветы лазоревые!
С той травы, с той травы,
И я с той травы выкормлю коня,
И я с той травы выкормлю коня!
Выкормлю, выкормлю,
И я выкормлю, выглажу его,
И я выкормлю, выглажу его!
Поведу, поведу,
Поведу я коня к батюшке,
Поведу я коня к батюшке!
Батюшка! Батюшка!

Ах, ты батюшка, родимый мой!
Ах, ты батюшка, родимый мой!
Ты прими, ты прими,
Ты прими слово ласковое,
Полюби слово приветливое!
Ты отдай, ты отдай,
Ты отдай меня за ровнюшку замуж,
Ты отдай меня за ровнюшку замуж!
Ровню я, ровню я,
Уж я ровню душой люблю,
Уж я ровню душой люблю!
С ровней я, с ровней я,
Уж я с ровней гулять пойду,
Уж я с ровней гулять пойду!

4.

Ах, сени мои, сени,
Сени новые мои!
Сени новы, кленовы,
Вы решетчаты мои!
Уж как знать ли мне, младой,
По вас, сеничкам, не хаживати,
Уж как мне мила дружка
За рученьку не важивати!
Выходила молода
За новы ворота,
За новы, дубовы,
За решетчаты мои;
Выпускала сокола
Из правого рукава;
Полети ты, мой сокол,
И высоко, и далеко,
И высоко, и далеко,
На родиму сторону;
На родимой стороне

Грозен батюшка живет;
Он грозен, сударь, грозен,
И не милостив ко мне.
Не велит поздно гулять,
С холостым парнем играть,
Не послушала отца;
Я потешу ль молодца,
Я за то его потешу,
Что один сын у отца;
Что один сын у отца,
Уродился в удальца;
Зовут Ванюшкою
Пивоварушкою.
Пивовар вино варил,
Зелено вино курил,
Зелено вино курил,
Красных девушек манил:
Вы, пожалуйте, девицы,
На поварню на мою,
На поварню на мою,
Угощу вас, напою.
На поварне у меня
Пиво пьяно на ходу,
Пиво пьяно на ходу,
И на сладком на меду.

5.

Ах, утушка луговая,
Люли, люли, луговая!
Молодушка молодая,
Люли, люли, молодая!
Где спала ты, ночевала?
Люли, люли, ночевала!
Ночевала я в лужочке,
Люли, люли, в лужочке!

Под ракитовым кусточком,
Люли, люли, кусточком!
Как шли, прошли веселые.
Люли, люли, веселые!
Два молодца удалые;
Люли, люли, удалые!
Они срезали по пруточку,
Люли, люли, по пруточку!
Они сделали по гудочку,
Люли, люли, по гудочку!
Ай, вы гудки не гудите,
Люли, люли, не гудите!
Моего батюшку не будите;
Люли, люли, не будите!
Мой батюшка спит с похмелья,
Люли, люли, с похмелья!
Со великого перепою;
Люли, люли, с перепою!
Моя матушка за рекою,
Люли, люли, за рекою!
Варит пиво молодое,
Люли, люли, молодое!
Курит вино зеленое;
Люли, люли, зеленое!
Поит зятя молодого,
Люли, люли, молодого!
Своего гостя дорогого,
Люли, люли, дорогого!

6.

Я вечер млада
Во пиру была,
Во беседушке,
Не у батюшки,
Не у матушки:

Я была млада
У мила дружка,
У мила дружка,
У сердечного.
Я не мед пила,
И не полпивцо,
Я пила млада
Сладку водочку,
Сладку водочку,
Все вишневочку,
Я не рюмочкой
Не стаканчиком;
Я пила молода
Из полуведра,
Из полуведра
Через край пила.
И я полем шла –
Не валялася,
И я лесом шла –
Не шаталася,
Ко двору пришла –
Пошатнулася,
За вереюшку
Ухватилася:
Верея ль моя,
Вереюшка!
Поддержи меня,
Бабу пьяную
И похмельную;
Не увидел бы
Свекор батюшка,
Не сказал бы он
Своему сыну,
Моему мужу.
У меня ли муж
Горький пьяница;

Он вина не пьет,
С воды пьян живет.
Надо мной, младой,
Он ломается.
У меня ль, младой,
В доме убрано:
Ложки вымыла,
Во щи вылила;
Пирог вымыла,
В горох вылила;
Чашу вымыла,
В кашу вылила;
Косячки скребла,
Пироги пекла.

7.

Ходили девушки по бережку,
Сеяли красные ярый хмель,
Сеяли хмель, приговаривали,
Сеяли хмель, приговаривали:
Расти наш хмель по тычинкам вверх!
Без тебя хмелюшки не водится,
Пьяное пивушко не варится,
Пьяное пивушко не варится,
Добрые молодцы не женятся,
Красные девушки замуж нейдут.
Вздумала Дуняша, замуж пошла,
Вздумала Дуняша, замуж пошла.
Теща про зятя пирог пекла:
Соли да муки на четыре рубли,
Сахару да изюму на восемь рублей,
Сахару да изюму на восемь рублей.
Стал весь пирог-то двенадцать рублей.
Думала теща пятерым не съесть.
Зять-то сел, за присестом съел.

Зять-то сел, за присестом съел.
Теща по горнице похаживает,
Тихонько зятюшку побранивает:
Как тебя, зятюшку, не разорвало?
Как тебя, зятюшку, не разорвало?
Спасибо, тещенька, на хлеб, на соли,
Да на сладком пироге!
Что ты, тещенька, употчивала,
Что ты, тещенька, употчивала.
Милости прошу об великом посту;
Я же тебя, тещенька, отпотчиваю:
Я тебе всю честь воздам,
Я тебе всю честь воздам:
В четыре дубины березовые, –
Пятый кнут по заказу свит.
Ходи, гуляй, тещенька!
Ходи, гуляй, тещенька!
Рвалась теща, чуть вырвалася;
Бежала теща, насилу ушла;
Прибежала теща ко двору,
Прибежала теща ко двору.
Бросилась теща в избе сред полу!
Гляньте, ребята: не зять ли идет?
Зять у ворот, на похмелье зовет,
Зять у ворот, на похмелье зовет.
Скажите зятю: со вечор хмельна,
С пива да с вина болит голова;
С сладкого меду я вся-де больна,
С сладкого меду я вся-де больна.

8.

Полоса ль моя, полосонька,
Полоса ль моя непахана,
Непахана, нескарожена!
Заросла ль моя полосонька

Частым ельничком,
Ельничком, березничком,
Молодым, горьким осинничком.
Я гуляючи по ельничку,
По ельничку, по березничку,
Брала грибки рыжечки,
По березничку беляночки,
По березничку беляночки.
Я брала, брала, аукалась:
Ау, ау, пастушки-дружки!
Ау, ау, пастушки-дружки!
Никто в лесе не откликнется;
Никто в темном не аукнется!
Никто в темном не аукнется!
Откликались молодцы,
Государева охотнички!
Моего батюшки работнички!

9.

Не будите молоду
Раным рано поутру;
Вы взбудите молоду,
Когда солнышко взойдет,
Когда птички запоют,
Когда выйдет пастушок,
Заиграет в рожок.
Хорошо пастух играет,
Словно выговаривает:
Собирайте девки красны,
Свое стадо на лужок.
Собралися красны девки,
В хоровод пошли играть;
Одна девка весела,
В хоровод плясать пошла.
Она пляшет, рукой манит

Пастуха плясать с собой.
Сюда, сюда, пастушок!
Сюда, сюда, миленький дружок!
Бросил стадо, пастушок,
Пошел с девушкой в кружок;
Он часочек проплясал,
Коровушку потерял;
А другой как проплясал,
И полстада потерял.
Когда б знала молода,
Не манила б пастуха!

10.

Во саду ли, в огороде
Девица гуляла,
Невеличка, круглоличка,
Румяное личико.
За ней ходит, за ней бродит,
Удалый молодчик;
За ней носит, за ней носит
Дороги подарки;
Дорогие те подарки:
Кумачи да китайки.
Кумачу я не хочу,
Китайки не надо.
Принеси, моя надежа,
Алого гризету
На две шубки, на две юбки,
На две телогреи,
Чтоб не стыдно было девке
На улицу выйти,
Перешей, моя надежа,
Во немецко платье.
Спасибо те, молодчик,
Снарядил девицу!

Я пойду ли, младешенька,
Во торг торговати,
На рынок гуляти.
Я куплю, млада, младенька,
Пахучие мяты.
Посажу я эту мяту
Подле своей хаты.
Не топчи, бел, кудреватый,
Пахучие мяты.
Я не для тебя садила,
Не для тебя поливала;
Для кого я поливала,
Того обнимала.

11.

Солнце, солнце на закате,
Время, время на утрате.
Семка девки на лужок,
Где муравка и цветок,
Где мы с вечера резвились,
В хороводе веселились.
Нутка приметесь опять,
Ту ж игорку играть.
Собирались, разыгрались,
На лужке все расплясались,
Во приятной тишине,
Под березкою одне.
Вдруг стал слышен голосок,
Раздавался во лесок;
Где ты? Где ты? Ау! Ау!
Без тебя я здесь умру!
Тут все девки спохватились
И домой все торопились.
Светик Аннушка дружок,
Одна села на лужок.

Со травы цветы рвала,
К себе милого ждала.
Не успела скласть в пучечки,
Как выходит из-за речки
Парень удалой, красичок,
Светик Аннушкин дружок,
Подошел, к ручке прилег.
У Аннушки сердце ек!
Сердце сердцу покорилось,
Щечки альцем покрылись.
Парень девку полюбил,
Во высок терем вводил.

12.

Как пошли наши подружки
В лес по ягоды гулять,
Вью, вью, вью, вью,
В лес по ягоды гулять!
По черную черничку,
По красну земляничку;
Вью, вью, вью, вью,
По красну земляничку!
Они ягод не набрали,
Подруженьку потеряли,
Вью, вью, вью, вью,
Подруженьку потеряли!
Любимую подружку,
Свет Катеринушку!
Вью, вью, вью, вью,
Свет Катеринушку!
Не в лесу ли заблудилась?
Не в траве ли заплелась?
Вью, вью, вью, вью,
Не в траве ли заплелась!
Как бы в лесе заблудилась,

То бы лесы приклонились;
Вью, вью, вью, вью,
То бы лесы приклонились!
Во траве бы заплелась,
Трава б шелком повилась.
Вью, вью, вью, вью,
Трава б шелком повилась!
Пойду ль я по тропинке,
Найду ли я три елинки!
Вью, вью, вью, вью,
Найду ль я три елинки!
Под елинкою кровать,
На кровати-то перина;
Вью, вью, вью, вью,
На кровати-то перина!
На кровати-то перина,
На перине-то свет Катерина,
Вью, вью, вью, вью,
На кровати-то свет Катерина!
Перед ней свет детина
Он и просит Катерину:
Вью, вью, вью, вью,
Он и просит Катерину!
Коли любишь, так скажи,
А не любишь откажи.
Вью, вью, вью, вью,
А не любишь откажи!
Я любить не люблю,
Отказать не хочу.
Вью, вью, вью, вью,
Отказать не хочу.

13.

Ельник, мой ельник,
Частый мой березник,

Люшеньки, люли,
Частый мой березник!
Частый мой березник,
Глубокий колодезь,
Люшеньки, люли,
Глубокий колодезь!
Глубокий колодезь!
Студена водица,
Люшеньки, люли,
Глубокий колодезь!
Студена водица,
Стой, не разливайся,
Люшеньки, люли,
Стой, не разливайся!
Стой, не разливайся,
По мхам, по болотам,
Люшеньки, люли,
По мхам, по болотам!
По мхам, по болотам,
По стежкам, дорожкам,
Люшеньки, люли,
По стежкам, дорожкам!
По стежкам, дорожкам,
Мне к батюшке ехать,
Люшеньки, люли,
Мне к батюшке ехать!
Мне к батюшке ехать,
Не вино курити,
Люшеньки, люли,
Не вино курити!
Не вино курити,
Мне не пиво варити,
Люшеньки, люли,
Мне не пиво варити!
Мне не пиво варити,

Мне свадьбу играти,
Люшеньки, люли,
Мне свадьбу играти!
Мне свадьбу играти,
Мне брата женити,
Люшеньки, люли,
Мне брата женити!
Мне брата женити,
Сестру сговорити,
Люшеньки, люли,
Сестру сговорити!
Сестру сговорити,
Самой замуж выйти.
Люшеньки, люли,
Самой замуж выйти!
Ельник, мой ельник,
Частый березник.
Люшеньки, люли,
Частый березник!
Неделю гостила,
Я брата женила,
Люшеньки, люли,
Я брата женила!
Я брата женила;
Другую гостила,
Люшеньки, люли,
Другую гостила!
Другую гостила,
Сестру сговорила,
Люшеньки, люли,
Сестру сговорила!
Сестру сговорила;
Третью гостила,
Люшеньки, люли,
Третью гостила!

Третью гостила,
Сама замуж пошла.
Люшеньки, люли,
Сама замуж пошла!

14.

Ай, на горе дуб, дуб,
Что бела береза;
Промеж дуба и березы
Речка протекала;
Речка, речка неглубокая,
Водица студеная;
Нельзя, нельзя воды пити,
Нельзя почерпнути.
Как у старого мужа
Жена молодая;
Нельзя, нельзя жену бити,
Нельзя поучити.
Я бил жену один час
А плакал неделю,
Сушил, крушил ясны очи,
По четыре ночи.

15.

Во Муромских во лесах
Стоит бражка на песках,
Молода брага и пьяна,
И разымчива была.
Веселая голова,
Не ходи мимо двора,
Мил дорожку не тори,
Худой славы не клади.
Мил дорожку проторил,
Худу славу положил.

Отцу, матери бесчестье,
Роду племени покор,
Мне головушка долой,
Мне нельзя идти домой,
Сказать матери родной.
Скажу так, скажу сяк,
Скажу этак и вот так:
Скажу в садику была,
Скажу яблочки рвала,
Все наливчатые
И рассыпчатые;
На бело блюдо клала,
На серебряный поднос,
Ко милому относила
Во высокий во терем.
Милый яблок не берет,
И ответа не дает,
Не отказывает,
Не приказывает.
И я топнула ногой,
Сама с терема долой,
Оставайся, черт с тобой!
Не ломайся надо мной,
Над девичьей красотой,
Над моей русой косой.
Я на лесенку вступила,
Да одумалася;
Ворочуся назад,
Другу выговорю:
Ты послушай-ка, негодный,
Погадай, негодяй!
Я за что тебя люблю,
За что жаловать хочу?
Я за то тебя любила,
Что на ноженьку легок,

На босу ногу сапог,
Со полуночи гулять готов.

16.

Улица, улица, широкая моя!
Травка, муравка, зеленая моя!
Знать-то мне по уличке не хаживати,
Травку, муравку не таптывати,
На свою милу не глядывати.
Как моя-то мила сидит одна,
Под окном сидит, речь говорит:
Мальчик ты, мальчик молоденький,
Удалая головушка твоя!
Не садися ты возле меня,
Возле меня, красной девицы души,
Возле меня, отецкой дочери.
Грозен, грозен батюшка,
Грозней того матушка,
Не пускают на улицу гулять;
Пустят, не пустят при вечере,
При вечере, при вечерней при заре;
А я, молодешенька, догадлива была,
Прялочку взяла, на посиделочку пошла;
Куры вспели, домой нейду;
Другие вспели, не думаю идти;
Третьи вспели, заря взошла.
Заря взошла, домой пошла.

17.

Ай во саду, саду, люблю садовую,
Люблю, люблю садовую, грушу зеленую,
Грушу, грушу зеленую, девку веселую.
Над рекой девка стоит, сама речи говорит:
Аль я бессчастна, девка бесталанна!
Сговорила меня мать за крестьянина отдать.

Нейду, нейду, матушка, нейду сударыня,
Нейду, сударыня, замуж за крестьянина.
Крестьянин, родимая, много пашни пашет,
Много пашни пашет, много засевает,
Борозды глубокие, полосы широкие,
Серпы-то тупые, жнецы-то глупые.
Ай во саду, саду, люблю садовую,
Люблю, люблю садовую, грушу зеленую,
Грушу, грушу зеленую, девку веселую.
Над рекой девка стоит, сама речи говорит:
Аль я бессчастна, девка бесталанна!
Сговорила меня мать за боярина отдать;
Нейду, нейду, матушка, нейду, сударыня,
Нейду, сударыня, замуж за боярина.
Боярин охотник, много собак держит,
Собаки борзые, холопы босые,
Что боярин воевать, а я горе горевать,
Что боярин в Москву, а я кинуся в тоску.
Ай во саду, саду, люблю садовую,
Люблю, люблю садовую, грушу зеленую,
Грушу, грушу зеленую, девку веселую.
Над рекой девка стоит, сама речи говорит:
Аль я несчастна, девка бесталанна!
Сговорила меня мать за земского отдать.
Иду, иду, матушка, иду сударыня,
Иду, сударыня, замуж за земского.
Что земской-то миром кутить,
А я млада, младешенька, посулы считать.

18.

За реченькой яр хмель,
Яр, яр хмель!
Вкруг кустика вьется;
Яр, яр хмель!
Перевейся наш яр хмель,
Яр, яр хмель!

На нашу сторонку;
Яр, яр хмель!
На нашей сторонке,
Яр, яр хмель!
Удача большая,
Яр, яр хмель!
Тычья холотые,
Яр, яр хмель!
Ветья шелковые.
Яр, яр хмель!
Я выщеплю хмелю,
Яр, яр хмель!
Хмелю ярого,
Яр, яр хмель!
Позову я гостя,
Яр, яр хмель!
Гостя дорогого,
Яр, яр хмель!
Батюшку родного,
Яр, яр хмель!
Мой батюшка пьет, ест,
Яр, яр хмель!
Домой ехать хочет;
Яр, яр хмель!
А я, молодешенька,
Яр, яр хмель!
Горе горевати;
Яр, яр хмель!
Ведь я не умею,
Яр, яр хмель!
Горе горевати;
Яр, яр хмель!
Только я умею,
Яр, яр хмель!
Скакати, плясати.
Яр, яр хмель!

19.

Ах, жил я, молодец,
Жил во своей деревне,
Жил во своей деревне,
Живучи, не видал веселья;
Заросла моя деревня
И горами и долами,
И горами и долами,
И крутыми берегами.
По задворью девица
Водицу носила,
Коромысло кипарисно,
Ведерцы дубовы,
Ведерцы дубовы,
Обручья кедровы;
Коромыслы гнутся,
Свежа вода льется.
Детинушка бел кудряв,
Из окошка смотрит,
Из окошка смотрит,
Ничего не молвит,
Тяжко воздыхает,
Слезно возрыдает:
Кабы ты, девица,
Не эдак ходила,
Не эдак ходила,
Других не любила,
Других не любила,
Меня не сушила.
Ах по лугу, лугу,
Да по зеленому,
Ходил, гулял молодец,
Не радошен, не весел,
Не радошен, не весел,
Девушки не нашел,

Девушки не нашел,
Сам заплакал, да пошел,
Повесил головушку,
На праву сторонушку,
Потупил ясны очи,
Во мать во сыру землю.
Увидела матушка,
Усмотрела родная
Со высока терема,
Со высока терема,
Из косящета окна:
Дитя мое, дитятко,
Дитя мое, милое!
Что ходишь не весело;
Гуляешь не радостно?
Сударыня, матушка!
Не ты меня иссушила,
Не ты меня иссушила,
Не ты меня сокрушила;
Иссушила, матушка,
Чужая сторонушка,
Чужая сторонушка,
За рекой слободушка,
Во слободушке дворик,
Во дворике вдовушка;
У вдовушки девушка,
Она меня иссушила,
Она меня сокрушила.

20.

По улице мостовой,
По широкой, столбовой,
По широкой, столбовой,
Шла девица за водой;
За ней парень молодой,

Кричит девице: постой!
Красавица, подожди.
Пойдем вместе за водой,
Пойдем вместе за водой,
За холодной, ключевой.
Ах, ты, парень, паренек,
Твой глупенький разумок!
Не кричи во весь народ;
Мой батюшка у ворот,
Зовет меня в огород,
Чесноку, луку полоть,
Маку сеянова,
Луку зененова.
Возьму в правую руку луку,
А во левую чесноку,
Я по цветикам пойду,
По лазоревым гулять,
По лазоревым гулять,
Цвета алого искать.
Не нашла цвета алого,
Супротив своего милого.
Ах, мой миленький хорош,
Чернобров, душа пригож;
Чернобров, душа пригож,
Мне подарочек принес,
Подарочек дорогой,
С руки перстень золотой,
С руки перстень золотой.
Мне не дорог твой подарок,
Дорога твоя любовь;
Не хочу перстня носить,
Хочу так дружка любить.
Собирался мой милой,
Собирался дорогой,
Что на Волгу на реку,
На крутой на бережок,

На крутой на бережок,
Что на желтенький песок.
Уж я по воду пойду,
На крутой берег взойду,
Туда, сюда погляжу:
Куда реченька бежит?
Волга реченька быстра
Скоро судно пронесла,
Суденышко потонуло,
А я млада воздохнула.

21.

Молодка, молодка, молодая,
Солдатка, солдатка полковая!
Уж полно по улице ходити,
Уж полно по миленьком тужити!
Ах, как мне по милом не тужити?
Такого другого не нажити;
Хорош, пригож, милый уродился,
Что ростом, дородством, красотою,
Своей молодецкой поступкой.
Вечор я со милым побранилась:
Побранка была небольшая;
Не знаю, как со милым помириться?
Самой покорится – не годится;
Людей посылати – мне некстати.
Дождуся я млада поры-время,
Что поры ли, время, темной ночи,
Что темные ноченьки, осенней,
Сама я к милому побываю,
В глаза дорогому попеняю:
Ах, любчик, мой миленький голубчик!
Не слушай ты разума чужого;
Чужих, моя радость, наговоров.
Люди-то смущают, разлучают:
Людям-то завидно, что советно.

22.

Мне моркотно молоденьке,
Нигде места не найду;
Ах, люли! Ах, люли!
Нигде места не найду.
От еды младу отбило,
Бражка в горлышко нейдет.
Ах, люли! Ах, люли!
Бражка в горлышко нейдет.
Посидели, хороводы
Опостылели уж мне.
Ах, люли! Ах, люли!
Опостылели уж мне.
Все мерещится детина,
Наяву мне и во сне.
Ах, люли! Ах, люли!
Наяву мне и во сне.
Как теленок за коровой,
Так и я за ним бреду,
Ах, люли! Ах, люли!
Так и я за ним бреду.
Как пастух, покиня стадо,
Везде парня я ищу.
Ах, люли! Ах, люли!
Везде парня я ищу.
Когда встретится со мною,
Взбудоражит все нутро;
Ах, люли! Ах, люли!
Взбудоражит все нутро.
Мимо пройдет, да не взглянет,
Как морозом подерет.
Ах, люли! Ах, люли!
Как морозом подерет.
Вдоль спины перепояшет
Хворостиной аль кнутом;

Ах, люли! Ах, люли!
Хворостиной аль кнутом.
Мне то-то за честь и не больно,
Хоть малиной не корми.
Ах, люли! Ах, люли!
Хоть малиной не корми.
Сяду прясть, пряжа рвется,
Донце едет подо мной;
Ах, люли! Ах, люли!
Донце едет подо мной.
Вертено из рук валится,
Мочки клочу, не чешу.
Ах, люли! Ах, люли!
Мочки клочу, не чешу.
Возьму ведры за водой,
К парню в избу забреду.
Ах, люли! Ах, люли!
К парню в избу забреду.
Как не выгонит оттуда,
Умереть хоть рада с ним.
Ах, люли! Ах, люли!
Умереть хоть рада с ним.
Нутка к ляду! – он мне скажет –
Надоела уж ты мне!
Ах, люли! Ах, люли!
Надоела уж ты мне!
Как проклята лихоманка
Привязалася, отстань!
Ах, люли! Ах, люли!
Привязалася, отстань!
Тут-то света я не взвижу,
Рада б в петлю иль на нож.
Ах, люли! Ах, люли!
Рада б в петлю иль на нож.
Нос повешу, лоб наморщу,
И, потупясь, поплетусь.

Ах, люли! Ах, люли!
И, потупясь, поплетусь.
А куда? – Сама не знаю,
Как безумная бреду,
Ах, люли! Ах, люли!
Как безумная бреду.
Во расплох вчера у матки
Я стянула новину;
Ах, люли! Ах, люли!
Я стянула новину.
А у батюшки родного
Поубавила мошну;
Ах, люли! Ах, люли!
Поубавила мошну.
Я дождуся той поры,
Как наедут торгаши.
Ах, люли! Ах, люли!
Как наедут торгаши.
Шелков разных и бумаги
Накуплю я на торгу;
Ах, люли! Ах, люли!
Накуплю я на торгу,
Накрою рубах, ширинок,
И по-свойски настрочу,
Ах, люли! Ах, люли!
И по-свойски настрочу.
Подойду ближе я к детине,
Как пойдет сушить овин,
Ах, люли! Ах, люли!
Как пойдет сушить овин.
Поклонюсь детине низко,
Поднесу свои дары.
Ах, люли! Ах, люли!
Поднесу свои дары.
Авось ему любо будет,
Вось погуторит со мной.

Ах, люли! Ах, люли!
Вось погуторит со мной.
Как не будет ему любо,
И дары будут не в честь;
Ах, люли! Ах, люли!
И дары будут не в честь.
Черт возьми родню, соседей,
Вся деревня сгинь огнем!
Ах, люли! Ах, люли!
Вся деревня сгинь огнем!
Уж тогда-то будет тошно,
Я млада рехнусь ума.
Ах, люли! Ах, люли!
Я млада рехнусь ума.
И тогда-то свои руки
Наложу я на себя.
Ах, люли! Ах, люли!
Наложу я на себя.

23.

Пряди, моя пряха,
Пряди, не ленися.
И я рада б пряла,
Меня в гости звали.
Звали, позывали,
К соседу в беседу,
На пир пировать;
У соседа будет
Мой мил хороший,
Мой мил пригожий,
Холост, неженатый,
Белый, кудреватый.
Вот едет мой милый
На вороном коне,
В белом балахоне,

Шапочка с углами,
Головка с кудрями.
Ко двору подъезжает,
Девица встречает,
За ручки хватает,
За столик сажает.

24.

Ах, ты, ноченька,
Ночка темная;
Ты молодушка,
Ты молоденька!
Ты головушка!
Ты победненька!
С кем ночь темную
Ночевать тебе?
С кем осеннюю
Коротать тебе?
Лягу спать одна
Без мила дружка;
Без мила дружка
Берет грусть, тоска;
Берет грусть, тоска:
Далеко мил живет;
Далеко живет
Он за реченькой.
Уж я с той со тоски
Погулять пойду,
Погулять пойду,
Повидаюсь с ним.
Машет милый мне
Ручкой правою,
Ручкой правою,
Шляпой черною.
Перейди ко мне

Ты за реченьку.
Перешла бы я:
Перехода нет;
Переход хоть есть:
Тонка жердочка!

25.

Ах, молодость, молодость,
Чем-то вспомянуть тебя?
Ай, лешеньки, лешеньки!
Чем-то вспомянуть тебя?
Вспомяну я молодость
Тоскою, кручиною;
Ай, лешеньки, лешеньки!
Тоскою, кручиною.
Тоскою, кручиною,
Печалью великою.
Ай, лешеньки, лешеньки!
Печалью великою.
Не пила, не ела я,
Все милого ждала,
Ай, лешеньки, лешеньки!
Все милого ждала.
Пойду млада по воду
С ушатами, ведрами;
Ай, лешеньки, лешеньки!
С ушатами, ведрами.
Пущу ведры под гору,
Сама взойду на гору;
Ай, лешеньки, лешеньки!
Сама взойду на гору.
Сама сяду на траву,
Прикинуся яблонью;
Ай, лешеньки, лешеньки!
Прикинуся яблонью.

Яблонью кудрявою,
Грушею зеленою,
Ай, лешеньки, лешеньки!
Грушею зеленою.
Мимо той ли яблоньки,
Протекала реченька,
Ай, лешеньки, лешеньки!
Протекала реченька.
Как по той по реченьке
Съезжалися господа;
Ай, лешеньки, лешеньки!
Съезжалися господа.
Съезжалися господа
С семидесяти городов.
Ай, лешеньки, лешеньки!
С семидесяти городов.
Срубили они яблоньку,
Под самой под корешок
Ай, лешеньки, лешеньки!
Под самой под корешок
Раскололи яблоньку
На доски на тонкие;
Ай, лешеньки, лешеньки!
На доски на тонкие,
На доски на тонкие,
Делать гусли звончаты.
Ай, лешеньки, лешеньки!
Делать гусли звончаты.
Кому поиграть в гусли?
Кому поплясать будет?
Ай, лешеньки, лешеньки!
Кому поплясать будет?
Играть в гусли молодцу,
Плясать красной девице.
Ай, лешеньки, лешеньки!
Плясать красной девице.

26.

Как на улице шумят,
Сарафан бабы делят,
Ой, вы, девки!
Ой, вы, бабы молодые!
Кому клин дать, кому стан,
Кому весь бы сарафан?
Ой, вы, девки!
Ой, вы, бабы молодые!
А большим бы господам
На попоны лошадям?
Ой, вы, девки!
Ой, вы, бабы молодые!
А боярским дочерям
На обстрочку к рукавам?
Ой, вы, девки!
Ой, вы, бабы молодые!
Вышла девка молода,
Порасхвасталась она:
Ой, вы, девки!
Ой, вы, бабы молодые!
Как вечер меня милой
Целовал, да миловал;
Ой, вы, девки!
Ой, вы, бабы молодые!
Крепко к сердцу прижимал
Он сударушкою называл,
Ой, вы, девки!
Ой, вы, бабы молодые!
Ты, сударушка моя,
Верно любишь ли меня?
Ой, вы, девки!
Ой, вы, бабы молодые!
Как мне тебя не любить!
Не могу тебя забыть!

Ой, вы, девки!
Ой , вы, бабы молодые!

27.

Ты поди, моя коровушка, домой,
Пропади, моя головушка, долой;
Ай диди, калинка моя!
В саду ягода, малинка моя!
Уж как все мужья до жен добры,
Покупили женам черные бобры,
Ай диди, калинка моя!
В саду ягода, малинка моя!
Лишь мой-то, некошной муженек,
Лишь мой-то, сердечной с кулачок;
Ай диди, калинка моя!
В саду ягода, малинка моя!
Он купил-то мне коровушку,
Он сгубил-то мою головушку;
Ай диди, калинка моя!
В саду ягода, малинка моя!
Отворяй, жена, широки ворота,
Принимай, жена, корову за рога.
Ай диди, калинка моя!
В саду ягода, малинка моя!
Встану я, млада, ранешенько,
Я умоюся белешенько сама;
Ай диди, калинка моя!
В саду ягода, малинка моя!
Погоню я корову на росу,
Навстречу мне медведь из лесу;
Ай диди, калинка моя!
В саду ягода, малинка моя!
Я медведя испугалась,
Я за кустики, млада, бросалась.
Ай диди, калинка моя!
В саду ягода, малинка моя!

Во лугах было, в зеленых лугах,
Принимала я корову за рога.
Ай диди, калинка моя!
В саду ягода, малинка моя!
Ты поди, моя коровушка, домой;
Ты поди, моя недоена, домой.
Ай диди, калинка моя!
В саду ягода, малинка моя!
У нас горенка не топлена стоит,
А ребятушки не кормлены кричат.
Ай диди, калинка моя!
В саду ягода, малинка моя!
Как ворчит-то муж супостат,
Он велит мне детей кормить;
Ай диди, калинка моя!
В саду ягода, малинка моя!
Приказал он коровушку доить,
Ты, коровушку подой-ка, да подой!
Ай диди, калинка моя!
В саду ягода, малинка моя!
А подойничек помой-ка, да помой,
А ребятушек напой-ка, да напой.
Ай диди, калинка моя!
В саду ягода, малинка моя!

28.

Пойду млада по Дунаю,
Ой люли, погуляю!
Зайду млада в беседу;
Ой люли, во смиренну!
Во беседе сидит старой,
Ой люли, постылой!
На коленях держит гусли,
Ой, люли, лубяные!
На гуслицах струны;
Ой люли, мочальные!

Старой в гусли заиграет,
Ой люли, заиграет!
Мое сердце ноет, ноет;
Ой люли, занывает!
Скоро ноги подломились,
Ой люли, подломились,
Белы руки опустились,
Ой люли, опустились!
Ясны очи потупились,
Ой люли, потупились!
Пойду млада по Дунаю,
Ой люли, погуляю!
Зайду млада в беседу;
Ой люли, во веселую!
Во беседе сидит молодой,
Ой люли, мой любезной!
На коленях держит гусли,
Ой люли, звончатые!
На гуслицах струны,
Ой люли, золотые!
Молодой в гусли заиграет,
Ой люли, заиграет!
Мое сердце радо, радо,
Ой люли, взвеселилось!
Скоры ноги расплясались,
Ой люли, расплясались!
Руки белы размахались,
Ой люли, размахались!
Очи ясны разгляделись.
Ой люли, разгляделись!

29.

У меня ль во садочку,
У меня ль во зеленом,
Люшеньки люли!

Люшеньки люли!
Хорошо пташки пели,
Хорошо воспевали,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
А я ль, молоденька,
Охоча гуляти,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Скакати, плясати,
В зелен сад ходити;
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
За те ль меня скачки,
За те ль поплясушки,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Меня батюшка бил, бил,
Меня родной мой бил, бил.
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Не легким, тяжелым,
Что из веника пруточком.
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
А я ль, молоденька,
А я ль, веселенька,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Я с тех ли побоев,
Я с тех ли тяжелых,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Неделю лежала,
Другую вставала.
Люшеньки люли!

Люшеньки люли!
У меня ль во садочку
У меня ль во зеленом,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Хорошо пташки пели,
Хорошо воспевали,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
А я ль, молоденька,
Охоча гуляти,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Скакати, плясати,
В зелен сад ходити;
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
За те ль меня скачки,
За те ль поплясушки,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Меня матушка била,
Меня родная била,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Не легким, тяжелым,
Шелковым поясочком.
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
А я ль, молоденька,
А я ль, веселенька,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Я с тех ли побоев,
Я с тех ли тяжелых,
Люшеньки люли!

Люшеньки люли!
Неделю лежала,
Другую вставала.
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
У меня ль во садочку.
У меня ль во зеленом,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Хорошо пташки пели
Хорошо воспевали.
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
А я ль, молоденька,
Охоча гуляти,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Скакати, плясати,
В зелен сад ходити;
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
За те ль меня скачки,
За те ль поплясушки,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Меня миленький бил, бил,
Меня сердечный бил, бил,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Не тяжелым, а легким,
Дубовой дубиной.
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
А я ль, молоденька,
А я ль, веселенька,
Люшеньки люли!

Люшеньки люли!
Я с тех ли побоев,
Я с тех ли легких,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Один день лежала,
На другой вставала.
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!

30.

Из-под дуба, из-под вяза,
Из-под вязова коренья,
Ой калина! Ой малина!
Из-под вязова коренья
Бежит зайка горностайка.
Ой калина! Ой малина!
В зубах несет вязенину,
Небывалую небылицу,
Ой калина! Ой малина!
Про душу красную девицу,
Про любимую сестрицу;
Ой калина! Ой малина!
Девка стоя на плоту,
Моет шелкову фату;
Ой калина! Ой малина!
Она мыла, колотила,
Фату в воду опустила,
Ой калина! Ой малина!
Фату в воду опустила,
За фатой в воду скачила,
Ой калина! Ой малина!
Башмачки обронила,
И чулочки обмочила.
Ой калина! Ой малина!

Мне не жаль ведь башмаков,
А жаль шелковых чулков;
Ой калина! Ой малина!
Мне эти ли башмачки
Сударь батюшка купил,
Ой калина! Ой малина!
Белы шелковы чулочки
Мил сердечной подарил;
Ой калина! Ой малина!
Счастлив выход мой:
Идет любчик мой горой,
Ой калина! Ой малина!
Идет любчик мой горой
Несет гусли под полой.
Ой калина! Ой малина!
Сам в гусли играет,
Приговаривает:
Ой калина! Ой малина!
Ах, девки к нам?
Ах, молодицы к нам!

Варианты плясовых песен

В русских плясовых песнях изменения слов зависят часто от воли песельников. Поставляя это на вид как главное и необходимое условие в изложении вариантов, я решаюсь ограничиваться только одними главными изменениями. Большую часть плясовых песен присвоили себе московские цыганы. Голос их, телодвижения, совершенно отличные от характеристики русских, придали этим песням особенное достоинство; но зато они изменяют по-своему слова песен. Напев русских также изменяется по местности; а с этим вместе заметно кое-где и изменение слов.

Для песни, напечатанной под № 1, мне известны три варианта. Первый напечатан в собрании песен Прача, ч. 2, с. 38, где два стиха соединены в один. Так:

Ай! По улице молодчик идет, вдоль по широкой удаленькой.
Ай, жги, ай, жги, говори, вдоль по широкой удаленькой.

Кроме того, есть изменения в словах:
«Черна соболя» – «черного соболя».
«Свататься» – «обабиться».
«На печи бы» – «на печи в углу».
Пропущено в средине песни с стиха «Кабы бабе калача, калача» до: «Я со вечера-то девица».

Второй вариант напечатан в собрании песен Кашина, ч. 3, с. 119. Здесь изменение находится в словах: вместо:

Под полою у молодца дуда –

Под полой несет дуду загулу.

Или вместо:

Как струна-то загула, загула,
А дуда-то выговаривала, –

Как струна-то загула, загула,
А другая-то выговаривала. –

Или вместо:

Сытой бабу припаивати –

Молоком бабу подпаивати.

Вариант был записан со слов поселян Богородицкого уезда; в нем только в припеве два стиха совершенно другие:

Эй! Эй! Эй! Жги, поджигай!
Эй! Эй! Эй! Жги, говори!

Все прочее сходно с песнею, помещенною в тексте.

Есть еще особенные варианты этой песни, напечатанные в песенниках, но мы не обращаемся к ним.

Для песни, напечатанной под № 2, мне известны два варианта. Первый напечатан в собрании песен Прача, ч. 1, с. 30, где два стиха соединены в один; а припев напечатан следующий: «Люй, ли, лю, ли».

В средине песни пропущено со стиха «Вы гудки не гудите» до «Пойду ль я на новы сени».

Кроме того, еще пропущены стихи: «Вот тебе дорожка, прогуляйся», «Вы гудки не гудите».

Конец песни у Прача пропущен.

Второй вариант был записан со слов московских песельников, но изменения заключаются в ничтожных словах. Во всех замосковных селениях поют вместо: «Во поле береза стояла» «Вы поли береза стояла».

Для песни, напечатанной под № 3, мне известны два варианта, первый напечатан у Прача, ч. 1, с. 38, где два стиха соединены в один, а иногда три в один. От этого самого потерялось всякое согласие звуков – начало русского народного стихосложения. Слова песни во всем сходны с помещенною мною в тексте. Второй вариант был записан со слов тульских песельников; в нем только особенного, кроме изменения слов, народный разгульный напев. Мне никогда не случалось видеть такого разгула в пении наших песен, как в этой. Поселяне соединяют еще с пением этой песни свист, стараясь приноровить его в такт; пляска, употребляемая при этой песне, бывает многосложна, где каждый из плясунов старается выделывать свое особенное па, большею частью по произволу. Заезжие фигляры, лжеучители русских плясунов, умели составить какую-то глупую пляску, совершенно противоположную нашей народности. Русские песни пришлись не по плечу чужеземцев. Да и где им сладить с нашею пляскою, когда природа не наделила их нашим богатырским разгулом, когда отказала им в таких ногах, которые

только могут быть у русского мужичка, от которых во время пляски дрожит земля, шатается изба, клокочет в груди ретивое. Русской пляске нельзя выучиться; она приходит на роду, говорят наши земляки. Родись плясуном и будешь плясать – говорят наши старики. Мне часто случалось видеть и в городах замосковных и в Питере, как чужеземцы обучают русских плясать. Жалкие люди эти чужеземцы! Неужели они думают и в этом уже уничтожить нашу народность? Их ученики, вытянутые в спичку, ходят не на ногах, а на ходулях. Эта единственная карикатура на русские пляски. Православные наши деды сохранили нам народность, и ни одна чужеземная затейливость не должна управлять русскими плясками. И какой из русских дозволит заезжему фигляру, искателю денег и приключений в нашей родимой стороне, искажать народные пляски. Мы не думаем, чтобы русские считали национальными те народные пляски, которые они обучились плясать по наставлениям чужеземца.

Для песни, напечатанной под № 4, мне известны два варианта. Первый, записанный со слов поселян Каширского уезда, имеет только в конце следующее прибавление:

На гумне ли у меня
Хлеба, солоду вдоволь,
Хлеба, солоду вдоволь,
И хмелю ярого подспорь.

Второй вариант напечатан в собрании песен Прача, ч. 1, с. 53, где каждые два стиха соединены в один. В самом тексте у него пропущены следующие стихи:

Сени новы, кленовы,
Вы решетчаты мои!
Уж как знать ли мне, младой,

За новы, дубовы,
За решетчаты мои.

Вместо:

Не велит поздно гулять,
С холостым парнем играть.

У него:

Не пускает молоду поздно вечером одну.

Для песни, напечатанной под № 5, мне известны только варианты, помещенные в собраниях Прача, ч. 2, с. 61, Кашина, ч. 3, с. 23. В замосковных селениях поют эту песню осенними праздниками, когда встречают Бабье лето и Покров. Веселый разгул сельских женщин в пляске, игривость добрых мужичков выражают в полном блеске народное веселье, не имеющее ничего подобного в народности.

Для песни, напечатанной под № 6, мне известные три варианта. Первый напечатан в собрании Кашина, ч. 3, с. 86. Второй был подслушан мною в Москве, где замечены только немногие изменения.

Я со вечера молода
Во пиру пировала,
Во беседушке,
Я со вечера молода
Была не у батюшки,
Была не у матушки,
Я была молода…

Третий вариант был записан со слов тульских песельников, где встречались только изменения в словах, и не всегда доканчивали песню. Они по большей части не прерывали на стихах:

Он вина не пьет,
С воды пьян живет.

Для песни, напечатанной под № 7, мне известен один вариант, напечатанный в собрании песен Кашина, ч. 3, с. 11. В Туле эта песня удаляется от характера плясовых. Там прежде певали ее оружейники, ходя по городу, не употребляя пляски. В селениях же эта песня сопровождается веселою пляскою.

Для песни, напечатанной под № 8, мне известны два варианта. Первый из них был напечатан в собрании песен Кашина, ч. 3, с. 44; а второй несколько раз слыхал я по селениям, лежащим по Оке. Там вечером лодочники, плывя вниз по Оке, поют эту песню совершенно отличным голосом. В селениях Тульской губернии мужчины и женщины всегда поют эту песню с пляскою, прибавляя особенный к концу стих:

Моей матушки любовнички!

Для песни, напечатанной под № 9, мне известны три варианта. Первый напечатан в собрании песен Кашина, ч. 3, с. 51. Второй несколько раз слышал по селениям Троицкой дороги от Москвы. Там, в селе Пушкине, эта песня имеет какое-то народное торжество. Вечером, когда пригоняют с полей стада, сбираются поселяне и странствующие пилигримы. Пастухи играют в рожки, поселянки пляшут. Добрые москвитяне нарочно ездят слушать эту песню в село Пушкино. В селе Братовшине, по той же дороге, пляшут поселяне под эту же песню; но их пляска не имеет такого очарования, как пушкинская. Третий вариант замечен мною в Тульских селениях, где на осенних праздниках эта песня имеет особенное преимущество. Впрочем, время употребления этой песни заметно там более весною. В этом варианте есть следующее в конце прибавление:

Пастушок, ты мой дружок!
Сбирай стадо на лужок,
Сбирай стадо на лужок,
Поиграй ты во рожок.

Для песни, напечатанной под № 10, мне известные два варианта. Первый напечатан в собрании Кашина, ч. 3, с. 59. Второй записан со слов тульских песельников; но в нем встречаются самые ничтожные перемены, как-то:

Вы саду ли, вы городе,
Девица гуляла;
Она ростом невеличка,
Собой круглоличка.
За девицей ходит,
Удалый молодчик;
Он и носит, он и носит
Дороги подарки…

Другие изменяют эти стихи еще иначе:

Вы саду ли, вы городе
Девица гуляет;
Больно невеличка,
Мала, круглоличка.
По улице ходит
Удалый молодчик;
На девицу смотрит,
За девицей ходит.

Для песни, напечатанной под № 11, мне известны три варианта. Первый напечатан в собрании песен Кашина, ч. 3, с. 143; второй в собрании Прача, ч. 1, с. 3, где стихи размещены так:

Солнце на закате, время на утрате,
Сели девки на лужок, где муравка, где цветок,
Где мы с вечера резвились, в хороводе веселились,
На приятной тишине, под березкою одне.
Только слышен голосок, раздавался во лесок:
Где красавица милая, светик, радость, дорогая?

Третий вариант записан был со слов московских песельников. Здесь разнообразие является до невероятной степени.

Солнце, солнце на закате,
Время, время на утрате.
Ой, ой, ой! Время на утрате!
Ой, ой, ой! Время на утрате!
Пошли девки на лужок,
На муравку и цветок.
Ой, ой, ой! И цветок!
Ой, ой, ой! И цветок!

Для песни, напечатанной под № 12, мне известны два варианта. Первый напечатан в собрании песен Прача, ч. 1, с. 48, где каждые два стиха соединены в один. Второй был записан со слов в поселян.

Как пошли наши подружки,
Как пошли наши голубки,
В лес по ягоды гулять,
Цветы алые срывать.
Сею, вею, цветы алые срывать!
Как пошли наши подружки,
Как пошли наши голубки,
По черную черничку,
По красну земляничку.
Сею, вею, по красну земляничку!
Подружки ягод не набрали,
Красну девку потеряли,
Как любимую подружку,
Свет душу Катеринушку.
Сею, вею, свет душу Катеринушку!
Не то в лесе заблудилась,
Не то в траве заплелась,
Не то в сыры боры отошла,

Не то в круты горы утекла.
Сею, вею, в круты горы утекла!
Как бы в лесе заблудилась,
То бы лесы приклонились;
Как бы в траве заплелась,
Трава б шелком повилась.
Сею, вею, шелком повилась!
Как бы в сыры боры отошла,
Сыры боры расступились;
Как бы в круты горы утекла,
Круты б горы пошатнулись,
Сею, вею, горы пошатнулись!
Как пошли наши подружки,
Как пошли наши голубки,
Вдоль по улице тропинкой
Прямо в лес гулять.
Сею, вею, в лес гулять!
Во лесу нашли по елинке,
Под елинкою кровать,
На кровати-то перина,
На перине-то свет Катерина.
Сею, вею, свет Катерина!
Перед ней стоит детина,
Он и просит Катерину:
Коли любишь, так скажи,
А не любишь, откажи!
Сею, вею, откажи!
Я любить, не люблю,
Отказать не хочу;
Полюблю тогда дружка,
Когда вздумаю замуж.
Сею, вею, вздумаю замуж!

Для песни, напечатанной под № 13, мне известен один вариант, напечатанный в собрании песен Прача, ч. 1, с. 37, где каждые два стиха соединены в один.

Для песни, напечатанной под № 14, мне известен один вариант, записанный со слов зарайских поселян.

Ой, на горе, горе дуб,
На горе бела береза;
Под горою, под крутою
Речка протекала;
Речка, речка неглубокая,
Водица студеная;
Нельзя, нельзя воды пити,
Нельзя почерпнути.
Ой на горе, горе дуб,
На горе бела береза;
Под горою, под крутою
Деревня лежит;
Как у старого мужа
Жена молодая;
Нельзя, нельзя жену бити,
Нельзя поучити.
Я бил жену один час,
А плакал неделю,
Сушил, крушил ясны очи
По четыре ночи.

Для песни, напечатанной под № 15, мне известны два варианта. Первый был напечатан в собрании песен Прача, ч. 1, с. 44; второй записан со слов поселян Алексинского уезда. Изменения встречаются самые неважные: вместо «Во Муромских во лесах» – «Во Донских во лесах» – «Во Московских во лесах». Конец песни составляют такие выражения, какие у нас не печатаются.

Для песни, напечатанной под № 16, мне известен один вариант, напечатанный в собрании песен Прача, ч. 1, с. 45. В селениях Тульского уезда эту песню поют всегда на Успеньев день.

Для песни, напечатанной под № 17, мне известны два варианта. Первый был напечатан в собрании песен Прача, ч. 1, с. 46; второй записан со слов поселян Одоевского уезда.

Ай, во садику, саду зеленом,
Люблю, люблю садовую, грушу зеленую,
Люблю, люблю девку веселую.
На крутом берегу девка стоит,
Сама девка речи говорит:
Аль я бессчастна, девка бесталанна!
Сговорила меня мать, за крестьянина отдать,
Не быть, не бывать, замуж не отдать,
Нейду, нейду, матушка, нейду осударыня,
Нейду, осударыня, замуж за крестьянина.

Продолжение песни одинаково с помещенной в тексте, только конец изменен.

Иду, иду, матушка, иду, осударыня,
Иду, осударыня, замуж за барина,
Что барин за охотой гонять,
А я, млада, по околице гулять.

Для песни, напечатанной под № 18, мне известен один вариант, напечатанный в собрании песен Прача, ч. 1, с. 49, где нет припева. В Тульском уезде я два раза слышал, как эту песню пели на празднике Бабьего лета. В пляске участвовали тогда одни женщины.

Для песни, напечатанной под № 19, мне известны три варианта. Первый был напечатан в собрании песен Прача, ч. 1, с. 50. Второй записан со слов поселян Мещерского уезда.

Как жил я молодец
Во своей деревне,

Живучи, все горевал.
Как заросла деревня
Зеленым лесом,
Зеленым лесом,
Горьким осинничком.
По задворью девица
По воду ходила…

Продолжение одинаково с помещенною в тексте песней. Третий вариант был записал со слов поселян Белевского уезда.

Молодец, молодец,
Жил молодец
На краю во деревне,
Жил, горевал,
Веселья не видал.
Заросла наша деревня
И горами и долами,
И крутыми берегами.
По деревне девица
Водицу носила –
Коромысло кипарисно,
Ведерцы дубовы,
Обручья кедровы.
Девица рыдает
Коромысло гнется,
Свежа вода льется.
Детинушка бел кудряв
На девицу смотрит,
Ничего не молвит,
Тяжко воздыхает.
Кабы ты, девица,
Смирно ходила,
Других не любила,
Меня не сушила.

Продолжение этой песни там не известно. В песне, помещенной нами в тексте, очевидно, что вторая половина выражает какую-то двойственность и по смыслу и по содержанию. Действительно ли соединены две песни в одной или конец потерялся в Белевской песне, мы не беремся решить до открытия других вариантов этой же песни.

Для песни, напечатанной под № 20, мне известно более десяти вариантов; но все они имеют неважные изменения; кроме того, что конец этой песни во многих песенниках не печатали – Прач, Кашин и другие. Народная пляска – сельская, сопровождающая эту песню, имеет все прелести; напротив того, городская, настроенная заезжими фиглярами, представляет ужасную карикатуру, смешную до последней возможности. Удивительно, как русские стараются перенимать все нелепые гримасы от фигляров! Мы исчисляем здесь только одни прибавочные стихи:

По улице мостовой,
Шла девица за водой,
В шубочке голевой,
И повязка голубая,
В косе лента золотая.

Красавица подожди.
Белы руки подожми.

Пойдем вместе за водой,
Веселье нам с тобой;
Я рука с рукой пойду,
В оранжереи я зайду,
Пару персиков сорву,
Тебя, мой друг, подарю.

Волга реченька быстра,
Скоро судно пронесла,

Суденышко вдаль, вдаль,
А мне дружка жаль, жаль;
Суденышко во Москву,
А я, млада, во тоску;
Суденышко во бучилу,
А я, млада, во кручину.
Суденышко потонуло,
А я, млада, воздохнула.

Для песни, напечатанной под № 22, мне известен один вариант, напечатанный в песеннике, известном под заглавием: «Русские песни, сочиненные в селе Спасском». Там эта песня была напечатана с сохранением народного правописания.

Для песни, напечатанной под № 23, мне известен один вариант, записанный со слов тульских песельников:

Досужая девка
Всю ночку не спала,
Сидела да пряла.
Пряди, моя пряха,
Пряди, не ленися,
Пряжица не рвися.
Я бы рада пряла
Да льну не достало,
К тому ж лень напала,
Мила друга ждала.
Меня звали в гости,
Во пир во беседу
К милому соседу.
Приехали трое
На вороных конях,
В белых балахонах,
Шляпы-то с углами,
Головки с кудрями.
Как мой-то тут милый

Белый, кудреватый,
Холост, неженатый.
Бывало мой милый,
Бывало хороший,
Часто в гости ходит,
Гостинчики носит:
Прянички, груздочки
На сладком медочку,
Орешки калены,
Милым подарены,
С Москвы привезены.
Зелена роща
Всю ночь прошумела;
Тесова кроватка
Всю ночь проскрипела;
А я, молоденька,
Всю ночку не спала,
Постелюшку стлала,
Мила дружка ждала,
Ждала, поджидала,
Насилу дождалась,
Целовать бросалась.

Для песни, напечатанной под № 26, мне известен один вариант, записанный со слов поселян Касимовского уезда.

Вот на улице шумят,
Сарафан бабы делят;
Ой, вы, сарафан бабы делят!
Кому клин сулят, кому стан,
Кому весь уж сарафан!
Ой, вы, сарафан бабы делят!
Уж большим-то господам
На попоны лошадям;
Ой, вы, сарафан бабы делят!
Уж боярским дочерям,

На ширинки женихам.
Ой, вы, сарафан бабы делят!
Выходила молода
На зелены на луга,
Ой, вы, сарафан бабы делят!
Порасхвасталась она
Перед всеми людьми:
Ой, вы, сарафан бабы делят!
Как вечер мой милой
Провожал меня домой,
Ой, вы, сарафан бабы делят!
Провожал меня домой,
Целовал, да миловал,
Ой, вы, сарафан бабы делят!
Крепко к сердцу прижимал,
И подружка называл.
Ой, вы, сарафан бабы делят!
Ты, подруженька моя,
Верно любишь ли меня?
Ой, вы, сарафан бабы делят!
Я дружка давно люблю,
Не могу дружка забыть.
Ой вы, сарафан бабы делят!

Для песни, напечатанной под № 28, мне известен один вариант, записанный со слов Крапивенских поселян:

Пойду млада по Дунаю,
Погуляю млада по тихому;
Зайду млада во беседу,
Зайду млада во смиренну.
Во беседе сидит старой,
Мой муж постылой;
На коленях держит гусли,
Стары гусли, лубяные,
На гуслицах струны,

Стары струны, мочальные.
Старой в гусли играет,
Мое сердце ноет, занывает,
Мои ноги подломились,
Белы руки опустились,
Ясны очи потупились.
Пойду млада по Дунаю,
Погуляю млада по тихому;
Зайду млада во беседу,
Зайду млада во веселую.
Во беседе сидит молодой,
Мой-то милой, любезной;
На коленях держит гусли,
Новы гусли, звончатые,
На гуслицах струны,
Новы струны, золотые.
Молодой в гусли играет,
Мое сердце шевелит,
Скоры ноги расплясались,
Белы руки размахались,
Очи ясны разгляделись.

Для песни, напечатанной под № 30, мне известен один вариант, напечатанный в собрании песен Прача, ч. 2, с. 50, где находится особенный припев.

Ой калина! Ой малина!
Верь, вирь, вьюны, вьюны, вьют,
Верь, вирь, вьюшки, вьюшки, вьют.
Ой калина! Ой малина!

РУССКИЕ СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

I. ПЕСНИ СГОВОРНЫЕ

1.

Ты камочка, камочка моя,
Ты камка мелкотравчатая!
Не давайся развертываться
Ни по атласу, ни по бархату,
Ни по аксамиту на золоте.
Как аксамит-то волю взял,
Хрущату камку развернул,
Все узоры высмотрел,
Все круги позолоченные.
Ты, Машенька Ефимовна,
Не давайся насматриваться
Ни купцам, ни чернавцам,
Ни тому сыну боярскому.
Как боярский сын волю взял,
Он Машеньку за ручку брал,
Он Ефимовну за белую,
Он повел за дубовый стол,
За скатерти браные,
За яства сахарные.

2.

Звонко деревцо свирельное,
Звончей его во лесу нет;
Умное дитятко, Машенька,

Разумное дитятко, Ефимовна,
Умней ее в роду нет,
Краше ее в тереме нет.
Вставала она ранешенько,
Умывалась белешенько,
Румянилась алешенько,
Сурмилась чернешенько,
Долго Богу молилась.
Будет ли мой лютой свекор,
Каков родной батюшка?
Будет ли лютая свекровушка,
Какова родная моя матушка?
Она думала, да и задумалась.
Приходил ее суженый Петр,
Петр, сударь, Петрович,
Она дарами дарил,
Ласковые речи говорил.

3.

На заре Иван, сударь, Петрович,
Вставал ранешенько,
Умывался белешенько,
Перед зеркалом хрустальным
Чесал кудри черные,
Чесал, сам приговаривал:
Завивайтесь, кудри,
Завивайтесь, черные!
Уж, как завтра ль вас, кудри,
Уж, как завтра ль вас, черные,
Не сам буду завивати,
Станет завивати красна девица.
А и матушка родимая
А и слышавши его речи,
Говорила своему сыну милому:
Дитя ли мое, дитятко,

Дитя ли мое, милое!
Не гадай вперед, не загадывай,
Не угадавши, не отгадывай.
Какова еще рука у девицы?
Какова еще белая у красной?
Либо завьются кудри,
Либо не завьются черные;
Коли будет совет да любовь,
Кудри сами станут завиваться;
Коли будет кос да перекос,
Не развивши, станут развиваться.
Уж, завьются ли кудри,
Уж, завьются ли черные
Не от белых рук суженых,
Не от румяных рук ряженых,
Не от частого гребешка,
Не от частого костяного;
Завиваются ли кудри,
Завиваются ли черные
От веселья, от радости;
Развиваются ли кудри,
Развиваются ли черные,
От печали, от горести,
От тоски, от кручинушки.

4.

Как приходил батюшка во терем,
И он будил темнешенько,
Будил свое дитятко,
Будил свое милое:
Ты встань, Машенька,
Ты встань, Ефимовна,
Пойдем со мной за стол.
Право, не слышу батюшка,
Право, мне спать хочется;

Мне делать там нечего;
Там и без меня людей много.
Как приходила матушка во терем,
И она будила темнешенько,
Будила свое дитятко,
Будила свое милое:
Ты встань, Машенька,
Ты встань, Ефимовна,
Пойдем со мной за стол.
Право не слышу матушка,
Право, мне спать хочется;
Мне делать там нечего;
Там и без меня людей много.
Как приходил суженый во терем,
Приходил во высок ряженый,
И он будил темнешенько,
Будил Машеньку,
Будил свет, Ефимовну:
Я к тебе, душа, приехал,
Я к тебе гостей привез;
Пойдем со мной за стол.
Право, слышу и вижу, сударь,
Право, встану, сударь,
Право, мне спать не хочется;
Иду с тобой, сударь, за стол;
Мне там дело есть;
Без меня и людей там нет.

5.

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходил к ней батюшка,
Будил ее, побуживал:
Ты, Машенька, пойдем домой?

Ты, Ефимовна, пойдем домой?
Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и не месячна,
Реки быстры, перевозов нет,
Леса темны, караулов нет.
На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходила к ней матушка,
Будила, побуживала:
Машенька, пойдем домой?
Ефимовна, пойдем домой?
Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и не месячна,
Реки быстры, перевозов нет,
Леса темны, караулов нет.
На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходил к ней Петр,
Петр, сударь, Петрович,
Будил ее, побуживал:
Машенька, пойдем домой?
Душа Ефимовна, пойдем домой?
Я иду, сударь, и слушаю:
Ночь светла и месячна,
Реки тихи, перевозы есть,
Леса темны, караулы есть.

6.

Как во Кремле было во городе,
Во палате белокаменной,
На ковре на красном золотом,
Против зеркала хрустального,
Как Петр, сударь, чесал кудри,

Чесал кудри, приговаривал,
Как Петрович чесал черные,
Чесал, сам приговаривал:
Прилегайте, кудри черные,
К моему лицу белому,
К моему ль лицу румяному.
Привыкай, душа Машенька,
Привыкай, свет Ефимовна,
К моему уму разуму,
Ко нраву молодецкому,
Ко обычаю княженецкому.
Что Машеньке за досаду показалося,
Что Ефимовне за великую показалося;
Привыкать ей не хотелося
Ко нраву молодецкому,
Ко обычаю княженецкому.

7.

Вдоль по улице пыль летит,
Зять к теще в гости едет;
Он весь в позументах,
В больших баргаментах.
Не узнала теща,
Не узнала голубка,
Чем зятя дарити.
Подарю я своего зятя,
Подарю я своего света,
Большим подарком:
Персидским платочком.
Зять даров не принимает,
Спасибо не кажет,
Челом не ударяет.
Вдоль по улице пыль летит,
Зять к теще в гости едет;
Он весь в позументах,

В больших баргаментах.
Не узнала теща,
Не узнала голубка,
Чем зятя дарити.
Подарю я своего зятя,
Подарю я своего света,
Большим подарком:
Конем вороным.
Зять даров не принимает,
Спасибо не кажет,
Челом не ударяет.
Вдоль по улице пыль летит,
Зять к теще в гости едет;
Он весь в позументах,
В больших баргаментах.
Не узнала теща,
Не узнала голубка,
Чем зятя дарити.
Подарю я своего зятя,
Подарю я своего света,
Большим подарком,
Большим, дорогим:
Я милою дитятею,
Марьею Ефимовною.
Зять дары-то принимает,
Спасибо-то говорит
И челом-то ударяет.

8.

Душа, Машенька,
Снаряжайся душа, Ефимовна,
Во цветно платье одевайся,
Ключевой водой умывайся,
Белыми белилами белися,
Алыми румянами румянься,

Черными сурмилами сурмися,
Пред зеркальцем стоючи,
На свою косу глядючи,
Свою ль русую расплетаючи.
Как приехали, душа Машенька,
Как приехали, свет Ефимовна,
К тебе князья, бояре все,
Привезли с собою молодца,
Того ль сына княженецкого,
Петра Петровича,
Хорошо снаряженного,
Хорошо больно изукрашенного.
Тебе с ним не час часовати,
Уж, тебе ль с ним не годовати,
А тебе ль с ним век вековати,
Красу девичью не вспоминати,
Нас, красных девушек, позабывати.

9.

Светил месяц из облаков.
Как же ему не светлу быть?
Бог даровал ему красный день!
Весел сидит, Иван, господин,
Иван, сударь, Петрович.
Как же ему невеселу быть?
Бог даровал ему суженую,
Тещу ласковую, тестя тароватого,
Шурина доброго, свояченицу красную,
Новую, почетную родню.

10.

Что Ефимов двор – море,
Что Гавриловичев двор – море,
Что круты берега – его тесаный терем,
Что сильны ветры – его крепки стражи,

А у него на море белая рыбица,
Машенька Ефимовна.
Ловили ловцы,
Купцы молодцы;
Те ловцы неудальцы,
Невода у них не шелковые,
Крючья у них не серебряные.
Что Ефимов двор – море,
Что Гавриловичев двор – море,
Что круты берега – его тесаный терем,
Что сильны ветры – его крепки стражи,
А у него на море белая рыбица,
Машенька Ефимовна.
Ловили ловцы,
Бояре молодцы;
Те ловцы все удальцы:
Невода у них шелковые,
Крючья у них серебряные.
Поймали они белую рыбицу,
Поймали Марью Ефимовну,
Поймавши, за стол сажали
Со Петром да Петровичем.

11.

Как у Ефима на дворе
Вырастало деревцо кипарисное.
На то ли деревцо соловьям был слет,
Молодым был слет.
Как ко Ефиму во терем
Был боярам съезд,
Молодым был съезд;
Как у Ефима-то дитя,
Марья, душа, Ефимовна,
Умное, разумное,
Вежливое, приветливое.

По утру встанет ранешенько,
Умоется белым-белешенько,
Оденется чистым-чистешенько,
Помолится Богу низешенько.
Уж, про то ли бояре прослышали,
Уж, про то ли проведали,
Приехали ко Ефиму во терем,
Ко Гавриловичу во высок,
Хотят ее с собой взять:
Не близко, не далеко,
Во Божью церковь,
С молодым князем рядом поставити,
Со Петром Петровичем,
Золоты венцы положити.

12.

Ты, Иван, сударь, Петрович,
Выбирай добра коня,
Оседлай в дорого седло,
Садись в молодецку стать,
Бери плетку шелковую,
Поезжай к тестеву двору;
Ты дари его бархатом,
Ты проси свою суженую,
Свою суженую, свою ряженую,
Машеньку, душу Ивановну.
Тесть бархата не принимает,
И словечка не отвечает.
Ты, Иван, сударь, Петрович,
Выбирай добра коня,
Оседлай в дорого седло,
Садись в молодецку стать,
Бери плетку шелковую,
Поезжай к тещину двору;
Ты дари ее золотой парчой,

Ты проси свою суженую,
Свою суженую, свою ряженую,
Машеньку, душу Ивановну.
Теща золотой парчи не принимает,
И словечка не отвечает.
Ты, Иван, сударь, Петрович,
Выбирай добра коня,
Оседлай в дорого седло,
Садись в молодецку стать,
Бери плетку шелковую,
Поезжай ко терему высокому,
К душе красной девице,
К Марье Ивановне.
Ты дари ее золотым кольцом,
Золотым кольцом с алмазами,
Золотым венцом с яхонтами;
Ты зови ее с собой.
Машенька берет дары,
Ивановна берет золотые,
Сама молвит словечушко:
Эти дары мне по сердцу,
Эти золоты мне по душе;
Хоть не хочется, а с тобой едется.

13.

Слеталися соколы,
Слеталися ясные,
Во чисто поле, во зеленое,
Ко дубику ко высокому;
Съезжалися княжья, бояре,
Ко Ефимову двору,
К Гавриловичеву ко широкому,
Кликали громким голосом;
Ой ты, Ефим, господин,
Ефим, сударь, Гаврилович!

К тебе ли мы приехали
Не гостить, не праздновати,
Не большие пиры подымати,
Не крепку думушку думати;
А мы слышали, слышали,
Добры люди нам сказывали:
У тебя ли во высоком терему,
У тебя ли в изукрашенном,
Есть красна девица душа,
Машенька, свет Ефимовна;
Уж, она ль хороша, пригожа,
Лучше ее в городе нет,
Умней ее в роду нет!
Она-то нам и надобна,
Для ней-то мы и приехали
С Петром с господином,
С Петром Петровичем.

14.

У Ивана у Петровича
Новые сени разрешетилися,
Новые крылечки понавесилися;
Что из тех ли, из новых сеней
Вылетала пташечка, перепелочка,
Перепелочка, свет Аннушка,
Златокрылая Ивановна.
Как навстречу ей идет
Батюшка родимый,
Иван Петрович,
Идет, сам приговаривает:
Ты зачем рано вон вылетаешь?
Вон вылетаешь из высокого терема,
Из высокого терема, из косящета окошечка?
Ответ держит Анна, свет Ивановна:
Не сама я вылетаю,

Не своею я охотою;
Выдает меня, сударь батюшка,
Снаряжает родна матушка,
К чужому отцу, к матери.
К чужому роду племени.

15.

С ранней утренней зари
Стояли кони на дворе.
Никто про тех коней не знает,
Никто про тех коней не ведает;
Одна знала, спознала Машенька,
Машенька, свет Ефимовна.
Брала коней за поводы,
Ставила коней во стойла,
Сыпала сахар вместо овса,
Лила сыту вместо воды,
Отошедши, коням кланялась:
Уж, вы кушайте, пейте кони мои!
Завтра поутру свезите меня
Дале, подале от батюшки,
Ближе поближе к свекру в дом.
С ранней утренней зари
Стояли кони на дворе.
Никто про тех коней не знает,
Никто про тех коней не ведает;
Одна знала, спознала Машенька,
Машенька, свет Ефимовна.
Брала коней за поводы,
Ставила коней во стойла,
Сыпала сахар вместо овса,
Брала сыту вместо воды,
Отошедши коням кланялась:
Уж, вы кушайте, пейте кони мои!
Завтра поутру свезите меня,

Дале, подале от матушки,
Ближе, поближе к свекрови в дом.

16.

Как ехал Иван ко тещину двору,
Как ехал Петрович ко широкому,
Кланялся тещеньке низехонько:
Спрашивал тещеньку смирехонько:
Ты теща моя, теща ласковая!
Ты скажи мне правду всю:
Здорова ли моя суженая?
Прыгает ли моя ряженая?
Да когда ж она приедет ко мне?
Зять ты мой, зятюшка,
Зять ты мой, поклонистый!
Скажу тебе правду всю:
Здорова, не здорова она,
Прыгает, не прыгает она,
А приедет, когда Бог велит.
Как ехал Иван к тещину двору,
Как ехал Петрович ко широкому
Кланялся тещеньке низехонько,
Спрашивал тещеньку тише того:
Ты теща моя, теща ласковая!
Ты скажи мне правду всю:
Спит ли, не спит ли она?
Коли спит, не будите ее,
Коли не спит, встретила бы меня.
Зять ты мой, зятюшка,
Зять ты мой, поклонистой!
Скажу тебе правду всю:
Не спит она, а дремлет,
А будить не велела себя,
Не спит и не встретит тебя.
Как ехал Иван к тещину двору,

Как ехал Петрович ко широкому,
Кланялся тещеньке до земли,
Спрашивал тещеньку пошептом:
Ты теща моя, теща ласковая!
Ты скажи мне правду всю:
Во пиру ль моя ряженая?
Не гуляет ли в зеленом саду?
Не срывает ли алы цветы?
Не рвет ли цветы лазоревые?
Ой зять, ты мой зятюшка,
Ой зять, ты мой поклонистой!
Уж, как ты ль зять низко кланяешься,
Низко, низехонько, до земли.
Не сказавши правду, скажешься,
Не молвивши, молвишь все:
Твоя суженая, твоя ли ряженая
Гуляет во зеленом саду,
Рвет цветики аленькие,
Срывает цветики лазоревые,
Плетет веночек тебе,
Она ждет тебя к себе.

17.

Стоит на горе бел шатер,
Шатер бел, полотнян,
В том ли во шатре спал, почивал
Иван, господин, Петрович.
Его будили молодцы,
Будили, побуживали:
Ты встань, пробудись
Иван, сударь, Петрович!
Как у нас ли на море,
Как у нас ли на синем
Корабль плывет,
Корабль с чистым серебром.

Ой вы, братцы молодцы,
Вы, товарищи мои!
Этого добра много в доме у меня.
Стоит на горе бел шатер,
Шатер бел, полотнян,
Во том ли во шатре спал, почивал
Иван, господин, Петрович.
Его будили молодцы,
Будили, побуживали:
Ты встань, пробудись
Иван, сударь, Петрович:
Как у нас ли на море,
Как у нас ли на синем
Корабль плывет,
Корабль с красным золотом.
Ой вы, братцы молодцы,
Вы, товарищи мои!
Этого добра много в доме у меня.
Стоит на горе бел шатер,
Шатер бел, полотнян,
Во том ли во шатре спал, почивал
Иван, господин, Петрович.
Его будили молодцы,
Будили, побуживали:
Ты встань, пробудись,
Иван, сударь, Петрович!
Как у нас ли на море,
Как у нас ли на синем
Корабль плывет,
Корабль с красной девицей,
Машенькой, душой Ивановной.
Ой вы, братцы молодцы,
Вы, товарищи мои!
Этого добра нет у меня.
И мы встанемте, пойдемте,
К себе в дом его переймемте.

18.

Светел месяц родимый батюшка,
Красно солнышко родима матушка!
Не бейте вы полу о полу,
Не хлопайте вы пирог о пирог,
Не пробивайте вы меня бедную,
Не давайте вы меня горькую,
На чужу дальню сторонушку,
Ко чужому отцу, к чужой матери.
Как чужие-то отец с матерью
Безжалостивы уродилися:
Без огня у них сердце разгорается,
Без смолы у них гнев раскипается;
Насижусь-то я у них, бедная,
Ко конец стола дубового,
Нагляжусь-то я, наплачуся.

19.

Голубушки мои белые, подруженьки!
Приступитесь ко мне горько бедненькой,
Пособитет-ко мне горюшко мыкати,
Невзначай-то ко мне горе привалилося,
Приключилося мне горе немалое:
Запоручил-то меня, девицу красную,
Светел месяц родимый батюшка,
Запоручила-то меня бедну горькую,
Красно солнышко родима матушка,
За поруки за крепкие,
За замки вековечные.

20.

Подит-ка ты сюда, родима тетушка,
Тетушка моя, ты, Анна Васильевна?
Не знаешь, не ведаешь моего горя великого:

Ко мне горе прикачнулося, да немалое,
Как продумали меня, бедну горькую,
Светел месяц родимый батюшка,
Красно солнышко родима матушка,
На чужу дальню сторонушку,
К чужому-то отцу, к чужой матери.

21.

Родимый ты, мой батюшка,
Родима ты, моя матушка!
Куда вы меня пробиваете?
Аль я у вас не работница?
Аль я у вас не заботница?

22.

Что во светлой во светлице,
Под косящетым окошечком,
Сидела красна девица, душа,
Похвалялась похвальбой своей,
Похвальбой своей великою:
Что не взять, не взять Алексею меня,
Что не взять, не взять Васильевичу?
Что ни стом рублей, ни тысячей,
Ни поместьем, большой вотчиной?
Как услышал Алексей, господин,
Похвальбу ее великою:
Не хвалися красна девица, душа,
Свет Ефросинья Васильевна!
Я возьму тебя за себя,
И без ста рублей, без тысячи,
Без поместьев, большой вотчины;
Я сам-сем приеду с боярами,
Я восьмую возьму свашеньку,
И девятую присватью,
Я десятую тебя за себя;

Я возьму тебя за праву руку,
Поведу тебя к суду Божьему,
К суду Божьему, ко злату венцу,
От злата венца, к себе на двор.
Еще вот тебе, батюшка,
Вековечная ключница!
Еще вот тебе, матушка,
Вековечная платьемойница!
Уж, как мне ли, молодцу,
Вековечная молода жена!

23.

Как у Настеньки матушка,
Недобра была, неласкова,
У Васильевны родная
Недобра, неприветлива;
Посылала ее матушка
Во сырой бор по ягоды:
Выбирай себе, дитятко,
Ты из ягоды ягоду,
Из калины калинушку,
Из черной ягоды смородинку.
Как у Настеньки матушка
И добра была и ласкова,
У Васильевны родная
И добра и приветлива;
Посылала ее матушка
Во высок терем бояр смотреть:
Выбирай себе, дитятко,
Из князей себе княжича,
Из бояр себе боярина,
Из ратных ратного,
Из приказа приказных,
Иль из чина посадского.
Как идет ее дитятко,

Скоры ноги подгибаются,
Белы руки опускаются,
Очи ясны помутилися,
Горючи слезы катилися.
Я не выбрала, матушка,
Лучше чину посадского.

24.

Ты река ль моя, реченька,
Ты река ль моя, винная,
Ты по сахару река текла,
По патоке разливалася;
У тебя ли, у реченьки,
Берега были хрустальные,
А пески были жемчужные;
Как на том ли на бережку,
Что стоял белотонкий шатер,
Уж как вышла девица из терема,
Что пришла ко белу шатру,
Что будила, побуживала
Удалого, доброго молодца!
И ты встань, пробудись молодец,
Пробудись душа, радость моя;
Я не пить к тебе и не есть пришла,
Я пришла позабавиться
В политавры во золотые.
Проиграла красна девица,
Проиграла золот перстень.
Не в досаду ли девица?
Проигрался свет молодец,
Проиграл золоты часы,
Не в досаду ли добрый молодец,
Не в досаду ли свет молодец?
Не в досаду ли мне, девице,
Проиграла я, свет девица,

Проиграла русу косу?
Не в досаду ли девица,
Не в досаду ли красна,
Не в досаду ли и добрый молодец?

25.

Виноград, виноград расцветает,
А ягоды, а ягоды поспевают.
Виноград – Иван, сударь,
Виноград – Петрович;
А ягоды, а ягоды Маланьюшка,
А ягоды, а ягоды Ивановна.
И им люди, и им люди дивовалися,
Что в совете, что в Любови сочеталися;
И вы люди, и вы люди, не дивуйтеся,
И вы сами, и вы сами хороши уродилися,
Личиком, личиком белешеньки,
А разумом, а разумом умнешеньки.

26.

По двору, двору,
По широкому двору,
Ходит, тут гуляет
Сизо-глинистый голубчик,
Перед ним гуляет,
Сизо-глиниста голубка,
Кличет, покликает
Сизо-глинисту голубку:
Полети, лети
Сизо-глиниста голубка;
Я тебя люблю
За полеточку твою.
По сеням, сеням,
Да по новым по сеням
Ходит, тут гуляет

Александр, сударь,
Да Васильевич;
Перед ним гуляет
Да и Верушка
Да и Петровна.
Кличет, покликает
Он Верушку,
И Петровну:
Подь сюда, сюда
Ты и Верушка,
Да и Петровна.
Я тебя люблю
За походочку твою,
Да за частенькую.
Пройдешь, душа радость,
Ты утешишь меня;
Слово, душа, скажешь,
Ты накормишь меня.

27.

От горницы, от горницы,
Да и до горницы
Лежат брусья, лежат брусья,
    Неотесанные,
    Неоскобленные;
По тем брусьям, по тем брусьям,
    Шла Хрисинька,
    Шла Михайловна;
В руке несла, в руке несла
    Зеленое вино,
В другой несла, в другой несла
    Меды ставленые,
Под мышкою, под мышкою
    Бел крупитчатый калач.
За нею идет, за нею идет

Иван, сударь,
Да Иванович.
Ты стой, постой, ты стой, постой
Хрисинька,
Да Михайловна;
Ты дай испить, ты дай испить
Зеленого вина,
Ты дай запить, ты дай запить
Меду ставленого,
Ты дай заесть, ты дай заесть
Бел крупитчатый калач.
Не для тебя, не для тебя
Я вино курила,
Не для тебя, не для тебя
Я меды ставила,
Не для тебя, не для тебя
Я калач пекла,
Калач крупитчатый.
Вино курила, вино курила
Для батюшки своего,
Батюшки родного;
Меды ставила, меды ставила
Для матушки своей,
Для матушки родимой;
Калач пекла, калач пекла
Я для братца своего,
Для братца родимого.
Бел заюшка, горностаюшка,
Куда идешь,
Не оглянешься?
Или у тебя, или у тебя
Прилука есть где?
Примана есть где?
Прилука моя, прилука моя
Зеленые луга,
Примана моя, примана моя

Ключевая вода.
Ты, Хрисинька моя,
Ты, Михайловна моя,
Куда идешь, куда идешь,
Не оглянешься?
Или у тебя, или у тебя
Прилука есть где?
Примана есть где?
Прилука моя, прилука моя
Ты Иван, сударь,
Примана моя, примана моя
Ты Иванович.

28.

Ты заря ль моя, зорюшка,
Зорюшка вечерняя,
Ой ляли, ляли, ляли,
Зорюшка вечерняя!
Зорюшка вечерняя,
Солнышко восхожее,
Ой ляли, ляли, ляли,
Солнышко восхожее!
Высоко восходило,
Далеко осветило,
Ой ляли, ляли, ляли,
Далеко осветило!
Через чистое поле,
Через синее море,
Ой ляли, ляли, ляли,
Через синее море!
Через быструю реку,
Через широкую реку,
Ой ляли, ляли, ляли,
Через широкую реку!
Как на той, на реченьке

Да лежала дощечка,
Ой ляли, ляли, ляли,
Да лежала дощечка!
И тонкая, и гибкая,
И дощечка дубовая,
Ой ляли, ляли, ляли,
И дощечка дубовая!
Как по той, по дощечке
Никто не хаживал,
Никого не важивал,
Ой ляли, ляли, ляли,
Никого не важивал!
Перешел Михаил, сударь,
Перешел Гаврилович,
Ой ляли, ляли, ляли,
Перешел Гаврилович;
Перевел Анфисыньку,
Перевел Гавриловну,
Ой ляли, ляли, ляли,
Перевел Гавриловну!
Переведши, он ее
И целует, и милует,
Крепко к сердцу прижимает,
Ой ляли, ляли, ляли,
Крепко к сердцу прижимает!
Крепко к сердцу прижимает,
Надеждою называет,
Ой ляли, ляли, ляли,
Анфисынькою называет!
Друг ты мой, Анфисынька,
Радость моя, Гавриловна
Ой ляли, ляли, ляли,
Радость моя, Гавриловна!
Ты меня состарила,
Без ума поставила,
Без великого разума,

Ой ляли, ляли, ляли,
Без великого разума!
Медом, брагою поила,
За гостинцами дарила,
Ой ляли, ляли, ляли,
За гостинцами дарила!
Рубашечка полотняна,
Анфисынька молодая,
Ой ляли, ляли, ляли,
Гавриловна молодая,
Рубашечка подарена,
Анфисынька сговорена,
Ой ляли, ляли, ляли,
Анфисынька сговорена!

29.

Ой ни чарочки по столику, гремят,
Ни яндовочки погодя говорят,
Свет Сашенька ходит по терему,
Ивановна ходит по высоку;
Она ходит убирается,
В цветно платье наряжается,
Убиравшись, в гости просится:
Уж ты, миленькой,
Хорошенькой дружок,
Николай Андреевич,
Ты пусти меня в гости побывать
Ко родимому батюшке, ко родимой матушке.
Я давно, сударь, в гостях не была
От весны, сударь, до осени,
От утра, сударь, до вечера.
Ты, радость умная, разумная моя,
Александра Ивановна,
В добрых людях так не водится,
Убравши, в гости не просятся.

Ты сама у меня гостью во дворе,
При беседушке хозяюшка в дому,
При компаньи похвала мне молодцу.
Еще ты у меня пивушка не пьешь,
Зеленого вина в рот не берешь,
Только кушаешь сладкой мед,
Сладкой мед да сладку водочку,
Сладку водочку – анисовую,
Чрез сахар перегоненную.

30.

Катеринушку в гости зовут,
Ивановну во беседушку.
Алексей, сударь, Спиридонович,
Прикажи коляску заложить,
Прикажи, сударь, Английскую.
Я сей час, сударь, в гости уберусь,
Я сей час, сударь, в гости снаряжусь,
Я заставлю тебя работу работать:
Детей малых в колыбели качать,
Меня младу середи двора встречать,
Среди двора широкого,
Супротив крыльца высокого.
Что-то на улице стучит?
Не моя ли Катеринушка катит?
Не моя ли Ивановна катит?
Не под ней ли колясочка гремит?
Не под ней ли Английская гремит?

31.

Александра матушка породила,
Гаврилыча, родная, на велик день,
В самую заутреню, во звоны колокольные.
Во звоны колокольные, во пенье церковное;
А сама приговаривала: будь мое дитятко

И бело и румяно, во торгу будь счастливо,
По невестам талантливо!

32.

Нетесан терем, нетесан,
Только хорошо украшен,
Разными красками расцвечен.
Не учен Лука, не учен, Иванович,
Только хорошо снаряжен;
Снаряжала его матушка,
Отпущала в гости к тещеньке.
Зелен-сосенька, желтый цвет!
Почто тебя, Лука, дома нет,
Почто тебя, Иванович, дома нет?
Ждала я тебя день, ждала другой,
Не бывал, писала б письмо, не умею,
Послала б посла, не смею;
Сама б я пошла, стыжуся,
Родного батюшки боюся,
Родной матушки кроюся.
Ты, заря ль моя, зорюшка,
Ты, душа ль моя, Прасковьюшка,
Ты, душа ль моя, Андреевна.
Городом прошла зарею,
Ко двору пришла тучею,
Вдарила в ворота бурею,
Пустила по двору сильный дождь,
Сама поплыла уткою,
На крыльцо взошла павою,
Во новы сени лебедем,
Во высок терем соколом,
Садилась за стол с молодцом,
Махнула платком во терем.
Вы раздайтеся бояре,
Расступитеся дворяне!

Чем меня батюшка жалует?
Небольшим даром – теремом.
Чем меня матушка жалует?
Ведь большим даром – женихом,
Вековым дружком Лукой,
Вековым дружком Ивановичем.

33.

У ворот трава росла,
У ворот шелковая,
Кто ту траву топтал,
Кто ту топтал шелковую?
Ой ляли, ой ляли,
Топтал шелковую!
Ай топтал Николай, сударь,
Ай топтал Иванович,
Ой ляли, ой ляли,
Топтал Иванович!
Он искал перепелок,
Молодых коростелок;
Не нашел перепелок,
Молодых коростелок,
Только нашел Алимпиадушку,
Только нашел Ивановну,
Ой ляли, ой ляли,
Нашел Алимпиадушку!
Коростельку на тарелку,
Перепелку на блюдечко,
Перепелку на блюдечко,
Алимпиадушку на рученьку,
Ивановну на правую;
Посиди Ивановна
У друга у милого,
У сердца у ретивого,
У Николая Ивановича.

Ты лежишь, как душечка,
Ты дышишь, как куничка.
Друг ты мой, Алимпиадушка,
Радость моя Ивановна,
Ты меня состарила,
Без ума поставила,
Без ума, без разума,
Без великой памяти.

34.

Во саду ли, в огороде, во вишенью,
Ходит голубь, ходит сизый, со голубушкою,
Что у голубя, что у сизого золотая голова,
Что у голубушки позолоченная.
Что голубь, что сизый, то Андрей, сударь,
Что голубь, что сизый, то Андреевич.
Что голубушка, то Аннушка,
Что голубушка, то Ивановна.
Приходил к нему товарищ,
Позавидовал ему:
Как бы этака жена у меня душа была,
Я б не бил бы, не бранил,
Порошку румян ей купил,
Набелись, моя надежда,
Нарумянься, душа;
Поезжай, моя Надежда,
Куда надобно тебе.
Кони, кони вороные,
Извозчики молодые,
Сани писаные,
Узды низанные,
Шлеи строченые, позолоченные,
Вожжи лентовые, позументные,
На извозчичках перчаточки
Алы серебряные.

На хороших, на пригожих не заглядывайся,
На веселых на беседах не засиживайся:
И того будет с тебя, что и я у тебя,
И того будет с меня, что и ты у меня.

35.

Кто у нас умен?
Кто у нас разумен?
Ой ляли, ляли, ляли,
Кто у нас разумен!
Александр, сударь, умен,
Васильевич разумен,
Ой ляли, ляли, ляли,
Васильевич разумен!
Он хорошо ходит,
Манежно ступает,
Ой ляли, ляли, ляли,
Манежно ступает!
Чулок не валяет,
Ой ляли, ляли, ляли,
Чулок не валяет!
Во конюшеньку заходит,
Ворона коня выводит,
Ой ляли, ляли, ляли,
Ворона коня выводит!
Ворона коня выводит,
Сам его седлает,
Ой ляли, ляли, ляли,
Сам его седлает!
На коня-то садится,
Под ним конь веселится,
Ой ляли, ляли, ляли,
Под ним конь веселится!
Он по лугу едет – луг зеленеет,
Вода-то лелеет,

Ой ляли, ляли, ляли,
Вода-то лелеет!
Ко двору приезжает,
Сестрица встречает.
Ой ляли, ляли, ляли,
Сестрица встречает!
За ручку принимает,
Рюмку водки наливает,
Ой ляли, ляли, ляли,
Рюмку водки наливает!
Своему братцу подносит.
Не пью я хмельного,
Вина зеленого,
Ой ляли, ляли, ляли,
Вина зеленого!

36.

Во горнице, во скамье,
На дубовом на столе,
На шелковом на ковре,
Люли, люли,
На ковре, на ковре!
Стоит чара золотая,
Ляли, ляли,
Чара золотая!
Полна сытой налита.
Кому чару выпивать?
Выпивать чару Карпу,
Люли, люли,
Трифонычу!
Остаточки Катеньке,
Люли, люли,
Васильевной!
Ты, Катенька, мой дружок,
Ты, Васильевна, мой животок,

Роди сына сокола,
Люли, люли,
Сына сокола!
А дочерь лебедку.
Люли, люли,
Лебедку!
Учи сына грамоте,
А дочерь шелком шить;
Учи сына торговать,
А дочерь тонко прясть,
Люли, люли,
Тонко прясть!

37.

Во моем во садочку,
Во моем во зеленом,
Тут ходила, гуляла
Молодая боярыня,
Молодая боярыня,
Афросинья Федоровна,
Рвала она цветочки,
Плела девушкам веночки.
Как сказала Афросинье,
Что Поликарп едет,
Что Трифоныч домой едет;
Она бросила цветочки,
Потоптала веночки,
Среди двора встречала,
Целовала, миловала,
Да всей правды не сказала.
Я скажу тебе правду,
Дай на новых на сенях,
На частых переходах;
Я рожу тебе сына,
Что белого сыра.

Я рожу тебе дочку
Что белого снежочку;
Тебе сын перемена,
А мне дочь перепутье,
Куда я ни поеду,
К своей дочке заеду.

38.

Перевью тыном реку,
Я тыном тынинкою,
В третий ряд крапивкою.
Загоню лебедя с лебедкою.
Почему знать лебедя?
Почему знать лебедку?
У лебедя золота голова,
У лебедки серебряная.
Лебедь Козьма, сударь,
Лебедь да Антипович,
Лебедка Анисья,
Сударыня Васильевна.
Как просилась Анисьюшка
У Козьмы на улицу,
У Антипыча на широку.
Друг ты мой, Анисья,
Радость моя, Васильевна,
Я тогда тебя пущу
Погулять на улицу,
Поиграть на широкую,
Когда родишь девять сынов,
Когда родишь десятую дочерь.
Я тогда сама не пойду,
Я тогда не подумаю;
Я тогда сына женю,
Я тогда сноху пущу
Погулять на улицу,
Поиграть на широкую.

39.

Звонко звонят во Новегороде,
Звончей того во каменной Москве.
Звонила звоны Алимпиадушка,
Звонила звоны Гавриловна,
Мимо ехал тут Лука господин,
Мимо ехал тут Львович.
Звона ее он заслушался,
Красоты ее засмотрелся;
Приехал домой, стал рассказывать:
Видел я, матушка, свою суженую,
Видел я, сударыня, свою ряженую;
Ростом она и тонка и высока,
Лицом она и бела и румяна,
Бровью она почернее меня.

40.

Ай на дубчику два голубчика сидят,
Промеж себя речи говорят,
Ай ляли, ляли,
Речи говорят!
Промеж себя речи говорят,
Про удалого молодца, про Александру,
Ай ляли, ляли,
Про Александровича!
Как нет такого молодца,
Что Александра Александровича;
Ай ляли, ляли,
Александровича!
Он с рублика на рублик ступал,
По пяти рублей на улицу кидал,
Десятью вороты запирал,
Как и сотнею сирот обделял,
Ой ляли, ляли,
Сирот обделял!

Вы сироты, помолите обо мне
Об удалом молодце, Александре.

41.

Соловей калинушку щиплет,
Ой ляли, ляли,
Щиплет!
Калинушку щиплет,
Соловушку кличет,
Ой люли, люли,
Кличет!
Петр по комнате ходит,
Иванович по новой гуляет,
Он Сашеньку свою выкликает,
Он крепко рученьку прижимает
Ой люли, люли,
Прижимает!

42.

Конь воду выпивал,
Копытами выбивал,
Карпа Максимыча
Дома не случилося.
Поехал Максимович,
Во Казань город гулять.
Привез девку Казанку,
Казанку, Казанку, Казанку!
Конь воду выпивал,
Копытами выбивал,
Карпа Максимыча
Дома не случилося.
Поехал Карп, сударь,
Поехал Максимович,
Во Рязань город гулять.
Привез девку Рязанку,

Рязанку, Рязанку, Рязанку!
Конь воду выпивал,
Копытами выбивал,
Карпа Максимовича
Дома не случилося.
Поехал Карп, сударь,
Поехал Максимович,
Во Москву город гулять.
Привез девку Московку,
Московку, Московку, Московку!
Ты, девка, Казанка,
Стели нам постелюшку;
Ты, девка, Рязанка,
Клади возголовьице,
Ты Алимпия да Петровна
Ложись на постелюшку;
Ты, девка, Московка,
Одевай нас одеялицем.

43.

Как у месяца золотые рога,
Как у солнышка лучи ясные.
Ай люли, люли,
Лучи ясные!
Лучи ясные, распрекрасные.
Как на ком кудри русые,
Кудри русые, самородные?
Ай люли, люли,
Самородные!
Самородные, ненаемные,
По плечам лежат,
Словно жар горят,
Жениться велят,
Ой люли, люли,
Жениться велят!
На Григорью кудри русые,

На Андреевичу самородные,
Ай люли, люли,
Ненаемные!
Женись, женись, Григорий, сударь,
Ты женись, женись, Андреевич.
Ты возьми, возьми дочь купеческую;
Она умница и разумница,
Ай люли, люли,
Умница и разумница!
Разумница и тамбурница,
Она шьет ковры на добры кони,
Ай люли, люли,
На добры кони!
На добры кони, на Григорьевы,
Ай люли, люли,
Андреевича!

44.

Пантелей, государь, ходит по двору,
Кузьмич гуляет по широкому,
Кунья на нем шуба до земли,
Соболья на нем шапка до верху,
Божья на нем милость до веку,
Суженая смотрит из-под полога,
Бояре-то смотрят из города,
Боярышни-то смотрят из терема;
Бояре-то молвят: чей-то такой?
Боярыни молвят: чей-то господин?
А сужена молвит: мой дорогой!

45.

Венули ветры да по полю,
Грянули веслы да по морю!
Пролились слезы Катеринины,
Пролились горькие Яковлевны:

С кем-то мне думу думати?
Думу думать со родным батюшкой:
Ты мне дума ни верна, ни крепка,
Те словеса не понравилися.
Думать думу с родной матушкой:
Та мне дума ни верна, ни крепка,
Те словеса не понравилися.
Думать думу с Гурым князем,
С Гуром князем, Сергеевичем:
Та мне дума и верна и крепка,
Те словеса мне понравилися.

46.

Соболем Прасковьюшка все леса прошла,
Крыла леса, крыла леса черным бархатом,
В путь катила, в путь катила золотым кольцом,
Прикатила, прикатила ко синю морю,
Всвистнула, взгаркнула громким голосом:
Кто у нас на море перевозчиком?
Кто бы меня, кто бы меня, девицу,
Кто бы меня перевез на ту сторону?
Где ни взялся, где ни взялся Иван, господин.
Я тебя, Прасковьюшка, перевезу на ту сторону;
Я за тобою, я за тобою корабль пришлю,
Корабль пришлю, судно крепкое, колыхливое.
Не присылай за мной судна крепкого, колыхливого;
Я у батюшки дитя пугливое, торопливое.
Я за тобою, я за тобою сам прилечу,
Сам прилечу, под крылом унесу.
Мне та сторона, мне та сторона давно мила,
Мне давно мила, судно принесла.

47.

Ай во садику, садику,
Во зеленом винограднику,

Что катался два яблочка,
Два яблочка, два сахарные,
На серебряном блюдечке;
Что первое-то яблочко,
То Николай, сударь, Петрович,
А другое-то яблочко,
То Надежда Дмитриевна.
Николай, сударь, вдоль по улице идет,
Петрович вдоль по широкой идет,
Во правой руке ворона коня ведет;
Разыгрался его добрый конь,
Он разбил седло черкасское,
Перервал узду тесменную.
Надежда у ворот его стоит.
Ты, Надежда, перейми моего коня,
Ты, Дмитриевна, коня вороного.
Захочу я, сударь, перейму коня,
Захочу я, сударь, не перейму коня,
Давно, мой друг, сердита на тебя,
Что не ходишь, друг, не жалуешь ко мне,
Не целуешь, не милуешь, друг, меня.
Без тебя, мой друг, постеля холодна,
Одеялице заиндевело, изголовьице потонуло во слезах;
Тебя, мой друг, дожидаючи,
Я недселася рыдаючи.

48.

У нас ныне рано, на заре,
Щекотала ласточка на дворе.
Плавала лебедушка по воде,
Сидела свет Машенька на камне,
Сидела Ивановна на белом,
На белом на камушке сидючи,
Свои белы рученьки схватючи,
На крутой на бережок глядючи,

По бережку цветики расцвели,
По цветикам батюшка гуляет.
Гуляй, гуляй, батюшка, не долго,
Сними меня с камушка с белого,
Скупи меня с правила драгого.
У батюшки жалости не много:
Не снял меня с камушка белого,
Не скупил меня с правила драгого.
У нас ныне рано, на заре,
Щекотала ласточка на дворе,
Плавала лебедушка по воде,
Сидела свет Машенька на камне,
Сидела Ивановна на белом,
На белом на камушке сидючи,
Свои белы рученьки схватючи,
На крутой на бережок глядючи,
По бережку цветики расцвели,
По цветикам Данила гуляет.
Гуляй, гуляй, Данило, не долго,
Сними меня с камушка с белого,
Скупи меня с правила с драгого.
У Даниле жалости много,
У Пантелеевича жалости много;
Он снял меня с камушка белого,
Он скупил меня с правила драгого.

49.

Кто у нас холост ходит?
А кто ж у нас неженат?
Антипий, сударь, холост ходит,
Иванович, сударь, неженат.
Пора ему жениться, на добрый конь садиться,
Пора ему ехати ко тестеву ко двору,
Ко тестеву ко двору, ко тещену терему,

К тещену терему, ко девичьей комнате.
Ты, девица, отопри, красавица, отопри?
Я рада бы отперла, боюсь батюшки,
Боюсь батюшки, опасаюсь матушки.
Съезжает Антипий со широкого двора,
Со широкого двора, со высокого терема.
Тут девица отперлась, красавица отперлась.
Антипий, сударь, воротись, Иванович воротись?
Я рад бы воротился, мой добрый конь не стоит,
Мой добрый конь не стоит, буйный ветер шляпу рвет,
Буйный ветер шляпу рвет, красно солнце в лице жжет.

50.

По заре, по зореньке,
Мой мил гуляет,
Ой ляли, ляли,
По заре мил гуляет!
Он во скрипочку играет,
Во скрипочку во калиновую,
Во другую во малиновую,
Табун стада загоняет.
Поиграйте, девушки,
Поиграйте, красные,
У родимого батюшки,
Ой ляли, ляли,
У родимого батюшки!
Я была игрива и шутлива,
Я уходом уходила,
Цветно платье уносила.
Передайте лодочку
На мою сторонушку,
На моей сторонушке,
Все мои забавушки.
По заре, по зореньке,
Александр гуляет,

Ой ляли, ляли,
Васильевич!
Он коней пару запрягает,
За вороты выезжает,
Его Устиньюшка провожает,
Алексеевна провожает.

51.

Как по сеням, сенюшкам,
По новым сеням, решетчатым,
Ай ляли, ляли,
По сеням решетчатым!
Тут ходила, гуляла,
Молодая боярыня, Афросинья Никифоровна,
Ай ляли, ляли,
Афросинья Никифоровна!
Она будила, пробуживала
Своего друга милого,
Ай ляли, ляли,
Своего друга милого!
Петра Петровича,
Молодого, пригожего,
Ай ляли, ляли,
Молодого, пригожего!
Ты встань, проснись,
Мой милый друг,
Ай ляли, ляли,
Пробудись душа моя!
Я скажу тебе
Диковинку немаленькую;
Ай ляли, ляли,
Немаленькую!
Как на нашем на широком дворе
Не достало ворона коня,
Ай ляли, ляли,

Ворона коня!
Не достало ворона коня,
Как засох зеленый сад,
Ай ляли, ляли,
Зеленый сад!
Что с яблонькой, с отросточкой,
С отросточкой, с зеленой веточкой,
Ай ляли, ляли,
С зеленой веточкой!

52.

У нас было по двору,
У нас по широкому
Ходил, гулял молодец,
Захар Пантелеевич,
Ой люли, люшеньки,
Захар Пантелеевич!
Связал он буйную голову
Тафтою зеленою,
Ой люли, люшеньки,
Тафтою зеленою!
Тафтою зеленою,
Лентою широкою,
Ой люли, люшеньки,
Лентою широкою!
Увидела матушка
С высокого терема
Из окошечка из красного,
Ой люли, люшеньки,
Из окошечка из красного!
Да чье ж это дитятко?
Да чье ж это милое?
Ой люли, люшеньки,
Да чье ж это милое!
Твое, твое, дитятко,

Твое, твое, милое,
Ой люли, люшеньки,
Твое, твое, милое!
Что ходишь не весело?
Что гуляешь не радостно?
Ой люли, люшеньки,
Гуляешь не радостно!
Сударыня матушка,
Жениться мне хочется,
Ой люли, люшеньки,
Жениться мне хочется!
Женись, мое дитятко,
Женись, мое милое,
Ой люли, люшеньки,
Женись, мое милое!
Возьми, возьми, дитятко,
Ты возьми купеческую дочь,
Ой люли, люшеньки,
Купеческую дочь!
С большими придаными,
С коврами со ткаными,
Ой люли, люшеньки,
С коврами со ткаными!
Сударыня матушка,
Она мне не нравится,
Ой люли, люшеньки,
Она мне не нравится!
Есть у соседа девушка,
Она мне давно понравилась,
Ой люли, люшеньки,
Она мне давно понравилась!
Женись мое дитятко,
Женись на девушке соседушке,
Ой люли, люшеньки,
На девушке соседушке!

53.

Пойду млада по двору,
Взгляну млада по морю:
Какой по морю рай плывет,
По синему раюшка плывет?
Ах, ты, Анна Петровна свет!
Сойди же ты с терема высокого,
Поймай, поймай раюшка дружка.
На что же мне раюшка?
У меня есть ладушка,
Свет сударь, Иван Андреевич.

54.

Ах, Дунюшка, любушка, Авдотья душа,
Всем ты мне, Дунюшка, по мысли пришла,
Головушку чешешь и косу плетешь,
Бело лицо моешь и брови сурьмишь,
Себя украшаешь, Петра веселишь.
Брякнуло колечко серебряное,
Вздрогнуло сердечко Авдотьюшкино,
Хватала Авдотьюшка свечу со стола,
Встречала Михайловна Петра сокола,
Петра сокола, и Петровича дружка.
Ах, Петрушка-батюшка, ты где погулял?
Петрович, надежа, ты где погулял?
Ведь был я у тестя в гостях;
Дарил меня тестюшко стоялым конем,
Дарила меня тещенька черкасским седлом,
Большая свояченя шитым чепраком,
Меньшая свояченя тесмяной уздой.

55.

Из-за лесу, лесу,
Лесика темного,

Из-за лесу конь бежит,
Под конем земля дрожит,
На коне узда гремит,
За конем стрела летит,
За стрелой молодец бежит.
У воротичек Афимьюшка стоит.
Афимьюшка! Перейми моего коня?
Алексеевна! Перейми моего добра?
Я захочу, сударь, перейму,
А не захочу, не перейму;
Я не твоя еще, сударь,
Я Божья, да батюшкина.
Из-за лесу, лесу,
Лесика темного,
Из-за лесу конь бежит,
Под конем земля дрожит,
На коне узда гремит,
За конем стрела летит,
За стрелою молодец бежит.
У воротичек Афимьюшка стоит.
Афимьюшка! Перейми моего коня?
Алексеевна! Перейми моего добра?
Я захочу, сударь, перейму,
А не захочу, не перейму;
Я не твоя еще, сударь,
Я Божья, да матушкина.
Из-за лесу, лесу,
Лесика темного,
Из-за лесу конь бежит,
Под конем земля дрожит,
На коне узда гремит,
За конем стрела летит,
За стрелою молодец бежит.
У воротичек Афимьюшка стоит.
Афимьюшка! Перейми моего коня?
Алексеевна! Перейми моего добра?

Я теперь, сударь, перейму,
Я теперь Божья, да твоя.

56.

Как из гнездушка пташечка,
Из гнездушка теплого,
Из веточки яблонной
Выпорхала, вылетала
На чисто поле, на зеленое,
Что на те луга муравистые.
Рвала травушку с корешка,
Бросала травушку на сторонушку;
Рвала, вырывала пташечка,
Вырывала маков цвет,
Вырвавши, им любовалася.
Как из терема, терема,
Из терема красного, высокого,
Красного, высокого, светлого,
Из-под присмотра матушки
Выходила, выбегала,
Выходила красна девица,
Красна девица душа, Авдотьюшка,
Что на тот на широкий двор,
Выходила душа Авдотьюшка
Во зеленый, кедровый сад,
Садилась свет Николаевна
За новый, дубовый стол,
Смотрела всех приезжих гостей,
Всех приезжих, незнакомых:
Выбирала себе суженого.
Уж никто-то ей не по сердцу.
Выбирала себе Авдотьюшка,
Выбирала свет Николаевна,
Тебя ли Андрей, господин,
Андрей, сударь, Паликарпович.

Уж выбравши, любовалася,
Любовалася, красовалася:
Уж как-то он мне понравился;
Уж как-то он мне по сердцу;
Уж как-то мне ли на него не наглядетися;
Уж как мне ли на него не насмотретися;
Уж как мне ли с ним не хочется и расстатися.

57.

Закатись ты, солнце красное,
Ты взойди светел месяц,
Ты свети во всю ноченьку,
Ты свети во всю темную,
Во весь путь, во всю дороженьку.
Светил бы моему суженому,
Моему ли другу милому,
Ивану, сударь, Николаевичу;
Чтоб с дороженьки не сбился,
Чтоб назад не воротился,
Чтоб в лесу не заблудился,
Чтоб в реке не замочился,
Лихие бы люли не напали,
Злы собаки не отогнали;
Без него-то мне тошнехонько,
Без него-то мне грустнехонько.

58.

Настасья Илью с крыльца провожала,
Петровна Гаврилыча с красного провожала,
А сама наказывала:
Приезжай на девичник,
На девичий, сударь, вечер,
Привези, сударь, коробью
Дорогую, золотую;
Что во той ли, во коробье,

Мне написана разлука,
И десять алтын тут денег,
И десять аршин лент красных,
Голубых атласных,
Пунцовых княжих,
Простых девичьих,
Камчатой кокошник,
Тупейна гребенка,
Жемчужный налобничек,
Парчовые чулочки
И серебряные пряжки.

59.

Ты взойди, взойди, солнышко,
Ты взойди, взойди, красное,
Ты горючей гори прежнего
У Прасковьюшки во терем,
У Феклистовны в изукрашенном;
У ней ли будет ныне пир,
Князья все со боярами,
Хорошо все изнаряжены,
Кафтаны на всех бархатные,
Алы бархатные с позументами,
Уж наряднее всех молодой князь,
Молодой князь Иван, господин,
Иван, господин, Васильевич.
Уж и он ли, Еленушка,
Уж и он ли, душа королевишна,
Молодой князь твой суженый,
Твой суженый, твой ряженый.

60.

Цвети моя грушица,
Цвети моя зеленая,
Зеленым зеленехонько!

Скоро тебя, моя грушица,
Скоро тебя, моя зеленая,
Станет поливати Катенька,
Катенька Егоровна,
Из своих рук из белых,
Из чиста медна ковшичка.
Уж, она ли у батюшки
Во саду во зеленом
Всему хорошо выучена:
И цветики сажать
И яблоньки поливать.
Уж, она ли у матушки
В тереме во высоком
Всему хорошо выучена:
И ткать, и прясть,
И золотом шить
По атласу, по бархату.
Уж, и мне ли, молодцу,
С ней любо будет жить:
Мне ею ли любоватися,
Мне ею ли красоватися;
Уж, и мне ли, молодцу,
Все станут завидовати,
Завидовати, перешептывати:
Кабы и нам такие суженые,
Кабы и нам такие ряженые –
С ними бы мы были веселы,
И веселы и радостны.

61.

Не долго цветнику во садику цвести,
Не долго веночку на стопочке висеть,
Не долго Марьюшке во девушках сидеть,
Не долго Ефимовне во красных сидеть,
Гордись, гордись, батюшка, не отдавай,

Пока тебя, батюшка, зять подарит,
Подарит тебя, батюшка, зять тремя сукнами,
Тремя сукнами, багрецовыми.
Не долго цветику во садику цвести,
Не долго веночку на стопочке висеть,
Не долго Марьюшке во девушках сидеть,
Не долго Ефимовне во красных сидеть.
Гордись, гордись, матушка, не отдавай,
Пока тебя, матушка, зять подарит,
Подарит тебя, матушка, зять тремя парчами;
Из беленькой сшей мне, матушка, сарафан,
Из голубенькой сшей мне, матушка, душегреечку,
Из аленькой сшей мне, матушка, епанеичку.

62.

Матушка Марьюшку учила,
Душу Ефимовну учила:
Не ходи, мое дитятко,
Не ходи, мое милое,
В отцовский сад по яблоки,
Не лови пестрых бабочек,
Не пугай мелких пташечек,
Не мешай громку соловью.
Уж, как яблочко ль сорвешь,
Та ли яблонька засохнет;
Пестру ль бабочку возьмешь,
Та ли бабочка подохнет;
Мелку ль пташечку испугаешь,
Та ли пташечка улетит;
Соловью ль громку помешаешь,
Тот ли соловей не засвистит.
А лови ты, мое дитятко,
А лови ты, мое милое,
Ясна сокола во чистом поле,
Во чистом поле, во зеленом.

Ловила душа Марьюшка,
Ловила душа Ефимовна,
Ясного сокола во чистом поле,
Во чистом поле, во зеленом,
Сажала его на белу руку,
Приносила его к родной матушке.
Матушка моя, государыня!
Изловила я ясного сокола.
Уж как тот ли сокол,
Уж как тот ли ясен,
Ты, Петр, сударь, господин,
Ты, Петр, сударь, Петрович.

63.

Под горою стоит бел шатер,
Во шатре сидит княженецкая дочь;
Она думу думает крепкую.
Про друга милого, ненаглядного:
Про Юрья могучего, Дмитриевича.
Приходит к ней братец.
Ты, сестрица, сестрица моя!
Юрий коня просит?
И ты, братец, давай, не отказывай,
А про меня ничего не сказывай.
Под горою стоит бел шатер,
Во шатре сидит княженецкая дочь;
Она думу думает крепкую,
Про друга милого, ненаглядного,
Про Юрья могучего, Дмитриевича.
Приходил к ней братец.
Ты, сестрица, сестрица моя!
Юрий узды просит?
И ты, братец, давай, не отказывай.
А про меня ничего не сказывай.
Под горой стоит бел шатер,

Во шатре сидит княженецкая дочь;
Она думу думает крепкую,
Про друга милого, ненаглядного,
Про Юрья могучего, Дмитриевича.
Приходил к ней братец.
Ты, сестрица, сестрица моя!
Юрий тебя просит?
И ты, братец, давай, не отказывай,
А про меня все сказывай;
Зови гостей на почетный пир,
А приданое давно лежит,
Давно лежит припасенное,
Родимой матушки моей,
Во княжей казне, дворецкой,
Во укладочках, больших сундуках.

64.

Выводила матушка Марьюшку,
Выводила, государыня, Ефимовну,
Из терема, из красного,
Из красного, из высокого,
Выводила матушка Ефимовну,
Выводила, сударыня, Марьюшку,
Во светлую светличку,
Во уборную горничку,
К гостям, все незнакомым,
К молодым, все нарядным;
Сажала матушка Марьюшку,
Сажала, государыня, Ефимовну,
Возле себя на краюшке.
Выбирай, мое дитятко,
Выбирай, мое милое,
Из гостей незнакомых знакомого,
Из молодых молодого, нарядного;
Уж как с тем ли тебе гостем век вековать,

Век вековать и меня забывать.
Уж как выбрала Марьюшка,
Уж как выбрала Ефимовна
Из гостей незнакомых знакомого,
Из молодых молодого, нарядного,
Петра, сударя, Петровича.
Уж, и я ли с ним, матушка,
С ним век вековать буду,
А тебя, матушка, не позабуду.

65.

Уж как по морю, морю,
По синю морю Хвалынскому,
Что плыла сера утица,
За собой вела селезня,
Молодого, хохлатого,
Хохлатого, мохнатого.
Уж как ей утушке завидовали,
Уж, и ей серой, завидовали:
Ай да наша утушка!
Ай да наша серая!
Вот какого нашла себе селезня,
Селезня молодого, хохлатого
А и тут говорит утушка,
А и тут говорит серая:
Не завидуйте, утушки,
Не завидуйте, серые!
И у вас будут селезни,
Селезни еще лучшие.
Уж, как по терему, терему
Шла прошла Машенька,
Шла прошла свет Ефимовна,
За собой вела молодца,
Молодца хорошего.
Как ей девушке завидовали:

Добро тебе, Марьюшка,
Добро тебе, свет Ефимовна,
Что нашла себе молодца,
Молодца хорошего!
А и тут говорила Машенька,
А и тут говорила Ефимовна:
Не завидуйте девушки,
Не завидуйте красные!
И вам будут молодцы,
Молодцы еще лучшие.
Тогда вам не позавидую,
И позавидовать не вздумаю,
А порадуюсь радостью,
Поеду за вами в поезжаные.

66.

Ходила Машенька,
Гуляла Гавриловна,
Во саду со девицами,
Во зеленом с красными;
Она рвала цветочки,
Лазуревые василечки.
Как не знаючи, не ведаючи,
Приходит к ней матушка,
Берет ее за белы руки.
Приводит во светличку,
Сажает за дубовый стол,
Подле ее суженого,
Подле ее ряженого,
Ивана да Петровича.
Ты живи, мое дитятко,
Ты живи ль, мое милое,
Не с роднимою матушкою,
А с своим ли суженым.
Тебе мое благословенье!

67.

Стучит, гремит на улице,
У терема у Гавриловнина,
У высокого у Маланьюшкина,
Едет-то ее суженый,
Едет-то ее ряженый,
Пафнутий, сударь, Трифонович,
На добрых конях, на вороных,
Везет с собой атласу и бархату,
Зовет с собой Маланьюшку:
Ты душа ль моя, красна девица,
Малашенька, свет Гавриловна,
Поезжай ко мне, поезжай?
Я привез к тебе атласу и бархату,
Дорогой сарафан, самоцветный.
Не поеду, не поеду, господин,
Пафнутий, сударь, Трифонович;
Твоего сарафана мне не надобно;
Я у батюшки ни нага, ни боса.
Стучит, гремит на улице
У терема у Гавриловнина,
У высокого у Маланьюшкина,
Едет-то ее суженый,
Едет-то ее ряженый,
Пафнутий, сударь, Трифонович,
На добрых конях, на вороных,
Везет с собой каменьев и жемчугу,
Крупное зарукавьице,
Зовет с собой Маланьюшку:
Ты душа моя, красна девица,
Малашенька, свет Гавриловна,
Поезжай ко мне, поезжай?
Я привез тебе каменьев и жемчугу,
Крупное зарукавьице.
Не поеду, не поеду, господин,
Пафнутий, сударь, Трифонович,

Твои каменья и жемчуги,
Твое крупно зарукавьицо
Не нужны мне, не надобны;
Я у матушки без них пригожа.
Стучит, гремит на улице,
У терема, у Гавриловнина,
У высокого у Маланьюшкина,
Едет-то ее суженый,
Едет-то ее ряженый,
Пафнутий, сударь, Трифонович,
На добрых конях, на вороных,
Везет с собой золот перстень,
Золот перстень, золот венец,
Зовет с собой Маланьюшку:
Ты душа ль моя, красна девица,
Малашенька, свет Гавриловна,
Поезжай со мной, поезжай?
Я привез к тебе золот перстень,
Золот перстень и золот венец.
Еду, еду, господин,
Пафнутий, сударь, Трифонович;
Мне тем ли венцом венчатися;
Возьму теперь и атласы и бархаты,
Надену сарафан самоцветный,
Уберусь в каменья и жемчуги,
И в крупное зарукавьице.

68.

На речке лебедушка кликала,
На быстрой белая кликала:
Ты лети, лети, лебедь мой,
Ты лети, лети, белый мой!
Без тебя ли мне, лебедушке,
Речка не так течет,
В поле трава не зелена.
В тереме Марьюшка плакала,

Во высоком Ефимовна плакала.
Ты иди, иди, суженый мой,
Ты иди, иди, ряженый мой,
Скорей иди, Петр, господин,
Петр, сударь, Петрович!
Без тебя ли мне, девице,
Темно красное солнышко;
Без тебя ли мне, девице,
Не ясен светел месяц;
Без тебя ли мне, девице,
Терем не так стоит;
Без тебя ли мне, девице,
Сахарны яства на ум не идут;
Без тебя ли мне, девице,
Сладкого меду не хочется;
Без тебя ли мне, девице,
Денечек весь пасмурен;
Без тебя ли мне, девице,
Не спится темною ночкой.

69.

Во горнице, во светличке,
Два голубя сидят,
Два сизые за дубовым столом;
Они сидят, любуются,
Во честном пиру красуются.
Для них во литавры бьют,
Во цимбалы играют,
Марьюшку забавляют,
Ефимовну утешают.
Марьюшку батюшка кличет,
Ефимовну, сударь, кличет.
Ой вы, девушки, голубушки,
Право не слыхала,
Красные право не дослышала!

Во горнице, во светличке,
Два голубя сидят,
Два сизые за дубовым столом;
Они сидят, любуются,
Во честном пиру красуются.
Для них во литавры бьют,
Во цимбалы играют,
Марьюшку забавляют,
Ефимовну утешают.
Марьюшку матушка кличет,
Ефимовну, сударыня, кличет.
Ой вы, девушки, голубушки,
Право не слыхала,
Красные право не дослышала!
Во горнице, во светличке,
Два голубя сидят,
Два сизые за дубовым столом;
Они сидят, любуются,
Во честном пиру красуются.
Для них во литавры бьют,
Во цимбалы играют,
Марьюшку забавляют,
Ефимовну утешают.
Марьюшку суженый кличет,
Ефимовну ряженый кличет,
Петр, господин, Петрович.
Ты выдь сюда, Марьюшка,
Ты выдь сюда, Ефимовна!
Ой вы, девушки, голубушки,
Право давно слышу,
Красные, право давно слышу!

70.

Не ходить было Марьюшке,
Не ходить было Ефимовне

На широкий двор гулять,
В хороводы играть;
Не смотреть было Марьюшке,
Не смотреть было Ефимовне
На молодых молодцов,
На молодых, изнаряженных.
Приглянулся Марьюшке,
Приглянулся душе Ефимовне
Молодой молодец,
Молодой, изнаряженный,
Петр, сударь, Петрович.
Не хочет с ним и расстатися,
А хочет нас оставити,
Позабывши батюшку и матушку.

71.

Иван, сударь, по двору гуляет,
С батюшкой добра коня выбирает,
С матушкой его всем снаряжает,
Ко тещину двору подъезжает.
Ты, теща, теща моя ласковая!
Ты пусти меня к себе на двор,
Ты пусти меня к моей суженой?
Я ли сарафан ей привез,
Сарафан самоцветный.
Ей сарафан не надобен,
А надобно другое что;
У ней сарафан дома есть.
Иван, сударь, по двору гуляет,
Со батюшкой добра коня выбирает,
Со матушкой его всем снаряжает,
Ко тещину двору подъезжает.
Ты, теща, теща моя ласковая!
Ты пусти меня к себе на двор,
Ты пусти меня к моей суженой?

Я ли жемчуг ей привез,
Жемчуг со алмазами,
Со алмазами и со яхонтами.
Ей жемчуг и со алмазами
И со яхонтами не надобны,
А надобно другое что;
У ней ли то и дома есть.
Иван, сударь, по двору гуляет,
Со батюшкой добра коня выбирает,
Со матушкой всем его снаряжает,
Ко тещину двору подъезжает.
Ты, теща, теща моя ласковая:
Ты пусти меня к себе на двор,
Ты пусти меня к моей суженой?
Я ли золот перстень привез,
Золот перстень со алмазами,
Со алмазами и со яхонтами.
Изволь к своей суженой,
Изволь, сударь, въезжай;
Ей золот перстень надобен,
Ей надобен и со алмазами,
Со алмазами и со яхонтами,
Ей тем перстнем обручатися.

72.

Пелагея, матушка,
Васильевна, государыня,
Николаюшке сынку говаривала,
Ивановичу милому наказывала:
Ты спи, мое дитятко,
Ты спи, мое милое,
Ты спи, не засыпайся,
Поранее просыпайся,
Во соборные заутрени,
В громкий ранний благовест,

Поскорешеньку одевайся,
Белешенько умывайся,
Частым гребешком чешися,
Прилежно Богу молися,
Да даст Он тебе суженую!
Чтобы твоя суженая-ряженая
Была хороша, пригожа,
Была бы умна, да вежлива,
К добрым людям приветлива,
Свекру-батюшке покорлива,
Свекрови-матушке послушлива,
Деверьюшкам услужлива,
Золовушкам досужлива,
Тебе, милому другу, любовная!

73.

Как сказали Иван грозен,
Он грозен, сударь, не милостив,
Он ехал мимо тестева двора,
Приехал ко широким воротам,
Ударил копьем в ворота.
Дома ли тесть или теща?
Или шурин, ясен сокол?
Или бела лебедь, свояченица?
Или душенька, Машенька.
Машенька, свет Ивановна?
Если спит, не будите ее,
А не спит, встретила бы меня.
Марьюшка по сеням шла,
В руках золоты ключи несла,
Она красных девушек побуживала:
Вы вставайте, красны девушки, души,
Вы берите золоты мои ключи,
Отпирайте кованы сундуки,
Вынимайте багрецового сукна.

Кройте Ивану нов кафтан,
Ни долог, ни короток,
Ни узок, ни широк,
Во подоле раструбистый,
К ретиву сердцу прижимистый.
Ай спасибо, Машенька,
На твоем хорошем кафтане!
Мне ни долог, ни короток,
Мне ни узок, ни широк,
В подоле раструбистый,
К ретиву сердцу прижимистый.
Уж, мне нельзя на добра коня вскочить,
Уж, мне нельзя в стремя ногу положить.

74.

Собирается Иван, господин,
Иван, сударь, Петрович,
Ко тестю в дом ехати,
Ко теще во терем идти,
Садится на ворона коня,
Берет с собой дорогие дары,
Дорогие дары, что Московские,
На правую руку сажает сокола.
Приезжает на широкий двор,
Сходит с ворона коня,
Входит во светлую светличку.
Государь, ты тесть, батюшка!
Прими от меня багрецовое сукно.
Государыня теща, матушка!
Прими от меня золоту парчу.
Ты ли, шурин дорогой!
Прими от меня ясна сокола.
И ты, тесть батюшка,
И ты, теща, матушка,
Покажите мне мою суженую,

Покажите мне мою ряженую,
Отпустите со мной ее;
Ты ли, шурин дорогой,
Проводи ее ко мне;
Мне ясен сокол не надобен.
Мне надобней его Марьюшка.
Мне надобней его душа Ивановна,
Она у меня ясен сокол.

75.

Около шатра белого, полотняного,
Машенька садила цветочки,
Ивановна рассаживала алые;
В том шатре спал почивал,
Спал, господин, Иван,
Иван, сударь, Петрович;
Он кличет, покликает:
Машенька, подь ко мне в шатер.
Сердце мое, Ивановна?
Я не иду, сударь, не слушаю.
Я слышала, люди сказывали,
Люли сказывали: у тебя отец горд.
Душенька, Машенька,
Будь сама добра!
Держи голову поклонную,
А сердце покорное.
Я не еду, сударь, не слушаю.
Люди сказывали: у тебя мать гордая.
Душенька, Машенька,
Будь сама добра!
Держи голову поклонную,
А сердце покорное.
Я не еду, сударь, не слушаю.
Я еще слышала, люди сказывали,
Добрые говорили: у тебя братья лихи,

Братья лихи, сестры злы.
Душенька, Машенька,
Будь сама добра!
Будь ласкова, приветлива,
Во всем догадлива, да сметлива,
В чужих словах незаметлива,
А в своих проста да уметлива.

76.

Воротися, сокол, воротися,
Воротися, ясен, воротися.
Что ж ты, за сокол,
Летишь ты без голубки,
Без голубки без сизой?
Воротися, жених, воротися,
Воротися, молодой, воротися.
Что ж ты, за жених,
Идешь ты без невесты?
Еще ты позабыл шляпу на стопке,
Еще позабыл ты голицы на полице.

77.

Чарочка медяная
Гостей упоила,
С честью, с любовью
Гостей со двора проводила.
Душенька, Машенька,
Кованая твоя косынька!
Хотят косу расплетати,
Свекров конь подковати;
Свекров конь не резов.
Машеньку не везет,
Ко суду Божьему,
Ко златому венцу.
Чарочка медяная

Гостей упоила,
С честью, с любовью
Гостей со двора проводила.
Душенька, Машенька,
Кованая твоя косынька!
Хотят косу расковати,
Иванов конь подковати:
Иванов конь резов.
Машеньку везет,
Ко Божьему суду,
Ко златому венцу.

78.

Жить тебе добром, красна девица,
Машенька, душа, Ефимовна!
Упоила добра молодца,
До коня провожаючи,
А сама спрашиваючи:
Ты когда, сударь, ко мне будешь?
Ты когда по меня пришлешь?
Ты когда, сударь, к себе возьмешь,
К своему ль отцу, к матери?
Уж, как вымолвил Петр, господин,
Петр, сударь, Петрович:
Я в субботу к тебе буду,
В Воскресенье по тебя пришлю,
Я тебя, мой свет, к себе возьму.

79.

Неправдива малина!
Сказывала: будто цвести не будешь,
Зеленого листика не пустишь,
Алого цветика не выцветишь.
Как пришла та пора,
Малинушка расцвела,

Зеленые листики пустила,
Алые цветики расцветила.
Неправдива Машенька,
Неправдива Ивановна!
Сказывала она: замуж не пойду;
Сказывала она: не подумаю;
Сказывала она: Ивана не люблю,
Ивана Петровича.
Как пришла та пора,
Машенька замуж пошла.
Ты на что, душа, прельстилася?
Молодца ль себе добилася?
На его ль лицо белое?
На его ль лицо румяное?
На его ль брови черные?
На орешки ль, на прянички ль?
На изюм ли, сладки ль ягодки?

80.

На дворе дождичек накрапывает,
У Ивана, сударя, Петровича,
Золот перстень с руки спадывает,
Жених невесту спрашивает:
Суженая, скажи правду всю,
Кто тебе из роду мил?
Мне мил, милешенек,
Батюшка родимый.
Невеста моя, неправда твоя!
На дворе дождичек накрапывает,
У Ивана, сударя, Петровича,
Золот перстень с руки спадывает,
Жених невесту спрашивает:
Суженая, скажи правду всю.
Кто тебе из роду мил?
Мне мила, милешенька,

Матушка родимая.
Невеста моя, неправда твоя!
На дворе дождичек накрапывает,
У Ивана, сударя, Петровича,
Золот перстень с руки спадывает,
Жених невесту спрашивает:
Суженая, скажи правду всю,
Кто тебе из роду мил?
Мне мил милешенк,
Ты, господин.
Невеста моя, то правда твоя!

81.

Как на море, на синем,
На крутом белом камешке,
Красна девица дары мыла
Тонки, полотняные,
Дорогие, все тафтяные;
Мимо ехал ее суженый.
Бог на помочь, красна девица!
Пристоялися скоры ноги
От камня от белого,
Примахалися белы руки,
Приломалися золоты кольцы.
Ответ держит красна девица,
Душа Машенька,
Ефимовна свет:
Хоть жалей, сударь, не жалей,
Я еще, сударь, не твоя,
Божья, сударь, да батюшкина!
Как на море, на синем,
На крутом белом камешке,
Красна девица дары мыла
Тонки, полотняные,
Дорогие, все тафтяные;

Мимо ехал ее суженый,
Бог на помочь, красна девица!
Пристоялися скоры ноги
От камня от белого,
Примахалися белы руки
Приломалися золоты кольцы.
Ответ держит красна девица,
Душа Машенька,
Ефимовна свет:
Хоть жалей, сударь, не жалей,
Я еще, сударь, не твоя;
Божья, сударь, да матушкина!
Как на море, на синем,
На крутом белом камешке,
Красна девица дары мыла
Тонки, полотняные,
Дорогие, все тафтяные;
Мимо ехал ее суженый.
Бог на помочь, красна девица!
Пристоялися скоро ноги
От камня от белого,
Примахалися белы руки,
Приломалися золоты кольцы.
Ответ держит красна девица,
Душа Машенька,
Ефимовна свет:
Хоть жалей, сударь, не жалей,
Я Божья, сударь, да теперь твоя!

82.

Чрез реченьку черемуха лежала,
Да никто по черемухе не ходит,
Лишь один Иван переходит,
Свет Федорович переходит,
Душу Дарьюшку переводит,

Свет Николаевну переводит,
Переводит он ее, целует
Чрез низаное ожерелье,
Чрез пуговки золотые.

83.

Кормилец мой, батюшка,
Кинулся ты, мой батюшка,
На злато, на серебро!
Кормилица моя, матушка,
На цветно платье!
Запоручили вы меня, горькую,
За поруки за крепкие,
Молодехоньку,
Зеленехоньку.
Ах, кормилец мой, батюшка!
Ах, кормилица моя, матушка!
Не примайте вы, винной чарочки;
Не посол ваш, винная чарочка,
Не посол, не переменушка;
Своего посла вы избываете,
Посла вольного,
Слугу верного,
Безответного.

84.

Прилетели вольны пташечки
Из-за моря, моря синего;
Перепахивают пташечки
По чисту полю, по кустикам,
Все любуются по парочке.
Только добрый молодец,
Иван Петрович,
В свете белом сиротинушка;
Он тоскует, как горька кукушечка,

Горючьми слезами заливается,
Бесприютная головушка;
Никто к детинушке бедному,
Никто в свете не пришатнется,
Словом ласковым, приветливым,
Сиротинушку не радует,
Он пройдет ли в поле чистое,
Чтоб размыкать там кручинушку,
Свое горе и тоску-печаль;
Тоски, горе безотвязные.
Он пойдет ли во темны леса,
Не скрывает там кручинушки,
Изнывает все сердечушко
От печали в добром молодце,
Вянет, сохнет в одиночестве,
Будто травка среди поля дикого.
Не мил молодцу и Божий свет.
Одна Марья Ефимовна сжалилась
Над бедняжкой, сиротинушкой;
Приласкала, приголубила
Бесприютную головушку;
Полюбила красна девушка
Ивана Петровича, детинушку,
Приодела фатой шелковою,
Назвала его дружком миленьким.
Прошла печаль-кручинушка,
Весел стал детинушка!

85.

Черна ягода смородина
Прилегла к круту бережку;
Прилегали кудри русые
К лицу белому, румяному;
Приглядывали красны девицы
За румяным молодцом.
Русы кудри по плечам лежат

На Ивану, да Ивановичу;
Брови черны, что у соболя,
Очи ясны, что у сокола.
Слышишь ли, Иван Иванович?
Мы тебе песню поем,
По имени называем,
По отчеству величаем;
Станешь дарить,
Станем хвалить;
Не станешь дарить,
Станем корить.

86.

Уж, ты, Сашенька, умная,
Уж, ты, хорошая, боярыня,
В большо место посаженая,
Авдотья Ивановна!
Слышала ли, Сашенька?
Мы тебе песню поем,
По имени называем,
По отчеству величаем.
Станешь дарить,
Станем хвалить;
Не станешь дарить,
Станем корить.

87.

Уж, ты, сватушка родимый,
Уж, ты, умная головушка,
Ты окладиста бородушка,
Александр Петрович!
Ты охоч по пирам ходить,
Песни слушати;
Ты досуж по свадебкам гулять,
Девушек сманивати;

Ты охоч ли девушек дарить?
Не дари рублем, не полтиною,
Ты дари золотою гривною.
Слышишь ли, сватушка,
Александр Петрович?
Мы тебе песню поем,
По имени называем,
По отчеству величаем;
Станешь дарить,
Станем хвалить;
Не станешь дарить,
Станем корить.

88.

Как на Иванушке кудри русые
По плечам лежат;
Как на эти кудри дивоватися
Съезжалися купцы и бояре;
Уж, они ль дивовалися,
Уж, они ль у людей спрашивали:
Чье это дитятко!
Чье это милое?
Оно нежное и манежное,
Оно чистое и речистое,
Оно ясное и прекрасное,
Сидит ли, красуется,
Во пиру ли величается.
Это дитятко матушкино,
Натальи, свет, Ивановны;
Это дитятко батюшкино,
Ивана, свет, Ивановича.

89.

Ты, Иван, сударь,
Ты, Иван Иванович,

Как породила тебя матушка
В Воскресенье, на велик день,
Во самую заутреню,
Пеленала тебя матушка
Во пеленочки камчатные,
Положила тебя матушка
В колыбельку багрецовую,
Раскачала тебя матушка
От востока до запада,
А сама приговаривала:
Баю, баю, мое дитятко!
Баю, баю, мое милое!
Ты, Иван, сударь,
Ты, Иван Иванович.

90.

Александрушка, господин,
Иванович боярин,
Рубил яблонь под корень,
Тесал доски тонкие,
Делал гусли звонкие.
Кому эти гусельцы?
Кому эти звончаты?
Аннушке гусельцы,
Ивановне звончаты.
Ей ли во гусли не сыграть?
Ей ли молодости не свесть?
Нет не свесть, не свесть!

91.

Уж, ты лебедь,
Уж, ты сизый,
Ты скажи: где был?
Был я, лебедь,
На синем море,

Жил я, лебедь,
Во красном терему.
Уж, ты лебедушка,
Уж, ты сизая,
Ты скажи: где была?
Была я, лебедка,
На синем море,
Жила я, лебедка,
Во высоком терему.
А что ж такого случилось,
А что ж такого приключилось,
Как живут-то нынче
Лебедь с лебедкой вместе,
Как и клюют-то нынче
Одну зеленую травушку,
Как и пьют-то нынче
Одну чистую водицу?
Уж, ты, Иван, сударь,
Уж, ты, Иванович,
Где ты был, побывал?
А был ли я, добры люди,
А жил ли я, добры люди,
Во матушке каменной Москве.
А где росла Марьюшка?
А где повыросла Ивановна?
Она ли росла у батюшки,
Она ли повыросла у матушки,
Во том во высоком терему.
И вы, люди, веселитеся,
И вы, люди, порадуйтеся,
Как нынче Иван с Марьею
За одним столом сидят;
Как нынче Иван с Марьею
Все одни яства едят;
Как нынче Иван с Марьею
Все одни речи говорят.

92.

Как не яхонт по горнице катился,
Как не жемчужина за яхонтом увивалася,
А Иван, сударь, на сговор снаряжался,
А Иванович на сговор убирался;
Хорошо его матушка родная убирала,
Гребешком кудри русые чесала,
Жестоко ему матушка наказывала,
Жестоко ему родимая приказывала:
Уж, как будешь ли, Иван, на сговоре,
Уж, как будешь ли, Иванович, на сговоре,
Уж, как будут ли тебя девицы величати,
Уж, как будут ли тебя по имени называти,
Уж, как станут ли тебя отчеством возвышати,
И ты дари, сударь, девиц не скупися,
И ты дари, сударь, золотою гривною,
И ты дари, сударь, гривною Московскою.

93.

Не бушуйте вы, ветры буйные,
Не раскачивайте вы звонкие колокола,
Не пускайте вы звону по родной земле,
Не будите вы молоду жену
У Николая свет Алексеевича,
Не будите вы Марью Андреяновну!
Как вечер ли она у матушки была,
К белу свету она сына породила,
Что сына-то Николая Николаевича.
Во те поры Николая дома не случилося,
Во те поры его Государь-Царь жаловал:
Тремя городами, тремя стольными.
Как во первом городу вино курят,
Как во втором городу пиво варят,
Как во третьем городу его сына крестят.

94.

Летал соловьюшка
По зеленому, по кустарничку,
По частому, по березничку,
Залетал соловьюшка
Во зеленый сад не знаючи,
Садился соловьюшка
На веточку не ведаючи.
Уж, та ль веточка приманчивая,
Уж, та ль зеленая прилюбчивая,
Соловью показалася,
Громкому понравилася,
Не хочет с ней и расстатися.
Гулял Петр, господин,
Петр, сударь, Петрович
По чистому полю, по зеленому,
По зеленому, по широкому;
Загулял, господин, Петр,
Петр, сударь, Петрович,
К Ефиму в дом не знаючи,
К Гавриловичу не прошучи;
Смотрел на девицу красную,
Машеньку, душу Ефимовну.
Уж, она ль, Машенька,
Уж, она ль, свет Ефимовна,
Хороша-пригожа уродилася,
Ему собой приглянулася,
Не может с ней расстатися,
А хочет с ней обвенчатися.

95.

Бела каменна палата грановита!
Не дубовые столы застучали,
Белы скатерти камчатны зашумели,
Что серебряны приборы загремели,

Идут мамки, идут няньки со свечами,
А бабушка идет со здоровьем,
Поздравляют Василья со дитею, со малою:
Как жена тебе сына спородила,
Государю Царю служивого,
А тебе, сударь, перемена.
Бела каменна палата грановита!
Не дубовые столы застучали,
Белы скатерти камчатны зашумели,
Что серебряны приборы загремели,
Идут мамки, идут няньки со свечами,
А бабушка идет со здоровьем,
Поздравляют Василья со дитею, со малою:
Как жена тебе дочку спородила,
Государыне-Царице золотошвейку,
А тебе, сударь, перепутье.

96.

Чарочка медвяная,
Во пиру ходила,
Рюмочка походя говорила,
Никто за чару не примется,
Принялся за чару Василий господин,
Подносил чару Федосье душе.
Ты прими, ты прими чару, Федосья душа?
Отойди прочь, отойди прочь, Василий господин,
Отойди прочь, Федулович.
Мне ль, молодой, худо можется;
Худо можется, мало спалося,
Мало спалося,
Много виделося:
Будто у нас середи двора,
Середи двора вырастала трава шелковая,
На той на траве расцвели цветы,
Все лазоревые,

По тем по цветам
Ходит сизый павлин,
С сизой павушкою.
Федосья душа, я тебе сон рассужу,
Я на словах тебе расскажу:
Сизый павлин, то уж я господин,
Сизая павушка, то ты у меня,
Лазоревые цветы, то дети у нас,
Шелковая травушка, то слуги у нас.

97.

Летал голубь, ворковал,
Ко терему припадал,
Что в тереме говорят?
Говорят, сударь, говорят,
Василий жене говорил:
Жена, моя барыня,
Федосья Тарасьевна!
Роди сына сокола
Личиком во себя,
А разумом умом во меня.
За услугу за твою
Солью перстень золотой,
Солью тебе и другой,
Со вставочкой дорогой,
Бриллиантом осыпной.
Носи, мой друг, не жалей,
Качай сына, да лелей.
Летал голубь, ворковал,
Ко терему припадал,
Что в тереме говорят?
Говорят, сударь, говорят,
Василий жене говорил:
Жена, моя барыня,
Федосья Тарасьевна!

Роди дочку лебедку
Личиком во себя,
А разумом умом во меня.
За услугу за твою
Сошью тебе пару голубу,
Сошью тебе и другу.
Носи, мой друг, не жалей,
Качай дочь, да лелей.

98.

Как по сеничкам Федосья ходила,
Как по новым Тарасьевна гуляла,
Во руках она пялички носила,
Она три узора вышивала:
Уж как первый-то узор вышивала,
Что светел месяц со звездами.
А другой-то узор вышивала,
Что красно солнце со лучьями,
Уж как третий-то узор вышивала,
Что грозна туча со дождями.
Как светел-то месяц со лучами,
То свет Василий господин с сыновьями,
Свет Федулович с соколами;
Как красно солнце со лучьями
Свет Федосья душа с дочерями;
Как грозна туча со дождями
Свет Федосья душа со слугами,
Свет Тарасьевна с крепостными.

99.

Как по сеням, по сеничкам,
Что ходила, что похаживала
Молодая боярыня, свет Федосья Тарасьевна,
Будила, побуживала
Своего друга милого,

Свет Василья Федуловича:
Уж ты встань, пробудися же,
Государь-то в поход пошел,
А к тебе-то посол пришел,
Буйная голова нечесаная,
Русы кудри незавиты,
Кони вороны не оседланы,
Верны слуги не снаряжены.
Не путайся ты, любушка,
Свет Федосья Тарасьевна!
Будет дело все сделано!
Уж, я встану скорешенько,
Я умоюсь белешенько,
Причешу буйную голову,
Я завью кудри русые,
Прикажу оседлать коней,
И слугам снарядиться,
Только сесть да поехати
Мне на службу Царскую.

100.

Еще во саду, саду,
Во зеленом саду,
Как под яблонью кровать,
Под кудрявою тесова,
Позолоченная –
На кровати-то перина
Пуховая постлана.
Как кисейно изголовьице
Со алыми со бантиками,
Одеялице соболино постлано,
Что под тем ли одеялом
Свет Игнатий лежит,
Свет Петрович.
Уж как около его слуги,

Слуги верные его,
Разувают, раздевают,
Спать укладывают,
Уговаривают:
Уж, ты ляжь, сударь, усни,
Хоть на малый час, на минуту!
Уж как малый час прошел,
Скороход к нему пришел.
Уж, ты встань, сударь,
Свет Игнатий господин,
Свет Петрович,
Хоть на малый час, на минуту!
Уж, как на море корабль
С чистым золотом ушел,
С чистым серебром,
И с крупным жемчугом.
Не могу я встать,
Головы поднять,
Скоры ноги не бегут,
Белы руки не берут.
Еще во саду, саду,
Во зеленом саду,
Как под яблонью кровать,
Под кудрявою тесова,
Позолоченная –
На кровати-то перина
Пуховая постлана,
Как кисейно изголовьице
Со алыми со бантиками,
Одеялицо соболино постлано,
Что под тем ли одеялом
Свет Игнатий лежит,
Свет Петрович.
Уж, как около его слуги,
Слуги верные его
Разувают, раздевают,

Спать укладывают,
Уговаривают:
Уж ты ляжь, сударь, усни,
Хоть на малый час, на минуту!
Уж как малый час прошел,
Скороход к нему пришел.
Уж ты встань, сударь,
Свет Игнатий господин,
Свет Петрович,
Хоть на малый час, на минуту!
Уж как на море корабль
С красной девицей ушел.

101.

У голубя голова,
Вся серебряная,
То-то голубь,
То-то сизый голубок!
У голубушки головка,
Позолоченная!
То-то голубь,
То-то сизый голубок!
У Василья голова
Всегда причесанная,
У Федуловича голова
Приглаженная.
То-то голубь,
То-то сизый голубок!
У Федосьи голова
В жемчугах убрана,
У Тарасьевны голова
В кокошник убрана.
То-то голубь,
То-то сизый голубок!
Уж как этой голове

Дивовался боярин,
Дивовался молодой,
То-то голубь,
То-то сизый голубок!
Дивовался молодой,
Не женатый, холостой;
То-то голубь,
То-то сизый голубок!
Как бы эта голова,
У меня в доме была.
То-то голубь
То-то сизый голубок!
Я бы летом стал
Во каретушках катать,
А зимою б во решетчатых санях
На вороных лошадях.
То-то голубь,
То-то сизый голубок!

102.

Вдоль по речке, по реке,
Вдоль по речке суденышко плывет,
Вдоль по быстрой раскрашенное;
В том ли суденышке
Свет Василий сидит,
Свет Федулович.
По бережку шла
Свет Федосья Тарасьевна.
Звонко, громко кричит,
Своим громким голосом:
Воротися, сокол,
Воротися, мой милый друг!
Свет Василий Федулович!
Я тебе радость скажу,
Я тебе сына рожу

Я тебе сына ясна сокола.
Вдоль по речке, по реке,
Вдоль по речке суденышко плывет,
Вдоль по быстрой раскрашенное;
В том ли суденышке
Свет Василий сидит,
Свет Федулович.
По бережку шла
Свет Федосья Тарасьевна.
Звонко, громко кричит,
Своим громким голосом:
Воротися, сокол,
Воротися, мой милый друг!
Свет Василий Федулович!
Я тебе радость скажу,
Я тебе дочку рожу,
Я тебе дочку лебедь белую.
Эта радость мне не велика!
Уж как сын-то у меня хозяин в дому,
Уж как дочь у меня гостинка в дому.

103.

Уж, как Петр господин,
Петр, сударь, Дмитриевич,
Матушки своей послушался,
Спал он, не засыпал,
А по ранее просыпался
В соборные заутрени,
В громкий ранний благовест,
Поскорешеньку одевался,
Белешенько умывался,
Частым гребешком чесался,
В чисто зеркало смотрелся,
Во чистое во хрустальное.
Прилежно Богу молился,

На колена он становился:
Да дай же мне Бог суженую,
Что б суженая моя, ряженая,
Была хороша, пригожая,
Была бы умна, да веселливая
К добрым людям приветливая,
Свекру-батюшке покорливая,
Свекрови-матушке послушливая,
Деверьям-братьям услужливая,
Мне молодцу любовная.
Ой Петр, сударь, Дмитриевич!
Уж, как дал тебе Бог суженую,
Уж, как дал тебе ряженую,
Ту ли душу Прасковьюшку,
Ту ли свет Васильевну,
Уж, как в терем ли войдет,
Свекор батюшка усмехнется,
Уж с терема ль долой сойдет,
Свекровь-матушка возрадуется,
По светелочке ли пройдет,
Деверья-братья не насмотрятся
Во зелен ли сад пойдет,
Сестры-золовки прочь нейдут.
Уж ты ли, господин,
Петр, сударь, Дмитриевич,
Ею ты не налюбуешься,
Ею ты не накрасуешься,
Тебе ее мелее нет.

104.

Долго по долгу сокол не летит,
Знать что сокол за лес залетел;
Долго по долгу к нам Петра нет.
Едет Петр-то, едет Петр-то,
Едет Васильевич на вороном коне,

Конь под ним словно зверь лютой,
Грива у коня златом перевита,
Хвост у коня как лютая змея,
Сам на коне, сам на коне,
Как сокол на руке.
Разыгрался, разыгрался Петров-то конь,
Разыгрался, разыгрался Васильевичев конь,
Он перескочил через тын в зелен сад,
Переломил, переломил,
Переломил он железную тынь,
Отломил он у яблони сук,
Отломил, отломил,
Отломил у кудрявые сук.
Возговорит свет, Василий господин,
Возговорит свет, Васильевич:
Кто без меня в зеленом саду был?
Кто железну тынь переломил?
Кто без меня у яблони сук сломил?
Кто без меня у кудрявые сук сломил?
Возговорит свет, Петр, господин,
Возговорит свет, Васильевич:
Я без тебя в зеленом саду был,
Я без теля железну тынь сломил,
Я без тебя у яблони сук сломил,
Я без тебя у кудрявые сук сломил.
Долго по долгу сокол не летит,
Знать что сокол за лес залетел;
Долго по долгу к нам Петра нет.
Едет Петр-то, едет Петр-то,
Едет Васильевич на вороном коне
Конь под ним словно зверь лютой,
Грива у коня златом перевита,
Хвост у коня, как лютая змея,
Сам на коне, сам на коне,
Как сокол на руке.
Разыгрался, разыгрался Петров-то конь,

Разыгрался, разыгрался
Разыгрался Васильевичев конь,
Расшатал дубовы вереи,
Разогнал красных девушек,
Душу Пашеньку с собою взял.
Возговорит свет, Василий, господин,
Возговорит свет, Васильевич:
Кто без меня в доме был?
Кто без меня вереюшки расшатал?
Кто без меня красных девушек разогнал?
Кто без меня Прасковьюшку взял?
Возговорит свет, Петр, господин,
Возговорит свет, Васильевич:
Я без тебя в доме был,
А мой конь вереюшки расшатал,
Я без тебя красных девушек разогнал,
Я без тебя Прасковьюшку душу взял.

105.

Повели со Волги ветры буйные,
Ветры буйные, все осенние,
Зашумела грушица в зеленом саду,
Понеслись вести по каменной Москве,
Понеслись вести по широкому терему:
Как у Тараса радость сочинилася,
Как у Ивановича в дому сочинилася:
Породила его молода жена,
Свет Наталья Васильевна,
Сына умного, разумного,
Свет Ивана Тарасовича.

106.

Уж, ты где был, побывал
Свет наш, тысяцкий воевода?
Уж, ты где был, побывал

Свет Иван Иванович, воевода? –
Я был, побывал,
Во каменной Москве.
А что же ты, воевода, поделывал? –
Я, девицы, там торговал,
Я, красные, там торговал.
А чем же ты торговал?
А чем же ты за товар брал? –
Я торговал дорогими парчами.
Я брал не кунами, не черными соболями,
Я брал все со русыми со косами,
Я брал со девичьими красотами.

107.

То Михайле песенка,
Да что ясному соколу
И со белой лебедушкой,
Свет, Ириною Григорьевной!
Слышишь ли, Михайло, господин?
Слышишь ли, Федотович?
Тебе песню поем, тебе честь воздаем,
Еще как мы тебя величаем, величаем,
Мы по имени тебя называем, называем,
По отчеству тебя возносим, возносим;
Да что сыр молодой на блюде, на блюде,
Что зелено вино с шафраном, с шафраном,
Да что сладкий мед с кардамоном, с кардамоном.
Во саду вишенье садовое, садовое,
Во саду яблоко наливное, наливное.
Ты, Михайло господин, не скупися, не скупися,
С золотой гривной расступися, расступися!
Ай спасибо, Михайло, господин,
Ай спасибо, Федотович, сударь!
И мы мед твой выпили,
Мы челом тебе ударили,

По поклону, по низкому,
Мы по слову, по ласковому.
У Михайлы в гостях не бывали, не бывали,
И мы меду его не пивали, не пивали,
А что мед-то его, то водица, то водица,
А что дары-то его, то тряпица, то тряпица.

108.

Воротися сокол, воротися, воротися,
Позабыл ты шляпу на стопке, на стопке,
Позабыл ты невесту целовать, целовать.

109.

Как ходила душа Марьюшка,
Гуляла свет Ивановна,
У себя ли во терему,
У себя ли во высоком;
Брала золоты ключи,
Отпирала кованы ларцы,
Вынимала дороги подарочки:
Свекру-батюшке шелков платок,
Шелков платок – Персидский,
Свекрови-матушке цветен грезет,
Цветен грезет, яхонтовый,
Свету деверью косыночку,
Косыночку тонку полотняную,
Дорогой золовушке подвязочки,
Подвязочки шиты золотом,
А другу ли своему суженому,
Милому своему ряженому,
Ивану Петровичу,
Подарила цветочек,
Лазуревый василечек.
Береги его, Иван, господин,
Береги его, сударь, Петрович;

Для тебя я его растила,
Для тебя я его нежила,
Для тебя я его лелеила.

110.

И вы, гости наши, посидите у нас,
И вы, светлы наши, побеседуйте у нас!
Ты взойди, туча грозная,
Ты пролей, сильный дождик,
Чтобы наши гости
Посидели у нас,
Чтобы наши светлы
Побеседовали у нас.

111.

Вьюн на воде извивается,
А зять у ворот убивается.
Ах, тесть мой, тесть ласковый!
Отдай ты мой дар, мое суженое.
Тесть тут ему высылает коня,
Ласковый тут ему высылает в узде.
Ах, то не мое, то несуженое!
Ах, то не мое, то неряженое!
Вьюн в воде извивается;
А зять у ворот убивается.
Ах, теща моя, теща ласковая!
Ах, теща моя, теща приветливая!
Ты отдай мой дар, мое суженое.
Теща дает ему дар, свой ларец
Ах, то не мое, то не суженое!
Ах, то не мое, то не ряженое!
Вьюн на воде извивается,
А зять у ворот убивается.
Ах, шурин мой, шурин ласковый!
Ты отдай мой дар, мое суженое,

Мое суженое, мое ряженое.
Шурин ему дарит дар,
Шурин ему да Ульяну, душу,
Ульяну, душу, да Антоновну.
Ах, вот ли мой дар, мое суженое!

112.

Не свивайся, не свивайся трава со былинкой,
Не лестися, не лестися голубь со голубкой,
Не свыкайся, не свыкайся молодец с девицей;
Хорошо было свыкаться, тяжко расставаться.
С полудни до вечерен голубчик летает,
Он летает, он летает, голубушку ищет;
Не долетая голубки, у людей-то спрошает:
Где видали, где слыхали про мою голубку?
А моя-то свет голубка очень знакомита:
Очи ясны, брови черны, личиком беленька.
Пробиралася голубка на сине море,
Чрез леса, болоты и черные грязи;
Села, пала над водою, плакала слезно,
Утирала ручьи слез русою косою;
Звала меня, позывала Наталья в гости,
Сулила мне, посуливала конопель две горсти,
Конопель две горсти, пшеницы полгорсти.
Как у той, у Васильевны кровать тесовая,
На кровати перинушка лежит пуховая.
Заливалася Наталья горючьми слезами,
Прощалася с Петром, умильно вздыхаючи.

113.

Матушка, матушка,
Мать ты моя, государыня!
Мне ли нынче сон привиделся:
Как у нас ли во зеленом саду
Выросло деревцо кипарисное;

На то ли деревцо слетались соколы,
Слетались все молодые.
Уж один ли сокол лучше всех,
Лучше всех, быстрее всех:
Он взвился под облака,
Спускался стрелкою,
Налетал на утушку,
Нападал он на серую,
Уносил себе в гнездо.
Что возговорит ее матушка,
Что возговорит государыня:
Ты дитя ли мое, дитятко,
Ты дитя ли мое, милое,
Я этот сон рассужу,
По словам тебе расскажу:
Что зеленый сад, то широкий наш двор,
Кипарисное деревцо, то я у тебя,
Соколы молодые, то гости у нас,
Гости приезжие, незнакомые;
Уж один ли сокол, то твой суженый,
Уж один ли быстрый, то твой ряженый;
Серая утушка, то ты у меня;
Увезет тебя твой суженый,
Увезет к себе домой,
Разлучит тебя со мной.

114.

Уж как возговорит в тереме
Свет Улита Софроновна:
Что ясен ли светел месяц?
Что весел ли мой милый друг,
Свет Степан Никифорович?
И он пьет, прохлаждается,
И он мною похваляется:
У меня жена разумная,

Что не пьет пива пьяного,
Зелена вина в рот не берет;
У ней речь лебединая,
А походка павлиная;
Она пройдет – утешит меня,
Слово молвит – накормит меня.

115.

Ивана с крыльца провожала,
Ивановна с высокого провожала,
А сама приказывала:
Ты, Иван, сударь, Петрович,
Ты приедешь на девичник,
На девичий, сударь, вечер,
Привези, сударь, шкатулку;
Было бы во шкатулке
Деликатное убранство:
Полтораста аршин лент,
Всякого, разного цвета:
Розовых, алых,
Голубых, васильковых,
Померанцевых, желтых,
Фиолетовых, белых,
Пурпуровых, зеленых.
Мне из серебряных лент
На груди убрать бант;
Еще мне зеркальце стенное,
Гребень, сударь, резной,
Мне веер резной,
Двое шелковых чулков,
Черевички бархатные,
Перчаточки шелковые,
Мне корицы, гвоздики,
Мне мятного масла,
Мне гвоздичного масла,

Мне двенадцать горшочков
Порошковых румян,
Порошку сто бумажек,
Пятьдесят рублей денег,
Чем дарить красных девушек.

116.

Машенька по горенке ходила,
Ефимовна по новой гуляла,
Миндальные орешки щелкала,
Скорлупку в окошечко кидала,
Петру в кудри попадала,
Петровичу в черны попадала;
Уж, он ли оглянулся,
А сам усмехнулся:
Добро ж ты, Машенька,
Добро ж ты, свет Ефимовна!
За твои ли орешки
Отсмею тебе насмешки,
Не станешь над суженым смеяться,
Скорлупой в него бросаться,

II. ПЕСНИ ДЕВИЦ НА ДЕВИЧНИКЕ

117.

Перекатно красно солнышко,
Ты звезда перекатная,
За облак звезда закатилася
Прочь от светлого месяца.
Перешла наша девица
Из горницы во горницу,
Из столовой во новую;
Перешед, она задумалася,

А задумавшись, заплакала,
Во слезах слово молвила:
Государь мой, родный батюшка,
Не возможно ль того сделати.
Меня, девицу, не выдати?

118.

Не лежи черный бобр у крутых берегов,
Черная куна возле быстрой реки;
Не сиди, Севастьян, во чужом пиру,
Севастьян, господин, и Созонтович;
Снаряжай ты свадьбу Федосьину,
Что Федосьину Севастьяновнину.
Глупые люди, неразумные!
Уж у меня свадебка снаряжена
Девять печей хлеба испечено.
Десятая печь тертых калачей;
Девять четвертей пива наварено,
Десять четвертей зелена вина,
Уж у меня приданое изготовлено
Девять городов с пригородами.

119.

Во поле лебедушка кликала.
Во тереме Хавроньюшка плакала.
Бог суди родимого батюшку,
Молоду в чужи люди отдает!
Остается зелен сад без меня.
Завянут все цветочки во саду:
Аленький мой, беленький цветок,
Голубой, лазоревый василек.
Накажу своему батюшке родному:
Вставай ты, мой батюшка, раненько,
Поливай все цветики частенько,
Утренней, вечерней зарею.

120.

Я сидела во тереме,
Я низала себе шапочку,
Я по алому по бархату;
Где ни взялся ясень сокол,
Он махнул правым крылышком,
Он задел за тарелочку,
Он задел за серебряную,
Он просыпал крупен жемчуг
До единого зернышка.
Как расплакалась девушка,
Перед батюшкой стоючи.
Ты не плачь, мое дитятко!
Созову тебе князей, бояр,
Подберут твой крупен жемчуг
До единого зернышка.

121.

Поверх моря, поверх синего,
Поверх синего, поверх Хвалынского,
Налеглись туманы со морянами,
Невидно ни лодочки, ни молодчика;
Над душою, красною девицею,
Над Марьею, свет Ивановною
Поселилася не мала беда,
Помрачило ретиво сердце.
Облегло тоской со кручиною.
Государь мой, родимый батюшка,
Свет Иван Иванович!
Ты возьми булатный нож,
Ты соимай мою белу грудь,
Посмотри в ретиво сердце.
Ох, ты, мое дитятко милое,
Свет Марья Ивановна!
Уж, зачем брать булатный нож,

Уж, зачем соимать белу грудь,
Уж, зачем смотреть ретиво сердце;
Ведь по твоему белу лицу
Всем дознать тебя, дитятко:
Как бело лицо потусмилося,
Как брови черные приусмягнули,
Как очи ясны помутилися,
Как из очей слезы покатилися.

122.

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за гор было, гор высоких,
Лети стадо лебединое,
А другое гусиное,
Отставала лебедь белая,
Прочь от стада лебединого,
Приставала лебедушка
Что ко стаду, ко серым гуслям;
Не умеет лебедушка
По-гусиному кликати:
Не щипите меня, лебедь,
Ой вы, гуси серые!
Не сама я к вам залетела,
Занесло меня погодою.
Отставала Федорушка,
Отставала Ивановна,
Что от красных от девушек,
Приставала Федорушка,
Приставала Ивановна
К молодым молодушкам;
Не умеет Федорушка
Ни головушки оправити;
Ее стали бабы журити,
А Федорушка плакати:
Не журите, бабы старые!

Не сама я к вам заехала,
Не своею охотою;
Завезли меня добры кони,
Что добры кони Ивановы,
Что Ивана Максимовича.

123.

Сборы, сборы Аннушкины,
Велики сборы Ивановнины:
Сбирала подружек за свой стол,
Сажала подружек высоко,
Сама садилася выше всех,
Клонила головушку ниже всех,
Думала думушку крепче всех.
Ах, вы девушки, вы подруженьки!
Придумайте, пригадайте:
Как мне быть да жить в чужих людях?
Как мне назвать свекра лютого?
Как величать свекровь лютую?
Мне свекром назвать – осердится;
Мне батюшкой назвать – не хочется;
Мне свекровью назвать – осердится;
Мне матушкой назвать – не хочется.
Убавлю я спеси, гордости,
Прибавлю я ума-разума;
Назову я свекра – батюшкой,
А люту свекровь – матушкой.

124.

Как не пава свет по двору ходит,
Не павлинные перья роняет,
Как ходила тут, гуляла
Афросиньюшка вкруг терема,
Свет Ивановна, вкруг высокого,
Говорила таковы слова небылые:

Отомкнися мой немецкий замок, отомкнися,
Отложися полуженная цепь, отложися,
Отворися кипарисная дверь, отворися,
Распахнися шитый, браный положек,
распахнися,
Пробудися моя матушка, пробудися,
Уж не век мне у вас вековати,
Не неделюшку мне гостити,
Одну ноченьку ночевати,
И той мне во тоске, во слезах не видати.
На молитве ль мне не простояти?
Иль с батюшкой думу думати?
Иль с матушкой гадати?
Иль с подружками речь говорити?

125.

При последнем было вечере,
У Настасьи на девичнику,
У Андреевне на девичнику,
Прилетал к ней ясен сокол,
Он садился на окошечко,
На дубовую причелинку,
На серебряну перекладинку.
Как увидела матушка,
Из высокого терема,
Из косящетого окошечка,
Закричала громким голосом:
Ты, дитя ль мое, дитятко,
Дитя, Настасья Андреевна!
Ты прияй ясного сокола,
Ясного сокола, залетного,
Доброго молодца, заезжего,
Карпа Трифоныча.
Родимая моя матушка!
Мое сердце не оборотится,

Уста кровью запекаются,
Сердце кровью обливается,
Мне прияить ясного сокола,
Приголубить доброго молодца!

126.

На бережку зелен садик стоит,
В том садику канарейка поет,
Слетались к ней мелки пташки.
Свет ты, наша канареечка!
Уж знать нам к тебе не летати,
Пшена с просом не клевати.
На бережку высок терем стоит,
В том тереме свет Настасья сидит,
Сходились к ней красны девушки.
Ах, ты, свет наша, Настасьюшка!
Уж знать нам к тебе не хаживати,
Темных ночек не ночевывати,
Тайных речей не говаривати.

127.

По горам, по горам ходила,
Все цветы, цветы видела;
Одного цвета нет как нет.
Уж как нет цвету алого,
Алого, самого моего прекрасного.
Иль его, красным солнцем выпекло?
Иль его частым дождем выбило?
Иль его совсем во саду не было?
По двору, по двору ходила,
Всех гостей, гостей видела;
Одного гостя нет как нет,
Уж как нет гостя милого,
Милого, моего батюшки родимого;
Нет нигде его, совсем здесь не было,

Моего гостя милого, батюшки родимого.
Иль мне послать было некого?
Иль мне самой сходить было некогда?

128.

Ты заря ль моя, ты заря вечерняя,
Ты Марья, ты Васильевна.
Поиграйте, девушки, поиграйте, красные,
Поиграйте, красные, у меня на девичнику.
Батюшка у ворот стоит, батюшка домой кличет,
Батюшки не слушаю, от игры домой нейду;
Не доиграна игра, не допета песенка.
Ты заря ль моя, ты заря вечерняя,
Ты Николай, ты Григорьевич.
Поиграйте, девушки, поиграйте, красные,
Поиграйте, красные, у меня на девичнику.
Матушка у ворот стоит, матушка домой кличет.
Матушки не слушаю, от игры домой не иду;
Не доиграна игра, не допета песенка.
Ты заря ль моя, ты заря вечерняя,
Ты игра моя, ты Григорьевич.
Николай у ворот стоит, Григорьевич домой кличет.
Хоть не рада, да слушаю, от игры домой пойду;
Хоть не доиграна игра, хоть не допета песенка.

129.

Вечер наша перепелушка
Всее ноченьку прокликала,
Всее темную прокликала;
Как заутра, ранешенько
Ничуть не стало слышати,
Золотой клетки не видати;
Знать соколы к ней прилетали,
Перепелку с собой взяли.
Как вечер наша Прасковьюшка,

Как вечер свет Григорьевна,
Всее ноченьку проплакала;
Как рано, ранешенько,
Ничуть не стало слышати,
Ничуть ее во тереме не видать;
Знать, бояре к ней приезжали,
Прасковьюшку с собой взяли.

130.

Высоко я в тереме сижу,
Далеко я по заре слышу,
Как лебедь лебедушку кличет:
Ты лебедушка, мой дружочек,
Прилети ко мне на часочек!
У меня в гнездышке тепленько,
Под крылышком горяченько.
Высоко я в тереме сижу,
Далеко я по заре слышу,
Как Николай Аграфену кличет,
Как Иванович Николаевну кличет:
Ты Аграфенушка, мой дружочек,
Приди ко мне на денечек!
У меня подворье широкое,
У меня хоромы высокие,
У меня кровать тесовая,
Перинушка пуховая,
Одеялице соболиное.

131.

Залетала пташечка
Во соловью клеточку,
За серебряную сеточку,
За золоченую решеточку,
За жемчужину переплеточку;
А сама-то востоскуется,

А сама-то возгорюется:
Ох-ти мне, ох тошнехонько!
Ох-ти мне, ох грустнехонько!
У соловья во клеточке,
За серебряной сеточкой,
За золоченой решеточкой,
За жемчужной переплеточкой,
Без травы-то зеленые,
Без воды-то ключевые!
Уж меня вон не выпустят,
А сама вон не вылечу.
Заезжала Натальюшка,
Заезжала Борисовна
Ко Петру во высок терем,
В изукрашенный к Васильевичу,
А сама-то востоскуется
А сама-то возгорюется:
Ох-ти мне, ох тошнехонько!
Ох-ти мне, ох грустнехонько!
В чужих людях, в чужом терему,
Во чужом, незнакомом мне,
Без батюшки, без матушки,
Без сестриц-то голубушек,
Без красных без девушек!
Уж меня вон не выпустят,
А сама вон не выеду.

132.

Разлилась, разлелеялась
По лугам вода вешняя.
Унесло, улелеило
Чадо милое, дочь от матери.
Оставалася матушка
На крутом, красном бережку;
Закричит она громким голосом:

Воротись, мое дитятко,
Воротись, мое милое!
Позабыла трои ключи,
Трои ключи золоты,
Со кольцом со серебряным,
А внутри вызолоченным;
Как первый-то ключик
От зеленого садика,
А другой-то ключик
От высокого терема,
А третий-то ключик
От кована ларчика.
Государыня матушка!
Позабыла я не трои ключи,
Не трои ключи золоты;
Позабыла я, матушка,
Волю батюшкину,
Негу матушкину,
Приятство сестрицыно.

133.

Уж как во тереме девушки,
Уж как во высоком красные,
Разыгралися, распотешилися,
Расскакалися, расплясалися,
Одна лишь душа Катеринушка,
Катеринушка, свет Васильевна,
Задумалась, подгорюнилась:
Она плачет, что река льется.
Уж ее ли девушки уговаривали,
Уж ее ли красные приголубливали:
Ты не плачь, не плачь, Катенька,
Ты не плачь, не плачь, Васильевна,
Что идет к тебе батюшка!
Батюшка тоски моей не ведает;

Он грусти моей не размыкает;
Он горю моему не помочь.
Уж как в тереме девушки,
Уж как в высоком красные,
Разыгралися, распотешилися,
Расскакалися, расплясалися,
Одна лишь душа Катеринушка
Катеринушка, свет Васильевна
Задумалась подгорюнилась;
Она плачет, что река льется.
Уж ее ли девушки уговаривали,
Уж ее ли красные приголубливали:
Ты не плачь, не плачь, Катенька,
Ты не плачь, не плачь, Васильевна,
Что идет к тебе матушка!
Матушка тоски моей не ведает:
Она грусти моей не размыкает;
Она горю моему не помочь.
Уж как в тереме девушки,
Уж как в высоком красные,
Разыгралися, распотешилися,
Расскакалися, расплясалися,
Одна лишь Катеринушка,
Катеринушка, свет Васильевна,
Задумалась, пригорюнилась;
Она плачет, что река льется.
Уж ее ли девушки уговаривали,
Уж ее ли красные приголубливали;
Что идет к тебе твой суженый,
Твой суженый, твой ряженый,
Что Григорий, сударь, Александрович.
Как вскрикнет Катеринушка,
Душа свет Васильевна:
Уж как он-то тоску мою ведает;
Я с ним грусть свою размыкаю;

Уж он-то моему горю помочь;
Уж он-то сердцу не надсада;
Уж как он-то только и во мыслях был!

134.

С Оки ветры понавеяли,
Незваные гости на двор взъехали,
Подломили, подломили сени новые,
Подломили с переходами,
Раздавили, раздавили чару золотую,
Раздавили со финистрою,
Выпугали, выпугали соловья из саду,
Из саду молодого, зеленого!
Что встужется, что восплачется,
Александрушка, душа Николаевна:
Свет вы мои, сени новые,
Свет вы мои, с переходами!
Уж мне по вас не хаживати,
Уж мне по вас не гуливати!
Свет ты моя, чара золотая,
Свет моя со финистрою!
Уж мне из тебя не кушивати!
Свет ты мой, соловей во саду!
Кто-то меня будет поранешеньку будить?
Поранешеньку будить, скору делу учить?
Что возговорит Гаврила, господин,
Гаврила, сударь, Григорьевич:
Ты не плачь, свет Николаевна,
Я сострою тебе сени новые,
Сени новые с переходами;
Я солью тебе чару золотую,
Чару золотую со финистрою.
Я у тебя соловей во саду;
Я стану тебя порану будить;
Я стану тебя скору делу учить.

135.

Уж как жарко во тереме свечи горят,
Горят свечи воску ярого,
Уж как горько плачет свет Аннушка,
Унимает ее родной батюшка,
Уговаривает родна матушка:
Не плачь, не плачь, мое дитятко!
Уж я тебя не в полон даю,
Не в полон даю, не полонить хочу;
Уж я тебя замуж отдаю
За умного, за разумного,
За белого, за румяного.
Ведь я тебя не одну пущу,
Не одну пущу, поезжан пошлю,
Поезжан пошлю, сваху снаряжу.
Государыня моя матушка!
Я сама знаю, про то ведаю;
Во гостях гости все разъедутся,
И сватьюшки все разойдутся;
Одна я, младешенька, остануся,
На чужой дальней сторонушке,
У чужого отца, матери,
У чужого роду племени.

136.

Ой вы, гуси, гуси,
Сизые, Китайские!
Уж, где вы, гуси были?
Сизые Китайские побывали?
И что вы видели?
Мы были на синем море,
Мы видели диво большое:
Что серая утушка купалася,
Набело она полоскалася,
Купавшися утушка,

Полоскавшися утушка,
Положила она крылышки
На бел горючь камешек!
Ой вы, бояре, бояре,
Молодые, Московские!
Уж, где вы были, побывали?
Да что ж вы видели?
И мы были, и мы были
У Ипата на дворе,
И мы видели диво большое:
Ипат ходит по двору,
Он двор выметает,
Он коврами устилает,
Ульянушка ходит, да плачет,
К ларчику припадает:
Ларчик, ты мой ларчик,
Кованый ты мой, дубовый!
Я год тебя копила,
На другой снаряжала,
Я в час один раздарила:
Свекру сорочку,
Свекрови другую,
Золовкам по алой ленте.
Красуйтеся, золовушки,
Во моей ленте алой!

137.

Катилось солнце красное,
По синю своду, небесному,
Бросало лучи яркие
На леса густые, на поля широкие.
Ходила душа Настасьюшка,
Гуляла свет Поликарповна
По высокому терему,
Возводила очи ясные,

Все заплаканные,
На подружек голубушек,
На красных девушек:
Уж, не год мне годовати,
Уж, не неделю с вами пировати,
Один денечек гостевати,
Да и тот весь горевати,
Во слезах его не видати.
Приедут люди незнакомые
Увезут меня от батюшки,
Увезут от родимой матушки,
Разлучат с вами, девушками.

138.

Раскачалася грушица,
Пред яблонькой стоючи;
Расплакалась Аннушка,
Пред батюшкой стоючи:
Государь ты мой, батюшка!
Ты к чему рано вино куришь?
Ты к чему рано пиво варишь?
Ты к чему рано становишь меды сладкие?
Ты, дитя ли мое, дитятко,
Ты, дитя ли мое, милое!
Я хочу тебя замуж отдать
Не за князя, не за барина,
За того ли сына гостиного.
Государь ты мой, батюшка!
Нельзя ль думу раздумати,
А меня бы замуж не выдати?
Ты, дитя ли мое, дитятко,
Ты, дитя ли мое, милое!
У нас дело-то сделано,
По рукам у нас ударено,
Быть сговору, девичнику,

Девичьему вечеру;
В Воскресенье тебе, дитятко,
К суду Божьему ехати,
Под златым венцом стояти,
С удалым добрым молодцом,
С Петром Ивановичем.

139.

Не зеленая травушка,
Не мягкая муравушка,
Во чистом поле под дубиком
От дождичка от крупного,
От вихоря от бурного
Ко сырой земле прилегает,
Бурюшки пройти не чает.
Приходила Аннушка
К родимому батюшке,
Помутились очи ясные,
Возмутились в горючих слезах,
Во слезах она не молвит,
Одно словечушко промолвила:
Ой ты, батюшка родимый!
Ты за что, за что прогневался?
Ты за что, за что разгневался?
На свое ли дитя милое,
На свою ли дочь родимую,
Что отдать хочешь в чужи люди,
В чужи люди, незнакомые,
На чужу дальню сторону?
Уж и я ль тебе помеха в чем,
Изгоняешь с очей долой?
Износила ль платье цветное?
Переела ль кусок сахарный?
Выпила ли меды сладкие?
Вытоптала ли сады зеленые?

Присушила ли цветы лазуревы?
Иссушила ль яблоньку наливчату?
Что возговорит ее батюшка,
Батюшка ее родимый,
Петр, господин, Федорович:
Ты дитя ли мое, дитятко!
Ты дитя ли мое, милое!
Не клади ты на меня жалобу,
А клади Богу жалобу
На сваху ль ту, разлучницу,
Что на злую ль стару подговорщицу;
Мне не век тебя поить, кормить,
Мне не век тебя лелеять,
А пора уж замуж выдати.
Чужа дальняя сторонушка
Досадит тебе лишь в первы дни:
После та сторонушка полюбится,
Чужа дальняя понравится;
А уж и во той ли, во сторонушке,
Позабудешь ты и батюшку.

140.

Как у нас во садику
Много было цветов посеяно.
А не много их уродилося,
Как у нас ли во тереме
Много было красных девушек,
А теперь немного осталося.
Как не было у нас изменницы,
Проявилася у нас изменница,
Елизавета Васильевна.
Ты на что, душа, прельстилася?
На орешки ль, аль на прянички?
Или на его слова ласковые?
Ты хотела в монастырь идти,

А нас, красных девушек,
Ты хотела нас с собой взять,
Которую во ключницы,
Которую во ларечницы,
Которую во казначеи,
А сама во игуменьи.

141.

Наставало времечко,
Уж наставало непогодливое,
Что родимой матушке,
Надежде Ивановне,
Отпускать свою доченьку,
Свое ли дитя милое,
Маланьюшку душу Гавриловну,
На чужедальнюю сторону,
Что на чужую, незнакомую;
Уж, как слезно восплачется,
Уж, как грустно возгорюется:
Ты дитя ли мое, дитятко,
Ты дитя ли мое, милое,
Поезжай на чужую сторону,
В чужи люди, незнакомые!
Как в добре ты жить станешь,
И матушку забудешь;
В худе ли жить станешь,
И матушку вспомянешь.

142.

Подруженьки, голубушки,
Подруженьки мои милые! –
Говорила Маланьюшка,
Свет Гавриловна, плачучи,
Говорила красным девушкам,
Говорила, сама молвила:

Не отпирайте, не отпирайте,
Не отпирайте ворот гостям,
Чужим гостям, незнаемым;
Не пускайте, не пускайте
Чужих гостей, незнаемых,
Гостей на широкий двор;
Запирайте, запирайте,
Запирайте сенную дверь,
Сенную дверь во светелочке;
Не отворяйте, не отворяйте,
Не отворяйте дверь ко терему,
Ко терему ль моему высокому;
Не пускайте, не пускайте,
Не пускайте чужих гостей,
Чужих гостей, незнаемых.
Ой не плачь, не плачь,
Не плачь, душа Маланьюшка,
Не плачь, свет наша Гавриловна,
Не чужой гость, не чужой,
Не чужой идет, твой суженый,
Идет к тебе твой ряженый!

143.

Приехали, Машенька,
Приехали, душа Ефимовна,
Бояре на двор ко батюшке
Добра коня торговати.
Мне добрый конь не надобен,
Мне на нем не ездити,
А надобен он батюшке.
Приехали, Машенька,
Приехали, душа Ефимовна,
Бояре на двор ко батюшке
Ясна сокола купити.
Мне ясен сокол не надобен,

Мне им не тешиться,
А надобен он батюшке.
Приехала, Машенька,
Приехала, душа Ефимовна,
Свашенько ко матушке,
Свашенька немилостивая,
Свашенька нежалостивая,
Хочет твою косыньку расплетати,
С рукой жемчуг рассыпати,
С высокого терема сводити,
На чужу сторону увозити,
В чужи люди, незнакомые,
К чужому отцу, к матери,
К деревьям, к золовушкам.

144.

Высоко звезда восходила,
Выше солнца, выше месяца.
Как у нас во тереме
Марьюшка горько плакала,
Ефимовна слезно вопила,
Поминала про чужу сторону,
Про чужого отца с матерью:
Как чужой-то отец с матерью
Безжеланные уродилися.
Посылали меня по воду,
Посылали молоду на Москву реку.
Как с восточной сторонушки
Подымалася погодушка,
Налетали гуси серые,
Возмутили воду свежую;
Я молода без воды домой пришла.
Свекор-батюшка журит, бранит,
Свекровь-матушка бить хочет;
Спасибо золовушке,

За меня слово замолвила:
Ой ты, глупая невестушка,
Неразумная твоя головушка!
Какова бы вода случилася,
В ведрах бы устоялася.

145.

Черны кудри за стол пошли,
Русу косу за собой повели.
Черны кудри у русой косы спрашивали:
Русая коса, не уж ли ты моя?
Еще же черны кудри я не твоя,
Божья да батюшкина.
Черны кудри за стол пошли,
Русу косу за собой повели.
Черны кудри у русой косы спрашивали:
Русая коса, не уж ли ты моя?
Еще же черны кудри я не твоя,
Божья да матушкина.
Черны кудри за стол пошли,
Русу косу за собой повели;
Черны кудри у русой косы спрашивали:
Русая коса, не уж ли ты моя?
Я Божья да теперь твоя.

146.

Летала пташечка по саду,
Порхала легкая по зелену,
Взвивалася под облака,
Спускалася стрелкою.
Как ловят пташечку,
Сажают во клеточку.
Уж не летать-то мне, пташечке,
Не летать, знать, по саду,
Не летать, знать, по зеленому,

Не взвиватися, знать, под облака.
Не спускатися, знать, стрелою.
Как гуляла Марьюшка по терему,
Как гуляла Ефимовна по высокому,
Играла со девицами,
Играла с подружками красными.
Как отдают Марьюшку,
Как отдают душу Ефимовну
Во чужой двор, во чужи люди,
Во чужи люди, незнакомые,
К чужому отцу, к матери.
Что восплачется, что востоскуется:
Уж не гулять мне по терему,
Уж не гулять мне по высокому!
Уж не играть, знать, с подружками,
С подружками, с красными девушками!
Уж не нажить мне, не нажить,
Не нажить, знать, прежней волюшки!
Чужие отец с матерью
Не дадут долго спать;
А деверья с золовками
Станут вкос смотреть.

147.

Катилось солнышко ко западу,
Катилось красное ко терему,
Ко терему боярскому, княженецкому,
Восходил светел месяц ко востоку,
Он светит ясно и не меркнет,
А кидает лучи ясные
К Машеньке во высок терем,
К Ефимовне в изукрашенный.
Приезжали князья, бояре
Ко Ефиму на широкий двор,
Восходили в светлую светличку;
Они Богу молилися,

Хозяину чинно кланялися,
Все рядом садилися;
Одно местечко оставили,
Впереди под иконами.
Звали к себе, выкликали,
Выкликали красную девицу,
Марьюшку, душу, Ефимовну;
Ты выдь, душа Марьюшка,
Ты выдь, свет Ефимовна?
Покажи нам свое лицо белое,
Покажи нам свое лицо румяное!
Для тебя ли мы пиром приехали.
Ты сядь с добрым молодцем,
С добрым молодцем, с твоим суженым,
С твоим суженым, с твоим ряженым,
С Петром Петровичем,
Под святыми иконами,
Под Божьею милостью.
Тебе завтра с ним обручатися,
Золотым кольцом менятися,
Золотым венцом венчатися,
Век тебе с ним не расставатися.

148.

На море селезень косу вьет,
Серая утушка полощется.
Куда ж она торопится?
Знает батюшка со матушкой,
Добрый молодец со свашенькой.
Как утушка полоскалася,
Ей все утушки завидовали.
Не завидуйте, утушки,
Не завидуйте, серые;
И у вас будут селезни
Молодые, хохлатые.
Против зеркальца чистого,

Против зеркальца хрустального,
Чесал молодец кудри черны,
Девица белится, румянится,
За ним же торопится.
Ей все девушки завидовали,
Ей все красные завидовали.
Не завидуйте девушки,
Не завидуйте красные!
И у вас такие ж будут молодцы,
Такие ж будут хорошие,
Такие ж будут пригожие,
Такие ж белорумяные.

149.

Машенька девушкам говаривала,
Ефимовна красным наказывала:
Не кидайте, не бросайте
Вы батюшек и матушек,
Живите в высоком терему,
Не ходите к чужим отцам,
К чужим отцам, к матерям!
Уж чужие-то отцы-свекры
Все журят, все бранят,
Все бранят, все ворчат;
Уж чужие-то матери-свекрови,
Не дадут младешеньке выспаться,
Выспаться, вылежаться,
Вылежаться, вынежиться;
Уж чужие-то братья-деверья,
Из угла вкос глядят;
Уж чужие-то сестры-золовушки
В глаза лестью льстят,
За очью поедом съесть хотят.
А теперь наша Машенька,
Душа, свет, Ефимовна,
Сама кидает, бросает,

Кидает родного батюшку,
Бросает родную матушку;
Не мил ей высок терем,
Не нравится ей изукрашенный;
А мил-то ей суженый,
Нравится ей ряженый,
Петр, сударь, Петрович;
Идет к чужому отцу,
Что к чужому отцу-свекору.
Уж, свекор теперь не журит, не бранит,
Не бранит, не ворчит;
Идет к чужой матери к свекрови;
Уж, свекровь ли теперь дает выспаться,
Дает выспаться, вылежаться;
Уж, чужие ль братья-деверьюшки
Из угла теперь вкос не глядят;
Уж, как чужие ль сестры-золовушки
В глаза теперь не льстят,
За очью поедом съесть не хотят.
Уж, как они ли ей полюбилися,
Уж, как они ли ей приглянулися,
Не хочет с ними и расстатися.
И вы, красные девушки, подруженьки,
И вы – что про что припеваете?
Все ваши речи девичьи, незнаемые,
Незнаемые, девицам неведомые.
Придет пора и время дорогое,
И вы сами задумаете по-моему,
И вы сами поедете на чужу сторону,
К свекру-батюшке, к свекрови-матушке,
К своему суженому, ряженому.

150.

Уж, не вихри рьяные вылетали,
Уж, не солнце красное замеркало,

Уж, не светел месяц затмевался,
Уж, не тучи грозные бушевали,
Уж, не туманы дождевые носилися;
А Марьюшка Ефимовна во терему
Сидя, во высоком помрачилась,
Своей печалью, горестью,
Своей несносною кручиною.
Марьюшка горько плачет,
Ефимовна, как река льется.
Она вечер поздно слышала:
Как хочет ее батюшка,
Как хочет ее матушка,
Что отдать ли во чужи люди,
Во чужи люди, незнакомые,
На чужедальнюю сторонушку.
Ко чужому отцу, к матери.
Ой не плачь, наше дитятко,
Ой не плачь, наше милое!
Чужая сторонушка слюбится,
Чужедальняя полюбится!

151.

Машенька девушкам говаривала,
Ивановна красным наказывала:
Подруженьки мои, красны девицы!
Прикатайте ту гору красную, песчаную,
Чтобы нельзя было не взойти, не въехати,
Чтоб ни конному, ни пешему,
Ни коня ввести в поводу.
А говорил ей вечер суженый,
Иван, сударь, Петрович:
Я на ту ли гору пеш взойду,
Пеш взойду и коня введу,
Я коня введу в поводу,
А руками понесу тебя на плече,

Ко двору приду, в терему посажу,
К своему батюшке, к матушке.

152.

Шло солнышко по залесью,
Шло оно, остановилось;
Шла красна девица по терему,
Красна девица, Машенька,
Машенька, душа Ивановна,
Шедши, она остановилася,
Кидала ключи на кованы ларцы.
Батюшка, сударь, родимый мой!
Я теперь не ключница.
Матушка моя родимая,
Я тебе теперь не ларечница!
Ключница я и ларечница
Чужому отцу, чужой матери.

153.

Как у нас ли во тереме,
Как у нас ли во высоком,
Девушкам был сбор,
Красным большой.
Пришли не дельце делати,
Не крепку думу думати,
Пришли к душе Машеньке,
Сошлись к свету Ивановне,
Вечериночку сидеть,
Девичий вечер весь пропеть,
Князей, бояр потешити,
Гостей приезжих позабавити,
Повеличать душу Машеньку,
Повеличать душу Ивановну,
Повеселить в последний день,
Позабавить в последний час.

154.

Ой ты, мать моя, матушка,
Ой ты, мать моя, государыня!
Ты войди, моя матушка,
Во высокий во терем,
Ты во светлую горницу,
Во уборную светличку;
Ты сядь, моя матушка,
Впереди под окошечком,
Под святыми иконами;
Погляди, моя матушка,
На мою на русу косу,
На девичью красу;
Уж, не долго мне, матушка,
Уж, не долго мне, государыня,
Во красе любоватися,
Во русой косе красоватися,
От субботы до субботы,
До девичьего вечера;
В Воскресенье мне, матушка
К суду Божьему ехати,
Под золотым венцом стояти,
С удалым, добрым молодцом,
Иваном Петровичем.

155.

Играло солнце красное,
Играло да затмилося;
Светил светел месяц
Светил да померкнул;
Веселилась душа девица,
Веселилась да приуныла;
Играла душа Машенька,
Играла да пригорюнилась,
Играла свет Ивановна,

Играла да прикручинилась.
Уж, не одна ли я у батюшки,
Уж, не одна ли я у матушки,
Да и ту взвидеть не хотят,
Да и ту гонят с очей долой!
Девушки обо мне не потужат,
Красные обо мне не пожалеют.
Пожалеет ли мой милый друг,
Мой милый друг, мой суженый,
Иван, сударь, Петрович?
Он глазком мигнет,
Вся печаль моя пропадет;
Он за белу руку возьмет,
Всю мне радость подает;
А душой как назовет,
В сердце радость изольет.

156.

Уж, как жарко было камню самоцветному
Лежать на горе против солнышка,
Уж, как тошно было сердцу Машенькину,
Тошно сердцу Ивановниной,
Живучи у батюшки в последни часы,
Живучи у матушки в последни дни,
Смотрючи, глядучи на русу косу,
На русу косу, на девичью красу,
Слышати про Иванов отъезд,
Про Ивана да и Петровича,
На чужедальнюю сторону,
За покупкою дорогих парчей,
Дорогих парчей и бархатов.

157.

У нас ли было во тереме,
У нас ли было во высоком,

Стоял столик невелик
Алым бархатом покрыт,
Позументом обложен,
Со широкой бахромой,
На нем зеркальце хрустально,
Покрывалице тафтяно;
Против зеркальца сидит девица,
Против чистого красная,
Машенька, душа Ефимовна.
Она белится, румянится,
Во цветное платье одевается,
Во алмазы убирается,
Ко венцу ль она снаряжается,
Со девицами прощается,
С красавицами разлучается.
Вы подружки, вы голубушки,
Подруженьки мои милые!
Не тужите вы, не плачьте,
Не слезите лицо белое:
Не на веки я с вами прощаюся;
Скоро я опять к вам буду,
Без русые уж косы,
Без девичьей моей красы.

158.

Машенька с терема выходила,
Ефимовна с высокого выходила,
С яблоньки веточку сламливала,
Коню под копыто бросила,
Красное, девичье слово молвила:
Стой яблонька век без верха,
Живи, мой батюшка, век без меня!
Не чаял меня, батюшка, в век избыть,
Избыл меня, батюшка, единым часом,
Единою, одною минутою.

Машенька с терема выходила,
Ефимовна с высокого выходила,
С яблоньки веточку сламливала,
Коню под копыто бросила,
Красное, девичье слово молвила:
Стой, яблонька, век без верха,
Живи, моя матушка, век без меня!
Не чаяла меня, матушка, в век избыть,
Избыла меня, матушка, единым часом,
Единою, одною минутою,
Избыла меня с очей долой.

159.

Уж, ты Марья Ивановна,
Не клади Богу жалобу
Ни на батюшку, ни на матушку,
Ты клади Богу жалобу
На сваху ту, разлучницу,
Что хаживала, говаривала.
Говорила потихохоньку,
Твою матушку уговаривала,
Хвалила, выхваливала
Чужедальнюю сторонушку:
Как чужая-то сторонушка
Сахаром изнасеяна,
Сытою поливана.
Что возговорит ее матушка,
Надежда Ивановна:
Ты полно, обманщица,
Ты полно, подговорщица!
Я сама знаю чужую сторону,
Чужедальнюю, незнакомую;
Уж, как чужая-то сторонушка
Горем вся изнасеяна,
Она слезами поливана,
Печалью огорожена.

160.

Уж, что это у нас ныне
Во терему, девушки, за диво,
Во высоком, красные, за дивное?
Такого дива никогда не бывало.
Душа наша, Машенька,
Свет наша, Ефимовна,
Ходит задумавшись,
Сидит подгорюнившись,
Ни моется, ни рядится,
Ни белится, ни румянится,
Только слезами обливается.
К ней ли весточки приходили,
Ей матушка приносила:
Уж, как будут ли гости незнакомые,
Князья, бояре, чужие, незнакомые;
Станут ее косыньку расплетати,
С русой жемчуг обсыпати,
На две сторонушки разделяти.

161.

Цвела грушица во садику,
Цвела моя во зеленом,
Жило мое дитятко,
Жило мое милое,
Во терему во высоком,
Во высоком, в изукрашенном;
Не все тебе жить во тереме,
Не все тебе жить со девицами,
Не все тебе быть со красными.
Как приедет Иван, господин,
Иван, сударь, Петрович,
Завезет тебя к себе домой,
Не к девушкам, не к красным,
К молодым ли все молодушкам.

Молодые ли уж молодушки
Родились все приметливы,
Все приметливы, все насмешливы:
Ступишь ли ногой?
Поглядеть все за тобой;
Махнешь ли рукой?
Засмеются над тобой;
Молвишь ли словечко?
Передразнивать начнут;
Сядешь ли за стол?
Все куски во рту сочтут;
Станешь ли молчать?
Станут дурочкой величать.

162.

Красно солнышко зашло,
И темна ночь наступила,
А гостей не бывало в Ефимов дом.
Во Ефимов дом, свет Гавриловичев.
Машенька душа, Ефимовна,
Суженого себе ожидает,
Петра, сударя, Петровича,
Во цветно платье снаряжается,
Во цветное, во шелковое.
Уж, как приедет ли мой суженый,
Уж, как приедет ли мой ряженый.
И вы, девушки, голубушки,
Подружки мои милые,
Запойте погромче, повеселее,
Повеселее, да порадостнее;
Чтобы суженому моему не соскучилося,
Чтобы ряженому моему не взгрустнулося.

163.

Уж, ты громкий соловей
Пой во всю темну ноченьку,

Пой, мой громкий,
Во всю месячную!
Уж, не долго мне тебя слушати,
Уж, не долго тебе меня тешити!
Скоро повезут меня из терема
Из высокого, из красного,
К чужому отцу, к матери,
Ко свекору, ко свекровушке,
К недобрым деверьям,
Ко злым, лихим золовушкам;
Жаль-то мне родного батюшку,
Жаль-то мне родную матушку,
Жаль-то мне тебя, соловьюшка,
А жалчей того русой косы,
Моей ли девичьей красы.

164.

Не кличь, не кличь, лебедушка,
Не кличь в поле, белая!
Не плачь, не тужи Машенька,
Не плачь, не грусти душа Ивановна,
По батюшке и по матушке,
По громком соловью во саду!
Как свекор ли батюшка
К тебе будет милостив,
Как свекровь ли матушка
К тебе будет милостива.
Иван, сударь, Петрович
У тебя соловей во саду,
Во высоком терему,
Во высоком, изукрашенном;
Денечек он кричит,
И всю ноченьку поет;
Тебя ли, Машеньку,
Тебя ли, свет Ивановну,
Забавляет, утешает,

Спать долго не мешает,
К обедням разбужает.

165.

Летал ясен сокол по поднебесью,
Садился млад ясен сокол на оконницу;
Оконница отворялася,
Млад ясен сокол встрепенулся.
Невесте девушки говорили:
Красна девица, приучай сокола.
Ах вы красные девицы!
Уж, я рада бы приучила сокола;
Уж, этот сокол не прилука моя,
Уж, этот сокол разлука моя,
Разлучить меня с отцом с матерью
И с вами, с красными девицами.

166.

Ой вы девушки, голубушки,
Вы подружки мои красные!
Не пойте весело и радостно,
Запойте пожалостливее, поунывнее:
Уж, как хотят ли увести меня,
Чужи люди, незнакомые,
Не на пир пировать,
Не веселье исправлять;
Уж, везут ли меня, красные,
К чужому отцу, к матери
Не спать, не дремать,
Не гулять, а работать.

167.

Лебедь наша белая,
Лебедушка молоденькая!
Боишься ли ты мороза?

Я мороза боюся,
Я за белый снег схоронюся.
Ты Машенька душа,
Машенька, свет Ефимовна!
Боишься ли ты свекора?
Я свекора-то боюся,
Я за батюшку схоронюся.
Ты Машенька душа,
Машенька, свет Ефимовна!
Боишься ли ты свекрови?
Я свекрови-то боюся,
Я за матушку схоронюся.
Ты, Машенька душа,
Машенька, свет Ефимовна!
Боишься ли ты Петра,
Петра, господина, Петровича?
Я его не боюся,
Я с ним обоймуся.

168.

Ты, река ли моя, реченька,
Ты, река ли моя, быстрая,
Ты течешь, не колыхнешься,
На ровке с желтым песком не возмутишься;
Ты, дитя мое, дитятко,
Ты, дитя мое, милое,
Сидишь ты, не усмехнешься,
Что возговоришь, не улыбнешься.
Девушки, голубушки!
Да чему же мне смеятися?
На что глядя, радоватися?
У меня полный двор гостей,
У меня полна горница гостей,
Снарядить меня есть кому,
Отпустить меня некому:
Нет у меня батюшки родимого.

Ой ты, братец мой, родной!
Ты поди к Божьей церкви,
Ты ударь трижды в колокол,
Разбуди моего батюшку,
Разбуди моего родимого.

169.

Как разгневался Ефим, господин,
Ефим, сударь, Гаврилович.
А кто у меня во саду был?
Мелких пташечек поспугал?
Любимую соловушку с собой взял?
Как разгневался Ефим, господин,
Ефим, сударь, Гаврилович.
А кто у меня на дворе был?
Дубовы вереюшки раскачал?
Широки воротички разломал?
На дворе конем штурмовал?
Во высок терем смело взошел?
Красных девушек разогнал?
Любимую девушку с собой взял?

170.

Яблонька моя, яблонька,
Яблонька моя, зеленая,
Не цвети теперешней весной,
Не плоди сладких яблочков!
Я скажу моему батюшке,
Я скажу моей матушке:
Что ты худо поливана,
Что ты худо лелеяна,
Оттого и яблочков нет;
Что сама я стану поливати,
Сама корешок обчищати,

Сама червячков обметати.
Авось, либо, батюшка и сжалится,
Авось, либо, матушка и взмилуется,
Не отдадут меня нынешний год
На чужедальнюю сторону,
На чужедальнюю, незнакомую,
Без горя горе мыкати,
Без слез горько плакати,
Без думы крепко думати,
Без скуки скучати,
Без грусти горевати.

171.

Ко мне ласточка прилетала,
Ко мне весточку приносила:
К тебе будет дорогой гость,
Дорогой гость, батюшка.
Пускай он будет,
А моей тоски не убудет!
Ко мне ласточка прилетала,
Ко мне весточку приносила:
К тебе будет дорогой гость,
Дорогой гость, матушка.
Пускай она будет,
А моей тоски не убудет!
Ко мне ласточка прилетала,
Ко мне весточку приносила:
К тебе будет немилый гость,
Немилый гость, твой суженый.
Пускай он будет,
И моя тоска вся убудет!

172.

С реченьки утушка слетывала,
С тихой серая вспархивала,

Прилетала утушка,
Прилетала серая
На бурное, на сине море:
Не знала утушка,
Не знала серая:
Где ей опуститися?
От вихоря уклонитися?
Гуси стали щипати,
А утушка громко кликати:
Ой ты, речка моя, реченька,
Ты, речка ли моя, тихая!
Кабы знала я да ведала
Такую над собой невзгодушку,
Расстаться бы с тобой не подумала.
Сходила с терема Машенька,
Сходила с высокого Ефимовна,
Приезжала ко свекору в дом;
Свекор-батюшка неласковый,
Неласковый, не как родной.
Входила к свекрови во терем;
Свекровь-матушка угрюмая,
Угрюмая, не как родная.
Деверья по светличке похаживают,
Об ней все поговаривают:
Уж, как наша ли невестка
Не хороша, не пригожа,
Не ласкова, не приветлива;
Золовушки перешептывают:
Уж, как наша ли невестка
Негоразда ничему:
Ни ткать, ни прясть,
Ни золотом шить,
Ни щей сварить, ни пирога испечь,
Ни песенку запеть,
Ни во дудочку, ни поплясать.

А словечушко промолвит,
За другим в карман пойдет.
Уж, не знала Машенька,
Уж, не ведала Ефимовна,
Куда ей деватися,
Куда ей укрытися,
От насмешек, от зависти?
Что всплачет, что возгорюется,
Что возгорюется, что встоскуется:
Ой ты, терем мой у батюшки,
Ой ты, высокий мой у матушки!
Кабы знала я да ведала
Здесь себе таково житье,
Расстаться бы с тобой я не подумала,
Выдти бы из тебя не помыслила;
Я жила бы в тебе смирнешенько,
Я была бы в тебе веселешенька,
Не знала бы я тоски и горести.

173.

Как во терему сидела Машенька,
Как во высоком сидела Ефимовна,
Она шила шелками в пяличках
Она шила цветными во новыих,
А шила, сама приговаривала:
Ты гори, гори, солнышко,
Ты гори ясное, красное!
Не скоро закатывайся,
По залесью останавливайся,
А я пялички дошью.
Как ехал мимо того терема суженый,
А ехавши, молвил: Бог на помочь, красна девица!
Для кого шьешь? Для кого не отдыхаешь?
Шью, сударь, дорог платок,
Не для тебя, а для батюшки!

Как во тереме сидела Машенька,
Как во высоком сидела Ефимовна,
Она шила шелками в пяличках,
Она шила цветными во новыих,
А шила, сама приговаривала:
Ты гори, гори, солнышко,
Ты гори ясное, красное!
Не скоро закатывайся,
По залесью останавливайся,
А я пялички дошью.
Как ехал мимо того терема суженый,
А ехавши, молвил: Бог на помочь, красна девица!
Для кого шьешь? Для кого не отдыхаешь?
Шью, сударь, цветно платьице
Не для тебя, а для матушки.
Как во тереме сидела Машенька,
Как во высоком сидела Ефимовна,
Она шила шелками в пяличках,
Она шила цветными во новыих,
А шила, сама приговаривала:
Ты гори, гори, солнышко,
Ты гори, ясное, красное!
Не скоро закатывайся,
По залесью останавливайся,
А я пялички дошью.
Как ехал мимо того терема суженый,
А ехавши, молвил: Бог на помочь, красна девица!
Для кого шьешь? Для кого не отдыхаешь?
Шью, сударь, сердечко золотцем,
Для себя и для тебя.

174.

Родимый ты, мой батюшка,
Родима ты, моя матушка!
Не мечитесь на золото, на серебро,

Не кидайтесь на сладки прянички,
Не берите вы белил белых,
Не принимайте румян красныих,
Не меняйте меня ни на что!
Без золота я у вас богатехонька,
Без сластей-то у вас сытехонька,
Без белил-то у вас белехонька,
Без румян-то у вас краснехонька.

175.

Светел месяц – родимый батюшка,
Красно солнышко – родимая матушка!
Вы расставляйте столы дубовые,
Накрывайте скатерти браные,
Вы сажайте красных девушек,
Угощайте моих белых подружек.

176.

Полно-ка, сватьюшка, плакати,
Перестань, родная, кручиниться!
Берит-ко ты золоту казну,
Покупай себе добрых коней
К нам в гости ездити,
Мед, вино, да пиво кушати.
Знай, езди, не ленись,
Ешь, пей, да веселись,
И нас в гости к себе позывай.

177.

Без ветра, без вихоря
Вереюшка пошатнулася,
Воротички отворилися,
И бояре во двор въехали,

Молодые на крыльцо взошли;
Жених Богу молится;
Всем он низко кланяется.
Закидалися, забросалися
Девицы-красавицы;
Свет невестушка
За девушку схоронилася.
Схороните меня вы, девушки,
Схороните вы, подруженьки!
Прибыл погубитель мой,
Разлучил мою головушку
С отцом, с матерью,
С родом, с племенем.

178.

Свет ты, моя волюшка,
Свет ты, моя негушка,
У родимой матушки!
Куда-то свою волюшку
Мне пустить будет?
Пущу я мою волюшку
Во чистое поле;
Пущу я свою волюшку
Во темный лес.
Во темном лесе она заплутается.
Нет – пущу я мою волюшку
По милым подруженькам.
Покрасуйтеся, подруженьки,
Покрасуйтеся, любезные,
Поколь вы у батюшки,
Поколь вы у матушки!
А я горькая, горемычная,
Я уже открасовалася;
Отшутила с вами я
Все шутки шутливые.

179.

По морю корабль плывет,
По круту бережку каретушка,
Во кораблику Иванушка плывет,
Во каретушке Дарьюшка едет.
Как Иван-то Богу молится,
Всем святым обрекается:
Сонеси корабль со каретушкой,
Сочини невесту с женихом,
Ивана с Дарьею!
По морю корабль плывет,
По круту бережку каретушка,
Во кораблику Иванушка плывет,
Во каретушке Дарьюшка едет.
Как Дарья-то Богу молится,
Всем святым обрекается:
Разлучи корабль со каретушкой,
Разнеси жениха со невестой,
Ивана-то с Дарьею!

180.

Ты, сосна ль мо, сосенушка!
Много ль у тебя отросточков?
Только нету одной маковки.
Есть ли у Дарьюшки род племень?
Только нету одной матушки.
Благословить меня есть кому,
А снарядить меня некому.
Благословляет-то родной батюшка,
А снаряжают-то все чужи люди,
Чужи люди, незнакомые.
Как чужой отец мне не батюшка,
А чужая-то мать мне не матушка,
А деверья-то мне не родные братцы,
А золовушки-то мне не родные сестрицы!

Как свекор-то журит, бранит,
А свекровь-то велит побить.

181.

Уж, как широко Волга река разливалася,
Уж, как далеко камка бурская по мосту
расстилалася;
Уж, как Волгу-то реку проезжал
Иван сударь на вороном коне,
Уж, как переехавши Волгу Петрович,
С ворона коня долой слазивал,
Вел ворона коня под уздечку шитую,
Что по той ли по камке бурский
Прямо к терему высокому,
Прямо к Марьюшке Ивановной.
Во том ли во тереме высоком,
Во том ли тереме княженецком,
Свет Марья Ивановна снаряжалася,
Снаряжалася, сама горько плакала:
Уж, как будет-то жить во чужих людях?
Уж, как будет-то звать свекра батюшкою?
Уж, как будет-то звать свекровь матушкою?
Уж и мне звать его батюшкою не хочется,
Уж и мне звать ее матушкою не хочется,
Во чужих людях так не водится.
Чужи люди все спесивы, ломливы;
Что ломливы, неприветливы.
Уж, убавлю я спеси, гордости,
Уж, прибавлю я ума-разума,
Буду звать: свекор-батюшка,
Буду звать: свекровь-матушка.

182.

Как у Ефима на дворе,
У Гавриловича на широком,

Вырастала зелена трава,
Трава шелковая;
Как по той-то, по траве
Расцветали цветы,
Цветы лазоревые;
Как по той, по траве
Разосланы были ковры,
Ковры золотые,
Края вышитые;
Как по тем ли, по коврам
Тут шла, тут прошла
Свет Машенька, душа;
В руках она несла
Воска ярого свечу,
Несучи, слово молвила:
Ты гори, моя свеча,
Воска ярого свеча,
Против солнечна луча!
Уж, не быть тебе, свеча,
Против солнечна луча!
Уж, не быть тебе, свекру,
Против батюшки родного!
Уж, не быть тебе, свекрови,
Против матушки родной!
Уж, не быть тебе, деверю,
Против братца родимого!
Уж, не быть тебе, золовке,
Против сестрицы родимой!

183.

Светел месяц – родимый батюшка,
Красно солнышко – родная матушка!
Мне не надобно ни золота, ни серебра,
Прошу вашего честного благословения.

III. ПЕСНИ ШУТОЧНЫЕ

184.

Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
Как на дружке кафтан багрецового сукна,
Как на дружке камзол
Золотой парчовый;
Как на дружке штаны
Черны бархатные;
Как на дружке чулки,
Белы шелковые;
Как на дружке башмаки
Черны замшевые;
Пряжки с искорками,
Вон повыскакали.
Он при тросточке стоит,
Прибодряся говорит;
На нем шляпа с пером
И перчатки с серебром;
Коли хочешь в рай,
Передайся нам?
Еще есть про тебя
У нас скляница вина,
И скляница вина,
И пива яндова,
Еще крынка молока
И конец пирога.

185.

На дружке-то кафтан
Весь по нитке сбиран;
Как на дружке-то кафтан
Со фальшивой бахромой;

Как на дружке-то штаны
После дяди сатаны;
Чулки вязаные,
И те краденые;
Башмачки хороши,
Лишь подошвы изошли;
Пряжки с искорками
Вон повыскакали;
На дружке-то шляпенка,
После сватушки чертенка.
Он по горнице прошел,
Трои желуди нашел;
На полати-то взглянул,
Трои лапти стянул.
На поварне живал,
И он ложки мывал,
Помои пивал,
Мочалки сосал.
Посадим тебя за стол,
Пришибем тебя пестом,
На закусочку
Колотушечку.
Скажем по воду пошел,
Скажем под лед ушел.
Друженька по горенке похаживает,
Частехонько поговаривает:
Уж куда я, братцы, хорош,
На лиху болесть похож!
Рожа пряслицею,
Глаза скляницею.
Да и нос крючком,
Голова пестом.
Дружка вороты рублем отпирает,
Колом запирает;
Дружку по денежкам принимают,

А дубиной провожают.
Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!

186.

Свашенька хорошенька!
Свашенька пригоженька!
Как на свахе, свахе
Не сам чепец пляшет,
Вши его поднимают,
А гниды толкают.
Сваха на свадьбу спешила,
На мутовке рубаху сушила.
Ехала свашенька из города,
Свесила ноженьки из короба.
Увидели свашеньку два щеголя,
Приударили свашеньку в два шелепа;
Свашенька испугалася,
На дохлу курицу кидалася.
Стучит, гремит на улице,
Едет сваха на курице;
Пестом она погоняет,
На свадьбу поспешает.
Уж, как друженько-то Захар
Гонит ее сзади на базар,
Продать хотя не из рожи,
А пусть хоть бы из кожи.
Да не один мясник божится,
Что и шкура не годится;
Один только Мартын,
Давал с курицей алтын.
Уж, как друженько осердился,
К Москве реке торопился,
Сваху за ворот схватил,
К шее камень прицепил,

Головой пускает в воду.
Как навстречу им татары
Гонят стадо тараканов.
Дружко сваху променял,
Пару тараканов взял.
Ее садят в коробок,
Ведут в Казань городок,
Соломою ее кормят,
Вместо пива щелоком поят.
Свашенька с Волги уходила,
На коробе на свадьбу прикатила.
Свашенька хорошенька!
Свашенька пригоженька!

187.

Подари нас умненький,
Подари хорошенький,
Не рублем, не полтиною,
А простою нас гривною!
Буде станешь дарить,
То дари – поскорее;
А не станешь дарить,
То мы станем корить,
И в глаза говорить:
У Агапа кудри,
У Данилыча черны,
На четыре грани,
Черти его драли,
Маленьки чертеняты
Туда же волочили.
Агафон, господин, не скупися, не скупися,
С золотой гривной расступися, расступися!
Тебе тем казны не скопити, не скопити!
Василисе башмаков не купити, не купити!
К обедне пойдет в них – замарает, замарает,
От обедни пойдет в них – растеряет, растеряет.

188.

Ты жених, господин, удивися, удивися!
Под тобой ковры золотые, золотые,
Под коврами ларцы кованые, кованые,
В ларцах казна несметна, несметна,
Золотые тебе на свадьбу, на свадьбу,
А серебряные-то девицам, девицам,
А копейки твои – в богодельню, в богодельню.

189.

Во тереме гусли лежали,
Ай некому во гусли играти,
Еще Петра дома не случилося,
Захарьевича дома не случилося,
У ласкова тестя пирует,
У ласковой тещи столует.
А теща-то зятя провожала,
Среди двора зятю наказала:
Ах, зять ты мой, зять любезный!
Ты пей, зять, вино не допьяна,
А сладкого меду не досыта,
Ты садись на коня, не шатайся,
Поедешь домой, не валяйся,
Над Аннушкою не ломайся;
Ведь, Аннушка дитя молодое,
Ивановна не устарок,
Обычья твоего на знает,
Ко нраву твоему не привыкла,
Разувать, раздевать не обыкла,
В уста целовати не достанет,
На лавочку станет, так достанет.

190.

Во саду не лук ли?
А дружка у нас не глух ли?

Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
Во саду не чеснок ли?
А дружка у нас не без ног ли?
Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
На дворе не снег ли?
А дружка у нас не слеп ли?
Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
Сказали про дружка: богат он!
Сказали про него: тороват он!
Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
Будто с гривны на гривну ступает,
Рублем вороты запирает.
Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
Да, что ж его за богатство?
Он с щепки на щепку ступает.
Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
Он со щепки на щепку ступает,
Колом ворота запирает.
Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
Поехал дружка воевати
Вокруг печи на лопате,
Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
Со лютыми со зверями,
С тараканами, со сверчками,
Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
Пять лет он воевал,
Ни одного не поймал;

Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
На шестом году блоху он убил,
И ту чуть-чуть не упустил.
Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!

191.

Пойдем-ка мы по ряду,
По всей частной беседе,
Дойдем-ка до умного,
До разумного до сватушки,
До Петра Даниловича.
Он охоч по пирам ходить,
Он охоч и песен слушать,
Да горазд ведь и девиц дарить.
Не рублем дари, а полтиною,
Золотой своею гривною,
Из гривны по три денежки,
На девицу по копеечке.

192.

Слышишь ли, чуешь ли?
Петр, свет Данилович?
Мы тебе песню поем,
Тебе мы честь воздаем.
Как белый сыр на блюде лежит,
Что сахарный кус на тарелочке,
Как маков цвет в огороде стоит,
То сватушка наш за столом сидит.

193.

Ты, сватушка, дари,
Расхорошенький, дари!

Станешь нас дарить,
Не будем тя бранить.
Как Петра-то жена
На девичник сряжала,
В плат полтину завязала,
Отпущаючи, приговаривала:
Ты поедешь, друг, на свадьбу,
Там тебе девицы красные
Станут песни правити,
Тебя, моего друга, величати.
Ты дари их, не скупися,
Золотой казной расступися,
Ворона коня тебе не купити,
По гостям тебе не гостити.
Ты, сватушка, догадайся,
Расхорошенький, смекни!
Распахни шубу овчину,
Доставай мошну сафьяну,
Вымай-то гривну золотую,
Из гривны по три денежки,
На девицу по копеечке.

194.

Спасибо тебе, сватушка, на дару твоем!
Уж, твой ковшик мы весь выпили,
Золотую гривну выныли;
То нам на белые белилы,
То нам на красные румяны.

195.

Чтобы те свату по миру ходить,
По миру ходить, силу волочить!
Уж, как сват по бережку похаживает,
В чисту реченьку поглядывает,

Да ведь сам себя похваливает:
Уж, и как же я хорош!
Уж, и как же я пригож!
Сам-то шестом, голова пестом,
Рожа пряслицею, глаза раковицею.

196.

Ты, сватушка, ненаеда, догадайся,
Ко дворам скорей подымайся.
Уж, как сват-то ненаед
Съел корову да быка,
Наседку с цыплятами;
Как у свата-то косые глаза
По полицам все глядят,
Они каши знать хотят,
Каши масляной, ложки крашеной.

197.

Александр, не гляди под стол;
У нас нет маслов.
Хоть и были маслы,
Да кошки унесли,
Да кобели пестры,
Да все твои сестры.

198.

Как свашенька молвит:
Невмоготу сидети
Под большим нарядом!
Золотой кокошник
Головушку ломит,
К сырой земле клонит;
Алмазны серьги
Мне уши оттянули;

Бурмитский жемчуг
Мне шею понатер;
Соболиная шубка
Мне плечи обдавила.

IV. ПЕСНИ СЕМЕЙНЫЕ

199.

По городу, по городу звоны пошли,
По терему, по терему дары понесли.
Дарила дары, дарила дары душа девица.
Прими, сударь, дары, прими, сударь, дары,
добрый молодец!
На мои дары, на мои дары не погневайся;
Мои-то дары, мои-то дары непасеные,
Моя-то свадьба, моя-то свадьба незнаемая.

200.

Кони вы мои, кони,
Кони вороные,
Сослужите мне службу,
Сослужите мне верную:
Завтра по рану привезите ко мне,
Завтра по утру примчите ко мне
Мою суженую, мою ряженую,
Ту ли душу, красну девицу,
Анисью Львовну;
Как у нас дело-то сделано,
Как у нас ли помолвлено,
Помолвлено, на слове положено,
По рукам у нас ударено
Со отцом и матерью:
Быть сговору девичьему,

Завтра к суду Божьему ехати,
Под златым венцом стояти.

201.

Соколы мои, соколы,
Соколы мои залетные!
Вы где же летали?
И мы летали, летали
С города на город,
Летали с поля на поле.
И вы что же там видели?
И мы видели, видели
Серу утицу на море.
Для чего ж вы ее не взяли?
Хоть мы ее и не взяли,
Крылья, перья повыщипали.
Иван, господин, выходил на ново крыльцо,
Он бояр, господ всех спрашивал:
И вы где бояре ездили?
И мы ездили, ездили
С городу на город.
И вы что же там видели?
И мы видели, видели
Красну девицу в терему,
Свет Настасью душу,
Настасью Петровну.
Для чего же вы ее не взяли?
Хоть мы ее и не взяли,
К Воскресенью примолвили.

202.

Катился месяц ясный
По лазоревому небу,
Кидал лучи светлые
На реки на быстрые, глубокие.

Ходил Иван, господин,
Иван, сударь, Петрович,
В зеленом саду по заре,
Взводил очи ясные,
На кусточки частые,
На цветочки алые,
На цветики лазоревые.
Уж, не долго мне вас растити,
Уж, не долго вас лелеяти,
По зорям поливати.
Как приедет моя суженая,
Как приедет моя ряженая.
Акулина душа Трифоновна,
Уж, мне ли будет не до вас,
Не до вас, а до молодой жены.

203.

Уж, пойду ли я к тестю в дом,
Уж, пойду ли я к теще ласковой
Возьму мою суженую,
Возьму мою ряженую,
Душу Машеньку,
Машеньку, свет Ефимовну,
Возьму за белы руки,
За белы руки, за румяные,
Посажу за дубовый стол,
Посажу я возле себя;
Поцелую, поцелую Машеньку,
Поцелую душу Ефимовну,
Назову ее душой своей,
Душой своей и радостью.

204.

Ты, Иван, сударь, Петрович,
Ты у меня уродился хорош-пригож,

Досужлив, вежлив и талантлив,
А как ко теще в дом придешь,
Сперва Богу помолись,
Тестю низехонько поклонись,
Чтоб был ни свиреп, ни угрюм;
А как ко теще в терем войдешь,
Помолись Богу лучше того,
Теще поклонись ниже того,
Чтобы была ни спесива, ни горда,
Чтобы была добра да ласкова,
Не нудила бы твою суженую,
Не грустила бы, не слезила бы
Марьюшка, душа Ивановна;
Уж, она ли у батюшки на неге выроста;
Уж, она ли у матушки
Слезинки не выронила.
А как к суженой пойдешь,
Берись за белы руки,
Поздоровайся, повидайся,
Справь поклоны от отца и матери,
Сажай за собой за дубовый стол,
Ты тешь ее орешками, пряничками;
А как сядешь за красный стол,
Вели честной свашеньке
Подавать красным девушкам
Гостинцы, яства сахарные,
Чтобы они тебя величали,
Твою суженую возвышали.

205.

Как ходил Иван, господин,
Расхаживал, сударь, Петрович,
У себя ли во светличке,
Во светличке новой, изукрашенной,
Вынимал из кована ларца,
Из кована, из дубового,

Дары, подарки дорогие:
Тестю-батюшке сукно,
Сукно багрецовое,
Теще-матушке парчу,
Парчу золоченую,
Свету шурину кафтан,
Кафтан ала бархата,
Дорогой своячине ленточку,
Ленточку союзную,
Душе ли своей суженой,
Свету ли своей ряженой,
Марье Ивановне
Золот перстень со алмазами,
Со алмазами и со яхонтами.
Ты носи, моя душенька,
Что на правой ли на рученьке,
Что на белом ли на мизинчике.

206.

Как у Ефима ли во светличке,
У Гавриловича во светлой,
Пред святым образом,
Загоралися свечи,
Воска ярого свечи,
Загоралися светлехонько,
Засветилися яркохонько.
Что возговорит Ефим, господин,
Ефим, сударь, Гаврилович:
Ты, дитя ли мое, дитятко,
Ты, дитя ли мое, милое,
Машенька, душа Ефимовна!
Подойди к святому образу,
Поклонись трижды до земли,
Помолися поприлежнее;
Чтобы дал Бог тебе суженого:
Ласкового, приветливого,

Любовного, советливого,
Чтобы год шел за неделюшку,
Неделюшка за денечек шла.

207.

Как у Ефима на дворе
Вырастало деревцо кипарисное,
На то ли деревцо соколам был слет,
Под то ли деревцо боярам был съезд.
Они думу думали,
Думушку крепкую:
Уж, как нам взойти
Ко Ефиму на двор,
Ко Гавриловичу на широк?
Уж, как бы нам взять
У Ефима дитя,
У Гавриловича милое?
Где ни взялся смелый
Иван, господин,
Иван, сударь, Иванович.
Сем-ко я войду,
Сем-ко я возьму
У Ефима-то дитя,
У Гавриловича милое.
А и слышал то его батюшка,
А и слышала то его матушка.
Ты, дитя наше милое!
Мы всем поездом поедем,
Мы с честным делом взъедем,
Помолясь, взойдем,
Поклоняясь, возьмем.

208.

Как Ивана матушка
В Воскресенье породила

Во соборные во заутрени;
На роду она слово молвила:
Ой ты будь, мое дитятко,
Ой ты будь, мое милое,
И талантливо и счастливо,
Ко добрым людям приветливо!
Как задумаешь жениться,
Как приедешь ты к тестю на двор,
Ты отдай коня конюху,
Чтобы свел на конюшенный двор,
Накормил бы пшеницею,
Напоил бы сытицею;
Как взойдешь на ново крыльцо,
Не клади плеточку,
Ты повесь ее на стопочку;
Как взойдешь во новы сени,
Не клади просто шляпоньку,
Ты отдай ее друженьке;
Как взойдешь во светлу светличку,
Ты низко тестю кланяйся,
Ты ниже того тещеньке;
Как взойдешь ли во высок терем
К красным девушкам,
Узнавай твою суженую:
Твоя суженая наряженная,
На ней платье всех цветней.

209.

Ты белая моя, соседушка,
Голубушка Настасья Ивановна!
Оставляешь ты меня, горькобедную
На чужой дальней сторонушке;
Поклонися ты, моя голубушка,
Родимому моему батюшке,
Поклонись ты, моя соседушка,

Родимой-то моей матушке.
Иван, сударь, Васильевич!
Не покинь меня, горькобедную,
На чужой дальней сторонушке.

210.

Ты послушай, голубушка,
Ты, умная, догадайся,
Как отца с матерью
Во чести содержать,
Как добра мужа почитать!
Уж, я ль тебя буду:
Сытно кормить,
Сытно кормить,
Сытой поить,
К отцу к матери пускать,
В обновы одевать,
Чужим людям хвалить.
И ты, голубушка,
Раздевайся запросто,
Живи во новой семье,
Как в своей родне.
Ты кланяйся батюшке,
Ты поклонись матушке,
Ты поклонись всей родне.

V. ПЕСНИ ОБРЯДНЫЕ

211. *На подарки новой родне*

Гусли мои, гусельцы,
А где гусли были?
У Хавроньи во тереме.
Что Хавронья делает?

Плачет, возрыдает,
К ларцу припадает:
Ты, ларчик мой, ларчик,
Кованый, приданный!
Не год я копила,
Пришла пора, время;
Я в час раздарила:
Я свекру сорочку,
Свекрови другую,
Деверьям платочки,
Золовкам веночки;
Красуйтесь, золовки,
Красуйтесь, голубки!
Как я красовалась,
Косой похвалялась.
Гусли мои, гусельцы!

212. *На покупку косы у невесты перед поездом*

Не трубушка трубила рано на заре,
Свет девица плакала по русой косе:
Вечор мою косыньку перевили,
И жемчугом косыньку унизали,
Как Бог суди, Ивана Назаровича
Прислал ко мне сваху немилостиву,
Учала мою косыньку рвать, порывати,
И золото с косыньки обрывати,
И жемчуг с русые рассыпати.

213. *При приезде свахи к поезду*

Я не знала, не ведала,
Ко мне сваха приехала:
Сваха гордая, спесивая,
Молодая, ломливая;
Она ступит, не ступит,

Да хотя она ступила
По атласу, по бархату,
По аксамиту на золоте,
Она молвила, не молвила,
Да хотя она молвила
Со княжною, с боярыней,
С Анною Фаддеевной:
Одевайся ты, умная,
Снаряжайся разумная!
Не спеши, сваха гордая!
Мне куда снаряжатися
От родимого батюшки,
От родимой матушки?

214. *При отпуске невесты к венцу*

Матушка, что во поле пыльно?
Сударыня, что во поле пыльно? –
Дитятко, кони разыгрались,
Свет мое милое, кони разыгрались.
Матушка, на двор гости едут?
Сударыня, на двор гости едут? –
Дитятко, не бойся, не выдам,
Свет мое милое, не бойся, не выдам.
Матушка, на крылечко гости идут?
Сударыня, на крылечко гости идут? –
Дитятко, не бойся, не выдам,
Свет мое милое, не бойся, не выдам.
Матушка, в нову горницу идут?
Сударыня, в нову горницу идут? –
Дитятко, не бойся, не выдам,
Свет мое милое, не бойся, не выдам.
Матушка, за дубовый стол садятся?
Сударыня, за дубовый стол садятся? –
Дитятко, не бойся, не выдам,
Свет мое милое, не бойся, не выдам.

Матушка, образ со стены снимают?
Сударыня, образ со стены снимают? –
Дитятко, не бойся, не выдам,
Свет мое милое, не бойся, не выдам.
Матушка, меня благословляют?
Сударыня, меня благословляют? –
Дитятко, Господь Бог с тобою,
Свет мое милое, Господь Бог с тобою!

215. *При отпуске приданого*

Разлилась, разлелеялась
По лугам вода вешняя,
Вода вешняя, речная.
У Ивана Михайловича,
Ах, беда учинилася:
Как без ветра, без вихоря
Ворота растворилися,
Три кораблика уплыли:
Как первый корабль с золотом,
А другой с чистым серебром,
А третий с красной девицей.
Как не жаль-то мне ни золота,
Мне ни чистого серебра,
Да что жаль-то мне девицы,
Свет Надежды Ивановны,
Моей дочери родные.
У Ивана Васильевича,
Да что за радость учинилася?
Что без ветра, без вихоря
Ворота растворилися,
Три кораблика прибыли:
Как первый корабль с золотом,
А другой с чистым серебром,
А третий с красной девицей.
Мне не дорого золото,

Мне не дорого чисто серебро,
Мне дорога девица,
Свет Надежда Ивановна,
Моя будущая невеста.

216. *При уборе к венцу*

На море утушка купалася,
На синем серая полоскалася,
Полоскавши утушка, встрепенулася,
Встрепенувши утушка, вышла на берег.
Вышедши утушка, да вскрикнула:
Как-то мне с синим морем расставатися?
Как-то мне с крутых берегов подниматися?
В тереме девушка умывалася,
В высоком красная снаряжалася,
Белыми белилами белилася,
Алыми румянами румянилася,
Черными сурмилами сурмилася,
Насурмивши, она заплакала:
Как-то мне с батюшкой расстатися,
С родной матушкой прощатися?

217. *При уборке приданого*

Яблочко в саду растет,
Наливное на веточке.
А кто ж у нас яблочко?
А кто ж у нас наливное?
Ой ляли, ляли,
Наливное яблочко!
Яблочко Катенька,
Ой свет Гавриловна.
Как за Катенькой батюшка
Дает приданого:
Гусака чубарого,

Да и гусыню серую,
Да и коня с конюшни,
Да и село с поместьями.
Государь ты, мой батюшка!
Как гусак еда моя,
Как гусыня краса моя,
Как конь гульба моя,
Оя ляли, ляли,
Село с поместьями!

218. *При заплетании косы у невесты*

Две реки сотекалися,
Две свахи соезжалися;
Думали думу над русой косой:
Как нам расплетать русу косу?
Как разложить косу надвое?
Вы постойте, свахи гордые,
Дайте мне посидеть у батюшки,
У родимой у матушки,
Дайте поучиться, как домом жить:
Домом жить – много ведать надобно.

219. *В жениховом доме при поезде за русою косою*

Кони вы мои, кони,
Кони вороные!
Сослужите мне службу,
Сослужите мне верную:
Завтра по рану привезите ко мне,
Завтра по утру примчите ко мне
Мою суженую, мою ряженую,
Ту ли душу, красну девицу,
Анисью Панкратьевну;
Как у нас дело-то сделано,
Как нас ли помолвлено,

Помолвлено, на слове положено,
По рукам у нас ударено
Со отцом и матерью:
Быть сговору девичьему,
Завтра к суду Божьему ехати,
Под златым венцом стояти.

220. *При поезде к свадьбе*

Подымалася непогодушка,
Что с Московской сторонушки,
Уносила лебедь белую,
Лебедь белую, черноногую,
Со желтых вод, со ключевых,
С тихих речек, со глубокиих.
От своих белых лебедушек,
Гнала, гнала лебедь белую,
Гнала, гнала черноногую,
Гнала в бурно море сине.
Сине море взволновалося,
Лебедь белая встосковалася.
Ой ты, буря непогодушка,
Унесла меня с моей сторонушки,
С желтых вод, со ключевых,
С тихих речек, со глубокиих,
От своих белых лебедушек!
Уж не жаль-то мне желтых вод, ключевых,
Уж не жаль-то мне тихих речек, глубокиих,
Уж не жаль-то мне белых лебедушек:
Жаль-то мне своей сторонушки,
Жаль-то мне своих белых перушков,
Белых перьев, белых крылышек!
Как из славной Тверской улицы
Подымалися князья, бояре все,
Соезжалися ко Иванову двору:
Вороты дубовые отворяются,

Входят гости на широкий двор;
Идут гости на ново крыльцо.
В терему ли видят девицу,
Во высоком видят красную,
Еленушку душу Ивановну.
Уж берут ли ее за белы руки,
Уж уводят ли от девушек,
Уж уводят ли от красных.
Как сажают душу Еленушку,
Еленушку свет Ивановну,
Что за тот ли за дубовый стол,
Что за те ли скатерти браные;
После увезли домой к себе,
К свекору, чужому батюшке,
К свекрови, чужой матушке,
К чужим сестрам, золовушкам,
К чужим братьям, деверьюшкам.
Свекор батюшка осержается,
Свекровь матушка разгневается,
Умные деверья вкос глядят,
Глупые золовушки съесть хотят.
Душа Еленушка встоскуется,
Свет Ивановна взгорюется,
В горючих слезах восплачется:
Ой, вы гости незнакомые!
Увезли меня от батюшки,
Увезли от родимого,
Увезли меня из терема,
Увезли из высокого,
Разлучили со девицами,
Со девицами ли красными,
Со моими ль подружками.
Уж, не жаль-то мне и терема,
Уж, не жаль-то мне высокого,
Уж, не жаль-то мне красных девушек:

Жаль-то мне родного батюшку,
А жалчей того русой косы,
Что моей ли девичьей красы.

221. *При передаче своей сестры*

Братец, постарайся,
Братец, поломайся!
Не продавай сестру
Ни за рубль, ни за золото.
Брату мила сестра,
А золото милей.
Братец, татарин,
Продал сестру за талер,
Русу косу за полтину!

222. *При провожании невесты из бани*

При девичьем было при вечере,
При Марьином-то девичнике,
Не трубушка трубила рано на заре,
То плакала Марьюшка по русой косе;
Свет моя косынька, русая коса!
Разовьют тебя, косыньку, на шесть доль,
Заплетут тебя, косыньку, на две косы.
Дотоль тя, косыньку, девушки плели,
Тепереча косыньку свахе уж плести;
Укруглят тя, косыньку, вокруг головы,
Повяжут по косыньке бабью красоту,
Бабья красота на печи в углу,
Девичья красота во поле, на лугу.

223. *Каравайная*

Каравай катается,
Каравай валяется,
Каравай на лопату сел,

Каравай на ножки встал,
Каравай гряды достал.
Уж, наш-то каравай
Для всей семьи годен,
Для всей семьи, чужой родни:
Чужому батюшке заесть,
Чужой матушке закушать,
Молодой княгине нашей,
Свет Марье Ефимовне,
Утречком прикушать,
Молодому-то князю нашему,
Свету Петру Петровичу
Сыто насыто наесться.

224. *При поезде к венчанью*

Родимо мое дитятко,
Иванушка, свет Петрович!
Как поедешь ты жениться-то,
Привезешь себе ты молоду жену,
Не покинь ты меня, бедну, горькую,
При старости и при хворости;
Не меняй меня, горемышную,
На свою молодую-то жену.

225. *При обувании к венцу*

Родимый ты мой, братец,
Куда ты меня обуваешь?
Куда ты меня снаряжаешь?
Обувает меня, снаряжает,
В чужу дальнюю сторонушку,
К чужому отцу с матерью,
К чужому роду племени.
Али я, была у вас не работницею?
Али я, была у вас не заботницею?

226. *При разрезывании каравая*

Свети, свети месяц
Нашему караваю;
Проглянь, проглянь солнце
Нашему караваю.
Вы, добрые люди, посмотрите,
Вы нашего каравая отведайте.
Вы, князь с княгиней, покушайте.

227. *После бани*

Спасибо тебе, родимый братец,
На дровцах сухих, перелетовых!
Спасибо тебе, родная невестушка,
На пару, на баньке,
На мягком на веничке!

228. *Пред венчанием к родным*

Родимый ты, мой батюшка!
Спалось ли тебе, мой родный? –
Не спалось мне во всю темну ночь,
Во всю ноченьку я думу думала.
Не темно стало на дворе уже,
Заря занимается,
Мои недруги-разлучники сбираются;
Разлучают меня с отцом, с матерью,
С моим родом-племенем.
Родимый ты, братец мой!
Ты поди-ка в темный лес,
Ты сруби, сруби березоньку,
Загради ты путь-дороженьку,
Чтобы моим недругам
Нельзя было ни пройти, ни проехати.
Ты поди-ка, моя подруженька!
Не прогневайся, моя любезная,
Что тебя я не встретила

Посреди пути-дороженьки,
Посреди двора широкого,
Супротив крыльца высокого,
Не по спеси, не по гордости,
За своим горем великим.
Вы не будете ко мне ходить,
Звать на улицу широкую;
Зарастет ваша дороженька
Травкой муравою,
Западут ваши слединочки
Белопуховым снежком.
Ты поди-ка, моя милая,
Аграфена Ивановна!
Я спрошу тебя, надеючи,
Ты скажи, меня жалеючи:
Как жить в чужих людях?

229. *Ответная невесте*

Ладушка наша милая,
Анна Ивановна!
Надо жить во чужих людях
Умеючи,
Разумеючи.
Чужи люди словно темный лес,
Словно туча грозная.
Без морозу сердце вызябнет,
Без беды глаза выхолят.
В чужих людях будь:
И покорна,
И пословна.

230. *При въезде поезда на двор*

Не полая вода на широкий двор
К моему батюшке взлелеяла;
Взлелеяли мои недруги,

Хотят они разлучить меня
С отцом, с матерью,
С родом, с племенем.
Встречай ты, мой батюшка,
Встречай ты, моя матушка,
Своих другов, моих недругов,
Недругов, разлучников;
Разлучат они меня
С отцом, с матерью,
С родом, с племенем.

231. *При заплетании косы*

Свет ты, моя коса русая!
Свет ты, мой шелковый косник!
Плети ты, моя невестушка,
Плети косу мелко-намелко,
Вяжи узлы крепко-накрепко!

232. *Пред отъездом поезда*

Не было ветру, да повянуло,
Не было гостей, да наехало
Полон двор золотых карет,
И бояр и князей.
Вышугали, выпугали
Соловья из саду зеленого.
Расплакались девицы,
Растужилися красные;
О своем соловушке,
О красе девичьей.
Не плачьте, не тужите,
Поймают соловья в саду.

233. *Пред венчанием*

Матушка родимая моя,
Мать ты моя, государыня!

Князья, бояре на дворе. –
Не пугайся, дитятко,
Не пугайся, мое милое,
Не пущу их во высок терем.
Матушка, матушка,
Мать ты моя, родимая!
Князья бояре Богу молятся. –
Не пугайся, дитятко,
Не пугайся, мое милое,
У гостей так водится;
Не пущу их во высок терем.
Матушка, матушка,
Мать ты моя, родимая!
Князья, бояре за дубовый стол садятся. –
Не пугайся, дитятко,
Не пугайся, мое милое,
У гостей так водится;
Не пущу их во высок терем.
Матушка, матушка,
Мать ты моя, родимая!
Князья, бояре тебя зовут,
Зовут к себе, позывают.
Дитя ли, мое дитятко,
Дитя ли, мое милое,
Князья бояре не меня зовут,
Не меня зовут, позывают,
Не ко мне они приехали;
А тебя ли, мое дитятко,
А тебя ли, мое милое,
Зовут они, позывают,
К себе они кличут, выкликают;
К тебе они приехали,
Увезти тебя с собой хотят,
К твоему ли то суженому
К Ивану-то Петровичу.

234. *На распускание косы*

Ай, спасибо тебе, чарочка золоченая!
Ай, спасибо тебе, ковшичек серебряный!
И вы девицу красную употчивали;
Помогли мне распустить русу косу.

235. *От невесты своей матери*

Родима ты, моя матушка,
Поучи меня уму-разуму!
Как мне жить да быть на чужой стороне?
Ты, родимо мое дитятко!
Уж, живи, да привыкай-то ты
К чужой дальней сторонушке,
К чужому отцу, матери.

236. *От матери по отъезде ее дочери к венцу*

Прощай, родимо дитятко!
Поила было я, кормила тебя,
Лелеяла мою детятку,
Думала, чаяла, что будешь ты
При старости мне, при хворости,
На радость, да на сбереженье.
Оставила ты меня при старости,
Покинула ты меня при хворости,
Бросила ты меня, сироту одинокую.

237. *При заплетании косы*

Ты красота моя, красота,
Красота ль моя девичья,
Мне куда красу деть будет?
Мне куда положить будет?
Если в лес пущу – заблудится,
В зелен сад – загуляется;
Я возьму свою красоту

Во свои руки белые
Во перстни во злаченые,
Унесу во чисто поле
Во чисто поле на травушку,
Отошедши, послушаю,
Не тоскует ли руса коса,
Девичья красота?
Уж, как шли люди добрые,
Люди добрые, прохожие,
Мужички деревенские,
Подкосили эту травушку,
Увидали русу косу:
Еще чья эта красота
У бережи ношена,
Не у места положена?
Я возьму свою красоту
Во свое руки белые,
Понесу во высок терем
Я своей сестре милой
Наталье Ивановне.

238. *При обувании невесты братом*

Как по саду, по садику,
Что ходила тут, гуляла
Молодая боярыня,
Во руках она носила
Две серебряные тарелочки,
Подходила ко яблоньке.
Ах, ты, яблонька, яблонька,
Зелена и кудрявая
Наклонись-ко пониже мне,
Ко матушке ко сырой земле,
Я сорву с тебя два яблочка,
Положу на тарелочку,
Понесу во высок терем,

Во высок терем к милу братцу
Алексею Ивановичу.
Ах, ты, братец, голубчик мой,
Ясен сокол,
Ты прими-ко два яблочка,
Ты, приняв, раскушай-ко,
Пораскушивши, покушай-ко,
Моего горя послушай-ко,
Не оставь меня, милый брат,
На чуждой на сторонушке
У чужого отца, матери,
У чуждого роду племени.
Ты сестра, моя милая,
Ты носи платья, не снашивай,
Терпи горе, не сказывай.
Ай, ты, братец, голубчик мой,
Нося платье, сносится,
Потерпя горе, скажешься.

239. *При выдаче невесты*

Как вечор канарейка
Да громко щекотала,
Поутру ее рано
Не слыхать ее стало –
Щекотать перестала;
Знать, что к нашей канарейке
Соколы прилетали,
И с собой ее взяли.
Соколу в руки дали,
Молодому вручили.
Ты владей, владей, сокол –
Нашей канареечкой;
Не давай ее в обиду
Ты ни ласточкам ни касаточкам,
Ни молоденьким пташечкам.
Да вечор свет Наталья

Да громко говорила,
Поутру ли рано
Не слыхать ее стало,
Говорить перестала;
Знать, что к нашей Наташе
Да бояре приезжали
И с собой ее взяли,
Молодцу в руки дали,
Молодому вручили
Ты владей, владей, Александр,
Еще нашей Натальей,
Алексеевной душою.
Не давай ее в обиду
Ты ни свекру, ни свекрови
Ни деверьям, ни золовушкам;
Ты давай высыпаться ей
До девятого часу.

240. *При встрече поезда*

Как из трубки в трубку лилося
Из серебряной в золотую,
Вылетала из трубки голубка
И со сизым голубочком,
Со ясным соколочком,
Садилася голубка на окошко,
А голубь на другое,
Уж, как зачал голубь ворковати,
А голубушка щекотати
Всякими разными голосами,
Человечьими словесами.
Да свет Наташенька
По горенке ходила
Да ходила, да ходила, да ходила!
Во руках она жалобу носила,
Она к батюшке приносила.
Еще батюшко жалобу не принял,

К ретиву сердцу не прижал.
Наталюшка по горенке ходила,
Во руках она жалобу носила,
К Василью приносила,
К Алексеевичу приносила.
Как Василий-то жалобу принял,
К ретиву сердцу прижал.

Сравнения свадебных песен

ПЕСНИ МАЛОРУССКИЕ

Для сравнения малорусских песен с нашими русскими мы выписываем из книги: Малороссийские и червоно-русские народные думы и песни. Спб., 1836. С. 93.

1.

Теперь у нас да девич вечор,
Рано, рано да девич вечор, – хорошо изряжен,
Да не так изряжен, як обсажен:
У три стены каменные, четвертая золотая
А на той стене терем стоит,
А на теремочку маковочка,
А на маковочке ластовочка:
Да свила гнездечко с черного шовку,
Да вывела детки – однолетки, –
Перво детятко молодой Ивашек,
А друге детятко молода Марусенька.

2.

Слала зоря да месяца:
Ой месяцу, мой товарищу!

Не заходь ты, ранней мене,
И зайдемо обое разом
Освятимо небо и землю –
Срадуется зверь у поле, гость у дороге.
Слала Марусечка да до Ивасечка,
Ой Ивасе! Мой суженый,
На седай на посаду раний мене,
Обсадимо обое разом:
Севелимо два двора разом,
Ой первый двор, батька твого,
А другий двор, батька мого.

3.

Пливе утонька, без утиняты,
На море ночевати,
А проти ей сизый селезень,
С черными косицами:
Ой постой, утко!
Да не пливи, утко,
Щос тобе за весть скажу:
Був я ни ставку,
Чув я славоньку –
И про тебе, сира утонько!
Да плетут сетки
Да на твои детки –
И на тебе, сира утонько!
Да нехай же плетут
И приплетуют:
Я ж того не боюся,
Я на дно порну,
И сети порву,
И деточек повыпускаю.
Идут дружечки
У два рядочка,
А Марусечка посереду;

Протии ней молодый Ивасечко,
С своими боярами:
Ой постой, постой, Марусечко!
Щос тобе за весть скажу:
Був я на месте
Чув же я вести –
И про тебе молода Марусечко!
Да не купуют чепцы
И кибалочки,
Да на твою головочку.
Да нехай купают
Да нехай торгуют:
Я ж того не боюся
Я у неделеньку, да у вечере
Я у тее, приберуся.

4.

Выйди, матенько, огляди,
Що тебе бояре привезли:
Да привезли скрыню и перину,
И молодую княгиню.

5.

Ой кони, наши вороны!
Чи чуете на силу?
Чи свезете княгиню
Да на тую гороньку крутую,
Да у тую светлоньку новую,
А у той светлоньце мед, вино пьют:
Да вже ж нашу Марусеньку давно ждут.

6.

Мати Марусеньку родила,
Мисяцем обгородила,

Солнечком подперезала,
Да свекорка выпроважала.

7.

Да сказали: Марусенька не пряха
А чи матинька не ткаха,
Аж вона раненько вставала,
Тонкий рушники напряла,
У тихого Дуная белила,
Молодых бояр дарила.

8.

Засвети, Боже, из раю,
Нашему караваю:
Шоб було виднесенько,
Краяти дронесенько.

9.

Пойду я до Дунаю,
Стану, подумаю:
Да чи мине до воду брати,
А чи мине каравай брати?

10.

Старша дружечко,
Подивися у окошечка:
Чи высоко солнечко на небе,
Чи богато бояр на дворе?
Богато, не богато, тилько всех
Красчий Ивашек ото всех.
Ой вы бояре! Ясныи соколоньки,
Чом же вы до нас не рано приехали?
Чи вы бояре коников добували,
Чи вы бояре жупанов позычали?

Ой вы дружечки, сизые голубочки!
У нас коники поседлани стояли
У нас жупаны побраны лежали,
То у Ивасечка, ласковый пан отченько,
Забарив нас ласковыми словами
Наповав нас сладкими медами,
Проохав нас прозьбою и грозьбою,
Щоб мы привезли Марусеньку с собою.

ПЕСНИ ЧЕРВОНОРУССКИЕ, или ГАЛИЦИЙСКИЕ

Для сравнения червонорусских песен с нашими русскими мы выписываем из песенника Вацлава Олешки.

1.

Вода луги позаливала,
Дороги позабирала,
Никуда переихати
Федуневи ни заручени!
Его тестонько любит,
Ему мостоньки мостит
С камня дорогого,
С перстня золотого.
Вода луги позаливала,
Дороги позабирала,
Никуда переихати
Федуневи на заручени!
Его тещенька любит,
Ему мостоньки мостит
С камня дорогого
С перстня золотого.
Вода луги позаливала,
Дороги позабирала,
Никуда переихати

Федуневи на заручени!
Его дивонька любит,
Ему мостоньки мостит
С камня дорогого,
С перстня золотого.
Вода луги позаливала,
Дороги позабирала,
Никуда переихати
Федуневи на заручени!
Его сватонька любит,
Ему мостоньки мостит
С камня дорого,
С перстня золотого.
Вода луги позаливала,
Дороги позабирала,
Никуда переихати
Федуневи на заручени!
Его родонько любит,
Ему мостоньки мостит
С камня дорогого,
С перстня золотого.

2.

Чорная галенько, чорненька,
Деж бо ты сокола завела?
Ой нигде я его не вела
Сам за мной летев,
За моим летаньем тихиньким,
И пероньком чорненьким.
Красная Марусенько, красна,
Деж бо ты Ивасенька завела?
Нигде же я его не вела,
Сам вон за мною приехав,
За моим ходоньком дробненьким,
За моим личеньком беленьким.

3.

Караваеве тесто
Не смесилося в место,
Но ся взлезло на рынок,
Зацвело як калинок.
Ой годе, годе, пшенице,
Семь лет в стозе стояти,
Час из тебе каравай опхати;
Ой сбере Петруненько
То ся тый крусныв удав:
Подошва ему железна,
Обручи ему сребные
А на вершочку жовтый цвет:
Славный наш каравай на весь свет!

4.

Поехав староста на ловы
В темныи лесы, дубровы
Там его дробный дощ нагонив,
Лысыи шубоньки помочив.
Аж ся староста сдумав
Учила тое свашенька:
Не журися старостоньку
Я твои суконьки посушу,
Я твое личенько прекрашу.

5.

Розточено, поволочено по сенях,
Розстелено ленны скатерти по столу.
Куда ми ишла красна Марусенька на посаг,
Пытается, доведается вот батенька,
А вот кого, мой батеньку посаг став?
Бош Бога, бож добрых людей, детятко,

Посягует сам Господь Бог с ангелами,
Посягует тя, мое детятко, с другами.

6.

Благослови Боже и ты родный батеньку!
Деж твой, Марусеньку, старший брат,
Що твои косы розлетав?
Де твои выплетки, подевав?
Чи на тихий Дунай попускав,
Чи молодшой сестриньце даровав?
Де твои, Марусенько, ковали
Що твою кососенку ковали?
Та нехай прийдут, розкуют,
Все собе сребро, золото заберут.

7.

Ой татар, братчик татар,
Продав сестру за таляр,
Русу косу за шостак,
Румяно личико таки так!

8.

А не вей ветре в дозы,
Повей по дороге,
Розвей русу косу,
По червоним поясу!

9.

Ивасева мати двери подхиляла
И с зорою розмавляла:
Ой зоре моя, зоре, зоренько вечерняя!
Тожес ми присветила:
До дому мытницю,
До поля работницю,
До коморы ключницю.

10.

Наехали гостеньки
Из чужой стороненьки,
Взяли си подпивати
Иди, Марусеньку,
В нашу стороненьку;
В стороне на тыи
Гороньки золотыи,
Травоньки шовковыи
Реченьки медовыи.
Прилетела зазуленька
Села си в оконочку.
Той стала ковати,
Всим правду казати:
Свет же я облетала.
А того не видала:
Всгода горы земляныи,
Травоньки зеленыи,
Реченьки водяныи.

ПЕСНИ СЛОВАЦКИЕ

Для сравнения словацких песен с нашими русскими мы выписываем из песенника Яна Колдара: Narodnié spiewanky cili pjsne swetske Slowaku w uhrach. W Budine, 1834.

1.

Тече вода, тече вода, тече мутна,
От чего же ты, моя мила смутна?
Ако я мам, ако я мам весела быть?
Строг же мой, строг мой суженой ненится.
Кед же строг, нех се строг, нех здрав буде.
О рок, о два, о рок, о три, обженюсь,
О рок, о два, о рок, о три, о десяти.

Предка меня он, предка меня може зяти,
Кед ни панну, кед ни панну а спон вдову,
Предка будем, предка будем его жену.

2.

Девка, девка в млодом цвете,
Нет ти пары в целом свете?
Кабы сам ти пару нашел,
Без теби бы сам зажил.
Девка, девка рад бы те взять,
Жени мала, нечу те дать;
Отечь би дал, а мать неда,
Же ей девка дома треба.
Мати, мати, дозволь девче,
Нех ми пода руку, сердце,
Нех ми пода руку, сердце,
Же не блидне мое лице.

3.

Засветило солнце на соседове доме,
Верю, уж не будешь девча-то долго в нем.

4.

Под Мураном в те долине
Сивий голубь воду Пие,
Бела роза процветала,
Матка дочерь заплетала.
Не плети же матка туго,
Уж не будет ваша длуго,
Могла бишь плесть слабже.
Чья будешь моя девка?
Сугакова шварна женка.
А как же его будешь звати?
Ангелочок мой, ришток злотый.

5.

Еще ся вас, мамушечка, спытать маю:
Чи я с вами еще дале бывать мою?
Же была дома дольше.
Ах, ни со мной, девка моя, ни со мной;
Кого себе выйволила, той с тобой.
А я сама себе выйволила с розы цвет,
Лепший же мой, наимилейший, есть той цвет.
Еще же вас, матечку, спытать маю:
Чи я с вами еще дале бывать мою?
Ах, ни со мной, дщерька моя, ни со мной;
Кого себе выйволила, той с тобой. –
А я сама себе выйволила сокола,
Завтра пойдем к нему бывать с костела.
Еще ся те, мой братричку, спытать маю:
Чи я с тобой еще дале бывать маю?
Ах, ни со мной, сестра моя, ни со мной;
Кого себе выйволила, той с тобой.
А я сама себе выйволила перличку,
Завтра мы с ним особаша братричку.
Еще же ся те, сестричку, спытать маю:
Чи я с тобой еще дале бывать маю?
Ах ни со мной, сестра моя, ни со мной;
Кого себе выйволила, той с тобой.
А я сама себе выйволила мужечка.
С Богом матка, отец, брат и сестричка!

6.

Двенадцать трубачей трубило,
Еще к тому двенадцать
Пашалаток шварных
Служило.
Трубите трубачи веселье!
Кому же мой венок

И златый перстенек
На столе?
Шла до каморы плакала,
Свой зеленый венок
И златый перстенек
Складала.

7.

Ей млада невеста пекнешь приправлена,
Вшеска твоя глава шварна оздобена?
Али ю не будешь уж долго носити,
В туго швилочку можешь ю сложити,
Ким си туто парту на главе носила,
Дотоль си слободне шла, ходила.
Але уж на парте штучки розвязуем,
А с Тим ти, панешке, свободу сбавуем.
Да, да долой с главы ту парту сложи,
Как и не смеешь класти век на свою главу,
А когда разплетем твои власы,
Будешь ся звать женой на будущи часы.

8.

Подьбе же уж подьте, дружечки мои,
Будет росплетать косыньку мою.
О милые мои, вы желты власы!
Уж ми их прикрые чепец белесый.

9.

Ах, уж сама сложила паненску озбоду,
А с тем скончала всяку ну свободу,
Здрава будь и порта и венок зеленый,
Уж век не имать при мне!
Добра ночь девчата, я вас одпитуем,
Уж днесь в последний раз стоим меж вами,

Завтра будем сидеть уж меж женами.
На мне и в манжелстве не запоминайте,
А една по другой те ж ся выдавайте!

10.

За нашими гумны луг широк,
Трава высока,
По ней ся проходи девка румяна,
Пекня Черьена.
Ах, мамичко, мамко, кому меня отдашь?
За кого меня выдашь?
Ах, дщеречко, сватаю за младова,
Отдам тебя за младова.
Ах, мамичко, мамко, то мне не в волю;
Главка моя болит!
Ах, дщеречко, дщерко, сватаю за старого,
Отдам за младово.
Ах, мамичко, мамко, то мне в волю!
Нет у меня боли!

СЕРБСКИЕ ПЕСНИ

Для сравнения сербских песен с нами русскими выписываем из песенника Вука Караджича.

1.

Ой и два свата и два упросника!
Ле, леля, ле!
Куда вы идете, что вы ищете?
Ле, леля, ле!
И мы идем, мы ищем девойки!
Ле, леля, ле!
У нас она есть не прошеная.

Ле, леля, ле!
Мы пришли за тем, просить ее!
Ле, леля, ле!
Вы за тем пришли, да мы не даем!
Ле, леля, ле!
Ой! Дадите же, будет нашею!
Ле, леля, ле!
Свекор придет ли, принесет сукна?
Ле, леля, ле!
И жених будет и кольцо будет,
Ле, леля, ле!
Деверь придет ли, принесет венец?
Ле, леля, ле!
Будет деверь, венец принесет.
Ле, леля, ле!

2.

Пора, Павле, пора, милый брате!
Пора тебе перстневать невесту,
Когда будешь у тещина двора,
Когда взвидишь лепоту – девочку,
Не гляди ей ни в венец, ни в серьги,
Не гляди ей на цветное платье,
Не гляди на шитые рукава.
Швец сделал ей цветно платье,
Рукава ей вышивала швея,
Кузнец сковал ей золот венец;
А смотри ей в лице и осанку.
С тем-то, брат, век вековать!

3.

Ой, орлови орлови!
Вы летаете высоко,
Вы летаете высоко,

Вы видите далеко,
Видите ль вы сватов?
Ведут ли нам сношеньку?
Тонка ль она, высока?
Бела ль она, румяна?
Не колышется ль на ней нов венец?
Не вьется ли над кумом червон бархат?
Здоровы ли под младоженем конь-зеленко?

4.

Росла яблонька пред двором Ранка,
Серебряный стебель, золотые ветви,
Золотые ветви, бисерные листья,
Бисерные листья, кораллово яблоко.
Летит стадо сизых голубей,
Садятся голубки, воркуют,
Воркуют, да бисер зоблют.
Один голубь не воркует, не зоблет,
Вопит его Ранкова мамка:
Лети дальше, сизой голубь,
Ту ли яблоньку садил Ранко,
Сам садил, сам поливал,
Чтоб под ней сидели сваты,
Сидели сваты, да вино пили.

5.

Золоты пушки загремели,
Лепу Мару со двора везут.
Лепа Мара, не жаль тебе матки? –
За что же бы мне было жаль матки?
У моего милова есть матка получше.
Лепа Мара, не жаль тебе отца? –
За что ж бы мне было жаль отца?
У моего милова есть отец получше.
Лепа Мара жаль тебе брата? –

За что ж бы мне было жаль брата?
У моего милова есть брат получше.
Лепа Мара, не жаль тебе сестры?
За что ж бы мне было жаль сестры?
У моего милова есть сестра получше.

6.

Отломилась ветка от бузины,
Лепа Смиля от своей матки,
От своей матки, от своего рода.
Воротись Смиля, зовет тебя матка,
Зовет матка и даст кошумо.
Было время, матка, прежде звати,
Прежде звати, кошумо давати,
Пока не отдала милому куму,
Милому куму и деверю,
Пока еще не было перстня на руке,
Перстня на руке, венца на главе.

7.

Не плачь же, душа девойка!
Пускай твоя матка плачет,
Вечно плачет, по тебе жалеет;
Как подружки пойдут за водою,
А лепой Розы на воде нет.
Нет Розы, не свежа вода!

8.

Как летит цветок с чиста поля,
Как падет цветок девойке на зелен венец,
На зелен венец, на русу косу.
Уж то не лист летит с чиста поля,
То бела марама невестина,
Бела марама, горемычная!

Называть мне своей чужу матку,
Забывать мне свою родиму матку!
Называть мне своим чужа брата,
Забывать мне братца родимого!

9.

Вьется облак по ясному небу,
Идет Ранко по белому двору,
Просит Ранко прощения у матки,
У своей матки, у своего отца.
Прости меня, мила матка,
Мила матка, бела церковь,
Дай прощенье, дай благословенье.
Уж я иду на чуже село,
Во чуже село, за чужой сестрой,
За чужой сестрой, за моей любой.

10.

Ах, соседка, наша другарица,
Другарица наша, неверница!
Не вечер ли нам закаялась:
Не пойду, соседки, ко чужому,
Не стану целовать чужу руку,
Не надену я чужого перстня!
А теперь ты идешь к чужому
И ты целуешь чужу руку,
Надеваешь чужой перстень.

11.

Выводи, брат, сестру на погляденье!
Я бы вывел, да мне ее жалко!
Жаль, не жаль, а выводить надо.
Выводи же, отдавай скорее,
Отдавай нам, ведь она уж наша.

12.

Млодожене, румяная роза!
Даем тебе стручок розмарина!
Коли свянет стручок розмарина,
Тебе стыдно, а нам грешно будет!
Поливай же стручок розмарина!
Чтоб не завянул стручок розмарина!

Варианты свадебных песен

Русские свадебные песни, собранные А. И. Кастериным от песельниц пошехонских.

1.

Вы цветики мои, цветики,
Голубы цветы лазоревы,
Много вас было посеяно,
Да не много уродилося.
Вы подружки, вы голубушки,
Много вас было во тереме,
Да не много оставалося;
У нас не было изменщицы
Свет души ль красны девицы.
Хавроньи Пелагеевны.
Ты сказала, что замуж нейдешь,
Ты сказала – не подумаешь;
Ты сказала – в монастырь пойдешь,
В монастырь пойдешь, во игуменьи,
А вас, девушки, с собой возьму:
Я любимую во ключницы,
Котору во ларечницы,
Сама буду игуменья;

А теперь сама замуж идешь.
Ты на что, душа, польстилася?
На удалого ль добра молодца
Сидора Пафнутьича?
На его ли лицо белое?
На его ли щеки румяные?
На его ли брови черные?

2.

Виноград в саду растет,
Виноград в зеленом растет,
А ягода, ягода поспевает;
Виноград, Иван господин,
Да Петрович сударь,
А ягода Марья душа,
Да Ефимовна!
Рыбушка, плотвитушка,
По воде рыба плывет, извивается,
Да мне молодой мало можется,
Батюшкина хлеба есть не хочется;
Батюшкин хлеб полынью пахнет,
Горькою горчицей отзывается.
Виноград в саду растет,
Виноград в зеленом растет,
А ягода, а ягода поспевает;
Виноград Иван господин,
Да Петрович сударь,
А ягода Марья душа,
Да Ефимовна!
Рыбушка, плотвитушка,
По воде рыба плывет, извивается,
Да мне молодой много можется
Да Иванова хлеба кушать хочется,
Его хлеб сахаром пахнет
И разными духами отзывается.

3.

Во Китае Крыме городе,
На ковре, на красном золоте,
Свет Петр чесал кудри,
Чесал кудри, приговаривал,
Сам с Сашенькой разговаривал:
Свет Сашенька, перевей кудри!
Захочу я, сударь, перевью,
Захочу, сударь, не перевью:
Еще я, сударь, не твоя –
Я Божья, сударь, да батюшкина,
Государыни матушки.
Во Китае Крыме городе,
На ковре, на красном золоте,
У стола, стола убранова,
Против зеркала хрустального,
Петр чесал кудри,
Чесал кудри приговаривал:
Ты, Сашенька, перевей кудри,
Ивановна, кудри русые!
Я теперь, сударь, перевью,
Я теперь, сударь, вся твоя.

4.

Из-за лесу, лесу темного,
Конь бежит, земля дрожит,
Под конем трава шумит,
На коне прибор гремит,
За конем стрела летит,
За стрелой добрый молодец идет;
Он идет, шляпой помахивает,
Во высок терем поглядывает,
Сам с Пашенькой разговаривает:
Ты, Поленька, перейми моего коня?
Захочу, сударь, перейму.

Из-за лесу, лесу темного,
Конь бежит, земля дрожит,
Под конем трава шумит,
На коне прибор гремит,
За конем стрела летит,
За стрелой добрый молодец идет,
Он идет, шляпой помахивает,
Во высок терем поглядывает,
Сам с Пашенькой разговаривает,
Осиповну уговаривает:
Поленька, перейми моего коня?
Я теперь тебя послушаю;
Перейму я коня вороного,
Захвачу за узду злаченую,
Подведу я к добру молодцу,
К Ивану сударь Петровичу.

5.

Матушка, что во поле пыльно?
Государыня моя, что во поле пыльно?
Дитятко, кони разыгрались.
Матушка, чьи же эти кони?
Дитятко, свет Алексеевы кони.
Матушка, каретушка едет?
Дитятко, ни к нам, ко соседу.
Матушка, на широкий двор выезжает?
Дитятко, не бойсь, не пугайся!
Матушка, к нам в горницу идут?
Матушка, меня благословляют?
Государыня моя, во каретушку сажают?
Дитятко садися, крестись!

6.

Стелется и вьется,
По лугам зеленеет,

Целует, милует,
Алексей жену целует,
Иванович милует,
Душечкой называет:
Душечка Онечка,
Сердце мое, Львовна душа!
Роди сына сокола:
Личиком во себя,
Умом, разумом во меня.
За услугу за твою,
Сарафан тебе сошью.

7.

Я кладу млада жалобу,
Не на батюшку, не на матушку,
Я кладу, млада, жалобу
Я на сваху на сводницу;
На нее подговорщицу,
Что ходила частешенько,
Говорила гладешенько,
Выхваляла чужу сторону:
Как чужая сторонушка,
Она сахаром посеяна,
Виноградом огорожена.
Не жила там я, не ведала,
Какова чужая сторонушка;
Она горем посеяна –
И кручиной огорожена;
У Петра широкий двор
Он стоит на семи шагах,
На семи с половиною,
Да и то воробьиных.
Зазову сваху в гости к себе,
Напою сваху допьяна,
Я столкну ее с лестницы.

Околеть бы тебе, свашенька,
Без кадила, без факела,
Без попа и без дьякона.

8.

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке беседушка,
Во беседе красна девица душа.
Приходил к ней батюшка,
Он и звал ее с собой домой:
Ты пойдем, Сашенька, домой,
Ты пойдем, Петровна, домой?
Я нейду, не слушаю;
Ночь темна и не месячна,
Реки быстры, перевозов нет,
Леса темны, караулов нет.
На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке беседушка,
Во беседе красна девица;
Приходил к ней Алексей, господин,
Ты пойдем, Аннушка, со мной,
Я иду, иду и слушаю,
Ночь светла и месячна,
Реки быстры, перевозы есть,
Леса темны, караулы есть.

9.

Сборы мои, сборики.
Сбирала подруг
За свой стол,
Сажала подруг высоко,
Сама садилась выше всех,
Клонила головушку ниже всех,

Думала думушку крепче всех.
Подружки мои, голубушки!
Придумайте мне, пригадайте:
Еще как идти в чужи люди?
Еще как назвать люта свекра?
Батюшкой назвать – не хочется,
Свекром назвать – осердится;
Убавлю спеси, гордости,
Прибавлю ума разума,
Назову свекра – батюшкой,
А свекровушку – матушкой.
Чей, чей зелен сад
Он стоит, поблекнувши?
Чья, чья молода вдова,
Да свет Дарья Семеновна?
Мой зелен сад,
Он стоит, поблекнувши,
Я, молода вдова,
Без друга, без милого.

10.

Александра душа дом строила,
С оградою со каменною,
С хрустальными воротичками,
Сама хвалилася:
Что не взять, не взять меня,
Не со стом, не с тысячами,
Не с столичным городом,
Не с храбрым войском.
Уж как ехал Василий князь,
Услыхал похвальбу эту.
Возьму я, возьму тебя
Без с стов, без тысячей,
Не столичным городом,
И без храбрых воинов.

11.

Как по двору, дворику,
Дворику широкому,
Ходил, гулял молодец –
Иван Алексеевич,
Повесил головушку,
На праву сторонушку.
Увидела матушка,
С высокого терема –
Дитя ль мое, дитятко,
Дитя ль мое, милое,
Что ходишь невесело,
Говоришь нерадостно?
Родимая матушка!
Задумал жениться.
Женись, женись, дитятко,
Женись, мое милое!
Возьми, возьми дитятко
С высокого терема,
Большую боярыню.
Родимая матушка,
Та мне не хозяюшка.
Как по двору, дворику,
Дворику широкому,
Ходил, гулял молодец –
Иван Алексеевич,
Повесил головушку,
На праву сторонушку.
Увидела матушка
С высокого терема –
Дитя ль мое, дитятко,
Дитя ль мое, милое,
Что ходишь невесело,
Говоришь нерадостно?
Родимая матушка,

Задумал жениться.
Женись, женись, дитятко,
Женись, мое милое!
Возьми, возьми, дитятко,
С высокого терема,
Дочь купца богатого.
Возьму, возьму матушка;
Эта мне, матушка,
В доме хозяюшка.

12.

Уж мать ты, моя матушка,
Уж ты мать, государыня!
Мне вечор мало спалося,
На заре приуспалося,
Мне великий сон виделся:
Будто у нас середи двора,
Середи двора баничка,
Что худым-то худешенька;
Она вся развалилася,
По бревну раскатилася.
Середи бани печища стоит,
На печище котелище лежит,
По полу ходит гусыня,
А по лавочкам ласточки,
По окошечкам голубки.
Ты дитя ль мое, дитятко,
Я тебе этот сон расскажу:
Что баня вся раскатилася,
То тебя, мое дитятко,
Увезут с широка двора;
Что на печище котелище лежит,
То лютой свекор батюшка;
Что по полу ходит гусыня,
То люта свекровь матушка;

Что по лавочкам ласточки,
То золовки голубушки;
Что в окошечках голубки,
То деверья ясны соколы.

13.

Как под яблонью кровать,
Ехи!
Под кудрявою тесова,
Ехи!
Кровать точеная,
Ехи!
Позолоченная.
Ехи!
На кровати перина,
Ехи!
Пуховая постлана,
Ехи!
На перине простыня,
Ехи!
Батистова постлана,
Ехи!
Три подушечки,
Ехи!
На перине молодец,
Ехи!
Да свет Петр, господин,
Ехи!
Алексеевич, сударь,
Ехи!
Уж как около его,
Ехи!
Слуги верные его,
Ехи!
Разувают, раздевают,

Ехи!
Спать укладывают.
Ехи!
Уж ты ляжь-ко, усни,
Ехи!
Да свет Петр, господин,
Ехи!
Алексеевич, сударь,
Ехи!
Скоро час тебе дошел,
Ехи!
Корабль с холстом.
Ехи!
Ох, вы братцы мои!
Ехи!
Уж как этого добра,
Ехи!
Много в доме у меня.
Ехи!
Как под яблонью кровать,
Ехи!
На кровати молодец,
Ехи!
Да свет Петр, господин,
Ехи!
Алексеевич, сударь.
Ехи!
Уж как около его,
Ехи!
Слуги верные его,
Ехи!
Разувают, раздевают,
Ехи!
Спать укладывают.
Ехи!
Уж ты ляжь-ко усни.

Ехи!
Да свет Петр, господин,
Ехи!
Алексеевич, сударь.
Ехи!
Скоро час тебе дошел,
Ехи!
Корабль с девушками пришел,
Ехи!
Ах теперь могу я встать,
Ехи!
И головушку поднять,
Ехи!
Скоро ноженьки бегут,
Ехи!
Белы рученьки берут.
Ехи!
Уж как этого добра,
Ехи!
Нету в доме у меня.

14.

Кто у нас хорош,
Люшеньки, люли!
По горнице ходит,
Люшеньки, люли!
Манежно ступает,
Люшеньки, люли!
Чулок не марает,
Люшеньки, люли!
Башмак не ломает,
Люшеньки, люли!
На широкий двор выходит,
Люшеньки, люли!
Ворона коня выводит,

Люшеньки, люли!
Он коня седлает,
Люшеньки, люли!
Конь-то с ним играет,
Люшеньки, люли!
На коня садится,
Люшеньки, люли!
Конь под ним бодрится,
Люшеньки, люли!
К лугам подъезжает,
Люшеньки, люли!
Луги зеленеют,
Люшеньки, люли!
К садам подъезжает,
Люшеньки, люли!
Цветы расцветают,
Люшеньки, люли!
К рекам подъезжает,
Люшеньки, люли!
Река разливается,
Люшеньки, люли!
К терему подъезжает,
Люшеньки, люли!
Красны девушки встречают,
Люшеньки, люли!
За белы руки принимают,
Люшеньки, люли!
За убраной стол сажают,
Люшеньки, люли!
Стакан водки наливают.
Люшеньки, люли!
Я не пью хмельного,
Люшеньки, люли!
Вина зеленого.
Люшеньки, люли!
Выпью ли не выпью,

Люшеньки, люли!
Для своего прихода,
Люшеньки, люли!
Стакан сладкого меда.

15.

Как по улицам, улицам,
По частым переулочкам,
Как ездил тут, разъезжал
Удалый, добрый молодец,
Свет Василий Алексеевич!
Загляделася девушка,
Засмотрелась невеста его,
Позабыла узорье шить,
Все узоры узорчатые,
И круги позолоченные.
Перепутала ниточки,
Приломала иголочки,
Притеряла булавочки.
Мне не жало бы ниточек,
И не жалко булавочек,
Только жаль добра молодца,
Свет Василья Алексеевича.

16.

Как по сеням, по сеничкам,
По частым переходичкам,
Что ходила, тут гуляла,
Молодая боярыня,
Свет Дарья Ивановна,
В руках она носила,
Да два яхонта,
Две алмазные запонки,
Несучи, приговаривала:
Ах, вы яхонты, яхонты

И алмазные запонки!
Полежите малешенько,
Поколь молодешенька,
Я взойду в нову горницу,
Из столовой в уборную,
Погляжу я в окошечко:
Уж как светел ли, светел месяц?
Что красно ль, красно солнышко?
Уж как весел ли, мой милый друг,
Николай Кузьмич?
Во честном пиру сидючи,
Он сидит, прохлаждается,
Сам женой похваляется:
У меня жена умная,
Молодая, разумная,
Без белил лицо белое,
Без румян щеки алые,
У ней речь лебединая,
А походка павлиная;
Она пройдет – утешит меня,
Слово молвит – обрадует.

17.

Как у месяца золоты рога,
А у солнышка лучи ясные,
У Ивана кудри русые,
У Алексеевича по плечам лежат,
По его плечам могучим,
Соезжалися князья и бояры,
Дивовалися на это дитя!
Еще чье это дитя милое?
Хорошо очень вспорожено,
Да не солнышко ли вспородило?
Не светел ли месяц, вспоил, вскормил?
Не частые ль звезды взлелеяли?

Возговорит дитя милое:
Уж вы, князья, бояре,
Вы разумные, люди добрые!
Вспородила меня родна матушка,
Вскормил, вспоил родной батюшка,
Возлелеяли мамки, нянюшки,
Завила кудри сестра милая.

18.

Над рекою было, над Иорданью,
Что стояло тут древо святое,
Что святое оно, кипарисное;
Как на этом древе, кипарисе,
Что сидела тут птица немалая,
И немала она, невелика,
Она славила славу большую:
Уж как быть-то Петру воеводой,
Алексеевичу воеводой!
Да носить ему шубу соболью,
А на шубе цепи золотые.
На цепях звери лютые,
У Петра слуги молодые.
Уж вы гой еси, верные слуги:
Вы пригряньте веслами поскорее,
Литва к городу приступает.
Уж как надо Литву порубити,
Честь, хвалу молодцу получити.

19.

Вдоль по речке, реке
Суденцо плывет,
Во судинце сидит
Удалой, добрый молодец,
Алексей Иванович;
По бережку идет молода боярыня,

Анисья Львовна душа,
Шибко, громко кричит,
Своим громким голосом:
Воротися, сокол,
Воротися, мой милый друг!
Я тебе радость скажу,
Я веселье великое:
Я тебе сына рожу,
Я тебе сына, ясна сокола.
То-то – радость моя,
То веселье великое!
Уж как сын-то у нас,
Сын-то хозяин во дому.
Вдоль по речке, реке,
Суденцо плывет,
Во суденце сидит
Удал, добрый молодец,
Алексей Иванович;
По бережку идет молодая боярыня,
Анисья Львовна душа,
Шибко, громко кричит
Своим громким голосом:
Воротися сокол,
Воротися мой милый друг!
Я тебе радость скажу,
Я веселье великое:
Я дочку рожу,
Дочь лебедь белую!
То-то радость моя,
То веселье великое!
Уж как дочь-то у нас
Хозяйка в дому.

20.

На море утушка купалася,
На море серая полоскалася.

В тереме девица мылася,
Белыми белилами белилася,
Алыми румянами румянилася,
Черными сурмилами брови сурмила.
Умывшись она, снарядившись она,
За стол села,
За столом девушка призадумалась,
Призадумавши, заплакала,
Во слезах слово промолвила:
Бог судья, родимому батюшке,
Молоду, зелену отдает меня!
Остается зеленой сад без меня,
Без меня, без милого дитя,
Остается два цветика без меня.
Встань, мой батюшка, раненько,
Полей два цветика маленько,
Свежею, ключевою водою,
А сверх того горючими слезами.

21.

Как у чарочки серебряной,
Золотой ее веночек,
Как у нашего у света,
У хозяина, дорогой его обычай,
Где ни пьет, где ни ест,
Где ни кушает, сударь,
Домой едет почивати.
Среди двора широкого,
Молодую жену кличет:
Уж ты, Сашенька, встречай,
Ивановна, отворяй,
Воротички поскорей!
Не досуг, сударь, встречать,
Мне не время отворять,
Уж я сына-то качаю,

Перемену себе чаю,
Перемену дорогую,
Я невестку молодую.
Как у нашего у света,
У хозяина, дорогой обычай,
Где ни пьет, где ни ест,
Где ни кушает, сударь,
Домой едет, почивати.
Середи двора широкого,
Молодую жену кличет:
Уж ты, Сашенька, встречай,
Ивановна, отворяй!
Воротички поскорей!
Не досуг, сударь, встречать,
Мне не время отворять,
Уж и дочку-то качаю,
Перепутья себе чаю,
Перепутья дорогого,
Зятя молодого.

22.

Как в горнице, да во светлице,
Да на канопели,
Два голубя сидели:
Два сизеньки, два беленьки,
Перьями разноцветны.
И льют, и поют,
В цимбалы играют.
Да свет Наташенька
Алексеевна,
Тебя батюшка кличет?
Подружки мои,
Голубушки,
Право не слыхала.
Как во горнице, да во светлице,

Да на конопели,
Два голубя сидели,
Два сизеньки, два беленьки,
Перьями разноцветны.
И льют, и пьют,
В политавры бьют,
В цимбалы играют.
Да свет Наташенька,
Алексеевна,
Тебя Александр кличет?
Подружки мои,
Голубушки,
А я вот и иду,
Сей час я бегу,
К нему поскорей.

23.

Рано, по рану, на заре,
Стояли коники на дворе;
Никто коников не напоит,
Звала, позывала Федора душа,
Сыпала пшеницу, замесь овса,
Лила ситицы, замесь водицы.
Пейте, вы кушайте, кони мои!
Завтра пораньше везите меня,
Дале, подале от батюшки,
Ближе, поближе ко свекру на двор.

24.

Как Алексея-то, матушка,
В воскресенье спородила,
На коленях его держала,
По головушке гладила,
Уму разуму учила:
Ты дитя ль мое, дитятко,

Ты дитя ль мое, милое,
Будь счастлив, талантлив!
Ко невестам будь счастливый,
Ко людям приветливый,
Ко царю будь услужливый,
Ты задумаешь жениться,
Ты приедешь ко тестю на двор,
Не пускай коня по двору,
Ты отдай коня конюху,
Чтобы свел во конюшенку;
Ты взойдешь во новы сени,
Обтирай ножки скорые;
Ты взойдешь во столовую,
Скидавай шляпу пуховую;
Ты войдешь во уборную,
Ты много Богу молися,
Ты низко тестю кланяйся,
А пониже того тещеньке,
Чтобы вывела суженую;
Твоя сужена снаряжена,
За убранный стол посажена,
Да она сидит с городом,
На головушке с теремом.

25.

Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
Как на дружке-то штаны
Черны бархатны.
Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький.
Белы шелковы чулки,
Смазные башмаки,
Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький,

Пряжки с выскаками,
Вон повыскакали.
Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
Пухова шляпа с пером,
И перчатки с серебром,
Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
Он при тросточке стоит,
Прибодривши, говорит:
Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
Я уж, братцы, хорош,
Я на купчика похож.

26.

Ты река ль моя, реченька,
Ты река ль моя, быстрая,
Течет речка, не колыхнется,
Со желтым песком не взмутится.
Ты дитя ль мое, дитятко,
Что сидишь ты, не улыбнешься,
Говоришь, не усмехнешься?
Уж ты мать моя, матушка!
Для чего мне веселиться?
У нас горница полна гостей,
Уж как нету гостя милого,
Моего батюшки родимого.

27.

На море, на крутом берегу,
Высок дуб стоит,
На этом дубе весит клеточка,
В клеточке канареечка;

Сбирались к ней птички, пташечки.
Свет ты, наша канареечка,
Знать нам к тебе не летати,
Сытичку, пшеничку не клевати!
На море, на крутом берегу,
Высок терем стоит,
Во том тереме,
Красна девица сидит.
Собирались к ней все подруженьки.
Свет ты, наша подружка,
Знать к тебе нам не хаживати!
Крепких дум не думывати,
Тайных речей не говаривати.

28.

Недолго цветочку
Во садике цвести,
Пора цветочек
На веночки плести.
Недолго Федорушке во девушках сидеть,
Недолго Карповне русу косу плесть. –
Гордись, гордись, батюшко, да не отдавай;
Гордись, гордись, матушка,
Поколь тебя, матушка, зять не подарит:
Тремя парчами, объерью на золоте.
Гордись, гордись, братец,
Поколь тебя зять не подарит:
Тремя сукнами,
Тремя английскими.

29.

Уж как на море, на море,
На синем камене,
Бояре в трубу трубят,

Молодые в золоченую,
Никто трубы не слушает.
Только слушала трубушку,
Натальина матушка,
Алексеевна сударыня.
Пробежала по новым по сеням,
Закричала громким голосом:
Не трубите, трубы, радостны,
Вострубите, трубы, жалостны,
От меня-то дитя везут –
От меня благословенного,
От меня наделенного.
Уж как на море, на море,
На синем на камене,
Бояре в трубу трубят,
Молодые в золоченую.
Никто трубы не слушает,
Только слушала трубушку,
Натальина матушка,
Алексеевна сударыня.
Побежала по новым по сеням,
Закричала громким голосом:
Не трубите, трубы, жалостно,
Затрубите, трубы, радостно,
Что ко мне дитя везут,
Ко мне благословенного,
Ко мне наделенного.

30.

Как рассвищется соловей:
Да кто у меня в саду был,
Зеленую травушку притоптал,
Лазоревые цветики приломал,
Канареек, пташечек разгонял,
Любимую пташечку с собой взял,

Любимую пташечку, канареечку?
Как возговорит Иван, господин:
Да кто у меня в доме был,
Широки воротички растворил,
Во высок терем входил,
Красных девушек испугал,
Любимую девушку с собой взял,
Любимую девушку, Федорушку?
Как возговорит Карп:
Да я у тебя в доме был,
Широкие воротички растворил,
Во высок терем входил,
Красных девушек испугал,
Любимую девушку с собой взял,
Любимую девушку, Федорушку.

31.

Из-за месяца, месяца,
Из-за светлого светит.
Уж как зять к теще едет,
На вороных лошадках.
Изумилася теща!
Чем мне зятя дарити,
Молодого просити?
Подарю зятя света
Я платком дорогим.
И то зять не принимает,
За дары не считает.
Подарю зятя света
Я конем вороным,
И то зять не принимает
За дары не считает.
Подарю зятю свету
Марью душу.
Это зять-то принимает,
За дары почитает.

32.

Как сказали, что Иван негрозен,
Он грозен, грозен, немилостив,
До Ульянушки нежалостлив,
Уж он брал руку об руку,
Приломал золоты перстни,
Золоты перстни со яхонты,
С дорогими брильянтами.
Как растужится Ульянушка,
Расплачется Ивановна:
Еще как сказать батюшке?
Еще как солгать матушке?
Я скажу, скажу батюшке,
Я солгу родимой матушке:
Вынимала золоты ключи,
Отпирала кованы сундуки,
Вынимала сукно английское,
Я кроила Ивану кафтан,
Кроючи, по нем примеривала,
Чтоб не длинен, не короток был,
Во подоличике раструбицей был,
Чтоб легко было на коня вскочить,
Вдоль по улице проехати,
Тестя-батюшку утешить,
Тещу-матушку обрадовать.

33.

Соловей, соловьюшко,
Из саду вылетает;
Канарейка, пташечка,
Наперед залетала,
Соловья ворочала.
Воротись, соловьюшко,
Воротись, молоденький!
Без тебя в саду пусто;

Канарейки пташечки,
Все сидят, припечаливши.
Уж как Степан-то
Коня седлал,
Михайлович со двора съезжал,
Молодая боярыня,
Степанида Ивановна,
Во новы сени выходила,
Молодых слуг кликала:
Вы, слуги мои верные!
Подавайте каретушку?
Во карету садилася,
Наперед заехала,
Да Степана ворочала.
Воротися, мой милый друг!
Да Степан свет Михайлович!
Без тебя-то в доме пусто,
Все рабы не слушают.

34.

Расступися, расступися,
Мать сыра земля,
Расколися, гробова доска!
Пробудися, родной батюшка!
Мне не годок у вас годовать,
Не неделюшку прогостить –
Одну ноченьку ночевать –
И ту проплакать, прогоревать.
Расступися, расступися,
Мать сыра земля!
Расколися, гробова доска,
Пробудися, родна матушка!

35.

Шла Прасковья в город тучею,
А из города зарею –

К широку двору пришла лебедушкою,
Во новы сени взошла красной девушкой,
Махнула вихрем во весь терем.
Нетесан терем, нетесан,
Только хорошо раскрашен
Всякими разными красками,
Всякими, алыми, голубыми.
Неучен Гурий Еремеевич,
Неучен, только хорошо снаряжен,
Снаряжала его матушка,
Отпущала к теще в дом,
Чтобы его тещенька полюбила,
Свет Прасковьей душой наградила.

Русские свадебные песни, собранные Г. И. Парихиным в Тихвине.

1.

Уж как во поле калинушка стоит,
Да эхе!
На калине соловей птица сидит,
Да эхе!
Горьку ягоду калинушку клюет,
Да эхе!
Он малиною закусывает:
Да эхе!
Прибегали к соловью два сокола,
Да эхе!
Взяли, брали соловья с собой,
Да эхе!
Посадили в зеленом саду,
Да эхе!
Что ль во садичку во клеточку,
Да эхе!

За серебряну решеточку;
Да эхе!
Как заставили всю ночь воспевать,
Да эхе!
При кручине молодца утешать,
Да эхе!
При кручине, не при радости.
Да эхе!
Молодец во всю ночь не спал,
Да эхе!
Душу красну девицу утешал.
Да эхе!
Утешает, уговаривает:
Да эхе!
Ты не плачь, красна девица душа!
Да эхе!
Тебе душенька чужая сторона,
Да эхе!
Еще мне неродимая моя,
Да эхе!
Что ль дородному молодцу,
Да эхе!
Заговаривала красна девица душа:
Да эхе!
Уж как нету такова молодца,
Да эхе!
Что ль Ивана Ивановича,
Да эхе!
Ни в Казани нет, ни в Астрахани,
Да эхе!
Нет в Пскове, ни в Новегороде,
Да эхе!
Не на Свирской ярмарке,
Да эхе!
У Макарья на желтых песках.
Да эхе!

Как у нас, братцы, во городе,
Да эхе!
Что ль во городе во Тихвине,
Да эхе!
Проявился таковой молодец,
Да эхе!
Что ль Иван, да Иванович;
Да эхе!
Он по садику погуливает,
Да эхе!
Свой тугой лук натягивает,
Да эхе!
Калену стрелу накладывает,
Да эхе!
Ко стреле приговаривает:
Да эхе!
Ты стрела, стрела, тугой лук!
Да эхе!
Полети, моя калинова стрела,
Да эхе!
Чрез три поля чистые,
Да эхе!
Чрез три речки быстрые,
Да эхе!
Чрез два мелка ручеечка;
Да эхе!
Ты убей, калинова стрела,
Да эхе!
Серу утучку на тихой заводи,
Да эхе!
Белую лебедь на белом камне,
Да эхе!
Ясна сокола на возлете,
Да эхе!
Красну девицу в высоком терему.
Да эхе!

Сера утица ества моя,
Да эхе!
А белая лебедь кушанье,
Да эхе!
Млад ясен сокол утеха молодцу,
Да эхе!
Красна девица невеста ему,
Да эхе!
Что ль дородному молодцу,
Да эхе!
Что ль Ивану Ивановичу.
Да эхе!

2.

Да что ль по сеням, сеничкам,
Да что ль по сеням, сеничкам,
По частым переходичкам,
По частым переходичкам,
Да что ль ходила, гуляла,
Да что ль ходила, гуляла,
Молодая боярыня,
Молодая боярыня,
Душа красна девица,
Душа красна девица:
Да что ль Анна Ивановна,
Да что ль Анна Ивановна;
Она ходила, погуливала,
Она ходила, погуливала,
Она будила, разбуживала,
Она будила, разбуживала,
Что ль дородного молодца,
Что ль дородного молодца,
Что ль Ивана Ивановича,
Что ль Ивана Ивановича.
И ты встань, проснись, дородный молодец,

И ты встань, проснись, дородный молодец?
Пробудись душа, отецкий сын,
Пробудись душа, отецкий сын!
Отвязался твой добрый конь,
Отвязался твой добрый конь,
От столба, столба дубовенького,
От столба, столба дубовенького,
От колечка серебряного,
От колечка серебряного,
От витого, позолоченного,
От витого, позолоченного;
Перервал узду тесмяную,
Перервал узду тесмяную,
Что ль с поводом со шелковым,
Что ль с поводом со шелковым,
С колечком серебряным,
С колечком серебряным;
Он скочил во зеленый сад,
Он скочил во зеленый сад,
Весь зеленый сад поистоптал,
Весь зеленый сад поистоптал,
Что ль со калиной, со малиной,
Что ль со калиной, со малиной,
С черной ягодой смородиною,
С черной ягодой смородиною,
Что ль с грушею ль зеленою,
Что ль с грушею ль зеленою.
Как возговорит дородный молодец,
Как возговорит дородный молодец,
Что Иван да Иванович,
Что Иван да Иванович:
Не тужи-ко, красна девица душа,
Не тужи-ко, красна девица,
Да что ль Анна Ивановна,
Да что ль Анна Ивановна?

Буде Бог нас помилует,
Буде Бог нас помилует,
Государь, Царь пожалует,
Государь, Царь пожалует,
И мы будем на святой на Руси,
И мы будем на святой на Руси,
Что ль во городе во Тихвине,
Что ль во городе во Тихвине,
Наживем мы зеленой сад,
Наживем мы зеленой сад,
Что ль со калиной, со малиною,
Что ль со калиной, со малиною,
С черной ягодой смородиною,
С черной ягодой смородиною.
Что ль со грушею зеленою,
Что ль со грушею зеленою.
Я пошлю свата свататься,
Я пошлю свата свататься,
Ко твоему ко батюшке,
Ко твоему ко батюшке,
К государыне матушке,
К государыне матушке;
Я тебя за себя возьму,
Я тебя за себя возьму,
Душу красную девицу,
Душу красную девицу,
Да что ль Анну Ивановну,
Да что ль Анну Ивановну.
Заговорила красна девица душа,
Заговорила красна девица душа,
Да что ль Анна Ивановна,
Да что ль Анна Ивановна:
Ох, ты мать моя, матушка,
Ох, ты мать моя, матушка!
Мать родима, государыня моя,

Мать родима, государыня моя!
Ты бери, мать, золотые ключи,
Ты бери, мать, золотые ключи,
Отмыкай окованы сундуки,
Отмыкай окованы сундуки,
Вынимай сукно малиновое,
Вынимай сукно малиновое,
И ты крой жениху кафтан,
И ты крой жениху кафтан,
Чтоб не долог, не короток был,
Чтоб не долог, не короток был,
Во подоле был раструбистый,
Во подоле был раструбистый,
К ретиву сердцу прижимистый,
К ретиву сердцу прижимистый,
Чтоб полегче на добра коня вскочить,
Чтоб полегче на добра коня вскочить,
Поскорее в стремена ноги вложить,
Поскорее в стремена ноги вложить,
Чтоб побаще проехати,
Чтоб побаще проехати,
Мимо тестева широка двора,
Мимо тестева широка двора,
Мимо тещина высока терема,
Мимо тещина высока терема,
Мимо невестина окошечка,
Мимо невестина окошечка,
Чтоб увидела красна девица душа,
Чтоб увидела красна девица душа,
Да что ль Анна Ивановна,
Да что ль Анна Ивановна,
Что ль дородного молодца,
Что ль дородного молодца,
Что ль Ивана, да Ивановича,
Что ль Ивана, да Ивановича.

3.

Да что ль по мосту, мосточку,
По калинову мосточку,
Да что ль ехала карета,
Каретушка золотая,
Что ль во той ли во карете
Душа Анна сидела,
Душа Ивановна голубка;
Сидючи, она жалко плачет,
Пожальчее причитает,
Что ль по батюшкиной воле,
Что ль по матушкиной неге,
По любезном гулянье.
Не сокол ее облетает,
Что ль Иван князь объезжает,
Что ль Иванович голубчик,
Ко карете припадает,
Душу Анну унимает,
Что ль Ивановну голубку:
Ты не плачь, не плачь, Анна,
Не плачь, Ивановна голубка!
У меня будет вольнее,
Что ль вольнее и нежнее;
Куда пойдешь, отпросися,
Отпросившись, доложися,
Доложившись, поклонися.
Отпусти, сударь, пожалуй,
Меня к батюшке в гости,
К родной матушке в гости,
К родным братцам погостити,
Ко сестрицам посидети,
Со подружками повидатися?
И то, что ж это за воля?
И то, что ж это за нега?
Мне у батюшки вольнее,

Мне у матушки нежнее,
Со подружками веселее.

4.

Ах вы девки, девушки,
Голубины гнездышки!
Много вас посеяно,
Да не много выросло:
Одно поле Киевско,
А другое Черниговско.
Промеж тех двух полей
Не лебедь вскликала,
Не куна взыграла,
Да что ль Анна всплакала,
Что ль Ивановна всплакала,
По своей русой косе,
Что ль по красной-то красоте:
Ты коса ль, краса моя,
Коса бескручинная,
Коса беспечальная!
Как вчера русу косу
В парной бане парили,
А сего дня русу косу,
Под венец поставили,
Женою называли:
Женою Ивана князя,
Женою Ивановича.

5.

Как на синем на море,
Что ль на белом камене
Строила Анна душа,
Строила Ивановна,
Строила себе широкий двор,
Со высоким теремом,

Строючись, она похвалялася,
Похвалою великою,
Что ль не взять моего широка двора,
Со высоким теремом,
Что ль не стом, ни тысячей,
Что ль ни стольным городом,
Что ль не славным Киевом.
Как услышал ту
Похвалу великую
Иван князь, да Иванович:
Не хвалися, Анна душа,
Не хвалися, Ивановна,
Своим широким двором,
Со высоким теремом;
Я возьму твой широкий двор,
Со высоким теремом,
Я без ста, без тысячи,
Я без стольна города,
Я без славна Киева;
Я возьму твой широкий двор,
Со высоким теремом,
Я сам друг со священником,
Сам третий со диаконом,
Сам четверть со тысяцким,
Сам шестой со боярами,
Сам восьмой со подружками,
Сам девять со свахою,
Да тебя десятую,
Душу красну девицу,
Да что ль Анну Ивановну.

6.

Ты труба ль, моя трубушка,
Трубушка серебряная;
Вострубуби по ратному

Кавалерским голосом,
Чтоб никто трубу не слышал,
Лишь един услышал бы
Да что ль Аннин батюшко
Свет души Ивановны;
В кой бы час услышал бы
В тот бы час восплакал бы;
Бояра ль, мои бояра,
Бояра ль Анны души
Свет души Ивановны,
Задвигайте дубовы столы,
Вы снимайте браны скатерти,
Понесите хлеб и соль;
От меня дочь ведут,
От меня молодую ведут,
Душу красную девицу
Да что ль Анну Ивановну;
Со двора сундуки везут,
Со терема ларцы несут,
Во ларцах дары лежат,
Все дары бельчатые,
Все атласы, бархаты,
Все алмазы, золото!..
Ты труба ль, моя трубушка,
Трубушка серебряная,
Вострубы по ратному
Кавалерским голосом,
Чтоб никто трубу не слышал,
Лишь един услышал бы
Что ль Ивана батюшка,
Свет князя Ивановича.
В кой час услышал бы,
В тот бы час возрадовался.
Бояра ль, мои бояра,
Бояра – да Ивана князя,
Бояра ль Ивановича,

Раздвигайте дубовы столы,
Расстилайте браны скатерти,
Становите хлеб и соль,
Ко мне сноху ведут,
Ко мне молодую ведут,
Молодую боярыньку,
Да что ль Анну Ивановну,
Что ль во двор сундуки везут,
Во терем ларцы несут,
Во ларцах дары лежат,
Все дары бельчатые
Все атласы, бархаты,
Все алмазы, золото,
И мне теми дарами дарить
Что ль дородного молодца,
Что ль Ивана Ивановича!

7.

Соловей, соловьюшко,
Соловей мой младенький,
Младенький, косматенький
С саду вон вылетывал;
Перепелка пташечка
Наперед залетала,
Соловья ворочала.
Воротись, соловьюшко,
Воротись, мой младенький,
Младенький, косматенький!
Без тебя в саду пусто,
Без тебя невесело,
Да все птички пташечки
Головки повесили,
Крылышки опустили.
Что ль дородный молодец,
Что ль Иван Иванович

С дому вон выезживал,
Душа красная девица
Коляску закладала,
Наперед заезжала,
Молодца ворочала.
Воротись, мой миленький,
Что ль дородный молодец,
Что ль Иван Иванович?
Без тебя в доме пусто,
Без тебя не весело.
Все рабы, работнички,
Без тебя не слушают,
Без дородного молодца,
Без Ивана Ивановича.

8.

Да что ль по сеням, сеничкам,
По частым переходичкам,
Да что ль ходила, гуляла,
Молодая боярынька,
Да что ль Анна Ивановна,
Во белых руках носила,
Два серебряных блюдечка,
Что ль на тех ли на блюдечках,
Да два червчатых камешка,
Две алмазные запонки.
Уж вы яхонты, яхонты,
Брильянты граненые!
Полежите, малешенько,
Я схожу молодешенька
Я во светлую светлицу,
Во столовую горницу,
Посмотрю ль молодешенька
Я на млад на светел месяц.
Что ль светел ли, светел месяц?

Печет ли красное солнышко?
Весел, весел ли мой суженый,
Что ль дородный-то молодец,
Что ль Иван да Иванович?
За дубовым столом стоячи,
Он чару наливаючи,
Что ль женой похваляючи,
У меня жена умная,
У меня жена разумная,
Молодая боярынька,
Да что ль Анна Ивановна.

9.

Как из трубки в трубку вилося,
Да вилося, да вилося, да вилося!
Из серебряной в золотую;
В золотую, в золотую, в золотую!
Выливалася из трубки голубка;
Да голубка, да голубка, да голубка!
Прилетал из долины соловейко;
Соловейко, соловейко, соловейко!
Как садился соловейко на окошко;
На окошко, на окошко, на окошко!
А голубушка под окошко;
Под окошко, под окошко, под окошко!
Уж как стал соловейко горкотати;
Горкотати, горкотати, горкотати!
А голубушка щелкотати.
Щелкотати, щелкотати, щелкотати!
Душа Марфушка по сенечкам гуляла;
Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
Что ль Ивановна по новым гуляла;
Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
Во белых руках жалобу носила;
Да носила, да носила, да носила!

Она батюшки жалобу дарила;
Да дарила, да дарила, да дарила!
У ней батюшка жалобы не примет;
Да не примет, да не примет, да не примет!
Как из трубки в трубку вилося;
Да вилося, да вилося, да вилося!
Из серебряной в золотую;
В золотую, в золотую, в золотую!
Выливалася из трубки голубка;
Да голубка, да голубка, да голубка!
Прилетал из долины соловейко;
Соловейко, соловейко, соловейко!
Как садился соловейко на окошко;
На окошко, на окошко, на окошко!
А голубка под окошко;
Под окошко, под окошко, под окошко!
Уж как стал соловейко горкотати;
Горкотати, горкотати, горкотати!
А голубка щелкотати;
Щелкотати, щелкотати, щелкотати!
Душа Марфушка по сенечкам гуляла;
Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
Что ль Ивановна по новым гуляла;
Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
Во белых руках жалобу носила;
Да носила, да носила, да носила!
Она матушке жалобу дарила;
Да дарила, да дарила, да дарила!
У ней матушка жалобы не примет;
Да не примет, да не примет, да не примет!
Как из трубки в трубку вилося;
Да вилося, да вилося, да вилося!
Из серебряной в золотую;
В золотую, в золотую, в золотую!
Выливалася из трубки голубка;
Да голубка, да голубка, да голубка!

Прилетал из долины соловейко;
Соловейко, соловейко, соловейко!
Как садился соловейко на окошко;
На окошко, на окошко, на окошко!
А голубка под окошко;
Под окошко, под окошко, под окошко!
Уж как стал соловейко горкотати;
Горкотати, горкотати, горкотати!
А голубка щелкотати;
Щелкотати, щелкотати, щелкотати!
Душа Марфушка по сенечкам гуляла;
Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
Что ль Ивановна по новым гуляла;
Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
Во белых руках желобу носила;
Да носила, да носила, да носила!
Она братцам жалобу дарила;
Да дарила, да дарила, да дарила!
У ней братья жалобы не примут;
Да не примут, да не примут, да не примут!
Как из трубки в трубку вилося;
Да вилося, да вилося, да вилося!
Из серебряной в золотую;
В золотую, в золотую, в золотую!
Выливалася из трубки голубка;
Да голубка, да голубка, да голубка!
Прилетал из долины соловейко;
Соловейко, соловейко, соловейко!
Как садился соловейко на окошко;
На окошко, на окошко, на окошко!
А голубка под окошко;
Под окошко, под окошко, под окошко!
Уж как стал соловей горкотати;
Горкотати, горкотати, горкотати!
А голубка щелкотати;
Щелкотати, щелкотати, щелкотати!

Душа Марфушка по сенечкам гуляла;
Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
Что ль Ивановна по новым гуляла;
Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
Во белых руках жалобу носила;
Да носила, да носила, да носила!
Она сестрицам жалобу дарила;
Да дарила, да дарила, да дарила!
У ней сестрицы жалобы не примут;
Да не примут, да не примут, да не примут!
Как из трубки в трубку вилося;
Да вилося, да вилося, да вилося!
Из серебряной в золотую;
В золотую, в золотую, в золотую!
Выливалася из трубки голубка;
Да голубка, да голубка, да голубка!
Прилетал из долины соловейко;
Соловейко, соловейко, соловейко!
Как садился соловейко на окошко;
На окошко, на окошко, на окошко!
А голубушка под окошко;
Под окошко, под окошко, под окошко!
Уж как стал соловейко горкотати;
Горкотати, горкотати, горкотати!
А голубка щелкотати;
Щелкотати, щелкотати, щелкотати!
Душа Марфушка по сенечкам гуляла;
Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
Что ль Ивановна по новыим гуляла;
Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
Во белых руках жалобу носила;
Да носила, да носила, да носила!
Что ль Григорью-то жалобу дарила;
Да дарила, да дарила, да дарила!
Что ль Ивановичу да дарила;
Да дарила, да дарила, да дарила!

Что ль Григорий-то жалобу принял;
Таки принял, таки принял, таки принял!
Что ль Иванович таки принял!..

10.

Уж как во саду, саду,
Да во зеленом саду,
Да, что ль под яблонью кровать,
Да под кудрявой тесова,
Да что ль на той ли на кровати
Да что ль перина лежит,
Да что ль на той ли на перине
Да изголовье высоко,
Да что на том на изголовье
Да одеяло соболье,
Да что под тем под одеялом
Да что ль Иван, сударь, спит,
Да что ль Иванович спит.
Да уж как около него
Да все лакеи-то его
Да раскручают, раздевают,
Да распоясывают,
Да спать укладывают,
Да ты Иван, сударь, спи,
Да ты Иванович усни!
Да что малый час прошел,
Да что ль лакей скоро пришел,
Да скору весточку принес.
Да ты Иван, сударь, вставай,
Да ты Иванович вставай!
Да скоры ноги обувай,
Да бело лицо умывай,
Да русы кудри расчеши,
Да черну шляпу надень,
Да на сине море беги,

Да громким голосом кричи.
Да на синем море корабль,
Да корабль с золотом ушел
Да корабль с чистыим ушел,
Да не могу я, братцы, встать,
Да не руки, ноги поднять,
Да не буйной головы,
Да что ль во саду саду,
Да во зеленом саду
Да что ль под яблонью кровать,
Да под кудрявой тесова,
Да что ль на той ли на кровати
Да что ль перина лежит,
Да что на той ли на перине
Да изголовье высоко,
Да что ль на том на изголовье
Да одеяло соболье,
Да что под тем под одеялом
Да что ль Иван, сударь, спит,
Да что ль Иванович спит!
Да уж как около него,
Да все лакеи-то его
Да раскручают, раздевают,
Да распоясывают,
Да спать укладывают.
Да ты Иван, сударь, спи,
Да ты Иванович, усни,
Да что малый час прошел,
Да что ль лакей скоро пришел,
Да скору весточку принес:
Да ты Иван, сударь, вставай,
Да ты Иванович, вставай!
Да скоры ноги обувай,
Да бело лицо умывай,
Да русы кудри расчеши,
Да черну шляпу надень,

Да на сине море беги,
Да громким голосом кричи;
Да на синем море корабль,
Да корабль с девицами ушел,
Да корабль с красными ушел,
Да с твоей суженою,
Да с твоей ряженою
Да по скорешенькому вставал,
Да скоры ноги обувал,
Да бело лицо умывал,
Да русы кудри расчесал,
Да черну шляпу надевал,
Да на сине море бежал,
Да громким голосом кричал:
Да вы постойте, корабли,
Да воротитесь, дороги,
Да с моей суженою
Да с моей ряженою.

11.

Да что ль по двору, двору,
Да по широкому двору,
Да что ль Иван, сударь, ходит,
Что ль Иванович голубчик,
Да ворона коня водит,
Да по тучным бедрам гладит.
Да ох ты, комонь мой, комонь,
Да комонь, добрая лошадь!
Да ты куда, комонь, ездил?
Да ты, кого, комонь, видел?
Да уж я ездил, да ездил
Да я из города в город,
Да я из орды во орду,
Да уж я видел, да видел
Да я высокий терем,

Да там гордливу, гордливу,
Да я там Анну спесиву,
Что ль Ивановну голубку.
Да что ль гордлива, гордлива,
Да душа Анна спесива,
Что ль Ивановна гордлива,
Да она ступит, не ступит,
Да слово молвит, не молвит,
Да что ль хотя она ступит,
Да с ковра на поволоку,
Да что ль хотя она молвит,
Да со великие горды.
Как на улице комарье
На дворе, сударь, грязища.
Как во тереме порошье,
Да я на то ли комарье,
Да я шитой браной полог,
Да я на то ли грязище
Да я колиновой мостик,
Да я на то ли порошье
Да я шелковый веник,
Да я на Анну спесиву
На Ивановну гордливу,
Да я шелковую плетку,
Да на тебя ли, мой комонь,
Да я шелкову уздечку.

Русские свадебные песни, собранные И. Т. Яковлевым на петербургских купеческих свадьбах.

1.

Не трубушка трубила рано по заре,
Свет девица плакала по русой косе:
Вечор-то мою косыньку девушки плели,

И золотом перевили,
И жемчугом русую унизали;
Как Бог суди Ивана Тарасьевича!
Прислал сваху немилостиву,
Учала мою косыньку рвать, порывать,
И золото с косыньки оборвала все,
И жемчуг с русой порассыпала весь.

2.

У Тараса Яковлевича
Ах беда учинилася,
Как без бури, без вихря,
Воротички растворилися,
Три кораблика уплыли:
Как первой-то корабль с золотом,
А другой с чистым серебром,
А третий с красной девицей.
Как не жаль-то мне золота,
Мне не чистого серебра,
Да что жаль-то мне девицы,
Свет Прасковьи Тарасьевны,
Моей дочери родные.
У Петра Васильевича
Да что за радость учинилася?
Что без бури, без вихря,
Ворота растворилися,
Три кораблика приплыли,
Как первой-то корабль с золотом,
А другой с чистым серебром,
А третий с красной девицей.
Мне не дорого золото,
И не чисто серебро,
Дорога красна девица,
Свет Прасковья Тарасьевна,
Моя будущая невестушка.

3.

Черны кудри за стол пошли,
Русую косу за собой повели.
Черны кудри у русой косе спрашивали:
Русая коса, не ужель ты моя?
Еще же, черны кудри, я не твоя,
Божья да батюшкина.
Черны кудри за стол пошли,
Русую косу за собой повели.
Черны кудри у русой косе спрашивали:
Русая коса, уже ль ты моя?
Я Божья, да теперь твоя.

4.

На море утица купалася,
На море серая полоскалася,
Вышедши на берег утица, встряхнулася,
Встряхнувшись утица, воскликнула:
Как-то мне с синим морем расставатися будет?
Как-то мне с крутых берегов подыматися будет?
Придет зима холодная,
Придут морозы жестокие,
Выпадут снеги глубокие,
Нехотя с синим морем расстанешься,
Нехотя с крутых берегов подымешься.
В тереме Прасковьюшка умывалася,
Во высоком Тарасьевна умывалася,
Горючими слезами обливалася:
Как-то мне с батюшкой расстатися будет?
Как-то мне с матушкой прощатися будет?
Придет Игнатий со всем поездом,
Придет Петрович со всем поездом,
Возьмет Прасковью душу за праву руку,
Поведет Тарасьевну ко суду Божью;
От суда Божьего ко себе на двор.

5.

Как у Ивана рай мой, рай!
У Тарасьевича на широком
Вырастала тут трава,
Трава шелковая;
Как по той ли траве
Расцвели тут цветы,
Цветы лазоревые;
Как по той ли по траве,
Разостланы были ковры,
Ковры золотые,
Края вышитые,
Как по тем ли по коврам
Тут шла, тут прошла
Свет Прасковьюшка душа,
Свет Васильевна;
В руках она несла
Свечу воску ярова.
Уж не гореть свече
Против лучья солнечна;
Уж не быть тебе свекру
Против батюшки родного;
Уж не быть тебе свекрови
Против матушки родной;
Уже не быть тебе деверю
Против братца родного;
Уж не быть тебе золовке
Против сестрицы моей.

6.

Звонко звонят во Казани городе,
Звончей того звонят во каменной Москве,
Звонила звоны красна девица душа;
Мимо ехал ее суженый,
Он звона ее заслушался,

Красоты ее засмотрелся,
Приехавши домой, похваляется:
Государыня матушка!
Видел свою суженую,
Видел я свою ряженую.
Глаза у ней как у ясного сокола,
Брови у ней черна соболя,
Ростом она повыше меня,
Краше ее в тереме нет,
Умнее в городе нет.

7.

Ох, ты умная головушка,
Ты удалый, добрый молодец!
Ты охоч по пирам ходить,
По сговорам, по девичникам,
По девичьим вечерам;
Ты охоч песен слушати,
Ты охоч, сударь, девиц дарити;
Не рублем, не полтиною,
Золотыми червонцами.

8.

Друженька хороший,
Друженька пригожий!
Ты по лавкам скакал,
Пироги с полок таскал,
Друженька хороший,
Друженька пригожий!
Пироги с полок таскал,
И за пазуху совал;
Друженька хороший,
Друженька пригожий!
По подлавочью бродил,
Да мышей наловил,

Друженька хороший,
Друженька пригожий!
Да мышей наловил,
Свахе шубу сшил.
Друженька хороший,
Друженька пригожий!
Уж как сваха на свадьбу спешила,
Что на ней была шуба мышина.

9.

Проснися, пробудися,
Ты мой батюшка родимый!
Уж не год мне у тебя годовати,
Не неделюшку гостити, одну ноченьку,
Одну ноченьку почевати, да и той мне
Во тосках, во слезах не видати,
Мне девичью красу вспоминати.

10.

По городу, городу звоны пошли,
По терему дары понесли,
Дарила дары душа красна девица.
Прими, сударь, дары, прими, сударь,
Дары, добрый молодец!
На мои-то дары не прогневайся,
На мои-то дары не прогневайся;
Мои-то дары непасены,
Мои-то дары непасены,
Моя свадьба, моя свадьба невзначай.

11.

Ты труба ли моя трубушка,
Ты труба ль моя, серебряная!
Вострубы громко, звонко,

Громко, звонко, жалостно
К моему родному батюшке.
Со двора сундуки везут,
Со крыльца ларцы несут,
Со терема Прасковьюшку ведут,
Со высокого Тарасьевну.
Ты труба ль моя, серебряная!
Вострубi громко, звонко,
Вострубi громко, звонко, жалостно,
К моему ль свекру батюшке.
На двор сундуки везут,
На крыльцо ларцы несут,
Во высок терем девицу ведут.

12.

Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
Как на дружке-то кафтан
Кармазинного сукна,
Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
Как на дружке-то камзол
Золотой парчевой,
Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
Как на дружке-то штаны,
Черны бархатны,
Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
Как на дружке-то чулки
Белы шелковы,
Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
Смазные башмаки,
Пряжки с искорками,

Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
И шляпа с пером,
И перчатки с серебром.
Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
Коли хочешь в рай,
Передайся к нам.
Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
Как у нас про тебя
И стеклянница вина,
Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
И стеклянница вина
И пива ендова,
Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!
Кувшин молока,
И конец пирога.
Друженька хорошенький!
Друженька пригоженький!

13.

Ты моя краса ль, красота,
Красота ли моя, девичья,
Мне куды красу деть будет?
Мне куды положить будет?
Положу ль я красу свою девичью
Далеко, во чисто поле, на травушку муравушку,
На цветы алы, лазоревые;
А сама отойду млада,
Отошедши, послушаю:
Не тоскует ли по мне красота,
Что по мне, красной девице? –

Уж как шли тут люди добрые,
Люди добрые, господа пригожие,
Они красе дивовалися;
Уж чья эта красота,
Что у бережи ношена,
Не у места положена? –
Я возьму свою красоту,
Во свою руки белые,
Во перстни золоченые,
Понесу свою красоту в высок терем,
Во высок терем к родной матушке,
Положу свою я красоту
На столы дубовы, убранные,
На белы скатерти, камчатные,
На серебряную тарелочку.
Уж и тут ли красе не местечко?
Я отдам свою красоту,
Своим милым подруженькам.
Уж и тут ли красе не местечко,
Красованью не лежаньице? –
Те девушки на возрасте,
Красота их на выносе;
И отдам красоту свою
Родной сестрице голубушке.
Уж как тут ли красе местечко?
Уж та девушка молодешенька,
Красота ее глупешенька.
Ты сестрица моя голубушка,
Береги мою красоту,
Так кабы я ее берегла;
Уж я ею красовалася,
Красой своей похвалялася.

14.

Вы цветы ли мои, цветики,
Вы цветы алы, лазоревые,

Лазоревые, васильковые,
Много было вас посеяно,
Да немного вас уродилось.
Вы души ли, красны девицы –
Много было вас во тереме,
Да не много оставалось.
Вы на что, на что же осердились? –
Не было у нас изменщицы,
Не было у нас обманщицы,
А теперь проявилась,
Что душа ль красна девица,
Свет Ульяна Петровна,
Что теперь за столом сидит,
Что теперь за столом сидит,
С удалым добрым молодцом,
Свет Игнатьем Петровичем.
Ты на что душа прельстилась?
На его ль лицо белое?
На его ль лицо румяное?
На его ли кудри русые?
На его ль слова ласковые?

15.

Ах, свет ли мои аленьки цветочки,
Свет лазоревые василечки!
Вы к чему так рано приублекли?
На вас лютые морозы не бывали,
Частые дожди не ливали.
Ах свет ли наша, милая подружка,
Прасковью душа свет Тарасьевна?
К чему так рано приуныла?
От Игнатья грозы не видала,
Свет от Петровича не слыхала.
Ах, вы свет ли мои милые подружки!
Уж как видно сокола по полету,

А Игнатья видно по поступки;
Он легошенько на ноженьку ступает,
Почастешеньку в ясны очи взирает,
Белы рученьки пожимает,
Вековечною супругою называет.

16.

На горе стоит елочка,
Под горой светелочка,
Во светелочке Прасковья сидит,
Во светелочке Тарасьевна.
Приходил к ней батюшка,
Звал, позывал он дочь свою,
Прасковью свет Тарасьевну!
Ты Прасковья пойдем домой?
Я нейду, нейду, не слушаю,
Ночь темна, не месячна,
Реки быстры, перевоза нет,
Улицы грязны, перехода нет,
Леса темны, караула нет.
На горе стоит елочка,
Под горой светелочка,
Во светелочке Прасковья сидит,
Во светелочке Тарасьевна.
Приходила к ней родная матушка,
Звала ее позывала,
Свет Прасковьей называла,
Свет дочь моя Тарасьевна:
Ты пойдем домой? –
Я нейду, нейду, не слушаю.
Ночь темна, не месячна,
Реки быстры, перевоза нет,
Улицы грязны, перехода нет.
Леса темны, караула нет,
На горе стоит елочка,

Под горой светелочка,
Во светелочке Прасковья,
Во светелочке Тарасьевна сидит.
Приходил к ней Игнатий господин,
Приходил к ней свет Петрович.
Ты поди, Прасковья, со мной
Ты поди душа, Тарасьевна? –
Я пойду и послушаю тебя,
Ночь светла и месячна
Реки тихи, перевозы есть,
Улицы сухи, переходы есть,
Леса темны, караулы есть.

17.

Как по двору, дворику, по широкому дворику,
Ходил, гулял Иван Петрович,
Ходил он невесел,
Гулял он нерадошен.
Увидала его матушка с высокого терема,
Из высока терема из косящатого окна,
Дитя ли мое, дитятко,
Дитя ль мое, милое!
Что ходишь невесел, нерадошен?
Повесил головушку,
На праву сторонушку.
Государыня моя матушка!
Жениться мне хочется.
Женись, женись, дитятко.
Женись, мое милое!
Возьми, возьми, дитятко
С высокого терема
Придворную фрейлину.
Родимая матушка,
С высокого терема
Придворная фрейлина

Та в доме не хозяюшка.
Возьми, возьми, дитятко
Купеческую дочку.
Возьму, возьму, матушка,
Купеческую дочку;
Та в доме хозяюшка.
А мне будет мила жена.

18.

Что не низко, не высоко,
Соловей гнездо совивает,
Молодой тепло согревает.
Что не близко, не далеко,
Тарас дитю снаряжает.
Что не пава, что не пава,
Что не павушка по двору ходит,
Не павлиньи перья роняет,
Что ходила свет Прасковья душа,
Круг терема высокого;
Она била, колотила
Золотым кольцом в замочек,
Она бивши, колотивши,
Сама речи говорила:
Отоприся, отоприся,
Немецкий замок отоприся?
Отложися, отложися,
Полуженная цепь отложися?
Растворися, растворися,
Кипарисная дверь растворися?
Распахнися, распахнися,
Широкий браный положек распахнися?
Ты проснися, ты проснися,
Родной батюшка, пробудися?
Мне ль не год у тебя годовати,
Мне ль не век у тебя вековати,

Мне неделюшку погостить,
И ту во тоске, в слезах не видати,
Не век ходя, красу проходити,
Не век сидя, красу просидети,
И мне с батюшкой думу думати,
Не век мне с матушкой горевати,
Что с подружкой посидети.

19.

Воротится, сокол, воротится,
Побывал шляпу на стопке,
Позабыл ты невесту целовати, целовати!

20.

Во саду ль было, во садику,
В зеленом винограднику,
Что ходила, тут гуляла,
Свет душа красна девица,
Красна девица, свет Прасковья Тарасьевна;
В руках она носила блюдо серебряное,
Подходила она к яблоне,
Говорила она яблоньке:
Кудрявая яблонька,
Наклонися низехонько,
Низехонько, до сырой земли;
Я сорву с тебя два яблочка,
Два яблочка, наливчатые,
Два наливчатые, рассыпчатые,
Поднесу я два яблочка
Во высок терем к милому братцу,
Свет Ивану Тарасьевичу.
Ах, ты братец мой, голубчик,
Ты прими-ка два яблочка,
Ты принявши, разрушай-ка,

Ты разрушивши, покушай-ка,
Моего горя послушай-ка,
Моего горя великого:
Не покинь меня милый братец,
Свет Иван Тарасьевич!
Ты сестрица, голубушка,
Свет Прасковья Тарасьевна,
Разве Бог не помилует,
Государь не пожалует,
Я тогда тебя позаду.

21.

Во Китае кремле городе,
На ковре красном золоте,
У стола, стола убранного,
Против зеркала хрустального,
Свет Игнатий чесал кудри,
Свет Петрович чесал черны,
Чесал кудри, приговаривал,
Сам с Прасковьею разговаривал:
Прасковьюшка, перевей кудри,
Тарасьевна, перевей черны?
Захочу я – перевью,
А захочу – не перевью,
Я еще, сударь, не твоя,
Я еще, сударь, батюшкина.
Во Китае кремле городе,
На ковре красном золоте,
У стола, стола убранного,
Против зеркала хрустального,
Свет Игнатий чесал кудри,
Свет Петрович чесал черны?
Чесал кудри приговаривал,
Сам с Прасковьею разговаривал:
Прасковьюшка, перевей кудри,

Тарасьевна, перевей черны?
Захочу я – перевью,
А захочу – не перевью,
Я еще, сударь, не твоя,
Я еще, сударь, матушки.
Во Китае кремле городе,
На ковре красном золоте,
У стола, стола убранного,
Против зеркала хрустального,
Свет Игнатий чесал кудри,
Свет Петрович чесал черны,
Чесал кудри приговаривал,
Сам с Прасковьею разговаривал:
Прасковьюшка, перевей кудри,
Тарасьевна, перевей кудри?
А я теперь, сударь, вся твоя!
Давай я кудри перевью,
Давай я черны перевью.

22.

Прасковья розаночки рассаживала,
Против бела шатра полотняного,
Из бела шатра свет Игнатий выходил,
Звал, позывал Прасковьюшку душу:
Прасковьюшка, подь ко мне в шатер?
Тарасьевна, подь ко мне во белой?
Я нейду, нейду, не слушаю,
Слышала я, люди сказывали:
У тебя отец грозен!
Сердце мое, Прасковья душа,
Будь сама добра,
Сама ласкова!
Ты держи голову поклоннее,
Ретивое сердце покорливое,
Будешь мила моему батюшке.

Прасковья душа розаночки рассаживала,
Против бела шатра полотняного,
Из бела шатра свет Игнатий выходил,
Из полотняного свет Тарасьевич выходил,
Звал, позывал Прасковью душу:
Прасковьюшка, подь ко мне в шатер?
Тарасьевна, подь ко мне во белой?
Я нейду, нейду, не слушаю.
Слышала, люди сказывали,
У тебя матушка зла.
Сердце мое, Прасковья душа,
Будь сама добра,
Сама ласковая!
Ты держи голову поклоннее,
Ретиво сердце покорливое,
Будешь мила моей матушке.
Прасковья душа розаночки рассаживала,
Против бела шатра полотняного,
Из бела шатра свет Игнатий выходил,
Из полотняного свет Петрович выходил,
Звал, позывал Прасковью душу:
Прасковьюшка, подь ко мне в шатер?
Тарасьевна, подь ко мне во белой?
Я иду, иду и слушаю,
Слышала, люди сказывали:
У тебя отец добр,
А матушка ласковая.

23.

Отлелеяла, отлелеяла Волга,
Быстра реченька с крутым бережком,
Отжилася, отнежилася свет
Прасковья душа у батюшки.
Как пошло мое дитятко,
С высокого терема,

По частым по ступенечкам,
Впереди идет свечничек,
По бокам поезжаные гости,
Позади идет матушка.
Воротись, мое дитятко?
Позабыло ты, дитятко,
Трое ключики
На шелковом пояске.
Не одни я позабыла ключи,
Позабыла я, матушка,
Волю батюшкину,
Да и негу матушкину,
Приголубки милых братьев,
А и ласки сестрицыны,
Я еще позабыла красу свою девичью,
Я косу свою русую.

24.

На берегу на Иордане,
Что тут стояло древо святое,
Святое, непростое,
Непростое оно, кипарисное,
Что на том ли на древе,
Сидела птица не мала,
Что не мала она, велика;
Она славила славу большую,
Уж как быть-то:
Ивану воеводой,
Уж как быть-то
Тарасьевичу воеводой!
Уж носить ему шубу соболью,
А на шубе цепи золотые!
У Ивана кони вороные,
У Тарасьевича вороные,
Верны слуги его, молодые.

25.

Уж как чей зеленой сад
Без цветов лазоревых?
Уж как чей золот терем без крыши, без золотой?
Уж как чей золот перстень без вставки,
без яхонта?
Уж как чья голубушка
Без сизого голубя?
Как возговорит Федосья,
Как возговорит свет Никитишна:
Уж как мой зеленой сад
Без цветов лазоревых;
Уж как мой терем без крыши, без золотой;
Уж как мой золот перстень без
вставки, без яхонта;
Уж как я голубушка без друга сердечного.

26.

Не лежи черной бобер
На крутом берегу,
Не сиди Тарас, господин,
Во чужом пиру,
Не сиди свет, Яковлевич,
Во чужом пиру,
Снаряжай свадьбу снаряжену.
Ах, вы глупые люди, неразумные!
У меня свадьба снаряжена,
Девять варей пиво сварено,
Десятая варя сладких медов.
Не гуляй птица в чужом саду,
Не сиди, Федосья, во чужом пиру,
Не сиди, Тарасьевна, во чужом пиру,
Снаряжай свадебку снаряжену.
Ах, вы глупые люди, неразумные!

У меня свадьбу снаряжена,
Девять печей хлеба вспечено,
Десятая печь сладких пирогов.

27.

Как у месяца золоты рога,
Как у солнышка лучи ясные,
У Ивана кудри русые,
У Тарасьевича по плечам лежат,
Уж ему люди дивовалися:
Не красно ль солнце воспородило?
Не светел ли его месяц воспоил, воскормил?
Не частые ли звезды возлелеяли?
Ах, вы глупые люди, неразумные!
Воспородила меня родная матушка,
Вспоил, вскормил родной батюшка,
Возлелеяли меня няньки, мамушки.

28.

В воскресенье Ивана-то родная матушка спородила,
В воскресенье Тарасьевича родная матушка спородила,
Во Воскресенску заутреню,
Уму-разуму учила:
Уж ты будь, мое дитятко,
Талантливый и счастливый,
Государю услужливый,
К невестам счастливый!
Ты поедешь жениться:
Не пускай коня по двору,
Ты сведи коня ворона
На конюшенку придворную,
Ты отдай коня ворона
Ты придворным конюхам,
Напоили бы его сытицею,

Накормили бы пшеницею;
Ты взойдешь во новы сени,
Скидавай пухову шляпу,
Обтирай кудри русые,
Вытирай ноги до суха;
Ты взойдешь в нову горницу,
Ты долго Богу молися,
Ты низко тестю кланяйся,
Поклонися пониже тещеньке,
Узнавай свою сужену;
Твоя сужена снаряжена,
Выше всех она посажена,
Что сидит она с городом,
На головушке терем,
А в ушах дороги серьги,
Дороги, брильянтовы.

29.

Из-за месяца светит, ай реди, реди!
Из-за светлого светит, ой реди, реди!
Светит месяц по роще, ой реди, реди!
Еще едет зять к теще, ой реди, реди!
Во придворной во коляске, ой реди, реди!
На манежных лошадках, ой реди, реди!
Изумилася теща, ой реди, реди!
Изумилася голубка, ой реди, реди!
Чем мне зятя света дарити, ой реди, реди!
Подарю уж зятя света, ой реди, реди!
Золотыми часами, ой реди, реди!
Зять часы не принимает, ой реди, реди!
За дары не считает, ой реди, реди!
Он со стула не встанет, ой реди, реди!
Благодарствуй не скажет, ой реди, реди!
Из-за месяца светит, ой реди, реди!
Из-за светлого светит, ой реди, реди!

Светит месяц по роще, ой реди, реди!
Еще едет зять к теще, ой реди, реди!
В придворной коляске, ой реди, реди!
На манежных лошадках, ой реди, реди!
Изумилася теща, ой реди, реди!
Изумилася голубка, ой реди, реди!
Чем мне зятя света дарити, ой реди, реди!
Подарю зятя света, ой реди, реди!
Свет Прасковьею душою, ой реди, реди!
Наделю зятя свет Тарасьевною, ой реди, реди!
Зять в дары Прасковью принимает, ой реди, реди!
За часть считает, ой реди, реди!
Он со стула встанет, ой реди, реди!
Благодарствуй скажет, ой реди, реди!

30.

Ах, заря, заря, свет Прасковья душа!
Ах, заря, заря, свет Тарасьевна!
Зарею она в город шла,
Ко двору она пришла тучею,
На широкий двор взошла дождичком,
На круто крылечко взошла солнышком,
Во высок терем взошла девицей,
Села за столом с молодцом,
Махнула веером во весь терем,
Становитеся все князья рядом,
Говорит с батюшкой все ладом.
Чем меня батюшка дарует?
Дарует батюшка тремя теремами,
Сулит батюшка жениха.
Ах, заря, заря, свет Прасковья душа,
Ах, заря, заря, свет Тарасьевна!
Зарею она в город шла,
Ко двору она пришла тучею,
На широкий двор взошла дождичком,

На круто крылечко взошла солнышком,
Во высок терем взошла девицей,
Села за столом с молодцом,
Махнула веером во весь терем,
Становитеся князья все рядом,
Говорить с матушкой все ладом.
Чем меня матушка дарует?
Дарует матушка тремя сундуками,
Сулит матушка жениха.

31.

Как по сеням, по сеничкам,
По частым переходичкам,
Золотые были выходы,
Что по тем по выходам,
Разостланы куньи, соболи,
Что по тем куньям, соболям,
Все сидели красные девушки,
Пелагеины подруженьки,
Все Петровны голубушки.
Посидите девушки,
И вы с утра день, до вечера,
Со вечера, до бела света,
Со бела света, до суда Божья.
И вы сдайте, девушки,
И вы с рук, да на руки,
К Ивану на веки,
К Петровичу на веки.
Золотые метелочки,
Что мели, повымели?
Три горницы, три новые,
Одну не вымели,
Угловую нову горницу,
Где сидит любый свекор,
Со лютой со свекровушкой.

Уж они умеют судить, рядить,
Про чужое мило детище,
Что недавно приведенное,
Что идет дремливое,
Много бед набедило,
Много искот наискотила.

32.

Что без ветра, без вихоря,
Воротички отворотилися.
Как въезжал на широкий двор
Свет Игнатий, господин,
Свет Петрович, сударь.
Увидела Прасковья душа,
Из косящатого окошечка,
Закричала громким голосом:
Сберегите, подружки, меня!
Сберегите, голубушки!
Вот идет разоритель мой,
Вот идет погубитель мой,
Вон идет расплести косу,
Вон идет увезти красу.
Как возговорит свет Игнатий господин,
Как возговорит свет Петрович:
Не пугайся, Прасковья душа,
Не пугайся, Тарасьевна!
Уж не я разоритель твой,
Уж не я погубитель твой,
Уж не я расплету косу,
Уж не я увезу красу;
Разоритель твой батюшка,
Погубительница матушка,
Расплетет косу свашенька,
Увезет красу друженька;
Мое дело постороннее,
Постороннее, мне тебя взять.

33.

Не кладу судну жалобу
Ни на батюшку,
Ни на матушку,
Положу я судну жалобу
На сваху чужестранницу,
На ту подговорщицу:
Что ходила почастехоньку,
Говорила полегохоньку,
Чужу сторону нахваливала,
Нахваливала, наговаривала:
Как чужая-то сторонушка –
Она сахаром посеяна,
Сладкой водицей поливана,
Виноградом огорожена,
Она радостью подвязана.
У Петра широкий двор,
У Петровича широкий двор,
Он стоит на семи верстах,
На семи с половиною,
Среди двора нов терем,
Что новым он, новешенек.
Не жила, так не ведала,
Пожила, так спроведала:
Как чужая-то сторонушка
Она горем насеяна,
Горючими слезами поливана,
А печалью огорожена.
А скорбью подвязана,
У Игнатья широкий двор,
Он стоит на семи шагах,
На семи с половиною,
Среди двора банюшка,
Что гнилым, гнилешенька,
Углы прочь отвалилися,

А бревны раскатилися,
Что нельзя не пройти, не проехати,
Мне к родимому батюшке.
Позову сваху в гости,
Напою сваху допьяна,
Я столкну сваху с лестницы,
Я сломлю свахе голову.
Вот тебе, свашенька,
За твое стараньице!
Говорила все, наговаривала,
Наговаривала, обманывала.

34.

Я не знала, не ведала,
Ко мне сваха приехала,
Молодая, гордливая,
Молодая, спесивая,
Не ступя, она ступила,
Не молвя, слово молвила,
Хоть она и ступила
По атласу, по бархату,
Что по той парче, на золоте,
Хоть она слово молвила
Со князьями, со боярами,
Что со мной, красной девицей,
Свет Прасковьей Тарасьевной:
Собирайся, ты, умная,
Снаряжайся разумная,
Прочь от батюшки, от матушки,
Прочь от красных девушек,
Милых подруженек.
Под судом мне тошнехонько,
От венца голова болит,
Белы руки опустятся,
Скоры ноги подкосятся,
Очи ясные помутятся.

35.

Растопися, банюшка,
Раскалися ты каменка;
Ты рассыпся крупен жемчуг
По атласу, по бархату,
Что по той парче, на золоте.
Как расплачется, свет Прасковья душа,
Как расплачется, свет Тарасьевна,
Перед родным своим батюшкой!
Государь мой, родимый батюшка:
Ты на что вино куришь?
Ты на что пиво варишь?
Ты на что меда ставишь?
Ты дитя ль мое, дитятко!
Поезжан дарю, друга милого,
Что свекра со свекровушкой,
Деверьев со золовушками.
Растопися, банюшка,
Раскалися ты каменка;
Ты рассыпся крупен жемчуг
По атласу, по бархату,
Что по той парче, на золоте.
Как расплачется, свет Прасковья душа,
Как расплачется, свет Тарасьевна,
Пред родною своею матушкой:
Государыня моя, родная матушка!
Ты на что холсты носишь?
Ты на что дары кроишь?
Ты дитя ль мое, дитятко!
Поезжан дарю, друга милого,
Что свекра со свекровушкой,
Деверьев со золовушками.

36.

По частым переходичкам,
Что ходила, тут гуляла,

Молодая тут боярыня,
Свет Федосья Тарасьевна;
Во руках она носила
Да два яхонта чистые,
Два алмаза граненые,
Изумруды зеленые,
А сама приговаривала:
Ах, вы яхонты, яхонты,
Да алмазы граненые,
Изумруды зеленые!
Полежите малешенько,
Пока я, молодешенька,
Уж я ль, молодешенька,
Поутру встану ранешенько,
Я умоюся белешенько,
Я оденуся чистешенько,
Я пойду, молодешенька,
Из горницы, в горницу,
Из светелочки, в теремную,
Я открою в сад окошечко,
Погляжу я во окошечко:
Что светел ли месяц,
Что красно ль красно солнышко,
Что уж весел ли милый друг,
Свет Василий Федулович?
В честном пиру сидючи,
Он пьет, прохлажается,
Сам женой похваляется.
У меня жена умная,
Свет Федосья Тарасьевна;
Она пива и меду не пьет,
Зелена вина в рот не берет,
Она ходит как павушка,
Говорит как лебедушка,
Она пройдет, утешит меня,
Слово молвит, обрадует.

37.

Стелется и вьется,
По лугам трава зеленеется.
Целует, милует,
Федулович милует,
Василий жену целует,
Душенькой называет,
Разлапушкой величает.
Душенька Федосья,
Сердце мое Тарасьевна!
Спороди ты сыночка,
Сына ясного соколочка,
И личиком во меня,
И разумом и умом.
За услугу за твою
Солью перстень золотой,
Солью тебе и другой,
Со вставочкой дорогой,
Брильянтом осыпной.
Носи, мой друг, не жалей,
Качай сына, да лелей.
Стелется и вьется,
По лугам трава зеленеется.
Целует, милует,
Василий жену целует,
Федулович милует,
Душенькой называет,
Разлапушкой величает:
Душенька Федосья,
Сердце мое Тарасьевна!
Спороди дочку
И дочь белу лебедушку,
И личиком во себя,
И разумом и умом.
За услугу за твою

Сошью тебе пару голубу,
Сошью тебе и другу,
Левантинову голобу.
Носи, мой друг, не жалей,
Качай дочь, да лелей.

38.

Не вейте, не вейте,
Ветры буйные,
Не раскачивайте
Звонки колоколы,
Не разбудите
У Василья жену,
Не разбудите
У Федуловича жену.
Вечер его жена
Во пиру была,
Поутру рано
Сына родила!
Бабушка была
С Шереметьева двора;
Кумом был Долгоруков сын;
Кума-то была,
Трубецкого жена.
За то его Царь,
За то его Государь
Много жаловал:
Тремя городами,
С пригородочками,
С притеремочками.

39.

Уж я думала, подумала,
Я путем слово молвила,

Полно жить мне у батюшки,
Работать на матушку,
Мне пора младой замуж идти.
Услыхал мой батюшка
Словеса мои грубые,
Отдал меня батюшка
За семь сот два городов,
За двенадцать монастырей.
Не велел мне батюшка
Не тужити и не плакати,
Ни к себе в гости ездити.
Я год жила, не тужила,
Я другой жила, не плакала,
Я на третий год стосковалася,
На четвертый год сбиралася,
Я собравшись, поехала.
Как встречал меня батюшка
Среди поля чистого,
На пути, на дороженьке,
А родимая матушка
У широких воротичков,
А как братцы, ясны соколы,
Середи широкого двора,
А сестрицы голубушки
Середи-то крутого крыльца.
Как возговорит батюшка:
Ты зачем дочь приехала?
Государь, родной батюшка!
Живучи, стосковалась
У чужого отца, матери,
У чужого роду, племени.

40.

Ах, вы гуси.
Ах, вы лебеди,

Вы куды, гуси, летали?
А мы уж летали, летали
С моря, да на море.
Да уж что вы гуси видели?
Серу утицу на море.
Для чего ж вы ее не взяли:
Хотя мы ее не взяли,
Крылья, перья вон повыщипали,
Горючую кровь пролили;
Уж теперь же наша.
Вы князья, вы бояре:
Вы куды, князья ездили?
А мы ездили, ездили,
А мы из города, в город.
Уж и что князья видели?
А мы видели, видели:
Душу Полиньку, в тереме,
Свет Тарасьевну в высоком.
Для чего же вы ее не взяли?
Хотя мы ее не взяли,
По рукам ударили
Быть сговору, девишнику,
Быть девичьему вечеру,
Мы русу косыньку расплели,
Мы по плечикам распустили,
Уж теперь она наша стала.

Сибирские свадебные песни, помещенные в Записках о Сибири.

1.

Волга река
Разливается,
Широка камка

Расстилается;
Григорий на коне,
Петрович на добром,
Спотешается.
Матрена в тереме,
Матвеевна в высоком,
Снаряжается.
Снарядилась,
Горько плакала,
Как будет идти
Во чужие люди;
Как будет звать
Свекра батюшком.
Батюшком звать мне не хочется,
Свекром звать так не водится.
Убавлю я спеси, гордости,
Прибавлю я ума-разума,
Буду звать
Свекор батюшка.

2.

Как во светлой во светлице,
Во столовой, новой горнице, ой ре-ди-ди!
За столом белодубовым,
Тут сидела красна девица,
Свет Анна Ивановна, ой ре-ди-ди!
Ко столу припадает,
Ко отцу причитает:
Государь, родной батюшка,
Свет Иван, сударь, Петрович?
Ты спищи лицо белое
На столе белодубовом.
У тебя гости будут,
У тебя меня спросят,
У тебя меня нет.

Ты на стол-то взглянешь,
Меня девицу вспомянешь,
Свет Анну Ивановну.

3.

Вокруг моря, вокруг синего,
Вокруг синего, моря Хвалынского,
Облегли туманы, со маренами.
У души, у красной девицы,
У Матрены души Дмитриевны,
Вокруг ее ретивого сердца,
Облегла тоска со кручиною.
Государь мой, родной батюшка,
Свет Дмитрий Степанович!
Ты возьми саблю острую,
Ты соими мою белую грудь,
Смотри ретивое сердце.
Свет мое дитятко любезное,
Свет Матрена, душа Дмитриевна!
Нечего брать саблю острую,
Нечего снимать твою белую грудь,
Нечего смотреть ретивое сердце,
Знать тебя, дитятко,
По белому лицу:
Белое лицо приусмягнуло,
Алые румянцы прикрылися,
Ясные очи помутилися,
Из очей слезы покатилися.

4.

Ах, ты свет моя, светлая светлица,
Ах, ты свет ли моя, столовая горница,
Во сыром-то бору светлица рублена,
По тихому Дону светлая плавлена,

На прекрасном месте светлица ставлена,
Косящатыми окошками во зеленый сад,
Крутым красным крылечком во широкий двор.
Как во той ли то во светлой во светлице,
Как во той ли во столовой новой горнице,
Наставлены столы-то все дубовые,
Разостланы скатерти браные;
А за тем ли столом белодубовым
Сидел удалой, добрый молодец,
Как по имени Василий сударь Григорьевич.
Он играл во гусли звончатые,
Он наигрывал волю, волю батюшкину,
Он наигрывал негу, негу матушкину.
Приходила гусли слушать Ольга душа,
Приходила гусли слушать Афанасьевна;
Она слушала гусли, сама вон пошла,
Сама вон пошла, горько заплакала.
Ах ты свет-то воля, воля батюшкина,
Ах ты свет-то нега, нега матушкина.
Отставать-то будет от воли, воли батюшкиной,
Отставать-то будет от неги, неги матушкиной,
Привыкать-то будет ко нраву свет Василия,
Привыкать-то будет ко нраву свет Григорьевича.

5.

Дорогая наша гостейка,
А свет Марья, душа Ивановна,
На добрых конях приехала,
Во атласе она, в бархате,
Соболями гостья обвешанная,
Жемчугом гостья унизанная.
Вы берите тое гостейку,
За те-то ручки белые,
За те-то перстни злаченые,
Вы ведите тое гостейку

Во столовую новую горницу;
Вы садите тое гостейку
За столы-то, за дубовые,
Вы за скатерти, за браные,
Вы за ества, за сахарные,
Вы за питья, за медвяные,
Ты покушай наша гостейка,
У любезного у сватушки,
У любезной своей сватьюшки.

Русские свадебные песни, собранные в Олонецкой губернии.

1.

Ты скажи-ка, чужой чужбинин,
Уж ты где меня повысмотрел,
Уж ты где меня повыглядел,
На горочке катаючись,
О христовом дни качаючись,
Аль на тихой-смирной беседушке?
И тогда у меня молодешенькой
Было туку прибавлено,
Было росту принаставлено,
Накладно ли лицо белое
И белым было набеленное
Алым да нарумянено.

2.

Не дари-ка, чужой чужбинин,
Ты нищенскими подарками, –
На церковном крыльце выпроси –
Уж я жила молодешенька
У родимого у батюшки,
Я носила молодешенька

По христовым воскресеньицам
Я башмачки козловые,
Чулочки бумажные;
По годовым по праздничкам
Я чулочки шелковые
И башмачки сафьянные!
Ты послушай, чужой чужбинин:
С моим родом познатися
Прозакладать все житье-бытье, именьице,
И хоромное строеньице.
Как дарить тебе, отдаривать
Мой род, племя великое?
У меня родня широкая:
Сорок тетушек,
Сорок дяденек,
Шестьдесят желанных дядюшек.
В моем-де роду племени
Все попы, отцы духовные
И причетники церковные,
По губерниям – губернаторы,
По городам – городничие,
По уездам – исправники,
По правленьям – славны головы
Да по земским – пятистские!

3.

Охти мне, да охти мне шинько!
Хоть мне долго издеватися,
Будет бедной покоритеся!
Подойти да молодешеньке
Ко столу да ко княжескому,
Ко кругу да молодецкому,
Поклонитеся да низешенько
Уж мне снять фату алую.
Не помни, чужой чужбинин

Ты ни лихой моей лихости,
Да не грубой моей грубости;
Ты гляди, чужой чужбинин,
Господин души, отецкой сын,
Мне прямо во бело лицо,
В точь, во ясны очи.
Я девушка не корыстная!
Тебе брать, чтобы не каяться
Мне бы жить, чтобы не плакаться
На чужой дальней сторонушке!

4.

Прости, красно мое солнышко,
Желанный кормилец, батюшка,
И родительница матушка!
Охти мне да охти мне шинько
Дочь кручинную головушка.
По последнему денечику
Я сидела молодешенька
Я во светлой своей светлице,
Во высокой новой горнице.
Уж я шила волю золотом,
Обшивала чистым серебром,
Я смотрели молодешенька
Из косящаго окошечка,
На озеро на Онежское;
Из-за озера за Онежского
Летят птицы заморские,
Соловей, птица свистущая,
Орел, птица говорущая.
Орел сел да на окошечко
Соловей сел под окошечком;
Орел стал да выговаривать,
Соловей стал да высвистывать:
Не сиди, наша голубушка,

Под косящатым окошечком,
Ты не трать да чиста серебра
И не порти красна золота:
По сегодняшнему денечку
Быть саду да полоненному,
Всему роду покоренному;
Волюшке быть в неволюшке,
Девушке быть во забавушке.
Незадолго поры-времени
Проскрипели дубовые сани,
Пробренчала золота узда,
Просвистала шелковая плеть:
Приезжал злодей, большой сват,
Насулил он батюшке
Много пива, много пьяного.
Говорил желанный батюшка:
Мне-ка пить, да не запитися;
Не променяю любовь дочери
Я за винную за рюмочку.
Выводил да злодей большой сват
Много злата, много серебра,
Много скатного жемчуга.
Говорит родимая матушка:
Серебром-да не слюзы слюзить
Золотом-да не тыны тынить,
Жемчугом да не сады садить. –
Пропились да промотались
Желанные мои родители,
Пропили мою головушку,
Не запивную за рюмочку:
Верно я да молодешенька
Надоела да наскучила!
Видно, бедная я напрокучила
Своим долгим девичеством,
Глупым, малым ребячеством!
Я приела молодешенька

Все я стоги пятигодные,
Да засеки неисходные!
Приносила молодешенька
Все я цветные платьица,
Придержала молодешенька
Всю бессметную золоту казну!
Как при мне молодешеньке
У моих свет, у родителей
Уж как в поле не родилося,
На дворе да не плодилося,
На столе да не спарилося!
Изживают меня бедную,
Будто ворога из города,
Люта зверя из темна леса!
Погоди, родима матушка,
Схватишься да догадаешься,
Коль не будет меня бедной
И по бережку находишься,
Камешком наприбираешься,
И к сердцу прижимаешься!
Рада будешь, красно-солнышко,
Через поле в глаза видети,
Через лес да голос слышати,
Через речку речь говорити.
У меня у молодешеньки
Будет волюшка спрошенная
Красота да доложенная;
Мне захочется тошнешенько
На родимую сторонушку,
Да отхочется скорошенько.
У меня день пройдет спрошаючи,
Другой день да воздолжаючись,
Неделька снаряжаючись,
На родимую сторонушку.
Осенью – да бездорожьеце,
А весною – да беспольеце,

Летом – летние работушки,
Зимою – зимушка студеная.
И не спустят меня, бедную,
На родимую сторонушку…
Уж мы свидимся – наплачемся,
Разойдемся – натоскуемся.

5.

По последнему денечку,
Нанесли тучку черную
Со громами со трескучими,
Со молниями со сверкучими:
На батюшков высок терем,
На матушкину горенку.
Приезжал чужой чужбинин
С храбрым своим поездом
С поезжанами молодыми.
Где-то есть у молодешеньки
Сокол брат, братец родименький,
Голубочек златокрыленький,
Запонка, да воротовая
Сердолик дорогой камень?
Наряжу я молодешенька
Службицу я невеликую;
Да работу нетяжелую;
Ты сходи-ка, братец, сокол мой,
В постоянную конюшенку,
Ты возьми-ка, братец, сокол мой,
Что лошадь самую лучшую,
Запряги-ка, братец, сокол мой,
В саночки, да в самокаточки,
Поезжай-ка, братец, сокол мой,
В славный город Вытегру,
В лавочки торговые.
Закупи-ка, братец, сокол мой,

Гарнитуру мне черного,
И шелков семи разныих,
Где-то есть у молодешеньки
Тайны, милые подруженьки,
Дорогие поравеночки
Вы повышейте, голубушки,
Заузорчатую занавесь;
Вы на первом углу вышейте:
Вы литву да со татарами;
На другом углу вышейте
Вы Москву да со боярами;
Вы на третьем углу вышейте:
Царя да со Царицею;
На четвертом углу вышейте
Короля с королицею;
На середочке вы вышейте
Красно солнышко со месяцем
Да со частыми звездочками.
Ты повесь-ка, братец, сокол мой,
Заузорчатую занавесь:
Ко крыльцу, да ко перильному
И ко столбику точеному,
Ко колечку золоченому;
Как поедет да чужой чужбинин –
В городах он не бывающий,
Мудрости мало ведающий –
Разглядится, да рассмотрится
На узорчатую занавесь
И оставит молодешеньку
На родимой сторонушке
У желанных родителей…
Глупая я, красна девица,
Неразумная головушка:
Как поедет да чужой чужбинин –
Впереди его вожатые,

Позади же провожатые,
По стороне да сбережатые;
В городах они бывалые,
Много мудрости видалые,
Не отпустят молодешеньку
На родимую сторонушку!

6.

Не пускай-ка, братец, сокол мой,
Без допросу на круто крыльцо
Без доклада к красной девице!
«Я не знала, не ведала,
Когда сваха приехала,
Спесивая, гордливая.
Она ступит – не ступила,
Слова не смолвила;
Хотя ж она ступила,
Хотя ж она смолвила:
Наряжайся-ка, умная,
Снаряжайся, разумная,
Что ль во ту ль Божью церковь,
Что ль к тому ль Божию суду
Отойди же прочь обманщица,
Отойди подговорщица,
Мне и так уж тошнехонько
Расставаться с родительми
У суда ведь ноги ломят,
Под венцом голова болит».

7.

Про тебя ль это красна девица
Речь не добрая, да не хорошая.
Что сгубила ты да добра молодца,
Что ни зельями, да не кореньями,
Что сгубила ты, да красотой своей?

Черным оченькам с поволокою
Грудью белою, лебединою,
Станом, поступью, да что ль павлиною.
Люди добрые льзя ли веры инять,
Что сгубила я до добра молодца?
Ах не я, не я, голова своя
Голова своя, да молодецкая,
Свою волюшка, да безъотецкая
Зелено вино, да брага пьяная.

8.

Уж как стал меня свекрушко побранивати,
А свекровка на ошестки переварчивает,
А золовки колотовки колотовничают
А деверья соколы насмехаются!
Мила лада на полатях из подлобьица глядит,
Из подлобьица глядит, ничего не говорит!
Я осмелилася, ощетинилася,
Свекру-батюшке сказала: киселем бы задавился!
А свекровушке сказала: молоком бы залилась! –
А золовушкам голубушкам: самим в люди идти;
А деверьям соколам: будут жены таковы;
Милой лады на полатях искосило бы глаза,
Притуманило бы, присаврасило бы!

РУССКИЕ СЕМЕЙНЫЕ ПЕСНИ

1.

Как бы знала, как бы ведала
Неприятство друга милого,
Нелюбовь друга сердечного,
Не сидела бы поздно вечером,
Я не жгла б свечу воску ярого,
Не ждала бы я друга милого,
Не топила бы красна золота,
Не лила бы золота кольца,
И не тратила бы золотой казны.
Я слила бы себе крылушки,
Полетела б на иной город,
Что искать себе друга милого.
И я села бы среди площади,
И я стала бы клич кликати.
Кто бы стал со мной советывать,
Как бы мне забыть друга милого,
Проклинала б я разлучника,
Что разлучил меня со милым дружком,
Со милым дружком, со сердечныим.

2.

Ты дуброва моя, дубровушка,
Ты дуброва моя, зеленая!
Ты к чему рано зашумела,
Приклонила свои веточки?
Из тебя ли, из дубровушки,

Мелки пташечки вон вылетали,
Одна пташечка оставалася,
Горемычная кукушечка.
Что кукует она день и ночь,
Ни на малой час перемолку нет,
Жалобу творит кукушечка
На залетного ясна сокола:
Разорил он ее тепло гнездышко,
Разонал ее малых детушек,
Малых детушек, кукунятушек.
Что по ельничку, по березничку,
По часту леску, по орешничку.
Что во тереме сидит девица,
Что во высоком сидит красная,
Под косящетым под окошечком;
Она плачет, как река льется,
Возрыдает, что ключи кипят,
Жалобу творит красна девица
На заезжего добра молодца:
Что сманил он красну девицу,
Что от батюшки и от матушки,
И завез он красну девицу
На чужедальнюю сторону,
На чужедальнюю, незнакомую,
Что завезши, хочет покинути.

3.

Уж как полно красна девица тужити,
Не наполнишь ты синя моря слезами,
Не воротишь друга милого словами!
Говорила я милому, говорила,
Я в упрос ли друга милого просила:
Не женися ты, мой милой, не женися?
Не послушался, душа моя, женился!
Он просыпал ко бедну сердцу печали,

И он налил очи ясные слезами
Запечатал уста алые он кровью.

4.

Стругал стружки добрый молодец,
Брала стружки красна девица,
Бравши стружки, на огонь клала,
Все змей пекла, зелье делала,
Сестра брата известь думала;
Выходила посередь двора,
Наливала чару прежде времени,
Подносила брату милому.
Ты пей, сестра, наперед меня. –
Пила, братец, наливаючи,
Тебе, братец, поздравляючи.
Канула капля коню на гриву,
У коня грива загорелася.
Сходит молодец с добра коня,
Вынимал свою саблю острую,
И соимал с сестры буйну голову.
Не сестра ты мне родимая,
А змея ты подколодная. –
Он клал дрова среди двора,
И он сжег ее тело белое,
Что до самого до пепла;
Он развеял пух по чисту полю.
Заказал всем тужить и плакати.

5.

Уж как пал туман на сине море,
А злодей-тоска в ретиво сердце;
Не сходить туману с синя моря,
Уж не выйти кручине из сердца вон.
Не звезда блестит далече во чистом поле,
Курится огонечек малешенек;

У огонечка разостлан шелковой ковер,
На коврике лежит удал добрый молодец,
Прижимает платком рану смертную,
Унимает молодецку кровь, горючую;
Подле молодца стоит тут его добрый конь.
И он бьет своим копытом в мать сыру землю,
Будто слово хочет вымолвить своему хозяину:
Ты вставай, вставай, удал добрый молодец!
Ты садись на меня, своего слугу,
Отвезу я добра молодца на родиму сторону,
К отцу, матери родимой, к роду племени,
К малым детушкам, к молодой жене!
Как вздохнет тут удал добрый молодец;
Подымалась у удалого его крепка грудь,
Опустилась у молодого белы руки,
Растворилась его рана смертельная,
Пролилась ручьем кровь горючая,
Тут промолвил добрый молодец своему коню:
Ах ты конь мой, конь, лошадь верная!
Ты товарищ в поле ратном,
Добрый пайщик службы царской!
Ты скажи моей молодой вдове,
Что женился я на другой жене,
Что за ней я взял поле чистое;
Нас сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрела.

6.

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона ль моя, незнакомая!
Что не сам-то я на тебя зашел,
Что не доброй-де конь меня завез;
Завезла меня, доброго молодца,
Прыткость, бодрость молодецкая,
И хмелинушка кабацкая.
Породила меня матушка

Во бессчастный день, во пятницу,
В зеленом саду гуляючи,
Что под крышею под зеленою,
Что под яблонью под кудрявою;
Пеленала-де меня матушка
Во свивальничек алый бархатный;
Одевала меня матушка
Одеяльицем соболиным;
Берегла меня матушка
И от ветру и от вихоря,
Что от часта, мелка дождичка;
Не спасла меня матушка
Что от службы Государевой,
От чужедальней сторонушки.

7.

Уж не лебедь ходит белая
По зеленой травке, шелковой,
Ходит красная девица душа
Во кручине, в мыслях горестных,
Закрывала очи ясные
Снегобелым рукавом,
Проливала слезы крупные,
Думала думу крепкую.
На кого меня покинул ты,
Мил сердечный друг?
Для тебя отстала я от всех,
И от батюшки и от матушки,
Я покинула родиму сторонушку,
Расплела я косу русую,
Поверивши другу милому.
Ах, раскройся мать сыра земля!
Поглоти меня, несчастную;
Уж мне солнышко не светит,
Уж меня милой друг не любит.

8.

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла?
Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда цвела, когда вызрела?
Я весной взошла, летом выросла,
Я весной цвела, летом вызрела.
Под тобою ли, рябинушкой,
Что не мак цветет, не трава растет,
Не трава растет, не огонь горит,
Не огонь горит – ретиво сердце,
Ретиво сердце, молодецкое.
Ах, горит, горит, как смола кипит,
По душе ль, душе, по лебедушке,
По лебедушке, по голубушке,
По голубушке, красной девице.
Ты душа ль, душа красна девица!
На заре ль, заре, заре утренней,
При восходе ли светла солнышка,
Не простившися с отцом, с матерью,
Не видавшись с добрым молодцом,
Жизнь оставила, скончалася.
Ой, вы ветры, ветры теплые,
Ветры теплые, вы осенние!
Вы не дуйте здесь, вас не надобно.
Прилетайте вы, ветры буйные,
Что со северной со сторонушки,
Вы развейте здесь мать сыру землю,
И развеевши по чисту полю,
По чисту полю, по широкому,
Вы раскройте мне гробову доску,
Уж и дайте мне вы в последний раз
Распрощатися с моей милою,
С моей милою, с душой девицей!
Окропив ее горючей слезой,
Я вздохну, умру подле ней тогда.

9.

Ах пал туман на сине море,
Вселилася кручина в ретиво сердце,
Не схаживать туману со синя моря
Злодейке кручине с ретива сердца.
Что далече, далече, во чистом поле
Стояла тут дубровушка зеленая,
Среди ее стоял золотой курган,
На кургане раскладен был огонечек,
Возле огонечка постлан войлочек,
На войлочке лежит ли доброй молодец,
Припекает свои ранушки боевые,
Ранушки боевые, кровавые.
Что издалеча, издалеча, из чистого поля
Приходят к нему братцы товарищи,
Зовут ли доброго молодца на святую Русь.
Ответ держит доброй молодец:
Подите, братцы, на святую Русь,
Приходит ли ко мне смерть скорая,
Отцу матери скажите челобитьице,
Роду, племени скажите по поклону всем,
Молодой жене скажите волюшку свою,
На все ли, на четыре на сторонушки,
Малым детушкам скажите благословеньице.
Ах не жаль-то мне роду племени,
Не жаль-то мне молодой жены,
Мне жаль-то малых детушек,
Остались детушки малешеньки,
Малешеньки детушки, глупешеньки,
Натерпятся холода и голода.

10.

Как у ключика у гремучего,
У колодезя у студеного,
Добрый молодец сам коня поил,

Красна девица воду черпала,
Почерпнув воды, поставила,
Как поставивши, призадумалась,
А задумавшись, заплакала,
А заплакавши, слово молвила:
Хорошо тому жить на сем свете,
У кого есть отец и мать,
Отец и мать, и брат, сестра,
Ах, и брат, сестра, что и род племя.
У меня ль, у красной девицы,
Ни отца нету, ни матери,
Как ни брата, ни родной сестры,
Ни сестры, ни роду племени,
Ни того ли мила друга,
Мила друга – полюбовника.

11.

Ах далече, далече, во чистом поле
Стояло тут деревцо вельми высоко,
Под тем ли под деревцом вырастала трава,
На той ли на травоньке расцветали цветы,
Расцветали цветы, все лазоревые;
На тех ли на цветах разостлан ковер,
На том ли на ковре два братца сидят,
Два братца сидят, два родимые;
Большой-то братец песню припевал:
Породила нас матушка двух-то сыновей,
Вспоил, вскормил батюшка, как двух соколов.
Вспоивши, вскормивши, ничему нас не учил,
Научила молодца чужедальняя сторона,
Чужедальняя сторона, понизовы города.
Чужедальняя сторона без ветру сушит,
Без ветру сушит, без морозу знобит.
Как думала матушка нас век не избыть,
Избыла нас родимая единым часом;

А теперь тебе, матушка, нас век не видать,
А нам на родимой стороне не бывать.

12.

Ах, вы ветры, ветры буйные,
Вы буйные – ветры осенние!
Потяните вы во ту сторону,
Во ту сторону, во восточную,
Отнесите вы к другу весточку,
Что нерадостную весть, печальную;
Как вечер-то молодешеньке,
Мне мало спалось, много виделось,
Не хорош-то мне сон привиделся:
Уж кабы у меня, у младешеньки,
На правой руке на мизинчике,
Распаялся мой золот перстень,
Выкатился дорогой камень,
Расплеталася моя руса коса,
Выплеталася лента алая,
Лента алая, ярославская,
Подареньице друга милого,
Свет дородна добра молодца.

13.

Ах! Конь ли мой, конь, лошадь добрая!
Ты не ходи, мой конь, на Дунай реку,
Ты не пей, конь, из ручья воды;
Из ручья красна девица умывалася,
Она белыми белилами белилася,
Она алыми румянами румянилася,
Она черными сурмилами сурмилася,
Во хрустально чисто зеркало гляделася,
Красоте своей девичьей дивовалася.
Красота ль моя, красота девичья!
Ты кому-то красота достанешься?

Как досталась красота моя мужу старому.
Я могу ли красота тебя убавити?
Да что красного золота увесити?
Да что крупного жемчугу рассыпати?

14.

Как у доброго молодца зелен садик,
Посеял добрый молодец цветочки,
Посеявши цветочки, сам заплакал:
Ах, я свет мои лазоревы цветочки!
Кому-то вас цветочки поливати,
От лютых от морозов укрывати?
Отец и мать у молодца стареньки,
Одна была родима сестрица,
И та пошла на Дунай реку за водицей.
Во Дунай ли реке она потонула?
В темном ли лесу заблудилась?
Серые ли ее волки разорвали?
Аль злы татары ее полонили?
Кабы она в Дунай реке потонула,
Дунай река с песком возмутилась;
Кабы ее серы волки разорвали,
Косточки бы по чисту полю разметали;
Как бы ее татары полонили,
Уж бы мне, добру молодцу, весточка была.

15.

Не былинушка в чистом поле зашаталася,
Зашаталася бесприютная голубушка,
Бесприютная головушка, молодецкая;
Уж куда я, добрый молодец, не кинуся,
Что по лесам, по деревням все заставы,
На заставах ли все крепки караулы;
Они меня ловят, стерегут;
Что куда-то ни пойду, братцы, ни поеду,

Что ни в чем-то мне, добру молодцу, нет счастья.
Я с дороженьки, добрый молодец, ворочуся,
Государыне своей матушке спрошуся.
Ты скажи, скажи, моя матушка родная:
Под которой ты меня звездой породила?
Ты каким меня и счастьем наделила?

16.

Ах, ты солнце, ты солнце красное!
Ты к чему рано за лес катишься?
У меня в глазах сердечный друг,
Не гостит он, не жалует,
Все домой снаряжается.
Провожу ли я друга милого
Чрез два поля чистые,
Через три луга зеленые,
Чрез матушку камену Москву.
Я тут с другом расставалася,
Я слезами обливалася,
Во слезах ему слово молвила:
Коли лучше меня найдешь – позабудешь;
Коли хуже меня найдешь – вспомянешь.

17.

Не спала-то я, младешенька, не дремала,
Я не думала, младешенька, не гадала,
С правой руки ясного сокола опустила;
Подымался млад ясен сокол выше лесу,
Выше лесу, выше зеленой дубровы!
Опускался млад ясен сокол на сине море,
Он садился млад ясен сокол на кораблик;
По кораблику гостиный сын гуляет,
Во звончатые он гусельки играет,
Он душу красну девицу утешает:
Ты не плачь, не плачь, душа красна девица,

Наживай себе друга милого, иного.
Буде лучше меня найдешь – позабудешь;
Буде хуже найдешь – вспомянешь,
Вспомянув меня, душа моя заплачешь.

18.

Как у нас было, во прошлом году,
Уродилась сильна ягода в бору,
Заблудилась красна девица в лесу,
Она вышла на Оку реку,
Сама села на крутом берегу,
Она кличет перевозчика к себе:
Перевозчик, перевозчик молодой,
Перевези меня скорешенько домой?
У меня дома нет никого;
Родной батюшко к обедни пошел,
Родна матушка во честной пир.
Прилетал тут к ней сиз голубчик,
И он сел, взлетел на младой на дубок;
Поклевал голубь желуди все,
От сыра дуба отросточки,
Рассыпались ее косточки.

19.

Встрепенется сокол,
На дубу сидючи,
Как расплачется девица,
Во терему сидючи:
Не давай, сударь, батюшка,
Замуж за Волгу реку,
Государыня матушка,
Ты меня за волжанина?
Как захочется, батюшка,
Мне у тебя побывать,
Государыня матушка,

Мне у тебе погостить,
Я на Волгу приду
Я суденца не найду,
Хоть суденцо найду,
Весельца не сыщу,
Хоть весельцо сыщу,
Я гребца не найду,
Хоть гребца я найду,
Волга река протечет;
А меня, младешеньку,
Вниз по реке понесет.
Ах, свет мой красный день
Уж мне тебя не видать;
Ты надежа сердечный друг,
Мне у тебя не бывать.
Я пойду, младешенька,
В зеленые луга,
Закричу млада громко:
То-то мне злая беда!
Ах вы лютые звери,
Собирайтеся ко мне.
Вот вам сладкая пища –
Терзайте меня;
Хоть только оставьте
Ретиво сердце,
Вы отдайте милу другу
Во белые руки.
Ах, пускай мил посмотрит,
Как я его любила!

20.

У дородного, добра молодца
В три ряда кудри завивалися,
Во четвертый ряд по плечам лежат;
Не сами кудри завивалися,

Завивала красна девица,
По единому, русому волосу,
Завивши кудри, сама задумалась:
Кабы знала я, ведала
Про свое горе, про несчастие,
Про замужье про бездельное,
Я бы сидела век в девушках
У родимого своего батюшки,
У родимой своей матушки;
Я бы чесала буйну голову,
Я бы плела трубчатую косу,
Вплетала б ленту алую,
Ленту алую, шелку красного,
Шелку красного, шемаханского.
Как бы знала я, млада, ведала,
Что просватал меня батюшка
Не в любимую сторонушку,
Не за прежнего полюбовника,
Не за ладушку за милого,
А отдал меня батюшка,
Не в согласную семью,
Не в покрытую избу.

21.

Как по крутому, по красному бережку,
Что по желтому, сыпучему песочку,
Как ходила, тут гуляла красна девица,
Она рыла себе кореньица, зелье лютое,
Натопила она кореньица в меду, в патоке,
Напоила добра молодца до пьяна,
Напоивши, положила спать,
Положивши, красна девица, насмехалася:
Ты спишь ли, моя надежа, иль так лежишь? –
Я не сплю, не сплю, душа моя, едва жив лежу;
Ты умела, красна девица, отравить меня,

Ты умей, душа, и схоронить меня;
Не клади меня, красна девица, у Божией церкви,
Положи меня, красна девица, во чистом поле,
При широкой, дальней при дороженьке;
В головах поставь, красна девица, золотой крест,
На груди поставь, душа моя, калену стрелу,
Под бока клади звончатые гусли,
В ногах поставь, красна девица, моего коня.
Буде стар человек пойдет – помолится,
Моему ли телу грешному поклонится;
Как охотники пойдут – так настрелятся;
Как млад человек пойдет – в гусли наиграется;
Как поедут мои друзья, братья и товарищи,
На моем добром коне наездятся.

22.

У душечки, у красной девицы
Много горя, много кручинушки,
В ретивом сердце зазнобушки,
Нету радости ни на малый час,
Еще только у ней и радость,
Что в уме у ней сердечный друг.
Во сыром бору гуляла,
С милым дружком не видалась,
Красотою не любовалась,
Она хочет с ним увидеться,
С добрым молодцом перекликнуться;
Ау, ау, мой сердечный друг!
Передай голосок через темный лес,
Через матушку Оку, быструю реку.
Ты, душа ль моя, красна девица!
Я и рад бы тебе откликнуться,
За мной ходят строги сторожи,
Строги сторожи, отец с матерью,
Еще с ними молода жена,
Молода жена, моя постылая.

23.

Промежду двумя высокими горами
Вырастала тонка белая береза,
Что тонка береза, кудревата,
Где не греет ее солнышко, ни месяц,
И не частые звезды усыпают,
Только крупными дождями уливают,
Еще буйными ветрами подувают.
Промежду то было нашими соседями
Вырастала тут красоточка,
Прославлялась красотою и опрятством,
Еще ростом, дородством и пригожством;
Всех вольностью она была вольнее,
И поступками она всех веселее.
Где собрались соседи веселиться,
Тут не был мил друг ее надежа;
Стала тут красоточка грустить,
Ей домой тут надо было воротиться,
И в постелюшку с кручинушки ложиться;
Там не спится, красной девушке корнится,
Под головушкой подушечка вертится,
Одеяльце соболино с плеч катится.
Как не греют ее соболи, куницы,
Ни сибирски чернобурые лисицы,
Только греет ее миленький дружочек,
Молодецкою сердечною любовью.
Взговорила она с грусти и с печали,
Со великие тоски злой и со кручины:
Как не ласточка к ней с вестью прилетала,
Нерадостную касаточка весть приносила,
Что лежит моя надежа труден-болен,
Труден-болен мил, моя надежа, в постели,
Что на мягкой на пуховой на перине,
Под собольим камчатным одеялом;
По правую руку тут стоят отец и мать,

По леву руку тут стоят брат с сестрою,
Во головах стоят друзья и братья,
Супротив сердца красна девица,
Со слезами она Богу молится:
Что подай, Боже, милу другу здоровья,
Хоть на единый, на маленький часочек,
Хоть на единый, на лишний на денечек!
Уж как бы я с милым другом погуляла,
Я бы травушки муравушки потоптала,
Я бы цветочков лазоревых нарвала,
Я бы веночек милу другу собирала,
На голову надеже надевала,
Веселясь, проводила бы до дому,
Я сказала бы: надежа мой любезный!
Мы пойдем с тобой, любезный, в одно место;
Не разлучимся, надежа, мы до смерти,
Мы простимся со белым светом на веки.
Как останутся такие про нас вести,
Что любилися с тобою хорошенько,
Мы и умерли с тобою, друг, верненько.

24.

На улице то дождь, то снег,
То дождь, то снег, то вьялица,
То вьялица, то метелица,
Кутит, мутит, в глаза несет,
Меня младу свекор зовет.
Для свекровушка, для батюшки
Сама с места не тронуся,
Не тронуся, не ворохнуся.
На улице то дождь, то снег,
То дождь, то снег, то вьялица,
То вьялица, то метелица,
Кутит, мутит, в глаза несет,
Меня младу свекровь зовет.

Для матушки, для свекровушки
Сама с места не тронуся,
Не тронуся, не ворохнуся.
На улице то дождь, то снег,
То дождь, то снег, то вьялица,
То вьялица, то метелица,
Кутит, мутит, в глаза несет,
Меня младу мил друг зовет;
Для друженька, для милого
Иду, иду скорешенько,
Скорешенько, торопешенько.

25.

Туманно красно солнышко, туманно,
Что красного солнышка не видно?
Кручина красная девица, печальна;
Никто ее кручинушки не знает:
Ни батюшка, ни матушка, ни родные,
Не белая голубушка сестрица.
Печальна красная девица, печальна.
Не можешь ты злу горю пособить,
Не можешь ты мила друга позабыть,
Ни денною порою, ни ночною,
Ни утренней зарею, ни вечерней.
В тоске своей возговорит девица:
Я в те поры мила друга забуду,
Когда подломятся мои скоры ноги,
Когда опустятся мои белы руки,
Засыплются глаза мои песками,
Закроются белы груди досками.

26.

Как по садику, по зеленому
Добрый молодец похаживает,

Он тугой лук натягивает,
Колену стрелу накладывает,
Каленой стреле приказывает:
Ты лети, лети, калена стрела,
Выше лесу по поднебесью,
Пронзи, убей, калена стрела,
Сиза голубя на каменной стене,
Серу утицу на Волге на реке,
Красну девицу во высоком терему,
Чтоб доставалась ни мне и никому,
Ни разлучнику злодею моему,
Чтобы досталась она матери сырой земле,
Чтоб доставалась сырой земле, гробовой доске.

27.

Калину с малиною вода поняла:
На ту пору матушка меня родила;
Не собравшись с разумом, замуж отдала,
На чужедальнюю на сторонушку.
Чужая сторонушка без ветру сушит;
Чужой отец с матерью безвинно крушит;
Не буду я к матушке равно три годка,
На четвертый к матушке пташкой полечу,
Горемычной пташечкою, кукушечкой.
Сяду я у матушки во зеленом саду,
Своим кукованьем весь сад иссушу,
Слезами горючими весь сад потоплю,
Родимую матушку сердцем надорву.
Матушка по сеничкам похаживает,
Невестушек-ластушек побуживает:
Вы встаньте, невестушки, голубки мои!
Что у нас за пташка в зеленом саду?
Большая невестка велит застрелить,
Меньшая невестка просит погодить;
Родная сестрица, залившись слезами,

Молвила: не наша ль горюша сюда
Прилетела пташкой с чужой стороны?

28.

Да спасибо же тебе, синему кувшину,
Ты размыкал, разогнал злу тоску кручину!
Поседела-то моя буйная головушка
Ни от время, ни от лет, все от безвременья;
Я родился во слезах, во слезах крестился,
Плакал долго сиротой от людских наветов;
Красна девица душа не для утешенья,
Все для слез же меня молодца полюбила;
Потухают во слезах мои ясны очи,
Иссыхает бела грудь с тяжких воздыханий.
Да спасибо же тебе, синему кувшину,
Ты размыкал, разгонял злу тоску кручину!

29.

Не сиди, мой друг, поздно вечером;
Ты не жги свечу воску ярого,
Ты не жди меня до полуночи.
Ах, прошли, прошли наши красны дни,
Наши радости буйный ветр унес,
И рассеял их по чисту полю!
Соизволил так родной батюшка,
Приказала мне родная матушка,
Чтоб женился я на иной жене!
Не горят в небе по два солнышка,
Не светят по два месяца,
Не любить два раза добру молодцу!
Уж я батюшки не ослушаюсь,
Родной матушки я послушаюсь,
Обвенчаюсь я со иной женой,
Я с иной женой, с смертью раннею,
С смертью раннею и насильною!

Залилась слезами красна девица,
Во слезах она слово молвила:
Ах, ты, милый мой, ненаглядный мой!
Не жилица я на белом свете
Без тебя, моя надеженька!
Нет у горлинки двух голубчиков,
У лебедушки двух лебедиков,
У меня не быть двум милым дружкам! –
Не сидит она поздно вечером,
А горит свеча воску ярого,
На столе стоит нов тесовый гроб,
Во гробу лежит красна девица.

30.

Ах, ты поле мое поле чистое!
Ты раздолье мое, широкое!
Ах, ты всем, поле, изукрашено:
Ты травушкой и муравушкой,
Ты цветочками, василечками;
Ты одним поле обесчещено,
Что посреди тебя, поля чистого,
Вырастал тут част ракитов куст,
Что на кусточке, на ракитовом,
Как сидит тут млад сиз орел,
Во когтях держит черна ворона;
Он точит кровь на сыру землю.
Под кустиком, под ракитовым,
Что лежит, убит добрый молодец,
Избит, изранен, исколот весь.
Что не ласточки, не касаточки
Круг тепла гнезда увиваются,
Увивается тут родная матушка;
Она плачет – как река льется,
А родна сестра плачет – как ручей течет,
Молода жена плачет – как роса падет,
Красно солнышко взойдет, росу высушит.

31.

Уж ты, душечка, добрый молодец,
Удалая твоя головушка,
Что умильны твои очи ясны,
Ты куда, родимый, снаряжаешься?
Во чужу ль дальнюю сторону,
Во чужедальнюю, незнакомую?
Аль во Новгород, аль во Ярославль?
Во Казань ли город, аль в Астрахань?
Иль во матушку каменну Москву?
Ты возьми, возьми меня с собой,
Назови меня родной сестрой,
Иль душечкой молодой женой.
Уж ты, красна девица душа,
Прилука, зазнобушка молодецкая!
И я рад бы тебя взяти с собой,
Про меня там люди ведают,
Да что нет у меня родной сестры,
Нет ни душечки молодой жены,
Лишь одна у меня матушка,
Да и та уже старешенька.

32.

Говорил-то мне мил сердечный друг,
Говорил, крепко наказывал,
С иным гулять не приказывал:
Посмирнее живи любушка,
Моя белая лебедушка.
Я наказу не послушалась,
С иным дружком повадилась,
Повадившись, разбранилась,
Разбранившись, слезно плакала,
Во слезах слово промолвила:
Погляди, сердечный друг,
У нас на дворе туман,

Что сухой дым со частым дождем,
Во чистом поле буйны ветры,
На синем море погодушка;
Есть у молодца зазнобушка,
Зазнобил сердце детинушка,
Зазнобивши он, в путь пошел,
Что во путь, на чужую сторону.

33.

Ах, вы горы, горы крутые!
Ничего-то вы горы не породили,
Что ни травушки, ни муравушки,
Ни лазоревых цветочков, василечков;
Уж вы только породили круты горы,
Бел горюч камень, велик добре,
Что на камушке растет ли част ракитов куст,
Что под кусточком лежит убит добрый молодец,
Разметав свои руки белые,
Растрепав свои кудри черные,
Из ребер его поросла трава,
Ясны очи его песком засыпались.
Что не ласточка, не касаточка
Вкруг тепла гнезда увивается,
Увивается его матушка родимая.
Ах! Как я тебе, сын, говаривала:
Не водись, мой сын, со бурлаками,
Что со бурлаками, со ярыгами;
Не ходи, мой сын, во царев кабак,
Ты не пей, мой сын, зелена вина;
Потерять тебе, сыну, буйну голову!

34.

Ах, ты сердце моей, сердце
Ретивое, молодецкое!
К чему ноешь, занываешь,

Ничего мне не скажешь,
Что ни радости, ни печали,
И ни одной беды и напасти?
Привязалось ко мне горе,
К молодому молодцу,
Я не знаю как и быти,
Своему горю пособити,
Не могу горя избыти,
Ни заесть и ни запити;
Я пойду ли лучше в поле,
И рассею мое горе,
По всему по чистому полю.
Уродися мое горе,
Ты травою полыньею;
Какова трава полынь горька,
Таково-то горе сладко!

35.

Грушица, грушица моя,
Грушица зеленая моя!
Под грушею светлица стоит,
Во светлице девица сидит,
Слезну речь говорит:
Катись месяц за лес, не свети,
Всходи красно солнце, не пеки;
Стань мой сердечный во памяти;
Полно глаза мои жечь,
Полно из глаз слезы точить,
Полно бело лицо мочить!
Я и так много терплю,
Грусть превеликую держу,
Грусть к злодею отошлю;
Пусть злодей спознает сам,
Как жить на свете тяжело,
Без мила друга своего.

Пойду ль во зеленый сад гулять,
Сорву с грушицы цветок,
Совью на голову венок:
Поду ль на быстрый на Дунай,
Стану на мелком на берегу,
Брошу венок мой во реку,
Погляжу во ту сторону:
Тонет ли, тонет ли венок?
Тужит ли, тужит ли дружок?
Не тонет мой аленький венок.
Знать-то иная у него,
Знать-то иную полюбил,
Знать-то получше меня,
Знать-то повежливее,
Знать-то поприветливее.

36.

У залетного ясного сокола
Подопрело его правое крылышко,
Правое крылышко, правильно перышко.
У заезжего добра молодца,
Что болит его буйная головушка,
Что щемит его ретиво сердце,
Ни по батюшке, ни по матушке,
Ни по братце, ни по родной сестре,
Ни по душечке, по молодой жене;
А болит его буйная головушка,
А щемит его ретиво сердце,
Что по душечке, красной девице,
Что по прежней ли полюбовнице.
Во зеленом его садику,
У любовной его яблоньки,
Отвалился что не лучший сук,
Покатились сладки яблочки,
Что по матушке по сырой земле.

Подбирала сладки яблоки,
Что душа ли, красная девица,
Его прежняя полюбовница,
Уколола правую ноженьку
Об сучок сладкой яблоньки;
Что болит, болит ее ноженька,
От того щемит ретиво сердце
У дородного, добра молодца,
У младого ее полюбовника.

37.

Ой ты, дума моя, думушка,
Уж ты ль, дума крепкая!
Не могу я думы крепкие
Ни придумати, ни раздумати,
Приложить ума разума;
Как вечер мой мил, сердечный друг,
Загадал ли мне загадочку,
Хитру, мудру, неотгадливу,
Неотгадливу, непридумчиву,
Непридумчиву, ужасную,
Он сказал мне про свою затею:
Застрелил моего ли люба в зеленом саду.
Не тужу я о постылом,
О постылом моем муже;
Лишь тужу я о любимых,
О любимых моих детях,
Весь век будут сиротами,
Сироты и горемыки.

38.

Уж как видно, это видно,
Да кто кого любит,
Во беседушку приходит,
Против друга и садится,

На дубовой на скамеечке,
На кленовой на дощечке,
Тяжелехонько вздыхает,
Про кручинушку не скажет.
И я с горя, со кручины,
Со великие печали,
Я пойду гулять на Волгу,
Что на пристань корабельну.
Посмотрю млада, младенька,
Вниз по матушке по Волге:
Не плывет ли легкий кораблик?
Уж и там ли моя радость гуляет,
Купцом проживает,
Во звонку дудочку играет,
Товарищей забавляет.
Вы не плачьте, ребята,
Не тужите, молодые,
Не одним вам больно, тошно;
А мне молодцу тошней,
По душе ль красной девице,
По названной ли сестрице.
Ты, душа ль, красна девица,
Ты, названая сестрица!
Либо выйди, либо выглянь,
Иль открой, душа окошко,
Хоть окошечка немножко.
Со восточной со сторонки
Поднимались буйны ветры,
Буйны ветры со вихорями;
Прибивало нов корабль
Ко калинову мосточку,
Ко ракитову кусточку.
Выходила красна девица
С ковшом по водицу,
С окованным со ведром;

Размахнула, почерпнула,
Кудри черны зачерпнула,
По приметам узнавала:
Ой, я со этими кудрями
На одном пиру бывала,
Вино, мед, пиво пивала,
Сладким медом заедала,
Слаще меду тут видала,
И к сердечку прижимала.

39.

Ах, ты, душечка, удалый молодец,
Ты горазд, душа, огонь высекать!
Часты искры сыплются,
Скоро трут загорается,
В ретиво сердце вселяется,
Сиротою называется.
Сиротинушку я люблю,
Сиротинке рубашечку сошью,
Я дружку ли галуночек золотой.
Сиротинушка, мой светик дорогой!
Я не знаю, что мне делать над собой?
Как красной девки волюшка своя,
Я бы вышла за широки ворота,
Я взяла б за праву руку,
Повела бы во нову горницу тебя,
Посадила б на тесовую кровать,
Я бы стала сиротину целовать.

40.

Красна девица, надежа,
Во садику гуляла,
Она в садику гуляла,
Грушицу ломала,
Она грушицу ломала,

Другу отсылала,
К милу другу отсылала,
Словом наказала:
Ты не вовремя, друг, ходишь,
Не в пору гуляешь;
Приходи, моя надежа,
Иною порою,
Как иною-то порою
Вечерней зарею:
Когда батюшки нет дома,
А матушка в гостях,
Милы братья на охоте,
Сестры в посиделках,
Невестушки голубушки
Пойдут по соседям.
Как пошел моя надежа
Сам прочь от окошка,
Запевает моя радость
Любимую песню:
Ах, не дай же Боже жити,
Жити без покою,
Без покою-то мне жити,
Чужих жен любити!
Темна ноченька не спится,
Сердечушко крушится,
Золота казна сорится,
По милой тошнится.

41.

Возле садику млада хожу,
Возле зелена млада гуляю,
Соловьевых песен слушаю:
Хорошо в саду соловей поет,
Он поет, поет припеваючи,
К моему горю применяючи,

К моему житью ко бессчастному.
Не пеняю я, молодешенька,
Ни на батюшку, ни на матушку,
Ни на братца, на ясного сокола,
Ни на сестрицу, лебедь белую;
Что пеняю я, младешенька,
На свою ли участь горькую,
На свои ли очи ясны.
Ах! Вы очи, очи ясны,
Вы глядели, да загляделися,
Вы смотрели, да засмотрелися;
Не по мысли вы друга выбрали,
Не по моему по обычаю.

42.

Ах, ты сад ли, ты мой садочек,
Сад да зеленой виноградье!
Ты к чему сад рано расцветаешь,
Расцветши, сад высыхаешь?
Землю листьем сад устилать,
Не пришло еще поры-времени?
Я сама тебя, сад, садила,
Я сама тебя поливала,
Живот, сердце надрывала,
Я не для кого иного,
Для своего ли друга милого.
Что в тебе ли, да во садочке,
Соловей песни воспевает,
Что и тот ли вон вылетает,
А тебя, садик, пусть оставляет.
Ах, ты, друг ли мой дружочек,
Сердце, радость, мой животочек!
Не в досаду ли тебе будет,
Не противно ли твоему сердцу,
Что я стану тебе говорити:

Ты зачем ко мне в гости не ходишь?
Что не жалуешь, не гуляешь?
Али батюшка запрещает?
Али матушка не пущает?
Иль я тебе не по мысли?
Буде хочешь друг – водися,
А не хочешь – откажися.
Я вечер, вечер молоденька
Долго вечер просидела,
Я до самого до рассвета,
Всю лучинушку припалила,
Всех подруженек утомила,
Все тебя, мой друг, дожидалась.

43.

Ни в уме было, ни в разуме,
В помышленье того не было,
Чтоб красной девице замуж идти.
Соизволил так сударь батюшка,
Похотела так моя матушка
Ради ближнего перепутьица;
И я в торг пойду, побывать зайду,
Из торгу пойду, ночевать зайду.
Я спрошу у своей дитятки:
Какого жить в чужих людях? –
Государыня моя матушка!
Отдавши в люди, стала спрашивать:
Во чужих людях жить умеючи,
Держать голову поклонную,
Ретиво сердце покорное.
Ах, вечер меня больно свекор бил,
А свекровь ходя, похваляется:
Хорошо учить чужих детей,
Не роженных, нехоженых,
Не вспоенных и не вскормленных.

44.

Ах, кабы на цветы да не морозы,
И зимой бы цветы расцветали;
Ах, кабы на меня да не кручина,
Ни о чем бы я не тужила,
Не сидела бы я подпершися,
Не глядела бы я во чисто поле.
И я батюшке говорила:
Не давай меня, батюшка, замуж,
Не давай, государь, за неровню;
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы.
Не с хоромами жить – с человеком,
Не с богатством жить мне – с светом.
Я по сеням шла, я по новым шла,
Подняла шубку соболиную,
Чтоб моя шубка не прошумела,
Чтоб мои пуговки не прозвякнули,
Не услышал бы свекор батюшка,
Не сказал бы он своему сыну,
Своему сыну, моему мужу.

45.

Ах, талан ли мой, талан таков,
Иль участь моя горькая,
Иль звезда моя злосчастная?
Высоко звезда восходила,
Выше светлого месяца,
И затмило красное солнышко.
Ах, талан ли мой, талан таков,
Иль участь моя горькая?
На роду ли мне написано,
На делу ли мне досталося,
Во всю жизнь несчастье видети?

Аль в людях людей не было?
Полюбить ли было некого? –
По несчастьям то случилося,
Что в мила друга влюбилася.
Он казался мне милей всего,
Так взяла веру божбе его;
А ныне ли мой сердечный друг
Покидает меня, бедную,
Изменяет мне душа моя.

46.

Как на дубчику два голубчика
Целовалися, миловалися,
Сизыми крыльями обнималися,
Отколь ни взялся млад ясен сокол,
Он ушиб, убил сизого голубя,
Сизого голубя, мохноногого;
Он кровь пустил по сыру дубу,
Он кидал перья по чисту полю,
Он и пух пустил по поднебесью.
Как растужится, разворкуется,
Сизая голубушка по голубю,
О голубчике мохноногоньком.
Как возговорит млад ясен сокол:
Ты не плачь, не плачь, сиза голубушка,
Сиза голубушка по своем голубчике?
Полечу ли я на сине море,
Пригоню ли тебе голубей стадо,
Выбирай себе сизого голубя,
Сизого голубя, мохноногого.
Как возговорит сиза голубушка:
Не лети, сокол, на сине море,
Не гони ко мне голубей стадо:
Ведь то мне будет уж другой венец,
Малым голубятушкам не родной отец.

47.

Тебе полно, лапушка, ко мне ходить,
Тебе полно, сударушка, меня ловить.
Отойди, отстань ты, добрый молодец,
Тебе полно друг ко мне ходить!
Отец и мать дозналися,
И род, племя догадалися,
Как ссылают красну девицу
С широка двора долой.
Пошел прочь сердечный друг,
Залилась девка горючими слезами.
Не рыбушка в неводе разметалася,
Красна девица по молодцу стосковалася,
Стосковавши, красна девица слезно плакала:
Прогневила я друга милого;
Я пойду ли ко милу другу с повинною:
Ты прости, прости душа моя,
Ты прости, прости сердечный друг!
Не в досаду тебе я сделала,
Я хотела тебя изведати –
Что любишь ли меня, как я тебя?

48.

Не ходи холост поздно вечером,
Поздно вечером вдоль по улице,
Вдоль по улице, вдоль по широкой,
Не маши, холост, рукой правою,
Не отсвечивай золотым перстнем,
Дорогою ставочкой со яхонтом.
Коли я тебе полюбилася,
Полюбилася, показалася,
Засылая ко мне свата сватати,
Свата доброго, дядю родного.
У тебя много ума, разума,
У меня много есть приданого,

Пять сот рублев гольем деньгами,
Пятьдесят дворов со крестьянами.

49.

Ах, ты камень мой, камушек,
Самоцветный мой, лазоревый!
Излежался мой дорогой камень,
На крутой горе против солнышка:
Ни лучья нету, ни искорки;
У моего ли друга милого,
Нету правды в ретивом сердце;
Говорит он, все обманывает,
Из ума меня выведывает;
Одного ли я его люблю?

50.

Ах, реченьки, реченьки, холодные водынки!
Вы, девушки, сударушки, пособите плакати,
Пособите плакати, мила друга кликати.
Что мой милой не едет, али кто его держит?
Его прежняя милая за ручку держала,
А другая-то милая в уста целовала,
Его третья-то милая с двора провожала.
Есть у моего милого три зеленые сада:
В первом саду кукушечка жалобно кукует,
В другом саду соловейко громко воспевает,
В третьем саду грушица вельми зеленая.
Под грушею зеленою девица сидела,
Она плачет, возрыдает, к земле припадает,
Миткалевым платочком слезы утирает,
На милого во светличку частенько взирает:
Еще знать-то у милого дома не здорово,
Что закрыты у милого косящаты окна,
Занавешены окошки черною тафтою!
Не стало приметы на косящатом окне:

Хрустального стакана с алыми цветочки,
Серебрена вороночка с коричневой водкой;
Из того ли вороночка мы с милым пивали,
Пили, ели, прохлаждались и с милым
целовались.

51.

Хорошо тому на свете жить,
У кого нет стыда в глазах,
Нет стыда в глазах, ни совести!
Нет у молодца заботушки,
В ретивом сердце зазнобушки!
Зазнобил меня любезный друг,
Зазнобил, сердце повысушил;
Без красного солнца высушил,
Без морозу сердце вызнобил.
Я сама дружка повысушу!
Не зельями, не кореньями;
Без морозу сердце вызноблю,
Без красного солнца высушу!
Схороню тебя, мой миленький,
В зеленом саду под грушею;
Я сама сяду, послушаю:
Не стонет ли мать сыра земля?
Не вскрывается ль гробова доска?
Не встает ли мой сердечный друг?
Зарасти, моя могилушка,
Ты травушкой, муравушкой!
Не достанься, мой любезный друг,
Ни девушкам, ни молодушкам,
Ни своей змее полюбовнице!
Ты достанься, мой любезный друг,
Сырой земле, гробовой доске!

РУССКИЕ РАЗГУЛЬНЫЕ ПЕСНИ

1.

Как во городе было во Суздале,
Во Ефимьевой славной слободе,
Во высоком тереме, состроенном,
Жил угрюмый муж, жена ласкова,
Жил боярский сын, слуги добрые,
Жил извозчик глуп, кони скорые,
Всего было много, а есть нечего,
Всех в гости зовут, а никто нейдет
От хозяйского нрава грубого,
От приема всем изневаженного.
Уж как приехал гость зазванной
За обеденный стол, во велик день.
Уж не буря тут взволновалася,
А кровь в хозяине разыгралася,
Принахмуря, сидя, брови серые,
Руки старые в кулаки согнул,
Учал зорить гости зазванного,
Без вины, без разума.
Уж вступилась ли жена добрая
За обиду за гостиную:
Уж ты, муж, что-почто бранишь
Гостя зазванного во пиру своем?
Не жене учить старого мужа,
Ворчал злой старик за столом;
Гость-то учинил обиду крайнюю:
Он съел за разом калач большой,

Калач большой, двухкопеечный.
С той поры, с крутой беды,
Запустел терем состроенный.

2.

Собирались девки в Иванов дом,
Собирались красные на супрядку,
Собирались гости с чужих волостей,
Затирали вина семьей полковша,
Зазывали гостей всю Ивановщину,
Всю Никольщину, всю Успенщину:
Позабыли позвать Ильинских ребят.
Уж как пришел гость да незваной,
Посадили гостя на загнеточке,
На загнеточке, против яндовочки;
Стакан браги поднесут, за вихор потрясут;
К яндове подведут, за ухо потрясут;
Ко воде подведут, за бородку трясут;
За бородку трясут, по избе волокут,
По сеничкам гонят веничком.

3.

Молода по сеням шла, по новыим,
По новыим шла, тяжело несла,
Тяжело несла решето овса,
Сушила, молола, хлебы пекла,
Напекла, молода, овсяных сухарей.
Заставил муж добру-молоду
Рыбу Семушку варить, гостей потчевать.
Молода в сени вошла: туты сем, сюды сем,
Будто Сему варила, гостей потчевала.
Заставил муж добру-молоду
Леща рыбу варить, гостей потчевать.
Молода в сени вошла, руками плеща,
Будто Леща рыбу варила, гостей потчевала.

Заставил муж добру-молоду
Строить круглый пирог, гостей потчевать.
Молода в гости пошла, кругом обошла:
Будто пирог строила, гостей потчевала.
Уж вы гости мои, дорогие мои,
Вы покушайте, не чинитесь!
Моя стряпня – рукава стряхня,
Мой доспех – всем на смех.

4.

Уж не та ли на меня, молодца, беда,
Беда нашла, кручинушка злая:
Все-то мои братцы поженились, молодцы,
Только я один холост, не женат;
Все-то ведь чужие жены
Умны злодеюшки, прелестливы;
Как злодеюшка чужа жена
Прельстила добра молодца, меня.
Я за колечко бряк, бряк, брак!
Собачушка тяв, тяв, тяв!
Молодецкое сердечушко йок, йок, йок!
А муж жидовин присмотрел,
Он с плетью приспел, подоспел.
Мою спинушку набухали,
Большими четырьмя обухами;
А как пятый-то кистень
По бокам моим свистел.

5.

Я жила-была у матушки,
Дроченое дитя.
Не пускала меня матушка
На улицу гулять.
Уж мне хочется, младешенька,
В зелены сады ходить.

Я ведерочки возьму,
Сама по воду пойду,
Сама по воду пойду
На Москву на реку,
На Москву на реку,
К Разгуляю кабаку,
По студеную воду.
Чем мне по воду идти,
Лучше к милому зайти.
Мой милый сердце рад,
Воротички отворял,
Воротички отворял,
За белы руки принимал,
Во светличку ведет,
Все веселия дает.
Я у мила забавлялась
До вечерние зари;
Я ведерки подняла,
На Москву реку пошла,
Размахнула, почерпнула, подняла, пошла.
Несучи я, младешенька, раздумалася:
Как домой младой придти?
Как мне матушке сказать?
Не умела как сказать,
Поучилася солгать:
Скажу гуси прилетали,
Скажу серенькие;
Скажу воду возмущали,
Скажу свеженькую;
Я стояла на Москве на реке,
На крутом берегу,
Дожилалася младенька,
Пока устоялася вода.
Мой батюшка родимый не поверил тому,
Моя матушка родимая припечалилася.

6.

Ах ты, душечка, молодой ямщик!
Ты к чему рано упиваешься?
Во кабак идешь, сам шатаешься,
Из кабака идешь, сам валяешься,
Возле стеночки пробираешься,
За вереюшку сам хватаешься.
Верея ль ты моя, вереюшка,
Верея ль ты моя, сосновая!
Не сама в землю становилася,
Становили тебя добры молодцы,
Добры молодцы, володимирцы.
Как у сизого млада селезня
Не сами перья заломалися,
Заломала их сера утица
По единому сизу перушку
Как у доброго молодца
Не сами кудри завивалися,
Завивала ему красна девица
По единому черну волосу,
Завивши кудри, сама заплакала:
Кабы знала млада, ведала,
Век сидела бы я во девушках.

7.

Скакнул я,
Спрыгнул я
    Из огорода во зеленый сад гулять.
Встречу мне,
Встречу мне
    Молодцы, ловцы, все Михайловцы!
Они мне дают,
Они мне сулят
    Ясного сокола обнашивати.
Я ж не умею,

Я ж не горазд
Ясного сокола обнашивати.
Пущу сокола,
Пущу сокола,
Пущу сокола по поднебесью летать.
Скакнул я,
Спрыгнул я
Из огорода во зеленый сад гулять.
Встречу мне,
Встречу мне
Молодцы, ловцы, все Михайловцы!
Они мне дают,
Они мне сулят
Добра коня объезживати.
Я ж не умею,
Я ж не горазд
Добра коня объезживати.
Пущу я коня,
Пущу я коня,
Пущу я коня по чисту полю гулять.
Скакнул я,
Спрыгнул я
Из огорода во зеленый сад гулять.
Встречу мне,
Встречу мне
Молодцы, ловцы, все Михайловцы!
Они мне дают,
Они мне сулят
Старую старуху трепать, целовать,
Трепать, целовать,
К сердцу прижимать,
К сердцу прижимать,
Животом называть,
Животом называть,
Еще душечкою.
Я ж не умею,

Я ж не горазд.
Старую старуху трепать, целовать,
Трепать, целовать,
К сердцу прижимать,
К сердцу прижимать,
Животом называть,
Еще душечкою.
Скакнул я,
Спрыгнул я
Из огорода во зеленый сад гулять.
Встречу мне,
Встречу мне
Молодцы, ловцы, все Михайловцы!
Они мне дают,
Они мне сулят
Красну девицу трепать, целовать,
Трепать, целовать,
К сердцу прижимать,
К сердцу прижимать,
Животом называть,
Животом называть,
Еще душечкою.
Я ж то умею,
Я ж то горазд
Красну девицу трепать, целовать,
Трепать, целовать,
К сердцу прижимать,
К сердцу прижимать,
Животом называть,
Еще душечкою.

8.

Петушок, петушок,
Золотой гребешок!
Зачем рано встаешь,

Голосисто поешь,
Голосисто поешь,
С милым спать не даешь?
И я встану, младешенька,
Раным, рано, ранешенько,
Я умоюся, младешенька,
Шуйским мыльцем белешенько,
Я взойду ли под насеточку,
Петушка возьму за крылышко,
За правильное за перышко.
Я ударю об насеточку:
Еще вот те петушок,
За ночной за смешок!
Зачем рано встаешь,
Голосисто поешь,
Голосисто поешь,
С милым спать не даешь!

9.

Летал голубь со голубкой,
Голубь сизенький,
Сизокрыленький.
Где ты голубь был?
Где, голубчик, побывал?
Был у душечки. –
Красной дома не застал,
У кровати простоял.
Кровать точеная,
Позолоченная,
Широкий браный положек
Тафтою обложен,
Разными шелками расстрочен.
Я во горенку взошел,
Я сударушку нашел:
Что сидит красна девица

За дубовым за столом,
Расстилает полотенце
Полушелковое,
Кроить милому рубашку.
Как не стало рукавца,
Я послала молодца;
Молодец с рукавцом
Очень долго не бывал.
Рукав правенький
Молодец бравенький
Мне не жаль рукавца,
Мне жаль удалого молодца.

10.

Ах, ты мальчик, кудрявчик мой,
Кудреватая головушка твоя!
Еще кто тебя спородил молодца?
Спородила родна матушка меня,
Вспоил, вскормил родной батюшка меня,
Бело вымыла валдайская вода,
Завила кудри разлапушка моя,
Разлапушка, красна девица душа,
Завивала, приговаривала:
Когда реченьки разольются,
То черны кудри разовьются.
Я с того горя в зеленый сад пойду,
Я построю нову горенку в саду,
С тремя красными окошечками:
Первым окном на Москву реку,
Другим окном к Государеву дворцу,
Третьим окном в Ямскую слободу,
Ко славному ко Патрикею ямщику.
У славного Патрикея ямщика,
Жила-была дочь хороша,
Разлапушка, свет Аннушка.

Выходила молода,
За новые ворота.
Ах, как мой-то мил
Онамедни черевички купил:
Черевички, невелички,
Алы бархатные.
Уж я вышла молода
За новые ворота,
Черевички скрипят,
Молодчики глядят,
Гулять со мной хотят,
Меня в гости зовут,
В карман золото крадут.

11.

Стукнуло, грянуло в лесе,
Комар с дуба свалился,
Упал она на коренище,
Звил он до голу плечище.
Слетались мухи горюхи,
Славные грожотухи;
Стали они возглашать,
О комаре вспоминать:
Ах, ты наш светик комар,
Жаль нам тебя не мало!
Как будешь ты умирати,
Где нам тебя погребати?
Схороните меня в поле,
В зеленой дуброве;
Там-то ребяты бывают,
Зелено вино распивают,
Туды, сюды зазирают,
Про комара вспоминают:
Тут-то лежит комарище,
Удалой парень, ребятище.

12.

Ах, Иванушка на печке лежит,
А Ульянушка на печку глядит;
Как пришла ли ее мать,
Учала ее ломать,
Учала ее ломать,
Лишь кости гремят,
Лишь кости гремят,
И суставы говорят.
Ах, суздальцы, володимирцы,
Ни скакать, ни плясать с колокольчиками,
С колокольчиками, болобольчиками!
Ах, станем говорить, выговаривати,
Черно на бело выворачивати.
Ах! Мед поспел, мед сычевой;
Ах! Я была молодка, да молоденька,
А мужа-т мой онуча неношеная.
Как у Карпова двора,
Да окатана гора;
Как не Карп не катал,
И не Карпова жена;
Укатали бояре семи городов,
Поставили избушку семи локотков,
А одна-то доска поперещилася,
Поперещилася, потрескалася;
Я ударю во косок,
Промежду пяти досток,
Как понесся голосок,
Из избушки во лесок,
Как отдался голосок
В самый тот же во часок,
Что Ульяна от побою переставилася,
А и некому по ней повопить, покричать,
Повопить, покричать, попечалиться.
Государь Матвей,

Покричи звончей;
А и вот тебе полтина,
Жене твоей холстина,
Уж сыну коня,
Заломи голова,
А дочери коза лубяные глаза.

13.

По подлесу, лесу, перелесу,
Летал голубь, летал сизый,
Отлетает, сам воркует:
Полети, голубь, полети, сизый,
На мою на родную сторонушку,
Отнеси, голубчик, батюшке весточку:
Вчера меня, младу, лада бил,
Он бьет дурак, причитывает:
Покинь жена волю, волю батюшкину. –
Хотя я сгину, воли не покину.
По подлесу, лесу, перелесу
Летал голубь, летал сизый,
Он летает, сам воркует:
Полети, голубь, полети, сизый,
На мою родную сторонушку,
Отнеси, голубь, отнеси, сизый,
Ко матушке весточку;
Вечер меня, младу, лада бил,
Он бьет дурак, причитывает:
Покинь жена негу, негу матушкину.
Хотя я сгину, неги не покину.

14.

Чарочки по столику похаживают,
Яндова походя, говорит,
Старым бабам полено сулит.

В старых бабах корысти-то нет,
Только их и дело на печи сидеть.
Чарочки по столику похаживают,
Яндова походя, говорит,
Молодым молодкам плетку сулит.
Та ли плетка о семи хвостах:
Первый раз ударит, так семь рубцов,
Другой раз ударит, так четырнадцать,
Третий раз ударит, так двадцать один.
Чарочки по столику похаживают,
Яндова походя, говорит,
Красным девушкам лозу сулит;
Та ли лоза в лесу выросла.
Хотя выросла, да не вывезена,
Мне, красной девушке, битой не быть.

15.

Вот как муж жену любил,
Щепетненько водил
По морозу нагишом,
По крапиве босиком,
Как жена-то мужа любила,
Щепетней того водила,
Щепетней того водила,
В тюрьме место откупила,
В тюрьме место откупила,
Пятьдесят рублев дала.
Так вот же тебе, муженек,
Вековечный уголок;
Не толки, не мели,
Только руку протяни,
Только руку протяни,
Да…… вспомяни,
Ты…… вспомяни,
И готовое прими.

16.

У колодезя, у студеного купался бобер,
Купался бобер, купался черной,
Покупавшись, бобер на гору пошел,
Обсушается, обтряхается.
Охотнички ездят, черна бобра ищут,
Хотят бобра убить, облупить,
Да шубку шити, бобром опушити,
Пастуховой жене подарити.
Пастухова жена неурядливая,
Шубку наденет, животину погонит,
А дома-то шубку скинет,
Потопчет, да под лавку кинет.
У колодезя, у студеного купался бобер,
Купался бобер, купался черной,
Покупавшися, бобер на гору пошел,
Обсушается, обтряхается.
Охотнички ездят, черна бобра ищут,
Хотят бобра убить, хотят облупить,
Да шубку шити, бобром опушити,
Красной девице подарити.

17.

Ох, бедный еж,
Горемычный еж!
Ты куды полезшь?
Куды ежешься? –
    Я ползу, ползу
К боярскому двору,
К высокому терему,
К Марье Осиповне.
    Стук, стук у ворот!
Кто пришел? –
Бедный еж!
Зачем? –

Пошутить, подрянить,
Позабавится, попросить.
Что принес? –
Сто рублев!
Ох, бедный еж,
Горемычный еж!
Доселева ежа сами искали,
Без платы пускали,
Оглаживали,
Много жаловали;
А ныне ежа за сто рублев не берут.
Ох, бедный еж,
Горемычный еж!
Ты куды ползешь?
Куды ежешься? –
Я ползу, ползу
К боярскому двору,
К высокому терему,
К Марье Осиповне.
Стук, стук у ворот!
Кто пришел? –
Бедный еж!
Зачем? –
Пошутить, подрянить,
Позабавиться, попросить.
Что принес? –
Триста рублев!
Ох, бедный еж,
Горемычный еж!
Доселева ежа сами искали,
Без платы пускали,
Оглаживали,
Много жаловали;
А ныне ежа за триста рублев не берут.
Ох, бедный еж,
Горемычный еж!

Ты куды ползешь?
Куды ежешься? –
Я ползу, ползу
К боярскому двору,
К высокому терему,
К Марье Осиповне.
Стук, стук у ворот!
Кто пришел? –
Бедный еж!
Зачем? –
Пошутить, подрянить,
Позабавиться, попросить.
Что принес? –
Пять сот рублев!
Ох, бедный еж,
Горемычный еж!
Доселева ежа сами искали,
Без платы пускали,
Оглаживали,
Много жаловали;
А ныне ежа за пять сот не берут.
Ох, бедный еж,
Горемычный еж!
Ты куды ползешь?
Куды ежешься? –
Я ползу, ползу
К боярскому двору,
К высокому терему,
К Марье Осиповне.
Стук, стук у ворот!
Кто пришел?
Бедный еж!
Зачем? –
Пошутить, подрянить,
Позабавиться, попросить,
Что принес?

Тысячу рублев!
Взяли ежа во высок терем,
Положили ежа на тесову кровать,
Стали ежа целовать, миловать,
И душою называть, и к сердцу прижимать,
Оглаживати, охорашивати,
Ужимать, укрывать,
Прихватывать.

18.

Еще как люди в людях-то живут,
На людей люди улаживают,
На свекровь споноравливают;
У меня младой свекровушка лиха,
Что лиха, лиха, неласковая,
Кривошлыка неприветливая,
Посылает и туда и сюда,
Как на все ли на четыре стороны,
В темный погреб по зелено вино:
В погребу водка анисовая,
Тесова кровать, расписанная,
На кроватушке перинушка лежит,
На перинушке детинушка сидит.
В погребу млада замешкалась,
Холостому стакан поднесла,
Неженатому зеленого вина.
Холостой стакан меду принимал,
Ко стакану белу руку прижимал;
И он при людях сестрою называл,
Без людей то своею душечкою.
Ах, ты, душечка, молодушка моя,
Показалася походочка твоя!
Как пройдешь – утешишь ты меня,
А промолвишь – радость моя.
Я иду ли, молода, по широкому двору,

Иду, иду, да пошатываюсь;
А моя-то кривошлыкая свекровь
По новым сеням похаживает,
Каблуком сени проламывает,
Своим сыном мне утраживает.
Еще, дай Боже, до вечера дожить,
Своего сына дождаться,
Накучу я, намучу сынку
На любимую невестушку.
Я велю сынку во Новгород сходить,
Я велю ли шелковую плеть купить,
С головы кожу до ног спустить.
Ах, ты, мать моя, матушка,
Ах, мать, государыня моя!
Не устать-то мне во Новгород сходить,
Ведь невторова шелковую плеть купить,
Не беда, ведь, мне жену свою учить,
С головы кожу до пят спустить,
Да, ведь, с ней-то мне век будет изжить.

19.

Ах! Пашенька, Прасковьюшка,
Счастливая Параня, талантливая!
Она растворит квашонку на донышке,
Что на донышке, во ведерышке,
По утрам-то мука, среди квашни вода;
Три недели квашня кисла, не выкисла,
На четвертую неделю замолаживалась,
Ах! На пятую неделю стала хлебушки валять;
Она по полу валяла, по подлавичью катала,
На печи пекла, кочергой сгребла,
Кочергой сгребла, кулаки прижгла;
Она склала в коробок, поехала в городок;
Приехала в городок и расклала на полок.
Ах, никто хлебы не купит, никто не торгует!

А казанские купцы пересмешливые;
Они хлебов не купили, только цену-то набили;
Она склала в коробок, поехала во домок.
Ах, навстречу Паране еще тот да иной,
Ах, тот да иной, дворянин молодой.
Что Паранюшка везешь? Что Прасковья продаешь?
Я не каменье везу, не кирпичи продаю,
Уж я хлебы везу, мягки, беленькие,
Мягки, беленькие, востроκисленькие.
Приехала в домок, склала хлебы в уголок;
У них сивая свинья-то догадлива была:
Она хлебов-то не ела, только корочки измяла,
Только корочки измяла, три недели пролежала,
На четвертой на неделе свою душу отдала.

20.

Ах, где жена была, где сударыня была?
Я была, сударь, была у попа в гостях.
Ах, что жена пила, что боярыня пила?
Я пила, сударь, пила много пива и вина,
За твое, сударь, здоровье бокал меду выпила.
Ах, спасибо те жена, не забыла ты меня.
Ах, как тебя забыть, не могу тебя избыть!
Сударь, ты ведь у меня, как бельмо на глазу.
Как бы вера-то была, продала бы я тебя.
Я купила бы молодчика молоденького,
Что молоденького и хорошенького.

21.

Во Архангельском во граде
Ходят девушки в наряде,
Еще аленьки цветочки,
Еще девушки, дружочки.
Ах! У нас было на свозе,
На Буяновой горе,

Во Пирешлой слободе,
У столба да у версты,
Как стоял тут дворок,
Невысокий теремок,
Ах во том ли терему
Красны девушки сидят:
Дуня да и Маша Алексеевны,
Что охочи за окошечко поглядывати,
Холостых ребят приманивати.
Случилось молодцу в вечеру поздно идти,
Что на те поры окошко отворяется,
Ах, Дуняша-то в окошке усмехается.
Случилося молодой за водой идти одной,
Под Бояновой горой,
Стоит парень молодой,
Идет Дуня с колодца,
Увидела молодца,
Не дошед Дуня к Ванюше, поклоняется,
Речи Ваня говорит,
Постоять Дуне велит.
Ах, не в гусельцы играют,
Не в свирели говорят,
Говорит красна девица
Со удалым молодцом:
Про нас люди говорят,
Разлучить с тобой хотят.
Еще где тому бывать,
Что нам порозну живать;
Еще где же тому статься,
Чтобы нам с тобой расстаться.
На погибель бы тому,
Кто завидует кому!

22.

Заваруй, варуй, варуйко,
Сила маленькой детинка!

Проложил Сила дорогу,
Мимо валу земляного,
Мимо саду зеленого,
Архиерейского, большого,
Во Чудинскую слободку,
Ко Чурилову подворью,
Ко Варварину здоровью.
А Варвара залежала,
Платом голову связала.
Приезжали, навещали,
Трои сани с козырями
Привозили, приносили,
Трои дороги подарки.
Ах, как первые подарки –
Шестьдесят аршин китайки;
А другие-то подарки,
Пятьдесят аршин грезету –
Голубого, дорогого;
Ах, как третьи-то подарки, –
Золотой водки два штофа.
Ты вставай душа Варвара,
Отправляйся мое сердце,
Ко второму часу ночи.
Не звезда с неба упала,
Варваре вестка перепала,
Заваруюшки не стало:
На бою Силу убили,
Со раскату застреляли,
Молодцово платье сняли.
Тут Варварушка вставала,
Пятьдесят рублей хватала,
Силе платье выкупала.
Я те, Сила, говорила:
Не водись, Сила, с ребятами,
С двумя двужильными ребяты,

Не теперешние поры,
По ночам часто ходили,
Они окны выбивали,
Красных девок доставали,
Доставали, целовали.

23.

Веселые по улицам похаживают,
Гудки и волынки понашивают,
Промежду собой весело разговаривают:
Да где же веселым будет спать, почивать? –
Мы ночуем у старой бабе во келейке.
У старой бабе во келейке беседушка была,
Промежду собой старухи разговаривали:
У кого денег полтина, у кого две, три,
У меня ли, у старой бабы, четыреста рублев,
В подполье на полке, в кубышке лежат.
Веселые-то ребята злы, догадливы:
Ай один начал играть,
А другой начал плясать,
А третий веселый будто спать захотел,
Он и ручку протянул,
И кубышечку стянул.
Пойдемтет-ко, ребята,
Под ракитов частой куст,
Станем денежки делить,
Стару бабушку хвалить:
Ты живи, баба, подоле,
Ты копи денег поболе,
И мы двор твой знаем,
Опять зайдем,
Мы кубышку твою знаем,
Опять возьмем;
А тебя дома не найдем,
И двор сожжем.

24.

Ах, как по лугу, лугу, по зеленому лугу,
Как шли, прошли две родны сестры,
Что большая та меньшую уговаривала;
Не сиди, моя сестрица, ты одна в терему,
Не открывай, моя голубушка, окошечка,
Неравно к тебе, сестрица, сокол залетит,
Что сокол залетит, молодец забежит;
Он станет-те, сестрица, из ума выводить,
Из ума вон выводит, все обманывати,
Все обманывати, подговаривати;
Не мечись, моя голубка, на его ты слова,
Ведь его-то слова все обманчивые;
А его-то красота великая сухота.
Еще погодя маленько к ней молодец пришел,
Он стал красну девицу из ума вон выводить,
Из ума вон выводит, все обманывати,
Все обманывати, подговаривати:
Мы пойдем, пойдем, девица, во зеленой сад гулять,
Заломаем, заломаем мы зелен виноград.
Ах! Яблочко я съела, позадумалася,
Виноградцу я поела, тут рассудок потеряла.
Еще погодя маленько, больша сестра идет,
Что больша сестра идет, с себя волосы дерет.
Ах, по роду, сестрица, ты родная мне была,
По теперешней досаде супостатка ты моя,
Отцу, матери, сестра, ты бесчестье принесла.

25.

Как у нашего соседа
Весела была беседа,
Да все гости полюбовны,
Молодые молодицы,
Души красные девицы.
Ах! Все девушки смирненьки,

Одна девушка резвенька,
Пошла с молодцом плясать.
Заиграла, зашутила,
Парню на ногу ступила;
Стала ноженька болети,
Стала девица тужити,
Часто по воду ходити,
На окошечко смотреть,
Тяжелехонько вздыхати.
Не вздыхай, моя надежа,
И я сам-то про то знаю,
С молодицей поводиться,
Нагу, босу находиться,
А с девицей поводиться,
В цветном платье находиться.
Износил я от девицы
Черномур кафтан с бобрами,
Кушак алый с полосами,
Пестрединную рубашку
С кумачом и с выстрочками.

26.

Протекало синее море,
Слеталися птицы стадами,
Садилися птицы рядами,
Спрашивали малую птицу,
Малую птицу, синицу:
Гой еси малая птица,
Малая птица, синица!
Скажи нам всю истинную правду,
Скажи ты нам про вести морские,
Кто у вас на море меньшие? –
Провещает малая птица,
Малая птица, синица:
Глупые вы, мелки пташки!

Все птички на море большие,
Все птички на море меньшие.
Орел на море воевода,
Перепел на море подьячий,
Петух на море целовальник,
Журавль на море иодоливец:
Тото долгие ноги,
Тото армяжное платье!
По овсяному зернышку ступает.
Чиж на море живописец,
Клест на море портной мастер,
Сова у нас на море воеводша:
Тото высокие брови!
Тото веселые взгляды!
Тото хорошая походка!
Тото желтые сапожки!
С ножки на ножку ступает,
Высокие брови подымает.
Гуси на море бояре,
Утята на море дворяне,
Чирята на море крестьяне,
Воробьи на море холопья, –
Везде воробейко срывает,
Бит воробейко не бывает;
Лебеди на море князи,
Лебедушки на море княгини;
Желна у нас на море трубач;
Ворон на море игумен –
Живет он всегда позад гумен,
Грачики на море старцы,
Галочки старочки, чернички,
Ласточки молодички,
Касаточки красные девушки;
Красная рода ворона,
Зимою ворона по дорогам,

Летом ворона по застрехам;
Рыболов на море харчевник;
Дятел на море плотник;
Всякое дерево он долбит,
Хочет нам храм соорудить;
Сокол у нас на море наездник,
На всякую птицу налетает,
Грудью ее побивает;
Кулик на море рассыльщик,
Кукушка та вздорная кликушка,
Блинница на море цапля,
Чечет гость торговый,
Сорока-то у нас щеголиха,
Без калача не садится,
Без милого спать не ложится,
Без сладкого меду не встает,
Пешая к обедне не ходит,
Все бы ей в богатых колымагах,
Все бы она во нарядах,
Все бы кони ей вороные,
Все бы ей кольца золотые,
Все бы ей ребята молодые,
Все бы молодые, холостые.
Бедная малая птичка,
Малая птичка, синичка,
Сена косить не умеет,
Стадо ей водить не по силе,
С голоду я птичка помираю.

27.

У Спаса к обедни звонят,
У прихода часы говорят,
По монастырям благовестят.
Теща к обедни спешит,
На мутовке рубашку сушит

На поваренке кокошнички.
А и теща к обедни пошла –
Что идет помалешеньку,
Ступает потихошеньку,
С ноги на ногу поступывает,
На башмачки посматривает,
Чеботы наколачивает.
А все церкви теща прошла,
А зашед-то Николе челом,
А Николе Мясницкому;
Все люди теща прошла,
А зашед-то она зятю челом,
Да Денису Борисовичу.
А и зять на нее не глядит,
Господин слово не говорит.
А и вижу я, вижу сама,
А что есть на нем бешеная!
Бить зятю дочь мою,
Прогневить сердце материно,
И пролить ему горячу кровь.
А и чем будет зятя дарить,
Чем господина дарить?
Есть-то у меня, у вдовы,
Есть-то у меня, у молоды,
Будет с него живота!
Пойду млада в торги,
Куплю млада камки,
Сошью ли я зятю кафтан,
Сошью дочери сарафан,
Чтобы зять дочерь не бил,
Не гневил сердце материно,
Не проливал бы горячу кровь.
У Спаса к обедни звонят,
У прихода часы говорят,
По монастырям благовестят.

Теща к обедни спешит,
На мутовке рубашку сушит,
На повареньки кокошнички.
А и теща к обедни пошла –
А идет помалешеньку,
Ступает потихошеньку,
С ноги на ногу поступывает,
На башмачки посматривает,
Чеботы наколачивает.
А все церкви теща прошла,
А зашед-то Николе челом,
А Николе Мясницкому;
Все люди теща прошла,
А зашед-то она зятю челом
Да Денису Борисовичу.
А и зять на нее не глядит,
Господин слово не говорит.
А и вижу я, вижу сама,
А что есть на нем бешеная!
Бить зятю дочерь мою,
Прогневить сердце материно,
Пролить ему горячу кровь.
А и чем будет зятя дарить,
Чем господина дарить?
Есть-то у меня, у вдовы,
Есть-то у меня, у молоды,
Будет с него живота!
А три палаты, три каменны,
А и маковицы серебрены,
Крыши позолочены;
Промеж теми палатами
Протекла быстрая река,
А на той на быстрой реке
Много гусей, лебедей,
Много серых малых уточек;

А и тем-то буду зятя дарить,
Мне-то тем господина дарить,
А Дениса Борисовича!
А и зять на нее поглядел,
Господин слово выговорил:
Теща ты, теща моя,
Богоданная матушка!
Ты поди-ко живи у меня,
А работы не робь на меня;
Только ты баню топи,
Только ты воду носи,
Еще мне ребенка качай!

28.

Ох, в горе жить – некручинну быть!
А и горе горе, гореваньице!
Ох, в горе жить – некручинну быть!
Нагому ходить – не стыдиться,
А и денег нету – перед деньгами,
Появилась гривна – перед злыми дни.
Не бывать плешаку кудрявому,
Не бывать гуляке богатому,
Не отрастить дерева суховерхого,
Не откормить коня сухопарого,
Не утешить дитя без матери,
Не скроить атласа без мастера.
Ай горе, горе, гореваньице!
А и лыком горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я от горя в темны леса –
А горе прежде в лес зашел;
А я от горя в почестной пир –
А горе зашел, впереди сидит;
А я от горя на царев кабак –
А горе встречает, уж пиво тащит.
Как я наг-то стал, насмеялся он.

29.

У дородного, добра молодца
Много было на службе послужено,
На печи было в волю полежано;
Дослужился я добрый молодец до край печи
И увидел корыто предолгое,
Что спросил я у товарищев:
Не та ли то Волга, широка и долга,
Широка и долга, крутобережна?
Как увидел в ставчике ложечки:
Не те ли то веслы, чем на Волге гребут?
У дородного, добра молодца
Много было на службе послужно,
С кнутом за свиньями похожено,
Много цветного платья поношено,
По под оконью онуч было попрошено,
И сахарного куса поедено,
У ребят корок отъимано;
На добрых конях поезжено,
На чужие дровни приседаючи,
Ко чужим дворам приставаючи.
У дородного, добра молодца
Много было на службе послужено,
На поварнях было посижено,
Кусков и оглодков попрошено,
Потихоньку, бес спросу, потаскано,
Голиками глаза выбиты,
Ожогом плеча поранены.

РУССКИЕ УДАЛЫЕ ПЕСНИ

1.

Ах ты, батюшка, Ярославль город!
Ты хорош-пригож, на горе стоишь,
На горе стоишь, на всей красоте
Промеж двух рек, промеж быстрыих,
Промеж Волги реки, промеж Котрасли.
С луговой было со сторонушки,
Протекла тут Волга матушка,
С нагорной-де со сторонушки
Пробегала тут река Котрасли;
Что сверху-то было Волги матушки,
Что плывет, гребет легка лодочка:
Хорошо-то была лодка изукрашена,
У ней нос, корма раззолочены,
Что расшита легка лодочка
На двенадцатеры веселочки;
На корме сидит атаман с ружьем,
На носу стоит есаул с багром,
По краям лодки добры молодцы,
Посреди лодки красна девица,
Есаулова родная сестрица,
Атаманова полюбовница;
Она плачет, как река льется,
В возрыданьи слово молвила:
Не хорош-то мне сон привиделся,
Уж как бы у меня, красной девицы,

На правой руке, на мизинчике,
Распаялся мой золот перстень,
Выкатился дорогой камень,
Расплеталася моя коса руса,
Выплеталася лента алая,
Лента алая, ярославская;
Атаману быть пойману,
Есаулу быть повешену,
Добрым молодцам головы срубят,
Красной девице в темнице быть.

2.

Из Кремля, Кремля, крепка города,
От дворца, дворца Государева,
Что до самой ли Красной площади,
Пролегала тут широкая дорожка,
Что по той ли, по широкой дороженьке,
Как ведут казнить тут добра молодца,
Добра молодца, большого боярина,
Что большого боярина, атамана стрелецкого,
За измену против Царского Величества.
От идет ли молодец – не оступается,
Что быстро на всех людей – озирается,
Что и тут Царю не покоряется.
Пред ним идет грозен палач,
Во руках несет остер топор,
А за ним идет отец и мать,
Отец и мать, молода жена;
Они плачут, что река льется,
Возрыдают, как ручьи шумят,
В возрыданьи выговаривают:
Ты, дитя ли наше милое,
Покорися ты самому Царю,
Принеси свою повинную;
Авось тебя Государь Царь пожалует,

Оставит буйну голову на могучих плечах.
Каменеет сердце молодецкое;
Он противится Царю, упрямствует,
Отца, матери не слушает,
Над молодой женой не сжалится,
О детях своих не болезнует.
Привели его на Красную площадь,
Отрубили буйну голову,
Что по самы могучи плечи.

3.

Ах, под лесом, лесом, под зеленой дубравой
Сама протекала матка быстрая река,
Урываючи круты, красны бережки,
Осыпаючи желты пески, сыпучи,
На том, на крутом, на красном бережке,
Само вырастало свято дерево кипарисно,
На том, на святом дереве кипарисном
Молодой соловей тепло гнездо свивает,
Малых детушек выводит;
Он жалобно свищет, хорошо воспевает,
Вспоминаючи красное, теплое лето.
Негде мне, соловьюшке, тепла гнезда свити?
Негде мне малых деток выводити?
Как тут растужится, как расплачется,
Удалый добрый молодец,
Сидючи он во темной темнице,
Вспоминаючи свою родимую сторонушку:
Уж негде мне на своей стороне побывать?
С отцом с матерью не видеться,
С родом, с племенем не свыкаться,
Молодой женой не любоваться,
Малых детушек не вспоить;
Знать-то мне, добру молодцу,
Во темнице головушку свою положить.

4.

Еще что же вы, братцы призадумались,
Призадумались, ребятушки, закручинились?
Что повесили свои буйны головы,
Что потупили очи ясны во сыру землю?
Еще ходим мы, братцы, не первой год,
И мы пьем, едим на Волге все готовое,
Цветно платье носим припасенное;
Еще ли лих на нас супостат злодей,
Супостат злодей, воевода лихой,
Высылает из Казани часты высылки,
Высылает все высылки стрелецкие,
Они ловят нас, хватают добрых молодцов,
Называют нас ворами, разбойниками.
И мы братцы ведь ни воры, ни разбойники,
Мы люди добрые, ребята все поволжские;
Еще ходим мы по Волге не первой год,
Воровства, грабительства довольно есть.

5.

Голова ль ты моя, головушка,
Голова ты моя, послушивая!
Послужила ты, моя головушка,
Ровно тридцать лет и три года,
С добра коня не слезаючи,
Из стремян ног не вынимаючи;
А не выслужила ты головушка
Ни корысти себе, ни радости,
Как ни слова себе доброго,
И ни славы высокие;
Только выслужила головушка
Два столбика высокие,
Перекладинку кленовую,
Еще петельку шелковую.
По Мясницкой славной улице,

За Мясницкими за воротами
Ведут князя боярина;
Пред ним идут попы, дьяконы,
Во руках несут большу книгу;
А за ним идет стрельцов рота,
На голо несут бердыши острые;
А по правую по сторонушку
Идет его грозен палач,
Во руках несет топор широкий;
А по левую сторонушку
Тут идет его родна сестра;
Она плачет, что река льется,
Возрыдает, что ручьи текут;
Унимает ее родимый брат:
Ты не плачь, не плачь, родна сестра,
Не слези свои очи ясные,
Не руди своего лица белого,
Не насажай своего сердца ретивого.
Как чего ж тебе хочется?
Иль поместий моих, иль вотчины?
Иль имения тебе богатого?
Иль злата, иль серебра?
Иль моего тебе здоровьица?
Ах, ты, свет мой, любезный брат!
Ничего-то мне не хочется:
Ни поместий твоих, ни вотчин,
Ни имений твоих богатых,
Ни злата, ни серебра,
Уж как только мне, братец, хочется
Твоего, сударь, здоровьица.
На что возговорит родимый брат:
И ты, свет моя родна сестра!
Тебе плакать, не выплакать,
Молить Бога, не вымолить,
У Царя просить, не выпросить.
И так меня Бог помиловал,

Государь Царь пожаловал,
Велел срубить буйну голову
По мои плечи могучие.
Как взвели князя на сруб высок,
На его место показано,
Он молился Спасу чудному образу,
Он на все стороны низко кланялся:
Вы простите меня мир и народ Божий,
Помолитесь за мои грехи,
За мои ль грехи тяжкие.
Не успел лишь народ взозрити,
Как отсекли буйну голову,
По его плечи могучие.

6.

У меня ли, молодца, змея жена,
Змея жена, ладо скороспейка,
Моя-то змея из норы ползет, озирается,
По песку ползет, извивается,
По траве ли ползет, всю траву сушит;
Иссушила моя лада травушку,
Да что травушку, муравушку.
Ты, душа ль, душа, красна девица,
Иссушила ты добра молодца,
Как былиночку во чистом поле,
Довела ты его до погибели,
Что до той ли темной темницы.
Как из славного села Преображенского,
Что из того ли приказа Государева,
Что вели казнить доброго молодца,
Что казнить его, повесить;
Его белы руки и ноги скованы,
По праву руку идет страшен палач,
По левую идет его мать родная,
Позади идет красна девица,
Его милая полюбовница,

Что зазноба его ретива сердца,
Погубительница живота его.

7.

Леса ли вы, лесочки, леса темные!
Кусты ли вы, кусточки, кусты частые!
Ах, станы ли вы, станочки, станы теплые!
Еще все-то вы кусточки уж повыжжены,
Еще все наши станочки поразорены,
Еще все наши товарищи переиманы.
Как и первый-то товарищ в граде Киеве,
А второй-то наш товарищ у каменной Москве,
Как и третий-то товарищ в славном Питере,
Я остался, добрый молодец, в темных лесах;
Закружилася моя головушка, закружилася!
Как увидел я, добрый молодец, перевозчиков:
Перевезите меня, братцы, вы на ту сторону,
За перевоз-то я награжу золотым кольцом.
Переехал я, добрый молодец, на ту сторону,
На ту сторону, на далекую, сам кончаться стал.
Вы положите меня, братцы, между трех дорог:
Между Киевской, Московской, славной Муромской;
В ногах-то поставьте мне моего коня,
В головушке поставьте животворящий крест,
В руку правую дайте саблю острую.
И пойдет ли, иль поедет кто – остановится,
Моему кресту животворному он помолится,
Моего коня, моего ворона – испугается,
Моего-то меча – меча острого – устрашится он.
Что не тот ли тут похоронен вор разбойник,
Сын разбойника, сын удалого Стеньки Разина.

8.

Как доселе, братцы, через темный лес
Не пропархивал тут, братцы, млад белый кречет,

Не пролетывал тут, братцы, ни сизой орел;
А как нынче у нас, братцы, через темный лес
Пролегла, лежит дороженька широкая!
Что по той ли, по широкой по дороженьке
Проезжал ли млад удал, добрый молодец.
На зарю-то было, братцы, на утренней,
На восходе было, братцы, светла солнышка,
На закате было, братцы, светла месяца,
Как убит, лежит удал добрый молодец;
Что головушка у молодца проломана,
Ретиво сердце у молодца прострелено,
Что постелюшка под молодцем камыш трава,
Изголовьице под добрым част ракитов куст,
Одеяличко на молодце ночка темная,
Ночка темная, осенняя, холодная.
Прилетали к доброму молодцу три ласточки:
Уж как первая-то пташка родная матушка,
А другая-то пташечка мила сестра,
А как третья-то пташечка млада жена;
Они взяли мертво тело за белы руки,
Понесли они то тело во высок терем.

9.

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати,
Как заутра мне, доброму молодцу, во допрос идти,
Перед грозного судью, самого Царя.
Еще станет меня Царь Государь спрашивати:
Ты скажи, скажи, детинушка, крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал?
Еще много ли с тобой было товарищей?
Я скажу тебе, надежа, православный Царь,
Всю правду я скажу тебе, всю истину:
Что товарищей у меня было четверо,
Уж как первый мой товарищ – темная ночь,

А второй мой товарищ – булатный нож,
А как третий товарищ мой – добрый конь,
А четвертый мой товарищ – тугой лук,
Что рассыльщики мои – калены стрелы.
Что возговорит, надежа, православный Царь:
Исполать тебе, детинушка, крестьянский сын!
Что умел ты воровать, умел ответ держать;
Я за то тебя, детинушку, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиною.

10.

Ах, туманы вы, туманушки,
Вы туманы мои, непроглядные,
Как печаль, тоска ненавистны!
Иссушили туманушки молодцов,
Сокрушили удалых до крайности!
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Над горой взойди над высокою,
Над дубровушкой над зеленою,
Над урочищем доброго молодца,
Что Степана свет Тимофеевича,
Про прозванью Стеньки Разина.
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрей ты нас, людей бедных:
Мы не воры и не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички;
Мы веслом махнем – корабль возьмем,
Кистенем махнем – караван собьем,
Мы рукой махнем – девицу возьмем.

11.

На заре то было, братцы, на утренней,
На восходе красного солнышка,

На закате светлого месяца,
Не сокол летал по поднебесью,
Есаул гулял по насадику;
Он гулял, гулял, погуливал,
Добрых молодцов побуживал;
Вы вставайте, добры молодцы,
Пробуждайтесь, казаки Донски!
Не здорово на Дону у нас,
Помутился славный тихий Дон,
Со вершины до Черна моря,
До Черна моря, Азовского.
Помешался весь казачий круг;
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича,
Про прозванию Стеньки Разина!
Поймали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во каменну Москву,
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову.

12.

Во граде было во Киеве,
Жила, была вдова богатая;
У ней было девять сыновей,
Десятая дочь любимая;
Ее братья возлелеяли,
Возлелеяв, замуж выдали
За младого за морянина,
За хорошего боярина.
Поехал он с нею за море;
Там год живут, и другой живут,
На третий год встосковалися,
Поехали к своей матушке;
Они день едут, и другой едут,

На третий день становилися,
Кашу варить и коней кормить.
Не зля вороны налетали,
Злы разбойники наехали,
Морянина смерти предали,
Моряченка в море бросили,
Морянушку в полон взяли.
Разбойники после спать легли.
Один из них не спит, не лежит,
Не лежит он, Богу молится,
Сам морянку выспрашивает:
Морянка, морянка, морянушка,
Из которого ты города?
Ты какого отца, матери?
Я города, сударь, Киева,
Жила, была вдова богатая,
У ней было девять сыновей,
Десятая я несчастная.
Меня братья возлелеяли,
Возлелеяв, замуж выдали
За младого, за морянина,
За хорошего боярина.
Возопил он тут громким голосом:
Вы братья, вы братья родимые!
Не морянина мы зарезали,
Мы зарезали зятя милого!
Не морянчика в море бросили.
А племянника мы родного!
Не морянушку в полон взяли,
Что взяли сестру родимую!
Не вели казнить, сестрица родимая!
Не сказывай нашей матушке;
Опять тебя отдадим замуж,
Наделим тебя больше прежнего.
Что возговорит во слезах сестра:

Вы чем меня не наделите,
Мила друга не воскресите.

13.

Ты воспой, воспой, млад жавороночек,
Сидючи весной на проталинке.
Добрый молодец сидит во темнице,
Пишет грамотку к отцу, к матери,
Он просит того жавороночка:
Отнеси ты, млад жавороночек,
На мою ли, ах, на дальнюю сторону,
Ты мое письмо к отцу, к матери.
Во письме пишет добрый молодец:
Государь, ты мой родной батюшка!
Государыня, ты моя родна матушка!
Выкупайте вы добра молодца,
Добра молодца, своего сына,
Своего сына, своего родимого.
Как отец и мать отказалися,
И весь род племя отрекалися,
Как у нас в роду воров не было,
Воров не было и разбойников.
Ты воспой, воспой, млад жавороночек,
Сидючи весной на проталинке.
Добрый молодец сидит в темнице,
Пишет грамотку к красной девице,
В другой раз просит жавороночка,
Чтоб отнес письмо к красной девице.
Во письме пишет добрый молодец:
Ты душа ль моя, красна девица,
Моя прежняя полюбовница!
Выкупай, выручай добра молодца,
Своего прежнего полюбовника.
Как возговорит красна девица:
Ах, вы нянюшки, мои матушки

Мои сенные, верные девушки!
Вы берите мои золоты ключи,
Отмыкайте скорей кованы ларцы,
Вы берите казны, сколько надобно,
Выкупайте скорей добра молодца,
Моего прежнего полюбовника.

14.

У нас-то было, братцы, на тихом Дону,
На тихом Дону, во Черкасском городу,
Породился удалой, добрый молодец,
По имени Степан Разин Тимофеевич.
Во казачий круг Степанушка не хаживал,
Он с нами, казаками, думу не думывал;
Ходил, гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепку думушку с голудвою.
Судари мои, братцы, голь кабацкая!
Поедем мы, братцы, на сине море гулять,
Разобьем, братцы, басурмански корабли,
Возьмем мы, братцы, казны сколько надобно,
Поедемте, братцы, в каменну Москву,
Покупим мы, братцы, платье цветное,
Покупивши цветно платье, да на низ поплывем.

15.

Не вечерняя заря, братцы, притухала,
Полуночная звезда, братцы, восходила.
Что во славном городе было Казани,
Что на крутеньком, на красном бережечке,
Что на желтом, на сыпучем на песочке,
Тут не черные вороны солетались,
Собирались понизовые бурлаки,
Они думала крепкую думушку за едино.
Ах, состроим мы, ребятушки, гребной стружок,

И поделаем залюченки кленовые,
Изнавесим мы веселочки ветловые,
Что мы грянем, ребятушки, вниз по Волге,
Остановимся, ребятушки, среди Волги,
Супротив того стольникова дому,
Что у стольничья приказчика дочь хороша.
Что просилася дочь у батюшки погуляти,
Ай! Пусти, пусти меня, батюшка, погуляти,
На низовых-то бурлаков поглядети?
Понизовые бурлаки злы, лукавы,
Напоили красну девицу до пьяна,
Уж как та ли красна девица уснула,
У поволжского атамана на коленях;
Да что возговорит поволжской атаман:
И мы грянемте, ребятушки, вниз по Волге,
Чтобы не было от стольника погони.
Ото сна ли красна девица пробудилась;
И за очи с отцом, с матерью простилась,
Ты прости, прости, батюшка, родимый,
Ты скажи от меня матушке челобитье!

16.

Ты бессчастный, добрый молодец,
Бесталанная твоя головушка;
Что ни в чем-то мне, братцы, талану нет,
Ни в торгу, братцы, ни в товарищах,
Что ссылают меня с корабля долой!
Ты сойди, сойди с корабля долой,
От тебя ли, от бессчастного,
Сине море взволновалося,
Все волны в море разыгралися!
Уж как возговорит бессчастный молодец:
Мы пригрянемте все в веселочки,
Мы причалимте ко бережку,
Ко частому кусту, ракитовому,

И мы срежемте по прутику,
И мы сделаемте по жеребью,
Уж мы кинемте во сине море,
Уж как все жеребьи поверх воды,
А бессчастного как ключ ко дну.

17.

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за гор, да гор высоких,
Не красно солнце выкатилося,
Выкатился бел горюч камень,
Выкатившись, сам рассыпался
По мелкому зерну, да по маковому.
По Изюме славном городе,
На степи на Саратовской,
Разнемогался тут добрый молодец.
Он просит своих товарищей:
Ах вы, братцы мои, товарищи!
Не покиньте добра молодца при бедности,
Что при бедности и про хворости;
А хотя меня и покинете,
Как приедете во святую Русь,
Что во матушку каменну Москву,
Моему батюшке низкий поклон,
Родной матушке челобитьице,
Молодей жене своя воля;
Хоть вдовой сиди, хоть замуж поди;
Моим детушкам благословеньице.

18.

У Троицы, у Сергия было, под горою
Стояла новая, темная темница;
Во той ли, во новой, темной темнице,
Сидел удаленький, добренький молодчик;
Никто к нему не зайдет, никто не заедет,

Друзья, братья, товарищи все прочь отступились.
Зашла к нему, заехала матушка родная. –
Дитя ль мое, ты дитятко, дитя чадо милое!
Кому тебя, мое дитятко, будет выручати?
Друзья, братья, товарищи все в том отказали;
Семь раз тебя я, мое дитятко, выручала,
Семь тысячек чистых денежек издержала;
Осьмой-то тысячи у меня не достало:
Так знать тебе, дитятко, здесь век вековати!

19.

Что далече, далече, во чистом поле,
Что при пути, при широкой дороженьке,
Стояла тут кудрявая береза,
Тонешенька, белешенька, кудревата;
Под той, под кудрявой березой
Стояли тут станицы воровские,
Во той ли во станице красна девица;
Не песенки красна девица воспевает,
Что кричит красна девица, воет, плачет:
Я сорок лет с разбойниками ходила,
Я сорок душ с душою погубила,
И батюшке и матушке не спустила,
И род, красна девица, потребила.
Не голуби промеж себя воркуют,
Промеж себя разбойники речь говорили:
Не стало у нас, братцы, атамана,
Засажен наш атаман во темницу,
Во темную темницу, заключенну;
Не в саду наш атаман гуляет,
Гуляет наш атаман по темнице,
По темной темнице заключенной;
Тяжко, больно наш атаман воздыхает;
К сердечушку белы руки прижимает,
Любимую свою рощу вспоминает:
Ой, свет же ты, моя воровская роща!

Уж как мне по тебе, роща, не тужити,
Под широкой дорожкой не стояти,
Купеческих людей не разбивати,
Столько злата и серебра не отбирати.

20.

Как прошла ли про меня, девицу, небылица:
Будто я батюшку обесславила,
Родную матушку обесчестила,
Что сама-то я к милу другу приходила.
Ах! За то на меня батюшка осердился,
Родимая матушка разгневалася;
Что построил мне сударь батюшка темницу,
Без дверей-то он построил, без окошек,
Что одна только у темницы трубица.
И я стану своего батюшку просити:
Проруби ты мне, сударь батюшка, три окошка:
Уж как первое окошко в чисто поле,
А другое-то окошко в сад зеленый,
Ах, как третье-то окошко к синю морю.
Как поутру я, девица рано встану,
Погляжу я, красна девица, в чисто поле –
Ничего-то я, красна девица, не видала.
Погляжу-то я, красна девица, в сад зеленой –
Жалобехонько в саду пташки распевали.
Погляжу-то я, красна девица, на сине море –
Как плывет, тут выплывает нов кораблик,
Как на том кораблике мой дружочек.
Я во окошечко милу другу кричала,
Я платком милу другу махала:
Как не слышит, мой сердечный друг, не видит,
Так я ручушкой милу другу махнула,
В окошечко милу другу поклонилась:
Ты прости, моя надежда, друг сердечной!
Уж как знать-то мне с тобою не видатися!

21.

Гулял молодец по Украйне
Ровно тридцать лет и три года,
Загулял молодец к королю в Литву;
Король молодца любил, жаловал,
Королевна не могла наглядетися
На его красоту молодецкую.
Как стал молодец упиватися,
Буйными словами похвалятися:
Уж попито, братцы, поедено,
В красне, в хороше похожено,
С одного плеча платье поношено,
Королевну за рученьку повожено,
С королевной на перинушке полежано.
Уж как злы, лихи на молодца своя братья!
Доносили на молодца самому королю.
Ты гой еси, наш батюшка, грозный король!
Не знаешь про то дело, не ведаешь:
Живет королевна с добрым молодцем.
Король на молодца вдруг прогневался,
Закричал, завопил громким голосом:
Как если у меня слуги верные?
Вы возьмите удалого добра молодца,
Посадите его в темну темницу,
А сами подите во чисто поле,
Вы ройте две ямы глубокие,
И вы ставьте два столбика высокие,
Перекладинку кладите кленовую,
Вы петельку повесьте шелковую.
Поведите удалого добра молодца;
Не водите его вдоль по улице,
Поведите его позади дворца,
Не увидела бы королевишна.
На первую ступень ступил молодец:
Прости, прости, мой отец и мать!

На другую ступень ступил молодец:
Прости, прости, весь род, племя!
На третью ступень ступил молодец:
Прости, мой свет королевишна!
Далеко королевна голос слышала,
Бежала во свой в высок терем,
Брала она свои золоты ключи,
Отпирала шкатулку серебряную,
Вынимала два ножечка булатные,
Порола свои груди белые. –
Молодец в чистом поле качается,
Королевишна на ножечках кончается.
Пришел к ней скоро родной батюшка.
Не успел король лишь взозрити,
Увидел убиту королевишну.
И он бил свои руки об дубовой стол:
Ах, свет ты моя, дочь любезная!
Для чего мне заранее не поведала,
Что жила в любви с добрым молодцом?
Уж я бы доброго молодца пожаловал,
От смерти бы добра молодца помиловал. –
Закричал, завопил громким голосом:
Уж если у меня слуги верные?
Вы пошлите ко мне двух грозных палачей,
Чтоб рубили они головы доносчикам,
Что доносили они мне на дочь мою.

22.

Ах, ты душечка, жена моя молодая!
Что на улице застоялась?
На приказ, мой свет, загляделась,
На приказное ли на окошко? –
Ах, ты душечка, мой сердечный друг!
Я на улице застоялася,
На приказ, мой свет, загляделася:

Во приказе во Государевом,
Что во той ли, темной темнице,
За железною решеткою,
Сидит душечка, добрый молодец.
И он пишет себе грамотку,
Не пером пишет, не чернилами,
Он своими горючими слезами,
Ни ко батюшке, ни ко матушке,
Он ко душечке молодой жене:
Ах, ты душечка, молода жена!
Продавай свое житье, бытье,
Выкупай меня из неволюшки,
Как из той ли, темной темницы;
Буде мало тебе покажется,
В кабалу отдай малых детушек. –
На ответ пишет молода жена:
Ах, ты душечка, мой сердечный друг!
Не продам своего житья, бытья,
Не отдам в кабалу малых детушек;
Уж и так тебя Бог помилует,
Государь Царь тебя пожалует.
Как далече, далече во чистом поле
Стоят два столбика высокие,
Перекладинка лежит кленовая,
И петелька висит шелковая.
Уж как я тебе, друг, говорила,
Честью и лестью упрашивала:
Не седлай коня поздно вечером,
Не съезжай со двора по полуночи,
Не вози платье кровавое!
Уж как ты, мой друг, не послушался,
Ты седлал коня поздно вечером,
Ты съезжал со двора по полуночи,
Привозил платье кровавое;
Ты за то сидишь в темной темнице:
Не считай меня женой своей.

23.

Уж, как по морю, по морю синему,
Здунинай Дунай, морю синему!
По синему было морю, по Хвалынскому,
Туда плывет Сокол корабль по тридцать лет,
Тридцать лет корабль на якоре не стаивал,
К крутому бережечку не причаливался,
И он желтого песку в глазах не видал.
А бока-то сведены по-туриному,
А нос, да корма по-змеиному,
Атаманом был на нем Илья Муромец,
А на Муромце кафтан рудожелтый цвет,
На кафтане были пуговки злаченые,
А каждой-то пуговке по лютому льву.
И напали на Сокол корабль разбойнички,
Уж, как злые-то татары со калмыками,
И хотят они Сокол корабль разбить, разгромить,
Илью Муромца хотели в полоне полонить.
Илья Муромец по кораблю похаживает,
Своей тросточкой по пуговкам поваживает:
Его пуговки златые разгорелися,
Его люты львы да разревелися,
Уж, как злые-то татары испугалися,
Во сине море татары побросалися.

РУССКИЕ СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ

1.

Вечер-то мне матушка малым мало спалося,
Что малым мало спалося, много виделося;
Как привиделась мне, матушка, крута гора во сне,
Что на крутой на горе бел горюч камень лежит;
А на камне вырастал част ракитовый куст,
Как на кустке сидит птица, млад сизый орел,
Во когтях своих он держит черна ворона.
Что возговорит родная ее матушка:
Ты дитя мое, дитя милое,
Я тебе, дитя, сон этот рассужу:
Что крута гора, то каменна Москва,
Бел горюч камень, то наш Кремль город,
А ракитов куст, то Кремлевский дворец,
Сизый орел, то наш батюшка православный Царь,
А черный ворон, то Шведский Король.
Победит наш Государь землю Шведскую,
А самого Короля во полон возьмет.

2.

Ах, ты батюшка светел месяц!
Что ты светишь не по-старому,
Не по-старому и не по-прежнему?
Что со вечера не до полуночи,
Со полуночи не до бела света;
Все ты прячешься за облаки,
Укрываешься тучей темною.

Что у нас было, на святой Руси,
В Петербурге, в славном городе,
Во соборе Петропавловском,
Что у правого у клироса,
У гробницы Государевой,
У гробницы Петра первого,
Петра первого, Великого,
Молодой сержант Богу молится,
Сам он плачет, как река льется,
По кончине вскоре Государевой,
Государя Петра первого;
В возрыданье слово вымолвил:
Расступись ты, мать сыра земля,
Что на все ли на четыре стороны!
Ты раскройся гробова доска,
Развернися золота парча!
И ты встань, пробудись, Государь,
Пробудись батюшка, православный Царь!
Погляди ты на свое войско милое,
Что на милое и на храброе;
Без тебя мы осиротели,
Осиротев, обессилили.

3.

Из славного города из Пскова,
Подымался Царев большой боярин,
Граф Борис, сударь, Петрович Шереметев;
Он со конницею и со драгуны,
С пехотными солдатскими полками,
Не дошедши Красной мызы, становился,
Хорошо добре полками приполчился.
Не ясен сокол по поднебесью летает,
То боярин по полкам нам гуляет;
Что не золотая трубушка вострубила,
Да что возговорит Царев большой боярин,

Граф Борис, сударь, Петрович Шереметев:
Ой вы, детушки, драгуны и солдаты,
Можно ли мне на вас понадеяться?
Супротив неприятеля постояти?
Да что возговорят драгуны и солдаты:
Мы рады Государю послужити,
Един за единого умерети.
Тут скоро боярин подымался
Со конницей и со пехотой;
Нашли они на шведские караулы.
Они шведские караулы сами скрали,
Майора в полон к себе взяли;
Привели они майора к генералу,
Ко полевому кавалеру.
Приказал его генерал допросити.
Скажи ты, майор земли Шведской,
Скажи нам всю истинную правду,
Не моги ты у Царя утаити:
Далече ли стоит ваша сила?
И много ли силы с генералом,
С сами генералом Шлипенбахом?
Что возговорит генерал земли Шведской:
Ах! Ты гой еси Царев большой боярин,
Граф Борис, сударь, Петрович Шереметев!
Не могу я у Царя утаити,
Скажу всю истинную правду:
Стоит наша сила в чистом поле,
За теми за мхами, за болоты,
За той превеликой переправой,
По край близ Варяжского моря;
А силы с генералом сорок тысяч,
С любимым генералом Шлипенбахом.
И того боярин не устрашился.
И он скоро с полками подымался.
Не две грозные тучи на небе всходили,
Сражались два войска большие,

Московское войско со шведским;
Запалила тут Шереметева пехота
Из мелкого ружья и из мортиров.
Как не гром пред тучею грянул,
Троил пушка разродилась,
У боярина сердце разъярилось;
Не сыра мать земля заступилась,
Не сине море всколебалось;
Примыкали штыки на мушкеты,
Бросали ружья на погоны,
Вынимали сабли острые,
Приклоняли копья булатные,
Гнались за шведским генералом,
До самого города до Дерпта.
Как расплачутся шведские солдаты,
Во слезах едва слово промолвят:
Лихая-де московская пехота!
Что часто на вылазку выступает,
Без бою нас жестоко побеждает.
Тут много мы шведов порубили,
А втрое больше в полон взяли,
Государю тем прибыль учинили.

4.

Не от тучи, не от грома, не от солнышка,
От великого оружия солдатского
Загоралася в чистом поле ковыль трава,
Добиралась до белого камешка;
Что на камешке сидит млад ясен сокол,
Подпалил он свои быстрые крылышки,
Обожег он свои скорые ноженьки.
Прилетело к соколу стадо воронов,
Что садились черны вороны вокруг его,
И в глаза ли ясному соколу насмехалися,
Называли они сокола вороной:

Ты ворона, ты ворона подгумененная!
Да что взговорит в кручине млад ясен сокол:
Как пройдет моя беда со кручиною,
Отращу я свои крылья, крылья быстрые,
Оживлю я свои ноги скорые;
Я взовьюсь, млад ясен сокол, выше облака,
Опущуся в ваше стадо я скорей стрелы,
Перебью я черных воронов до единого.
Ах! Когда был Краснощеков во неволюшке,
Он вскричал ли, он взопил громким голосом:
Ой, вы гой еси, друзья, братья, товарищи!
Не покиньте доброго молодца при бедности;
Уж как будет время пригожусь, братцы, вам,
Заменю я вашу смерть животом моим,
Животом моим и грудью белою.

5.

Как у ласточки, у касаточки,
На лету крылья примахалися!
Как у душечки красной девицы
На ходу ноги подломилися;
У дородного добра молодца
В три ряда кудри завивалися,
Во четвертый ряд по плечам лежат,
Ой во пятый ряд с плеч валилися.
Ой почуяли черны кудри,
Что невзгодушку великую,
Что служить службу Государеву,
Повели тут добра молодца
В канцелярию Государеву,
Записали добра молодца
В драгуны Государевы.
Ой же жаль-то мне черных кудрей,
Только жаль мне своей стороны!
На сторонушке три зазнобушки:

Ой как первая зазнобушка –
Расставался я с отцом, с матерью,
С отцом, с матерью,
С молодой женой,
С сиротами, ребятами,
С моими малыми детками.

6.

Не бушуйте вы ветры буйные,
Вы буйные ветры, осенние!
Успокойся ты море синее,
Не волнуй ты море Средиземное!
Ты постой, постой, лето теплое,
Не теки, постой, солнце красное;
Не я сам велю, вам указ велит,
С страны указ пришел, с страны северной.
Хоть давно течет солнце красное,
Давно веют ветры буйные,
Не видали вы такого вида:
По указу ли Царя белого,
Наказал врага вероломного,
На восточную дальнюю сторону
Снаряжался флот с белой Руси,
Со брегов Невы реки славные,
Снарядившись, протекал моря,
Все припятства ни во что вменял.
Приближаяся к Царю граду,
Адмирал вскричал громким голосом:
Ой ты гой еси, неверной царь!
Прогневил ты своею гордостью
Нашу мудрую Государыню,
Прогневляешь ты самого Творца;
Я за то прислан наказать тебя;
Поспеши упасть ты к стопам ее,
Ты успей просить прощения;

Не успеешь ты просить прощения,
Опровергну трон неверного.

7.

Ах, по морю, морю синему,
По синему морю, по Хвалынскому,
Что плывут тут, выплывают тридцать кораблей,
Что один из них корабль, братцы, наперед бежит,
Впереди бежит корабль, как сокол летит.
Хорошо больно кораблик изукрашен был,
Паруса на корабле были тафтяные,
А тетивочки у корабля шемаханского шелку,
А подзоры у кораблика рытова бархату,
На рулю сидел наш батюшка, православный Царь.
Что не золотая трубушка вострубила,
Да что возговорит наш батюшка, православный Царь:
Ах, вы гой еси, матросы легкие,
Вы мечитеся на мачты корабельные,
Вы смотрите во трубочки подзорные,
Что далеко ли до Стекольнова?

8.

Поутру-то было раным рано,
На заре-то было на утренней,
На восходе красна солнышка,
Что не гуси, братцы, и не лебеди
Со лузей, озер подымалися,
Подымалися добрые молодцы,
Добрые молодцы, люди вольные,
Все бурлаки понизовые,
На канавушку на Ладожску,
На работушку государеву;
Провожают их, добрых молодцов:
Отцы, матери, молоды жены,
И со малыми со детками.

9.

Еще что у нас в Москве, братцы, за кручина,
Накануне было светлого Воскресения,
Заунывно в Царь-колокол звонили,
Съезжалися князья и все бояре
Во Успенский во собор Богу молиться.
Молились они Господу со слезами,
Что один из них боярин не молился,
Генерал Борис Петрович Шереметев;
По частешеньку вон из церкви выступает,
Ко белой каменной ограде припадает,
Горючими слезами обливался,
Миткалевым он платочком утирался.
Уж тошно мне, боярину, тошнехонько,
Никогда-то мне таково тошно не бывало!
Что болит, болит у боярина головка,
Щемит ретивое сердечко,
Что сказана боярину царска служба,
Указан путь, широкая дорожка,
Под славный под город под Полтаву,
Как быть-то мне боярину убиту,
Под славным под городом под Полтавой,
На чистом на поле лебедином.

10.

По Московской, по широкой по дороженьке
Не ковыль трава, братцы, зашаталася,
Не алы цветы, братцы, развивалися,
Зашаталася тут сильна армия,
Сильна армия, Царя белого,
Идучи, братцы, в землю Прусскую,
На чужедальнюю на сторонушку,
На чужедальнюю, незнакомую,
Развивалися знамена белые:
Наперед идут новокорпусны,

В середи везут артиллерию,
Позади едет сильна конница,
Славна конница, кирасирская.
Уж как все веселы идут,
Веселы идут, принапудрены,
Что один из них не весел идет,
Не весел идет, призадумавшись,
Что за ним идет красна девица,
Она плачет, как река льется,
Возрыдает, что ключи кипят,
Уж как взговорит удалой, добрый молодец:
Ты не плачь, не плачь красна девица,
Не слези лица румяного,
Не вздыхай, моя разумная!
Не одной-то ведь тебе тошно,
И мне, молодцу, грустнехонько,
Что иду-то я на чужую сторону,
На чужедальнюю, незнакомую,
Что на службу я иду Государеву.

11.

Ах ты поле, поле чистое,
Ты чистое поле, Бугжацкое!
Уж когда мы изойдем тебя,
Все бугры твои перевалимся?
Как давно пора сойтися
Что со той ордой неверною,
Что со той силой турецкою,
Нам исполнить волю Царскую,
Нашей мудрой Государыни.
Что не облаки подымалися,
Не грозны тучи сходилися,
Собирались тьмы неверных враг,
Что острили мечи черные,
Мечи черные, булатные,

И хвалилися, наехавши:
Не срубити, но отрезати
Буйны головы солдатские.
Не громка труба воскликнула,
Как возговорит Румянцев граф:
Добры молодцы, товарищи,
Наши добрые солдатушки!
Не дадим врагам хвалитися,
Пойдем сами против злости их.
За ним двинулась вся армия.

12.

Как во славном было городе Колыване,
Что стояли тут белокаменны палаты,
Что в тех ли белокаменных палатах,
Как стояли тут столы дубовые,
За столом сидит шведская королева,
Перед ней стояли шведские генералы.
Что возговорят шведские генералы:
Ах, ты гой еси, наша шведская королева!
Ты зачем к королю брату не пишешь,
Чтоб прислал он силы на подмогу,
Что за силою прислал бы провианту?
Что возговорит тут шведская королева:
Ах, вы гой еси, мои шведские генералы!
Уж я и так к королю брату писала,
Чтоб прислал он мне силы на подмогу,
А за силою прислал бы провианту.
Не успела королевна слова молвить,
Уж как Белой Царь к городу подступает,
И он шанцы, батареи отбивает,
В белокаменну стену стреляет,
А в город армию свою впускает,
И он шведские караулы все снимает,
Он российские караулы расставляет.

13.

Ах, вы бедные головушки солдатские,
Как ни днем, ни ночью вам покою нет!
Что со вечера солдатам приказ отдан был,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко белу свету солдаты в строю стоят.
Что не золотая трубушка вострубила,
Не серебрена сиповочка взыграла,
Что возговорит наш батюшка, православный Царь:
«Ах, вы гой еси, вся князья и бояре!
Вы придумайте мне думушку, пригадайте,
Еще как нам Азов город взяти?»
Еще князья и бояре промолчали.
Еще ж сам наш батюшка прослезился:
«Ах вы гой еси, солдаты и драгуны!
Вы придумайте мне думушку крепкую,
Еще как-то нам Азов город взяти?»
Как не ярые пчелушки зашумели,
Что возговорят солдаты и драгуны:
Взять ли нам, не взять ли белой грудью.
На восходе было красного солнышка,
На закате было светлого месяца,
На заре они на приступ пошли,
Под тот ли, под славный под Азов город,
Что под те ли стены белокаменные,
Ах под те ли под раскаты под высокие.
Что с гор не белы камни покатилися,
Покатилися со стен неприятели,
Не белы снеги в поле забелелися,
Забелелися белы груди басурманские;
Ах не с дождика ручьи разливалися,
Разливалася тут кровь нечестивая.

14.

Уж как шли, прошли солдаты,
Они шли, прошли слободкой,

Во слободке становились,
У вдовушки попросились:
Ты вдова, вдова Наталья!
Пусти, вдова, ночевати
Ночевати, постояти!
Нас немножко, маленько:
Полтораста нас на конях,
Полтретьяста пешеходов.
А вдова им отвечала,
Ночевать их не пущала;
– У меня дворок маленек,
А горенка невеличка;
У меня детей семейка! –
Они силой ворвалися
Во горенку вобралися.
Пешеходы все по лавкам,
А конница по скамейкам,
А большой гость впереди сел,
Впереди сел под окошком.
А вдова стоит у печки,
Поджав свои белы ручки,
Стоит она, слезно плачет.
А большой гость унимает:
«Не плачь, вдова молодая!
Ты давно ль, вдова, овдовела?»
– И я в горе позабыла. –
«Уж и много ль, вдова, деток?»
– У меня деток четверо. –
«Уж и много ль, вдова, хлеба?»
– У меня хлеба осьмина. –
«Уж и много ль, вдова, денег?»
– У меня денег полтина.
«Подойди, вдова, поближе!
Поклонися мне пониже!
Ты скинь, вдова, с меня кивер –
Во кивере полотенце:

Не твово ли рукодельица?
На правой руке колечко –
Не твово ли обрученья?»
А вдова-то испугалась,
Во новы сени бросалась,
Малых детушек будила:
Вы вставайте, мои дети!
Вы вставайте, мои малы!
Не светел-то месяц светит,
Не красное солнце греет,
Пришел батюшка родимый! –
А большой гость отвечает:
Не буди ты малых деток!
Я пришел к вам не надолго:
На один я на денечек!
Что на единый на часочек!

РУССКИЕ КАЗАЦКИЕ ПЕСНИ

1.

Что пониже города было Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала, пролегала мать Камышенка река;
Как с собой она вела круты, красны берега,
Круты, красны берега в зеленые луга;
Она устьицем впадала в Волгу матушку реку;
Что по той ли быстрине, по Камышенке реке;
Как плывут, тут выплывают два снарядные стружка,
Хорошо были стружечки изукрашены,
Они копьями, знамены, будто лесом поросли;
На стружках сидят гребцы, удалые молодцы,
Удалые молодцы, все донские казаки,
Да еще же гребенские, запорожские;
На них шапочки собольи, верхи бархатные,
Еще смурые кафтаны кумачом подложены,
Астрахански кушаки, полушелковые,
Пестрядинные рубашки с золотым галуном,
Что зелен сафьян сапожки, кривые каблуки,
И с зачесами чулки, да все гарусные;
Они веслами гребут, сами песенки поют;
Они хвалят, величают православного Царя,
А бранят они, клянут воеводу,
Что с женою, и с детьми, и со внучатами
Заедает вор собака наше жалованье,
Кормовое, годовое, наше денежное;
Да еще же не пущает нас по Волге погулять,
Вниз по Волге погулять, с дунинаю воспевать.

2.

Вниз-то было по матушке Камышенке реке,
Супротив-то было устьица Самары реки,
Что плывет тут легка лодочка коломенка,
Что в той ли лодочке сидит млад посланник Царев,
Карамышев князь Семен, сударь Константинович,
Во левой руке держит Государев указ.
Что по крутому, красному бережку,
Что по желтому, сыпучему песочку,
Что ходили тут, гуляли добрые молодцы,
Добрые молодцы гуляли, все донские казаки,
Что донские, гребенские, запорожские,
Да и славные казаки, братцы, яицкие,
Они думали крепку думушку за едино,
Что сказали все словечушко во единой глас,
Становили они пушку, братцы, медную,
Закатили в нее ядрышко чугунное,
Что палили они в лодочку коломенку.
Никого они в лодочке не ранили,
Только убили одного царского посланника.

3.

Ой ты наш батюшка, тихий Дон!
Ой, что же ты, тихий Дон, мутнехенек течешь?
Ах, как мне, тиху Дону, не мутному течи!
Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьют,
Посередь меня, тиха Дона, бела рыбица мутит,
Поверх меня, Дона, три роты прошли:
Ай первая рота шла – то донские казаки,
Другая рота шла – то знамена пронесла,
А третья рота шла – то девица с молодцом.
Молодец красну девицу уговаривает:
Не плачь, не плачь, девица, не плачь, красная моя!
Что выдам тебя, девица, я за верного слугу,

Слуге будешь ладушка, мне миленький дружок,
Под слугу будешь постелю слать, со мной вместе спать.
Что возговорит девица удалому молодцу:
Кому буду ладушка, тому миленький дружок,
Под слугу буду постелю слать, с слугой вместе спать.
Вынимает молодец саблю острую свою,
Срубил красной девице буйную голову,
И бросил он ее в Дон во быструю реку.

4.

Ах, талан ли мой, талан таков!
Или участь моя горькая,
Ты звезда моя злосчастная,
Высоко звезда восходила,
Выше светлого, млада месяца,
Что затмило солнце красное.
Ах, талан ли мой, талан таков!
Или участь моя горькая,
На роду ли мне написано,
На деле ли мне досталося,
Что со младости до старости,
До седого бела волоса,
Во весь век мне горе мыкати,
Что до самой гробовой доски.
Во Азове славном городе,
Во стене белокаменной,
Как тут была темна темница,
Без дверей и без окошечек.
Ай! Во той ли темной темнице,
Что сидит тут добрый молодец,
Добрый молодец, донской казак,
В заключенье, ровно двадцать лет,
Ровно двадцать лет и два года.
Случилось тут мимо ехати
Самому царю турецкому,

Что султанскому величеству;
Что возговорит добрый молодец:
Ай, ты гой еси, турецкий царь,
Ты султанское величество!
Прикажи меня поить, кормить;
Не прикажешь ты поить, кормить,
Прикажи скорей казнить;
Не прикажешь ты меня скорей казнить,
Прикажи на волю выпустить;
Не прикажешь ты вон выпустить,
Напишу я вскоре грамоту,
Не пером и не чернилами,
Я своими горючьими слезами,
Ко товарищам на тихий Дон;
Сланный тихий Дон взволнуется,
Весь казачий круг взбунтуется,
Разобьют силу турецкую,
И тебя царя в полон возьмут.
Ай, что возговорит турецкий царь,
Что султанское величество,
Ко своим ли ко фельдмаршалам:
Выпускайте добра молодца,
Добра молодца, донского казака,
Во его ли землю Русскую,
Ко его ли Царю белому.

5.

Мимо славного города Воронежа,
Пролегала там широкая дороженька,
Что ко славному ко городу, ко Санпитеру;
Что по той было, по широкой по дороженьке
Уж как шли, прошли казаки с тиха Дона,
Уж как все, братцы, казаки сквозь Москву прошли,
Что один из них казак остается,
Он заходит на кружало Государево,

Он снимает с себя шапочку черна соболя,
Он и молится Спасителеву образу,
Он и кланяется на все четыре стороны,
Государевым целовальникам особлив поклон
Ах, вы здравствуйте государевы целовальники!
Вы продайте мне вина на пять сот рублев,
А товарищам моим на тысячу.
Промежду собой целовальники взглянулися:
Уж как экого петуха у нас не было,
Уж как знать это, братцы, не донской казак,
Уж как знать это атаман их.
Вывозили им пойла, сколько надобно.
Уж вы пейте, мои ребята, сколько вам хочется!

6.

Подымался с Москвы большой боярин,
Он на тихий Дон Иванович гуляти.
Не доехавши тиха Дона, становился,
Похвалялся всех казаков перевешать.
Казаки, братцы, тотчас догадалися,
Во единый круг они сбиралися.
Середи круга становился Царев боярин,
Он стал читать Государевы указы:
Дочитался он до Царского титула,
Казаки все шапки поснимали,
А большой Царев боярин шляпы не снял;
От того казаки взволновалися,
На боярина они бросалися,
Буйну голову его срубили,
А бело тело в тихий Дон бросили,
И убивши, телу говорили:
Почитай ты, боярин, Государя,
Не гордись ты перед ним и не славься.
Ко Царю они с повинной приходили.
Ты гой еси, батюшка православный Царь!

Ты суди нас праведной расправой,
Повели над нами делать, что изволишь,
Ты волен над нашими буйными головами.

7.

Уж как вниз было, по матушке по Волге реке,
Как плывут тут, выплывают три снарядные стружка,
Уж на тех ли на стружках удалые молодцы,
Удалые молодцы, все донские казаки;
На них шапочки собольи, верхи бархатные;
На них штаники кумашны в три строчки строчены,
Александрийские рубашки с золотым галуном,
На них беленьки чулочки, сафьянны сапожки.
Они сели, да гребнули, сами песенки запели,
Что про князя и с детьми и со внучатами;
Заедает, он, вор собака, наше жалованье,
Кормовое, годовое, третье денежное;
Уж на те ли он на денежки палаты становит,
За мучным большим рядом, за Неглинною рекой,
Что не хуже и не лучше Государева дворца,
Только тем они похуже, что верхи не золочены.
Похвалялся этот князь во Казани побывать,
Во Казани побывать, верхи вызолотить.
Уж как там, братцы, князек и головку положил,
Он головку положил, его гром там убил.

8.

Как со славной, со восточной со сторонушки,
Протекала быстра речушка, славный тихий Дон;
Он прорыл, прокопал, младец, горы крутые,
А по правую-то сторонушку леса темные.
На Дону-то все живут, братцы, люди вольные,
Люди вольные живут – то донские казаки.
Собирались казаки други во единый круг.

Они стали меж собою да все *дуван* делить:
Как на первый-ать пай они клали пять сот рублей,
На другой-то пай они клали всю тысячу,
А на третий становили красну девицу.
Как растужится, как расплачется добрый молодец:
Голова ль ты моя, головушка, несчастная!
Ко бою-то, ко батальице ты найпервая,
На паю-то, на дуване ты последняя.
Как возговорит красна девица добру молодцу:
Ах, не плачь ты, не тужи, удал добрый молодец!
Я сотку тебе шелков ковер в пять сот рублей,
А другой ковер сотку тебе во всю тысячу,
А третий-то ковер я сотку, что и сметы нет.

9.

У нас, братцы, на Дону, во Черкасском городу,
Проявилась у нас, братцы, прирожоная *тума*,
Он из тум, братцы, тума, Сенька Маноцков злодей;
Крепкой думушки с стариками он не думывал;
Думывал крепкую он думушку с ярыжками.
Перекинулся, собака, ко азовскому паше,
А азовский-то паша стал его спрашивати:
Ты скажи, скажи приятель, правду истинную:
Что-то думают у вас, во Черкасском городу?
Да у нас-то на Дону, во Черкасском городу,
Старики-то пьют, гуляют, по беседушкам сидят,
По беседушкам сидят, про Азов ваш говорят:
Ой не дай Боже азовцам ума-разума того:
Не поставили б они башенки на усть речки Каланчи,
Не перекинули бы цепи через славный тихий Дон,
Не подвели бы они струны ко звонким колоколам.
Уж нельзя нам, братцы, будет во сине море пройтить,
По синю морю гулять, зипунов-то доставать.
Как у нас было на Дону, во Черкасском городу,
Войсковой наш атаман во всю ночушку не спал;

Как со вечеру сокол наш Роговые проплывал,
Ко белу свету сокол наш по синю морю гулял,
По синю морю гулял, кораблики разбивал.

10.

На заре-то было, на зорюшке,
На заре-то было, на утренней,
На восходе было солнца красного,
Не буйные ветры подымалися,
Не синее море всколыхалося,
Не фузеюшка в поле прогрянула,
Не люта змея в поле просвистнула,
Просвистала пулечка свинчатая;
Она падала, пулька, не на землю,
Не на землю, пуля, и не на воду,
Она падала, пуля, в казачий круг,
На урочную-то на головушку,
Что да на первого есаулушку;
Попадала пулечка промеж бровей,
Что промеж бровей, промеж ясных очей;
Упал младец коню на черну гриву.

11.

Не травушка, не кавылушка в поле шаталася,
Как шатался, волочился удал добрый молодец,
В одной тоненькой, в полотняной во рубашечке,
Что во той-то было во кармазинной черкесочке;
У черкесочки рукавчики назад закинуты,
И камчатны его полочки назад застегнуты,
Бусарманскою они кровью позабрызганы:
Он идет удал добрый молодец, сам шатается,
Горючей он слезою обливается,
Он тугим-то своим луком опирается;
Позолотушка с туга лука долой летит.

Как никто-то с добрым молодцом не встречается:
Лишь встречалась с добрым молодцем родная матушка:
Ах, ты чадо мое, чадушко, чадо милое мое!
Ты зачем так, мое чадушко, напиваешься?
До сырой-то до земли все приклоняешься,
И за травушку, за кавылушку все хватаешься?
Как возговорит добрый молодец родной матушке:
Я не сам так добрый молодец напиваюся,
Напоил-то меня турецкий царь тремя пойлами,
Что тремя-то было пойлами, тремя розными:
Как и первое-то его пойло – сабля острая,
А другое его пойло – копье меткое было,
Его третье-то пойло – пуля свинчатая.

12.

Как ты батюшка, славный тихий Дон,
Ты кормилец наш, Дон Иванович:
Про тебя лежит слава добрая,
Слава добрая, речь хорошая.
Как бывало ты все быстер бежишь,
Ты быстер бежишь все чистехонек:
А теперь ты, кормилец, все мутен течешь,
Помутился ты, Дон, с верху до низу.
Речь возговорит славный тихий Дон:
Уж как-то мне все мутну не быть,
Распустил я своих ясных соколов,
Ясных соколов, донских казаков;
Размываются без них мои круты бережки,
Высыпаются без них косы желтым песком.

13.

Не великий там огонюшек горит,
То-то в поле кипарисный гроб стоит,
Во гробу лежит удалый молодец;

Во резвых ногах ему чуден крест,
У буйной головушки душа добрый конь.
Как и долго ли в резвых ногах стоять,
Как и долго ли желты пески глотать?
Выбил яму по полено он.
Конь мой, конь, товарищ верный мой!
Ты веселье мое в чистом поле!
Беги, мой конь, ты к моему двору,
Беги ты, конь мой, все не стежкою,
Ты не стежкою, не дорожкою;
Беги мой конь тропинкою,
Ты тропинкою, все звериною,
Куда травушка-ковышулка лежит,
Там холодная кринеченька бежит.
Злодей турчин не поймает тебя,
И татарин не оседлает тебя.
Прибеги ж конь к моему ты ко двору,
Вдарь копытом у вереички;
Выйдет к тебе старая вдова,
Старая вдова, родная мать моя,
Станет тебя про сына спрашивати:
Не убил, не утопил ли ты его?
Ты скажи: твой сын жениться захотел,
В чистом поле положил-то я его,
Обнимает поле чистое теперь.

14.

Как на славных на степях было саратовских,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались казаки-други, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый круг:
Как донские, гребенские и яицкие;
Атаман у них Ермак, сын Тимофеевич,
Есаул у них Асташка, сын Лаврентьевич;

Они думали думушку все единую:
Уж как лето проходит, лето теплое,
А зима настанет, братцы, холодная,
Как и где-то нам, братцы, зимовать будет?
На Яик нам идтить, да переход велик,
Да на Волге ходить нам, все ворами слыть,
Под Казань град идти, да там Царь стоит,
Как грозной-де Царь Иван Васильевич;
У него там силы много множество.
Да тебе, Ермаку, быть там повешену,
А нам, казакам, быть переловленным,
Да по крепким по тюрьмам порассажанным.
Как не золотая трубушка вострубила,
Не серебряная речь громко возговорит,
Речь возговорит Ермак сын Тимофеевич:
Гей вы думайте, братцы, вы подумайте,
И меня Ермака, братцы, послушайте:
Зазимуем мы братцы, все в Астрахани,
А зимою мы, братцы, посправимся,
А как вскроется весна красная,
Мы тогда-то, други братцы, во поход пойдем,
Мы заслужим пред грозным Царем вину свою:
Как гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синему морю, по Хвалынскому;
Разбивали мы, братцы, бусы, корабли,
Как и те-то корабли, братцы, не орленые,
Мы убили посланничка не царского,
Как того-то, ведь, посланничка персидского.
Как во славном было городе во Астрахани,
На широкой, на ровной было площади,
Собирались казаки-други во единый круг,
Они думали думу крепкую,
Да и крепкую думушку единую:
Как зима-то проходит все холодная,
Как и лето настанет, братцы, лето теплое,

Да пора уж нам, братцы, в поход идтить.
Речь возговорит Ермак Тимофеевич:
Ой вы гой еси, братцы, атаманы молодцы,
Эй вы делайте лодочки каломенки,
Забивайте вы кочета еловые;
Накладайте бабаички сосновые,
Мы поедемте, братцы, с Божьей помочью,
Мы пригрянемте, братцы, вверх по Волге по реке,
Перейдемте мы, братцы, горы крутые,
Доберемся мы до царства басурманского,
Завоюем мы царство Сибирское,
Покорим его мы, братцы, Царю Белому,
А Царя-то Кучума в полон возьмем,
И за то-то Государь Царь нас пожалует.
Я тогда-то пойду сам ко Белу Царю,
Я надену тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку под мышечку,
Принесу я Царю Белому повинную:
Ой ты гой еси надежа, православный Царь!
Не вели меня казнить, да вели речь говорить:
Как и я-то Ермак, сын Тимофеевич;
Как и я-то воровской донской атаманушка;
Как и я-то гулял, ведь, по синю морю,
Что по синю морю, по Хвалынскому;
Как и я-то разбивал ведь бусы, корабли,
Как и те-то корабли все неорленные;
А теперича надежа православный Царь
Приношу тебе буйную головушку,
И с буйной головой царство Сибирское.
Речь возговорит надежа православный Царь.
Как и грозной-то Царь Иван Васильевич:
Ой ты гой еси Ермак сын Тимофеевич,
Ой ты гой еси войсковой донской атаманушка!
Я прощаю тебя да и со войском твоим:
Я прощаю тебя да за твою службу,

За твою-то ли службу мне за верную,
И я жалую тебе, Ермак, славный тихий Дон.

15.

Приуныло, приумолкло войско Донское,
Приужаснулась армеюшка Царя Белого,
Без верного служителя Государева,
Без Ивана Матвеевича Краснощекова.
Взяли Краснощекова в полон шведы,
Повели доброго молодца к Ливенгаупту.
Как и стал его Ливенгаупт спрашивати:
«Ты скажи, скажи добрый молодец, не утай ничего:
Ты чем служил Царю Белому, как ты жалован?
Сотником, полковником, иль бригадирушкой?»
Речь возговорит Краснощеков Ливергаупту:
«Я служил Царю Белому ровно тридцать лет,
И не сотником, полковником, бригадирушкой,
Я служил Царю Белому рядовой казак».
Нет, не правду разудалой открываешь мне:
На тебе, младец, управушка не казачья,
На тебе-то управушка командирская;
Я хочу тебя, младца, просить просьбою:
Ты служил Царю Белому ровно тридцать лет,
Послужи ты царю Шведскому хоть три года. –
Как воскрикнул Краснощеков Ливенгаупту:
«Ах, если бы была при мне сабля острая,
Послужил бы я над твоей буйной головушкой».

16.

По горам-то было по Индерским,
По раздольицам было по широким,
Собиралося тут собраньице киргизское:
Не мало их было и не много: сорок тысяч;
Предводителем был у них хан султан Сержалин отец;

Повыше крепости Калашниной, пониже яру Чепушинского
Пикетные казаки их скараулили,
Подавали вестыньку и вверх и вниз до войскового.
Тут казаки-братцы собиралися,
Все яицкие съезжалися,
Думали-то они думу крепкую за едино
Чрез Яик реку переправлятися;
Во глухую полночь съезжалися,
Распустили они полковое знамя,
Поставили они распятье образ,
Чутко Богу молились, низко кланялись.
Помолившись Богу, распростилися,
Распростившись, на удар пошли.
Наперед-то бежит дорожей доброй молодец,
Васильюшка Митрясов сын,
Во руках-то он держит полковое знамя.
Возговорил-то Василий таковы слова:
«Ой, вы, гой еси казаки-братцы, Яицкие!
Вы не робьте, казаки, не разбегайтесь».
На крыле у киргиз бежит злодей басурманин,
Басурманин, каракалпачинин,
За плечьми у него турка цельная;
Он стрелял в дорожего добра молодца,
Убивал-то его в белую грудь,
Он падал коню на черную гриву,
А с черной гривы на мать сыру землю.
Как разбили казаки яицкие собраньице киргизское,
И разбивши стали дуван дуванить:
Доставалось на казака хорошей одежды
По сенной копне.

17.

В сенокосную пору
Собирал Мимбай толпу.
Вот он с собранной толпой,

Не дает нам всегда покой,
Перелез Урал в Красном Яру,
И наделал нам вреду.
Калмыковские казаки
Во поход за ним пошли;
На узенях его догоняли,
У нас кони все повстали,
Мы секретно подъезжали;
Ни Мимбая вора били
Чрез Кушум речку плыли,
Тяжело Тангай вздохнул
И Мимбая он спихнул.
Мимбай при смерти лежал,
Пешком в луг бежал.
Не узнал прежнюю власть
И еще взял такую же власть,
Также с собранной толпой,
Не дает опять покой.
Вот он нынешнюю зиму
Сделал нам такое диво:
Мимбай был такой нескопойник,
А Пролубщиков был у нас полковник,
Вверх за Каршу заезжал,
И он вор Мимбай на него напал,
Так Мимбай тут поступил,
Его до смерти изрубил.
Калмыковская команда,
Верхним форпостом шла,
Скоро наскоро собралась,
Во поход за ним пошла,
Во поход за ним пошла
На Борбулт речке его нашла;
На Борбулте его съезжала,
И там Мимбая поймала,
И сайдак с него снимала,

Сайдак с него снимала,
Резвы ноги заковала,
Резвы ноги заковала,
В Калмыкову представляла,
В Калмыкову представляла.
Где Мимбай не воровал,
А калмыковских не миновал.
Канцелярские суды
Произвели Тангаева в чины.

18.

За славной за реченькой Утвою,
По горам было Утвинским,
По раздольицам по широким,
Распахана была пашенка яровая;
Не плугом была пашня пахана, не сохою,
А вострыми мурзавецкими копьями;
Не бороною была пашенка взборнована,
А коневыми резвыми ногами;
Не рожью посеяна была пашенка, не пшеницей,
А посеяна была пашенка яровая
Казачьими буйными головами;
Ни поливой она всполивана,
Не осенним, сильным дождичком,
Всполивана была пашенка
Казачьими горючими слезами.

19.

На заре-то бывало, на зореньке,
На заре утренней;
На восходе солнца красного
Воевода большой по садику гулял,
Он гулял, погуливал в одних чулках без чеботов,
Азямчик нараспашечку.

Дотолева зеленый сад зелен стоял,
А ныне зеленый сад присох, приблек
И приуныли в саду пташечки.
Дотолева-то воевода большой
Казаков любил,
Он любил и много жаловал;
А нынче воевода на казаков прогневался,
На казаков прогневался, рассердился.
И стал казаков казнить, вешати,
И сажать по темным тюрьмам.
Выходил наш большой воевода
На широкий двор,
Во руках держал бумаженьку –
Именной указ – повеленьице;
Уж он всех казаков пересматривал,
Поименно их перекликивал,
Одного-то из них не дощитывался,
Что ни лучшего в полку боярина,
Казачьего их атаманушку,
Иванушку Ивановича,
По прозваньицу сына Карыгина.
Как у казачьего атаманушки
Была жена умная, разумная,
Узнала она о несчастьице;
Выходила она на красен крылец,
Закричала громким голосом:
Уж, вы, гой еси, слуги верные,
И казаки ординарные!
Вы кидайтесь и бросайтесь
На конюшен двор,
Вы запрягайте-ка коней вороных
Во каретушку золотую,
Я поеду по Москве гулять,
По Московской большой улице
И по мелким переулочкам,

Буду искать своего друга милого,
Иванушку сына Ивановича!
Как навстречу ей идет пьяница,
Горкий пьяница-пропоица.
Я спрошу, спрошу горьку пьяницу:
Уж, ты, гой еси, горький пьяница,
Разудаленький, добрый молодец!
Не видал ли ты, друга моего милого,
Иванушку Иваныча,
По прозваньицу сына Карыгина?
Твой-то милый друг,
Казацкий атаманушка,
В кабаке сидит за кружальцом Государевым,
Он пьет вино все безденежно.
Подъезжала она ко Цареву кабаку,
Подъехавши, она восплакала:
Уж, ты, гой еси, милый друг,
Иванушка Иванович,
По прозваньицу сын Карыгин!
Несчастьице над нами случилося:
На нас воевода большой осердился и прогневался;
Все твои друзья-братья
Порублены и все повешены! –
Он взял с собой топор и плаху
Пошел к воеводе с повинною.
Уж, ты, батюшка, воевода большой!
Я пришел к тебе с повинною,
Принес с собой топор и плаху.
Мои друзья и братья все порублены
И все повешены – прикажи и мне
Отрубить буйну мою голову!

20.

Дотолева про Океан-море не слыхано,
А ныне на Океане-море собираются,

Собирался на Океане-море Новоторженин,
Убирал он тридцать кораблей без единого,
Украшал себе Сокол корабль,
Уж он деревцы становил кипарисовы,
Снасточки, бечевочки шелковые,
О двенадцати тонких парусах,
Белых, полотняных;
Он на корму сажал Илью Муромца,
На носу Стеньку Разина.
Отваливали они Сокол корабль
От бережку от крутого,
От песочку сыпучего,
От камышку зеленого;
Плыли они по синю морю,
И несчастьице случилося:
Бил их Сокол корабль
Сизый орел – и от духу его
Сокол корабль чуть не залился.
Стенька Разин возговорит:
Уж, ты, общий большой брат,
Илья Муромец!
Ты подай-ка мне лук,
Во пятнадцать пуд?
Натягивал Степанушка
Свой тугой лук,
Накладывал калену стрелу
Убивал сиза орла
Во право крыло, в ретиво сердце.

21.

Как на Волге на реке, на Камышенке,
Живут казаки, люди вольные,
Донские, гребенские со яицкими.
У казаков атаманушка
По имени Ермил сын Тимофеевич.

Не золота его трубочка вострубила,
Ни звонкая, ни громкая его речь возговорила,
Говорил-то наш Ермил Тимофеевич:
Уж вы слушайте, братцы, послушайте,
Дайте мне Ермилу думушку придумати:
Проходит у нас лето теплое,
Наступает зима холодная,
Еще где же нам казакам зиму зимовать?
Нам на Волге быть – все ворами слыть,
На Яик идти – переход велик,
Под Казань идти – грозен Царь стоит,
Грозен Царь, Иван Васильевич;
У него много силы, армии,
Не мало, не много, сорок тысяч.
Идти ль, не идти ль, братцы, нам
На Иртыш реку;
Мы возьмем, братцы, Тобол город,
И пойдем к Царю с повинною,
Возьмем топор с пикою.
Ловил Ермил сын Тимофеевич
Своего не лучшего коня,
Вдевал свою уздечку тесмянную,
Накладывал портники белы бумажны
И прикладывал свое седельце черкасское,
Подтягивал двенадцать подпруг шелковых; –
Не для красы, а для крепости.
Садился Ермил на своего добра коня,
И поехал к Царю своему с повинною.
Пешком идет Ермил – свою силу ведет,
Он идет потихохоньку и почастехоньку,
Подъезжает он к широку дворцу,
К широку, к Царскому,
Ко крылечку окрашенному.
Он слез Ермил с добра коня,
Потихохоньку и почастехоньку;

Он пошел Ермил
Во Царски белые палатушки.
Он идет Ермил сын Тимофеевич
Потихохоньку и почастехоньку,
Он взошел во Царски белы палатушки –
Ты, здорово батюшка, наш православный Царь,
Иван, сын Васильевич!
Я приехал к тебе, Ермил, с повинною,
Я шатался, мотался Ермил
По чисту полю и по синю морю,
Разбивал я, Ермил, бусы, корабли,
И таксырские и басурманские,
А больше корабли Государевы,
Государевы корабелички без приметушек,
Без Царского герба.
Да возговорил наш батюшка, православный Царь:
Уж, вы, гой еси, князья, бояре,
И думные мои боярушки!
Еще что мне делать над Ермилом:
Иль казнити, иль вешати?
Да возговорил один думчий боярин:
Еще мало нам Ермила
Казнити, вешати!
Да возговорил Ермил сын Тимофеевич:
Злодей боярин, не Царский думчий.
Без суда хочешь меня казнити, вешати!
Богатырска его сила подымалася,
И богатырская его кровь разгорается,
Вынимал Ермил из своих ножен саблю острую.
Буйна голова от плеч могучих отвалилася
И по Царским палатам покатилася.
Ермак в беде сидит, бедой крутит,
А думчие боярушки испугалися,
Из Царских палатушек разбежалися,
А Царская хорантина переменилась.

22.

Возмутился славный наш тихий Дон,
Возмутился и совершился
До славного до устьица,
До города до Черкасского,
Возмутил его донской казак,
По имени и по отечеству Игнатьюшка Иваныч,
По фамильице Некрасов;
Он-то ушел, увел силы рати сорок тысяч;
Окроме стариков староженных,
Опричь малолетков малолетних,
И от тумов прирожденных.
Да со вечера они собиралися,
А во полуночь они во поход пошли,
На белой заре проходили
Славный тихий Дон;
На славную Днепр реку они становилися,
Во чистом поле и во зеленых лугах расположилися
Казаченьки теплыми лагерьми.
Распускали Царску знамичку позлащенную,
Собирался к знамичку казачий краг,
Во кругу стоит хорошенький, раздвижной стул,
На стуле сидит их молодой атаманушка,
Игнатьюшка Иванович сын Некрасов,
Перед ним стоят его сотники любимые;
Он же пишет наскоро грамотку,
Ни пером пишет, ни чернилами,
А он пишет своими горючими слезами,
К графу Долгорукому:
Ты спасибо, наш батюшка!
Поил, кормил, берег и жаловал,
Ты в одном же на нас, батюшка прогневался,
Захотел старикам усы, бороды сбрить;
И молодых детей во солдаты брать,
Ты приехал к нам на тихий Дон,

Без указу-то нас разорять стал.
Уж мы бросили свое бытье богатство,
С того-то мы со тиха Дона долой пошли,
Мы пошли к турецкому хану в подданство,
Он принял нас со честию, со славою,
И пожаловал нам по коню, коню хорошему,
И седельчику черкасскому.

23.

По морю, морю по Верейскому,
По тому морю, по морю турецкому,
Плывут, выплывают три кораблика,
Один корабль на перед плывет –
Как сокол летит,
У него нос, корма по-звериному,
Водяные бока по-змеиному;
В том корабле раскрашен чердак,
В том чердаке столики стоят, черны дубовые,
На столах разостланы скатерти белы – браные,
На скатертях стоят яства сахарные,
И пойлицы медовые,
За столом сидит шведский король,
А пред ним стоят два невольничка,
С тиха Дона два полковничка;
Один держит Царское знамечко позлаченое,
А второй держит золотой поднос,
На подносе стоят две рюмочки серебряные,
В рюмочках пойлицы медовые.
Ты, уж гой еси, шведский король!
Изволь принять – изволь выкушать.
Да не нам бы пред тобою-то стояти,
И не нам бы тебе подносити.
Да возговорил шведский король:
Мне пить, есть – не хочется,
Гульба, прохлада на ум нейдет,

Нонесь – вечер мало спаслось
И во сне много виделось,
Привиделся мне некорыстный сон:
Во сне привиделась мне крутая гора,
На той на горе част ракитов куст стоит,
На том кусте тепло гнездышко,
Тепло гнездышко, соколиное.
Да возговорит душечка шведский король:
Уж вы, гой еси мои невольнички,
Со тиха Дона полковнички!
Кто сон мой отгадает,
Того я выпущу на волюшку?
Да возговорили раздушечки два полковничка:
Со тиха Дона два невольничка:
Устоишь ли в своем слове королевском?
Выпустишь ли нас, невольничков, на волюшку?
Уж мы сон твой отгадаем:
Крута гора – наша Россиюшка,
А кустик ракитов – наша каменна Москва,
А гнездышко соколиное – Российская армиюшка.

24.

Во горах, долах, во раздольицах, снеги белые,
Во лугах, во лузях, во зеленых, вода полая.
Протекала тут Яик река быстрая,
Она мыла, вымывала бел горюч камень,
Из-под камешка из-под белого –
Част ракитов куст.
Как под кустиком, под ракитовым,
Разудаленьки, добры молодцы –
Дуван дуванили,
Делили они золоту казну пуховой шляпой;
Доставалось им разудаленьким
По пять сот рублей,
Атаманушке с есаулушкой вся тысяча;

Одного они добра молодца задуванили,
Золотой казной призабидили:
На пай пала ему, добру молодцу,
Красна девица:
Набелена, нарумянена,
Во цветно платье принаряжена,
Золотой лентой подпоясана.
И на то-то добрый молодец приосердился.
Он взял красну девицу за праву руку,
И повел ее на круту гору;
Он хотел ей рубить буйну голову.
Раздуша моя, красна девица заплакала:
Не руби ты мне, добрый молодец, буйну голову!
У меня есть кунья шуба во пять сот рублей,
Есть жемчужная моя поднизочка во всю тысячу;
А я тебе, девица, в барышах пришла.

25.

Мне не дорого, хозяин,
Пиво пьяное твое,
Дорога мне, хозяин,
Смиренная беседушка твоя;
Во беседе у нас, хозяин,
Люди добрые сидят,
Они говорят, рассуждают,
Речь хорошую говорят:
От чего наша каменна Москва загоралась?
Загоралась каменна Москва
От больших господ,
От большого господина,
Графа Шереметева.
Выходила его ключница
Во новые выхода,
Заронила она искру
Воскояровой свечой:

Оттого у нас каменна Москва загоралась.
Письмо пишет король шведской,
К Государыне самой:
Милосердная ты Государыня!
Помиримся мы с тобой?
Если хочешь ты со мной помириться,
Отдай славны мои города:
Первый Ригу, второй Ревель, третий Кронштадт.
Если не отдашь ты мои городочки,
Я к тебе в гости приду,
Как я в Питере пообедаю,
В Москву ужинать приду.

26.

Ах ты, батюшка воеводушка!
Ты за что на нас прогневался?
Или делали тебе изменушку,
Изменушку, переменушку?
Ты зачем у нас коней обрал,
Ты коней обрал, по полкам раздал,
Ты по тем полкам, по гусарским?
Ты полковничка у нас разжаловал,
Есаулушков на часы ставил.
Аль мы в чем тебе прослужилися?
Я за тем у вас коней обрал,
Я коней обрал, по полкам раздал,
А на всех полках кони выпали,
Генералушки все приопешили,
Канонерушки пешком идут,
Они лямочки на плечах несут,
А орудия на себе везут.

27.

Ах, служили мы на границе три годочка,
Нам ни весточки, ни грамотки с Дону нету,

И словесного челобитьица нам не прислано,
На четвертом годочке перепала весточка.
Не полуночная звезда с небес упадала,
А скорая почта прибегала
Ко походному нашему атаману,
Ко Иванушке Ивановичу Фролову:
Уж ты здравствуй, походный наш атаман!
Уж ты здравствуй, с походными старшинами!
Уж ты здравствуй, со служащими казаками!
Как у нас-то на тихом Дону не здорово:
Как приехали к нам на тихий Дон все рассыльщики,
Во рассыльщиках были два боярина,
Без указа-то они Государева нас разоряют,
И они старых стариков всех ссылают,
Молодых-де малолеток берут во солдаты.
От того-то наш славный, тихий Дон возмутился,
Возмутился славный, тихий Дон вплоть до устьица,
Как и до славного до города Черкасского.

28.

На заре-то было на утренней,
На восходе было солнца красного,
Середи торгу, базару, красной площади
Собиралися казаченьки во единый круг,
Во кругу-то стоит добрый молодец,
Он стоит, стоит, сам не тряхнется,
И русы-то его кудрюшки не ворохнутся;
Перед ним-то стоит воеводушка;
Он не бьет его, не пытает, крепко спрашивает:
Ты скажи, скажи, добрый молодец,
Скажи ты правду истинну:
Не атаман ли ты, разудаленький, или атаманский сын?
Не воевода ли ты, разудаленький, воеводский сын?
Не с иной ли земли ты, разудаленький, грозен посол?

Ответ держал добрый молодец воеводе:
Не тебе, собаке, меня, молодца, спрашивать,
А не мне-то было тебе ответ держать,
Расспросил бы меня батюшка, православный Царь,
Я сказал бы ему батюшке правду истинну:
Разорил ты прежде войско Донское,
А другое войско Оренбургское.
Приехал ты к нам разорять в город,
Потревожил наших стариков старых.

29.

Кукушечка соловушку журила, бранила!
Ты глупенький, неразумненький, молодой соловей!
Не вей ты, не вей гнездышко, не вей при дорожке,
Ты свей тепло гнездышко, ты свей при долинке,
При зеленой при травинке, при мелком лесочке;
Никто твое теплое гнездышко, никто не разорит.
На Дону под горой стояла темна темница,
Без дверей, окошек, с одной трубочкой, с дымовою,
Сидел тут посаженный разудал добрый молодец.
Никто-то к нему не взойдет, никто не заедет,
Взошла к нему да заехала гостья дорогая,
Не гостья дорогая, матушка родная.
За что тебя, мило дитятко, в тюрьму посадили?
Посадили меня, добра молодца, за казацку дочку.
Еще долго ль, мое дитятко, во тюрьме сидеть тебе?
Сидеть-то мне, родна матушка, тридцать три годочка.
Не можно ль тебе, родна матушка, заступиться?
Не можно ль тебе, родна матушка, откупиться?
За выкупку, родна матушка, ровно восемь тысяч.
Золотой казны у нас, дитятко, не достанет,
Добры кони у нас, дитятко, притомились,
Цветно платье у нас, дитятко, приносилось.
Друзья, братья, товарищи отступились.

30.

Из-за лесу было, лесу темного,
Из-за гор-то было, гор высоких,
Не белая заря занималася,
Не красно солнце выкатилося,
Не две армиюшки соезжалися,
Перва армия от Царя Белого,
Втора армия славна Франция,
В авангард пошли полки казачьи,
Во казачьем полку несчастье случилось:
Сраженьице у них прилучилось.
Из-под кустика, куста ракитного
Не лютая-то змея выползала,
Свинцовая пуля тут вылетала;
Упадала она в казачий полк,
Никого-то в полку не ранила,
Убила пулечка в полку урядника,
Ферисанушку, сына Григорьевича,
По фамилии сына Манского;
Упадал он коню на черну гриву,
Со черной гривы на мать сыру землю.
Уж он друзьям, братьям наказывал:
Уж вы гой еси, братья товарищи!
Вы коли въедете на святую Русь,
Вы скажите моему батюшке низкий поклон,
Родной матушке челобитьице,
Молодой жене своя волюшка,
Остаюсь я, молодец, на чужой стороне.

31.

Во поле, поле чистом, стояло тут деревцо,
Тонко, высоко, тоненько, высоконько,
Под этим под деревцом травка вырастала,
На той на травоньке цветы расцвели,

На тех на цветиках расставлен шатер,
Во том во шатерике разостлан ковер,
На том на коврике столики стоят,
На тех на столиках скатерти лежат,
На тех на скатертях пойлище стоит,
У того у столика два стула стоят,
На тех на стуликах два братца сидят,
Два братца, два родные.
Большой-то меньшему ту речь говорит:
Братец, ты мой братец, родимый, родной!
Единая нас матушка, братец, родила,
Не научила уму-разуму, в службу пустила;
Чужедальняя сторонушка без ветру сушит,
Без ветру, без вихря, без красного солнышка,
Чужой отец с матерью без вины журят.

32.

Долина, долинушка, широкое мое раздольице!
Не пеш-то я по тебе хожу, седельце за плечьми ношу,
Цветное платье в тороках вожу,
Добра коня в поводу веду,
За тоненький повод, шелковый,
За ту узду за тесмянную,
За то кольцо за серебрено.
Хозяин-то речь возговорит:
Что ты добрый конь не весел стоишь,
Повесил ты свою буйну голову?
Аль я на тебе тяжел сижу?
Аль тяжела моя сбруя ратная?
Аль остро копье булатное? –
Конь хозяину речь возговорит:
Хозяин ты мой ласковый!
Не тяжел ты на мне сидишь,
Не тяжела сбруя ратная;
Тяжелы мне дальны переходушки,

Без водицы коню, без кормища,
А мне коню идти по неволюшке,
А тебе доброму молодцу по охотушке;
Тяжела мне служба Чуманова,
Чуманова сына Урманова.

33.

Один-то был у отца, у матери единый сын,
И того-то берут разудалого в службу Царскую,
По указу берут его Государеву;
Он со вечера добрый молодец собирается,
Со полуночи, разудаленький, стал коня седлать,
На белой заре, добрый молодец, со двора съезжать;
Провожает его разудалого и отец и мать
И отец и мать его добра молодца,
Весь и род племя;
Позади-то идет горюшенька, молода жена,
Позади идет, слезно плачет она.
Разудаленький, добрый молодец ее уговаривает:
Ты не плачь жена, не плачь душа лебедушка белая!
Впереди-то у нас, у добрых молодцев,
Разливалася вода полая.
Разудаленький мой, добрый молодец,
Мил сердечный друг меня не обманывай;
Из твоих очей, сердечный друг, слезы катятся.
Разудаленький добрый молодец опять ее уговаривает:
Воротись ты жена, воротись душа, лебедушка белая!
Впереди-то у нас, у добрых молодцев, огни горят,
И огни горят негасимые.
Разудаленький, мил сердечный друг, меня
не обманывай;
То горит, то пылает у тебя, мил сердечный друг,
ретиво сердце;
А ты видно сердечный друг ко мне не воротишься.

34.

А за славным было батюшком за Байкалом морем,
А и вверх было по матке Селенге по реке,
Из верхнего острогу Селенгинского,
Только высылка была удалым молодцам,
Была высылка добрым молодцам,
Удалым молодцам, Селенгинским казакам:
А вторая высылка посольским стрельцам;
На поддачу им даны были табуноцки мужики,
Табуноцки мужики, люди ясашные.
Воевода походил у них Федор молодой Дементьянович,
Есаулом походил у него брат родной,
А по имени Прокофий Козеев молодец.
Переправились казаки за Селенгу за реку,
Опущалися на улусы на мунгальские.
По грехам над улусами учинилося,
А мунгалов в домах не годилося,
Они ездили за зверями облавами, –
Они туто казаки усмехаются,
Разорили все улусы мунгальские:
Они жен, детей мунгалов в полон взяли,
Шкарб и живот у них обрали весь.
Они стали казаки переправлятися
На другу сторону за Селенгу за реку,
Опилися кумысу – кобыльего молока. –
Из-за того было белого каменя
Кабы не черные вороны налетывали,
Набегали тут мунгалы из чиста поля –
Учинилася бой, драка тут великая:
Они жен, детей мунгалов отбили назад;
А прибили казаков много до смерти,
Вдвое, втрое казаков их перебранили;
Табуноцки мужики на побег побегли,
Достальных казаков своих выдали. –
А прибудут казаки в Селенгинский острог,

По базарам казаки они похаживают,
А и хвастают казаки, Селенгинские молодцы,
А своими ведь широкими бердышами.

35.

А и по край было моря синего,
Что на устье Дону-то тихого,
На крутом, красном бережку,
На желтых, рассыпных песках
А стоит крепкий Азов город
Со стеной белокаменною,
Земляными раскатами и рвами глубокими
И со башнями караульными.
Середи Азова города
Стоит темная темница,
А злодейка – земляная тюрьма;
И во той было во темной темнице,
Что двери были железные,
А замок был в три пуда,
А проби были булатные,
Как засовы были медные;
Что во той темной темнице
Засажен сидит Донской казак
Степан Тимофеевич.
Мимо той да темной темницы
Лучилося царю идти, самому царю,
Тому турецкому Салтану Салтановчу.
А кричит Донской казак
Степан Тимофеевич:
«А ты гой еси, турецкий царь,
Салтан Салтанович!
Прикажи ты меня поить, кормить –
Либо казнить, либо на волю выпустить».
Постоялся Турецкий царь
Салтан Салтанович:

«А мурзы вы, улановья!
А вы згаркайте из темницы
Того тюремного старосту».
А и мурзы, улановью металися через голову,
Привели его уланове они старосту тюремного;
И стал он, турецкий царь,
У тюремного старосты спрашивать:
«Еще что за человек сидит?
Ему староста рассказывает:
«А и ты гой еси, турецкий царь,
Салтан Салтанович!
Что сидит у нас Донской казак
Степан Тимофеевич.
И приказал скоро Турецкий царь:
«Вы мурзы, улановья!
Ведите Донского казака
Ко палатам моим царским».
Еще втапоры турецкий царь
Напоил, накормил доброго молодца
И тошно стал его спрашивати:
«А ты гой еси, Донской казак!
Еще как ты к нам в Азов попал?
Рассказал ему Донской казак:
«А и послан я из каменной Москвы
К тебе царю в Азов город,
А и послан был скорым послом,
И гостинцы дорогие к тебе вез;
А на заставах твоих всего меня ограбили
Мурзы, улановья, а моих товарищей
Рассадили добрых молодцев
И по разным, темным темницам».
Еще втапоры турецкий царь
Приказал мурзам, улановьям
Собрать добрых молодцев
Стеньки Разина товарищей.

Отпущает добрых молодцев,
Стеньку в каменну Москву;
Снарядил доброго молодца
Степана Тимофеевича,
Наградил златом, серебром,
Еще питьями заморскими.
Отлучился Донской казак от Азова города,
Загулялся Донской казак
По матушке Волге реке,
Не явился в каменну Москву.

36.

Промеж было Казанью, промеж Астраханью,
А пониже города Саратова,
А повыше города было Царицына,
Из тоя ли было нагорной сторонушки,
Как бы прошла, протекла Камышенка река,
Своим устьем она впала в матушку Волгу реку.
А по славной было матушке Камышенке реке
Выгребали, выплывали пятьдесят легких стругов,
Воровских казаков:
А на всяком стружечку по пятьдесят гребцов,
По пятьдесят гребцов – воровских казаков.
Заплывали, загребали в Коловинские острова,
Становились, молодцы, во тихих заводях,
Погулять они на зеленые луга.
Расставили майданы терские
И раздернули ковры сорочинские;
А играли казаки золотыми они деньгами,
Кто-де костью, кто-де картами – все удалы молодцы.
Посмотрят молодцы вниз по Волге реке,
Как бы чернь-то на Волге зачернеется,
А идут гребные из Астрахани.
Дожидались казаки, удалые молодцы,
Воеводу из Астрахани Репнина,

Князя Данилу Александровича.
А на что душа рождена, того Бог и дал.
Подошли те гребные в Коловинские острова,
И бросали казаки они потехи все,
И бросалися во свои легоньки стружки,
Напущалися казаки на гребные струги;
Они все туто торговых перещупали,
Они спрашивают воеводу из Астрахани:
А то коли он с вами, покажите его нам?
А до вас до купцов, удалых молодцов, и дела нет.
Потаили купцы воеводу,
А прятали его под товары под свои.
Говорили молодцы, воровские казаки:
А вы сами себе враги, за что его спрятывали?
Обыскали под товарами воеводу,
Репнина князя Данилу Александровича,
Изрубили его во части мелкие,
Разбросали по матушке Волге реке;
А его-то госпожу, воеводову жену,
И со малыми детушками
Они все молодцы, воровские казаки, помиловали;
А купцов молодцов ограбили,
Насыпали червонцами легки свои струги,
Пошли по Камышенке реке.

37.

Во Сибирской во украйне,
Во Даурской стороне,
Во Даурской стороне –
А на славной на Амуре реке,
На устье Комары реки
Казаки Царя Белого
Острог себе поставили,
Острог себе поставили,
Ясак Царю собирали.

Из-за сабли острые,
Из-за сабли острые –
Из-за крови горячи казаки.
Круг острогу Комарского
Они глубокий ров вели,
Высокий вал валили,
Рогатки ставили,
Частокол колотили,
Смолье приготовили.
Поутру рано, ранешенько,
Ровно двадцать пять человек,
Выходили молодцы
На славну Амур реку,
С неводочками шелковыми
Они по рыбу свежую.
Несчастье сделалось
Над удалыми молодцы:
Издалеча, из чиста поля,
Из раздолья широкого,
Из хребта Шингальского,
Из-за белого каменя,
Из-за ручья глубокого
Выкатилося знамечко,
Выкатилося знамечко –
Большое Богдойское;
А знамя за знамем идет,
А рота за ротами валит,
Идет Богдойский князец
Он со силою поганою,
Со силою поганою –
Ко острогу Комарскому.
Как не вешняя вода
По лугам разливалася,
Облелеила сила поганая
Вкруг острогу Комарского.

Отрезали у казаков
Ретиво сердце со печенью,
Полонили молодцов
Двадцать пять человек,
С неводочки шелковыми
И с рыбою свежею.
А и ездит Богдойский князец,
На своем на добром коне,
Как черный ворон летает
Круг острогу Комарского;
Кричит Богдойский князец
Ко острогу Комарскому:
«А сдайтеся казаки
Из острогу Комарского!
А и буду вас жаловать
Златом, серебром,
Да и женки прелестными,
А женки прелестными –
И душами красными девицами».
Не сдаются казаки,
Во остроге сидючи,
Кричат они казаки
Своим громким голосом:
«Отъезжай, Богдойский князец
От острогу Комарского».
А втапоры Богдойский князец,
Со своею силою поганою,
Плотный приступ чинит,
Ко острогу Комарскому.
Казаки они справилися,
За ружье ставилися,
А было у казаков
Три пушки медные,
А ружье долговерное:
Три пушечки гунули,

А ружьем вдруг грянули,
А прибили они казаки
Те силы Богдойские,
Те силы Богдойские –
Будто мушки Ильинские,
Тое силы поганые.
Заклинался Богдойский князец,
Бегучи от острогу прочь,
От острогу Комарского,
А сам заклинается:
«А не дай, Боже, напредки бывать!»
На славной Амуре реке
Крепость поставлена,
А и крепость поставлена крепкая,
И сделан гостиный двор,
И лавки каменны.

38.

Приуныли, приутихли на Дону донски казаки,
А яицкие, донские, запорожские;
А и что казаки уныли?
Приуныли на Дону донские казаки,
Да что взял у них Государь Царь город,
Со тремя с теми со малыми с пригородками,
А и со славною со Кубанью, с крепким Лютиком.
А во славном да в Черкасском земляном городке
А стоит у казаков золотой бунчук,
А на бунчуке стоит чуден золот крест,
А перед крестом туто стоит войсковой их атаман,
А по имени ли Флор сын Минаевич.
Ко кресту тут собирались донски казаки,
А и донские, греберские, запорожски хохлачи;
Становились молодцы во единый войский круг,
Середи круга стоит войсковой атаман,
А по имени ли Флор сын Минаевич.

Атаман речи говорит, будто в трубу трубит:
«А и вы, братцы, казаки, вы яицкие, донски,
запорожские!
Пособите мне атаману вы думу думати,
Челобитну ли нам писати, Государю подавать?
Самому ли мне атаману в Москву ехати?
Перемирье бы нам взять перед самим Царем:
Залегли пути-дороги за сине море гулять,
Еще от вора от Васьки с детьми,
Залегли пути-дороги за сине море,
А и не стало нам добычи на синем море
И на тихом Дону на Иваныче».
И поехал атаман в каменну Москву. –
Еще будет атаман в каменной Москве,
Поклонился Государю о праву руку,
Сквозь слезы он словечко едва выговорил:
«Ах, ты свет наш, надежда благоверный Царь!
А и грозен, Осударь, Петр Алексеевич!
Прикажи нам на Дону чем кормиться?
Залегли пути дорожки на сине море
От вора от Васьки с детьми,
Еще те наши дороги убойные ли.
«Ай и гой еси атаман и с донскими казаки!
У тебя, у атамана, есть казачий суд,
Если не порядочно живет
Суди правдой по тому суду,
По тому суду, да правому,
Живи с казаками на Дону во миру».

РУССКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1.

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, стары старики, будем сказывати,
Про грозного Царя Ивана Васильевича,
Как он наш Государь Царь под Казань город ходил,
Под Казанку под реку подкопы подводил,
За Сулай за реку бочки с порохом катал,
А пушки и снаряды в чистом поле расставлял.
А татаре по городу похаживают,
И всяко грубиянство оказывают,
Они грозному Царю насмехаются,
А и не быть нашей Казани за Белым за Царем!
Ах, как тут наш Государь разгневался,
Что подрыв так долго медлится,
Приказал он за то пушкарей казнить,
Подкопщиков и зажигальщиков.
Как все тут пушкари призадумалися,
А один пушкарь поотважился:
Прикажи, Государь Царь, слово выговорить?
Не успел пушкарь слово вымолвить,
Тогда лишь догорели зажигательные свечи,
И вдруг разрывало бочки с порохом,
Как стены бросало за Сулай за реку.
Все татаре тут, братцы, устрашилися,
Они Белому Царю покорилися.

2.

Когда зачиналася каменна Москва,
Тогда начинался и грозный Царь,
Что грозный Царь Иван, Осударь, Васильевич.
Как ходил он под Казань город,
Под Казань город и под Астрахань,
Он Казань город мимоходом взял,
Полонил Царя и с Царицею,
Выводил измену изо Пскова,
Изо Пскова и из Новагорода.
И тут ли Царь похваляться стал,
Что вывел измену изо Пскова,
Изо Пскова и из Новагорода.
Ах, как бы вывесть измену из каменной Москвы?
Что взговорит Малюта злодей Скурлатович:
Ах, ты гой еси, Царь Иван Васильевич!
Не вывесть изменушки до веку,
Сидит супротивник супротив тебя,
Он пьет и ест с одного блюда,
Цветное платье носит с одного плеча.
И тут Царь догадается,
На Царевича злобно осержается;
Что возговорит грозный Царь Иван Васильевич:
Ах, вы гой еси, князья и бояре!
Вы берите Царевича под белы руки,
Поведите во палату особую;
Вы снимайте с него платье цветное,
Надевайте на него платье черное,
Поведите его на болото жидкое,
На ту ли лужу на поганую;
Вы предайте его скорой смерти.
Все бояре испугалися,
Из палаты вон разбежалися,
Большой за меньшего хоронятся.
Один остался Малюта злодей;

Он брал Царевича за белы руки,
Повел во палату особливую,
Снимал с него платье цветное,
Надевал на него платье черное;
Повел на болото на жидкое,
Что на ту ли на лужу поганую.
Проведал слуга Никиты Романыча,
Садился на лошадь водовозную,
Скоро скакал к Никите Романовичу.
Как закричал он громким голосом:
Гой еси батюшка, Никита Романович,
Ты пьешь, ешь и прохлаждаешься,
Над собой кручинушки не ведаешь:
Упадает звезда поднебесная,
Угасает свеча воску ярого,
Не становится у нас млада Царевича.
Никита Романыч испугается,
Садится на лошадь водовозную,
Скоро скачет на болото жидкое,
Что на ту ли на лужу поганую.
Ударил он Малюту по щеке.
Ты Малюта, Малюта Скурлатович!
Не за свой ты кус принимаешься:
Ты этим кусом подавишься.
Он брал Царевича за белы руки,
И повел его, куда надобно.
Что возговорит грозный Царь:
Ах, вы гой еси, князья мои и бояре!
Надевайте на себя платье черное,
Собирайтеся ко заутрени,
Слушать по Царевиче панихиду.
Я вас, бояре, всех в котле сварю.
Все бояре испугалися;
Надевали они платье черное,
Собирались ко заутрени,

Слушать по Царевиче панихиду.
Приехал Никита Романович,
Нарядился в платье цветное,
Привел с собой млада Царевича,
И поставил за дверьми северны.
Что возговорит грозный Царь:
Ах, вы гой еси, Никита Романович!
Что в глаза ли ты мне насмехаешься?
Как упала звезда поднебесная,
Что угасла свеча воску ярого,
Не стало у меня млада Царевича.
Что возговорит Никита Романович;
Ах, ты гой еси, надежа, православный Царь!
Мы не станем петь по Царевиче панихиду,
А станем мы петь молебен заздравный.
Он брал Царевича за белу руку,
Выходил из-за северных дверей.
Что взговорит грозный Царь:
Ты Никита, Никита Романович!
Еще чем мне тебя пожаловать?
Иль тебе полцарства дать?
Иль тебе золотой казны сколько надобно?
Ах, ты гой еси, Царь Иван Васильевич!
Не надо мне полцарства, ни золотой казны,
Только дай мне злодея Скурлатова,
Я сведу на то болото жидкое,
Что на ту ли на лужу поганую.
Что возговорит Царь Иван Васильевич:
Еще вот тебе Малюта злодей,
И делай с ним, что хочешь ты.

3.

Как бы во сто двадцать седьмом году,
В седьмом году, в осьмой тысяче,
А и деялось, учинилося,

Кругом сильна царства Московского
Литва облегла со все четыре стороны;
А и с нею сила: Сорочина долгополая,
И те черкесы Пятигорские,
Еще ли калмыки с татарами,
Со татарами, со башкирцами,
Еще чушки со люторами.
Как были в Москве припасы многие,
А в царские и княженецкие,
Боярские и дворянские,
А нельзя ни пройти, ни проехати,
Ни конному, ни пешему,
И ни соколом вон вылетати.
А из сильного Царства Московского,
Из великого Государства Российского,
А Скопин князь Михайло Васильевич,
Он правитель Царству Московскому,
Оберегатель миру крещеному
И всей нашей земли светло Русские,
Как ясен сокол вон вылетывал,
Как белый кречет вон выпархивал.
Выезжал воевода Московский, князь Скопин,
Князь Михайло Васильевич,
Он поход чинил ко Новугороду.
Как и будет Скопин во Новегороде,
Приезжал он Скопин на съезжий двор,
Входил в избу во съезжую,
Садился Скопин на ременчат стул,
А и берет чернилицу золотую,
А и в ней-то перо лебединое,
И берет он бумагу белую,
Писал ярлыки скорописчаты
В Свицкую землю, заморскую,
Ко любимому брату названому,
Ко Свицкому королю Карлосу.

А от мудрости слово поставлено:
«А и гой еси, названой брат,
А ты Свицкий король, Карлос!
А и смилуйся, смилосердуйся,
Смилосердуйся, покажи милость,
А и дай мне силы на подмочь!
Наше сильно Царство Московское
Литва облегла со все четыре стороны,
Приступила Сорочина долгополая,
А де черкесы Пятигорские,
А и те калмыки со башкирцами,
А и те чушки со люторами;
И не можем мы с ними управиться:
Я закладываю три города русские».
А с ярлыками послал скорого ямщика,
Своего любимого шурина
А того Ивана Ивановича.
Как и будет ямщик в Свицкой земле,
У честна Короля, честного Карлоса,
Он съезжает прямо на королевский двор,
А ко Свицкому королю Карлосу,
Среди двора королевского
Скочил ямщик со добра коня,
Вязал коня к дубову столбу,
Сумы подхватил, сам во палаты идет;
Ни за чем ямщик не замешкался.
Приходит в палату белокаменну,
Расковыривал сумы, вынимал ярлыки,
Он кладет королю на круглый стол.
Принимавши король, распечатывает,
Распечатывает, сам рассматривает,
И печальное слово повыговорил:
От мудрости слово поставлено,
От любимого брата названого,
Скопина князя Михайлы Васильевича,

Как просит силы на подмочь,
Закладывает три города русские.
А честной король, честной Карлос
Показал ему милость великую,
Отправляет силу со трех земель:
А и первые силы то Свицкие,
А другие силы Саксонские,
А третьи силы Шкодские –
Того ратного люду, ученого,
А ни много, ни мало – сорок тысячей.
Прибыла сила ко Новугороду,
Из Новагорода в каменну Москву.
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина князя думушки прибыло.
А по утру, рано ранешенько,
В соборе Скопин он заутреню отслушал,
Отслушал, сам в поход пошел,
Подымавши знаменье Царское;
А на знаменье написано:
Чуден Спас со Пречистою;
На другой стороне было написано:
Михайло и Гаврило Архангелы,
Еще вся туто сила небесная.
Во восточную сторону походом пошли,
Они вырубили чудь белоглазую,
И ту Сорочиву долгополую;
В полуденную сторону походом пошли,
Прекрашили черкес пятигорских,
А не много дралися, скоро сами сдались;
А на северну сторону походом пошли,
Прирубили калмыков со башкирцами;
А на западну сторону походом пошли,
Прирубили чушки со люторами;
А кому будет Божья помочь?
Скопину князю Михайле Васильевичу!

Он очистил царство Московское
И велико Государство Российское.
На великих тех на радостях
Служили обедни с молебнами,
И кругом города ходили в каменной Москве;
Отслуживши обедни с молебнами,
И всю литургию великую,
На великих на радостях пир пошел,
А пир пошел и великий стол
У Скопина князя Михайла Васильевича
Про весь православный мир.
И велику славу до веку поют
Скопину князю, Михайле Васильевичу.
Как вы малое время замешкавши,
А во той же славной каменной Москве,
У того ли было князя Воротынского,
Крестили млада княжевича,
А Скопин князь Михайло кумом был,
А кума была дочь Малютина,
Того Малюты Скурлатова.
У того-то князя Воротынского
Как будет почестной стол,
Туто было много князей и бояр и званых гостей.
Будет пир во полу пире,
Княженецкий стол во полу столе,
Как пьяненьки тут расхвастались:
Сильный хвастает силою,
Богатает хвастает богатством,
Скопин князь Михайло Васильевич,
А и не пил он зелена вина,
Только одно пиво пил и сладкий мед,
Не с большого хмелю он похвастается:
«А вы, глупый народ, неразумные!
А все вы похваляетесь безделицей:
Я Скопин, Михайло Васильевич,

Могу смело похвалятися,
Что очистил царство Московское
И велико Государство Российское;
Еще ли мне славу поют до веку,
От старого до малого,
От малого, до веку моего».
А и тут боярам за беду стало.
В тот час они дело сделали:
Поддернули зелья лютого,
Подсыпали в стакан в меды сладкие,
Подавали куме его крестовой,
Малютиной дочери Скурлатовой.
Она-то, кума его крестовая,
Подносила стакан меду сладкого
Скопину князю Михайле Васильевичу.
Принимает Скопин, не отпирается,
Он выпил стакан меду сладкого,
А сам говорил таково слово:
«Услышал во утробе не ловко добре!
А и ты съела меня, кума крестовая,
Малютина дочь Скурлатова;
А зазнаючи, мне со зельем стакан подала.
Съела ты меня, змея подколодная!»
Голова на плечах зашаталася,
Он и тут Скопин скоро со пиру пошел,
Он садился Скопин на добра коня,
Побежал к родимой матушке;
А только успел с нею проститися.
А матушка ему пенять стала:
«Гой еси, мое чадо милое,
Скопин князь Михайло Васильевич!
Я тебе приказывала,
Не велела ездить ко князю Воротынскому;
А и ты меня не послушался,
Лишила тебя свету белого

Кума твоя крестовая,
Малютина дочь Скурлатова».
Он к вечеру Скопин и преставился.
То старина и деянье.
Как бы синему морю на утешенье,
А быстрым рекам слава до моря,
Кабы добрым людям на послушанье,
Молодым молодцам на перениманье,
Еще нам, веселым молодцам, на потешенье,
Сидючи в беседе смиренные,
Испиваючи мед, зелено вино.
Где-то пиво пьем, тут и честь воздаем,
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

4.

Копил-то король, копил силушку,
Копил-то он, собака, двенадцать лет;
Накопил-то он силушки: сметы нет,
Много, сметы нет, сорок тысяч полков.
Накоплемши он силы, на Русь пошел;
Он на Русь пошел, на три города,
На три города, на три стольные:
На первый-то город на Полотский,
На другой-то город на Велики Луки,
На третий-то на батюшку на Опсков град
Он и Полотский город мимоходом взял,
А Велики Луки он насквозь прошел;
Подходил он под батюшку под Опсков град,
Становился, собака, в зеленых лугах,
Садился он, собака, во золот стул,
Смекал-то он силушку по три дни,
По три дни и по четыре:
Много ли силушки убыло,
А много ли силушки прибыло?

Убыло силушки сорок сот,
А прибыло силушки сорок полков;
Тут же он, собака, возрадуется:
«Ох, вы гой еси, мои скорые хожатели,
Скорые хожатели и скорые поспешатели!
Мечитесь скоро в зеленые луга,
В зеленые луга Государевы!
Посылает он воеводу своего
А сам крепко наказывает:
Бери свово коня Бахмута,
Поезжай во батюшку во Псков град:
Во город въезжай, не спрашивай,
Ко двору подъезжай, не докладывай,
Во палаты восходи, не бей челом,
Клади ярлыки на дубовы столы».
За столами сидит воевода Царев,
Шуйский князь Иван Петрович!
«Ох, вы гой еси воевода Царев,
Шуйский князь Иван Петрович!
Отдай город Опсков без бою,
Без бою и без драки великие,
Без того уголовия смертного?
Я на первом часу возьму Опсков град,
На другием часу стану чистити,
На третьем часу стану стол становить,
Стану пить, веселиться, прохлажатися;
Князей-то твоих бояр всех в полон поберу,
Донских казаков всех под меч преклоню,
А я тебя, воеводу, казнить буду!»
Возговорит воевода Царев,
Шуйский князь Иван Петрович:
Блуден сын король с королевичем,
С паном гетманом Хоткевичем,
И с воинским конем Вороновичем!
Не отдам я тебе город без бою,

Без бою и без драки великие,
И без того уголовия смертного!
Как со вечера ратные причащалися,
Со полуночи ружья чистили,
Ко белой заре, как куры пропели,
Не туча с тучей сходилася,
Не заря со зарей сомыкалася,
Соходилися два войска, два великие,
Белого Царя с королевским.
Тут ездит, разъезжает, удалый добрый молодец,
Еще тот ли же воевода Царев,
Шуйский князь Иван Петрович.
Кому у нас на бою, братцы, Божья помочь?
Помог Бог воеводе Московскому,
Шуйскому князю Ивану Петровичу!
Побить силу королевскую:
Всех латничков, синовщиков,
Кольчужничков, барабанщичков;
На силу король сам третей убежал,
Бегучи, он, собака, заклинается:
Не дай Боже, мне во Руси бывать!
Ни детям моим и ни внучатам!
И ни внучатам, и ни правнучатам.

5.

А что светел, радошен во Москве
Благоверный Царь Алексей, Царь Михайлович?
Народил Бог ему сына Царевича, Петра Алексеевича,
Первого Императора по земле.
Все-то русские как плотники мастеры
Во всю ноченьку не спали, колыбель, люльку делали
Они младому Царевичу,
А и нянюшки, мамушки, сенные красные девушки.
Во всю ноченьку не спали, одеялицо вышивали,
По белу рыту бархату они красным золотом;

Бояре тюрьмы с покаянными все распущали;
А погребцы Царские они все растворяли.
У Царя благоверного еще пир и стол на радости,
А князи сбиралися, бояре съезжалися и дворяне сходилися.
А все народ Божий. На пиру пьют, едят, прохлажаются,
Во веселье, в радости не видали, как дни прошли,
Для младого Царевича Петра Алексеевича,
Первого Императора.

6.

А под славным было городом под Ригою
Что стоял Царь Государь по три годы,
Ласковый Алексей Царь Михайлович.
Изволил Царь Государь наряжатися,
Наряжается Царь Государь в каменну Москву,
А ласковый Алексей Царь Михайлович.
Что по утру было рано, ранешенько,
Как на светлой заре, на утренней,
На восходе было красного солнышка,
Как бы гуси-лебеди воскликали,
Говорили солдаты новобранные:
«А свет Государь благоверный Царь,
А и ласковый Алексей Царь Михайлович!
Ты изволишь наряжаться в каменну Москву,
Не оставь ты нас, бедных, под Ригою,
Уж и так нам Рига наскучила,
Она наскучила нам Рига, напрокучила:
Много холоду, голоду приняли,
Наготы, босоты вдвое того».
Что не злата труба под Ригою протрубила,
Прогласил Государь, благоверный Царь:
«А и детушки, вы солдаты новобранные!
Не одним вам Рига-то наскучила,
Самому мне, Государю, напрокучила;

Когда Бог нас принесет в каменну Москву,
А забудем бедность, нужду великую,
А и выставлю вам погребы Царские,
Что с пивом, с вином, меды сладкие».

7.

За рекою, переправою, за деревнею Сосновкою,
Под Конотопом под городом, под стеною белокаменной,
На лугах, лугах зеленыих,
Тут стоят полки Царские,
Все полки Государевы,
Да и роты были дворянские.
А издалеча, из чиста поля,
Из того ли из раздолья широкого,
Кабы не черные вороны табуном табунилися,
Собирались, съезжались калмыки со башкирцами,
Напущались татарове на полки Государевы;
Они спрашивают татарове
Из полков Государевых себе сопротивника.
А из полку Государева сопротивника
Не выбрали ни из стрельцов, ни из солдат молодцов.
Втапоры выезжал Пожарский князь,
Князь Семен Романович,
Он боярин большой слывет,
Пожарский князь,
Выезжает он на вылазку
Сопротив татарина и злодея наездника;
А татарин у себя держит копье острое,
А славный Пожарский князь
Одну саблю острую во рученьке правой.
Как не два ясна сокола во чистом поле слеталися,
А съезжались в чистом поле
Пожарский боярин с татарином.
Помогай Бог князю Семену Романовичу Пожарскому!

Своею саблей острою он отводил остро копье татарское,
Изрубил ему голову, что татарину наезднику.
А завыли злы татарове, поганые,
Убил у них наездника, что ни славного татарина.
А злы татарове Крымские, они злы, да лукавые,
Подстрелили добра коня у Семена Пожарского.
Падает окорачь добрый конь.
Воскричал Пожарский князь во полки Государевы:
«А и вы солдаты новобранные, вы стрельцы Государевы!
Подведите мне добра коня, увезите Пожарского,
Увезите во полки Государевы».
Злы татарове Крымские, они злы, да лукавые,
А металися грудою, полонили князя Пожарского.
Увезли его во свои степи Крымские
К самому хану Крымскому – деревенской шишиморе.
Его стал он допрашивать:
«А и гой еси, Пожарский князь,
Князь Семен Романович!
Послужи ты мне верою, да ты верою, правдою,
Тою ли за очью неизменною,
Еще как ты Царю служил, да Царю своему Белому,
А и так-то ты мне служи, самому хану Крымскому.
Я ведь буду тебя жаловать златом и серебром,
Да и женки прелестными, и душами красными девицами».
Отвечает Пожарский князь самому хану Крымскому:
«А и гой еси, Крымский хан – деревенский шишимора!
Я бы рад тебе служить, самому хану Крымскому,
Кабы не скованы мои резвы ноги,
Да не связаны белы руки во чембуры шелковые,
Кабы мне сабелька острая,
Послужил бы тебе верою на твоей буйной голове,
Я срубил бы тебе буйну голову».
Скричит тут Крымский хан, деревенский шишимора:
«А и вы татары поганые!
Увезите Пожарского на горы высокие, срубите ему голову,

Изрубите его бело тело во части во мелкие,
Разбросайте Пожарского подалече чисту полю».
Кабы черные вороны закричали, загайками,
Ухватили татарове князя Семена Пожарского,
Отрубили буйну голову,
Иссекли бело тело во части во мелкие,
Разбросали Пожарского подалече чисту полю,
Они сами уехали к самому хану Крымскому.
Он день, другой нейдет, никто не проведает.
А из полку было Государева казаки двое выбрались,
Те ли казаки были молодцы,
Они на гору пешком пошли,
И взошли туто на гору высокую,
И увидели те молодцы то ведь тело Пожарского:
Голова его по себе лежит, руки, ноги разбросаны,
А его бело тело во части изрублено
И разбросано по раздолью широкому.
Те казаки-молодцы его тело собрали,
Да в одно место складывали;
Они сняли с древа липовый луб,
Да и тут положили его,
Увязали липовый луб накрепко,
Понесли его Пожарского к Конотопу ко городу.
Во Конотопе городе пригодился там епископ быть,
Собирал он епископ попов, и дьяконов
И церковных причетников,
И тем казакам, удалым молодцам,
Приказал обмыть тело Пожарского.
И склали его бело тело в домовище дубовое,
И покрыли тою крышкою белодубовою.
А и тут люди дивовалися,
Что его тело вместе срасталося.
Отпевши надлежащее погребение,
Бело тело его погребли во сыру землю,
И пропели петье вечное
Тому князю Пожарскому.

8.

Во славном городе Орешке,
По нынешнему званию Шлюшенбурге,
Пролегла туто широкая дорожка,
По той по широкой дорожке
Идет тут Царев большой боярин,
Граф Борис сын Петрович Шереметев,
Со теми он со пехотными полками,
Со конницей и со драгунами,
Со удалыми донскими казаками.
Вошли они во Красную мызу
Промежу теми высокими горами,
Промежу теми широкими долами –
А все полки становилися.
А втапоры Борис сын Петрович
В объезд он донских казаков посылает,
Донских, гребенских да и яицких.
Как скрали они шведские караулы,
Майора себе в полон полонили,
Привезли его в лагери Царские.
Не злата труба в поле протрубила,
Прогласил Государь, слово молвил,
Государь Московский – первый Император:
«А и гой еси, Борис сын Петрович!
Изволь ты майора допросити тихонько, помалешеньку:
А сколько-де силы в Орешке
У вашего короля шведского?
Говорит тут майор не с утайкою
А стал он силу рассказывать:
«С генералом в поле сорок тысячей,
С королем в поле сметы нет».
А втапоры Царев большой боярин,
Князь Борис сын Петрович Шереметев,
А сам он Царю рапортует:
«Что много де силы в поле той шведской:

С генералом стоит силы сорок тысячей,
С королем в поле силы сметы нет».
Не злата труба в поле протрубила,
Пригласил первый Император:
«А и гой еси, Борис Петрович!»
Не устрашися майора допросити,
Не корми майора целы сутки,
Повторите второй допрос,
Другие сутки не кормите,
И сладко он расскажет,
Сколько у них силы шведской».
А втапоры Борис Петрович Шереметев
На то-то больно был догадлив,
А двое де сутки майора не кормили,
Во третьи винца ему подносили;
А втапоры майор рассказал:
«Всех с королем нашим и генералом
Силы семь тысячей, а более того нету».
И тут Государь взвеселился.

РУССКИЕ ОБРЯДНЫЕ ПЕСНИ

ПЕСНИ ОВСЕНЮ

1.

Ай во боре, боре,
Стояла там сосна,
Зелена, кудрява.
Ой Овсень! Ой Овсень!
Ехали бояре,
Сосну срубили,
Дощечки пилили,
Мосточек мостили,
Сукном устилали,
Гвоздьми обивали
Ой Овсень! Ой Овсень!
Кому ж, кому ехать
По тому мосточку?
Ехать там Овсеню,
Да новому году.
Ой Овсень! Ой Овсень!

2.

Ой Овсень! Ой Овсень!
Походи, погуляй
По святым вечерам,
По веселым теремам!
Ой Овсень! Ой Овсень!

Посмотри, погляди,
Ты взойди, посвети
К Филимону на двор.
Ой Овсень! Ой Овсень!
Посмотрел, поглядел,
Ты нашел, ты взошел
К Филимому на двор!
Ой Овсень! Ой Овсень!
Как в средине Москвы
Здесь вороты красны,
Вереи все пестры.
Ой Овсень! Ой Овсень!
Филимонов весь двор
Обеден, затынен
Кипарисным тыном
Ой Овсень! Ой Овсень!
Филимонов-то тын
Серебром обложен,
Позолотой увит!
На дворе у Филимона
Три теремчика стоят:
И светленьки и красненьки,
Золотые терема!
Первый терем
Светел месяц;
Другой терем
Красно солнце;
Третий терем
Часты звезды.
Светел месяц
Хозяин наш,
Красно солнце
Жена его,
Часты звезды
Их детушки.

3.

Овсень, Овсень! Я тетерю гоню,
Овсень, Овсень! Полевую гоню;
Она под куст,
А я за хвост;
Мне начла хвост,
Ан денег горсть.

4.

Петр в Орду собирается.
Коляда Овсень!
Александр у ног убивается.
Коляда Овсень!
Ты не езди в Орду, не служи королю.
Коляда Овсень!
Служи Белому Царю.
Коляда Овсень!
Уж как мне ли без тебя хлеба соли не едать.
Коляда Овсень!
На постели не сыпать.
Коляда Овсень!
Уж как спать в тосках, на голых досках,
Коляда Овсень!
На горячей печи, на девятом кирпиче.
Коляда Овсень!

ВЕСНЯНКИ

1.

Весна красна!
На чем пришла?
На чем приехала? –
На сошечке,

На вороночке.
Как и все девки на улице,
И все красные на широкой,
Одной девушки нет;
Сидит она во тереме,
Ширинку шьет золотом,
Узду везет тесмянную,
Ах, горе великое!
Кому-то достанется?
Достанется моему суженому,
Моему ряженому.

2.

Весна, весна красная!
Приди, весна, с радостью,
С радостью, радостью,
С великою милостью:
Со льном высокиим,
С корнем глубокиим,
С хлебами обильными.

ПЕСНИ СЕМИЦКИЕ

1.

Благослови, Троица!
Богородица!
Нам в лес пойти,
Нам венки завивать,
Ай Дидо! Ой Ладо!
Нам веники завивать
И цветы сорывать;
Ай Дидо! Ой Ладо!
А мы в лес пойдем

И цветов нарвем,
Мы цветов нарвем
И венок совьем,
Ай Дидо! Ой Ладо!
Свекору батюшке,
Свекрови матушке,
Свекору батюшке малиновый,
Свекрове матушке калиновый.
Ай Дидо! Ой Ладо!
Пойду ль я тишком,
Лужком, бережком,
Сломлю ль с сыра дуба веточку,
Брошу на быструю реченьку.
Ай Дидо! Ой Ладо!
Не тонет, не плывет
С сыра дуба веточка,
Не тужит по мне
Свекор батюшка,
Свекровь матушка.
Ай Дидо! Ой Ладо!

2.

Луговая коростель,
Ладо, Ладо, коростель!
Не кричи рано по заре!
Не буди меня рано на заре,
У меня матушка – мачеха;
Она меня поздно спать кладет,
Она меня рано взбуживает,
К легкому делу – к жерновам
Луговая коростель,
Закричи рано по заре,
Разбуди меня рано на заре!
У меня матушка – родная;
Она меня рано спать кладет,

Она меня поздно побуживает,
К тяжкому делу – к пяльцам.

3.

Конопля, конопля зеленая моя!
Что ж ты, конопля, не весело стоишь?
Ах, как мне, конопле, веселой стоять?
Снизу меня, коноплю, бурей сломило,
Сверху коноплю вороньи клюют!
Девка, ты девушка красная!
Что ж ты, девушка, не весело сидишь?
Ах, как мне, девушке, веселенькой быть?
Мой батюшка хочет замуж меня отдать,
А мачеха хочет в черницы постричь!
Мой батюшка пошел бояр собирать,
А мачеха пошла за игуменьею.
Скрипнули ворота растворчаты,
Брехнула собака борзая на цепи.
Мне чела батюшка с боярами!
Ажно – моя матушка с игуменьею!
Садись, мое дитятко, на золотое стульце;
Расплетай, мое милое, русую косу!
Пусти меня, матушка, на Дон погулять,
Белильцы, румянцы с лица постирати?
Смоешь, мое дитятко, горючей слезой,
Сотрешь, мое милое, пельчатым рукавом!

4.

Ах! По травке, по муравке,
Вокруг города большого
Гулял молодец удалой.
Ой, Тур, молодец удалой!
Он из города большого
Вызывал красну девицу
С ним на травке поборотися.

Ой, Дид, Ладо, поборотися!
Вышла красна девица
И молодца поборола,
На муравку уронила.
Ой, Дид, Ладо, уронила!
Добрый молодец вставая,
Закрывал лицо руками,
Утирал горючи слезы;
Он не смел своей кручины
Добрым людям объявить;
Ой, Тур! Дид! Ладо! Объявить.

5.

Караван красных девушек!
Как у нас в году три праздника:
Первый праздник – Семик честной,
Другой праздник – Троицын день,
А третий праздник – Купальница.
Как у нас зелена трава,
Как милый мой друг
В кабаке напивается,
Как милый мой друг
По зеленой травке валяется.
А Орина подходила,
Никиту своего будила:
Встань, убудися, Никита,
Встань, убудися, волокита?
Соседи смеются,
В бесчестье-то ставят.
Встал Никита, пробудился,
За руку с Ориной ухватился,
Домой Никита потащился.

6.

Во поле рябинушка, ой Дидо, Ладо!
Во поле кудрявая, ой Дидо, Ладо!

На той на рябинушке, ой Дидо, Ладо!
Четыре были веточки, ой Дидо, Ладо!
На тех ли на веточках, ой Дидо, Ладо!
Четыре было ягодки, ой Дидо, Ладо!
Первая ягодка Аннушка, ой Дидо, Ладо!
Вторая ягодка Катенька, ой Дидо, Ладо!
Третья ягодка Машенька, ой Дидо, Ладо!
Четвертая ягодка Авдотьюшка, ой Дидо, Ладо!
Для ради N. для ради N. ой Дидо, Ладо!
Столы становилися, ой Дидо, Ладо!
Для ради N. для ради N. ой Дидо, Ладо!
Все гости съезжалися, ой Дидо, Ладо!
Яства становилися, ой Дидо, Ладо!

ПЕСНИ РАДУНИЦКИЕ

1.

Ой Лелю, молодая, о Лелю!
Ты юная, о Лелю!
Ты по горнице пройди, о Лелю!
Покажи свое лицо, о Лелю!
Да в окошечко, о Лелю!
Покажи нам молодца, о Лелю!
Своего-то вьюнца, о Лелю!
Да пожалуй-ка яичко, о Лелю!
Еще красненькое, о Лелю!
Что на красном блюде, о Лелю!
И при добрых людях, о Лелю!

3.

Ты вставай-ка, молодец,
Ты вставай, наш вьюнец!
Ты расчесывай кудри
Костяным гребешком,

Уж ты взгляни в окошко,
Косящетое!
Тебе песню поем,
Тебе честь воздаем,
Награди-ка нас подарком,
Сладким пряничком,
Белым сахарным.

2.

Как в деревне у Ильинской
У Ефима молодца,
Что стоял тут терем
Со крутым верхом,
Со косящатым окном.
Против красного крыльца,
Против косящатого окна,
Вырастало деревцо трехугодливое.
Что во том ли терему
Дубовы столы стоят,
Дубовы столы стоят,
Браные скатерти лежат;
На тех ли на столах
Медвяны яствы стоят.
За теми ли столами
Князья, бояре сидят,
Медвяны яствы едят,
Сахарные питья пьют.
Се катайтеся, бояре,
С высока терема!
Не сшибите деревца
Трехугодливого.
Еще первая угода –
Под корень деревца,
А другая-то угода –
Посередь деревца,

А третья-то угода –
Под вершину деревца.
Соловей гнездо вьет,
Он и яйцы несет,
Молодых деток ведет.
Посередь деревца
Пчелы ярые шумят,
Много меду наносят.
Под корень деревца
Кровать нова тесова,
Перинушка пухова;
На той ли кроватушке,
Ефимушка лежит,
С молодой своей женой,
Со Оксиньюшкой душой;
А у них в головах
Звончаты гусли лежат.
И кому в гусли играть?
Кому тешиться?
Играть в эти гусли
Ефиму молодцу,
Ему тешить, утешать
Молоду свою жену,
Оксиньюшку свою душу.
Чем нас, молодцов,
Станут жаловати?
Пивом ендовой, или стеклянницей вина,
Или золотой казной?
Ничего нам не подать,
Мы со двора пойдем,
Мы осердимся.
Три беды мы сокурим:
Первую беду:
Ворота мы растворим,
Коней пару уведем;
А другую-то беду:

Избы, двери растворим,
Мы гостей ознобим;
Третью-то беду:
Во терем зайдем,
Мы заслон унесем,
Во печи остудим,
Гостей оголодим,
И вас, молодых,
На стыд наведем.
Еще здравствуй молодой,
С молодой своей женой!
И спасибо тебе хозяин,
На жалованье!
Вьюнец, молодец – молодой!
Вьюнец, молодец – молодая!
Вьюнец, молодец – молодая!
Вьюнец, молодец – молодой!

ПЕСНИ ПЕТРОВСКИЕ

1.

Ой Дидо! Ой Ладо! На кургане
Соловей гнездо завивает,
Иволга развивает;
Хоть ты вей, не вей соловей,
Не бывать твоему гнезду свитому,
Не бывать твоим детям вывожатым,
Не латать им по дуброве,
Не клевать им яровой пшеницы.
Ой Ладо! Ой Ладо! Ой Дидо!

2.

Во ржи береза зеленька стояла,
Ой Дид и Ладо, зелена, кудревата!

Под той березой соловейко щекочет,
Ой Дид и Ладо, молодое щекочет.
Соловейко батько, скажи мне всю правду,
Ой Дид и Ладо, ты скажи мне всю правду:
Не утай, молодое, да что первая Лада?
Ой Дид и Ладо! Да что первая Лада?
«Как первая-то Лада золот с руки перстень,
Ой Дид и Ладо! Золот с руки перстень».
Не утай, молодое, да что друга Лада?
Ой Дид и Ладо! Да что друга Лада?
«Другая-то Лада кунья с плеча шуба,
Ой Дид и Ладо! Кунья с плеча шуба».
Не утай молодое, да что третья Лада?
Ой Дид и Ладо! Да что третья Лада?
«А третья-то Лада друг милый сердечный,
Ой Дид и Ладо! Друг милый сердечный».

РУССКИЕ КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

1.

Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
Приди котик ночевать,
Моего Сашеньку качать,
Баю, баюшки, баю!
Баю, Сашеньку, баю!
Моего Сашеньку качать,
Качать, прибаюкивати.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
Спи, усни, угомонь
Тебя возьми.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У котушки, кота
Колыбель хороша:
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У моего Сашеньки
Лучше его.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У кота, кота

Перинушка мягка;
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У моего Сашеньки
Мягче его,
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У кота, кота
И подушечка бела;
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У моего Сашеньки
Лучше его.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У кота, кота
Одеялицо тепло:
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У моего Сашеньки
Соболиное лежит;
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У котушки, кота
Плетка под подушечкой лежит,
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У моего Сашеньки
На стеночке висит.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
Спи, усни, угомонь
Тебя возьми.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!

2.

По горам, горам,
По высокиим,
По раздольицам,
По широкиим,
Тут огни горят
Негасимые,
Злы татарове
Тут полон делят.
Доставалася
Теща зятю в плен;
Он отвез ее
К молодой жене.
«Ах и вот тебе,
Молода жена,
Полоняночка
С Руси русская!
Ты заставь ее
Три дела делать:
Что и первое
То дитя качать,
А другое-то
Тонкий кужель прясть,
Что и третие
То цыплят пасти». –
«Ты баю, баю,
Мое дитятко!
Ты по батюшке
Злой татарчонок,
Ты по матушке
Мил внучоночек:
Ведь твоя-то мать
Мне родная дочь;
Семи лет она
Во полон взята,

На правой руке
Нет мизинчика.
Ты баю, баю,
Мое дитятко!»
Как услышала
Тут татарочка,
Она кинулась,
Она бросилась
На белы руки
К своей матушке:
«Ах, родимая
Моя матушка!
Выбирай себе
Коня лучшего:
Мы бежим с тобой
На святую Русь,
На святую Русь,
Нашу родину!»

3.

На горе, горе, да крутой,
Огни горят, да все светлые,
Баю, баюшки, баю!
На тех огнях, да светлыих,
Котлы кипят, да кипучие,
Баю, баюшки, баю!
Вокруг огней, да светлыих,
Сидят татары, да все злые,
Баю, баюшки, баю!
Сидят, делят да все животы
Твоего отца, да родимого.
Баю, баюшки, баю!
Встань, пробудись, да дитятко,
Соимай со стены сабельки,
Баю, баюшки, баю!

Соимай со стены сабельки.
И все-то мечи булатные;
Баю, баюшки, баю!
Ты коли, руби сабельками
Злых татар с татарчонками;
Баю, баюшки, баю!
Ты секи, кроши губителей
Все мечами да булатными.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!

4.

Спи, усни, мое дитятко!
Покуль гроза пройдет,
Покуль беда минет.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Спи, усни, мое дитятко!
Гроза пройдет страшная,
Беда минет наносная.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Спи, усни, мое дитятко!
Твоя матушка поляночка,
Твой батюшка поляночек.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитяоко!
Злы татарове набегали,
Домы, теремы сожигали,
Старых стариков убивали,
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Молодых в полон полонили,
Животы по себе делили.
Баю, баюшки, баю!

Баю, мое дитятко!
Разлучили тебя, дитятко,
С родимой ли матушкой,
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Отогнали прочь, дитятко,
Твоего ли батюшку родимого.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Ты расти, расти, дитятко,
Во крепости и младости.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Уж у тебя ли на дворе
Состоит терем одинехочик
Без батюшки и матушки,
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Без твоей молодой жены;
Ты седлай коня вороного,
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Ты скачи в орду золотую,
Вывози батюшку родного,
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
На святую ли Русь;
Вывози матушку родиму,
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
На широкий ли двор
Вывози молоду жену
Во терем изукрашенный.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!

Сравнения

ЧЕРВОНОРУССКИЕ ПЕСНИ

I. СЕМЕЙНЫЕ ПЕСНИ

1.

Гей летала зазуленька по Украйне,
Гей ронила сивы перья по долине,
Ой як тяжко сивым перьям по долине
Еще тяжче соротиньце на чужине.
Ходит голубь над водою гукаючи,
Своей милой голубеньки шукаючи:
«Та чи спишь ты, сердце мое, та чи чуешь,
Чом до меня, сердце мое, не говоришь?
Як я маю, сердце мое, не говорити:
Лежит не люб на ручонце, буде бити».
«Ой вотсунься, сердце мое, вот нелюба,
Застрелю нелюба за лука – як голуба».
Ой чи забьешь, сердце мое, чи не забьешь,
«За все ты сердцу моему жалю до даешь».
«Покинь отца, покинь маму и всю родину,
Иди с нами казаками на Украину:
На Украине суха рыба и с шафраном,
Будешь житии за казаком як за паном;
А на Польше суха рыба и с водою,
Будешь житии с вражим ляхом як с бедою».

2.

Да теперь ночка
    Та темная,
Да дороженька
    Та далекая.
Ой припну коня

Коло калиночки,
А сам ляжу спати
На край могилочки.
Де там девчина
Молода ее взяла,
Ударила казака,
Тай так промолвила:
«Ой встань, казаче,
Ой встань годе спати!
Наступае горда,
Хоче коня взятии.
Та коня возьмут,
Та конь другий буде;
Тебя порубают
На свете небуде!»

3.

Хорый казак, хорый казак, видай хоче вмерти!
«Ой идите, приведите девчину до смерти».
«Ой видай ты, казаченьку, не в правде вмираешь,
Шо ты собе перед смертью девчину жедаешь!»
Умер казак, умер казак и казацька мова,
А лешився конь вороный и ясна зброя.
Ой сошлися казаченьки до единой хаты,
Ой сошлися казаченьки, кому коня дати.
Сотникови конь дати, гетманови зброю,
Щоб позволив поховати казака с стрелбою.
Тело везут, коня ведут, конь головоньку клонит,
А девчина за казаком белы руки ломит,
Ломит руки, ломит руки и мизельны пальци:
«Ах вже ж нема и не буде такого коханья!
Чомусь мене моя мати, рано не сбудила,
Коли его компания с места выходила?»
«Для того тя, моя доню, рано не сбудила?
Любила-сь их компанчика, то бысь не тужила.

Подивися, моя доню, в вышнюю кватыру,
Спускаются казаченьки с горы на долину…»

4.

Сидит казак на могиле, тай домку думае,
На Украину поглядае, тяжеленько вздыхае:
А ни ветер ни вие, ни солнце ни грее,
Ено краем край Дунаю трава зеленее.
Высока могила с ветром говорила:
«Не вий ветре буйнесенький – щоб-м не чорнела!»
«Бодай тая речка шуваром заросла,
Що мене молодого в чужий край занесла;
Бодай тота рыбок не сродила,
Що мене молодого с милою разлучила».
Там на горе реченька, на реченьце кладка:
«Не покидай, мой миленький, старенького батька:
Як батька покинешь, марненько загниешь,
Быстронькою реченькою на Дунай попливешь,
И весельце срубишь, будешь потопати,
Я у втоде не смогу белу ручку дати!»

5.

«Ой де ймемо спати, девчино моя?»
Ой под сосною, под зеленою,
Мой нелюбе с тобою!
«А що мы собе постелемо, девчино моя?»
Ой поселется нам трава-мурава,
Мой нелюбе с тобою!
«А що нас окрые, девчино моя?»
Окрые нас ночка темненька,
Мой нелюбе с тобою!
«Що нас пробудит, девично моя?»
Ой пробудит нас пташка дробненька,
Мой нелюбе с тобою!
«Чем же мы ся вмыемо, девчино моя?»

Ой вмыешься ты росою, я слезою,
Мой нелюбе с тобою!
«Що ж мы ймемо поснедковати, девчино моя?»
Ой ты ягодоньки, а я слезеньки,
Мой нелюбе с тобою!
«Де ж мы ся розойдемо, девчино моя?»
Ой ты до беса, а я до леса,
Мой нелюбе с тобою!

6.

Ой за горою за высокою,
Там сидит голубь и с голубкою,
Ой сидят они тай целуются,
Сивыми крыльцями обоймаются;
Надлетев орел с чорнои хмары:
Разбив, розогнав голубы из пары;
Забив голуба там на ровнине,
Розлив кровь его по всей долине;
Голубка сидит жалобно гуде,
Що вже с голубом жити не буде.
«Сива голубка, в щож ты думаешь,
Чи не на броду, що красну маешь?»
«Що ж ми по молодости,
Коли не маю ни с кем милости».
«Ой маешь бо ты семь пар голубов,
Выбирай собе, который ти любый».
«Ой най же буде двадцять и три,
Нема такого, як мой був милый!»

II. ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ

1.

Ой стукнуло в буйном лесе,
Комар с дуба повалився,
И стовк собе головище,

О дубово коренище.
Вылетела муха с хаты
Комаронька рятовати:
«Ой комарю, господарю,
Жаль ми тебе не памалу!
Де ся скажешь поховати
Кости твои шановати?»
«Поховайте ж мене в лесе,
В буйном лесе, при горосе;
Посейте на мне руточку,
С зеленого барвиночку;
Кто ту руту буде рвати,
Буде мене споминати:
«Ой тут лежит комарище
Той великий гултяище,
Не единому грав на носе,
Теперь тело его в просе».
Ой, ду, ду, ду, ду, ду, ду!
Комаренька не забуду:
Ой тут лежит его тело
Що вчера с дуба слетело.

2.

Ой под лесом, дубиною,
Косив ячмень секирою,
А девчина громадила,
Казаченька принадила;
«Ой казаче черновусый,
Чом у тебе жупун куций?»
«Мене девки подпоили,
Жупан мене подкроили».

3.

Як я була молода,
Була в мене урода;

Я теперь я уроду
И в зеркале не снайду.
Гей, гей, докучило бровоньками моргати!
Ах, ах, дай же Боже, того мужа дождати!
Под фарбы накуплю,
Лице собе побелю;
Чи не снайду такого,
Що полюбить мя много.
Гей, гей, докучило бровоньками моргати!
Ах, ах, дай же Боже, того мужа дождати!
Припну фартух дорогий,
Золотыи сереги,
А серебреная середина:
Чи не красна я девчина?
Гей, гей, докучило бровеньками моргати!
Ах, ах, дай же Боже, того мужа дождати!
Возьму шубу с аксамиту,
Соболями подшиту,
Золотыи галоны,
А серебреные запоны.
Гей, гей, докучило бровеньками моргати!
Ах, ах, дай же Боже, того мужа дождати!
Чоботки с сафьяну,
За семь золотых достану
Да выкрешу гулубця:
Чи не сваблю молодця.
Гей, гей, докучило бровоньками моргати!
Ах, ах, дай же Боже, того мужа дождати!

III. ОБРЯДНЫЕ ПЕСНИ

1.

Хора, я хора, мусить я умру,
Идить же, приведить, кого я люблю,
Привидить же ми попа, приведить мя дяка,

Най я спишу худобоньку за своего житья.
Маю я чтери волоньки,
Шо-бы меня ховали четыри поподьки;
А донькам дам с шыи корали,
Шо-бы мене положили красно на лаве;
А невесткам дам скрыню и подушеньки,
Шо-бы за мною заводили як ластоньки;
Сынови дам серу корову,
Шо-бы мене выпроводив красно до гробу;
А подзвонному дам сем мер полотна,
Шо-бы мене дзвонив целый тыждень щодня;
А дьякови дам пять мер полотна,
Шо-бы на мене несыпав велику могилу,
А суседям дам корец пшениця,
Шо-бы мене споминали при пьятнице.

2.

Выйди паноньку до нас,
Выкупь си венец у нас,
Положи червонного,
Вот венця полового;
Бо як не выйдешь до нас,
Не выкупишь венця у нас,
До корчмы понесемо,
Горенки напьемо
Занесемо до жида –
Буде, пане, огида.

3.

Казала нам нивка,
Шо е в пана горевка,
В коморе на полице,
В кресталевый склянец;
В корме под лавою,
Приросла муравою.

4.

На горе креница,
Коло неи пшеница;
Жали ии женци.
Та сами молодици, –
Хлопци вусатыи,
И девки косатыи.
Добра нивонька була,
Сто коп изродила:
Що пока, то колода,
Панови нагорода,
Запрягайте волы,
Едьте по подпоры,
Скиртоньки подперати,
Вязальников поспрашати.

5.

У нашего пана,
Золотая брама,
Золотая приспа,
Сила – вязальников триста:
Добру доленьку мае,
Рано с поля сбережае,
Только тужаночки,
Що женки не мае.

МАЛОРУССКИЕ ПЕСНИ

I. СЕМЕЙНЫЕ ПЕСНИ

1.

Веют ветры, веют буйны,
Аж деревья гнуться;

Ой, як болит мое сердце,
Сами слезы льются!
Трачу лета в лютом горе
И конця не бачу;
Тольки мине й легче стане,
Як Трошки поплачу!
Не моможут слезю счастю –
Серцю легче буде!
Хто счастлив був хоть часочок,
По век не забуде!
Есть же люди, що и моей
Завидуют доле:
Чи счастлива ж та былинка,
Що росте у поле?
Ой у поле на песочку,
Без росы на сонце…
Тяжко жити без милого,
На чужой сторонце!
Без милого доли нема,
Стане свет тюрьмою;
Без милого счастя нема,
Нема и покою!
Де ты милый, чернобровый?
Де ты? Озовися?
Як без тебе я горюю –
Прийди подивися!
До кого я пригорнуся,
И хто приголубить –
Коли нема того тута
Який мене любить!
Полетела б я до тебе,
Да крылец не маю;
Сохну, чахну я без тебе,
Всяк час умираю.

2.

Ой сама я, сама пшениченьку жала;
Ой прийду я до домоньку – нема мого пана!
Челядонька у дому – ой що ж мине по тому?
Дала ж бы я белы руки – да нема кому!
Пойду я до комнаты постелоньки слати:
Постель бела, стена нема, не с кем розмолвляти!
Ой постель беленька, а стена неменька:
Сжалься, сжалься, милый Боже! Ще я молоденька.
Ой выйду я, выйду на крутую гору;
Ой стану я, ой гляну я на быстреньку воду:
Щука рыба в воде до воли гуляе;
А я стою да думаю, що пары не маю.
Мине тольки пары, що оченьки кары!
Тольки же мине всей любви, що чорныи брови!
Очи ж мои кары, бела мине за вами:
Не хочете привыкати без милого сами!
Хоть хочете, не хочете – треба привыкати,
Уже ж бо вам миленького по век не видати!

3.

В огороде хмелинонька
Грядки устилае;
Промеж людьми девчинонька
О, горько рыдае.
Що ж хмелина зелененька,
Що не вьется в гору?
Що ж девчина молоденька
Проклинае долю?
Як хмелине в гору виться –
Тычины немае!
Як девчине не журиться –
Казак покидае!

4.

Ой летела зозуленька
Через поле, гай;
Да й згубила рябее перце
На тихий Дунай.
Ой як тому рябенькому
Перцю на Дунаю –
Ой так мине сиротине
На чужому краю!
Ой покочу золотый перстень
По крутой горе –
Пойшли мои лета за света
Як лист по воде?..

5.

Ой плавала сера утка по воде,
Кликала вона матенку и к собе:
Прибудь моя матенко и ко мине,
Ой дай мине порадоньку, бедной сироте!
Ой рада б я, дитя мое, прибути к тобе –
Засыпано сырой земли на груди мои,
Склепилися черны очи на все ночи,
Закипели уста кровью – не промовлю!
Ой корися, дитя мое, чужой стороне:
Нехай дае порадоньку бедной сироте. –
Корилася, моя матенко, не раз и не два –
Да не дае порадоньки чужа сторона!

6.

По за садом дорога
До самого порога;
По за садом стежечка
Да до мого сердечка.
Ой пойду я брукати,

Своего роду шукати;
Да не нашла родины,
Ни вирной дружины:
Нашла в поле ялину,
Матенчину могилу. –
Устань нене до мене!
Горе мене без тебе!
Горе мене на чужине,
Нема родину при мене,
Нема роду, родины,
Ни верной дружины!
Соловейко маленький,
В тебе голос тоненький:
Защеречи ты мене,
Що я в чужой стороне,
Нема роду, родины,
Ни верной дружины.
Да вже ж сии вороги
Кругом хату обняли, –
Не так хату, ще й сени
Вороженьки обсели.

7.

Ой полети галко, де мой родный батько:
Нехай мене одведае, коли мене жалко!..
Галочка немае, батенька не буде!
Ой де-сь мене несчастную на веки забли!
Чи их порубано, чи в полон занято?
Уже ж мине свет не милый, ни
в буддень, ни в свято!
Ой полети орле, де мой братик оре:
Нехай волов покидае – мене одведае!
И орла немае, братика не буде!
Полетить синици де родны сестрици:
Нехай мене одведают, мои жалобници!

И синиц немае, и сестриц не буде!
Плыви, плыви утко, против воды прудко:
Скажи моей матенце, що я умру хутко!
Утенки немае, матенки не буде!..
Ой на горе верба, под горою кормча;
Ой там мой род пье, гуляе, мене поминае:
Ой де-сь наша несчастная в свете погибае!

8.

Не жаль мине на годоньку,
Мине жаль на ворононьку:
Завез мене мой миленький
На чужую сторононьку!
А на чужой сторонце
Зовут мене заволокою, –
Кажут плысти через реченьку,
Быстренькую и глыбокую. –
Чи мне плысти, чи мне брести,
Чи мне в неи утопитися?
Беда ж мине на чужине:
Не до кого прихилитися?..
Прихилюся до дубонька:
Мне дубонька – да не батенька:
Ветер вее, голья мае,
А вон стоит не промовляе!
Усе горы, усе лесы!
Негде воды напитися! –
Беда мине без матеньки:
Не до кого прихилитися! –
Прихилюся до липоньки:
Мне липонька да не матенка:
Ветер вее, голья мае –
А вон стоит, не промовляе.
Усе горы, усе лесы!
Негде воды напитися! –

Беда мине без братика:
Не до кого прихилитися?
Прихилюся до явора:
Мине явор да не братичок;
Ветер вее, голья мае –
А вон стоит, не промовляе!
Усе горы, усе лесы!
Негде воды напитися!
Беда мине без сестрици:
Не до кого прихилитися!
Прихилюся до березоньки:
Мне березонька да не сестронька:
Ветер вее, голья мае –
А вона не промовляе.
Усе горы, усе лесы!
Негде воды напитися!
Беда мине без родины:
Не до кого прихилитися!
Прихилюся я до ялины:
Мне ялина не родина:
Ветер вее, голья мае,
А вона не промовляе,
Бедна душа моя пропадае!

II. ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ

1.

Ой густый очерет, да й лепеховатый:
Чи ты ж мене не познав, пришелеповатый?
Ты думаешь, дурню, що я тебе люблю?
А я тебе, дурню, словами голублю!
Ты думаешь, дурню, що я женихаться?
А я з тебе, дурню, абе посмеяться!
У городе бузина перерубленная:

Одступися, препоганый – я полюбленная!
У городе бузина, на ей листу нема:
Не ходи и не люби, коли толку нема!

2.

Чи я ж в мужа не жена,
Чи не господыня;
Семь день хаты не мела,
Сметья не носила!
За що ж мене, мужу, бьешь,
За якии вчинки?
Чи я ж тобе не напряла
За рок три починки?
Один пряла до Роздва,
Другий до Миколы,
А як третий почала –
Будей й до Покровы!
Да не сама пряла,
Кума помогала;
Куме дала мыску пшона
И три куски сала.
Да не сама пряла,
Були помощници –
То за хлеб, то за соль,
То за паляници.
Ой ты пьешь, мене бьешь!
Може б я робила;
Накупив веретен –
Нема мотовила.
В печи дрова не горят,
Так я подпалила;
Таки тобе недоверку
Борщу наварила!
Де я зросла, де ты зрос
До-купы нас лихий знес.

А ни я, а ни ты
Не вмеемо робити!
Ой ты пьешь, мене бьешь –
Розпытаймось за що:
Ох и я, ох и ты –
Обое ледащо!

3.

Да оре Семен, оре
Да чорными волами;
Его женка Катеринка
Гуляе за москолями.
Да оре Семен, оре,
Да й на сонце поглядае:
Его женки Катеринки
И з обедом немае.
До орався ж той Семен
Да й до нового лану;
Пустив волов до дубровы,
А сам пойшов до дому.
Як пришов же той Семен
Да до новыи хаты;
Пытается своих детей:
А де, дети, ваша мати? –
Ой пошла наша мати
Да у луг по теляты:
Забожилась, заклялася,
Що не ваша дети мати?
Ой як кинется Семен
Да до новои скрыньки.
Нема добра, нема й скрыньки,
А не жонки Катеринки!
Як удариться ж Семен
Да об полы руками:
«Детки мои, кветки мои!

О, пропав я з вами!
Ой ударьте морозы
Да на те густые лозы
Повий Боже Катерину
За Семеновы слезы!»
А Семеновы слезы
Марне не пропали:
На камни белыи зпадали
Белы камни розбивали!

4.

Сосед уже жито сее,
У соседа зеленее;
А у мене не сеяно,
А ни поле не орано.
У соседа хата бела,
У соседа жонка мила;
А у мене не хатыньки,
А ни счастя, а ни жонки!
За соседом молодици,
За соседом и вдовици,
И девчата поглядают,
Що соседа все кохают.
Одна була полюбила
И рученьку заручила,
И та потом так сказала:
Що я тебе не кохала!
Чи без счастя уродився,
Чи без счастя окрестився?
Чи такии кумы брали –
Счастя, доли не вгадали!
Ой на ставу, на ставочку,
Там плавают чириночки.
Одна другу догоняе –
Кожна собе пару мае!

Ой на ставу, на ставине,
Там плавают да два лыни:
Один другого догоняе –
Кождый соби пару мае!

5.

Била жонка мужика,
Пошла позывати;
Присудили мужику
Ще жонки прохати.
Сидит женка на причечку,
Ножки подобравши;
Стоит мужик у порога,
Шапочку изнявши.
Прости мене, моя мила,
Що ты мене била;
Куплю тобе гаринц меду,
Коновучку пива. –
Ой од пива болит спина,
Од меду голова:
Купи мине горелочки,
Що б була здорова.
Да ще, мужичище,
Вчини мою волю:
Поскачи ты гайдуйка
Да передо мною! –
Кричит мужичище,
Взявши за бочище:
Гойя! Гойя! Моя мила –
От и гайдучище! –
Не дивится, панове!
Що жонка вчинила. –
Що своего мужика
Гайдука навчила!
Бо вже така пора прийшла,

Що ще й не бывало:
Який дедько ни побье –
То й пиши пропало!

III. ОБРЯДНЫЕ ПЕСНИ

1. ВЕСНЯНКИ

1.

Розлилися воды
На чотыре броды:
У першому броде
Соловейко щебетав,
Зелены сады развивав;
У другому броде
Зазулька ковала,
Летечко казала;
У третьему броде
Коничок заржав,
Вон дороженьку почав;
А в четвертом броде
Да девчина плаче,
За нелюбого идучи.
Собе лихо чуючи.

2.

Свети, зоре, на все поле,
Закол месяц зайде,
Закол до мене миленький
Вечеряти прийде.
Ой чи прийде, чи не прийде
На вечерю тую;
А я ему ранесенько
Снедати зготую! –

Цвели лозы при дорозе
Синесеньким цветом.
Ишов казак из улици
Белесеньким светом.
Не жаль тому казаченьку
Поснедати дати,
Що вон иде из улици,
Як стане светати.

3.

Нема леду, нему леду,
Нема й переходу;
Коли тобе люба мила –
Бреди й через воду!
Перебрела две реченьки
Й половину ставу:
Не водь мене, казаченьку,
В великую славу!
Ой сама ж ты, девчинонько!
Себе в славу вводишь
Що позднонько, нераненько
Из улици ходишь.
Ой як мне казаченьку,
Да раньше ходити?
Як возьмешь ты за рученьку,
Не мусишь пустити!

2. ТРОИЦКИЕ

1.

Ой бежит, бежит мила девочка,
А за нею да русалочка.
Ты послухай мене, красно панночка!
Загадываю тобе три загадочки:

Як угадаешь – до батька пущу,
Коло ж не вгадаешь – до себе возьму.
Ой що росте без кореня,
А що цвете без всякого цвету?
Камень росте да без кореня,
Вода бежит да без повода,
Папорот цвете без всякого цвету!..
Панночка загадочки не вгадала:
Русалочка ее залоскотала.

2.

Ой завью венки да на все святки!
Ой на все святки – на все празднички!
Да рано, рано, на все празднички.
А в бору сосна колыхалася,
Дочка батенька дожидалася.
Ой мой батеньку, мой голубчику!
Ты прибудь ко мне хоть на одно лето!
У мене в тыне перед воротами
Синее море розливается;
Паны и гетьманы взбегалися,
Все сему диву дивовалися.

3.

Прилетала зозуленька
За темного лесочку:
Села, пала, заковала
В зеленом садочку.
Ой як выйшла Марусенька
В неи запытала:
Скажи мне, зозуленько,
Довго буду в батька? –
Будешь мила Марусенька
Сей день до вечора! –
Бо-дай жо ты, зозуленько,

Семь лет не ковала,
Що ты мине молоденькой
Правды не сказала!

3. КУПАЛЬСКИЕ

1.

Иване, Ивашеньку,
Не переход дороженьку.
Иване, Ивашеньку!
Як перейдешь – виноват будет.
Иване, Ивашеньку!
Зроблю я тобе у трех зельях.
Иване, Ивашеньку!
Прийшлось девкам за Дунай плысти.
Иване, Ивашеньку!
Все девочки переплыли;
Иване, Ивашеньку!
А сироточка утонула.
Иване, Ивашеньку!
Дошли слухи до мачухи.
Иване, Ивашеньку!
Да не жаль же мине дочки,
Иване, Ивашеньку!
Да не дочки и – падчерочки:
Иване, Ивашеньку!
Жаль плахточки-крещаточки
Иване, Ивашеньку!
И запасочки синяточки!

2.

Торох, торох по дорозе!
Що за гомон по дуброве?..
Ой брат сестру вбивать хоче;

Сестра в брата прохалася:
Мой братечку, голубчику!
Не вбивай мене у лесочку.
Убий мене в чистом поле;
Ой як убьешь, поховай мене!
Обсади мене тремя зельями:
Першем зельем – гвоздичками,
Другим зельем – васильками,
Третьим зельем – стрелочками!
Девочки идут – гвоздички рвут
И мене зпомянут;
Молодички идут – василечки рвут
И мене зпомянут;
Парабочки идут – стрелочку рвут
И мене зпомянут!

3.

А в борку на клинку
Чий же то лен да не полотый?
То Марусин лен, да не полотый.
Чому ж вона да не выполола?
То за сим, то за тым,
То за сном товстым.
Ой чия ж то сеножать да не кошеная?
То Грицькова сеножать да не кошеная –
То за сим, то за тым,
То за сном товстым.

4.

Стояла ту поля вкрай чистого поля,
Стий ту полинько, стий, ин развивайся,
Буйному витроньку не подавайся!
На наши ту поли, четыре сокола:
Первый соколко, молодый Иванко,
А другий соколко, молодый Николко,

А третий соколко, молодый Михайло,
Четвертый соколко, молодый Василько.

5.

Ой! Ни стий, вербо, над водою,
Та не пускай зелья по Дунаю.
Ой! Дунай море разливае,
И день и ночь прибувае,
В вирби корень пидмывае,
А сверхи вершок усыхае,
Коло верби листья опадае,
Стань соби, вербо, на рыночку,
У крищатому барвиночку,
У запашниим василько.

6.

Ой! Купалочка купалася,
Та на бережку сушилася,
Тай тому люди дивовалися;
Ой! Ни дивуйтесь симу, люди,
Бо я бачила дивнийшое!
Щука рыба красно ткала,
А рак на буераке цивки сучит,
А муха горюха дежу мисит,
Комар пищит, водицу несет.

7.

Наши подоляни церковь збудовали,
Не так збудовали, як намалевали,
Та намалевали три месяцы ясных:
Ой! Первый мисяц молодый Иванко,
А другий мисяц молодый Василью,
А третий мисяц молодый Михалко.
Наши подоляни церковь збудовали,

Не так збудовали, як намалевали,
Та намалевали три зирочки ясных,
три дивочки красные:
Ой! Первая зирочка млада Маричка,
А другая зирочка млада Галичка,
А третия зирочка млада Варачка.

8.

Солнце сходе, играе,
Иванко коника сидлае,
На стременички ступае,
На сиделицко злегае,
Тяжинко, важинко вздыхае,
А его батюшко пыта;
Що ты сыночек гадаешь,
На сщо ты коника сидлаешь?

9.

Що тоби батюшко до сего,
Сидлаю коника ни твоего;
Пойду до тестя до своего;
Пущу я коника по двору
Своему тестеви на хвору:
Ой! У моего тестя новый двор,
И барвиночком стили дверь,
И василичком мети двирь,
Щоб мене тещинка хвалила,
Щоб мене дивчина любила. –

10.

Ой! Чье то жито пид гору стояло,
Иванкове жито пид гору стояло,
Пид гору зелененько, по мисяцу видненько.
Молода Маричка ходи жито жати?

Молодой Иванко! Ни всмию я жати,
Як я тебе возму, жито жати научу,
Пид гору зелененько, по мисяцу видненько серденко!

11.

Ой! Вербо, вербо вербиця –
Час тоби вербице розвитця! –
Ой! Ище ни час ни пора,
Час тоби Иванку жиниться.
Ой! Ище ни час, ни пора,
Ощеж мои дивчина молода,
Та нехай до лита, до Ивана;
Щоб моя дивчина погуляла,
Та нехай до лита, до Петра,
Щоб моя дивчина пидросла.

12.

Иваньско цведье, Петровско,
Иван га бере те бере,
Мащи га баце у крило,
А маика скрала ня землу.

13.

Купала на Ивана.
Купался Иван, та в воду упав,
Купала на Ивана.
Та и шли девочки, и тояго дочки,
Слий вода чорна хмара; на долине роса пала,
На улице Купала на Ивана.
А в пирипилички нижки нивилички,
И на гору низойде, на долини ни стане,
Купала на Ивана.
Сего дня Купала, а завтре Ивана:
Чим мини моя мати торговати?

Сего дня Купала, а завтре Ивана,
Чим мини моя мати торговати? –
Повызу я свекорка продоваты,
Ридного батынька куповаты;
Здишевыла свекорка, здишевыла,
Ридного батынька не купыла.
Сегодня Купала, а завтра Ивана:
Чим мини моя маты торговати? –
Повызу я свекруху продоваты
Ридную матыньку куповаты; –
Здишевыла свекруха, здишевыла,
Ридной матыньки не купыла. –
Сегодня Купала, а завтра Ивана:
Чим мини моя маты торгуваты?
Повызу я дивырька продоваты,
Ридного братика куповаты;
Здишевыла дивырька, здишевыла,
Ридного братика не купыла. –
Сегодня Купала, а завтра Ивана:
Чим мини моя маты торговати?
Повызу я зывцю продоваты –
Ридную сестрыцу куповаты;
Здишевыла зовыця, здишевыла,
Ридной сестрици не купыла!

ПОСЫПАЛЬНЫЕ

1.

Ходит Илья
На Василя,
Носит пугу
Житяную,
Де замахне –
Жито росте.

Роди, Боже!
Жито, пшеницю,
У поле ядро,
А в поле добро!

ЗАЖНИВЫЕ

1.

Ой чие ж то поле
Зажовтело стоя?
Иванове поле
Зажовтело стоя;
Женьци молодыи,
Серпы золотыи!
Ой чие ж то поле
Задремало стоя?
То Грицькове поле
Задремало стоя;
Женьици все старыи,
Серпы все стальныи –
Задремало стоя, –
А мы свому пану
Изробили славу:
Житечко пажали,
В снопы пивязали,
У копы поклали.
А мы свому пану
Изробили славу!
Ой, пановьку наш,
Овжиночков час!

2.

Ой в чужого Господаря обедать пора,
А в нашого Господаря ще й думки нема.

Ой пановньку наш! Обедати час!
У чужого Господаря горелочку пьют,
А в нашого Господаря воды не дают.
Ой пановньку наш! Обедати час!
У чужого Господаря полудновать пора,
А в нашого Господаря ще й на думе нема.
Ой пановньку наш! Полудновать час!
У чужого Господаря пополудновали,
А в нашого богатого ще й не думали.
Ой пановньку наш! Полудновать час!

3.

Закатилось да сонечко
За виноградный сад:
Целуйтеся, милуйтеся
Да хто кому рад!
Ой Маруся и з Ивашком
Целовалась, миловалась
И рученьку дала:
От-се тобе, Ивашеньку,
Рученька моя!
Ой як пождешь до осени,
Буду я твоя!..

IV. ВОЕННЫЕ ПЕСНИ

1.

Мазепо гетьмане, израдливый пане!
Злее починаешь, за шведом накладаешь
И на Царя восточного руки подоймаешь.
Подняв еси Орду, изробив тревогу! –
А при той измене був Кочубей да Искра:
Пошли ж воны з-под Полтавы да до Царя знишка.
А Царь веры не доняв, до Мазепы одослав:

Скоро ж их Мазепа взрев – барзо извесилився;
А Кочубей из Искрою слезами облився.
Усе паны сенаторы, усе бенкет мали;
Кочубея ж из Искрою барзо забували.
Тольки ты их не забув, миргородский пане,
Що Кочубей из Искрою за Вкраину стали! –
У Киеве на Подоле порубаны груши;
Погубив же пес Мазепа невинные души!
Ой выгорев весь Батурин, зосталася хата;
Да вже ж твоя, псе Мазепо, и душа проклята.
Був у тебе, псе Мазепо, один хлопец немец.
Пошло ж твое Мазепо, усе добро нивец!

2.

У Глухове у городе у все дзвоны дзвонють;
Да вже наших казаченьков на линею гонють.
У Глухове у городе стрельнули за гарматы;
Не по одном казаченьку заплакала мати.
У Глухове у городе стрельнули з ручници;
Не по одном казаченьку плакали сестрици.
У Глухове у городе поплетены сетки;
Не по одном казаченьку заплакали детки.
На быстром на озере – геть плавала качка;
Не по одном казаченьку плакала казачка. –
У Грицкове огни горят, а в Полтаве дымно;
На могиле Гетьман сидит – геть-там его видно!
Допевняй ж, наш гетьмане, допевняйся платы!
Як не будешь допевняти, будемо втекати.
Ой идеть же вы, панове, Петра до свата –
Ой там буде вам, панове, велика заплата:
По за ступу у рученьки, да ще и лопата!
Сидит казак на могиле, сорочку латае,
Ой кинувся до черешка – копейки немае.
Сидит пугач на убочу, на ветер надувся:
Иде казак в Украину, на лихо здобувся.

Ишов казак на линею да й вельми надувся,
Ишов казак из линеи – як лихо зогнувся.

3.

Высоко сонце зходит, низенько ложится,
Ой де-сь то пан Палей Семен тепера журится?
Высоко сонце зходит, низенько заходит,
Ой де-сь то пан Палей Семен по Сибиру бродит!
«Ой чуро, мой чуро, мой верный Стоусю!
Ой ходьмо у каплицю, Богу помолюся!
Ой Богови молюся, Святим поклонюся.
Зледащев же я понурый, стареньким здаюся!
Стареньким здаюся, молитися мушу:
Хай милуе Милостивый мою грешну душу!»
Ой натягнув ему чура да серую свиту,
Да дав ему да у руку еловую вету.
Пойшов пан Палей Семен Богови молиться,
Не то Богови молиться, й а не то журиться.
Прийшов пан Палей до дому, да сев у намете,
На бандурце выгравае: «Лихо жити в свете!
Той, душу заклавши, свиту бач гаптуе;
А той по Сибиру – мов в лузе дубуе».

4.

Ой хто в Крыму не бував,
Той и дива не видав;
А мы в Крыму бували,
Мы там диво видали.
Перекопський комендант
Запорозьцям дае знать:
– Ой годе ж вам, Запорозьци,
В Кавантае пробувать,
Ой ходемо на Ялы
Казаченьков рятовать. –
Запорозьци як пошли:

Вперед голову найшли;
А в Жадченка Степана
Облуплена голова,
В московского копитана
Спина ободрана.
Лежат наши казаченьки
Як беленькие смычки;
А в Жадченка у Степана
По за ногтьми спички.

5.

Ой на море, на море синеньком,
Там плавала бела лебедонька
Из маленькими лебедятами,
Де ся взяв сизоперый орел,
Став лебедку бити й забивати,
Стала лебедка до его промолвляти:
Ой не бий мене, сизоперый орлоньку,
Скажу тобе всю щирую правдоньку:
«Як у том месце у Кистрине
Да бьется Орда уже три дни,
Бьется вона три дни и три годины,
Розбилася вона на три половины.
Течут речки, да все кровавыи,
Через те речки мостят мосты,
Мостят мосты, да все головками,
Головками, да все московскими».

6.

Збиралися комиссары под царьски палаты,
Пишут листы на Вкраину под аршины брати.
Написали на Вкраине вдовиного сына:
Ой тож казак уродливый, доходит аршина.
Ой зачуе ж стара ненька, Ивасева мати:
«Ой де ж тебе, мой сыноньку, я маю сховати!»

– На що ж мене, матусенько, ты маешь ховати,
Буду тобе из столици червоныи слати! –
«На що ж мене, мой сыноньку, червоныи твои?
Що некому поховати головоньки мене!»
– Поховают, моя нене, тебе добры люди,
Ой як мене молодого до тебе не буде. –
Вдовин сынок вдовиченко коня наповае;
Его ненька старесенька в окно поглядае.
Вдовин сынок вдовиченько коника седлае;
Его ненька старесенька сильненько рыдае.
Вдовин сынок вдовиченко з двора выезжае;
Его ненька старесенька за стремен хапае.
Ой в городе в Очакове вдарили из лука:
Да вже ж тобе вдовин сыну, за матерью розлука,
У городе в Очакове вдарили з граматы:
Уже ж тобе, вдовин сыну, матки не видати!

7.

Ой годе нам журитися, пора перестати!
Дождатися от Царици за службу заплаты!
Дала хлеб-соль и грамоты за верные службы;
Ать-теперь мы, милы братца! Забудем все нужды.
В Тамане жить, верне служить, горницю держати,
Рыбу ловить, горелку пить, ще й будем богати.
Да вже треба женитися и хлеба робити;
А хто прийде из неверных, то як чорта бити.
Славу Богу и Царице, а покой гетьману!
Залечили в сердцах наших великую рану.
Благодарим мы Царицю, молемося Богу,
Що вона нам указала на Тамань дорогу!

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БЫЛИНЫ РУССКИХ ЛЮДЕЙ

Для издания русских былин был принят за основание текст, помещенный в рукописи, принадлежавшей тульскому купцу Бельскому. Вариантами служили: 1. Русские былины, собранные почтеннейшим В. Н. Далем из устных преданий жителей Казанских и Оренбургской губернии по Уралу. 2. Сборник Демидова, изданный прежде А. Ф. Якубовичем, а потом К. Ф. Калайдовичем под ложным именем Кирши Данилова. При печатании Былины русских людей были мною разделены на семь отдельных песен так, как они были помещены в рукописи Бельского.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

Во стольном ли во городе во Киеве,
У славного, Осударь, Князя у Владимира
Три года Добрынюшка стольничал,
А три года Никитич приворотничал,
Он стольничал, чашничал девять лет,
На десятый год погулять захотел
По стольному по городу по Киеву.
Взявши Добрынюшка тугой лук,
А и колчан себе каленых стрел,
Идет он по широким по улицам,
По частым, мелким переулочкам,
По горницам стреляет воробушков,
По повалушам стреляет сизых голубей.
Зайдет на улицу Игнатьевску,
И во тот переулок Маринин,
Взглянет ко Марине на широк двор,

На ее высокие терема,
А у молодой Марины Игнатьевны,
У ее на хорошем, высоком терему,
Сидят тут два сизые голубя,
Над тем окошком косящатым;
Целуются они, милуются,
Желты носами обнимаются.
Тут Добрыне за беду стало,
Будто над ним насмехаются;
Стреляет в сизых голубей;
А спела ведь тетивка у туга лука,
Звыла, да пошла калена стрела.
По грехам над Добрынею учинилося,
Левая нога его поскользнула,
Правая рука удрогнула:
Не попал он в сизых голубей;
Что попал он в окошечко косящатое,
Проломил он оконницу стекольчатую,
Отшиб все причалины серебряные,
Расшиб он зеркало стекольчатое,
Белодубовы столы пошатались,
Что питья медвяные восплеснулися.
А втапоры с Мариной безвременье было:
Умывалася Марина, снаряжалася,
И бросилася на свой широкий двор.
«А кто это невежа на двор заходил?
А кто это, невежа, в окошко стреляет?
Проломил оконницу мою стекольчатую,
Отшиб все причалины серебряные.
Расшиб зеркало стекольчатое?»
И втапоры Марине за беду стало:
Брала она следы горячие, молодецкие,
Набирала Марина беремя дров,
А беремя дров белодубовых,
Клала дровца в печку муравленую
Со теми следы горячими,

Разжигает дрова палящатым огнем,
И сама она дровам приговаривает:
«Сколь жарко дрова разгораются,
Со теми следы молодецкими,
Разгоралось бы сердце молодецкое,
Как у молода Добрынюшки Никитьевича!
А и Божье крепко, вражье-то лепко!»
Взяло Добрыню пуще острого ножа
По его по сердцу богатырскому;
Он со вечера, Добрыня, хлеба не ест,
Со полуночи Никитичу не уснется,
Он бела-то света не дождется.
По его-то щаски великие,
Рано зазвонили ко заутреням:
Вставает Добрыня ранешенько,
Подпоясал себе сабельку острую,
Пошел Добрыня к заутрени;
Прошел он церкву соборную,
Зайдет ко Марине на широкий двор,
У высокого терема послушает:
А у молодой Марины вечеринка была,
А и собраны были душечки, красны девицы,
Сидят и молоденьки молодушки:
Все были дочери отецкие,
Все тут были жены молодецкие.
Вошел он, Добрыня, во высок терем:
Которые девицы приговаривают,
Она, молода Марина, отказывает и прибранивает.
Втапоры Добрыня ни во что положил,
И к ним бы Добрыня в терем не пошел.
А стала его Марина в окошко бранить, ему больно пенять.
Завидел Добрыня он Змея Горынчища.
Тут ему за беду стало,
За великую досаду показалося.
Сбежал на крылечко на красное;
А двери у терема железные

Заперла Марина Игнатьевна.
А и молодой Добрыня Никитич млад,
Ухватит бревно он в охват толщины,
А удирал во двери железные,
Не доладом из пяты он вышиб вон,
И сбежал он на сени косящаты.
Бросилась Марина Игнатьевна
Бранить Добрыню Никитича:
«Деревенщина ты, детина, зашельщина!
Вчерась ты, Добрыня, на двор заходил,
Проломил мою оконницу стекольчатую,
Ты расшиб у меня зеркало стекольчатое».
А бросится Змеища Горынчища,
Чуть его, Добрыню, огнем не спалил,
А и чуть молодца хоботом не ушиб.
А и сам тут Змей почал бранити его,
Больно пеняти: «Не хочу я звати Добрынею,
Не хощу величать Никитичем;
Называю те: детиною, деревенщиною и зашельщиною.
Почто ты, Добрыня, в окошко стрелял?
Проломил ты оконницу стекольчатую,
Расшиб зеркало стекольчатое?»
Ему тутот-ко, Добрыне, за беду стало,
И за великую досаду показалося.
Вынимал саблю острую,
Воздымал выше буйны головы своей:
«А и хочешь ли тебя, Змея, изрублю я
В мелкие части, пирожные,
Разбросаю далече по чистому полю»?
А и тут Змей Горыныч хвост поджал
Да и вон побежал;
Взяла его страсть, так зачал бежать,
Околышки метал, по три пуда.
Бегучи он, Змей, заклинается:
«Не дай Бог бывать ко Марине в дом,
Есть у ней не один я друг,

Есть лучше меня и повежливее».
А молода Марина Игнатьевна
Она высунулась по пояс во окно,
Во одной рубашке, без пояса;
А сама она Змея уговаривает:
«Воротись мил надежа, воротись друг!
Хошь я Добрыню оберну клячею водовозною?
Станет-де Добрыня на меня и на тебя воду возить;
А еще хошь я Добрыню оберну гнедым туром?»
Обернула его, Добрыню, гнедым туром,
Пустила его далече во чисто поле,
А где-то ходят девять туров,
А девять туров, девять братаников,
Что Добрыня им будет десятый тур,
Всем атаман – золоты рога.
Безвестно стало богатыря молодого,
Добрыни Никитьевича,
Во стольном во городе во Киеве.
А много-де прошло поры, много времени
А и не было Добрыни шесть месяцев,
По нашему-то Сибирскому слывет полгода.
У Великого Князя вечеринка была,
А сидели на пиру честные вдовы,
И сидела тут Добрынина матушка,
Честна вдова, Афимья Александровна;
А другая честна вдова, молода Анна Ивановна,
Что Добрынина матушка крестовая.
Промежу собою разговоры говорят,
Все были речи прохладные.
Неотколь взялась тут Марина Игнатьевна,
Водилася с дитятами княженецкими,
Она вольно Марина упивалася,
Голова на плечах не держится,
Она больно Марина похваляется:
«Гой еси вы, княгини, боярыни!
Во стольном во городе во Киеве

А и нет меня хитрее, мудрее:
А и я-де обернула девять молодцов,
Сильных, могучих богатырей гнедыми турами;
А и ныне я-де отпустила десятого молодца
Добрыню Никитьевича,
Он всем атаман – золоты рога».
  За то-то слово изымается
Добрынина матушка родимая,
Честна вдова, Афимья Александровна;
Наливала она чару зелена вина,
Подносила любимой своей кумушке,
А сама она за чарою заплакала:
«Гой еси ты, любимая кумушка,
Молода Анна Ивановна!
А и выпей чару зелена вина,
Поминай ты любимого крестника,
А и молода Добрыню Никитьевича;
Извела его Марина Игнатьевна,
А и ныне на пиру похваляется».
Проговорит Анна Ивановна:
«Я-де сама эти речи слышала,
А слышала речи ее похваленные».
  А и молода Анна Ивановна
Выпила чару зелена вина,
А Марину она по щеке ударила,
Сшибла она с резвых ног,
А и топчет ее по белым грудям,
Сама она Марину больно бранит:
«А и сука ты злая еретица!
Я-де тебя хитрее и мудренее,
Сижу я на пиру, не хвастаю.
А и хошь ли я тебя сукой оберну?
А станешь ты, сука, по городу ходить,
А станешь ты, Марина, много за собой псов водить».
  А и женское дело прелестное,
Прелестное, перепадчивое;

Обернулася Маринка косаточкой,
Полетела далече, во чисто поле,
А где-то ходят девять туров,
Девять братаников,
Добрыня-то ходит десятый тур;
А села она к Добрыне на правый рог,
Сама она Добрыню уговаривает:
«Нагулялся ты, Добрыня, во чистом поле,
Тебе чистое поле наскучило,
И зыбучие болота напрокучили.
А и хошь, Добрыня, женитися?
Возьмешь ли, Никитич, меня за себя?»
«А право возьму, ей Богу возьму!
А и дам те, Марина, поученьице,
Как мужья жен своих учат».
Тому она, Марина, поверила.
Обернула его добрым молодцом,
По старому, по прежнему,
Как бы сильным, могучим богатырем;
Сама она обернулася девицею.
Они в чистом поле женилися,
Круг рубитова куста венчалися.
Пошел он ко городу ко Киеву,
А за ним идет Марина.
Пришли они ко Марине во высок терем,
Говорит Добрынюшка Никитич млад:
«А и гой ты еси, моя молодая жена,
Молодая Марина Игнатьевна!
У тебя в высоких хороших теремах
Нету Спасова образа,
Некому у тя помолитися,
Не за что стенам поклонитися.
А и чай моя острая сабля заржавела?»
А и стал Добрыня жену свою учить,
Он молоду Марину Игнатьевну,
Еретицу, злую безбожницу;

Он в первое ученье ей руку отсек,
Сам приговаривает:
«Эта мне рука не надобна;
Трепала она рука Змея Горынчища».
А во второе ученье ноги ей отсек:
«А и эта-де нога мне на надобна;
Оплеталася со Змеем Горынчищем».
А в третье ученье губу ей обрезал и с носом прочь:
«А эти-де губы не надобны мне;
Целовали они Змея Горынчища?»
В четверто ученье голову ей отсек и с языком прочь:
«А и эта голова не надобна мне,
И этот язык не надобен;
Знал он дела еретические».

Во стольном городе во Киеве,
Что у ласкова, Осударь, Князя Владимира,
Было пированье, почестной пир,
Было столованье, почестной стол
На многие князья и бояре
И на русские могучие богатыри.
А и будет день в половину дня,
И будет стол во полу столе,
Владимир Князь распотешился,
По светлой гриднице похаживает,
Черны кудри расчесывает,
Таковы слова поговаривает:
«Есть ли в Киеве таков человек,
Из сильных могучих богатырей,
А кто бы сослужил службу дальнюю,
А и дальнюю службу, заочную?
Кто бы съездил в Орды немирные,
И очистил дороги прямоезжие
До моего тестя любимого,
До грозна Короля Этмануйла Этмануйловича,
Вырубил чудь белоглазую,

Прекрошил Сорочину долгополую
А и тех черкес пятигорских,
И тех калмыков с татарами,
Чюкши все бы и алюторы?»
Втапоры большой за меньшего хоронится,
А от меньшого ему Князю ответу нет.
Из того было стола княженецкого,
Из той скамьи богатырские,
Выступает удал, добрый молодец,
Молодой Добрыня Никитич млад.
«Гой еси, Осударь, ты мой дядюшка,
Ласково солнце, Владимир Князь!
Нет у тебя в Киеве охотников
Быть перед Князем невольником;
Я сослужу службу дальнюю,
Службу дальнюю, заочную,
Съезжу я в Орды немирные,
Очищу дороги прямоезжие,
До твоего тестя любимого,
До грозна Короля Этмануйла Этмануйловича;
А и вырублю чудь белоглазую,
Прекрошу Сорочину долгополую,
А и тех черкес пятигорских,
И тех калмыков с татарами,
Чюкши все и алюторы».
Втапоры Владимир Князь
Приказал наливать чару зелена вина в полтора ведра,
И турий рог меду сладкого в полтретья ведра.
Подавали Добрыне Никитичу.
Принимает он, Добрыня, единой рукой,
Выпивает молодец единым духом
И турий рог меду сладкого.
И пошел он, Добрыня Никитич млад,
С княженецкого двора ко своей сударыне матушке,
Просит благословение великое:
«Благослови меня матушка,

Матера вдова Афимья Александровна!
Ехать в дальны Орды, немирные.
Дай мне благословение на шесть лет,
Еще в запас на двенадцать лет».
Говорила ему матушка:
«На кого покидаешь молоду жену,
Молоду Настасью Микулишну?
Зачем же ты, дитятко, и брал за себя?
Что не прошли твои дни свадебные,
Не успел ты отпраздновати радости своей,
Да перед Князем расхвастался в поход идтить».
Говорил ей Добрынюшка Никитьевич:
«А ты гой еси, моя сударыня матушка,
Честная вдова, Афимья Александровна!
Что же мне делать и как же быть?
Из чего же нас богатырей Князю и жаловати?»
И дает ему матушка свое благословение великое
На те годы уреченные.
Прощается Добрыня Никитич млад
С молодой женой, с душой Настасьей Микулишной,
Сам молодой жене наказывает:
«Жди меня, Настасья, шесть лет,
А если бо не дождешься в шесть лет,
То жди меня в двенадцать лет;
Коли пройдет двенадцать лет,
Хотя за Князя поди, хоть за боярина,
Не ходи только за брата названого,
За молода Алешу Поповича».
И поехал Добрыня Никитич млад
В славные Орды, немирные.
А и здесь Добрыня неделю в них,
В тех Ордах немирных,
А и ездит уже другую,
Рубит чудь белоглазую,
И тое Сорочину долгополую,
А и тех черкес пятигорских,

А и тех калмык с татарами,
А чюкши все и алюторы –
Всяким языкам спуску нет.
Очистил дорогу прямоезжую
До его-то тестя любимого,
До грозного Короля Этмануйла Этмануйловича.
А втапоры Настасье шесть лет прошло;
А не мало время замешкавши,
Прошли ей Микулишне все сполна двенадцать лет.
А никто уже на Настасье не сватается,
Посватался Владимир Князь стольный Киевский,
А за молода Алешеньку Поповича,
А скоро эта свадьба учинилася,
И скоро ту свадьбу ко венцу повезли.
Втапоры Добрыня едет в Киев град.
Старые люди переговаривают:
Знать-де полетка соколиная,
Видеть и поездка молодецкая,
Что быть Добрыне Никитичу.
И проехал молодец на вдовий двор,
Приехать к ней середи двора,
Скочил Добрыня со добра коня,
Привязал к дубову столбу,
Ко тому кольцу булатному.
Матушка его старехонька;
Некому Добрынюшку встретити.
Приходил Добрыня во светлу гридню,
Он Спасову образу молится,
Матушки своей кланяется:
«А ты, здравствуй, сударыня матушка,
Матера вдова Афимья Александровна!
В доме ли женушка моя?»
Втапоры его матушка заплакала,
Говорила таковые слова:
«Гой еси, мое чадо милое!
А твоя-то жена замуж пошла,

За молода Алешу Поповича;
Ныне они у венца стоят».
И приходит он Добрыня Никитич млад
Ко Великому Князю появитися.
Втапоры Владимир Князь с тою свадьбою
Приехал от церкви на свой княженецкой двор?
Пошли во светлы гридни,
Садилися за убранные столы;
Приходил же тут Добрыня Никитич млад;
Он молится Спасову образу,
Кланяется Князю Владимиру и Княгине Апраскеевне,
На все четыре стороны.
«Здравствуй ты, Осударь, Владимир Князь,
Со душою Княгинею Апраксеевною!
Сослужил я, Добрыня, тебе Князю службу заочную,
Съездил в дальны Орды, немирные,
И сделал дорогу прямоезжую
До твоего тестя любимого,
До грозного короля Этмануйла Этмануйловича.
Вырубил чудь белоглазую,
Прекрошил Сорочину долгополую,
И тех черкес пятигорскиих,
А и тех калмыков с татарами,
Чукчи все и алюторы».
Втапоры за то Князь похвалил:
«Исполать тебе, добрый молодец!
Что служишь Князю верою и правдою».
Говорит тут Добрыня Никитич млад:
«Гой еси, Осударь, мой дядюшка,
Ласково солнце, Владимир Князь!
Не диво Алеше Поповичу,
Дивно Князю Владимиру,
Хочет у жива мужа жену отнять».
Втапоры Настасья засовалася,
Хочет прямо скочить, обесчестить столы.
Говорит Добрыня Никитич млад:

«А и ты, душка, Настасья Микулишна!
Прямо не скачи, не бесчести столы;
Будет пора, кругом обойдешь».
Взял за руку ее и вывел из-за убранных столов,
Поклонился Князю Владимиру,
Да и молоду Алеше Поповичу
Говорил таково слово:
«Гой еси, мой названый брат,
Алеша Попович млад!
Здравствуй, женившись! – да не с кем спать».

Как из славного города Киева
Поезжали два могучие богатыри:
Поезжал Илья Муромец
Со своим братом названым,
С молодым Добрынею Никитичем.
А и будут они во чистом поле,
Как бы сверх тоя реки Череги,
Как бы будут они у матушки у Сафат реки,
Говорит Илья Муромец Иванович:
«Гой еси ты, мой названый брат,
Молодой Добрынюшка Никитич млад!
Поезжай ты за горы высокие,
А и я, дескать, поеду подле Сафат реки».
И поехал Добрыня за горы высокие,
И наехал он, Добрынюшка Никитич млад, бел шатер,
И показался Добрыне сильный могуч богатырь.
Из того бела шатра полотняного
Выходила тут баба Горынинка;
Заздорилася баба Горынинка;
Молодой Добрыня Никитич
Скочил Добрыня со добра коня,
Напущался он на бабу Горынинку;
Учинилася, бой, драка великая:
Они тяжкими палицами ударились,
У них тяжкие палицы разгоралися;

И бросили они палицы тяжкие,
Они стали уже драться рукопашным боем.
Илья Муромец, сын Иванович,
А ездил он подле Сафат реки,
И наехал от туто бродячий след
И поехал по тому следу бродячему,
А наезжает он богатыря в чистом поле,
Он Збута Бориса Королевича.
А втапоры Збуд Королевич млад
И отвязывал стремя вожья выжлока,
Со руки опускает ясна сокола,
А сам ли-то выжлоку наказывает:
«А теперь мне не до тебя пришло;
А и ты бегай, выжлок, по темным лесам,
И корми ты свою буйну голову».
И ясну соколу он наказывает:
«Полети ты сокол на сине море,
И корми свою буйну голову;
А мне молодцу не до тебя пришло».
Наезжает Илья Муромец Иванович.
Как два ясна сокола слеталися –
И наехал Збуд Королевич млад,
Напущается он на старого,
На стара казака Илью Муромца,
И стреляет Илью во белы груди,
В белы груди из туга лука;
Угодил Илье он во белу грудь.
Илья Муромец, сын Иванович,
Не бьет его палицей тяжкою,
Не вымает из налушна тугой лук,
Из колчана калену стрелу,
Не стреляет он Збута Бориса Королевича –
Его только схватил во белы руки
И бросает выше дерева стоячего.
Не видел он Збут Борис Королевич,
Что того ли свету белого;

И тоя-то матушка сырой земли –
И назад он летит ко сырой земле.
Подхватил Илья Муромец Иванович,
На свои он руки богатырские,
Положил его да на сыру землю;
И стал Илья Муромец спрашивать:
«Ты скажись мне, молодец, дедину, отчину?»
Говорит Збуд Борис Королевич млад:
«Кабы у тебя на грудях сидел,
Я спорол бы тебе, старому, груди белые».
И до того его Илья бил, покуда правду сказал.
А и взговорит Збуд Борис Королевич млад:
«Я того Короля Задонского».
А втапоры Илья Муромец Иванович,
Глядючи на свое чадо милое –
И заплакал Илья Муромец Иванович:
«Поезжай ты Збут Борис Королевич млад,
Поезжай ты ко своей, ты ко своей сударыне матушке.
Кабы ты попал на наших, русских богатырей,
Не отпустили бы тебя они живого от Киева».
И поехал тут Збут Королевич млад,
И приехал тут Збут Королевич млад
Ко тому Царю Задонскому,
Ко своей сударыне матушке,
Матушке стал свою удачу рассказывать:
«А и гой еси, сударыня матушка!
Ездил я, Збут Королевич млад,
К Великому Князю Владимиру;
На его потешных лугах
И наехал я в поле старого
И стрелял его во белы груди –
И схватил меня старый в чистом поле,
Меня чуть он не забросил за облако –
И опять подхватил меня на белы груди».
Еще втапоры его матушка
Того Короля Задонского

Разилася о сыру землю,
И не может во слезах слово молвити:
«Гой еси ты, Збут Борис Королевич млад!
Почто ты напущался на старого?
Не надобно бы тебе с ним драться,
Надобно бы съехаться в чистом поле,
И надо бы тебе ему поклонитися
О праву руку до сырой земли;
Он по роду тебе батюшка, старый казак».
Илья Муромец, сын Иванович,
И поехал он на горы высокие,
А искати он брата названого,
Молода Добрынюшку Никитича.
А дерется он с бабой Горынинкой –
Едва душа его в теле полуднует.
Говорит Илья Муромец, сын Иванович.
«Гой еси, мой названый брат,
Молодой Добрынюшка Никитич млад!
Не умеешь ты, Добрыня, с бабой дратися,
А бей ты бабу дурищу по щеке,
Пинай все по мягкой ли мякости;
А женский пол от того пухол».
А и втапоры покорилася баба Горынинка;
Говорит она баба таковы слова:
«Не ты меня побил, Добрыня Никитич млад,
Побил меня старый казак,
Илья Муромец единым словом».
И скочил ей Добрыня на белы груди,
И выдергивал чипралище булатное,
Хочет спороть ей груди белые.
И молится баба Горынинка:
«Гой еси ты, Илья Муромец Иванович!
Не прикажи ты мне резать груди белые,
Много у меня в земле останется злата и серебра».
И схватил Илья Добрыню за белы руки.
И повела их баба Горынинка

Ко своему погребцу глубокому,
Где лежит золота казна,
И довела Илью с Добрынею.
И стали они у погребца глубокого,
Они сами туто богатыри дивуются,
Что много злата и серебра,
А цветного платья все русского.
Оглянулся Илья Муромец Иванович
Во те во раздолья широкие –
Молодой Добрынюшка Никитич млад
Втапоры бабе голову срубил.
То старина, то и деянье.

Доселева Рязань она селом сбыла,
А ныне Рязань слывет городом.
А жил во Рязани тут богатый гость,
А гостя-то звали Никитою;
Живучи-то Никита состарился, переставился.
После веку его долгого
Осталось житье-бытье, богатство,
Осталась его матера жена,
Амелфа Тимофеевна,
Осталось чадо милое,
Как молодой Добрынюшка Никитич млад.
А и будет Добрыня семи годов,
Присадила его матушка грамоте учиться,
А грамота Никитичу в наук пошла;
Присадила его матушка пером писать.
А будет Добрынюшка во двенадцать лет,
Изволил Добрыня погулять молодец
Со своею дружиною храброю,
Во те жары Петровские.
Просился Добрыня у матушки:
«Пусти меня матушка купатися,
Купатися на Сафат реку».
Она вдова многоразумная,

Добрыне матушка наказывала,
Тихонько ему благословение дает:
«Гой еси ты, чадо милое,
А молодой Добрыня Никитич млад!
Пойдешь ты, Добрыня, на Израй на реку,
В Израй реке станешь купатися,
Израй река быстрая,
А быстрая она, сердитая;
Не плавай Добрыня за перву струю,
Не плавай ты, Никитич, за другу струю».
Добрыня-то матушки не слушался,
Надевал на себя шляпу земли Греческой,
Над собой он Добрыня невзгоды не ведает.
Пришел он Добрыня на Израй на реку,
Говорил он дружинушке храбрые:
«А и гой еси вы, молодцы удалые!
Не мне воду греть, не мне тешити ее».
А все молодцы разболокалися,
И тут Добрыня Никитич млад.
Никто, молодцы, не смеет, никто нейдет,
А молодой Добрынюшка Никитич млад,
Перекрестясь Добрынюшка, в Израй реку пошел;
А поплыл Добрынюшка за перву струю,
Захотелось молодцу и за другую струю,
А две-то струи сам переплыл,
А третья струя подхватила молодца,
Унесла во пещеры белокаменны.
Ниотколь взялся тут лютый зверь,
Налетел на Добрынюшку Никитича.
А сам-то говорит Горынчище,
А сам он Змей приговаривает:
«А стары люди пророчили,
Что быть змею убитому
От молода Добрынюшки Никитича,
А ныне Добрыня у меня сам в руках».
Молился Добрыня Никитич млад:

«А и гой еси Змеище, Горынчище!
Не честь, хвала молодецкая,
На нагое тело напущаешься».
И тут Змей Горынчище
Мимо его пролетел.
А стали его ноги резвые
А молода Добрынюшки Никитьевича;
А грабится он ко желту песку,
А выбежал добрый молодец,
А молодой Добрынюшка Никитич млад,
Нагреб он шляпу песку желтого, –
Налетел на его Змей Горынчище.
Хочет Добрыню огнем спалить,
Огнем спалить, хоботом ушибить.
На то-то Добрынюшка не робок был,
Бросает шляпу земли Греческой
Со теми пески желтыми
Ко лютому Змею Горынчищу;
Глаза запорошил и два хобота ушиб.
Упал Змей Горынчище
Во ту во матушку во Израй реку;
Когда ли Змей исправляется,
Во то время и во тот же час
Схватал Добрыня дубину, тут убил до смерти.
А вытащил Змея на берег,
Его повесил на осину на кляплую.
«Сушися ты, Змей Горынчище!
На той-то осине на кляплой».
А поплыл Добрынюшка
По славной матушке по Израй реке,
А заплыл в пещеры белокаменны,
Где жил Змей Горынчище.
Застал в гнезде его малых детушек,
А всех прибил, пополам перервал;
Нашел в пещерах белокаменных,
У лютого Змеища Горынчища,

Нашел он много злата, серебра,
Нашел во палатах у Змеища
Свою он любимую тетушку,
Тоя-то Марью Дивовну –
Выводит из пещеры белокаменны.
И собрал злата и серебра,
Пошел ко матушке родимые своей;
А матушки дома не годилося,
Сидит у Князя Владимира.
Пришел-де он во хоромы свои,
И спрятал он свою тетушку,
И пошел ко Князю явитися.
Владимир Князь запечалился,
Сидит он, ничего свету не видит.
Пришел Добрынюшка
К Великому Князю Владимиру,
Он Спасову образу молится,
Владимиру Князю поклоняется;
Скочил Владимир на резвы ноги,
Хватя Добрынюшку Никитича,
Целовал его во уста сахарные.
Бросилася его матушка родимая,
Схватила Добрыню за белы руки,
Целовала его во уста сахарные.
И тут с Добрынею разговор пошел,
А стали у Добрыни выспрашивати:
А где пробывал, где ночевал?
Говорит Добрыня таково слово:
«Ты гой еси, мой Осударь, дядюшка,
Князь Владимир, солнце Киевско!
А был я в пещерах белокаменных,
У лютого Змеища Горынчища,
И всю породу Змеиною его я убил
И детей всех погубил,
Родимую тетушку повыручил».
А скоро послы побежали по ее,

Ведут родимую его тетушку,
Привели ко Князю во светлу гридню.
Владимир Князь светел, радошен;
Пошла-то у них, пир, радость великая,
А для ради Добрынюшки Никитича,
Для другой сестрицы родимые – Марьи Дивовны.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Как из славного города из Мурома,
Из того села Корочаева,
Как была-де поездка богатырская –
Наряжался Илья Муромец Иванович
Ко стольному городу ко Киеву,
Он тою дорогою прямоезжею,
Котора залегла ровно тридцать лет,
Чрез те леса Брынские,
Чрез черны грязи Смоленские,
И залег ту дорогу Соловей-разбойник.
И кладет Илья заповедь велику:
Что проехать дорогу прямоезжую,
Котора залегла ровно тридцать лет,
Не вымать из налушна тугой лук,
Из колчана не вымать калену стрелу.
Берет благословение великое у отца с матерью.
А и только его Илью видели.
Прощался с отцом, с матерью,
И садился Илья на своего добра коня,
А и выехал Илья со двора своего
Во те ворота широкие;
Как стегнет он коня по тучным бедрам –
А и конь под Ильею рассержается,
Он перву скок ступил за пять верст,
А другого ускока не могли найти.
Поехал он через те леса Брынские,

Через те грязи Смоленские.
Как бы будет Илья во темных лесах,
Во темных лесах, во Брынскиих,
Наезжал Илья на девяти дубах,
И наехал он Илья Соловья-разбойника.
И заслышал Соловей-разбойник
Того ли топу кониного,
И тоя ли он поездки богатырские;
Засвистал Соловей по-соловьиному,
А в другой зашипел разбойник по-змеиному,
А втретьи зрявкает по-звериному.
Под Ильею конь окорачился,
И падал ведь на кукорачь.
Говорит Илья Муромец Иванович:
«А ты волчья сыть, травяной мешок!
Не бывал ты в пещерах белокаменных,
Не бывал ты конь во темных лесах,
Не слыхал ты свисту соловьиного,
Не слыхал ты шипу змеиного,
А звериного крику туриного».
Разрушает Илья заповедь великую,
Вымает калену стрелу
И стреляет в Соловья-разбойника;
И попал Соловья, да в правый глаз.
Полетел Соловей с сыра дуба
Комом к сырой земли.
Подхватил Илья Муромец Соловья на белы руки,
Привязал Соловья ко той ко луке ко седельной;
Проехал он воровску заставу крепкую,
Подъезжает ко подворью дворянскому.
И завидела-де его молода жена;
Она хитрая была и мудрая,
И взбегла она на чердаки на вышние.
Как бы двор у Соловья был не семи верстах,
Как было около двора железный тын,
А на всякой тынинке по маковке,

И по той по голове богатырские.
Наводила трубками немецкими
Его Соловьева молодая жена.
И увидела доброго молодца, Илью Муромца.
И бросилась с чердака во свои высокие терема,
И будила она девять сыновей своих:
«А встаньте, обудитесь, добры молодцы,
А девять сынов, ясны соколы!
Вы подите в подвалы глубокие,
Берите мои золотые ключи,
Отмыкайте мои вы окованы ларцы,
А берите вы мою золоту казну,
Выносите ее за широкий двор,
И встречайте удала, доброго молодца;
А и едет, молодцы, чужой мужик,
Отца-то вашего в тороках везет».
А и тут ее девять сыновей закорилися,
И не берут у нее золотые ключи,
Не походят в подвалы глубокие,
Не берут ее золотой казны;
А худом ведь свои думушки думают,
Хочут обернуться черными воронами,
Со теми носы железными –
Они хочут расклевать добра молодца,
Того ли Илью Муромца Ивановича.
Подъезжает он ко двору ко дворянскому.
И бросилась молода жена Соловьева,
А и молится, убивается:
«Гой еси ты, удал, добрый молодец!
Бери ты у нас золотой казны сколько надобно,
Отпусти Соловья-разбойника,
Не вози Соловья во Киев град».
А его-то дети Соловьевы
Неучтиво они поговаривают.
Они только Илью и видели,
Что стоял у двора дворянского. –

И стегает Илья он добра коня,
А добра коня по тучным бедрам;
Как бы конь под ним осержается –
Побежал Илья, как сокол летит.
Приезжает Илья он во Киев град,
Среди двора княженецкого
И скочил он Илья со добра коня,
Привязал коня к дубовому столбу.
Приходил он во гридню во светлую,
И молился он Спасу со Пречистою,
Поклонился Князю со Княгинею –
На все на четыре стороны.
У Великого Князя Владимира,
У него Князя был почетный пир;
А и много на пиру было князей и бояр,
Много сильных могучих богатырей;
И поднесли ему, Илье, чару зелена вина в полтора ведра.
Принимает Илья единой рукой,
Выпивает чару единым духом.
Говорил ему ласковый Владимир Князь:
«Ты скажись молодец, как именем зовут?
А по имени тебе можно место дать,
По изотчеству пожаловати».
И отвечает Илья Муромец Иванович:
«А ты ласковый, стольный Владимир Князь!
А меня зовут Илья Муромец, сын Иванович;
И проехал я дорогу прямоезжую
Из стольного города из Мурома,
Из того села Корочаева».
Говорят тут могучие богатыри:
«А ласково солнце, Владимир Князь!
В очах детина завирается;
А где ему проехать дорогою прямоезжею?
Залегла та дорога тридцать лет
От того Соловья-разбойника».
Говорит Илья Муромец:

«Гой еси ты, Осударь, Владимир Князь!
Посмотри мою удачу богатырскую,
Вон я привез Соловья-разбойника на двор к тебе».
И втапоры Илья Муромец
Пошел с Великим Князем на широкий двор,
Смотреть его удачи богатырские.
Выходили туто князья, бояре,
Все русские могучие богатыри:
Самсон богатырь Колыванович,
Сухан богатырь, сын Домантьевич,
Светогор богатырь и Полкан другой,
И семь-то братов Збродовичи,
Еще мужики были Залешана,
А еще два брата Хапиловы;
Только было у Князя их тридцать молодцов.
Выходил Илья на широкий двор
Ко тому Соловью-разбойнику,
Он стал Соловья уговаривать:
«Ты послушай меня, Соловей-разбойник млад!
Просвисти Соловей по-соловьиному,
Пошипи змей по-змеиному.
Зрявкай зверь по-туриному,
И потешь Князя Владимира».
Засвистал Соловей по-соловьиному.
Оглушил он в Киеве князей и бояр;
Зашипел злодей по-змеиному,
Он втретье зрявкает по-туриному.
А князья и бояре испужалися,
На карачках по двору наползалися,
И все сильны богатыри могучие.
И накурил он беды несносные:
Гостины кони с двора разбежалися –
И Владимир Князь едва жив стоит,
Со душой Княгиней Апраксеевной.
Говорил тут ласковый Владимир Князь:
«А и ты гой еси, Илья Муромец, сын Иванович!

Уйми ты Соловья-разбойника;
А и эта шутка нам не надобна».

Как далече, далече во чистом поле,
Что ковыль трава во чистом в поле шатается.
А и ездит в поле стар, матер человек,
Старый ли казак Илья Муромец.
А и конь ли под ним кабы лютый зверь,
Он сам на коне, как ясен сокол.
Со старым, ведь, денег не водилося:
Только червонцев золотых с ним семь тысячей,
Дробных денег сорок тысячей;
Коню, ведь, под старым цены не было;
Почему-то цены ему не было?
Потому-то коню цены не было:
За реку-то он броду не спрашивал,
Котора река цела верста,
А скачет он с берега на берег.
Наехали на старого станишники,
По нашему русскому разбойники,
Кругом его старого облавили,
Хотят его старого ограбити,
С душой, с животом его разлучить хотят.
Говорит Илья Муромец Иванович:
«А и гой еси вы, братцы, станишники!
Убить меня старого вам не за что,
А взятии у старого нечего».
Вымал он из налушна крепкий лук,
Вынимал он, ведь, стрелку каленую,
Он стрелял не по станишникам,
Стрелял он, старый, по сыру дубу;
А спела тетивка у туга лука,
Станишники с коней попадали,
Угодила стрела в сыр кряковястый дуб,
Изломала в черенья в ножевые дуб.
От того-то, ведь, грому богатырского,

Того-то станишники испужалися,
А и пять они часов без ума лежат –
А и будто ото сна сами пробуждаются;
А Селма встает, пересемывает,
А Спиря встает, то поспиривает,
А все они станишники бьют челом:
«Ты старый казак, Илья Муромец!
Возьми ты нас в холопство вековечное,
Дадим рукописанье служить до веку».
Говорит Илья Муромец Иванович:
А и гой еси, вы, братцы, станишники!
Поезжайте от меня во чисто поле,
Скажите вы Чуриле, сыну Пленковичу,
Про старого казака Илью Муромца.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ

Во славном Великом Новегороде,
А и жил Буслай до девяноста лет;
С Новым-городом жил, не перечился,
Со мужики новогородскими
Поперек словечка не говаривал.
Живучи Буслай состарился,
Состарился и переставился.
После его веку долгого
Оставалося его житье-бытье
И все имение дворянское;
Осталася матера вдова,
Матера Амелфа Тимофеевна,
И осталося чадо милое,
Молодой сын Василий Буслаевич.
Будет Васенька семи годов,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна,
Учить его во грамоте,

А грамота ему в наук пошла;
Присадила пером его писать,
Письмо Василью в наук пошло;
Отдавала пенью учить церковному,
Пенье Василью в наук пошло.
А и нет у нас такова певца
Во славном Новегороде,
Супротив Василья Буслаева.
Поводился, ведь, Васька Буслаевич
Со пьяницы, со безумницы,
С веселыми, удалыми, добрыми молодцы,
До пьяна уж стал напиватися;
А и ходит в городе, уродует;
Которого возьмет он за руку,
Из плеча тому руку выдернет;
Которого заденет за ногу,
То из… ногу выломит;
Которого хватит поперек хребта,
Тот кричит, ревет, окарачь ползет.
Пошла-то жалоба великая.
А и мужики новогородские,
Посадские, богатые,
Приносили жалобу они великую
Матерой вдове Амелфе Тимофеевне
На того на Василья Буслаева.
А и мать-то стала его журить, бранить,
Журить, бранить, его на ум учить.
Журьба Ваське не взлюбилася,
Пошел он Васька во высок терем,
Садился Васька на ременчатый стул,
Писал ярлыки скорописчаты.
От мудрости слово поставлено:
«Кто хощет пить и есть из готового,
Валися к Ваське на широкий двор;
Тот пей и ешь готовое
И носи платье разноцветное».

Рассылал те ярлыки со слугой своим
На те улицы широкие
И на те частые переулочки.
В то же время поставил Васька чан среди двора,
Наливал чан полон зелена вина,
Опущал он чару в полтора ведра.
Во славном было в Новеграде,
Грамотны люди шли,
Прочитал те ярлыки скорописчаты,
Пошли ко Ваське на широкий двор
К тому чану, зелену вину.
В начале был Костя Новоторженин,
Пришел он Костя на широкий двор.
Василий тут его опробовал,
Стал его бити червленым вязом,
В половине было налито
Тяжела свинца Чебурацкого,
Весом тот вяз был во двенадцать пуд,
А бьет он Костю по буйной голове.
Стоит тут Костя, не шевельнется,
И на буйной голове кудри не тряхнутся.
Говорил Василий, сын Буслаевич:
«Гой еси ты, Костя Новоторженин!
А и будь ты мне названый брат,
И паче мне брата родимого».
А и мало время позамешкавши,
Пришли два брата боярченка,
Лука и Моисей, дети боярские,
Пришли ко Ваське на широкий двор.
Молодой Василий сын Буслаевич
Тем молодцам стал радошен и веселешенек.
Пришли тут мужики Залешана,
И не смел Василий показатися к ним.
Еще тут пришло семь братов Сбродовичи.
Собиралися, сходилися
Тридцать молодцов без единого,

Он сам Василий тридцатый стал.
Какой зайдет, убьют его,
Убьют его, за ворота бросят.
Послышал Васенька Буслаевич
У мужиков новогородскиих
Канун варен, пива ячные,
Пошел Василий со дружиною,
Пришел во братчину в Никольщину.
«Не малу мы тебе сыпь платим,
За всякого брата по пяти рублев».
А за себя Василий дает пятьдесят рублев.
А и тот-то староста церковный
Принимал их во братчину в Никольщину.
А и зачали они тут канун варен пить,
А и те-то пива ячные.
Молодой Василий, сын Буслаевич
Бросился на Царев кабак,
Со своею дружиною храброю;
Напилися они туто зелена вина,
И пришли во братчину в Никольщину.
А и будет день ко вечеру,
От малого до старого
Начали уж ребята боротися,
А в ином кругу в кулаки битись;
От тоя борьбы от ребячия,
От того бою от кулачного,
Началася драка великая;
Молодой Василий стал драку разнимать,
А иной дурак зашел с носка,
Его по уху оплел.
А и тут Василий закричал громким голосом:
«Гой еси ты, Костя Новоторженин,
И Лука, Моисей, дети боярские!
Уже Ваську меня бьют».
Поскакали удалы добры молодцы,
Скоро они улицу очистили,

Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки, ноги переломали.
Кричат, ревут мужики посадские.
Говорит тут Василий Буслаевич:
«Гой еси вы, мужики новогородские!
Бьюсь с вами о велик заклад,
Напущаюсь я на весь Новгород
Битися, дратися
Со всею дружиною храброю;
Тако вы меня с дружиною побьете Новым городом,
Буду вам платить дани, выходы по смерть свою,
На всякий год по три тысячи;
А буде же я вас побью,
И вы мне покоритеся,
То вам платить мне такову же дань».
И в том-то договоре руки они подписали.
Началась у них драка-бой великая.
А мужики новгородские,
И все купцы богатые,
Все они вместе сходилися,
На млада Васютку напущались;
И дерутся они день до вечера.
Молодой Василий, сын Буслаевич,
Со своею дружиною храброю
Прибили они во Новегороде,
Прибили уже много до смерти.
А и мужики новогородские догадалися;
Пошли они с дорогими подарки
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне.
«Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Прими у нас дороги подарочки,
Уйми свое чадо милое,
Василья Буслаевича».
Матера вдова Амелфа Тимофеевна
Принимала у них дороги подарочки,

Посылала девушку чернавушку
По того Василья Буслаева.
Прибежала девушка чернавушка,
Сохватила Ваську во белы руки,
Потащила к матушке родимые,
Притащила Ваську на широкий двор;
А и та старуха неразмышлена,
Посадила в погреба глубокие
Молода Василья Буслаева,
Затворяла дверьми железными,
Запирала замки булатными.
А его дружина хорабрая
Со теми мужиками новогородскими
Дерутся, бьются день до вечера.
А и та-то девушка чернавушка
На Волхов реку ходила по воду.
А взмолятся ей тут добры молодцы:
«Гой еси ты, девушка чернавушка!
Не подай нас у дела у ратного,
У того часу смертного».
И тут девушка чернавушка
Бросала она ведро кленовое,
Брала коромысло кипарисово,
Коромыслом тем стала она помахивати
По тем мужикам новогородским.
Прибила уж много до смерти.
И тут девка запыхалася,
Побежала ко Василью Буслаеву,
Срывала замки булатные,
Отворяла двери железные:
«А спишь ли, Василий, или так лежишь?
Твою дружину хорабрую
Мужики новогородские
Всех прибили, переранили,
Булавами буйны головы пробиваны».
Ото сна Василий пробуждается,

Он выскочил на широкий двор, –
Не попала палица железная,
Что попала ему ось тележная,
Побежал Василий по Новгороду,
По тем по широким улицам.
  Стоит тут старец Пилигримища,
На могучих плечах держит колокол,
А весом тот колокол во триста пуд.
Кричит тот старец Пилигримища:
«А стой ты, Васька, не попархивай,
Молодой глуздырь не полетывай,
Из Волхова воды не выпити,
Во Новеграде людей не выбити;
Есть молодцов супротив тебя,
Стоим мы молодцы, не хвастаем».
Говорил Василий таково слово:
«А и гой еси, старец Пилигримища!
А и бился я о велик заклад
Со мужики новогородскими,
Опричь почестного монастыря,
Опричь тебя, старца Пилигримища,
В задор войду – тебя убью».
  Ударил он старца во колокол
А и той-то осью тележною.
Качается старец, не шевелится;
Заглянул он Василий старцу под колокол,
А и во лбе глаз – уж веку нету.
  Пошел Василий по Волхв реке,
А идет Василий по Волхв реке,
По той Волхвовой по улице;
Завидели добрые молодцы,
А его дружина хорабрая,
Молода Василья Буслаева.
У ясных соколов крылья отросли,
У них-то молодцов думушки прибыло.
Молодой Василий Буслаевич

Пришел-то молодцам на выручку;
Со теми мужики новогородскими
Он дерется, бьется день до вечера.
А уж мужики покорилися,
Покорилися и помирилися;
Понесли они записи крепкие
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне;
Насыпали чашу чистого серебра,
А другую чашу красного золота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бьют челом, поклоняются:
«Осударыня матушка!
Приимай ты дороги подарочки,
А уйми свое чадо милое,
Молода Василья со дружиною;
А и ради мы платить
На всякий год по три тысячи,
На всякий год будет тебе носить:
С хлебников по хлебику,
С калачников по калачику,
С молодиц повенечное,
С девиц повалешное,
Со всех людей со ремесленных,
Опричь попов и дьяков».
Втапоры матера вдова,
Амелфа Тимофеевна
Посылала девушку чернавушку,
Привести Василья со дружиною.
Пошла та девушка чернавушка.
Бежавши та девка, запыхалася,
Нельзя пройти девке по улице,
Что полтей по улице валяются
Тех мужиков новгородских.
Прибежала девушка чернавушка,
Сохватила Василья за белы руки,
А стала ему рассказывати:

«Мужики пришли новгородские,
Принесли они дороги подарочки,
И принесли записи заручные
Ко твоей сударыне матушке,
В матерой вдове Амелфе Тимофеевне».
Повела девка Василья со дружиною
На тот на широкий двор,
Привела-то их к зелену вину;
И сели они молодцы во единой круг,
Выпили ведь по чарочке зелена вина,
Со того уразу молодецкого,
От мужиков новгородских.
Вскричат тут ребята зычным голосом:
«У моста и у пьяницы,
У млада Васютки Буслаевича,
Не упито, не уедено,
Вкрасне хорошо не ухожено,
А цветного платья не ушошено,
А увечье на век залечено».
И повел их Василий обедати
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне.
Втапоры мужики новгородские
Приносили Василью подарочки:
Вдруг сто тысячей.
И затем у них мирова пошла.
А и мужики новгородские
Покорилися и сами поклонилися.

Под славным великим Новымгородом,
По славному озеру по Ильменю
Плавает, поплавает сер селезень,
Как бы ярой гоголь поныривает;
А плавает, поплавает червлен корабль,
Как бы молода Василья Буслаевича,
А и молода Василья, со его дружиною хораброю,
Тридцать удалых молодцов:
Костя Никитин корму держит,

Маленький Потаня на носу стоит,
А Василий-то по кораблю похаживает,
Таковы слова поговаривает:
«Свет, моя дружина хорабрая,
Тридцать удалых молодцов!
Ставьте корабль поперек Ильменя,
Приставайте, молодцы, ко Новугороду».
А и тычками к берегу притыкалися,
Сходни бросали на крутой бережок,
Приплыл тут Василий ко своему он двору дворянскому,
И за ним идет дружинушка хорабрая;
Только караулы оставили.
Приходит Василий Буслаевич
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударыне матушке,
Матерой вдове Амелфе Тимофеевне.
Как вьюн около ее увивается,
Просит благословение великое:
«А свет ты, моя сударыня матушка,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Дай мне благословение великое:
Идти мне, Василью в Иерусалим град
Со всею дружиною храброю,
Мне ко Господу помолитися,
Святой святыне приложитися,
Во Ердани реке искупатися».
Что взговорит матера вдова,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна:
«Гой еси, ты, мое чадо милое,
Молодой Василий Буслаевич!
То коли ты пойдешь на добрые дела,
Тебе дам благословение великое;
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дам благословения великого.
А и не носи Василья сыра земля!»

Камень от огня разгорается,
А булат от жару растопляется,
Материно сердце распущается;
И дает она много свинцу, пороху,
И дает Василью запасы хлебные,
И дает оружье долгомерное:
«Побереги ты, Василий, буйну голову свою».
Скоро молодцы собираются,
И с матерой вдовой прощаются.
Походили они на червлен корабль,
Подымали тонки парусы, полотняные,
Побежали по озеру Ильменю.
Бегут они уже сутки-другие,
А бегут уже неделю-другую,
Встречу им гости корабельщики:
«Здравствуй, Василий Буслаевич!
Куда молодец поизволил погулять?»
Отвечал Василий Буслаевич:
«Гой еси вы, гости корабельщики!
А мое-то ведь гулянье неохотное,
С молоду бито много, награблено,
Под старость надо душу спасти;
А скажите вы, молодцы, мне прямого путя
Ко святому граду Иерусалиму?»
Отвечают ему гости корабельщики:
«А и гой еси, Василий Буслаевич!
Прямым путем в Иерусалим град
Бежать семь недель,
А окольной дорогой полтора года.
На славном море Каспийском,
На том острову на Куминскиим,
Стоит застава крепкая,
Стоят атаманы казачьи,
Не много, не мало их – три тысячи;
Грабят бусы, галеры,
Разбивают червлены корабли».

Говорит тут Василий Буслаевич;
«А не верую я, Васенька, ни в сон, ни в чох,
А и верую в свой червленый вяз;
А бегите-ка, ребята, вы прямым путем».
И завидел Василий гору высокую,
Приставал скоро ко круту берегу,
Походил Василий сын Буслаевич
На ту ли гору Сорочинскую,
А за ним летит дружина хорабрая.
Будет Василий в пол-горе,
Тут лежит пуста голова,
Пуста голова, человечья кость.
Пнул Василий тое голову с дороги прочь.
Провещится пуста голова человеческая:
«Гой еси ты, Василий Буслаевич!
Ты к чему меня, голову, побрасываешь?
Я, молодец, не хуже тебя был,
Умею я, молодец, валятися;
А на той горе Сорочинские,
Где лежит пуста голова,
Пуста голова, молодецкая,
И лежать будет голове Васильевой».
Плюнул Василий, прочь пошел.
«Али, голова, в тебе враг говорит
Или нечистый дух».
Пошел на гору высокую.
На самой сопке тут камень стоит,
В вышину три сажени печатные,
А и через его только топор подать,
В длину три аршина с четвертью;
И в том-то подпись подписана:
«А кто-де у каменя станет тешиться,
А и тешиться, забавлятися,
Вдоль скакать по каменю,
Сломить будет буйну голову».
Василий тому не верует,

Приходит со дружиною хораброю;
Стали молодцы забавлятися,
Поперек того каменю поскакивати,
А вдоль-то его не смеют скакать.
Пошли со горы Сорочинские:
Сходят они на червлен корабль,
Подымали тонки парусы, полотняные,
Побежали по морю Каспийскому,
На ту на заставу корабельную,
Где-то стоят казаки разбойники,
А стары атаманы казачьи;
На пристани их стоят сто человек.
А и молодой Василий на пристань стал;
Сходни бросали на крут бережок, –
И скочил-то Буслай на крут бережок,
Червленым вязом подпирается.
Тут караульщики, удалы добры молодцы,
Все на карауле испугалися;
Много его не дожидаются,
Побежали с пристани корабельные,
К тем атаманам казачиим.
Атаманы сидят, не дивуются,
Сами говорят таково слово:
«Стоим мы на острову тридцать лет,
Не видали страху великого;
Это-де идет Василий Буслаевич:
Знать-де полетка соколиная,
Видет-де поступка молодецкая».
Пошагал-то Василий со дружиною,
Где стоят атаманы казачьи;
Пришли они, стали во единый круг.
Тут Василий им поклоняется,
Сам говорит таково слово:
«Вздравствуйте, атаманы казачьи!
А скажите вы мне прямого путя
Ко святому граду Иерусалиму?»

Говорят атаманы казачьи:
«Гой еси, Василий Буслаевич!
Милости тебя просим за единый стол хлеба кушати».
Втапоры Василий не ослушался,
Садился с ними за единый стол;
Наливали ему чару зелена вина в полтора ведра,
Принимает Василий единой рукой
И выпил чару единым духом.
И только атаманы тому дивуются,
А сами не могут и по полу ведру пить.
И хлеба с солью откушали,
Сбирается Василий Буслаевич
На свой червлен корабль;
Дают ему атаманы казачьи подарки свои:
Первую мису чиста серебра,
И другую красна золота,
Третью скатного жемчуга.
За то Василий благодарит и кланяется,
Просит у них до Иерусалима провожатого.
Тут атаманы Василью не отказывали,
Дали ему молодца провожатого,
И сами с ним прощалися.
Собрался Василий на свой червлен корабль
Со своею дружиною хораброю;
Подымали тонки парусы, полотняные,
Побежали по морю Каспийскому.
Будут они во Ердань реке,
Бросили якори крепкие,
Сходни бросали на крут бережок,
Походил тут Василий Буслаевич,
Со своею дружиною хораброю,
В Иерусалим град;
Пришел во церкву соборную,
Служил обедни за здравие матушки
И за себя Василья Буслаевича;
И обедню с панихидою служил

По родимом своем батюшке,
И по всему роду своему;
На другой день служил обедни с молебнами
Про удалых молодцов,
Что с молоду бито много, граблено.
И ко святой святыне приложился он,
И в Ердан реке искупался.
И расплатился Василий с попами и с дьяконами
И которые старцы при церкви живут:
Дает золотой казны не считаючи.
А походит Василий ко дружине
Из Ерусалима на свой червлен корабль;
Втапоры его дружина хорабрая
Купалася во Ердане реке.
Приходила к ним баба залесная,
Говорила таково слово:
«Почто вы купаетесь во Ердане реке?
А не кому купатися, опричь Василья Буслаевича.
Во Ердане реке крестился сам Господь Иисус Христос;
Потерять его вам будет большого
Атамана Василья Буслаевича».
И они говорят таково слово:
«Наш Василий тому не верует ни в сон, ни в чох».
И мало время поизойдучи,
Пришел Василий ко дружине своей,
Приказал выводить корабль
Из устья Ердань реки;
Подняли тонки парусы, полотняные,
Побежали по морю Каспийскому,
Приставали у острова Куминского.
Приходили тут атаманы казачьи,
И стоят все на пристани корабельные;
А и выскочит Василий Буслаевич,
Из своего червленого корабля.
Поклонились ему атаманы казачьи:
«Здравствуй, Василий Буслаевич!

Здорово ли съездил в Иерусалим град?»
Много Василий не баит с ними,
Подал письмо в руки им,
Что много трудов за их положил,
Служил обедни с молебнами за их молодцов.
Втапоры атаманы казачьи
Звали Василья обедати,
И он не пошел к ним,
Прощался со всеми теми атаманы казачьими.
Подымали тонки парусы, полотняные,
Побежали по морю Каспийскому к Новугороду.
А и едут неделю споряду,
А и едут уже другую;
А завидел Василий гору высокую, Сорочинскую.
Захотелось Василью на горе побывать,
Приставали к той Сорочинской горе,
Сходни бросали на ту гору,
Пошел Василий со дружиною.
И будет он в пол-горы,
А на пути лежит пуста голова, человечья кость,
Пнул Василий тое голову с дороги прочь.
Провещится пуста голова:
«Гой еси ты, Василий Буслаевич!
К чему меня голову припинываешь,
И к чему побрасываешь?
Я, молодец, не хуже тебя был,
Да умею валятися на той горе Сорочинские;
Где лежит пуста голова,
Лежать будет и Васильевой голове».
Плюнул Василий, прочь пошел.
Взошел на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,
Где стоит высокий камень,
В вышину три сажени печатные,
И чрез него только топором подать,
В долину три аршина с четвертью;

А в том-то подпись подписана:
«А кто-де у каменя станет тешиться,
А и тешиться, забавлятися,
Вдоль скакать по каменю,
Сломить будет буйну голову».
Василий тому не верует;
Стал со дружиною тешиться и забавлятися,
Поперек каменя поскакивати;
Захотелось Василью вдоль скакать.
Разбежался, скочил вдоль по камню,
А не доскочил только четверти,
И тут убился под каменем.
Где лежит пуста голова,
Там Василья схоронили.
Побежала дружина с той Сорочинской горы
На свой червлен корабль,
Подымали тонки парусы, полотняные,
Побежали ко Новугороду.
А будут у Новогорода,
Бросали с носу якорь и с кормы другой,
Чтобы крепко стоял и не шатался он.
Пошли к матерой вдове к Амелфе Тимофеевне,
Пришли и поклонилися,
Все письмо в руки подали.
Прочитала письма матера вдова, сама заплакала,
Говорила таковы слова;
«Гой вы еси, удалы добры молодцы!
У меня ныне вам делать нечего;
Подите в подвалы глубокие,
Берите золотой казны не считаючи».
Повела их девушка чернавушка
К тем подвалам глубокиим,
Брали они казны по малу числу;
Пришли они к матерой вдове,
Возговорили таковы слова:
«Спасибо, матушка Амелфа Тимофеевна!

Что поила, кормила, обувала и одевала добрых молодцов».
Втапоры матера вдова Амелфа Тимофеевна,
Приказала наливать по чаре зелена вина.
Подносит девушка чернавушка
Тем удалым добрым молодцам.
А и выпили они, сами поклонилися.
И пошли добры молодцы,
Кому куда захотелося.

АЛЕША ПОПОВИЧ

Из славного Ростова, красна города,
Как два ясные соколы вылетывали,
Выезжали два могуче богатыря,
Что по имени Алешенька Попович млад
А со молодым Екимом Ивановичем.
Они ездят богатыри плечо о плечо,
Стремяно в стремяно богатырское;
Они ездили, гуляли по чисту полю,
Ничего они в чистом поле не наезживали,
Не видали птицы перелетные,
Не видали они зверя прыскучего;
Только в чистом поле наехали:
Лежат три дороги широкие,
Промежу тех дорог лежит горюч камень,
А на камени подпись подписана.
Возговорит Алеша Попович млад:
«А и ты, братец, Еким Иванович!
В грамоте поученый человек:
Посмотри на каменю подписи,
Что на каменю подписано?»
И скочил Еким со добра коня,
Посмотрел на каменю подписи,
Расписаны дороги широкие:
«Первая дорога в Муром лежит,

Другая дорога в Чернигов град,
Третья ко городу ко Киеву,
Ко ласкову Князю Владимиру».
Говорил тут Еким Иванович:
«А и братец, Алеша Попович млад,
Которой дорогой изволишь ехать?»
Говорил ему Алеша Попович млад:
«Лучше нам ехать ко городу ко Киеву,
К ласкову Князю Владимиру».
Втапоры поворотили добрых коней,
И поехали они ко городу ко Киеву;
Не доехавши они до Сафат реки,
Становились на лугах на зеленыих.
Надо Алеше покормить добрых коней.
Расставили тут два бела шатра,
Что изволил Алешка опочив держать.
А и мало время позамешкавши,
Молодой Еким-то добры кони,
Стреножимши, в зелен луг пустил,
Сам ложился в свой шатер, опочив держать.
Прошла та ночь осенняя,
Ото сну пробуждается,
Встает рано, ранешенько,
Утренней зарею умывается,
Белою ширинкою утирается,
На восток он Алеша Богу молится.
Молодой Еким сын Иванович
Скоро сходил до добрых коней,
А сводил их поить на Сафат на реку.
И приказал ему Алеша
Скоро седлать добрых коней.
Оседлавши он Еким добрых коней,
Наряжаются они ехать ко городу ко Киеву.
Пришел тут к ним калика перехожий:
Лапатки на нем семи шелков,
Подковырены чистым серебром,

Личико унизано красным золотом,
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа Сорочинская, земли Греческой,
В тридцать пуд шелепуга подорожная,
В пятьдесят пуд налита свинцу Чебурацкого.
Говорил таково слово:
«Гой вы еси, удалы добры молодцы!
Видел я Тугарина Змеевича:
В вышину ли он Тугарин трех сажень,
Промеж плечей косая сажень,
Промежу глаз калена стрела;
Конь под ним как лютый зверь,
Из хайлища пламень пышет,
Из ушей дым столбом валит».
Привязался Алеша Попович млад:
«А и ты, братец, калика перехожая!
Дай мне платье каличее,
Возьми мое богатырское:
Лапатки свои семи шелков,
Подковырены чистым серебром,
Личико унизано красным золотом,
Шубку свою соболиною, долгополую,
Шляпу Сорочинскую, земли Греческой,
В тридцать пуд шелепугу подорожную,
В пятьдесят пуд налиту свинцу Чебурацкого».
Дает свое платье калика Алеше Поповичу,
Не отказываючи, а на себя надевал
То платье богатырское.
Скоро Алеша каликою наряжается.
И взял шелепугу дорожную,
Котора была в пятьдесят пуд,
И взял в запас чингалище булатное,
Пошел за Сафат реку.
Завидел тут Тугарин Змеевич млад,
Заревел зычным голосом,
Подрогнула дубровушка зеленая,

Алеша Попович едва жив идет.
Говорил тут Тугарин Змеевич млад:
«Гой еси, калика перехожая!
А где ты слыхал и где видал
Про млада Алешу Поповича?
А и я бы Алешу копьем заколол,
Копьем заколол и огнем спалил».
Говорит тут Алеша каликою:
«А и ты, гой еси, Тугарин Змеевич млад!
Подъезжай поближе ко мне:
Не слышу я, что ты говоришь».
И подъезжал к нему Тугарин Змеевич млад.
Сверстался Алеша Попович млад
Против Тугарина Змеевича,
Хлестнул его шелепугою по буйной голове,
Расшиб ему буйну голову.
И упал Тугарин на сыру землю.
Вскочил ему Алеша на черну грудь.
Втапоры взмолится Тугарин Змеевич млад:
«Гой еси, ты, калика перехожая!
Не ты ли Алеша Попович млад?
Только ты Алеша Попович млад,
Сем побратуемся с тобой».
Втапоры Алеша врагу не веровал,
Отрезал ему голову прочь,
Платье с него снимал цветное
На сто тысячей – и все платье на себя надевал;
Садился на его добра коня,
И поехал к своим белым шатрам.
Втапоры увидели Еким Иванович
И калика перехожая,
Испужалися его, сели на добрых коней,
Побежали ко городу Ростову.
И настигает их Алеша Попович млад
Обернется Еким Иванович,
Он выдергивал палицу боевую в тридцать пуд,

Бросал назад себя:
Показалося ему, что Тугарин Змеевич млад.
И угодил в груди белые Алеши Поповича,
Сшиб из седелечка черкасского,
И упал он на сыру землю.
Втапоры Еким Иванович
Скочил со добра коня, сел на груди ему,
Хочет пороть груди белые –
И увидел на нем золот чуден крест.
Сам заплакал, говорил калике перехожему:
«По грехам надо мною Екимом учинилося,
Что убил своего братца родимого».
И стали его оба трясти и качать,
И потом подали ему питья заморского;
От того он здрав стал.
Стали они говорити и между собою платьем меняти:
Калика свое платье надевал каличье,
А Алеша свое богатырское,
А Тугарина Змеевича платье цветное
Клали в чемодан к себе.
Сели они на добрых коней,
И поехали все ко городу ко Киеву,
Ко ласковому Князю Владимиру.
А и будут они во городе во Киеве
На княженецком дворе,
Скочили со добрых коней,
Привязали коней к дубовым столбам,
Пошли во светлы гридни.
Молятся Спасову образу,
И бьют челом, поклоняются
Князю Владимиру и Княгине Апраксеевне
И на все четыре стороны.
Говорил им ласковый Владимир Князь:
«Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитеся, как вас по имени зовут:
А по имени вам можно место дать,

По изотчеству можно пожаловати».
Говорит тут Алеша Попович млад:
«Меня, Осударь, зовут Алешею Поповичем,
Из города Ростова, старого попа соборного».
Втапоры Владимир Князь обрадовался,
Говорил таковы слова:
«Гой еси, Алеша Попович млад!
По отечеству садися в большое место, в передний уголок,
В другое место богатырское,
В дубову скамью против меня,
В третье место, куда сам захошь».
Не садился Алеша в место большое,
И не садился в дубову скамью,
Сел он со своими товарищи на палатный брус.
Мало время позамешкавши,
Несут Тугарина Змеевича
На той доске красна золота,
Двенадцать могучих богатырей,
Сажали в место большое –
И подле его сидела Княгиня Апраксеевна.
Тут повары были догадливы:
Понесли яства сахарные и питья медвяные,
А питья все заморские.
Стали тут пить, есть, прохлаждатися;
А Тугарин Змеевич нечестно хлеба есть:
По целой ковриге за щеку мечет,
Те ковриги монастырские;
И нечестно Тугарин питье пьет:
По целой чаше охлестывает,
Котора чаша в полтретья ведра.
И говорит втапоры Алеша Попович млад:
«Гой еси ты, ласковый Осударь, Владимир Князь!
Что у тебя за болван пришел,
Что за дурак неотесанный?
Нечестно у Князя за столом сидит,
Ко Княгине он, собака, руки в пазуху кладет,

Целует во уста сахарные,
Тебе Князю насмехается;
А у моего, сударя, батюшки
Была собачища старая,
Насилу по подстолью таскалася,
И костью та собака подавилася –
Взял ее за хвост, под гору махнул.
От меня Тугарину тоже будет».
Тугарин почернел, как осенняя ночь,
Алеша Попович стал как светел месяц.
И опять втапоры повары были догадливы:
Носят яства сахарные;
И принесли лебедушку белую,
И ту рушила Княгиня лебедь белую,
Обрезала рученьку левую,
Завернула рукавцом, под стол опустила;
Говорила таково слово:
«Гой вы еси, Княгини, боярыни!
Либо мне резать лебедь белую,
Либо смотреть на мил живот,
На молода Тугарина Змеевича».
Он взявши, Тугарин, лебедь белую,
Всю вдруг проглотил,
Еще тут же ковригу монастырскую.
Говорит Алеша на палатном брусу:
«Гой еси, ласковый Осударь, Владимир Князь!
Что у тебя за болван сидит,
Что за дурак неотесанный?
Нечестно за столом сидит,
Нечестно хлеба с солью ест:
По целой ковриге за щеку мечет,
И целу лебедушку вдруг проглотил.
У моего, сударя, батюшки,
Федора попа Ростовского,
Была коровища старая,
Насилу по двору таскалася,

Забилася на поварню к поварам,
Выпила чан браги пресные.
От того она лопнула, –
Взял за хвост, под гору махнул.
От меня Тугарину тоже будет».
Тугарин потемнел, как осенняя ночь –
Выдернул чингалище булатное,
Бросил в Алешу Поповича.
Алеша на то-то верток был:
Не мог Тугарин попасть в него.
Подхватил чингалище Еким Иванович,
Говорил Алеше Поповичу:
«Сам ли ты бросаешь в него али мне велишь?»
«Нет! Я сам не бросаю и тебе не велю.
Заутра с ним переведаюсь:
Бьюсь я с ним о велик заклад,
Не о сте рублях, не о тысяче,
А бьюсь о своей буйной голове».
Втапоры князья и бояре
Скочили на резвы ноги,
И все за Тугарина поруки держат.
Князья кладут по сту рублев,
Бояре по пятидесять, крестьяне по пяти рублев;
Тут же случилися гости купеческие,
Три корабля свои подписывают
Под Тугарина Змеевича,
Всяки товары заморские,
Которы стоят на быстром Днепре.
А за Алешу подписывал владыка Черниговский.
Втапоры Тугарин взвился и вон ушел:
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажных крыльях, по поднебесью летать.
Скочила Княгиня Апраксеевна на резвы ноги,
Стала пенять Алеше Поповичу:
«Деревенщина, ты, засельщина!
Не дал посидеть другу милому».

Втапоры того Алеша не слушался,
Звился с товарищи и вон пошел,
Садилися на добры кони,
Поехали к Сафат реке,
Поставили белы шатры,
Стали опочив держать,
Коней отпустили в зелены луга.
Тут Алеша всю ночь не спал –
Молился Богу со слезами:
Создай, Боже! тучу грозную,
А и тучу-то, с градом дождя.
Алешины молитвы доходны ко Христу:
Дает Господь Бог тучу, с градом дождя.
Замочило у Тугарина крылья бумажные,
Падает Тугарин как собака на сыру землю.
Приходит Еким Иванович,
Сказал Алеше Поповичу,
Что увидел Тугарина на сырой земле.
И скоро Алеша наряжается;
Садился на добра коня,
Взял одну сабельку острую
И поехал к Тугарину Змеевичу.
И увидел Тугарин Змеевич Алешу Поповича,
Заревел зычным голосом:
«Гой еси, Алеша Попович млад!
Хошь ли я тебя огнем спалю?
Хошь ли, Алеша, конем стопчу?
Али тебя, Алешу, копьем заколю?»
Говорил ему Алеша Попович млад:
«Гой ты еси, Тугарин Змеевич млад!
Бился ты со мною о велик заклад:
Биться, драться един на един,
А за тобою силы сметы нет
На меня, Алешу Поповича».
Оглянется Тугарин назад себя.
Втапоры Алеша подскочил, ему голову срубил.

И пала глава на сыру землю, как пивной котел.
Алеша скочил со добра коня,
Отвязал чембур от добра коня,
И проколол уши у головы Тугарина Змеевича,
И привязал к добру коню,
И привез в Киев на княженецкий двор,
Бросил середи двора княженецкого,
И увидел Алешу Владимир Князь,
Пошел во светлы гридни,
Сажал за убраны столы.
Тут для Алеши и стол пошел.
Сколько время покушавши,
Говорил Владимир Князь:
«Гой еси, Алеша Попович млад!
Час ты мне, свет, дал,
Пожалуй ты живи в Киеве,
Служи мне Князю Владимиру:
До люби тебя пожалую».
Втапоры Алеша Попович млад Князя не ослушался,
Стал служить верою и правдою.
А Княгиня говорила Алеше Поповичу:
«Деревенщина ты, засельщина!
Разлучил меня с другом милым,
С молодым Змеем Тугариным».
Отвечает Алеша Попович млад:
«А ты гой еси, матушка, Княгиня Апраксеевна!
Чуть не назвал я тебя сукою,
Сукою то, волочайкою».
То старина, то и деянье!

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океан море;
Широко раздолье по всей земли,

Глубоки омуты Днепровские.
Из-за моря, моря синего,
Из глухоморья зеленого,
От славного города Леденца,
От того-де царя, ведь, заморского,
Выбегали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей – един корабль
Славного гостя, богатого,
Молода Соловья, сына Будимировича.
Хорошо корабли изукрашены:
Один корабль получше всех;
У того было у Сокола у корабля
Вместо очей было вставлено:
По дорогу каменю, по яхонту;
Вместо бровей было прибивано:
По черному соболю Якутскому;
Вместо уса было воткнуто:
Два острые ножики булатные;
Вместо ушей было воткнуто:
Два острые копья Мурзамецкие,
И два горностая повешены,
И два горностая, два зимние;
У того было у Сокола у корабля
Вместо гривы прибивано:
Две лисицы бурнастые;
Вместо хвоста повешено
На том было Соколе корабле:
Два медведя белые, заморские;
Нос, корма по-туриному,
Бока взведены по-звериному.
Бегут ко городу Киеву,
К ласкову Князю Владимиру.
На том Соколе корабле
Сделан муравлен чердак,
В чердаке была беседа – дорог рыбий зуб,
Подернута беседа рытым бархатом;

На беседе-то сидел Купав молодец,
Молодой Соловей, сын Будимирович.
Говорил Соловей таково слово:
«Гой еси вы, гости корабельщики,
И все целовальники любимые!
Как буду я в городе Киеве,
У ласкова Князя Владимира,
Чем мне-то будет Князя дарить,
Чем света жаловати?»
Отвечают гости корабельщики,
И все целовальники любимые:
«Ты славный, богатый гость,
Молодой Соловей, сын Будимирович!
Есть, сударь, у вас золота казна:
Сорок сороков черных соболей,
Вторые сорок бурнастых лисиц;
Есть, сударь, дорога камка,
Что недорога камочка – узор хитер:
Хитрости были Царяграда,
А и мудрости Иерусалима,
Замыслы Соловья Будимировича;
На злате, на серебре – не прогневаться».
Прибежали корабли под славный Киев град,
Якори метали в Днепр реку,
Сходни бросали на крут бережок,
Товарную пошлину в таможне платили
Со всех кораблей семь тысячей,
Со всех кораблей, со всего живота.
Брал Соловей свою золоту казну.
Сорок сороков черных соболей,
Вторые сорок бурнастых лисиц.
Пошел он ко ласкову Князю Владимиру,
Идет во гридню, во светлую;
Как бы на пяту двери отворялися,
Идет во гридню Купав молодец,
Молодой Соловей, сын Будимирович,

Спасову образу молится,
Владимиру Князю кланяется,
Княгине Апраксеевне на особицу,
И подносит Князю свои дороги подарочки:
Сорок сороков черных соболей,
Вторые сорок бурнастых лисиц;
Княгине поднес камку белохрущатую,
Недорога камочка – узор хитер:
Хитрости Царяграда,
Мудрости Иерусалима,
Замыслы Соловья, сына Будимировича;
На злате и серебре – не погневаться.
Князю дары полюбилися,
А Княгине наипаче того.
Говорит ласковый Владимир Князь:
«Гой еси ты, богатый гость,
Соловей, сын Будимирович!
Заимуй дворы княженецкие,
Заимуй ты боярские,
Заимуй дворы и дворянские».
Отвечает Соловей, сын Будимирович:
«Не надо мне дворы княженецкие,
И не надо дворы боярские,
И не надо дворы дворянские;
Только ты дай мне загон земли,
Непаханые и нераные,
У своей, Осударь, княженцкой племенницы,
У молодой Забавы Путятишной;
В ее, Осударь, зеленом саду,
В вишенье, в орешенье,
Построить мне, Соловью, снаряден двор».
Говорит, Осударь, ласковый Владимир Князь:
«На то тебе с Княгинею подумаю».
А подумавши, отдавал Соловью загон земли.
Непаханые и нераные.
Приходил Соловей на свой червлен корабль,

Говорил Соловей, сын Будимирович:
«Гой еси вы, мои люди работные!
Берите вы топорики булатные,
Подите к Забаве в зеленый сад,
Постройте мне снаряден двор,
В вишенье, в орешенье».
С вечера, поздним поздно,
Будто дятлы в дереве пощелкивали,
Работала его дружина хорабрая.
Ко полуночи и двор поспел:
Три терема златоверховаты,
Да трои сени косящаты,
Да трои сени решетчаты.
Хорошо в теремах изукрашено:
На небе солнце, в тереме солнце;
На небе месяц, в тереме месяц;
На небе звезды, в тереме звезды;
На небе заря, в тереме заря –
И вся красота поднебесная.
Рано зазвонили к заутрени –
Ото сна-то Забава пробуждалася,
Посмотрела сама в окошечко косящатое,
В вишенье, в орешенье,
Во свой ведь, хороший, зеленой сад.
Чудо Забаве показалося:
В ее хорошем, зеленом саду,
Что стоят три терема златоверховаты.
Говорила Забава Путятишна:
«Гой еси, нянюшки и мамушки!
Подите-ка, посмотрите-ка,
Что мне за чудо показалося,
В вишенье, в орешенье?»
Отвечают нянюшки, мамушки,
И сенные красные девушки:
«Матушка, Забава Путятишна!
Изволь-ка сама посмотреть:

Счастье твое на двор к тебе пришло».
Скоро-де Забава наряжается,
Надевала шубу соболиную,
Цена-то шубе три тысячи,
А пуговки в семь тысячей,
Пошла она в вишенье, в орешенье,
Во свой во хорош, во зеленый сад.
У первого терема послушала:
Тут в тереме щелчит, молчит –
Лежит Соловьева золота казна.
Во втором тереме послушала:
Тут в тереме потихоньку говорят,
Помаленьку говорят, все молитву творят:
Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны, многоразумными.
У третьего терема послушала:
Тут в тереме музыка гремит.
Входила Забава в сени косящатые,
Отворяла двери на пяту, –
Больно Забава испугалася,
Резвы ноги подломилися,
Чудо в тереме показалося:
На небе солнце, в тереме солнце;
На небе месяц, в тереме месяц;
На небе звезды, в тереме звезды;
На небе заря, в тереме заря –
И вся красота поднебесная.
Подломились и ноженьки резвые.
Втапоры Соловей, он догадлив был,
Бросил свои звончаты гусли,
Подхватывал девицу за белы ручки,
Клал на кровать слоновых костей,
Да на те ли перины пуховые:
«Что-де ты, Забава, испужалася?
Мы-де оба на возрасте».
«А и я-де девица на выданье,

Пришла-де сама за тебя свататься».
Тут они и помолвили.
Целовалися они, миловалися,
Золотыми перстнями поменялися.
Проведала его Соловьева матушка,
Честна вдова Амелфа Тимофеевна,
Свадьбу кончити посрочила:
«Съезди-де за моря синие,
И когда-де там расторгуешься,
Тогда и на Забаве женишься».
Отъезжал Соловей за моря синие.
Втапоры поехал и голой Шап Давид Попов.
Скоро за морями исторгуется,
А скорей того назад в Киев прибежал.
Приходил ко ласкову Князю с подарками,
Принес сукно смурое,
Да крашенину печатную.
Втапоры Князь стал спрашивати:
«Гой еси ты, голой Шап Давид Попов!
Где ты слыхал, где видывал,
Про гостя богатого, про молода
Соловья, сына Будимировича?»
Отвечал ему голой Шап:
«Я-де об нем слышал,
Да и сам подлинно видел в городе Леденце,
У того царя заморского:
Соловей у царя в протаможье попал,
И за то посажен в тюрьму,
А корабли его отобраны
На его же царское величество».
Тут ласковый Владимир Князь закручинился.
Скоро вздумал о свадьбе,
Что отдать Забаву за голого Шапа Давида Попова.
Тысяцкий – ласковый Владимир Князь,
Свашила – княгиня Апраксеевна, –
В поезду князья и бояре

Поезжали ко церкви Божьей.
Втапоры ж в Киев корабль пришел
Богатого гостя, молода
Соловья, сына Будимировича,
У городу, у Киева,
Якори метали во быстрой Днепр,
Сходни бросали на крут, красен бережок.
Выходил Соловей со дружиною,
Из Сокола корабля с каликами:
Во белом платье сорок калик со каликою.
Приходили они ко честной вдове, Амелфе Тимофеевне,
Правят челобитье от сына ее, гостя богатого,
От молода Соловья Будимировича,
Что прибыл флот в девяносте кораблях,
И стоит на быстром Днепре, под городом Киевом.
А оттуда пошли ко ласкову Князю Владимиру,
На княженецкий двор,
И стали во единый круг.
Втапоры следовал со свадьбою
Владимир Князь в дом свой, –
И пошли во гридни светлые,
Садилися за столы белодубовые,
За яства сахарные,
И позвали на свадьбу сорок калик со каликою.
Тогда ласковый Владимир Князь
Велел вина им заморские подносить
И меда сладкие.
Тотчас по поступкам Соловья опознавали,
Приводили его ко княженецкому столу,
Сперва говорила Забава Путятишна:
«Гой еси мой, Осударь, дядюшка,
Ласковый, Осударь, Владимир Князь!
Тот-то мой прежний, обрученный жених,
Молодой Соловей, сын Будимирович.
Прямо, Осударь, скачу – обесчещу столы».
Говорит ей ласковый Владимир Князь:

«А ты гой еси, Забава Путятишна!
А ты прямо не скачи – не бесчести столы».
Выпускали ее из-за дубовых столов.
Пришла она к Соловью, поздоровалась,
Взяла его за рученьку белую,
И пошла за столы белодубовы,
И сели они за яства сахарные, на большо место.
Говорила Забава таково слово
Голому Шапу Давиду Попову:
«Здравствуй! Женимши, да не с кем спать».
Втапоры ласковый Владимир Князь весел стал,
А Княгиня наипаче того.
Поднимали пирушку великую.

ИВАН ГОСТИНОЙ СЫН

Во стольном во городе во Киеве,
У славного Князя Владимира
Было пированье, почестной пир,
Было столованье, почестной стол
На многи князья и бояре,
И на русские могучие богатыри
И гости богатые.
Будет день в половину дня,
Будет пир во полу пире;
Владимир Князь распотешился,
По светлой гридне похаживает,
Таковы слова поговаривает:
«Гой еси, князья и бояре
И все русские могучие богатыри!
Есть ли во Киеве таков человек,
Кто б похвалился на триста жеребцов,
На триста жеребцов и на три жеребца похваленные:
Сив жеребец, да кологрив жеребец,
И который полонен воронко во Большой Орде,

Полонил Илья Муромец, сын Иванович,
Как у молода Тугарина Змеевича –
Из Киева бежал до Чернигова,
Два девяноста-то мерных верст,
Промеж обедней и заутренею?»
Как бы меньшой за большого хоронится,
От меньшего ему тут Князю ответу нету.
Из того стола княженецкого,
Из той скамьи богатырские,
Выступается Иван гостиной сын
И скочил на свое место богатырское,
Да кричит он, Иван, зычным голосом:
«Гой еси ты, Осударь, ласковый Владимир Князь!
Нет у тебя в Киеве охотников,
А и быть перед Князем невольником;
Я похвалюсь на триста жеребцов,
И на три жеребца похваленные:
А сив жеребец, да кологрив жеребец,
Да третий жеребец полонен воронко,
Да который полонен во Большой Орде.
Полонил Илья Муромец, сын Иванович,
Как у молода Тугарина Змеевича;
Ехать дорога не ближняя,
И скакать из Киева до Чернигова
Два девяноста-то мерных верст,
Промежу обедни и заутрени,
Ускоки давать кониные,
Что выметывать раздолья широкие:
А бьюсь я, Иван, о велик заклад,
Не о сте рублях, не о тысяче,
О своей буйной головушке».
За Князя Владимира держат поруки крепкие
Все тут князья и бояре, тут-де гости корабельщики,
Закладу они за Князя кладут на сто тысячей.
А никто-де тут за Ивана поруки не держит, –
Пригодился тут Владыка Черниговский,

А и он-то за Ивана поруку держит,
Те он поруки крепкие, крепкие на сто тысячей.
Подписалися. Молодой Иван гостиной сын,
Он выпил чару зелена вина в полтора ведра,
Приходил он на конюшню белодубову,
Ко своему доброму коню к бурочке,
Косматочке, троелеточке,
Падал ему на правое копытечко,
Плачет Иван, что река течет:
«Гой еси ты, мой добрый конь,
Бурочко, косматочко, троелеточко!
Про то ты ведь не знаешь, не ведаешь,
А пробил я, Иван, буйну голову свою
Со тобою добрым конем;
Бился с Князем о велик заклад,
Бился с ним о сте тысячей,
Захвастался на триста жеребцов,
А на три жеребца похваленные:
Сив жеребец, да кологрив жеребец,
И третий жеребец полонен воронко,
Бегать, скакать на добрых на конях,
Из Киева скакать до Чернигова,
Промежу обедни, заутрени,
Ускоки давать кониные,
Что выметывать раздолья широкие».
Провещится ему добрый конь бурочко,
Косматочко, троелеточко,
Человечьим русским языком:
«Гой еси, хозяин ласковый мой!
Ни о чем ты, Иван, не печалуйся:
Сива жеребца того не боюсь,
Кологрива жеребца того не блюдусь,
В задор войду – у воронка уйду:
Только меня води по три зари,
Медвяною сытою пои
И сорочинским пшеном корми.

И пройдут те дни срочные,
И те часы урочные,
Придет от князя грозен посол
По тебя-то, Ивана гостиного,
Чтобы бегати, скакати на добрых на конях.
Не седлай ты меня, Иван, добра коня,
Только берись за шелков поводок,
Поведешь по двору княженецкому,
Вздень на себя шубу соболиную.
Да котора шуба в три тысячи,
Пуговки в пять тысячей.
Как поедешь по двору княженецкому,
А стану-де я, бурка, передом ходить,
Копытами за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
На все стороны побрасывати, –
Князья, бояре подивуются,
И ты будешь жив – шубу наживешь,
А не будешь жив, будто нашивал».
По сказанному и по писанному:
От Великого Князя посол пришел,
А зовет-то Ивана на княженецкий двор.
Скоро-де Иван наряжается,
И вздевал на себя шубу соболиную,
Которой шубе цена три тысячи,
А пуговки вальящатые в пять тысячей,
И повел он коня за шелков поводок.
Он будет-де, Иван, середи двора княженецкого,
Стал его бурко передом ходить
И копытами он за шубу посапывати,
И по черному соболю похватывати,
Он на все стороны побрасывати.
Князья и бояре дивуются,
Купецкие люди засмотрелися.
Зрявкает бурко по-туриному,
Он шип пустил по-змеиному,

Триста жеребцов испугалися,
С княженецкого двора разбежалися:
Сив жеребец две ноги изломил,
Кологрив жеребец тут и голову сломил,
Полонен воронко в Золоту Орду бежит,
Он хвост поднял, сам всхрапывает.
А князья-то и бояре испужалися,
Все тут люди купецкие,
Окарачь они по двору наползалися;
А Владимир Князь со Княгинею печален стал;
Кричит сам в окошечко косящатое:
«Гой еси ты, Иван, гостиной сын!
Уведи ты уродья со двора долой;
Просты поруки крепкие, записи все изодраны».
Втапоры Владыка Черниговский,
У Великого Князя на почестном пиру,
Велел захватить три корабля на быстром Днепре,
Велел захватить корабли
С теми товары заморскими,
А князья-де и бояре никуда от нас не уйдут.

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ

Во стольном во городе во Киеве,
У ласкова, Осударь, Князя Владимира,
Было пированье, почестной пир,
Было столованье, почестной стол
На многи князья и бояре
И на русские могучие богатыри.
Будет денно в половину дня,
А и будет стол во полу столе,
Князь Владимир распотешился –
А незнаемы люди к нему появилися:
Есть молодцов за сто человек,
Есть молодцов за другое сто,

Есть молодцов за третье сто:
Все они избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьют челом, жалобу творят:
«Свет, Осударь, ты Владимир Князь!
Ездили мы по полю по чистому,
Сверх тоя реки Череги,
На твоем, Осударевом, займище,
Ничего мы в поле не наезживали,
Не наезживали зверя прыскучего,
Не видали птицы перелетные,
Только наехали во чистом поле
Есть молодцов за триста и за пять сот:
Жеребцы под ними латинские,
Кафтанцы на них камчатные
Однорядочки-то голуб скурлат,
А и колпачки-то золоты плаши;
Они соболи, куницы повыловили,
И печерски лисицы повыгнали,
И нас избили, изранили –
А тебе, Осударь, добычи нет –
А от тебя, Осударь, жалованья нет.
Дети, жены осиротели,
Пошли по миру скитатися».
А Владимир Князь стольный Киевский,
Пьет он, ест, прохлаждается,
Их челобитья не слушает.
А и та толпа со двора не сошла,
А иная толпа появилася:
Есть молодцов за триста,
Есть молодцов за пять сот.
Пришли охотники рыболовные,
Все избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;

Бьют челом, жалобу творят:
«Свет, Осударь, ты Владимир Князь!
Ездили мы по рекам, по озерам,
На твои щаски княженецкие
Ничего не поимавали;
Нашли мы людей: есть молодцов
За триста и за пять сот,
Всю они белую рыбицу повыловили,
Щуки, караси повыловили ж
И мелкую рыбицу повыдавили,
Нам в том, Осударь, добычи нет,
Тебе, Осударю, приносу нет.
Дети, жены осиротели,
Пошли по миру скитатися;
И нас избили, изранили».
А Владимир Князь стольный Киевский,
Пьет он, ест, прохлаждается,
Их челобитья не слушает.
А и те толпы со двора не сошли,
Две толпы вдруг пришли:
Первая толпа – молодцы сокольники,
Другие молодцы кречетники,
И все они избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьют челом, жалобу творят:
«Свет, Осударь, ты Владимир Князь!
Ездили мы по полю чистому,
Сверх тоя реки Череги,
По твоем, Осударевом, займищу,
На тех на потешных островах;
На твои щастки княженецкие
Ничего не поимывали, не видали
Сокола и кречета перелетного,
Только наехали мы молодцов
За тысячу человек;

Всех они ясных соколов повыхватали,
И белых кречетов повыловили,
А нас избили, изранил;
Называются дружиною Чуриловою».
Тут Владимир Князь за то слово спохватится:
«Кто это Чурила есть таков?»
Выступился туто старый Бермята Васильевич:
«Я-де, Осударь, про Чурилу давно ведаю,
Чурила живет не в Киеве,
А живет он пониже малого Киевца.
Двор у него на семи верстах,
Около двора железный тын,
На всякой тынинке по маковке,
А и есть по жемчужинке;
Середи двора светлицы стоят,
Гридни белодубовые
Покрыты седым бобром,
Потолок черных соболей,
Матица-то волженая,
Пол середа одного серебра,
Крюки да пробои по булату злачены.
Первые у него ворота вальящатые,
Другие ворота хрустальные,
Третьи ворота оловянные».
Втапоры Владимир Князь и со Княгинею
Скоро он снаряжается,
Скорее того поездку чинят;
Взял с собою князей и бояр
И могучих богатырей, Добрыню Никитича
И старого Бермяту Васильевича, –
Тут их собралось пять сот человек,
И поехали к Чуриле Пленковичу.
И будут у двора его,
Встречает их старый Плен –
Для Князя и Княгини
Отворяет ворота вальящатые,

А князьям и боярам хрустальные,
Простым людям ворота оловянные.
И наехало их полон двор.
Старый Пленка Сыроженин
Приступил ко Князю Владимиру
И ко Княгине Апраксеевне,
Повел их во светлы гридни,
Сажал за убранные столы, в место почестное;
Принимал, сажал князей и бояр
И могучих русских богатырей.
Втапоры были повары догадливые,
Носили яства сахарные и питья медвяные,
А питья все заморские
Чем бы князя развеселить
Веселая беседа на радости день.
Князь со Княгинею весел сидит,
Посмотрел в окошечко косящатое
И увидел в поле толпу людей,
Говорил таково слово:
«По грехам надо мною Князем учинилося,
Князя меня в доме не случилося,
Едет ко мне король из Орды,
Или какой грозен посол».
Старый Пленка Сыроженин
Лишь только усмехается, сам подчивает:
«Изволь ты, Осударь, Владимир Князь со Княгинею
И со всеми своими князи и бояры кушати,
Что-де едет не король из Орды
И не грозен посол,
Едет-де дружина хорабрая сына моего,
Молода Чурилы сына Пленковича;
А как он, Осударь, будет пред тобою ж,
Будет пир во полу пире
Будет стол во полу столе».
Пьют они, едят, потешаются,
Все уже они без памяти сидят.

На дворе день вечеряется,
Красное солнышко закатается,
Толпа в поле сбирается,
Есть молодцов их за пять сот,
Есть и до тысячи;
Едет Чурила ко двору своему,
Перед ним несут подсолнечник,
Чтоб не запекло солнце бела его лица.
И приехал Чурила ко двору своему,
Перво его скороход прибежал,
Заглянул скороход на широкий двор,
А и некуда Чуриле на дворе ехати
И стоять со своим промыслом.
Поехали они на свой окольный двор,
Там они становилися и со всем убиралися.
Втапоры Чурила догадлив был:
Берет золоты ключи,
Пошел во подвалы глубокие,
Взял он золоту казну:
Сорок сороков черных соболей,
Другой сорок печерских лисиц,
И брал же камку белохрущату,
А цена камке сто тысячей,
Принес он ко Князю Владимиру.
Клал перед ним на убранный стол.
Втапоры Владимир Князь, стольный Киевский,
Больно со Княгинею возрадовалися,
Говорил ему таково слово:
«Гой еси ты, Чурила Пленкович!
Не подобает тебе в деревне жить,
Подобает тебе, Чуриле, в Киеве жить, Князю служить».
Втапоры Чурила Князя Владимира не ослушался,
Приказал тотчас коня оседлать,
И поехали они все в тот стольный Киев град,
Ко ласкову Князю Владимиру,
В добром здоровье их Бог перенес.

А и будут на дворе княженецком,
Скочили они со добрых коней,
Пошли во светлые гридни,
Садилися за убранные столы.
Посылает Владимир стольный Киевский
Молода Чурила Пленковича
Князей и бояр звать в гости к себе,
А зватого приказал брать со всякого по десяти рублев.
Обходил он Чурила князей и бояр
И собрал ко Князю на почестной пир.
А и зайдет он Чурила Пленкович
В дом ко старому Бермяте Васильевичу,
Ко его молодой жене, к той Катерине прекрасной,
И тут он позамешкался.
Ожидает его Владимир Князь,
Что долго замешкался.
И мало время поизойдучи,
Пришел Чурила Пленкович;
Втапоры Владимир Князь ни во что положил –
Чурила пришел и стол пошел,
Стали пити, ясти, прохлаждатися,
Все Князья и бояре до пьяна напивалися
Для нового стольника Чурилы Пленковича,
Все они напивалися и домой разъезжалися.
Поутру рано ранешенько,
Рано зазвонили ко заутрени;
Князья и бояре пошли к заутрени;
В тот день выпадал пороха снегу белого,
И нашли они свежий след,
Сами они дивуются:
Либо зайка скакал, либо бел горностай;
А иные тут усмехаются, сами говорят:
Знать это не зайка скакал, не бел горностай,
Это шел Чурила Пленкович
К старому Бермяте Васильевичу,
К его молодой жене, Катерине прекрасной.

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Да постыдятся и посрамятся вси глаголющие нан!

Текст «Слово о полку Игореве» перепечатан здесь с первого издания. Все те места, которые не так были прочтены первыми издателями, напечатаны курсивом. Самое слово разделено мною на XII песен.

ПЕСНЬ 1.

Не лепо ли ны бяшет, братіе, начяти старыми словесы трудных повестій о пълку Игореве, Игоря Святъславлича.

Начатии же ся тъй песни по былинам сего времени, а не по замышлению Бояню. Боян бо вещий аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым вълком по земли, шизым орлом под облакы. Помняшеть бо рече пръвых времен усобице; тогда пущашет 10 соколов на стадо лебедей, который дотечаше, та преди пес*н*ь пояше, старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред пълкы Касожьскыми, красному Романови Святъславличю. Боян же, братие, не 10 соколов на стадо лебедей пущаше, нъ своя вещіа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами князем славу рокотаху.

Почнем же, братіе, повесть сию от старого Владиміра до нынешняго Игоря; иже истягну ум крепостию своею, и поостри сердца своего мужеством, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрые плъкы на землю Половецкую за землю Русьскую.

ПЕСНЬ 2.

Тогда Игорь възре на светлое солнце, и виде он него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь к дружине своей: братіе и дружино! луцеж бы потяту быти, неже полонену быти! А всядем, братіе, на свои бръзыя комони, да позрим синего Дону. Спала князю ум похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго. Хощу бо, рече, коше приломити конец поля Половецкаго с вами, Русичи, хощу главу свою приложити, а любо вспити шеломом Дону!

О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сіа плъкы ущекотал, скача славію по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая славы об полы сего времени, рища в тропу Трояню чрез поля на горы. Пети было песнь Игореви, того Олга внуку. Не буря соколы занесе чрез поля широкая; галици стады бежать к Дону великому. Чили въспети было вещей Бояне, Велесов внуче.

Комони ржут за Сулою; звенит слава в Кыеве; трубы трубят в Новеграде; стоят стязи в Путивле; Игорь ждет мила брата Всеволода. И рече ему Буй Тур Всеволод: один брат, один свет светлый ты, Игорю, оба есве Святъславличя! Седлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, оседлани у Курьска на переди. А мои ти Куряни сведоми к мети, под трубами повити, под шеломы възлелеяны, конец копия въскрълмлени, пути им ведоми, яругы им знаемы, луци у них напряжени, тулии отворени, сабли изъострени; сами скачуть акы сърыи влъцы в поле, ищучи себе чти, а князю славы.

Тогда въступи Игорь князь в злат стремень, и поеха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди; свист зверин в стазби. Див кличет връху древа, велит послушати земли незнаеме, Влъзе, и Поморию, и по Сулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе Тьмутораканьскый блъван.

А Половци неготовами дорогами побегоша к Дону великому; крычат телегы полунощы, рци лебеди роспущени.

Игорь к Дону вои ведет. Уже бо веды его пасет птиц; подобию влъци грозу въсрожать по яругам; орли клектом на кости звери зовут, лисици брешут на чръленые щиты. О Русская земле! уже за Шеломянем еси!.. Длъго ночь мркнеч; заря свет запала; мъгла поля покрыла, щекот славий успе, говор галич убуди. Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себе чти, а князю славы.

ПЕСНЬ 3

С заранія в пятке потопташа поганыя плъкы Половецкыя; и рассушясь стрелами по полю, помчаша красныя девкы Половецкыя, а с ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтъмами и япончицами и кожухы начаша мосты постити по болотом и грязивым местом, и всякыми узорочьи Половецкыми. Чрълен стяр, бела хорюгов, чрълена чолка, сребрено стружие – храброму Святъславличю. Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо… далече залетело… *не было нъ* обиде порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебе чръный ворон, поганый Половчине. Гзак бежит серым влъком; Кончак ему след правит к Дону Великому.

Другаго дни вельми рано кровавыя зори свет поведают; чръныя тучи с моря идут, хотят 4 солнца; а в них трепещутъ сини млъніи. Быти грому великому! итти дождю стрелами с Дону великаго! Ту ся кошем приламати, ту ся саблями потручяти о шеломы Половецкыя, на реце на Каяле, у Дону великаго. О Русская земле! уже за Шеломянем еси!.. Се ветри, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами на храбрыя плъкы Игоревы! земля тутнет; рекы мутно текут; пороси поля прикрывают; связи глаголют; Половци идут от Дона, и от моря, и от всех стран. Русскые плъкы отступиша. Дети бесови кликом поля прегородиша, а храбріи Русичи преградиша чрълеными щиты.

Яр туре Всеволоде! Стоиши на борони, прыщеши на вои стрелами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо Тур поскочяше, своим златым шеломом посвечивая: тамо лежат по-

ганы головы Половецкыя; поскепаны саблями каленымі шеломы Оварьскыя от тебе, Яр Туре Всеволоде. Кая раны дорога, братіе, забыв чти и живота, и града Чгънигова, отня злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глебовны свычая и обычая?

ПЕСНЬ 4

Были сечи Трояни; минула лета Ярославля; были плъци Ольговы, Ольга Святъславличя. Тъй бо Олег мечем крамолу коваше, и стрелы по земли сеяше. Ступает в злат стремень в граде Тьмуторокане. Тоже звон слыша давный великый Ярослав; а сын Всеволож, Владимир по вся утра уши закладаше в Чернигове. Бориса же Вячеславлича слава на суд приведе, и на Канину зелену паполому постла, за обиду Ольгову, храбра и млада князя.

С тоя же Каялы Святоплък повез я отца своего междю Угорьскими иноходьцы ко Святей Софии к Киеву. Тогда при Ользе Гориславличи, сеяшется и гастяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-Божа внука; в княжих крамолах веци человеком скратишась. Тогда по Русской земли редко ратаев кикахуть: нъ часто брани граяхуть, труша себе дъляче; а галици свою речь говоряхуть, хотят полетети на уедіе. То было в ты рати, и в ты плъкы: а сицей рати не слышано.

ПЕСНЬ 5

С зараніа до вечера, с вечера до света, летят стрелы каленыя, гримлют сабли о шеломы, трещат копія харалужныя, в поле незнаеме, среди земли Половецкыя. Чрьна земля под копыты, костьми была посеяна, а кровію польяна; тугою взыдоша по Русской земли. Что ми шумить, что ми звенить далечя рано, пред зорями? Игорь плъкы заворочает; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый: третьяго дни к полудню падоша стязя Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы. Ту кроваваго вина не доста; ту пир докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами поле-

гоша за землю Русскую. Ничить трава жалощами, а древо съ тугою к земли преклонялось.

ПЕСНЬ 6

Уже бо, братіе, не веселая година въстала; уже пустыни силу покрыли. Въстала обида в силах Даждь-Божа внука; вступила девою на землю Трояню; въсплескала лебедиными крылы на синем море, у Дону плещучи. Убуди жирня времена. Усобица князем на поганыя погыбе. Рекоста бо брат брату: се мое, а то мое же. И начяша князи про малое се великое млъвити, а сами на себе крамолу ковати; а погании с всех стран прихождаху с победами на землю Русскую.

О! далече зайде сокол, птиц бья к морю… А Игорева храбраго плъку не кресити! За ним кликну Карна и Жля, поскочи по Русской земли, смагу мычючи в пламяне розе.

Жены Русскіия въсплакашась, а ркучи: уже над своих милых лад ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати. А въстона бо, братие. Кіев тубою, а Чернигов напастьми; тоска разлияся по Русской земли; печаль жирна тече средь земли Русской. А князи сами на себе крамолу коваху; а погани сами победами нарищуще на Русскую землю, емляху дань по беле от двора.

Тіи бо два храбрая Святъславлича. Игорь и Всеволод, уже лжу убуди, которую то бяше успил отец их Святъслав грозный, великый Кіевскый. Грозою бяшет; притрепетал своими сильными плъкы и харалужными мечи наступи на землю Половецкую; притопта хлъми и яруты; взмути реки и озеры; иссуши потоки и болота; а поганаго Кобяка из лукоморья от железных великих плъков Половецких, яко вихрь выторже: и надеся Кобяк в граде Киеве, в гриднице Святъславли!

Ту Немци и Венедици, ту Греци и Морава поют славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жить во дне Каялы реки Половецкія, Русского злата насыпаша.

Ту Игорь князь выседе из седла злата, а в седло кощеево.

ПЕСНЬ 7

Уныша по градом забралы, а веселіе пониче. А Святъслав мутен сон виде: в Кіеве на горах си ночь с вечера одеватъте мя, рече, чрьною паполомою, на кровати тисов. Чрънахут ми синее вино с трудом смешено; сыпахут ми тъщими Тулы поганых тльковин великый жемчюг на лоно, и негуют мя; уже дьскы без кнеса въ моем тереме златоверъсем. Всю ночь с вечера босови брани възграяху, у Плъсньска, на болони, беша дебрь Кисаню, и не сошли к синему морю.

И ркоша бояре князю: уже, княже, туга ум полонила; се бо два сокола слетеста с отня стола злата, поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломом Дону. Уже соколама крильца припешали поганых саблями, а самаю опутоша в путины железны. Темно бо бе в 3 день: два солнца померкоста; оба багряная стлъна погастоста, и с ним омолодая месяца, Олег и Святослав, тьмою ся поволокоста. На реце на Каяле тьма свет покрыла: по Русской земли простроша Половци, аки пардуже гнездо, и в море погрузиста; и великое буйство подаста Хапови Уже снесеся хула на хвалу; уже тресцу нужда на волю; уже връжеся див на землю. Се бо Готския красныя девы въспеша на брезе синему морю. Звоня Русским златом, поют время Бусово, лелеют месть Шароканю. А мы уже, дражина, жадни веселія.

Тогда Великий Святъслав изрони злато слово, слезами смешено, и рече: о моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати. Нъ нечестно одолесте: нечестно бо кровь поганую пролиясте! Ваю храбрая сердца в жестоцем харалузе скована, а в буести закалена. Се ли створисте моей сребренѣй седине! А уже не вижду власти сильнаго и богатаго. И много вои брата моего Ярославa, с Черниговскими Былями, с Могуты, и с Татраны, и с Шельбиры, и с Топчакы, и с Ревугы, и с Ольберы. Тіи бо без щитов, с засапожникы, кликом плъкы побеждают. Звонячи в прадеднюю славу, нъ рекосте: *мужай-*

теся сами! Преднюю славу сами похитим, заднюю ся сами поделим! А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли сокол в мытех бывает, высоко птиц взбивает; не даст гнезда своего в обиду.

ПЕСНЬ 8

Нъ се зло! Княже ми не пособіе: на ниче ся годины обратиша.

Се у Риме кричат под саблями Половецкыми, а Володимір под ранами, туга и тоска сыну Глебову.

Великый княже Всеволоде! Не мыслию ти прилетети издалеча, отня злата стола поблюсти. Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти. Аже бы ты был, то была бы чага по ногате, а кощ*е*й по резане. Ты бо можеши по суху живыми шереширы стреляти, удалыми сыны Глебовы.

Ты буй Рюриче и Давыде! Не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкают, акы тури, рапены саблями калеными, на поле незнаем? Вступита, Господина, в злата стремень за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича.

Галичкы Осмомысле Ярославле! Высоко седиши на своем златокованнем столе; подпер горы Угорскыи своими железными плъки, заступив Королеви путь, затворив Дунаю ворота, меча бремены чрез облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землям текут; отворяеши Кіеву врата; стреляеши с отня злата стола Салтани за землями. Стреляй, Господине, Кончака, поганаго кощея за землю Русскую, за раны Игоревы буего Святъславлича.

А ты буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носит ваш ум на дело. Высоко плаваеши на дело в буести, яко сокол на ветрех ширяяся, хотя птицю в буйстве одолети. Суть бо у ваю железныи напорзи под шеломы Латинскими. Теми тресну земля, и многи страны Ханова. Литва, Ятвези, Деремела, и Половци сулици своя повръгоша, а главы своя поклониша под тыи мечи харалужныи.

Нъ уже, княже Игорю, утрне солнцю свет, а древо не бологом листвие срони: по Рсіи и по Сули гради поделиша; а Игорева храбраго плъку не кресити. Дон ти, княже, кличет, и зовет князи на победу. Ольговичи храбрыи князи доспели на брань.

Инъгвар и Всеволод, и вси три Мстиславичи, нехуда гнезда шестокрыльци! не победными жребии собе власти расхытисте. Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкіи и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

ПЕСНЬ 9

Уже бо Сулла не течет сребреными струями к граду Переяславлю, и Двина болотом течет оным грозным Полочаном под кликом поганых.

Един же Изяслав, сын Васильков, позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія; притрепа славу деду своему Всеславу, а сам под чрълеными щиты на кроваве траве притрепан Литовскыми мечи. И схоти ю на кровать, и рек: дружину твою, княже, птиц крилы пріоде, а звери кровь полизаша.

Не быс*т*ь ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода; един же изрони жемчюжину душу из храбра тела, чрез злато ожерелие. Унылы голоси, пониче веселіе. Трубы трубят Городеньскіи.

Ярославе, и вси внуце Всеславли! Уже понизить стези свои, вонзить свои мечи вережени! Уже бо выскочисте из дедней славы. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Русскую, на жизнь Всеславлю. Которое бо беше насилие от земли Половецкыи!

На седьмом веце Трояни връже Всеслав жребий о девицю себе любу. Тъй клоками подпръся о кони, и скочи к граду Кыеву, и дочтеся стружием злата стола Кіевскаго. Скочи от них лютым зверем в плъночи из Белаграда, обесися сине мьгле, утр же возни стрикусы, отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влъком до Немиги с Дудуток.

На Немизе снопы стрелют головами, молотят чепи харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не Бологом бязхут посеяни, посеяни костьми Русских сынов.

Всеслав князь людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь влъком рыскаше, из Кыева дорыскаше до Кур Тмутораканя; великому хръсови влъком путь прерыскаше. Тому в Полотске позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи в колоколы: а он в Кыеве звон слыша. Аще и веща душа в друзе тела, нъ часто беды страдаше.

Тому вещей Боян и пръвое припевку смысленый рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути.

О! стонати Русской земли, помянувше пръвую годину, и пръвых князей. Того стараго Владиміра не льзе бе пригвоздити к горам Кіевским: сего бо ныне сташа стязи Рюриковы, а друзи Давидовы… нъ рози носящим хоботы пашут; копіа поют на Дунаи.

ПЕСНЬ 10

Ярославнын глас слышит: зегзицею незнаем, рано кычет: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрян рукав в Каяле реце, утру князю кровавыя его раны на жестоцем его теле.

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, а ркучи: о ветре! ветрило! чему, господине, насильно вееши? Чему мычеши Хановьскыя стрелы на своею не трудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бышет горе под облаки веяти, лелеючи корабли на сине море? Чему, господине, мое веселие по ковылию развея?

Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на забороле, а ркучи: о Днепре словотицю! ты пробил еси каменныя горы сквозь землю Половецкую; ты лелеял еси на себе Святославли носады до плъку Кобякова: взлелей, господине, мою ладу к мне, а бых не слала к нему слез на море рано.

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, а ркучи: светлое и тресветлое слънце! всем тепло и красно еси: чему,

господине, простре горячюю свою лучю на ладе вои? В поле безбодне жаждею им лучи съпряже, тугою им тулии затче.

ПЕСНЬ 11

Прысну море полунощи; идут сморци мьглами; Игореви князю Бог путь кажет из земли Половецкой на землю Русскую, к отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслію поля мерит от великаго Дону до малаго Донца. Комонь в полуночи. Овлур свисну за рекою, велит князю разумети. Князю Игорю не быть.

Кликну, стукну земля; възшуме трава. Вежи ся Половецкии подвизашася; а Игорь князь поскочи горностаем к тростию, и белым гоголем на воду; въвръжеся на бръз комонь, и скочи с него босым влъком, и потече к лугу Донца, и полете соколом под мьглами, избивая гуси и лебеди, завтроку, и обеду и ужине. Коли Игорь соколом полете, тогда Овлуг влъком потече, труся собою студеную росу; претръгоста бо своя връзая комоня.

Донец рече: княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Русской земли веселіа.

Игорь рече: о Донче! не мало ти величія, лелеявшу князя на влънах, стлавшу ему зелену траву на своих сребреных брезех, одевавшу его теплыми мъглами под сению зелену древу; стрежаше е гоголем на воде, чайцами на струях, чрьнядьми на ветрех.

Не тако ли, рече, река Стугна худу струю имея, пожреши чужи ручьи и стругы ростре на кусту?

Уношу князю Ростивлаву затвори Днепр темнее березе. Плачется мати Ростислазя по уноши князи Ростивлаве.

Уныша цветы жалобою, и древо стругою к земли преклонило, ажне сорокы втроскоташа.

На следу Игореве ездит Гзак с Кончаком. Тогда врани не граахут, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, по лозию ползоша только; дятлове тектом путь к реце кажут, соловии веселыми песньми свет поведают. Млъвит Гзак Кончакови: аже сокол к гнезду летит, соколича ростреляве своими злаче-

ными стрелами. Рече Кончак ко Гзе: аже сокол к гнезду летит, а в соколца опутаеве красною девицею. И рече Гзак к Кончакови: аще его опутаеве красною девицею, ни нама будет сокольца, ни нама красны девице, то почнут наю птици бити в поле Половецком.

ПЕСНЬ 12

Рек Боян и ходы на Святъславля песнтворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя: хотя тяжко ти голове, кроме плъчю; зло ти телу, кроме головы; Русской земли без Игоря.

Солнце светится на небесе. Игорь князь в Русской земли. Девици поют на Дунаи. Вьются голося чрез море до Кіева. Игорь едет по Боричеву к Святей Богородици Пирогощей Страны ради, гради весели, певшее песнь старым князем, а потом молодым пети.

Слава Игоню Святъславличю, буй Туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Здрави князи и дружина, побарая за Христьяны на поганыя плъки. Князем слава, а дружине аминь!

СКАЗАНИЕ О НАШЕСТВИИ БАТЫЯ НА РУССКУЮ ЗЕМЛЮ

Сказание о нашествии Батыя на Русскую землю взято из Софийского временника и Костромской летописи.

Хощу рещи, о друзи и братіе! повесть, яже не точию человеки, но и бессловесные скоты и нечувственное камение может подвигнути на плач, и глаголаніе: *горе* и *увы!* Но паче, кто может словом представити на сущих тогда Христиан излиянную чашу *пелыни* Божія суда, или серп он, его же Пророк виде, пожинаяй и искореняяй все нещадно, или меч, иже не точию обесчадствовавши многий, но с чады и родивших пожинаяй немилостивно! И кто может словом представитя, Христе милостивый постягшая тогда злая Христіанский род, за умножение грех наших – глаголю, безбожнаго Батыя нашествие на Русскую землю!

– Пріидоша от Восточные страны, зим, на Рязанскую землю, лесом, безбожнии Татарове с Царем Батыем, и пришедше сташа первее станом по Онузе, и взяша ю; и оттоле послаша Послы своя, жену чародеицу и два мужа с нею, ко Князем Рязанским, прося у них десятины во всем: в Князех, и в людех и в конех, в белых, в вороных, в бурых, в рыжих, в пегих. Князи же Рязанстіи, Юрій Ингорович, брат его Олег Ингорович, и Муромскіе и Пронскіе, не пустячи к городом, сташа противу, выехав в Воронеж, и рекоша Князи: «Коли нас не будет всех, то все ваше будет». И оттоле пустиша их к Юріеви в Володимір. И начаша воевати землю Рязанскую, и плениша ю до Пронска; а из Володиміра пустиша их от *Нухлев* Татары нъ Воронеж. Послаша-же Князи Рязанстіи ко Князю Юрію Володимірскому, просящи же себе помощи, или самому подойти. Юрій сам не

пойде, ни послуша Князей Рязанских мольбы, но восхоте сам особь брань сотвориши. Но уже бяше Божію гневу не противитися, яко же речено бысть древле Іисусу Навину Господем, егда веде я Господь на землю Обетованную: «тогда», рече, «аз послю на ня преже вас недоумение и грозу, и страх, и трепет». Тако же и преже сих от нас Господь силу отня, а недоумение, и грозу, и страх, и трепет вложи в нас за грехи наша.

И кто, братіе, о сем не поплачется, кто ся нас остал живых, како ону нужную и горькую смерть подьяша; да и мы то видевшее устрашилися быхом, и грехов своих плакалися, с воздыханием день и нощь, пекущеся не о имении, ни о ненависти братии!

Услышав Князь Великій Георгій Ингоревич, что нет ему помощи от Великаго Князя Георгія Всеволодича Владимірскаго, и вскоре посла по братию свою, по Князя Давида Ингоровича Муромскаго, и по Князя Глеба Ингоревича Коломенскаго, и по Всеволода Пронскаго, и по прочие Князи, и по Князя Ольга Краснаго. И начаша совещавати, яко нечестиваго подобает дары утоляти. И посла сына своего Князя Феодора Георгіевича, к нечестивому Царю Батыю, с дары, и с великим молением, дабы не воевал Рязанскія земли. Князь же Феодор прииде к Батыю на Воронеж, с дары и молением, дабы не воевал Рязанския земли. Безбожный же Царь Батый, льстив и немилостив, дары прия, и охабися лестию, что не воевати Рязанския земли, и ярясь и хвалясь воевати Русскую землю. И нача просити у Рязанских Князей дщерей и сестер себе на ложе. И некіи от вельмож Рязанских, завистию *насочи* безможному Царю Батыю на Князя Феодора Георгіевича Рязанскаго, яко имеет у себя Княгиню от Царскаго рода, а лепотою красна зело. Царь же Батый, лукав сый и не милосерд, в неверии своем пореваем, и в похоти плоти, рече Князю Феодору Георгіевичу: «Даждь ми, Княже, видети жены твоея красоты». Благоверный же Князь Феодор посмеявся, и рече: «Не подобно есть нам, Христинам, к тебе, нечестивому Царю, водити жены своя на блуд; аще преодо-

лееши, то и женами нашими владети начнеши». Безбожный же Царь Батый разъярився, и повеле благовернаго Князя Феодора Георгіевича убити вскоре и иных многих.

По неколицех же днех убіенія его, благоверная Княгина его Евпраксія стояше в превысоцем *храме* своем, и держащи на своих белых руках любезное чадо свое, Князя Ивана Феодоровича *Постника*, и поглядающи ласковаго и любимаго своего супруга, благовернаго Князя Феодора Герогіевича, да видит его в радости, когда придет от нечестиваго Царя Батыя. И абіе, вместо радости, услыша таковые смертоносные глаголы, яко сожитель ея, благоверный Князь Феодор Георгиевич, любви ея ради и красоты, от Батыя убиен бысть. И абие наполнися слез и горести, и ринуся из превысокаго храма своего, и с сыном своим со Князем Иваном, на среду земли, и заразися до смерти. И оттоле прозвася место то *зараз*, зане же *заразися* ту Княгиня Евпраксія, с сыном своим. Слышав же Князь Великий Георгій Ингоревич убіеніе возлюбленного сына своего Князя Феодора, и иных Князей и нарочитых людей многое побіеніе от нечестиваго Батыя, и начаша плакатися жалостно, с Великою Княгинею, и с братіею своею. И начаша с братіею своею, и с прочими теми Князи, совокупляти войско. И учредиша полки, и рече к братии своей: «Господія моя, милая братия! Аще благая прияхом от руки Господни, то злых ли не потерпим? Лучше нам смертию живот купити, нежели в поганой вере бытии. Се убо брат ваш наперед вас испив чашу смертную за святыя Божія церкви, и за веру Христіанскую, и за свое отечество». И поидоша в Соборную церковь Успения Пресвятыя Богородицы, молящееся со слезами. И даде последнее целование Княгине Агриппине Ростиславне. И пріим благословение от Епископа, и от всего священнаго собора. И поидоша против нечестиваго царя Батыя. И сретоша его близ предел Рязанских… И нападоша на поганых, и начаша битися крепко и мужественно. И бысть сеча ужасна, и мнозіи Батыеви сильнии полци падоша. Но обаче Батыеве силе велице сущи зело, яко единому Рязанцу битися со стом Татаринов, и абіе побиено бысть Рязанское воинство, и благоверный Велікий Князь

Георгій Ингорович, и братия его, Князь Давид Муромскій, и Князь Глеб Коломенскій, и Князь Всеволод Пронскій, и иные Князи, и местные воеводы, и вси *удальцы* Рязанскіе, вси купно умроша, и ни един от них вспять возвратися; единаго Князя Олдьга Краснаго жива яша, изнемогающа от великих ран. Видев же его Царь Батый красна вельми, и хотя его врачевати, и на свою прелесть возвратити; Князь же Олег Ингоревич нарече его безбожна, и врага Христіанскаго; окаянный же Батый разъярився, и повеле вскоре Князя Ольга ножи на части разняти. И виде силы своея много побиенно, и разгневался зело, и нача Рязанскую землю воевати, и повеле бити, и сещи, и жещи без милости. И град Пронск, и Белград, и Ижеславец разори до основания, и вся люди без милости иссекоша. И течаше кровь Христіанская, яко река сильная за грехи наша. И пойдоша ко граду Рязани, и обступиша град, и начаша битися неотступно пять дней. Батыево воинство применяющееся, а граждане истомишася, и мнози побіени быша и уранены. А в шестый день рано пріидоша поганіи ко граду, овіи со огни, а иніи с топоры, а иніи с пороки, и с *токмачи*, и с лестницами; и взяша град Рязань, месяца Декабря в 21 день. И пріидоша в соборную церковь Пресвятыя Богородицы, и Великую Княгиню Агриппину, матерь Великаго Князя, и с снохами и с прочими Княгинями, иссекоша, и священническій и мнишеский чин огню предаша; жены ж, и инокини, и девицы оскверняху пред всем народом; и церкви и монастыри пожгоша; и люди вся иссекоша, мужи и жены и чада. И не бе стонущаго, не плачущагося, ни отцу, ни матери о любимых чадех, ни брату по брате, ни ближнему роду, но вси вкупе мертвы лежаще. Сия вся найдоша грех ради наших. Епископа ж тогда не бысть во граде; Татарове ж все узорочье и богатство Рязанское и *Черниговское* взяша, и град сожгоша, и пойдоша к Коломне.

То еже зимы пойде Всеволод, сын і, внук Всеволож, и Князь Роман Ингорович, с своими вои, из Володимира противу Татарам; Князь же Юріій Володимірский посла Еремея Глебовича в сторожех воеводою, и сняся со Всеволодом и с Романом. И оступиша их татарове у Коломны, и бишася крепко,

и бе сеча велика, и прогнаша их к *надолбам*, и ту убиша Князя Романа, а у Всеволода воеводу его Еремея, иных много мужей побиша, а Всеволод в мале дружине прибежа в Володиміир. А татарове пойдоша к Москве, и взяша Москву, и воеводу убиша Филиппа Нанка, за правоверную веру Христіианскую, и Князя Володиміра руками яша; сына Юрьева, а люди избиша, от старец и до младенец, и много имения взяша и отыдоша. Тое же зимы выеха Князь Юрій из Володиміра, урядив сыны своя в свое место, Всеволода и Мстислава, и еха на Волгу с сыновцы своими, с Васильком, и со Всеволодом, и с Володиміром, и ста на Сиши станом, ждучи к себе братью свою, Князя Ярослава и Святослава с полки. И нача Князь Всеволодич полки совокупляши противу Татаром, а Жирославу Михайловичу приказа воеводство в дружине своей. Тогда приидоша множество кровопролииц Христіанских, без числа, аки прузи, к Володиміру, месяца Февраля в 3-й день, во вторник, прежде мясопуста за неделю, а Володимірци затворишася во граде со Всеволодом и Мстиславом; а воевода бе у них Петр Осладукович. Володимірцам же не отворяющимся, Татарове же приехаша к Золотым воротам, водящи с собою Княжича Володимира Юріевича, и начаша впрашати: «Великий Князь Юрій есть ли в городе?» Володиміирци пустиша по стреле на Татары: Татарове противу пустиша тако же по стреле на городок, и на Златыя врата; и посем рекоша Володимірцам Татарове: «Не стреляйте». Они же престаша стреляти, и прійдоша близ ко вратам, и показаша им Володиміра, и рекоша Татарове Володимірцам: «знаете ли Княжича вашего?» Бе бо уныл лицем, и изнемогл бедою от нужа. Всеволод же и Мстислав, стояста на Златых воротех, позната брата своего Володимера. О умиленное брата видение и слез достойно! Всеволод же и Мстислав, с Бояры своими, и вси гражане, плакахуся, зрящее Володиміра; Татарове же отступиша от Золотых ворот, и объехаша весь град, и станы сташа пред Златыми вороты, яко зреемо, и много множество вой около всего града. Всеволод же и Мстислав сжалистася, брата деля своего Володимира, и рекоша всей дружине, и Петру воеводе: «Братіе! луче

ны есть умрети пред Златыми враты, за Святую Богородицу и за православную веру, неже в воли их быти?» Воевода же Петр Ослатин, и оба Князя, рекоста: «Си вся наведе Бог на ны грех ради наших!» Яко же Пророк глаголет: несть человеку мудрости, и несть мужества, ни думы противу Господеви. Се створися зло в Суздальской земле велико, яко же таково зло от крещения не бывало, яко же бысть ныне; но мы то оставим, на преднее возвратимся. Татарове же станы своя урядив около града Володиміра, а сами шедше взяша град Суздаль, и святую церковь Богородицу разграбиша, а двор Княж огнем пожгоша; а что людей, старые и молодые черницы и черницы, и слепые, и хромые, и глухіе, тех всех иссекоша; а прочие люди, и жены, и дети, босые, бескровенные взяша, издыхающим им от мраза; и бе тогда видети трепет велий зле: то все множество полона сведоша в станы своя.

Точію сохрани Господь Бог преславным образом девичь монастырь Положения Ризы Пресвятыя Богородицы, в нем же иноческое бореніе прохожаше страдально блаженная Феодулия, со своими спостницами, дщи Великаго Князя Михаила Черниговскаго и мученика, нареченная в иноческом чину Ефросиния, покрыво Господь той монастырь преславно, молитв ради ее, яко же при Моисеи Синайскую гору мраком. Елицы ж бежаша во град, и в иные монастыри, тіи вси взяты быша, и посечены: иніи же пленены быша, и водимы безбожными Татары босы и без покрова, мразом и гладом измираху.

А сами прійдоша к Володиміру в субботу Мясопустную, и начаша лесы и пороки ставити, от утра и до вечера, а на ночь огородиша тыном около всего города. И бысть наутріе, увидев Князь Всеволод и Владыка Митрофан, яко уже взяту быти граду, и виндоша в церковь Святую Богородичу, и стригошася вси в Ангельский образ от владыки Митрофана. И приступиша к городу, в неделю Мясопустную, по заутрени, безбожнии Татарове, Февраля в 7-й день, и зайдоша от Златых ворот, у Святаго Спаса, и внидоша по примету в град чрез стену, а сюду от северныя стороны, от Лыбеди, ко Ирининым воротам, а отсюду, от Клязмы, к Волжским воротам, а тако взя-

ша вскоре град до обеда Новый, и запалиша огнем. Бежа же Всеволод и Мстислав, и вси людие в Печерній город; а Епископ Митрофан, и Княгиня Юріиева, с дщерію, и с снохами, и со внучаты, и прочія Княгини, и множество Бояр, и людей, затворишася в церкви Святыя Богородицы в палатах, и тамо огнем без милости запалиша. Помолите же ся боголюбивый Епископ Митрофан, глаголя: «Господи Боже сил, Светодавче, седяй на Херувимех, и научивый Іосифа, и укрепивый Давыда Пророка на Голиафа, воздвигнувый Лазаря четвородневнаго из мертвых! Простри руку твою невидимую, и пріими с миром души раб твоих!» Татарове же отбивше и отвориша двери церковныя, и наволочивше леса около церкви и в церковь, и зажгоша, и издохашася от великаго зноя вся сущая ту люди; инии же огнем скончашася, а иных оружием до конца предаша смерти; а святую церковь разграбиша, и чудную икону самыя Богоматери одраша. И пойдоша на Великаго Князя Юрія оттоле, овии же идоша к Ростову, а инии к Ярославлю, а инии на Волгу, и на Городец, и те попленишa все по Волзе и до Галича Володимірскаго; а инии идоша к Переяславлю, и тот град взяша; оттоле всю ту страну и городы попленишa мнози: Юрьев, Дмитров, Волок, Тверь (ту же и сына Ярославля убиша), и до Торжка. Несть места, где не воеваша; а на всей Ростовской и Суздальской земле взяша городов 14-ть, опричь свобод и погостов, в один месяц Февраль. Кончавающуся лету 45-му, приде весть великому Князю Юрію: яко «Володимір взят, и церковь Соборная, и Епископ, и Княгиня, с детьми и снохами, и со внучаты, огнем скончашася, а старейшая сына твоя, Всеволод с братом, в Новом городе убіена быста, а люди избывшие к тебе идут». Он же си слышав, возопи гласом веліим с плачем и с слезами, по праверной вере Христіианстей, паче и о церкви, и Епископа ради, и людей (бяше бо милостив), нежели себе, ни жены, ни детей; и восклицаше из глубины сердца с воздыханием, глаголаше: «Господи! Се ли годе бысть твоему милосердию?» Новый бысть Іов терпением и верою, еже к Богу. И сице ему молящуся со слезами, а иное много в тузе си глаголаше: «Ох мне, Владыко! Ныне же что ради остах аз един!»

Безбожнии же Татарове стояще станы, и около Владимира и по Судальстей земли вся поплениша, и огню предаша, и мечи иссекоша. – В то же время, некто от вельмож Русских, именем Евпатій Коловрат, был в Чернигове, с Князем Ингорем Ингоревичем; и услыша приход на Русскую землю зловернаго Царя Батыя, иде из Чернигова с малою дружиною, и гнаша скоро, и приехаша в землю Рязанскую, и виде ю опустевшу, грады раззорены, и церкви и домове пожжены, и люди побиты, а иніи пожжены, а иніи в воде истоплены. Евпатей же, видя сия, воскрича в горести души своея и распаляясь сердцем: бе бо храбр зело. И собра мало дружины, точию 1700 человек, которые Богом соблюдены быша вне града; и погнаша во след безбожнаго Царя Батыя, хотящее мстити кровь Христіанскую, и угнаша его в земли Суздальской. И внезапу нападоша на станы Батыевы, и начаша сещи без милости. И смятошась полки Татарскіе: Татарове ж сташа яко пияны, или неистовы. Евпатій же тако их бияше нещадно, яко и мечи его притупишась, и емля Татарскіе мечи, сечаше их, Татарскіе полки проезжая; они же мняще, яко мертви воссташа, яко и самому Батыю Царю возбоятись. И едва понимаша от полка Евпатіева пять человек воинских, утрудившихся и изнемогших от великих ран, и приведоша их к Батыю. Он же вопроси их: «Коея веры есте, и коея земли, что мне зло творите?» Они же реша: «Веры есмя Христианскія, а рабы есмя Великаго Князя Георія Ингоровича Рязанскаго, а полку Евпатіева Коловратова; посланы есмя тебе, Царя сильнаго, почтити, и честно проводити». Царь же удивися ответу их и мудрости, и посла на Евпатія шурина своего *Хоздоврула*, и с ним многие полки Татарскіе. Хоздоврул же похвались Батыю Царю, хотя Евпатия жива яти, и к нему привести. И сступишася полки. Евпатий же, исполнив сый силою, наеха на Хоздоврула богатыря, и рассече его на полы до седла, и нача сещи силу Татарскую, и многих богатырей и Татар побив: овы на полы просекая, а иные до седла крояше. И возвестиша сия Батыю; он же, слышав сия, *оскорбися* по шурине своем, и повеле навести на Евпатія множество *пороков* и начаша биши по нем, и едва убиша крепкорукаго и дерзосердаго, и львояростнаго Евпатія,

и принесоша его мертва ко Царю Батыю. Он же видев его, и дивися со Князи своими храбрости его и мужеству; и повеле тело его отдати оставшей дружине его, которые на том бою поиманы, и повеле их отпусти, и ничим же вредити.

Князь же Ингорь Ингоревич в то время был в Чернигове, у брата своего у Князя Михаила Всеволодича Черниговскаго; там обо соблюде его Бог от злаго отметника и от врага христианскаго Батыя. И в то время прииде во град Рязань, и виде Рязань и прочие грады раззорены и пожжены, и виде матерь свою, и снохи своя, и прочая сродники своя, и всех людей множество побито, и град раззорен, и церкви пожжены, и инокини и девицы осквернены и побиты, и плакася зело, плачем велиим, и едва отдохну душа его в нем. И повеле матерь свою, Великую Княгиню Агриппину Ростиславну, и снохи своя, погребсти со псальмы и песньми пресвитером, которых Бог соблюде, сам стоя и плачась жалостно. И очисти град, и церкви освяти; и собрашася к нему мало людей, и даде им малое утешение, и плачась беспрестани, поминая матерь свою, и братию, и род свой, яко вси вскоре погибоша. Потом же пойде Князь Ингорь Ингоревич по братию свою, иде же побиты от нечестиваго Царя Батыя; и виде братию свою, и многи Князи местные, и бояре и воеводы, и все воинство Рязанское побиенно, лежаще на земле пусте, на траве ковыле, снегом и льдом померзшее, никим же брегомо, точию от зверей телеса их снедаемы, и от множества птиц растерзаемы; вси уже купно лежаще мертвии, едину чашу смертную пиша. Видев же сия Князь Ингорь Ингоревич, и воскрича горьким и великим гласом, яко труба, распаляясь, и в перси быя, и ударяяся о землю; слезы же его, яко струя течаху, и жалостная словеса проглашаше. И нача разбирати трупия мертвых, и обреете братию свою Ингоревичев, Великаго Князя Георгія Рязанскаго, и Князя Давида Муромскаго, и Князя Глеба Коломенскаго, и иных многих бояр, и воевод, и ближних и знаемых; и принесе их во град Рязань, и похраняше честно, со псальмы и песньми; а иных собираше, и на пусте месте погреваше, с погребательными песньми. Потом же пойде Князь Ингорь Ингоревич ко граду Пронску, и собра раздробленные уды

брата своего, благовернаго Князя Ольга Ингоревича Краснаго и принесе его во град Рязань, и положи его с Великим Князем Георгием во единой раце; а Князя Давида, да Князя Глеба близ гроба их, в другой раце. И по сем пойде Князь Ингорь Ингоревич на реку на Воронеж, и взя тело блаженнаго Князя Феодора Георгиевича Рязанскаго, и принесе его в его область, к великому чудотворцу Николе Корсунскому, и его благоверную Княгиню Евпраксію, и сына их Князя Ивана Феодоровича Постника, погребе честно, и положи их во едино место. И поставиша над ними три кресты каменны, и от сия вины зовется великий чудотворец Николай *Заразскій*, яко ту благоверная Княгини Евпраксія, с сыном своим Князем Иваном, сама себя зарази. Сей убо Князь Великий Юрий Ингоревич Рязанский, с братіею, рода Владимира Святославича, сродницы Бориса и Глеба, внучата же Великаго Князя Святослава Олеговича Черниговскаго. И бяху родом христолюбивы, и благо честивы, и милостивы, и во всех добрых делех исправлены быша, и мученически скончашася. И по них седе на столе отца своего, Великаго Князя Ингоря Святославича, Князь Ингорь Ингоревич, нареченный во святом крещении *Козьма*; и обнови землю Рязанскую, церкви постави, и монастыри согради, и пришельцы утеши, и люди собра. И бысть радость оставшим православным Христіанам, избывшим от нечестиваго Царя Батыя.

Князь же Юрий посла Дорожа в *просоки*, в 3-х муж, и прибежа Дорож, рече: «А уже, Княже, обошли суть нас около Татарове!» То же слышав Князь Юрий, вседна конь свой, с братом своим Святославом, и с сыновци своими, с Васильком Константиновичем, и со Всеволодом и Володиміром, и с мужи своими, и пойдоша противу поганых. И нача Князь полки ставити около себе, и се внезапу приспеша Татарове на Сить, противу Князю Юрію; Князь же Юрій отложив всю печаль, и пойде к ним, и соступишася обоих полци, и бысть сеча зла и велика, и побегоша пред иноплеменники, и ту убиен бысть Великий Князь Юрій Всеволодич, на реце на Сити, и вой его много побиша. А Василька Константиновича руками яша, и ведоша в станы своя с великою нужею, и дошедше Ренскаго

леса, и сташа станы ту, и нудиша Василька много проклятіи, безбожные Татарове в поганской быти воли их, и воевати с ними. Он же не повинуяся обычаю их никако же, и покорися беззаконию их, ни брашия, ни пития их не прія, но сице противу им глаголаше: «О глухое царство и скверненное! Никако же меня отлучите от Христіанские веры; аще и в велице беде есмь вельми, по се ми Бог наведе, грех моих ради; Богу како ответ дасте, занеже многи есте без правды победили души, их же ради мучите вы, имать Бог в бесконечные веки; истяжет бо Господь души тех, их же есте погубили!» Они же скрежеташа нань зубы своими, желающе насытитися крови его. Бе бо лице его уныло от многаго томления от поганых, и весь разливаяшеся слезами, поминая преже сотворенные грехи; и тако возвед очи своя на небо, и рече: «Господи! Ты веси вся тайная сердца моего, и вся моя мысли, и сице годе бысть твоему милосердию!» И второе помолися, глаголя: «Господи Іисусе Христе, помогавый мне многажды! Избави мя от плотоядец сих, Господи Вседержителю и нерукотворенный Царю, спаси любящих тя! Прощение еже аз прошу, дайже ми; помози Христианам, и спаси раба твоего, чада моя Бориса и Глеба, и отца моего Епископа Кирилла, и жену мою Марью!» И паки третіе помолися, глаголя: «Благодарю тя, Господи, Боже мой! Кую похвальную память свою вижу, яко благая моя память железом погибает, и тонко ми тело увядает!» И прочее в мысли сердца своего тайно воздыхаше, и моляшеся Богу: «Господи Іисусе Христе, Вседержителю! пріми дух мой, да и аз почию в славе твоей!» И се рек, и ту абіе убиен бысть. Си злоба ключися месяца Марта в 4-й день, в четверг, четвертыя недели Поста. Блаженный же Епископ Кирилл, идее с Белаозера (тамо избыв ратных), приде на место, где Великаго Князя Юрія убили, и обреете тело его, и принесе в Ростов, и пев над ним обычная пения, с игумены, и с попы, и клирошаны, со многим плачем положиша и во гроб, в церкви Святыя Богородицы. Василько же убіенну, и повержену на лесе, и виде *етера* (некая) жена верна, и поведа мужу богобоязливу, и взяша тело его, и плащаницею обвив, и положиша и в скровеннем месте;

и уведавше же се Епископ Кирилл, и Княгиня Василькова, послявше взяша тело его. Яко понесоша в град Ростов, и многое множество народа изыдоша противу ему, жалостныя слезы испущающе, оставше таковаго утешенія. Видяще же, возлюбленнии, сию суету житія человеча, иже вчера славою украшен, и гордяся в боярех, а ныне персть и прах вмале является, и вскоре погибает, помянем своя грехи и покаемся. Плачь же бысть мног народа правоверных, зряще отца сирым и кормителя, отходящим и печальным великое утешеніе, омраченным звезду светоносному зашедшу; на весь бо священский чин отверзты имуще очи сердечны, и ко всем церковником, и к нищим, и печальным, яко возлюбленный быше отец; паче и на милостыню, поминая слово Господне, глаголюще: блажени милостивии, яко тии помиловани будут. Соломон глаголет: милостынею и верою грехи очищаются. Тем же не погреши надежа, его же просяше у Бога Господа: спаси любящих тя! Сего бо блаженнаго Василька причте Бог смерти Андрееве, кровию мученическою омыв своя согрешения, с отцем своим Георгием и с братом своим; се бо чудно есть: и по смерти совокупил Бог телеса их. И принесоша Василька, и положиша и в церкви Святыя Богородицы, иде же мати его лежит; не бе слышати пения во мнозе плаче. Беже Василько лицем красен, очима светел, и грозен взором, паче меры храбр, на ловех *ваз-нив*, сердцем легок; а кто ему служил, и хлеб его ел, чашу его пил, той за его любовь никако же не можаше у иного Князя бытии и служити, излише бо слуги своя любляше; мужество и ум в нем живяше; правда же и истина с ним ходиста; бе бо всему хитр, и поседе в добрых денех на отне столе и дедне. И тогда же принесоша главу Великаго Князя Юрія, и вложиша ю в гроб к его телу. Но не преда же нас до конца имени Твоего ради: тако тии скончашася судом Божиим, яко же слышасте, а иным же Князем Бог повеле житии человеколюбием своим в Русской земли, Христианскаго ради языка, абы до конца не оскудела вера Христіанская; гониша погании по них, и не обретоша и, Бог избави их от руку иноплеменники: благочестиваго и правовернаго Князя Ярослава, и с правоверными его

сынами; бе бо у него сынов шесть: Александр, Андрей, Константин, Афанасий, Данило, Михайло, Святослав, с сыном Дмитріем, и Иван Всеволодич, и Василій, и Володимір Константинович, и Васильковича два, и сии вси сохранены быша молитвами Святыя Богородицы. Оттоле приидоша окаяннии Измаильтяне, оступиша город Торжок, на сбор по Федорове недели, и бишася пороки по две недели, и изнемогоша людие в городе, а из Новагорода не бысть им помощи (но уже кой же стал себе в недоумении и страсе). И тако погании взяша град Торжок, и иссекоша вся, от мужеска полу и до женска, и перейский чин, и черноризский, и все изообнажено и поругано, бедною и нужною смертию предаша душа своя Господеви, месяца Марта в 5-й день, на средохристіе. Ту же убіении быша Иванко Посадник Новгородскіий, Яким Влункович, Глеб Борисович, Михайло Моисеевич. Тогда же гоняшеся безбожнии от Торжка *Серегерским* путем, полны до Игнача Креста, и вси людие секущи, аки траву, за сто верст до Новагорода не дошли; Новгород же заступи святая София, соборная Апостольская церковь, и святый великіий преподобный Кирилл, Архіепископ Александрийский, и святых правоверных Архіеписков молитва, и благоверных Князей, и правоверных черноризец и перейскаго собора. Да кто, отцы, и братия, и дети видевше Божіе попущение се на всей Русской земли, и не плачется? Батый же отселе воротися, и прииде к городу Козельску, будущу в нем Князю младу, именем Василию. Уведавше же окаянніи, яко ум крепкодушевен людие имеют в городе, словами лестными невозможно есть прияти града; Козляне же совет сотвориша: не вдатися Батыеви, рекоша к себе: «Аще Князь наш млад есть; но положим живот свой зане, и зде славу сего света пріиемши, и тамо небесные венцы от Христа Бога пріимем». Татаром же биющимся у града, приятии хотящим, разбившим стены градныя, и взыдоша на вал: Козляне же ножи резахуся с ними; совет же сотвориша изыйди из града противу им на полки ратные, и исшедше из града, и иссекоша *праща* их нападше на полки их, и убиша от Татар 4,000, а сами избиени же быша. Батый же взя град Козельск и изби, не пощаде и до от-

рочат, сосущих млеко; а о Князи Василіи неведомо есть; инии глаголаху, яко в крови утонул есть, понеже убо бе млад. Оттоле же в Татарех не смеяху рещи *град Козельск;* но знахуть я: *злый град*, понеже бяшет билися у града того по семь недель, и убиша от Татар три сыны Темничи; Татарове искахуть их, и не обретоша и в множестве трупия мертвых. Батыеви же вземшу Козельск, и пойде в землю Половецкую.

Нача Батый посылати на грады Русские. Посланние же Батыевы, пришедше в Русь, взяша град Переяславль, и церковь Архангела Михаила сокрушиша, и Епископа Симеона убиша, и люди вся сущая в граде, овых избиша, а иных плениша, а сосуды церковные бесчисленные, златые и сребряные, и драгокаменные взяша. А иную рать посла на Чернигов; пришедши же посланнии оступиша град Чернигов в силе тяжце; слышавше Князь Мстислав Глебович нападение иноплеменных на град, и прииде на ня с своими вои, и бившимся им крепко (лют бо бой им бысть у Чернигова), и оже и тараны на ны поставиша, и меташа нан камением в полтора перестрела, а камень яко же можаху четывре мужи подняти. И побежен бысть Мстислав, и множество от вой его избиено бысть, и град взяша и запалиша огнем, а Епископа оставиша жива, и ведоша в Глухов. А оттоле приидоша к Кіеву с миром, смирившимся со Мстиславом, и с Володиміром, и с Даниилом.

Менгу-Канови же пришедшу сглядаши Кіева, и ставшу ему на оной стране реки Днепра, у градка Песочнаго, и виджев град, и удивися красоте его и величеству его; и присла послы своя к Михаилу, и к горожанам, хотя прельстити их, и не послушаша его. Потом Михаил бежа по сыну своем пред Татары в Угры; а Ростислав Мстиславич, внук Романов Смоленскаго, седе в Кіеве. Даниил же еха нан, и ят его, и даст Киев в руце Дмитрови, обдержати противу иноплеменных язык, безбожных Татар. В то же лето прииде Батый к Киеву в силе тяжцей, много множество силы его, и окружи град, и оступи сила Татарская, и бысть град в обдержании велице; и бе Батый у града, и вся сила его безбожная обседаху град, и не бе слышати во граде глаголюща друг к другу в скрыпа-

ний телег его, и множестве ревения велблюд его, и ржания от гласа коннаго стад его, и бе исполнена земля Русская ратных. И яша от них Татарина, именем Торбула, и той исповеда всю силу безбожнаго Батыя; а се бяху его братия, сильнии воеводы: Урдюй, Байдар, Бюрюй, Кайдан, Бячек, и Менгуй, и Кююк (иже вратися, о смерти уведав Канове, и бысть Кан, не от роду его, но бе воевода его первый), Себедяй Богатур, и Бурундай, и Бастыр, иже взяша Болгарскую землю и Суздальскую, и иных воевод много, их же не писахом зде. Постави же Батый пороки к городу, подле врата Лядская (ту бо беяху дебри); пороком же биющим день и нощь беспрестани, и выбиша стены; и ту бе видети лом копейный, щитом скепание, и стрелы омрачиша свет. Побежденным бывшим горожанам, и Дмитрови ранену бывшу, и взыдоша Татарове на стены, и седоша того дени и до нощи; гражане же создаша другий град, около Святыя Богородицы. На утрие же приидоша на ня, и бе сеча велика межи има; людем же иным взбегшим на комары церковныя с товары своими, и от тягости людей повалишася комары, и стены церковныя с ними, и прият бысть град безбожными на Николин день. Дмитра же изведоша язвена, и не убиша его, мужества ради. Батыю же вземшу град Кіев, и слышавшу му о Данииле, яко в Угрех есть, и пойде сам к Володиміру, и пріиде к городу Колодяжену, и поставив пороков дванадесять, и не може проразити стене городных, и нача перемолвливати люди; они же, послушавше злаго совета его, предашася, и сами избиении быша. Оттоле же прииде к Каменцу, граду Изяславлю, и взя его; и видев же Кременец, град Даниилов, и не возможе взяши его (бе бо крепок вельми), и отыде от него. И прииде к Володиміру, и взя его кошем, изби вся, не пощаде ни единаго же; тако же и град Галич взя Волынский, и иных градов Русских много взя, им же и числа несть. Дмитрови же, Киевскому Тысяцкому Даниилову, рекши Батыеви: «Не мози *стряпати* в земли сей долго; время ти уже идти на Угры; аще ли стряпаеши, земля та есть сильна, сберутся на тя, и не впустят тя в землю свою» (про то же рече ему, виде землю гибнущу Русскую от нечестиваго). Батый же

послуша совета Дмитрова, и идет в Угры. Король же Бела, и Коломан, сретоша Батыя у Солоныя реки, и бывшимся обоим полком, и бысть сеча велика, и побегоша Угрове; Татарове же гнашася по них до Дуная реки, и стояша по победе три лета, и воеваша до Володавы и по озерам, возвратишася в землю свою, много зла сотвориша Христіанам.

Увы мне! Сия убо злая содеяшась на нас Божіим попущением и великим его гневом, за не же умножишася беззакония велия, сребролюбная зависть, междоусобныя брани и мерзская нечистота блудная, естественная и чрезъестественная, и волхвованныя коби, и иные греси; и сего ради таковая лютая беда прииде на вся страны православных Христіан, но Пророка Давида слову: «Браздами и уздою востягнеши челюсти неприближающимся к тебе, Господи!» Великия убо церкви опустеша, яко и дивии зверие в них плодишась; градом же и монастырем разорение и пожжение; священником же и всем сановитым тяжки узы бяху на хребтех, и нужныя смерти; честнейшим же иноком и инокиням лютое и немилостивное заклание; всем же православным Христіанам тяжкое ярмо поганское имущим на шеях. И не токмо сие едино, но и младенца ссущая отторгающе от пазух и недр матерних, и о землю и о стены ударяху, и на полы пресекаху и оружии прободаху. Скверняху ж и чистоты девство, юных дев растлеваху, и брачных жен разлучающе от мужей, и честнейшия невесты Христовы, инокини, блудом оскверняху. И мнози тогда от православных сами ся порезываху, и в воду вметахуся, и смерти приимаху, дабы не осквернитися от поганых, видящее бо лютое их сквернение, и немилостивное бесчеловечие, елико твореху ругание и немилосердие окаянии над православными. Главными убо власы вместо вязаху, аки скоты, и остны бодуще поганяху. И убо достойна есть плача страсть жителей земель тех, подвизающа на рыдание человеколюбивых. Язык бо не може вещати, ни уста исповедати тоя беды, превосхожаше бо Виолеемскаго многостонаннаго рыдания: там обо едини младенцы закалахуся убийственными дланьми; зде же престаревшиеся, и седии, и цветущие юноши, и жены благообразные, и чистозрачные от-

роковицы и младенцы вкупе раздробляхуся. Аще бо и Давид о Іерусалиме глаголет, во Псальме, сетуя: «Боже! приидоша языци в достояние твое, и осквернища церковь святую твою, и раззориша Іерусалима» и прочая. И та убо страсть велика, но сия тмами больши, понеже не едину церковь осквернища, но тысящами и тмами сугубо. Но в той убо древней, сени служаху, и на требу животная закаляху; в наших же Христіанских церквах истине служаху, и самого Животворящаго Агница, Сына Божія, пожираху. А не един град раззориша, но многия земли, Рязанскую, и Владимірскую, и Нижегородскую, и Галицкую, и Ростовскую, и Тверскую, и пол Новогородскія, и Кіевскую, и Черниговскую, и Волынскую, и Подольскую, и Угорскую, в них же великие, господственные самодержавных грады, и со окрестными их градовы, и странами и властьми. По всем тем землям пролияша погании кровь Христіанскую, яко воду. Положиша убо трупия раб Божиих, священников, в брашно птицам небесным, и плоти преподобных иноков и инокин зверем и чадом земным. И не бе погребающих всех православных Христіан, и не бе о них приношения, ни молитвы: не бе бо церквей, ни священников, ни кадила, ни места, еже бы кому и где принести ко Господу Богу жертву спасенную о душах их, зане же за многое согрешение преданы бехом Царю законопреступну, неправедну, и лукавнейшу паче всея земли, и поганому, и немилостивому языку варварскому. Сице убо те великия земли, и градове, и власти многочеловечныя в поле запустения положены быша. И быша гробове всемертвенные, и смертная врата, и многозияющая адова утроба всеприемница; рыданіе бе повсюду и плачь велегласен; горы убо и холмы плененным и малооставшим плачущим сопротив возглашаху; реки же волнами сопрем шумяху; садовные же древеса, и вся боры и дубравы, вместо рыданія и плача, ветвьми повевающе, умильно проглашающе, и вместо слез листвие от себе спущаху. Но и общая наша мати, земля, яко же и плотская чадолюбица мати, восплакася, жерелом великим стонящи, манием глаголющи: «Сынове, сынове Рустии! Почто ходисте пред Господом Богом, сотворшим вас, в похотех сердец ваших! Или

не слышасте Пророка Господня, глаголюща сице: «Аще хощете, и послушаете мене, благая земная снесте; аще ли не хощете, ни послушаете мене, оружие вас пояст – уста бо Господня глаголаша сія. «Чада мои! Чада мой прогневавше и Господа своего, и моего Творца и Бога: вижу вас от моея пазухи отторгаемых, в поганския руки немилостивно впадша, праведным судом Божіим, и иго работно имуще на плещах ваших. Аз уже к тому остаюсь тщи вас, чад своих любимых, бывших мне; к тому убо бедная вдова бых и бесчадна! Но кое первое сетую и плачу? Мужа ли, или любимых моих чад? Вдовство бо мое есть опустение многих градов, и честных монастырей, и святых церквей; лишение же чад, учителей, и священник, и властелей, и прочаго народа. К тому уже не терплю жалости моея и лютыя сея беды; но возопию ко общему Творцу, Господу Богу, умильным гласом: Боже, содетелю всех, сотворивый вся своим пречистым хотеніем! Презри ныне беззаконие людей сих, помилуй их, Милосерде! И утоли праведный свой гнев, возврати плененные их во своя, да мя творицею наследят повелением твоим, Господи! Яко Ты еси един Бог безгрешен, милуяй грешных, и прощаяй кающихся!»

Мы же, Православніи, причитающие умильную повесть сию, и послушающие ея, да глаголем из глубины сердца: О Владыко Христе, Царю веком и содетелю твари, не хотяй грешников смерти! Избави ны от злаго нашествия нечестивых варвар, и от прочих иноплеменных, и укрепи на них православных *Царей* наших, и укроти в нас сущая междоусобныя брани, и *церковные раздоры*, и всеми православному Христианству полезная устрой, да в мире и в тишине славим тя истиннаго Христа Бога нашего, славимаго в Троице! Сущих же отец и братій наших, во всяком возрасте скончавшихся в то лютое варварское плененіе, избави от вечныя муки, и покой их со всеми от века угодившими тебе, яко твои суть судове неиспытанни, и путие твои не исследованны, и твое есть царство непременно, и держава неприкладна, и тебе подобает всякая слава, и честь, и держава, ныне, и всегда, и во веки веков, аминь.

СЛОВО ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

Кто такой был Даниил и когда он жил? Доселе не известно. Знаем, что он был сослан в заточение на Лаче озеро, в нынешнюю Олонецкую губернию. Сведения о заточении его находим в наших летописях под годом 1378. Отрывки из Слова Даниилова Н. М. Карамзин поместил в VIII т. своей истории. К. Ф. Калайдович напечатал его вполне, в памятниках XII века, с уверением, что Даниил написал его к Георгию Долгорукому.

Текст Даниилова Слова напечатан здесь по списку, сообщенному мне Н. П. Морозовым.

Вострубим, братіе, яко во златокованныя трубы, в разум ума своего, и начнем бити во сребренные органы, и возвеем мудрости своя. Боже, Боже мой! вскую мя еси оставил? Востани слава моа, востани в Псалтыри и в гуслех; восстану рано, исповемтися. Да разверзу во притчах гадание мое; провещаю во языцех славу мою. Сердце бо смысленнаго укрепляется в телеси его мудростию. Бысть язык мой яко трость книжника скорописца, и уветлива уста, аки речная быстрость; сего ради покушахся написати всяк союз сердца моего, и разбих зле, аки древняя младенца о камень. Но боюся, господине, похуления твоего на мя; аз бо есмь яко та смоковница проклятая, не имея плода покаянию: имею бо сердце аки лице без очию, и бысть ум мой яко нощный вран на нарищи забдех, и рассыпася живот мой аки Ханаонски Царь буестию, и покры мя нищета аки Чермное море Фараона. Сеже бех паписах, бежах от лицах художьства моего, аки Агаря рабыня от Сары госпожи своея. Но видех, господине княже, твое добросердие к себе, и притекох ко обычной твоей любве, глаголет бо Писаніе: просящему у тебе дай, толкущему отврзи, да нелишен будеши Царства не-

беснаго; писано бо есть: возверзи на Господа печаль свою, той тя препитает во векы. Аз бо есмь, княже господине, яко трава блещанна, растуще за стению, на нюже ни солнце сияет, ни дождь идет: тако и аз, княже господине, всеми обидим есмь, зане огражен есмь страхом грозы твоея, яко оплотом твердым. Но не возра на мя, княже господине, яко волк на ягня; но возри на мя, Господине моя, аки мати на младенца. Возри, господине, на птицы небесныя, яко ти ни орют, ни сеют, ни в житницу собирают, но уповают на милость Божію; тако и мы, княже господине, желаем твоея милости: зане, господине, кому любовь, а мне горе лютое; кому Бело озеро, а мне черные смолы; кому Лач озеро, а мне, на нем седя, плачь горки; кому ти есть Новгород, а мне углы опали, зане не процвете часть моя. Друзи же мои и ближнии мои и тии отвергошася мене: зане не поставих пред ними трапезы многоразличных брашен. Мнози бо дружатся со мною, а погнетающе руки в солило, а при напасти аки врази обретаются, и паки помогающе подразити нози мои: очима бо плачют со мною, а сердцем смеютмися. Тем же не иму другу веры; не надеюся на брата. Не лгал бо ми Ростислав князь: лепши бы ми смерть, а не Курское княжение. Тако же и мужеви: лепше бы ми смерть, нежели продолжен живот в нищете; яко же бо Соломон рече: ни богатества, ни убожества не дай ми, Господи; аще ли буду богат, гордость восприиму; аще ли буду убог, помышляю на татьбу и на разбои, а жены на блядню. Тем же вопию к тебе, княже мой, господине мой, одержим есмь нищетою; помилуй мя, сыне Великаго Царя Владимера! Да не восплачюся рыдая, яко Адам раю. Пусти тучю художьства моего на землю: зане, княже, господине, богат муж везде знамен есть и в чюжой земле друзи имеет, а убог и во своих невидимо ходит. Богат возглаголет, вси возмолчат и слово его вознесут до облак; а убог возглаголет, вси нан кликнут и уста ему заградят: их же ризы светлы, тех и речь честна. Княже мой, господине мой! Избави мя от нищеты сея, яко серну от тенета, яко птицу от кляпцы, яко утя от ногтей носимаго ястреба, яко овцу от уст львовых. Аз бо есми, княже господине, яко древо при пути: мнози посекают его и на огнь вмещут; такоже

и аз всеми обидим есмь, зане огражен есмь страхом грозы твоея. Якоже бо олово гниет, часто разваряему: тако и человек приемлет многия беды. Ни кто же может соли зовати, ни в печали смысляти; всяк бо человек хитрит и мудрит о чужей беде, а о своей не может смыслити. Злато искушается огнем, а человек напастьми; пшеница бо, много мучима, чист хлеб подает, а в печали обретает человек ум совершен. Молеве ризы изъедают, а человека печаль; печалну мужу засушут кости. Аще кто человека в печали призрит, как студеною водою напоит во знойный день. Птица бо радуется весне, а младенец матери, так и аз, княже господине, радуюся твоей милости; весна убо украшает цветы землю, а ты, княже Господине, оживляеши вся человекы своею милостью, сироты и вдовицы, от вельмож погружаеми. Княже господине! Яви ми зрак лица твоего, яко глас твой сладок, и образ твой Государев красен, и лице твое светло и благолепно, и разум твой государев якоже прекрасный рай многоплодовит. Аз же худый добре дивлюся. Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни сух хлеб ядуща, или пиеши сладкое питие, а мене помяни теплу воду пьюща, и праха нападша от места заветреня. Егда ляжеши на мягких послетях под собольими одеялы, а мене помяни под единым платом лежаща, и зимою умирающа, и каплями дождевными яко стрелами сердце пронизающе. Да не буди, княже, рука твоя согбена на подание убогим; ни чашею бо моря расчерпати, ни нашим иманием твоего дому истощити. Якоже бо невод не удержит воды, но точно едины рыбы: тако и ты, княже господине, не воздержи злата и сребра, но роздай людем. Паволока, испещрена многими шелки, красно лице являет: тако и князь многими людьми честен и славен по всем странам; якоже рече Соломон: Слава Царю во мнозех языцех; тако и тебе, княже, слава и победа велика во мнозех языцех; тако и тебе, княже, слава и победа велика во мнозех людех. Якоже бо похвалися Езикей Царь послом Царя Вавилоньскаго, и показаша им множество злата и сребра; они же реша ему: наш Царь богатее тебя, не множеством злата, но множеством воя: занеже мужи злато добудут, а златом людей не добыти. Якоже рече Святослав Князь Игорев,

идый на Царя с малою дружиною и рече им: братіе! нам ли от града погибнути, или граду от нас пленену быти? Якоже Бог повелит, тако и будет: поженет бо един сто, а от ста двигнется тысяща; надеяся на Господа, яко гора Сион не подвижется во векы. Диво ли за буяном коня паствити, а за добрым князем воевати. Многажды бо безнарядием полцы погибают. Видех велик зверь, а главы не имеет: тако и добрыя полки без добраго князя погибают. Гусли бо строятся персты, а тело основается жилами, а дуб крепится множеством корения: тако и град наш крепится твоею державью: зане князь щедр отец есть всем; слузи бо мнози отца и матери лишаются и к нему прибегают. Добру бо господину служа, дослужится свободы; а зу господину служа, дослужится болшия работы. Зане князь щедр, аки река без берегов текуще всквозь дубравы, напояюще не токмо человецы, но и скоти и вся звери; а князь скуп, аки река, велик брег имущ камены не лья пити, ни коня напоити. А боярин щедр, аки кладезь сладок; а скуп боярин, аки кладезь солон. Не имей себе двора близ княжа двора; не держи села близ княжа села; Тіун бо его яко огнь трепетицею накладен, а рядовичи его яко искры; аще от огня устережешися, но от искры не можешь устрещися жжения порт. Княже, господине мой! Не лиши хлеба пища мудра, ни вознеси до облак богатаго безумна, несмысленна: нищ бо мудр, яко злато в калне сосуде, а богат красен несмыслен, то аки наволочитое зголовье, соломы наткано. Господине мой! Не зри внешняя моя, но зри внутреная; аз бо одеянием есмь скуден, но разумом обилен; юн возраст имею, а стар смыслом; бых мыслию яко орел паряй по воздуху. Но постави сосуды скудельничьи под поток капля языка моего, да накаплют ти сладчайши меду словеса уст моих; якоже рече Давид сладка словеса твоя паче меда устом моим; Соломон рече словеса добра напояют душу, покрывает же печаль сердце безумному. Мужа бо мудра посылай, мало ему кажи; а безумна посылай, сам не ленися по нем идти. Очи бо мудрых желают благых, а безумнаго дому пировнаго. Лепши слышати прение умных, нежели безумных наказаше. Дай премудру вину, премудрее будет. Не сей бо на браздах жита, ни мудрости на

сердце безумных: безумных бо ни орют, ни сеют, ни в житницы собирают, но сами ся рожают. Как во утел мех воду лити, так безумнаго учити; псом и свиниям ненадобно злато и сребро, ни безумному мудрая словеса; ни мертвеца рассмешити, ни безумна наказати. Дети бегают урода, а Господь пьяного человека. Коли пожрет синица орла, коли камение восплывет по воде, коли свиния почнет на белку лаяти, тогда безумный уму научится. Или ми речеши: от безумия ми еси молвил: то не видал есми неба полстяна, ни звезд лутовяных, ни безумна мудрость глаголюще. Или ми речеши: солга ми еси аки пес: добраго бо пса князи и бояре любят. Или ми речеши: солгал ми еси аки тать, аще бых умел украсти, толико бы не скорбех. Девица погубляет красоту свою бляднею, а муж мужество свое татьбою. Княже мой господине! не море топит корабли, но ветри; а не огнь творит разжжение железу, но надымание мешное; такоже и князь не сам впадает во многия в вещи злыя, но думцы вводят. С добрым бо думцею князь высока стола додумается, а с лихим думцею думает, и малаго стола лишен будет. Глаголет бо в мірских притчах: не скот в скотех коза, а не зверь во зверех еж, не рыба в рыбах рак, не птица во птицах нетопырь, а не муж в мужех, кем своя жена владеет; не жена в женах, иже от своего мужа блядет; не работа в работах, под жонками воз возити. Дивье дива, кто поимает жену злообразну, прибытка ради. Некогдаже видех жену злообразну, приничюще к зерцалу и мажущися румянцем, и рех ей не зри в зерцало, видевше лепость лица своего, зане большую печаль примеши себе. Или речеши: женися у богата тестя, чти деля, а ту пей, и яжь, и веселися в великой радости и любви; то лепше вол ввести в дом свой, нежели злая жена понятии: вол бо не молвит, ни зла мыслит; а злая жена биема, бесится, а кротима высится, в богачестве гордится, а во убожестве иных осужает. Что есть жена зла? гостница неусыпаемая, купница бесовская. Что есть жена зла? мірскы мятеж, ослепление уму, началница всякой злобе, во церкви бесовская мытница, поборница греху, засада спасению. Аще который муж имеет смотрити на красоту жены своея и на ея ласковая словеса, а дел ея не испытает: то дай Бог

ему трясцею болети. Но по сему рассмотрите злу жену, иже речет мужу своему: господине мой, свете очию моею! Аз на тя не могу зрети; егда глаголеши ми, тогда взираю на тя и обоумираю, и воздрожат мя уды тела моего. Послушайте жены слова Апостола Павла, глаголюща: крест есть глава церкви, а муж жене своей. Жены же у церкви стоят молящеся Богу и святей Богородицы; а чему ся хотите учити, и вы учитеся в домех у мужей своих, а вы мужи по закону держите жены своя, поне борзо обрести добрых жен. Жена добра венец мужу своему и беспечалие; а зла жена люта печаль, изотщание дому. Червь бо древо тлит, а злая жена дом мужа своего теряет. Лутчи есть во утле лодье по воде ездити, нежели зле жене тайны поведати: утлая лодья порты помочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубляет. Лепши есть камень долотити, нежели зла жена учити; или железо варити; железо уваришь, а злы жены не научишь; злая бо жена ни учения слушает, ни Бога ся боит, ни людей стыдится, но вся укоряет и вся осужает. Что лва злее в четвероногых? и что змии лютейши в ползущих по земли? Всего того злая жена злее. Несть на земли болши женския злобы: женою бо сперва прадед наш Адам изгнан бысть из рая; жены ради Иосиф прекрасный в темнице затворен бысть; жены ради Пророка Даниила в ров вверже, и львы ему нози лизаху. О злое орудие, остро диаволе! Некомуже умре жена зла, он же, по смерти ея, начат дети продавати, людие же реша ему: чему продаешь дети? Он же рече им: аще ли будет родилися в матерь, и они возрастьше, меня продадут. Еще возвратимся на передняя словеса. Аз бо, княже господине, ни за море ходил, ни от философ научился, но бых яко падая пчела по различным цветом и совокупляя яко медвеный сот; тако и аз по многым книгам собирая сладость словесную и разум, и совокупих яко мех воды морские, а не от своего разума, но от Божия промысла. Сіи суть словеса, да не уже много глаголю. –

Сіи словеса аз Данил писах в заточение на Беле озере, и запечатав в воску, и пустих во озеро, и взем рыба пожре, и яша бысть рыба рыбарем, и принесена бысть ко князю, и нача ея пороти, и узре князь сие написаніе, и повеле Данила сво-

бодити от горкаго заточенія. – Не отметай безумному прямо безумія его, да не подобен ему будеши. Уже бо престану глаголати, да не буду яко мех утел, роняя богатество убогим; да не уподоблюся жерновам, яко те многия люди насыщают, а сами себе не могут насытитися; да не возненавиден буду миру со многою беседою. Якоже бо птица учащает песни своя, скоро возненавидема бывает. Глаголет бо в мірских притчах: речь продолжна недобро, продолжена паволока. Господи! Дай же князю нашему силу Самсонову, храбрость Александрову, Иосифов разум, мудрость Соломоню, кротость Давидову, и умножи, Господи, вся человеки под руку его. Лютее беснующемуся дати нож, а лукавому власть. Паче всего ненавижь стороника перетерплива. Аминь.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

Текст сказания о Мамаевом побоище напечатан здесь по списку XVI века, сообщенного мне Н. П. Морозовым.

Се поведай, Уран, нам повесть како случися на Дону православным христіяном с безбожными Татары, како возвыси Господь род христіянскимй, а поганых уничижи и осрами их суровство, яко же иногда Гедеоном Мадиама низложи, и православным Моисеом Фараона. И ныне подобает ведати нам величие Божіе, како творит Господь волю боящимся его, и како пособи Господь Бог православному, Великому Князю Димитрію Ивановичю Владимірскому над безбожными Татары. Лета же того попущением Божіим, от научения диаволя, воздвигся царь от восточныя страны, именем Мамай, Татарин сый родом, верою идоложрец, иконоборец злый, христианский ненавистник и укоритель, и вниде в сердце его диявол подстрекаяй, иже всегда пакости деет християном, и наусти его разорити православную веру всему християнству, да не славится в них имя Господне в людех тех. Господь что хощет, то и творит. Тойже безбожный царь Мамай нача завидети первому Батыеви, и второму безбожному Батыю, и нача испытывати старых Татарин: како Батый пленил Кіев, и Володимір, и всю землю Русскую? Како уби Князя Юрія Димитріевича, и мнози православные Князи изби? Како мнози монастыри плени и оскверни вселенскую пречистую церковь, разграби злато? И бысть ослеплен очима. Того же не разумеша нечестивый, яко Господу годе, тако да и будет, якоже во иныи дни Иерусалим пленен бысть Титом, а потом мерским царем Навходоносором Вавилонским за их согрешение. Но не до конца прогневается Господь, ни во веки враждует. Слышав же безбожный царь

Мамай то от Татар, нача діяволом палим бытии непрестанно, ратуя на христіянство, нача глаголати ко своим Евпатом и Князем и воеводам: яко нехощу аз тако творити Руси, како Батый; аз Князи их изждену; а которые государи красные, так хощу видети тихо и безмятежно. Но рука Божія высока. По малех же днех, по глаголех его, царь Мамай перевезеся великую реку Волгу со всеми силами своими и многи орды совокупи с собою и глаголя им: «Се обогатеете Русским златом». И пойде на Русь, сердитуя яко лев, пылая яко неутолимая ехидна. Доидеже до усть реки Воронежа и распусти облаву свою, заповеда улусником своим: «яко да ни един у вас пашет хлеба: будите готови на Русскую землю на хлебы!» Слыша же то Олег Рязанский, яко царь Мамай близ кочует, а идет на Русь ратию, стоит на Воронеже; а идет на Великаго Князя Димитрія Ивановича. Бысть же у Олга Князя Рязанскаго скудость ума во главе, и сатана ухищрение вложи в сердце его; нача посылати послы к Мамаю царю со многою честию и дарами; ярлык же свой писа к нему сице: «Восточному царю Мамаю твой посаженный присяжник Олег Рязанский. Слышах тя господина моего милостива, хощеши идти на Русь, на своего посаженника и служебника, на Князя Димитрія Московскаго, огрозитися ему хощеши; ныне же, господине, приспе время есть, злата и богатства наполнися земля его. И тако бо вем, всесветлый царю, яко кроток есть человек Дмитрій; егда же услышит и имя ярости твоея, то отбежит от тебя в дальный утек, где есть место пусто и неключимо; злато же и богатство все будет во твоих руках. Меня же, раба твоего, царю, держава твоя пощадит; аз бот и Русь вельми устрашу и Князя Димитрія. Но и не то одно, царю, егда о своей обиде и твоим именем погрожу ему; а он о том не радит; еще де град мой Коломну взял за себя, да о том о всем молю тя, царю, не презри моления моего». Ярлык списав, посла же не послав, но посла посолство к великому и велеречивому и к велеумному Олгерду Литовскому, смысливше худым своим умом, и писа грамоту сице: «Великому Князю Олгерду Литовскому Олег Рязанскій пишу радоватися. Ведаю бо, яко издавна мыслил еси на Московскаго Князя Димитрія изгонити его, а Москвою

владети: ныне же приспе время нам; яко великий царь Мамай идет на него и хощет пленити землю его. Ныне же приложимся и мы к нему, да тебе даст Москву и ныне присяжные грады, а мне Коломну и которые близ Мурома и Володиміра. Ты же и аз пошлем послы к нему и дары, елико имам какие, и пиши грамоту к нему, елико сам веси паче меня. Аз же писах, но не послах, хощу единаго с тобою и жду твоего посла». Пріиде же посол и вдаст грамоту Олгерду от Олега. Олгерд же прочет грамоту, и рад бысть и похвалив друга своего Олега великою похвалою. Посла посол свой ко царю с дары бесчисленныи, и грамоту пислав к нему сице: «Великому восточному царю Мамаю Князь Олгерд Литовский многу милость. Слышав, господине, хощети улус свой казнити и Московскаго Князя Димитрія, того ради молю тя, царю, яко он обиду сотвори Олгу Рязанскому, а мне тако же пакости дея; но молим тя оба да при державе царствия твоего видит твое смотрение нашу грубость от Московскаго Князя Димитрія. Все же глаголют лестию на великаго Князя Димтрія, а ркучи в себе: егда услышит имя твое царево и нашу присягу к тебе: то отбежит в велики Новград, или на Двину, а мы сядем на Москве и на Коломне. Егда царь же придет, не имый кто его сряще. Царь же возвратится, и мы и Княжение Московское разделим кто к Вилне, иной к Рязане. Но и ведаем, яко царь имает ярлык дати нам и родом нашим». Но сами ся неведают, что глаголют, яко не смыслени и млади умом, аки не ведущее Божия силы и владычныя смотрения. Бог дает власть, ему же хощет. По истине бо рече: аще кто держится добродетели, то не может без многих врагов бытии. Князь же Димитрій Иванович образ смиренномудрия нося и смирения в высоких ищет, еще же не чюже бывших сил, иже совещаша на него, ближнии его. О таковых бо рече Пророк: не помысли ближнему своему зла, тебя не постигнет. Той же паки рече: изрый яму, сам впадется в ию. Приидоша же послы по реченноум словеси от Олгерда Литовскаго и от Олега Рязанскаго к безбожному царю Мамаю и дары многочестные вдаша ему и грамоты писаны. Безбожный же воззрев писания и рече: «послухаем сие писание». И нача думати со воеводы своими;

они же разумеша, яко прилежно писание их. И рече царь: «Аз чаях, яко во едино совокуплени будут на мя; ныне же разумею, яко разность между их велика есть. Имам убо на Русь быти». Послов же тех чествовах, отпусти их, а писание писа Олгерду Литовскому и Олегу Рязанскому: «Елико писася ко мне, познах, а на дарех ваших хвалю вам. Колико хощете Русския вотчины, тем вас одарю; токмо присягу ко мне имейте; ныне же сретите мя с своими силами, где успеете, да одолеете своего недруга, а мне ваша пособь недобре надобна. Аще бы хотел, то и своею силою древний Иерусалим пленил бых. Но чти вашея хощу, а моим именем и вашею рукою распужен будет Князь Димитрий Московский, да огрозится имя ваше во странах ваших. А мне бо достоит победити царя себе подобна и довлеет ми царска честь. Сице князем своим рцыте». Послы же возвратишася к ним, и поведаша, яко царь здравит, вельми хвалит. Они же возрадовашася о суетнем, привет скудным своим умом, что убу сих нареку. Аще бы врази были себе: то особную брань сотворили, ныне сия глаголы что есть едина вера и едино крещение, а поганому приложилися и вкупе с безбожным хотят гонити православную веру. О таковых рече Патерик: по истине бо отсекошася своея маслины и присадишася к дикой маслине. И тако сіи безбожныи отвергошася веры християнскія, прилепишася к безбожному. Олег же нача паче посинешати и слати послы к Мамаю царю, и рече: «подвизайся скоро». О таковых бо рече писаніе: о нерассужении пути беззаконных не спеют, но сбирают себе досады и понос; правых же путие спеют. Ныне сего Олега нарече вториаго Святополка.

Слышав же то Князь Димитрій Иванович, яко грядет на него безбожный царь Мамай, и не уклонимая рать на Христову веру, поревновав неизглаголанному Батыеви. Князь же Великий Димитрій Иванович опечалився вельми от безбожнаго нахождения и став пред иконою, иже стоит в возглавии ему и пад на колено, поклонився, нача молитися пред образом и рече: «Аще, Господи, смею молютися смиренный раб твой, простри уныние мое, на тя уповаю, Боже мой, разверзи, Господи, печаль мою! Ты бое си свидетель нам, Владыко! Не сотвори нам,

якоже отцем нашим, якоже наведе на град наш злаго Батыя и еще тот страх и трепет в нас велик есть. Ныне же, Господи, не до конца прогневайся на ны; веем бо, яко меня ради грешнаго хощеши истребити землю Русскую. Аз бо согреших пред тобою паче всех человек. Сотвори, Господи, ради слез моих милость свою и укрепи сердце мое ко свирепому, якоже Езекій возвысився и рече: на Господа уповах и не изнемогу». И посла по брата своего по Князя Владиміра Андреевича; он же бе во своей державе Боровске и посла по вся воеводы, и по местныя князи. Князь же Владимір Андреевич приехав борзо во град Москву и мнози князи и воеводы съехашася. Князь же Великій Димитрій Иванович поим брата своего Князя Владиміра, иде ко Преосвященному Митрополиту Кипріяну и рече: «Веси ли, отче, господине, настоящую беду на нас, яко царь Мамай идет на нас в неоукротим образе и ярости». Преосвященный же Митрополит Кипріян рече Великому Князю Димитрію: «Повеждь ми, господине, чем еси неисправился к нему?» Князь же Великий Димитрій Иванович рече: «Исправил бос я, отче, всем до велика к нему, по уставу отец своих; но еще и боле того воздах ему». Преосвященный же Митрополит рече Великому Князю: «Видиши ли, господине, попущением Божіим, наших ради грехов, идет пленити в Русскую землю. Но вам подобает Русским Князем тех утолити ради крестьянскаго роду четверицею сугубою, дабы не разрушил христовы веры. Аще ли не смирится: то Господь гордым противится, писано есть, а смиренным благодать дает. Господь Бог смирит его, якоже иногда случися великому Василию в Кесарии. Идый на него злый преступник из Перс, хотя разорити град его, он же помолися Богу со всеми Христіяны, и собраша злата много, дабы отступника утолити. Он же боле возярився, и Господь посла на него война своего Меркурия: он же уби гонителя мечем невидимо. Ныне же возьми, господине, злата, колико имаеши, и пошли к нему, исправися ему». Еще Князь Великий Димитрій Иванович слышав от Митрополита, иде с братом своим в казну свою и взем злата много, нача избирати юных от двора своего, и избра юношу доволна смыслом, имянем Захарію Тошкова, и дав ему

два толмача, умеющу языку Татарскому и злата много отпусти с ним к Царю. Захарія же дойде до земли Рязанскія, и слышав то, яко Олег Рязанскій и Олгерд Литовскій приложилися к Мамаю Царю, и посла к Великому Князю тайно посла. Князь же Великій слышав то с братом своим, начаша сердцем двизатися, оба ярости и горести наполнився, став нача молитися: «Господи Боже мой, на тя надеюся в правду, ты бое си волю твориши любящим тя; аще ми враг пакости дея, то подобает ми противу его итти, яко искони есть враг християнству. Но с ним друзи мои и ближнии мои тако на мя умыслиша. Суди, Господи, по правде между их и мною, аз бо ни единаго зла сотворих им, разве чти и даров от них приях, им и воздаях. Но суди, Господи, по правде моей, да не скончается злоба грешных». Поим же брата своего Князя Владиміра и иде вдругое к Преосвященному Митрополиту Кипріяну, поведай ему, как приложилися и совокупилися с Мамаем. И рече Преосвященный Митрополит Кипріян: «То и сам паки, Князь, еже веси кою обиду сотворил еси им?» Князь же Великій прослезився, рече: «Аз есми, господине, грешный человек пред Богом, а к ним ни единою чертью не преступих по отец своих уставу, но и сам, отче веси, яко доволен есми отчиною своею. Но к ним кою обиду сотворил, не веем; что ради умножимися стужающей ми?» Преосвященный же Митрополит рече к Великому Князю: «Просвети, господине, очи свои веселием. Ты сам, господине, разумеши закон Божій. Кто творяй правде, неподвижутся на него человецы, яко праведен Господь и правду возлюби: ныне обыдоша, аки пси мнози; пустошных суетно и тщетно поучаются Ты же именем Господним противися им, и Господь правдив будет ти помощник; аще ли ни, то от всевидящаго ока его где можеши укрытися и от крепкия руки его?» Князь же Великій Димитрій Иванович с братом своим с Князем Владиміром и со всеми Русскими князи и воеводы, яко уставити стражу тверду, и послаша на сторожу крепкаго юношу Родіона Ржевскаго, Якова Усатаго Андреева сына, Василія Тупика, и повеле им ехати близ орды и до быстрыя Сосны, повел им языка добывати, дабы истинно слышали царева хотения. Грамоты же разослав Князь Великій

по всем градом, да будете готови на брань и сбиритеся на Коломну битися с безбожными Татары. Вси бо на мя собрашася супостати, но помощию Божіею и молитвами святыя Богородица, изыдем им во сретение. Сторожи же в поле замедлиша, он же другия сторожи посла и повеле им вскоре возвратитися, а посла Климента Поляника, да Ивана Свяслова, да Григория Судока и иных много с ним. Они же сретоша Василія Тупика, еще близ Оки реки везуще язык к Великому Князю. Язык же поведа Великому Князю, яко не ложно идет Царь на Руси, совокупився со многими ордами и еще с ним совокупился Олег Рязанскій и Олгерд Литовскій. Не спешит бо Царь того деля, яко осени ждет, хощет быти на Русскія хлебы. Князь же Великий Димитрій Иванович слышав неизложное таковое востание безбожных и нача утешатися о Бозе, укрепляя брата своего Князя Владиміра и все Русские Князи, ркучи им тако: «Братія моя, Рустии князи и воеводы и бояря, гнездо есмя Князя Владимира Киевскаго, иже изведе нас от страсти Еллинскія; ему же откры Господь православную веру, якоже оному стратплату и паки он же заповеда нам ту веру крапце держати и поборати по ней; но аз, братіе, за веру христіянскую готов есмь умерти». И рече Князь Владимир Андреевич и вси Русскіе Князи: «Воистину, господине, законную заповедь крепко совершаеши, и святому Евангелію последуеши. Писано бо есть, аще кто постраждет за имя мое, аз упокою его. Мы же, господине, готовимся умерети и главы своя сложити за святыя церкви и за Христову веру и за твою обиду Великаго Князя». Князь же Великий Димитрій Иванович слышав от брата своего и от всех Русских Князей, яко дерзают и поборают по православной вере Христове. Князь же Великий рече всем Князям и воеводам: быти на Успение святей Богородицы на Коломну; яко да преберем полки и дам коемуждо полку воеводу. В тоже время приспели Князи Белозерскіи подобни суть воином грепким, вельми доспешни и кони воински наряжены под ними; прииде Князь Феодор Семеонович Белозерскій, Князь Семеон Михайлович, Князь Андрей Кемской, Князь Глеб Поронскій. И пріидоша Князи Ярославские со всеми силами: Князь Андрей Ярославскій,

Князь Роман Прозоровскій, Князь Лев Серпуховскій, Князь Димитрій Ростовскій и иные многие Князи.

Уже бо, братіе, не стук стучит и гром гремит в славне граде Москве, стучит рать Великаго Князя Димитрія Ивановича. Князь же Великій Димитрій Иванович поем с собою Володиміра Андреевича и вся Князи Русскіи преслевнии и иде ко Живоначальной Троице ко отцу своему Сергію Преподобному и благословение получи от всей обители святыя, и моли Преподобный Сергій его, дабы слышал Князь Великій литургию святую. Приспеже день воскресения на память Св. Флора и Лавра. По отпусте же святой литургии, моли его святый со всею братіею, дабы вкусил хлеба святого. Великому Князю нужно есть, яко придоша к нему вестницы, яко сближают поганые, и моли святого Сергія, дабы ему ослабил. И рече ему Преподобный старец: «Се ти замедление сугубо поспешливо будет. Но уже бо ти, господине, еще венец сея победы носити и минувших летех, а иным сим мнозим плетутся венцы». Князь Великий вкуси хлеба их. Он же в то время повел воду освящати с мощьми святых мученик Флора и Лавра. Князь Великій скоро от трапезы востав. Преподобный же окропи его священною водою и все христоволюбивое войско его, и даст Великому Князю крест Христов знамение на челе. Он же ему рече: «Елико ти довлеет твоему Государству, что ти будет пригоже». И рече ему Князь Великій: «Дай ми, отче, два стара мниха воеводы от полку своего: то и ты с нами пособствуя». И рече ему преподобный старец: «О киих, господине?» Рече же ему Князь Великій о двою братех Брянских, боярех Пересвете и брате его Ослабе. Преподобный же повеле им вборзе готовитися. Они же, яко ведоми суть ратницы, послушание скоро сотвориша; преподобный же Сергій даст же им от тленных оружие вместо нетленных, и много твердь доспех крест Христов нашит на схиме. И повеле им вместо доспеха возлагати на себя, и даст их в руце Великому Князю, и рече ему: «Се ти оружницы, а твои излюбленицы». И рече им: «мир вам, братия моя, постраждете, яко доблии воины Христови». И всему православному христианству даст Христово знамение, и даст им мир, и благослове-

ние. Князь же Великій Димитрій Иванович обвеселися сердцем, неповеда ни комуждо, еже рече ему старец, и пойде ко граду своему Москве, аки некое многоценное сокровище обрете, радуяся о благословении старца. Прииде же во град Москву, поим брата своего Князя Владиміра, и иде ко Преосвященному Митрополиту Кипріяну и поведа единому Митрополиту, еже рече ему святый старец, и како даст ему благословение. Преосвященный же Митрополит рече ему: «Никому же, Господине, неповедай сего!» Князь же Великій иде в ложницу свою, яко же вечеру сущу. Приспевшу же дни четвертку, месяца Августа в 22 день, на память святых мученик Агафоника и Лупа, восхоте уже изыти, Князь же Димитрій противу безбожных Татарин, и поим брата своего Князя Владиміра, и иде в церковь Святей Богородицы, став пред образом Господним и согнув руце свои к персем, и рече во умилении сердца, слезы от очию его, яко источники проливающеся, глаголя: «Молютися, Владыко Боже пречюдный, страстный, и кроток во истину еси Царь славы! Помилуй нас грешных и к тебе прибегаем единому, егда унываем от скорбей наших, Спасителю нашему, тебе бо лепо есть миловати и спасти нас под твоею рукою есмь. Вем, Господи, яко моя согрешения сотроша ми главу мою, но тебе, Господи, оставляющему нас нам тебя взыскающим». И иная многая ему глаголюще и молящеся, приим Псалом 34 и рече: «Суди, Господи, обидящая мя и возбрани борющимся со мною, прими оружие и щит, востани в помощь мне, да постыдятся и посрамятся являюще рабом твоим злая; дай же ми Господи, помощь на противныя, да и те познают славу имени твоего». И паки идет пред образ чюдотворныя иконы Пречистыя Богородицы, юже Лука Евангелист писал при животе своем, и пача умильно вещати ко пречестному ея образу, и рече: «О чюдотворныя Госпоже Царице, всего живота человеческаго кормительница! Тобою познахом истиннаго Бога нашего, рождшагося от тебе; не дай же, Госпоже, в разорение града нашего поганому царю Мамаю, ниже осквернишь святую твою церковь. Моли Сына своего и Бога нашего Владыку, Творца и Создателя нашего, и даст нам Господь руку свою, смирит сердце врагом нашим и не

будет рука их высока, и свою помощь посли, Госпоже, с нами нетленную свою ризу, да в ню одеемся и нестрашливи будем к ранам, и молитвою, еже к Сыну своему помолися за ны: яко твои есть раби. Ты бо, Госпоже, Богом рождена еси, родителя ж твоя единаго Авраама, но внуцы с нами. Вем бо, Госпоже, яко хощеши нам дати помощь на противные враги; они бо не исповедают тебя, Владычице, но аз на твою помощь надеюся и подвизаюся противу безбожных сих, да будет умилен тобою Сын твой и Бог наш». И иде ко гробу блаженнаго чудотворца новаго Петра и любезно рече: «О преподобный отце, чудотворный святителю! И по смерти пожив еси, чудеса твориши непрестанно; ныне бот и приспе время молитися за ны ко общему владыце всех; днесь бо злыя вещи належат ми, погании бо идут на мя, на приснаго раба твоего, и крепко ополчишася на град твой Москву напрасно вооружаются, тебе бо Господь прояви последнему роду нашему, вжег тя светло яко свещу на свещнице, и тебе подобает молитися о нас, да не придет на ны рука грешнича: ты бо правых наш еси подитель и страже, яко твоя есмя паствина». Скончав же молитву и поклонися Митрополиту: он же благослови его и отпусти, и даст ему хвалу знамение на челе, послав же освященные соборы с крылосы во градныя врата во Фроловския врата, Константинскія, Алексеевския врата, Никольскія врата с честными кресты и с чудотворными иконами, да всяк же воин благословен будет Князь же Великій Димитрій пойде с братом своим в церковь небеснаго воеводы Архистратига Михаила, и много молився святому образу его и приступих ко гробом православных Князей, прародителей своих, рекущи: «Воистину есте хранителие веры, православные поборницы, аще имаете дерзновенія к Богу молитися о нашем унынии: яко велико востание приключися нам, ныне убо подвизайтеся с нами». Сія рек, изыде из церкви.

Княгиня же великая Евдокія и княгини Князя Владиміра и иных православных Князей княгини с воеводскими женами ту стоячи, проводу деют, а в слезах захлипаяся ко сердечному, ни едина не может словеси рещи. Княгини же Великая Евдокія отдаст конечное целование Государю своему Великому Князю

Димитрію Ивановичу, а в слезах не может слова промолвити. Князь же Великій Дмитрій мало удержася от слез, не прослези бо ся народа ради, а сердцем скробно плача, тешаше свою Великую Княгиню п рече: «Но аще Господь по нас, то кто может на нас зло помыслити?» и прочая. Княгини и боярыни и воеводския жены своим князем и боярам отдаша конечное целование и возвратишася с честию.

Князь же Великій Димитрій Иванович вступи во златокованное стремя и седе на своего любовнаго коня. Вси же Князи и Воеводы на свои кони седоша; а солнце со всхода светит в путь его и ветрец тих и тепл по них веет; уже бо тогда яко соколи от златых колодец рвахуся. Выехали Князи Белозерские из каменна града Москвы своим полком уряд: не бо полцы их видети, яко достоит им избивати стада лебедина: бе бо храбро воинство их. Князь Великій Димитрій Иванович рече брату своему Князю Владиміру Андреевичу и иным князем и воеводам: «Братія моя милая! Не пощадим живота своего за веру Христіанскую и за святыя церкви, за землю Русскую». И говорит Князь Владимир Андреевич: «Господине Князь Димитрій Иванович! Воеводы у нас вельми крепцы, а Русские удальцы сведоми, имеют под собою борзы кони, а доспехи имеют вельми тверды, злаченные колантыри и булатныя байданы, и колчары фряжския, корды Лятцкіе, сулицы Немецкія, щиты черленные, копья злаченыя, сабли булатныя, а дорога им вельми сведома, берези им по Оце изготовлены хотят головы своя сложити за веру Христіянскую и за твою обиду Государя Великаго Князя». Князь же Великий Димитрій Иванович отпусти брата своего Князя Владиміра Андреевича на Брашево дорогою, а Белозерскіе Князи отпусти Болванскою дорогою, рекше Деревскою, а сам пойде на Котел. Спереди ему солнце сияет и добре греет, а по нем кроткий ветрец веет. Не пошли бо того деля единою дорогою, яко не вместитися им. Княгиня же Великая Евдокія с своею снохою и иными княгинями и с воеводскими женами взыде на златоверхий свой терем в набережный и сед под южными окны и рече: «Уже бо конечно зрю на тебя Великаго Князя!» А в слезах не может

словеси рещи; слезы бо от очию льются аки речныя быстрины. Воздохнув печално и сшибе руце свои к персем, и рече: «Господи Боже великий! Призри на мя смиренную, сподоби мя еще Государя своего видети славнаго во полцех, Великаго Князя Димитрія Ивановича. Дай же, Господи, ему помощь от крепкия руки твоея, да победит противныя своя! Не сотвори, Господи, яко же за мало лет брань была на реце на Калке Христіяном с Татары от злаго Батыя. От таковыя же беды ныне, Господи, спаси и помилуй! Не дай же, Господи, ныне погибнути оставшему християнству; от той бо рати Русская земля уныла; ни на когоже бо надежи неимам, токмо на тебя всевидящего Бога. Аз же унылая имею две отрасли Князя Василія, да Юрья, но еще и те мали суть. Егда похитит их ветр с юга или с запада: то не могу терпети, ни на чтоже опираяся, их или зной поразит, такоже им погибнути; а противу сему что сотворят? Возврати им, Господи, отца их по здорову: то и земля их по здорову будет, и оне во веки царствуют».

Князь же Великий Димитрій Иванович поят с собою от Сурожан, рекше от гостей, яко 10 мужей поведания ради дальних земель, да аще что случит Господь Бог, теже имают ведати в дальних землях, яко гостебницы сущи перва: гостя Василія Капица, Сидора Алферьева, Констянтина Волкова, Козму Коверю, Семена Кортоноса, Михаила Самарева, Тимофея Весякова, Димитрія Чернова, Ивана Шиха, Дементія Сараева.

Тогдаже вознеяша силни ветри по велицей широте, воздвигошеся велицы Князи, а по них Русскии сынове успешно грядут, аки медвяны чаши пиши и стеблевинны ясти. Но не медвяны чаши пити, ни стеблевинны ясти гридут хотят укупити чти и славнаго имяни во веки земли Русской, Великому Князю Димитрію Ивановичу похвалу и многим Государем. Дивно и грозно бо в то время слышати, а громко в варганы бьют, тихо ся поволокою ратныя трубы трубят, многогласно бо коне ржут. Звенит слава по всей Русской земли, велико вечье бьют в великом Новеграде: стоят мужи Новгородцы у святыя Софей премудрости Божія, а ркучи межу собою таковое слово: «уже нам, братіе, на помощь не поспети к Великому

Князю Димитрію; уже бо яко орли слеталися со всей Русской земли, съехалися дивныя удальцы, храбрых своих пытати». Не стук стучит, не гром гремит, по зоре стучат и гремят Русские удальцы. Князь Володимір Андреевич возится реку на Красном перевозе в Боровске, Князь же Великій Димитрій Иванович прииде на Коломну, на память святаго Отца Моисея Мурина, в среду, Августа 28 день. И ту быша мнози воеводы и ратницы сретоша его на речке на Северке. Епископ же Евсимей срете его во вратех градных с честными кресты и с чудотворными иконами и со всеми крылосы, оградив его крестом, и молитву сотвори: спаси Боже люди своя и благослови достояние свое, – всю до конца.

Во утрии же день Князь Великій повел всем воеводам выехати на поле Девичье и всем людем сниматися в ток Августа 29 день на память Усекновения главы Ивана Крестителя по заутрени. И начаша мнози гласи труб ратных гласити и варганы бити и стязи ревут поволочени в саду Памфилове; сыновеже Рустіи наступают поля Коломенскаго, яко немощно бе никому же презрети их. Князь же Великий выехав с братом своим и видев множество людей, возрадовася радостию и обвеселися сердцем, урядив коемуждо полку воеводу, а себе приим Князи Белозерскіие, храбр ибо суть в ратное время; а брату своему Князю Владиміру даст Ярославскіе Князи; с правую же руку себе урядив брата своего Князя Владиміра Андреевича, а с левую руку себе уряди Князя Глеба Брянскаго; передовой же полк Димитрий Всеволож, да Володимир брат его. Коломенскаго же полку воевода Микула Васильевич, Володимерскаго же полку воевода Тимофей Волуевич. Костромскаго полку воевода Иван Родионович Квашня. Переславский воевода Андрей Серкизов. У Князя Владимира воевода Данило Белевут, да Констянтин Кононович, Мещерской воевода Князь Федор Елецкий, Муромский же Князи Юрий и Князь Андрей. Князь же Великий Димитрий Иванович урядив полки и повеле за Оку реку возитися. Заповедав же всякому человеку, и рече: «Кто же ни пойдет по земли Рязанской и по улусом, да никто же не притknется ни ко единому власу, в земле их». Сам же взем благо-

словение от Епископа Коломенскаго и перевезеся Оку реку и посла трех сторожей, избранных витязей, и рече им: «Нелны своима очима видетися с Татарскими полками». А посла Семена Мелика, да Игнатия Креня, Фому Тинина, Петра Юрскаго, Карпа Алексина, Петрушу Чюрикова и иных многих с ними, а посла и рече Князь Великій брату своему Князю Владиміру: «Поспешим, братіе, противу безбожных сил, не утулим лица своего от поганых; аще смерть случится нам, тамо дома живучи едина кому умрети же: от смерти бо, братіе, не избыти». Всяк же идый путем, призывая и Бога на помощь, и сродники своя Русскіе Князи Бориса и Глеба.

Слышав же то Князь Олег Рязанскій, что Князь Димитрій Иванович собра многи рати, и иде во сретение безбожному Царю Мамаю, а сердцем неупално и твердою своею верою крепко хощет с погаными видетися, имея упование на Бога вседержителя. Князь Олег Рязанскій нача преходити от места на место и глаголати со всеми бояры: «Начальному делу неудобь бытии разумну, аще бо мощно послати ко многоразумному Олгерду таковаго вестника, како мыслити нам; уже бо заступили пути наша; но аз убо по правилом чаях, яко же не подобает великому царю Русскому противу безбожному царю ити. Ныне убо что се сдумал? Откуду себе помощи чаяти имам, яко противу трех нас вооружился?» И рекоша ему бояре его: «Мы слышахом, Княже, за осмь дней до сего дни и не смели тебе поведати. Сказывают, есть в вотчине его калугер, именем Сергій, и свят и прозорлив вельми: той-де его благословил и вооружил противу нам, да еще де и от своих калугер дал ему пособника». Слышав же то Князь Олег Рязанскій, устрашися сердцем и распадеся мыслию, нача молитися Бога и сердитовати на бояре своя: «Почто ми есте преже сего дни не сказали, дабы шед умолил нечестиваго царя, ничтоже бо зла сотворил Русской земле; но изгубих ум свой и не аз един оскудех умом: боле меня есть Олгерд: и тот ся продумал; с меня же боле его Бог взыщет. Он бо имеет закон гугниваго Петра, аз же разумех истинныя веры закон, но что ради зло сотворих, того бо ради рече: Аще раб не соблюдет заповеди

Господина своего, то биен будет. Ныне же убо аз что сотворих и которому худому уму вдах себе? Ныне убо что сдумаете ми? Приложил бы ся к Великому Князю и поборал бы по нем: то отнюду не примет мя; ведает бо мою измену. Аще приложуся царю: то по истине древний гонитель буду на православную веру Христову, яко же иногда Святополка земля жива пожрет мя. Аще ли Господь по них: то кто может зло думати на них? Но и еще молитва онаго прозорливаго мниха к Богу. Или ни единому помощи не сотворю: то впереди како могу от обоих прожити? Ныне же кому Господь поможет, к тому присягу имею». Олгерд же по уреченному словеси и уроку совокупи Литвы много и Жемоги иже многии и пойде на помощь к Мамаю царю, прииде же в Одоев. И слышав, яко Олег убоявся итти; Олгерд же пребысть в Одоев; не подвижеся нигде же и нача размышляти суетные свои помыслы и видев совокупление свое разно, нача рватися и сердитовати, и нача имати паны своя: елико недостоит человеку своего ума и мудрости, то всуе требовати чужаго ума мудрости. «Николиже Литва хулима от Рязани. Ныне же изведе мя от ума Олег Рязанский, а сам преже мене погибе. Ныне убо пребуду зде, доидеже услышу победу Князя Димитрия Московскаго». В то же время слышав Князь Андрей Половецкий и Князь Димитрий Ярославский Олгердовичи, что велико належание Князю Димитрію Московскому належит от безбожнаго Царя Мамая, и рече Князь Андрей Олгердович: «Идем и мы с братом своим к Великому Князю Димитрію на помощь». И писав грамоту к брату своему Князю Дмитрію: «Веси ли, брате мой милый, отколе отец наш отверзе от себя, но паче Отец наш небесный присвои нас к себе и даст нам Господь закон свой ходити по нем, отреши нас пустошныя суеты, и что воздадим ему противу таковаго дарования. Скончаем, брате, подвиг добро подвижнику Христову. Но пойдем, брате, на помощь к Великому Князю Московскому: велика бо ему брате, туга належит от поганых Татар; но еще и отец наш поборает по них. А Олег Рязанскій приводит их на Русь; нам же подобает пророчество совершити: братіе, пособницы бывайте в бедах; мы же, братіе, то помыслим, что

нам отцу противитися. Евангелист Лука рече усты Спасителя нашего: предани будут дети родительми своими на смерть, и братіею своею и умертвят, имяни моего ради; претерпевый до конца, той спасен будет. Но излезем, братіе, от плавающаго терния сего и подавляющаго нас и присадимся истинному винограду плодовитому и християнскому, детельному рукою Христовою. Ныне убо подвизаемся, братіе». Прочет же Князь Димитрій грамоту и нача плакатися от радости сердца своего и рече: «Господи и Владыко животу моему, дай же, Господи, рабом своим хотение совершити всем почетнем подвига добраго, еже открыл еси брату моему, своему Князю Андрею: днесь, Господине, готовь есми по твоему наказанию и колико есть воинства моего, готови вкупе со мною. Божиим промыслом совокуплении быша иные люди брани деля належащия от Дунайских Варяг. Ныне же слышах, братіе, приидох бо ко мне медокормцы с севера и кажут уже Великаго Князя Димитрія Ивановича быти на Дону, яко ту уже день пребысть, и ту уже день пребысть, и ту хощет ждати сыроядец злых; и подобает ти итти к северу, и совокупимся ту под коим путем отца своего утаимся, да не возбранится нам трудно».

По малех же днех, снидошася к желанию два брата со всеми силами своими и силу свою видевше, возрадовашеся, яко же Іосиф с Веньямином. Видевше у себе множество людей и единосердечно уряжение, яко нарочитые суть ратницы, приспеша же на Дон вборзе и наехаша Великаго Князя у Дону на брезе стояща: и ту совокупишася велицые Князи. Князь же Великій Димитрій с братом своим вельми возрадовашеся великой силе Божии, яко неудобь быти мочно таковому востанию, яко дети оставиша отца и поругашеся ему, яко же иногда волсви Ироду. Князь же Великій Димитрій многими дарами почтив их, идяху в путь свой, радующеся и веселящеся о святем дусе, земнаго же ничто же помышляюще, но всего отвергошася, чающе себе иного времяни. Рече бо им Князь Димитрий Иванович: «Братія милая, коея ради потребы приидоша ко мне; воистину есте ревнители отца нашего Авраама, яко тайны Лотовы вскоре испыта и подобни есте доблественному

Великому Князю Ярославу, яко той есть отмсти обиду вскоре брату своему». И отослав Князь Великій ко Преосвященному Митрополиту, и рече: «Олгердовичи приидоша ко мне на пособь со многими силами, отца своего оставиша поруганна». Скороже вестник приехал ко Преосвященному Митрополиту Кипріяну. Митрополит став пред образом Господним и прослезився от радости, нача молитву творити: «Господи владыко человеколюбче, яко сопротивники наши ветри на тишину предлагаеши». И постав во вся соборы церковные и во обители святыя, повел молитвы творити день и нощь; борзее всех посла во обитель игумена Сергія, яко Ангели молитв их послушают. Княгиня же Великая Евдокія слышавше толико Божие милосердие и много молитвы сотвориша убогим; сама же непрестанно ходяще в церкви день и нощь. Но се паки оставим. Князь же Великій быв на месте реченном Березе, приспевшу же дни четвертку, на память святаго Пророка Захарія, Сентября в 5 день на память сродника своего убиения Князя Глеба Владиміровича, приехаша два от сторожей Петр Горский, да Карп Олексин и приведоша язык нарочит, яко от вельмож тех царевых; той же язык поведа Великому Князю, яко уже Царь на Кузмине гате, но ожидает Олега Рязанскаго и Олгерда Литовскаго, твоего же собрания и сретения Царь не знает; а три дни имает быти на Дону. Князь же Великий вопроси о силе его. Он же рече: «Несть мощно никому же исчести силы его». Князь же Великій нача думати с братом своим и с новореченною братіею с Литовскими Князи: зде ли нам пребыти, или Дон перевеземся? И рекоша ему Олгердовичи: «Аще хощеши крепкаго бою, то повели сего дни реку возитися, да не будет ти ни единаго мыслящаго назад; всяк бьется везо льсти; а велицей силе его речем несть веровати, яко не в силе Бог, но в правде. Ярослав перевезеся реку, Святополка поведи и прадед твой Александр Князь перевезеся реку, Короля победи. И ты, нарек Бога, такоже твори. Аще побием поганых, то все живи будем. Аще ли они нас побиют, то все же общую смерть примем от простых людей и до князей. Мы убо, господине, видим, яко множество избранных витязь в войску твоем».

Князь же Великій повел вою своему Дон возитися: сторожи же мнози ускаривают, яко ближутся Татарове. Мнози же Русскіе удальцы возрадовалися, зря своего желаннаго подвига, его же на Руси вжелеша. За многие же дни приидоша на то место мнози волцы, по вся нощи воют непрестанно: гроза бо велика есть слышати, храбрым полком сердца утвержает, и мнози ворони собрашася, необычно неумолкающе грают, галицы же своею речью говорят и мнози орли от усть Дону приспеша, лисицы на кости брешут, ждучи дни грознаго, Богом изволеннаго, в оньже имать пастися множества трупа человеческаго и кровопролития, аки морским водам. От таковаго страха и от великия грозы дерева приклоняются и трава постилается, и много обоих унывает, видящее пред очима смерть. Погании же начаша студом омрачатися о погибели живота своего, правовернии же человецы паче процветоша, чающе оного совершеннаго обетования и прекрасных венец от Христа Бога Вседержителя, о них же поведа преподобный старец. Вестницы же ускоряют, яко ближат погании; уже бо напрасно прибеже 7 сторожей, в 6 часу дни в субботу, прибеже Семен Мелик с дружиною своею и за ним гнашеся мнози от Татар и то напрасно и бесстудно гонишася, олно о полцы Великаго Князя. Видевше же полцы, возвратишася скоро ко царю, и поведаша ему: Русскіе Князи ополчишася при Дону многое множество людей, сколько же видеша, а царю в четверо боле того поведаша. Он же нечестивый разжен бысть диаволом, напрасно крикнув и рече: «Коль велика сила моя, аще сего не одолею, то како могу возвратитися во свояси». И повел напрасно вооружатися. Семен же Мелик поведает Великому Князю: «Яко уже царь бредет на Гусину броду; уже бо одна нощь между их полки и наши, да подобает тебе Великому Князю вооружатися сего дни: утре бо рано ускорят на нас Татарове».

Князь же Великій Димитрій Иванович с братом своим Князем Владиміром Андреевичем, с новонареченною братіею с Литовскими Князи нача от шестаго часа полцы уряживати. Есть же некто воевода прииде с Литовскими Князи именем Дмитрий Бобров, родом Волынец; и тот бе нарочи-

тый воевода и полководец вельми, по достоянию полцы урядив, елико где кому подобает по достоянию быти. Князь же Великій поим брата своего Князя Владиміра и Литовскіе Князи и воеводы и вся местныя Князи, выеха на высокое место и виде образ святый же Іисус воображен християнским знамением, аки солнце светящеся и стязи ревут наволочении простирающеся, аки облацы тихо трепещущи, хоругви аки живи пашутся, а доспеси Русскіе, аки воды во вся ветри колыблются, шеломы на главах их златом украшены, аки утренняя заря во время ведряна солнца светящеся, ловцы же шеломов их, аки пламя огневно пашется. Мысленно бо есть видети, ужасно зрети таковых Русских Князей, и их удальных детей боярских собрания и учреждения. Удивишася же Литовскіе Князи, ркучи: «Ни есть быти достойну при нас, ни преже нас, ни по нас таковому воинству: много бо множество есть, якоже Гедеоновых союзниц, но и боле того есть: Господь Бог силою своею вооруже их». Князь же Великій Димитрій Иванович, видев полки своя достойно уряжены, обвеселися сердцем, и сшед с коня паде на колено прямо великому полку и черному знамению, на немже бе воображен образ Владыки нашего Іисуса Христа, и нача из глубины сердца звати велегласно: «О владыко Господи Вседержителю, виждь смотреливым оком на люди своя, иже твоею рукою сотворени суть и внуши, Господи, глас молитвы моея, обрати, Господи, лице свое на нечестивых с яростию, иже злая творят рабом твоим». И ина ему много глаголющу и молящеся.

Скончав же молитву и седе на конь, нача ездити по полком со Князи и с воеводами и коемуждо полку рече: «Братія моя милая, Русскія сынове, от мала и до велика! уже бо нощь приспе, а день приближися грозный, всю же нощь бдите и молитеся, мужайтеся и крепитеся. Силен бо во брани Господь и пребудите на местех своих, немятущеся. Утре бо не поспети тако урядитися. Мір вам да будет, братия моя: утре бо ускоряют на нас Татарове, а мы вси готови будем противу их». Брата же своего Князя Владиміра Андреевича отпусти в верх по Дону и с ним отпусти известнаго воеводу Димитрія Бобра

Волынскаго. Уже есть быть противу светоноснаго дни праздник Роджества святей Богородицы; осени же тогда одолжившеся днем летним. И бысть же теплота и тихость в нощи той и мрацы роснии являшеся. Поистине бо рече: нощь несветла неверным, верным же просвещение. Рече же Дмитрій Волынец Великому Князю примету: «Войску же бо вечерняя заря потухла». Димитрій же седе на конь свой, поим с собою Великаго Князя, выехав на поле Куликово и став посреде обоих полков, обратився на полки Татарские, слышах стук велки и крик, аки торзи снимаются, аки городы ставят, трубы гласяще. И бысть же назади Татарских полков волцы воют вельми грозно, по правой же стране их вороны и галицы беспрестанно кричаше; и бысть велик трепет, птицам прелетающим от места на место, аки горам и грающе, противу же им на реце на Непрядве гуси, и лебеди и утята крилами плещут необычно и велику грозу подают. Рече же Волынец великому Князю: «Что еси, Господине Княже, слышав?» И рече Князь Великий: «Слышах, брате, гроза велика есть». И рече Волынец: «Обратишеся, Князь же, на полки Русские». И яко же обратишася и бысть тихость велика. Волынец же рече Великому Князю: «Что еси, Господине, слышал?» Он же рече: «Ничто же, брате слышати, но токмо видехом от множества огней зари имашася». И рече Димитрій Волынец: «Княже Господине, добра суть примета и знамения! Призывай Бога небеснаго и не оскудевай верою». И паки рече: «Еще ми примета есть». Сшед с коня, и паде на землю на правое ухо, предлежа на долг час и став абіе пониче. И рече ему Князь Великій: «Что есть, брате, примета?» Он же не хоте сказати ему. Князь же Великій нудив его добре. Он же рече ему: «Едина ти есть на пользу, другая скорбная: слышах землю плачущуся на двое, едина страна аки некая жена плачущеся чад своих Еллинским языком, другая же страна, аки некая девица, просопе аки в свирель, едина плачевным гласом. Аз уже множество тех примет испытах сего ради надеюся на Бога и на святых мучеников Бориса и Глеба, сродников ваших. Аз чаю победы на поганых, а християн множество падет». Слышав же то Князь Великій, прослезився, рече: «Да будет

воля державе Господне». И рече ему Волынец: «Неподобает ти, Государю, того никому в полцех поведати, но комуждо молити Бога вели, и святых его на помощь призывати».

В ту же нощь некто муж еиер разбойник, именем Фома Хаберцеев поставлен сторожем от Великаго Князя, муж Роден, а поставлен на крепку сторожу от поганых; сего же человека уверяя Бог и откры ему видение в нощи: той видев на высоце облак изрядно идяше от востока, из него же изыдоша два юноши светлы, имуще во обоих руках мечи остры и ркуще полковниками: «Кто вам повеле требити отечество наше: нам бо дарова Господь». И наехаша их сечи. Оттолеже уверен бысть человек той, и нача быти целомудр. На утрии же победа Великому Князю единому. Он же рече ему: «Никомуж сего поведай. Сам же воздев руце на небо и пача молитися глаголя: «Господи владыко, человеколюбче, молитвою святых мученик Бориса и Глеба, помози Господи, яко Моисею на Аммалика и Давиду на Голияфа и первому Ярославу на Святополка и прадеду моему, Великому Князю Александру на хвалящагося Короля Римскаго. Воздай же ми Господи, не по грехом моим; но излей на ны милость свою, и просвети нас благоутробием твоим, да не порадуются врази наши в нас и не рекут во странах верных: где есть Бог их, на него же уповаша?»

Приспевже Сентябрія великому празднику и начальному дни спасения роду християнскому Роджеству святей Богородицы, светающеся Христову Воскресению светлому и восходящу солнцу, бывше же утра того мгла: начаша гласы трубныя от обоих стран сниматися. Татарскія же трубы аки онемеша, Русскія же паче утвердишася: полцы же еще невидятся, занеже утро мгляно, но вельми земля стонет, а ту грозу подает на восток до моря, на запад же до Дуная. Поле же Куликово прегибающеся, вострепеташа лузи и болота, реки же и озера из мест своих выступиша: но николи же убо толиким полком бытии на месте том. Великому же Князю преседающе на борзом коне и едущу по полком своим и глаголюще полковником: «Отцы и братия, Господа ради, подвизайтеся и святых ради церквей и веры христянския: сия бо смерть несть в смерть, но живот веч-

ный, да ничто же братия земнаго не желайте, да венцы победными увяземся от Христа Бога Спаса нашего». Утвердив же полки Русскіе, и паки прииде под свое черное знамение и сниде с коня на иный конь, совлачая с себя приволоку царскую и во иную облечеся, тот же конь даст под Михайла под Андреевича под Бренка, и ту приволоку на него же облече, иже бе ему любим паче меры. И то знамя повеле рынде своему возити перед ним; под тем же знаменем и убиен бысть за Великаго Князя. Князь же Великій став на месте своем, и воздев руце свои на небо и вложи в недра своя, в них же бе живоносный крест, на нем же бе воображены страстни Христовы, и рече во умилении сердца: «Тебе уже надеюся конечное живоносному кресту, иже сим образом явися православному Греческому Царю Константину и дал еси на брань сию сущу победу. Не могут бо обрезаніи человецы противу образу твоему стояти. Такоже и ныне удиви, Господи, милость свою на нас». В тоже время принесоша грамоту от преподобнаго Игумена Сергія, в ней же написано есть: «Великому Князю и всем Русским Князем мир и благословение всему православному воинству». Князь же Великий слышав писание от преподобнаго старца и целовав посланника того любезно. Тем же писанием аки некими бронями твердыми укрепися, и еще даст ему старец дар посланный от Игумена Сергія святый хлебец Пречистыя Богоматери. Князь же Великій снед хлебец святый, и простер руце свои на небо, возопи велегласно: «О велико имя Святыя Троицы! Пресвятая Богородице, помогай нам твоими молитвами и преподобнаго Игумена Сергия». Приим же конь свой крепко и взем палицу свою железную, подвизався из полку вон, восхоте преже сам начати от горести душа своея. Мнозиже Князи Русскіе и воеводы удержаша его, глаголюще: «Не подобает тебе Великому Князю самому и в полку бытии, подобает тебе особе полком стояти и нас расмотряти то пред кем нам явитися бьющеся, егда упасет Господь тебя Государя и Великаго Князя; а нам что случит Бог кому смерть или живот, и ты почему хощеши разумети, как кого чтити и жаловати. Мы вси готови есми Государь головы своя сложити за тебя, Государя Великаго Князя. Тебе же

Государю подобает памяти творити, кто сложит голову свою и в книги соборныя писати, памяти деля, Русских сынов, иже по нас будут, якоже Олентий Царь Феодору Тигону памяти творил. Аще ли тебя единаго изгубим: то от кого памяти чаем, аще все живи есмь, а тебя изгубим: то кий успех будет нам, аки стада овча, неймуще пастыря, учнем волочитися, ни на что же взирая, пришед же волцы и распудят нас, и кто хощет спасти нас. Тебе Государю подобает спасти себя и нас». Князь же Великій рече им: «Братія моя милая, добры ваши речи, немогу вам противу отвещати: известно бо глаголете, токмо же и о словесех ваших похвалю вас, кто бо боле мене был в нас в Русских Князех? Но аз был вам глава, и всегда преже вас благая восприях. И ныне також преже вас хощу почати: благая от Бога приях, а злых ли не могу терпети? Мене бо ради всякие собранные на Русь воздвигошася и како могу видети вас погибаемых, а сам стояти; прочее к тому не терплю, да общую чашу имам пити с вами. Аще ли умру, вместе с вами, аще ли жив буду, вместе с вами же». Передовые же полки ведет Димитрій Всеволож, а с правую руку ему идет Николай Васильевич со многими людьми. Поганіи же бредут оба пол, негде бо им раступитися, мало есть места им. Безбожный же царь Мамай выеха на высоко место с темными своими князи, зря пролитие человеческия крови. Уже бо близ себе сходишася и выедет же Печенег сзади из полку Татарскаго, предо всеми мужествова, похваляясь и храбруя, подобен бысть древному Голіяфу. Видев же его Пересвет чернец, иже бе в полку у Димитрія Всеволожа и двигся из полку вон, рече: се человек иже себе подобна ищет, аз же хощу с ним видетися. Бе же шелом на главе его Архангельскаго образа вооружен схимою, по повелению Игумена Сергія. И рече: Отцы и братия, простите мя грешнаго и, брате, Ослабя, моли за мя Бога; Преподобне отче Игумен Сергій, помогай ми молитвою своею. И устремися противу ему. Христіяне же вси кликнуша: Боже помози рабу своему. Они же ударишася копья, едва удержашеся, что непреломишеся земля под ними, кони же их на корачни падоша. Они же оба спадоша с коней на землю, ту и скончашася. Наставшу же второму часу дни, видев же то

Князь Великій и рече своим полковником: «Видите, братія, гости наша ближутся, уже бо время приближися и час приспе». Удариша кождо по коню своему и крикнуша вси единогласно: «Боже христіянский, помози нам!» Татарове же скликнуша своими языки, и крепко ступишася: треснуша копия харалужная, звенят доспехи злаченные, стучат щиты черленые, гремят мечи булатные и блистаются сабли и много напрасно бьющеся нетокмо оружием биющеся, но и сами о себя избивахуся и под конскими ногами умираху, от великия тесноты задыхахуся, яко немощно бе вместитися им. На поле Куликове между Доном и Мечею сильни полки иступишася, из них же вытекают кровавые ручьи и трепетали силніи молніе от облистания мечнаго и от саблий булатных, и бысть, яко гром от копейнаго сломленія. Страшно бо есть видети сего грознаго часа смертнаго во едином часе и в мгновении ока. Околико тысящ человек погибает создания Божія! Воля бо Господня совершается. В тоже время тутошныя реки мутно пошли, вострепеташа лузи и болота, езера выступиша из мест своих, протопташеся холми высоко, траву же кровию подмывало, льющеся крове маки речны быстринам на все страны. До пятаго часа бьющеся неослабеющу, 6-му же часу наставшу, Божіим попущением, а наших ради грехов, начаша одолевати погании: мнози бо от вельмож Русских побиени суть, и Русскіе удальцы побиени суть, аки силнии древа сломишася. Не турове возревеша, возревноваша мнози удальцы урывающеся на землю под конския копыта, и мнози же сынове Рустіи сотрошася. Самого же Великаго Князя вельми уязвиша; он же уклонися с коня и соиде с побоища едва могий. Татарове же мнози стязи Великаго Князя подсекоша, но Божиею силою до конца неистребишася, паче крепишася. Яко же 6-му часу минующе погаши же всюду задойша и около християн обступиша Татарове. Уже бо мало есть полков християнских: все полки Татарские. Видев же то Князь Володимір Андреевич, не могий победы терпети. И рече Димитрию Волынцу: «Брате Димитрій, что убо пользует наше стояние, да кому хощем помощи?» И рече ему Димитрій Волынец: «Беда велика, Княже; не уже бо еще пришла година. Начиная бо без

времени, беду себе пріемлем. Мало убо потерпим, вон же час имам вдазие отдати противником; токмо ныне призывайте Бога и ждите осмаго часа, вон же имать быти благодать Божия и христіянская помощь». Князь же Владимір Андреевич воздев руце свои на небо и рече: «Боже отец наших, сотворивый небо и землю! Не дай же, Господи, порадоватися врагом нашим о нас!» Сынове же Русскіе в полку его плачущеся, видяще други своя побиваеми, непрестанно порывающеся, аки званные на брак сладкаго вина пити. Лепо бо есть в то время и стару помолодитися, а молоду храбрости испытати. Волынец же возбраняше им, рече: «Мало пождите, буянии сынове Рустіи, есть бо вам еще с кем утешитися, пити и веселитися!» – Приспевшу же осмому часу и повея ветрец южный позади их. Возопи же Волынец гласом великим, и рече: «Князь Владимір, время прииде и час приспе. И паки рече: дерзайте, братия и други, сила бо Святаго Духа помогает нам». И выедоша из дубравы единомысленные други, аки соколы испущени, и ударишася на стада журавлина. И тако стязи направлени крепким воеводою; бяху бо яко отроцы Давидови, им же сердца быша аки львом, и аки на овча стада ударишася напрасно. Погании же видевше и крикнуша глаголющее: «Увы нам, паки Русь нас умудриша! Худшие же с нами бишася, и лутчие соблюдошася». И обратишася погании, даша плещи своя. Сынове же Русскіе силою Святаго Духа бьяху их и помощию святых мученик Бориса и Глеба, аки лес клоняху, аки трава от косы постилается, Русскими мечи секутся Татарскія же полки. Бежаша же Татарове, глаголюще своими языки: «Увы и тебе честный царю Мамаю! Высоко вознесеся еси, и до ада сшел еси!» – Мнози же и уязвении наших помогаху, секуще без милости, ни единому же их не могущу убежати, понеже кони их истомишася. Мамай же царь видев напрасно своих побиваемых и нача призывати боги своя: Перуна, Савана, Тамокоша, Раклія, Гурса и великаго своего помощника Ахмета. И не бысть ему ничто же помощи от них: сила бо Святаго Духа аки огнем пожигает их. Мамай же царь рече евпатом своим: «Побегнем, братія, ничто же убо добра чаяти имам, хотя, братіе, головы своя унесем». Абіе побеже с

четырьмя мужа. Мнози же от християн гонишася за ним, но кони их не одолеша; цели бо кони под ними, яко не быша на бою. Возвратижеся и обрете трупия мертвых Татар об он страну реки Непрядви, идеже не быша Русскіе полки. Сия бо биты суть от святых мученик Бориса и Глеба, о них же провиде Фома Хаберцеев. Иные же удалые люди гонишася; егда всех доступиша, токмо царь Мамай убеже с четырьми мужи и возвращахужеся Русскіе сынове койждо под знамя свое.

Князь же Владимір Андреевич, став на костех под черным знамением, и не обрете Князя Димитрія Ивановича брата своего, и повеле собранною трубою трубити, и жда часа, не обрете Великаго Князя, нача плакатися и по полком ездити, глаголати: «Братия, кто видел или слышал есть Государя своего Князя Димитрія? Се бо, братіе, подобно яко же писано есть: поражен пастырь и разыдутся овцы. Кому сия честь довлеет?» И рекоша Литовскіе Князи: «Мы чаем, яко жив есть, но уязвлен вельми, егда во трупе будет; а иной рече: аз видех его в пятый час бьющеся крепко; а иной рече: аз видех его, еще позднее того бьющеся, но четыре Татарина належаху ему». Некто же Юрьевской юноша Князь Стефан Новоселской ту стоя, рече: «Аз видех его пред самым твоим приездом, пеша по побоищу идуща, и уязвлена вельми, и еще ему стужают четыре Татарина, аз же бился с Татарином и помощию Божиею борзо победих его и погнахся за теми, иже стужают Великому Князю: немощно бо бе борзо гонитися, неможе конь итти по трупу человечю борзо. Но сугонив Татарина убил, три же их на мя нападоша много ми стужаху, и по милости Божии два от них убих, третий же побежа. Аз же гнахся и за тем. Узрев же иные Татарове наехаша на мя, и многими стужиша и раны многи нанесоша ми, крепко от них пострадах, едва избых от них, и в трупу пребых дондеже ты приспе». Рече же ему Князь Владимір Андреевич: «Известно есть, брате Стефане, видение твое; аще кто ныне обрящет Великаго Князя, поистине честен будет». Нарочитые же отроцы рассунушася по великому грозному побоищу, ищуще победителя. Овии же нандоша Михайла Андреевича Бренка, и чаяше Великим Князем; а иные наехаша Князя Федора Семеновича

Белозерскаго, чающее Великим Князем. Два же воина, великие витязи, уклонишася на десную страну в дубраву, единаго зовут Сабуром, а другой Григорій Хлопищев, родом же оба Костромичи; мало же выехав с побоища, наехаша Великаго Князя бита вельми и сечена отдыхающа под посеченным древом под березою. Видевше же его, скочиша с коней и поклонишася ему с радостию; Сабур же возвратися и поведа Великому Князю Владиміру Андреевичу: «Князь Великій Димитрій Иванович здравит и во веки царствует». Вси же князи и бояре скоро сунушася, скочиша с коней и поклонишася Великому Князю, глаголюще: «Наше древо Ярославле, новый Александре, сия победа тебе Государю честь поведается!» Князь Василій едва нуждею промолвил, рече: «Поведайте ми победу сию!» Рече же брат его Князь Владимир Андреевич: «По милости Божией и Пречистыя его Матери, молитвами и помощию сродник наших Бориса и Глеба, молением Русскаго Святителя Петра и его способника Игумена Сергія, и всех тех святых молитвами, супостати наши побеждени суть, а мы спасохомся». Слышав же то Князь Великій, став на нозе свои, и рече: «Сей день сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся вон». И приведоша ему конь кроток. Он же иная многая рече со князи и сед на конь и выехав на побоище, видев многое множество бито воинства своего, а поганых в четверо того боле битых. Обратився к Волынцу и рече: «Брате Димитрій, воистинну разумлив еси, и неложна примета твоя! Подобает ти всегда быти воеводою». И нача с братом своим и с новонареченною братіею, с Литовскіми Князи, и с иными оставшими ездити по побоищу, а сердцем кричаше и слезами умываяся, наехал на место, идеже лежат Князи Белозерскіи вси вкупе посечени и ту лежит близ Микула Васильевич. Над ним же став Государь, проплакав и рече: «Братія моя, Князи Русскіе, аще имате дерзновение ко Господу, молитеся и о нас, да вкупе с вами будем!» И паки на иное место приеде, найде своего наперстника Михайла Андреевича Бренка и близ его Семена Мелика крепкаго сторожа, близ его Тимофей Валуевич и тутo же близ Пересвет черенец близ нарочитаго богатыря лежаща. Видев же его Князь Великій рече: «Видите, братіе,

своего починальника! Той победи подобна себе человека, от него же было пити многим горкую чашу».

Стояв же Князь Великій за Доном 50 дней, доидеже разобраша христіянская телеса с нечестивыми; христіяне же похраниша, колко успеша, а нечестивіи повержени зверем на расхищеніе. Поганому царю Мамаю отселе сбежавшу и добеже, идеже есть град Кафа; имя же свое потаил бяше и познан бысть некоим гостем купцем Фряжским, ту и убиен; удальцы восплескаше в Татарских узорочиях, везучи во землю уюсы и насычи бугай коне и волы и вельблюды, меды и вина и сахари! Предвознесеся слава Русская над поганых землею, ревут рози великаго Князя по всем землям. Пойде по всем градом ко Оргачу Криму к Кафе к железным вратом, ко Царю граду на похвалу: Русь поганых одолеша на поле Куликов, на речке на Непрядве. Воздадим хвалу Русской земле. Кой град глава всем градом, Володимір и Ростов, хвалу воздают Богу со всеми грады. Прославлю милость Божию во веки веков. Аминь.

ГЛАВНЫЕ СОЧИНЕНИЯ И. П. САХАРОВА

История общественного образования Тульской губ. (М., 1832);

Сказания русского народа (М., 1836–37; 2 изд., 1837; 3 изд., Спб., 1841–49);

Путешествия русских людей в чужие земли (Спб., 1837; 2 изд., 1839);

Песни русского народа (Спб., 1838–39);

Писатели Тульской губ. (Спб., 1838);

Славянорусские рукописи (Спб., 1839);

Русские народные сказки (Спб., 1841);

Записки русских людей (Спб., 1841);

Русские древние памятники (Спб., 1842);

Исследования о русском иконописании (Спб., 1849);

Обозрение славянорусской библиографии (Спб., 1849);

Записка для обозрения русских древностей (Спб., 1851);

Записка о русских гербах. I. Московский герб (Спб., 1856).

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ 5

Русские святки 7
Варианты святочных песен 46
Сравнительные песни 58
Примечания 64

Русские хороводные песни 69
Варианты хороводных песен 126
Сравнения хороводных песен 197
Примечания 208

Русские плясовые песни 225
Варианты плясовых песен 271

Русские свадебные песни 288
Сравнения свадебных песен 464
Варианты свадебных песен 481

Русские семейные песни 572

Русские разгульные песни 608

Русские удалые песни 638

Русские солдатские песни 659

Русские казацкие песни 672

Русские исторические песни 712

Русские обрядные песни 730

Русские колыбельные песни 742
Сравнения 748

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 781

Былины русских людей 783

Добрыня Никитич 783

Илья Муромец 803

Василий Буслаев 809

Алеша Попович 826

Соловей Будимирович 835

Иван гостиной сын 843

Чурила Пленкович 847

«Слово о полку Игореве» 854

Сказание о нашествии Батыя на Русскую землю 865

Слово Даниила Заточника 883

Сказание о Мамаевом побоище 890

ГЛАВНЫЕ СОЧИНЕНИЯ И. П. САХАРОВА 918

Институт русской цивилизации создан для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 14 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 110 томов).

Редактор Л. К. Молотилова
Корректор М. В. Зыкова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 29.04.2013 г. Формат 84 x 108 1/32.
Гарнитура «Times». Объем 22,9 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация *(вышел)*

Русское Православие в трех томах *(вышли)*

Русское государство *(вышел)*

Русский патриотизм *(вышел)*

Русское мировоззрение *(вышел)*

Русский образ жизни *(вышел)*

Русская география

Русское хозяйство *(вышел)*

Международные отношения

Национальные отношения

Русская литература *(вышел)*

Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*

Русская архитектура и скульптура

Русская живопись

Русский театр

Русская музыка

Русская наука

Русская школа

Русское воинство

Памятники Отечества

Русские за рубежом

Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.

Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добротолюбие, 752 с.
Кожинов В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.
Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.

Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.

Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
Очерки истории русской иконы, 592 с.
Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
Синодикъ или Куликовская битва в лицах, 736 с.
Русский государственный календарь, 728 с.
Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
Русская артель, 672 с.
Русская община, 1376 с.
Платонов О. А. Русский народ. История – Душа – Победы, 808 с.
Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.
Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.

Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Звенигородское шос., д. 4 (пав. «Детский мир на Пресне»), тел. 8(495)-788-41-48, podina@rw.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)